Иван Бунин

Ив. Шмелев

ПЕРЕПИСКА ДВУХ ИВАНОВ

*

(1947 — 1950)

И.А.ИЛЬИН

Собрание сочинений

И.А.ИЛЬИН

Собрание сочинений

Москва
«РУССКАЯ КНИГА»
2000

Иван Ильин

Ив. Шмелев.

ПЕРЕПИСКА ДВУХ ИВАНОВ

*

(1947 — 1950)

Москва
«РУССКАЯ КНИГА»
2000

УДК 1/14
ББК 87.3
И 46

Составление и комментарии
Ю. Т. Лисицы

Расшифровка
и текстологическая подготовка писем И. С. Шмелева,
именной указатель
О. В. Лисицы

Художник **Л. Ф. Шканов**

Ильин И. А.

И 46 Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1947 — 1950)/Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; Расшифр. и текстол. подгот. писем И. С. Шмелева, имен. указ. О. В. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. — М.: Русская книга, 2000. — 528 с.

В этом томе впервые публикуются письма И. А. Ильина и И. С. Шмелева из коллекции мичиганского Архива И. А. Ильина (США) периода 1947 — 1950 годов.

«Переписка двух Иванов» выходит в рамках Собрания сочинений И. А. Ильина.

ISBN 5 — 268 — 00488 — 3 **УДК 1/14**
ISBN 5 — 268 — 00486 — 0 **ББК 87.3**

ПИСЬМА

1947

441

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<6.I.1947>*

24. 12. 46. 7. 1. 47. Рождество Христово, канун, Сочельник.

Дорогие, милые, Наталия Николаевна,
Иван Александрович!..

С Праздником Рождества Христова! Желаю Вам здоровья, упований светлых осуществления. Да будет Лето Господне благоприятное!..

Творчество Ваше да творит в жизни! Я счастлив был узнать, что Милостию Божией здравы, что духовный напор не иссякает. А что творите — творите невидимо. Мне не раз выпадала радость встречать в близких мне душевно четкие знаки воздействия ученья Вашего, милый друг. Неотделимо от сего — чего (отделимости!) не мыслю! — духовное содружество светлого спутника Вашей жизни — чуткой Наталии Николаевны. Знаю я, какая внутренняя сила в таком содружестве. Ныне лишен сего. Но... это лишь в ощутимом, земном, Плане: **продолжается**. И сколько у меня знаменований этого!... Для духа — неразделимо, таинственное для тлена нашего воздействие, некая неуловимой земной мерой «святая сила».

Я — пока еще выстрадываю — **зону́**, — не зо́ну. Но, кажется, скоро ей наскучит... Каждый свободный час отдаю «Путям»[1]. Не щажу, кромсаю, отсекаю. И, кажется, — улучшаю, в пределах сил.

С «Л<етом> Г<осподним>» — пока взвешивается. Все придет в свое время. «О тьме и просветлении»[2] на днях переслал в Голландию.

Читатель радует живым откликом. Но — главное: еще слышу творческий голос в бренности моей, еще не иссякла воля ему повиноваться. Дождусь ли радости увидеть Ваши и мои новые книги в печати русской?!..

Был на днях Виген[3] с женой, — она очень милая, по нем! — о Вас говорили, вспоминали. Не вменяйте мне в самовольство и небрежение, что вынул «младенца» и послал — давно, изглажено! — О<льге> А<лександровне>[4]. По ее мольбе. А всего не посмел. Она же Ваши семена сеет, по мере сил.

«Путей» переписал 145 страниц, а получилось в новом виде — 80. Жестокая хирургическая дерзость, — во здравие. Да будет!

Пребудем же в надеждах. Уже где-то намекает, быть может, их проявление... А посему, воспоем: «Тебе кланятиси, Солнцу Правды...»[5]

С преддверием именинным. По-мню!..

Ваш Ив. Шмелев.

442

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<9.I.1946>*

9 янв. 1947

Дорогой друг!

С праздниками! С Новым Годом! Долой зону́! Да здравствует вдохновение! И *скоро*печатня Левинсон[6], не поспевающая за репродукцией Вашей продукции!

Сегодня пришло Ваше письмо от 7.I/24.XII. Спасибо!

О, доктора... О, швейцары... Во второй половине декабря, сделавши все анализы (от кардио-граммы до ... пердио-граммы) нашли, что ничего не нашли, кроме того, что есть; и что если бы что-нибудь было, то было бы не то, что оказалось, а нечто совсем другое по сравнению с тем, что нашли; и потому признали, что найденное соответствует ожиданиям больше, чем могло бы быть, если бы оно ожиданиям менее соответствовало, чем это оказалось на самом деле; что вследствие этого надо ожидать наступления естественных последствий констатированных причин в виде предусматриваемых симптомов органического характера. За этот «онаниз» (pardon — анализ) *счет в 120 швейц<арских> франков* и если бы не друзья, перехватившие этот счет для погашения оного, то пациент затонул бы срейде (pardon — на рейде) с про..инами (pardon — с пробоинами) по ватер (клозет) линии. Урра!

Теперь имею все основания и права мучиться дальше, как собака с перебитым хребтом. Ну как же не прогресс медицины?

Вчера уехало сальто «Самсонова сила, легкое перо!»

«Нетутошний план общения» — принимаю в полный серьез. Как — не понимаю! Да разве мы *вообще* что-нибудь понимаем? Мы *практикуем* не без успеха, не понимая, и сами себе подмигиваем, как якобы великие пониматели.

В гимназии говорили: «ага, понял, зачем козел хвост поднял?» — дальше этого мы и не пошли... атомщики... клистирщики... практическая академия коммерческих наук... и еще каких-то штук...

До свидания, дорогой. Фён тянет, спазма в голове — хоть мяукай... Мысли толпами — хороводами — гирляндами — а сядешь писать — спазма скрутит. А мне на Рождество кресло подарили — *трон!* — сам подпрыгивает и отрыгивает: для ми-но-са[7]! А не для моего носа... Обнимаю.

Ррррррр Sssssssssss

Долой Кандрюшку![8]

А почему — кресло?

Потому что я все эти годы работал на фортепианной тумбочке-вертушке, ни прислона, ни заслона, ни отслона, один «слон на бутылке» — как в цирке.

И скрипела она подо мной на всю квартиру (при каждом верхнем или нижнем вздохе!), как сорок тысяч братьев скрипеть не могут... Вот.

PS.

Скоро закончится переписка моего «Поющего Сердца». Держитесь! Тень (под землею): «Дер-жи-тесь!»

Pps

Как только сальто постучится, —
Друг, извести меня тотчас...
Авось мортальность не случится
И все опять сойдет у нас.

Ppps.

Это *третья* из кандрюшкиных.

Prppsss (от таких звуков, лошадь, бывало — на всю мостовую начинала...)

А *не* Кандрюшкины для Шмеля пока что накапливаются — не рассапливаются...

443

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<10.I.1947>***

10. I. 47.

Дорогой Иван Александрович,

Первое: спасибо, «на десятом не сдалась!»

Отдал «9»-го Вигену — без слов, по его же охоте, ему **нужно**. И так — могу terme'ить смело, 15-го с<его> м<есяца>. А это главное.

2-ое: Извещен, из париж<ско>го succurs<ale> «Colis Suisse»[9], что есть «коли»[10], но пока не принесли. Жду. От имени Ch. Bareiss[11]. Кланяюсь.

Сл<ава> Богу, **сыт**. «Язва» поутихомирилась. Но Zona — зони́т, на дн<ях> пойду к radio-стезисту: шарь!

3-ье: Шествую по «Путям». И цего зи я — исделал! Я-таки себе искотлетил, изомлетил, — подсушил, подтянул... 100 страниц переписал, вм<есто> прежн<их> 170. Работы еще на 20 дн<ей>. А там — бултыхнусь в 3-ью кн<игу>. Много стало ку-да ясней, для меня. Люблю кромсать и жать. Если можешь **лучше** — делай лучше. *Главки*, по 4 стран<ицы> в средн<ем>! Бегёт шустрей. А сцену «у Касьяныча на Зуше» — **нашел**. Изменил В<иктора> А<лексеевича> (фонтан!) — на 3/4 перевел в 3-ье лицо. Он меня все время зони́л! (Ввожу в сл<оварь> Даля.) Кузюмов перестроился и принял благоприст<ойный> вид: ждите жгучего нарастания трррагического! Даринька **обвитаминилась** и ее «папа-мама» стерлись: стала **горячей**. Сие и нужно. **Горячей** — когда действует в **своем** (воздухе): посему сцена с аплод<ирующим> (с — раком) — приобрела жизн<енную> яркость, и «поклон» — оправдание, без разжевывания прекраснодушным В<иктором> А<лексеевичем>[12].

4-ое: Святки... Дочего горит воображение! *Все* вижу... и вдыхаю «газовый» дух Б<ольшого> Т<еатра>. Снежок, чуть оттепель, ***овси́т*** извозч<ичья> лошаденка (в нос,

или извозчик)... «с полной либиритей на все святки!...» — мчит рядом б<о>л<ьшого> театра парень... Предвкушаю... Корша[13], с надпис<ью> над барх<атной> драп<ировкой> в занавесе: «feci quod potui — faciant meliora potentes»[14] (Овидий!) А дома — залив<ные> прасёнки, или жар<еные> с кашей! или — свинина варен<ая> с ледян<ыми> огурцами и пронзит<ельным> хреном! (Слышу, к<а>к черн<ый> (сладкий) хлеб пахнет)... Елкой пахнет... буду «сонник» читать, гадать по оракулю.

Па-тешу: Седок: «да что ты ее, капустой что ли кормишь?..» — «За-чем (извощик)... о-всом!» — «Да что ж она у тебя ... ?!..» — «Не-э, это я, барин...» — «O, sancta simplicitas!»[15]

Как бы хотел **латы-ни**!... Какое счастье! — милый Ходобай[16]!... «Absque, a, ab, abs *и* de, coram, clam, ex *и* e... sine, tonus, pro *и* pre»!...[17] «Цезаря» как любил!.. Для меня так все **пахло**!... О, сирень!... экзамены!.. а трава-то, трава... на проходн<ых> церк<овных> двориках! Желтики!...

Милые, целую.

Ваш «классик» И. Ш.

<Приписка:> Как счастлив, что Вы есте! что писать Вам еще 25 лет! *Все* сделаете. Да будет!!! А мне — спеши!

444

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<24.I.1947>***

24. 1. 47. «Ныне отпущаеши...» — 23. 1. 47, только что **отпустило...** от романа. Точка.

Дорогой Иван Александрович,

Давно не писал Вам, — замучил меня роман «П<ути> Н<ебесные>» — и *зона окаянная,* — свету не вижу (не скучает, стерва!), всю переписку запустил. Полтора месяца упорной работы... и — на-кой!.. Из 308 стр<а>н<иц> очистилось — 190!!!!! — вместо 48 глав стало... 54!!! Главки — по 3—4 стр<а>н<ицы> — роман — «скачет»... — много введено, а выкинуто столько, что «бедняку» хватило бы на 2 романа, да штук на 30 повестей-рассказиков. Но я достаточно богат, чтобы так швыряться... **Лучше** — ей-ей! — не могу. Проверил, промерил... — **не могу**!... Будто и доволен..? чуть, разве..?

Последней получкой покрыл «тэрм», — и вкатил же домохозяин в «шаржи»! Такое вписал за отопление, что... у-топление! и ахнул и о-хнул я... Но... «уповая на милосердие Божие... за два соленых огурца...» — «Ревиз<ор>»[18] — выкрутился. С «коли сюиз» вот что — пока! — вышло: ничего не вышло. Но... уповаю. Получил от париж<ского> посредника карточку, где — после уж разобрал! — было сказано, — «для вас «коли с<юиз>». И так неразборчиво вписано, что я со своим глазом не разобрал... Да и болел. Написал — «доставьте на квартиру». Через неделю поехал... — закрыта лавчонка! был понедельник. На мое п<ись>мо мне не ответили, и я не знаю, не отослали ли посылку назад. Завтра съезжу еще. А в той карте — разобрали мне, — было: «Понедельник, 6-го янв<аря> от 3 до 5 ч<асов>». Т. е. явиться за посылкой! А я еще и не выходил, болел.

Был Нерсессиан и обрадовал сообщением, что — «решение благоприятное, «Л<ето> Г<осподне>» **принято** издательством «Эдитёр-рэюни», — т. е. той же «Имка». Узнал как-то, виделся с кем-то из «Христ<ианского> Движ<ения>». Я поехал во вторник — 21 янв<аря>. Завед<ующий> делом издат<ельст>ва Крутиков мне сказал: «да, комиссия высказалась **за**... окончательно будет резолюция... завтра». «Богомолье» пока — отложено. Я понял из его слов, что «завтра» — Директор Андерсон скрепить должен. — ? Крут<иков>[19] обещал немедленно меня известить. Сегодня пятница — пока нет письма.

М<ожет> б<ыть> и будет удача... Но сейчас типография «забита», работают только 4 линотипн<ные> машины из 6, за нехваткой линотипистов... — типография — Гукасова «Наварр», — и не раньше 2-ой половины года приступят к набору! Так сказал Крут<ико>в, мой чита-тель. Говорят, он там всем крутит... — т. е. коммерческой частью. По его докладу — книга — очев<идно> обе части «Л<ета> Г<осподня>»? — «**требуется все время**, все эти годы», — все время заказы... и — «отказываем».

Ну, что Господь даст.

NB Пожалуйста, напишите: получили ли Вы «Говенье», для С<ан>-Франц<исского> сборника? Я давно послал, заказом.

Был у меня сын кн. Петра Дмитриевича Долгорукова[20], приехал с княгиней в П<ариж>, великими усилиями. Ни слуху — о князе! Очень приятное осталось от его посещения. Горячие мои читатели... — познакомился у меня с Вигеном. Я его в Крыму видал, мальчиком, лет 14. Теперь — инженер-лесовод, лет 40. Оч<ень> религиозный. Сидел в тюрьме у б<ольшевико>в, вы-пустили-таки, — в Праге. По его словам, ч<е>хи **теперь**... «раскусили», дочего же сла-дко!... О многих русских, арест<ованных> и куда-то увезенных — ни-чего. Канули. Уходя, сказал: «не помню, когда я **так** проводил вечер!..» Я был очень **ранен** пережитым и до сего переживаемым этой светлой семьей! я испытал такую «горькую нежность» к нему... ах, наша — условно — «молодежь»!.. — вот **такая**, как он, Виген... Сережа Субботин[21]... — и все больше **вижу**, **что** и ско-лько дали Вы ей... и как **лепили**!.. Он, Михаил Долгоруков, был бы **весь** Ваш. Да он **знает** Вас... Я постарался свести его с Вигеном. Прочитал им — четверка была, Виген был с женой и ее сестренкой, тоже милой, — из «Путей». Они были... да, **взяты**. В последней редакции прочитал... о «Миколе-Строгом» — рассказ Д<ариньки> о спасении на мосту, сцену поездки на мост и — в квартале... Видел я, в Праге, в 37 году, когда читал о Пушкине... **как** жили они где-то в бедной квартирке... **ка-ак** жи-ли!.. Это — **чистые** люди, чудесная семья! Такими оправдана Россия. Господи, сколько сил пропадает втуне! ждет срока... — именем Господа Ей служить.

Радует меня Виген: ах, закваска! Действует в рамках «христианск<ого> движения, русская сеть» — тщится вливать в юношество — чистое вино, родное. И... — часто бессилен: **нет** смены культурной, нет лекторов, — м<ожет> б<ыть> и **плана**... Но **есть...** е-эсть... — алчущие и жаждущие, **чистые**. Господи, убереги... направь, укрепи! Ах, милые... как **пусто** в этом... наби-том мире!.. Сказал мне Крутиков: «теперь ясно видно мне, как читатель русский тянется к книгам религиозно-философским!.. — очень ясно». Вижу — «Темные аллеи». Справился. «Слабо идет...» — «смеются... пора бы уж... кончить с **этим**... ста-а-рик!..» Из кожи не выпрыгнешь, — сказал я ему.

М<ожет> б<ыть> соглашусь читать в Аньере, в Казач<ьем> Музее, на вечере, устраиваем<ом> приходом для покупки владения, где церковь: нужно... 2 миллиона! Уповают. Ограничил чтение 20 минутами: буду читать облюбованное Вами — «Говенье». Остерегаюсь напряжения: после таких чтений обычно — «юльсэр» начинает орать.

Крупа где-то двигается... со скоростью сползающих глетчеров...

Приветствую Ваш трон! Вы дождетесь «курульного»[22]. И вспомнилось мне из Островского: «и сидел-то я не на стуле, а на кипе бумаг... и писал-то я не из чернильницы, а из старой помадной банки...»[23] Нежьтесь, милый... да-вно выслужили «почетное кресло Академии», — там ныне остались только кресла, и восседают на них... чьи-то **чресла**, чтобы славить «самого великого из ученых мира, Отца Народов[24]».

Я устал сверхмерно. Выправить и самому переписать — 190 стран<иц>, в 3 экз.! Посл<еднюю> главу я за эти два года переделывал раз 15! Работал, — послед<няя> редак<ция> — полтора месяца, по 10—12 часов в день. Часто забывал поесть... ослабел. То, что читали Вы, — было **сырое**, и я это **знал**. Знал, что снова возьмусь... не обольщался. А когда перечитал, пришел в ужас. Хлам!.. из-за деревьев не видно **леса**! Это мой опыт «духовного» романа. Знаю его — и теперь — недочеты, но... они — след **недочетов** 1-ой части. Теперь мне легче приступить к 3-ей... Этот роман пр<ежде> всего **мне** самому нужен. Я — «пролезаю через тесное... ищу **воздуха**... мреющей Истины...» — как Иван Ильич...[25] я вслепую **иду**... нащупывая, слепой... **Знаю**: нужно и читателю. Знаю из писем, со слов... Роман — «наводит» на **мысли**... Мне часто говорили: «после «П<утей> Н<ебесных>» — 1 ч<асти> — **нельзя** смотреть на жизнь свысока... нет: надо о-чень глубоко **всматриваться**...» Имею свидетельства... «рационалистов», «декартовцев», картезианствующих. И потому очень чувствую ответственность. С трепетом вникаю в дебри... 3-ей ч<асти>. Теперь роман должен стать «стремительным». И как трудно это в тихом течении русской жизни... 80—90 гг. Я буду «тереться у стен монастыря»... я, сам... — и я... должен?!.. — **вести** чита-

телей?!... как? ку-да?... смею ли!.. Пусть моя искренность и дерзанье искупят неудачу... Вы знаете «Куликово Поле». Там — **тоже**... «продиранье», только... увижу ли — **свет**?.. — к<а>к И<ван> И<льич>? Толстой не убедил худож<ествен>но, ни-как... — про-вал. Шёдэвр, и — все же провал. **Это** не дается «насильно». Вот то, главное, что предостерегающе мне грозилось, — я все время не забывал! — когда я окончательно перекраивал р<ома>н. И потому — до 15 вариантов последней главы. Как я перевоплощусь в «старца»?! А — **надо**... — помоги, Господи. Во всей литературе и **жизни** я не нашел, **как** становятся верующими... рационалисты. Тут... **благодать**.. Обращение рационалиста кипучего... где?!.. Обращение Савла[26]... но там... — **ослепило**. И как же издевались писавшие о сем!.. от ничтожеств и до больших. Сколько искал я... ухватился за... обращение С. Булгакова[27]... тщился дознавать... узнал: завязка **всего** — потеря мальчика-сына[28]... — первый толчок. Перечитаю его почти автобиографическое, съезжу к Карт<ашеву>. Когда-то читал, не помню сейчас... большая книга: «Свет... невечерний»[29]..? вроде сего. Ах, какая это за-да-ча!.. и надо ее попытаться решить... И **нельзя** обойтись без «костылей», без — **чуда**! Но надо и «чудо» определить. Я не хочу «страха» и «несвободы». **Любовь**... но — кака-я?!... Надо «сбросить кожу», как змеи, раки... — «перешиться». Упроститься. Закрыть «клапаны». Или — открыть..? Довести до... **взрыва**... И это ***было*** *на сам<ом> деле!* Было... **вмешательство**... да, из Оптиной пришло... чудесно. ПровИдением... И — когда же? когда умирающий — В<иктор> А<лексеевич> — в раже хотел швырнуть сапогом в... Бога. Правда, почти в 40°град. «Вот **твой** — Бог!...» — кричит. И... тут постучали в окно... опт<инский> монах принес от батюшки просвирку... — по мольбе Д<аринь>ки. Вот, откуда... **разряженье** и... — усмиренье. На глазах циника доктора. Я читал почти всех, мне доступных по-русски, «отрицателей» и хулителей Христа. И тогда я *не знал* (к<а>к надо!) 25 гл. от Иоанна. Там — о-о... там такая **точность** топографии... счет рыб... и... «Симо<н>е Ионин...»[30] **Там** — бесспорность **бывшего**, факта. *Высшего не знаю.* И это... м<ожет> б<ыть>, после сколько раз читанного!... Там —

все, до размежевания «управления Церковью» — католического, до — «хранения Истины» — Иоанну поручается! — православия. «Пока не приду, что тебе! ты **за** Мной иди!» А **он — пребудет**. Мы с А. В.[31] много говорили... и сошлись, неожиданно, на выводе. А ну-ка, «немец», — В<иктор> А<лексеевич> — преодолей-ка, упростись..! Ох, сорвусь на «старце». Не задался он и Великому Д<остоевскому>. Зосима... — отвлеченность (схема). Как жалею, что не раскрывал свое темное в беседах со старцем Алексием, схимником Зосимовой пустыни! Один раз всего говорил... матушка меня силой возила, когда я был уже пом<ощником> прис<яжного> повер<енного>. Вот, у кого можно было бы **найти ответ**... Он был очень литературно и философски образован. Когда-то дьякон у Николы в Толмачах, и я гимназистиком его помню, приходил на молебны в 6 гимн<азию>, тогда диакон. Но уже тогда говорил словесник Ф. Вл. Цветаев[32]: «О, он **всего** Дост<оевско>го... пере-же-вал! и всего — Соловьева... и — всех «гностиков-хвостиков»... му-дрец!» Ах, знать бы... какая была жизнь в затворе!..

Записался... К В<ашей> милости... — ощастливьте **горным**... что Бог даст.

Нет уже сил «потешить»... сник.

Все сие — работа и болезнь... закрыли от меня и Рождество... и день Вашего Ангела! 7—20 — Собор Иоанна Крестителя. Но только 4 дня минуло, и Вы еще мяконькой... и да продлится Ваше «именино»! С прошедшим Днем Ангела! будьте здоровы, милый. И труд Ваш — «Философия религии»[33] да будет свершен! — во-Имя. **Нужно**. И как больно, что мы так нищи... а как швыряют!.. за одну ночь оставляют в рестор<анах> — по 50—100 т<ысяч> фр.! платя за 1 бут<ылку> шамп<анского> — 4!

«О тьме и просветлении» давно послал О<льге> А<лександровне>, — получила, чи-та-ет... напишу, чтобы мне, обратно. А я... как скажете.

Шлю Вам обоим все лучшее сердца, милые... будьте здоровы, уповайте.

Порой ужасно давит одиночество, — не **с кем**... делиться думами. И как скучен мир!... — бросил, давно,

жевать газеты. Противно... Лучше прочесть главку из Исаии... фантастику-**простоту** в Четьях... Впрочем, эти дни читал «Ист<орию> моего современника», Кор<олен>ко[34], — нужно для воздуха, 70—80 гг. — может пригод<иться> для «Путей». Странно: как **мало** дал мне К. Леонтьев!.. Последних книг В. Розанова не могу найти... тщусь. Не знаете ли, каким годом помечено соловьевское «Пасх<альное> п<ись>мо»[35]?.. Златоуста надо бы прочесть, главное хоть. Сколько я убивал за жизнь времени на... газеты!.. на это «машэ»[36]!.. как засорялся!.. Надо бы всех «Учителей» прочесть! а я...

Поздно сетовать... И ни-когда не умел распорядиться временем. И все — беспланно, **нюхом**... подарил Ивику радио, ну его к ч...! Будь я в Р<оссии> — только меня и видели!.. — удрал бы в дикую-глухую обитель... на... чудо-Валаам!... какая там библиотека была!... а?!.. Либо — в тихий Посад у Троицы. Сердце плачет... А ведь я повыправил «Куликово Поле»... Вот бы издал!... мал<енькой> книжечкой, с заставочками, в рамочках... как «Фома Кемпийский»[37], кажется, — в «цветочках», аквар<ельных>. О<льга> А<лександровна> дала нежную аквар<ельную> «обложку», «розовую свечу пасхальную»[38] — Лавру... в туманце... Сегодня ночью думал о «проблеме времени». «И времени уже не будет...»[39] Будет решена проблема. Время **там**, где — материя. Для внематериального нет и времени. А — **все — всегда**. Непостигаемо. Но — чувствуется... — по-лная полнота **всем** — всеполнота, насыщенность **всем**, вседовольность... и «вечный покой», по-земному. Нет времени для спящего и видящего сны... я никогда не ощущал мигом мысли — **времени**. Проспать миллионы лет — и не почувствуешь. Я знаю, **что** чувствовала Оля — в «Кул<иковом> Пол<е>» — когда «века сплюснулись», когда «К<уликово> П<оле>» на миг спроецировалось в <u>ее</u> настоящем... и из-за 500 с лишк<ом> лет **явился** Угодник. Она это **видела** глазами **души**, сердца... — **все — есть**! никаких утрат.

Пора *ужинать* (ч<ашка> чая с молок<ом> и сухарик<ом>). Кажд<ый> день ем кашицу, присл<али> 2 пакета из Амер<ики>, по п<ись>му О<льги> А<лександровны>. Не надоедает! Вот уж 2 мес<яца> **сыт**.

Обнимаю. Упо-крупо-ван.

Ваш Ив. Шмелев.

445

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<29.I.1947>***

29 января 1947 года

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Вы не первый трясете меня за шиворот по вопросу об «обращении» «рационалиста», а я не впервой дивуюсь на Вас: *чего* Вы ищете? *чего Вам* не хватает?! Сегодня понял: Вы философствуете *не тем актом*, которым *художествуете*; и отпустили свой этот *другой* акт в Виктора Алексеевича, в коем сей акт, воплотившись, окостенел и «тупикствует» (от слова «тупик»). Проблема Виктора Алексеевича *не* есть, однако, проблема для Ивана Сергеевича. Ибо Иван Сергеевич сию проблему *художествуя разрешил*. И странно мне чувствовать и видеть, как Иван Сергеевич *опять* заползает в Виктора Алексеевича и вместе с ним «тупикует», а крыльями хлопает не за Виктора, а *за себя самого*. Разрешите формулировать философски, но без помощи глупых рисунков (на семинарских занятиях я всегда еще рисую, Вам Вигеша расскажет).

Пока акт умственного понимания, основанный на чувственном наблюдении, и отрешенный от сердца и воли, от сердечного созерцания и волевого (совестного) созерцания — считается *единственным допустимым* или хотя бы *главным*, *человек Бога не увидит, веры не найдет, религиозным не сделается*. И притом потому, что он *не той «рукой» к Предмету тянется*. Сонату не увидишь. Портрет не услышишь. Права «эмоцией» не постигнешь (ошибка Петражицкого!). Геометрическую задачу отвлеченною мыслью не решишь. Родину себе не выдумаешь. Республиканец никогда не поймет, что значит *иметь Царя*. Математик, имеющий только один математический акт, никогда не поймет, зачем нужна икона. Эмпирический историк наговорит о Христе только глупости (Ренан). Толстой из своего умственного тупика только и мог написать о причащении: «он съел своего бога» и т. д. и т. д. — Это все: *не тот акт*. Это *главное*. В этом источник бесчисленных ошибок, бесплодных блужданий, кризисов и т. д. *Надо переменить акт*. Не

можешь? Или не хочешь? Тогда *не говори* вовсе о Предмете, *для коего у тебя нет акта*. Ибо не той рукой не туда тянешься; не то берешь; *того, что нужно*, не берешь, не видишь; а говорить о нем — хочешь. И вот клубятся недоразумения, глупости и пошлости (и у Толстого!).

Представьте себе огромный *орга́н* со множеством «дудок». Каждая душевная-духовная компонента (а их *множество* разных, исследованы они доселе плохо, полноты перечисления — никакой!) изображается одною «дудкой». *Аккорд религиозный* требует не того же сочетания дудок, как *аккорд эмпирико-научный*; иной аккорд *геометрический*, иной *балетный*, иной *портретный*, иной *монархический*, иной *беллетристический* (и опять: иной у Диккенса, иной у Бунина, иной у Лермонтова, иной у Шмелева), иной *музыкально-композиторский* (и опять иной у Римского, иной у Вагнера, иной у Мусоргского, иной у Бизе).

Вот придет глупец — выберет не те дудки — скажем, республиканские — и начнет монархистов лаять и вешать. Придет интеллектуалист — выберет не тот аккорд — и начнет верующих мучить и распинать.

Какие «дудки» у души? Отвечаю (напр<имер>): 1. чувственное наблюдение 2. чувственное воображение 3. отвлеченное несозерцающее мышление 4. *не*чувств<енное> воображение 5. созерцающее мышление 6. инстинктивное побуждение 7. инстинктивная воля 8. фантазирующая воля 9. совестная воля 10. воображение эротическое 11. воображение геометрическое 12. воображение политическое 13. любовь эротическая (по милу хорош) 14. любовь духовная (по хорошу мил) 15. любовь созерцающая 16. любовь совестная 17. активная эмоция 18. пассивный аффект — и мн. др.

Че́м живет Виктор Алексеевич? Компонентами 1.2.3.11.13. может быть, *дозревая* до 14.

Что нужно для религиозного преодоления интеллектуализма? Аккорд из компонент 15.16.9.4. и потом 14.5. Во всяком случае при всяком другом аккорде необходимо органическое преобладание 4 над 1, 5 над 3, 9 над 7, 14.15.16. над 13.

Так рассказанное — все это кажется *механической схемой*. Но вот Вы видели мой опыт в книге о Бунине, Ремизове и Шмелеве (терпеть не могу этого сочетания имен, какая-то поколенчески-эпохальная селекция). Это не механика, а органика; не схема, а подслушанная тайна.

Кто ищет Бога, тот должен *влюбленно хотеть совершенства, созерцать из горящего сердца, жить совестью* и *подчинить* всему этому свое *нечувственное воображение*. Человек, тупикующий в конструктивном понимании, Бога не найдет. Бог не выдумывается, не выкомбинировывается, не гипотезируется в «бесконечности», не исчисляется — а *любится, любовью видится, совестною любовью осуществляется*. Все.

Милый друг! О другом пока не пишу. Затеваю сальто витале. Сажусь за *третью* главу Философии Религии. Приветствую Ваше творческое мужество и преклоняюсь перед авторскою строгостью. Молюсь об исцелении оного автора.

Нат<алия> Ник<олаевна> шлет привет! Я обнимаю.

Когда прочтете это письмо, дайте какому-нибудь *верному* человеку переписать его на машинке (не говоря, *кто* писал) и пришлите мне копию (мне она понадобится *в материалы для Введения в Философию*). За переписку *плачу я*.

В подкрепление этих мыслей посылаю Вам № 1 Рус<ского> Кол<окола>. — 20 лет тому назад — статью О священном.

446

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<3.II.1947>***

3. 2. 47. в<е>ч<ер> — 6 ч. в<е>ч<ера>.

Дорогой дружище Иван Александрович,

Прилетела мушка — от m-r Gotier,
Пропищала в ушко — вот вам moitié[40],
Половинку сотни я нашел в salto[41],
Завтра еду в город и куплю пальто.

Завтра пишу б<ольшое> п<ись>мо, *оч<ень> важное*. О<льга> А<лександровна> в восторге безумн<ом> от «О тьме и просветлении». Ей много **дало**!

Виген вчера заворожил меня (пишу), не мог я до 6 ч<асов> у<тра> заснуть. Убедитесь, что такое *так* творить людей, к<а>к И. А. И<льи>н. Огромное дело — **идея**!...

Дай, Господи! Я весь горю. Перераб<отал> для изд<ания> (это уж **надо**!) «Кул<иково> Поле». И — дня через 2—3 — в «П<ути> Н<ебесные>» (3 кн<ига>).

Обнимаю обоих. «Священное» (я его помню) навело меня на мног<ие> интер<есные> выводы.

Ваш Иван Ш-в.

<Приписка:> Только что avion'ное.

«Л<ето> Г<осподне>» — Виген уверяет! — видел Андерс<она> — б<удет> издано. Нет сейчас бумаги нужн<ого> формата.

М<ожет> б<ыть> летом попаду в Шв<ейцарию> с группой Вигена, — пройдем путь Сувор<ова> к «Ч<ертову> М<осту>».

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn. Professor D-r I. Iljin
33, Zollikerstr., 33
Zollikon b/Zürich
Alte Land Str. 12
Suisse.

<Адрес И. С. Шмелева:> M-r J. Chmeleff
91, rue Boileau, Paris, 16-e.

447

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<4.II.1947>***

4. 2. 47.

Дорогой друг мой, чудесный Иван Александрович, как благодарить Вас за все, за **все**?!.. Да воздаст Вам Господь Бог, а я не в силах. Я лишь в сердце несу эту «бессильную» благодарность за Ваши заботы обо мне, за Ваши чуткие советы, за творчество Ваше, насыщающее дух и душу.

Горное даяние прибыло, писал Вам открыткой вчера. В воскресенье был у меня Виген-великолепный, как всегда в гореньи, но теперь это горенье вошло в берега, стало куда планомерней, «без взрывов». Так хорошо действуют и подступающие годы зрелости, и, очевидно,

женитьба. А то, бывало, «прыгал» разговор с ним, взвивался-ломался...

Чудесная мысль пришла к ним — т. е. работающим в юношеском христианском движении, «по русской линии, православной», — ничего общего с ИМК'ой, — т. е. поддержки деньгами не получают, идут-похрамывают своими ногами.

«Идея», очевидно, дана некой русской, **оттуда**, когда-то руководившей огромной группой «по воспитанию»... понятно, **какому... — не** национальному, не религиозному. Волею счастливой или горевой судьбы ее и нашей, она зацепилась здесь... а когда-то, против сердца, руководила, стараясь все же нажимать на «национальное». Где она теперь — неизвестно, — говорят, в Ю<жной> Америке. Куда только ворон жития нашего не заносит остатки разбитого корабля России?!..

Но — к «идее». Виген с отрядом пылких будет вводить, начиная с детей, русское молодое поколение в «Историю России». Примером и самодеятельностью. Он развернул мне план, т. е. огромный лист... Центр его — «Кремль» московский. Молодежь будет его воссоздавать во всех подробностях, из всякого материала. А в ходе сего дела будет вбирать «историю», по эпохам.

Мало сего: вокруг «Кремля», по стенам, — предполагается обширное помещение! а денег ни гроша! — будут изображены этапы Руси-России, начиная с времен до-Гостомысловых[42]... по бесовскую революцию. Из чего? Тут все, что **было**... и это **все** д<олжно> б<ыть> показано. Церковь, право, быт, искусство, войны, подвиги, памятники, представители государственности, мысли, вожди, Святые, подвижники, гений русский во всех областях, география, торговля, культура... «народное», безыменное, творчество, от духовных стихов и былин до Пушкина и дальше... Все это будет воссоздаваться из «остатков», картин, звучаний, — музыка! — книг, снимков, всяких копировок... до — м<ожет> б<ыть> фильмов. **Все**, конечно, под руководством знатоков дела, — предп<олагается> привлечь, наприм<ер> для эпохи блеска С<анкт>-Петербургской, А. Н. Бенуа. Словом, молодежь должна будет собрать — ну, в сжатом виде! —

все о России. И на сем учиться, впитывать в душу живыми еще «корешками»... **родное**. Зажить им. **Увидеть** не пустоту, а величие, которое как бы выведут «из страшного гроба» и оживят... Да в таком деле сколько уснувших и устаревших душ проснется и омолодеет!.. Дело за деньгами. Но постепенно будут разворачиваться... Лиха беда начать и зажечь. Помнить надо, что, вопреки бытовому выводу — яко бы! — при всех больших и пугающих начинаниях, деньги — последнее дело. Они **сами** явятся! если есть огонь опаляющий. А Господь-то! Старцы Амвросий и Варнава не останавливались перед таким «утлым» препятствием, а **начинали** постройку обителей: первый — Шамординской, второй — Выксунской, для «отбросов жизни жестокой», для женщин и девушек, не нашедших семьи, детей, личного счастья... В каждой обители нашли себе приют и труд по душе, и — Бо-га! — и радость служить Ему и ближним... — тысячи униженных и обиженных! Все это разметано бесами. Вот **как** решали люди света и духа хотя бы частицу «социального вопроса». И что за обители были!... какая простота, благоговение, покой душе, насыщение духовное, **радование**!... Пример зажигал людей косных, и лепты стекались. Ибо знали, **кому и на что** дают. Так и тут, в малом этом, творимом малыми и для малых. Будем искать «горючего»... Я знаю, что Вы радуетесь, это же — Ваше!... — дорогой друг! Дело Вашей жизни — велико, и часть подвига Вашего — создание «стада малого», **чистых**... Эти — уже творят в жизни, Жизнь. На моих глазах, дочего же радостно видеть! Вот **за этим** — мне не будет смутительно поехать к ген. Ознобишину, зажечь его, **ввести** в «идею», — он чудесно-национально настроен, он теперь Председатель Объединения бывших воспитанников Александровского Царскосельского Лицея... Светлая тень Пушкина... — упомяну о сем ему! — повелевает... и кто знает, может быть и ка-пнет густо...? Ну, хоть на сапоги, для такого «стояния». А там... Ну, дело-время покажут... Я дал кое-какие указания, для привлечения людей, и каких людей... — и м<ожет> б<ыть> фильм создадут — российский, и красною нитью пройдет в нем, эпохами, иллюстрированное музыкой, пением и молитвой, — обратно: **молитвой**, пес-

ней и музыкой — воздействие-помощь Вышнего, в Чудесном Лике Богоматери Владимирской!.. Есть сценарий у моего талантливого приятеля, и есть богатейший матерьял для сего фильма (у одн<ого> армяни-на!..)... — про-сится!.. Вот путь — лепки русской души, «аб ово»[43]. Самолепки. Ребята зажгутся сами, и вдохновят. А, главное, отсеются, отвлекутся от мертвящей душу атмосферы европейской никчемности — для русской погибающей души! — пустопорожности, синематографщины, национ<ального> безразличия, — **найдут** и поймут — вот она, «**идея** моя», «мой идеал», мое назначение... и — почему. Тут так, если умело взяться, можно копнуть... — отыщутся и самородки, и, — главное, **то**, во-имя чего стоит жить и как прекрасно жить душой, сердцем и умом, накопляя **разум**. Как бы — «откровение России, родины».

Виген уверяет, — видел Андерсена и благодарил его даже, — что с изд<анием> обеих книг «Л<ета> Г<осподня>» — решено положительно, но я пока не получал оповещения офиц<иального>. «Богомолье» пока отложено. Но у меня уже наклевывается нечто и для него в... зонах. Пусть я ни гроша не получу — не знаю... — лишь бы попала в душу, в души опустошенные... сотен тыщ. Ну, скажем, десятка тыщ. Мне писали из Мюнхена: М<итрополит> Анастасий «всему поможет», сказал... Прекрасно. Во-Имя Преподобного. Ах, как я мечтаю издать маленькой, «молитвенной», книжечкой, с обрамлением художественным, — «Куликово Поле»!... — для «дикарей». Таких — и вне зон — сколько!.. Да, сказ и следствие о... **чуде**. О русском чуде. Вы помните: как невер-следователь ведет следствие... Я бы еще проработал сей рассказ, 60 тыс. тип<ографских> знаков, на 64 странички, мал<енького>, карманного, формата. Худож<ественную> часть пусть О<льга> А<лександровна> возьмет: совлада-ет! знаю. Она жгуче даровита, и быстро растет. Только разрывается между пером и кистью. Я сдерживаю, грожусь порой и всегда готов, в своем искусстве, помочь. Но заочно это почти невозможно. Эта пчела мно-го высосала меду из «О тьме и просветлении». Погибает в холоду, сырости, дыму.. — жмутся богатые люди в одной комнатке, за неимением топлива... думаю — за неуменьем его достать. При очевидной не-

практичности, растяпости, что ли, мужа, — живет русская полу-семья в... во льдах! «Замерзает вода в комнатах»! Черт знает что... Я настаиваю, чтобы хоть на эти два ужасные месяца — предвесны О<льга> А<лександровна> куда-нибудь отъехала, где тепло, поселилась бы и поработала для души покойно, ухоженная... Я совершенно беспристрастно говорю: она хорошо заряжена, она богата духовно, талантлива, вся — в **родном**... — и должна **делать**: не гальванизировать «русским» каких-то голландцев-полутрупы — «пусть поймут **наше**!» — а давать хлеб **детям**, не псам. Гибнет в неприкаянности и Сергей, инженер!... — что он там толчется?!... «Гру-ши снимает!»... и сам, ведь, изнывает!... Виген пытался тащить... но дело оч<ень> сложное, «некуда двинуться». Это с дипломом-то не-куда?!... А самая пора рабочая, к сорока!..

Вот, дорогой, и свет, и тени... Будущее темно, не вижу проблеска. Есть «искры», только, и почти не к чему их пришвырнуть... — не загорится пожар и не сожжет — не пожрет нечестие... Но — все в Руце Божией. **Надо** самим не падать, **идти** и **вести**... и везти. «Куда, зачем?... а кто е знает?... Должно быть есть — туда, затем...»

Есть надежда — пока между нами, — **на свою газету**.. на днях должно решиться. Поклонятся Вам. Как я жду!... — в ну-жнике, ведь, живем... хуже: во тьме вонючей, все ложь, ложь... гниение наглядное. И потому так меня взвинтила «идея» христ<ианского> движения, Виген — и упование на «явление газеты». Помоги, Господи!..

Обнимаю Вас обоих, милые. От волнения плохо сплю.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка между строк:> (Да... горный цветок что-то заслабел, чуть подвял, процентов на тридцать... — но это лишь <*неразб.*>.)

<Приписка:> «Colis Suisse» Ш<арлотты> М<аксимилиановны> отличное: kinder paket — как раз по мне. Пишу ей, благодарю и — невольно — растекаюсь, очень взволнован.

Д<олжно> б<ыть> Ш<арлот>те М<аксимилианов>-не будет трудно разобрать мое п<ись>мо, — я растекся. М<ожет> б<ыть> Вы поможете: надо было полней сказать.

<Приписка:> Еще не собр<ал> душу писать Вам о затронут<ом> в последнем В<ашем> п<ись>ме «как достигается вера». Прилагаю пока выдержку[44].

448

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<8.II.1947>***

8. 2. 47. До Пасхи — 63 дня! Скоро весна.

Дорогой друг Иван Александрович,

Salve, ми амице![45]... Вчера нежданно получил три больш<ие> коробки отличных порт<угальских> сардин! Вы это? Вы. За-чем?!.. Благоговейно принял, памятуя...

Крупа где-то про-двигается, крупицами. Глаз чешется. Сердце тешится — перерабатываю... «Кул<иково> Поле» — хочу издать его... хоть в Герм<ании>!

В этой работе произошло «знамение»! Да. Я лет 15 искал В<аше> чудесное п<ись>мо о «С<олнце> М<ертвых>». Пересматривал **все** В<аши> п<ись>ма. Нет! И вдруг, работая над «К<уликовым> П<олем>» — вытянул из пачки... на столе! — **его**!!! Д<олжно> б<ыть> как-то — недавно? — нашел и сунул — поближе. Перечитал... — и вознесся. Какие там строки!... И я решил **ввести** их в «К<уликово> П<оле>». Так надо. Свяжу Вас с собой. Не только это — увидите. С Д<остоевски>м и Ключ<евски>м. Русский триптих: Дост<оевский>. Ключ<евский>. Ильин. «Да ведают потомки православных...»[46] Вот В<аши> строки, прошу разрешения включить, устами «следователя по особо важ<ным> дел<ам>». Он говор<ит> **не** от себя, он — увидите... — Пошлю Вам на утверждение, когда — дня через два-три — закончу переработку. Но строки В<аши> вот:

«Нет народа с таким тяжким историческим бременем и с такою мощью духовною, как наш; не смеет никто судить временно павшего под крестом мученика; зато мы выстрадали себе дар — незримо возрождаться в зримом умирании — да славится в нас Воскресение Христово!»[47] — «Русский триптих духовной мощи». Да будет! Вы узрите — и утвердите. «К<уликово> П<оле>» должно быть издано — для **тех**, гл<авным> обр<азом>. Так и бу-дет, поможет М<итрополит> А<настаси>й.

Слушайте.

«Лето Г<осподне>» — 1 и 2 ч<асти> — отдельно или вместе — решено издать. Через 3 мес. сдадут в набор, 3 мес. — печатать, к авг<усту>-сент<ябрю> — б<удет> готово и потечет, куда следует, вплоть до... **зон**, — в них. И в Америку, понятно. «Богомолье» — пока — отложено.*) Но...! есть увер<енность>, что будет издано в Герм<ании>, — мне написали Земм<ерин>ги, видевшие — не раз М<итрополита> Ан<астасия>, что он «все силы положит». Так. Мало сего: О<льга> А<лександровна> должна буд<ет> дать обложку и «рамочку», книжка в одну тридцать вторую листа, — по-моему! — д<олжна> б<ыть> карманная. Всего в ней около 70 т<ы>с. т<ипографских> зн<аков>. Значит — страничек 80, — 2 с полов<иной> норм<альных> листа. Изд<ание> удорожится минимальной иллюстрацией, — О<льга> А<лександровна> в кусты, «не могу!» — «Потяните за ногу»? Потянем. Она мо-жет. И сделает. Она уже дала дивно обложку на «К<уликово> П<оле>» — чудесная «Лавра в туманце» — и орнамент. Теперь ноет, вопит... — «бездарная»! Неврастения в предельной степ<ени>. Еще бы: живет в 4 град<усах> мороза!!! — вот до чего довели гол<ланд>цы! «Живу, как самоед». Нет, хуже: самоед кровь ол<енью> пьет, рыбий жир жрет и спит у очага, пусть в вони. А тут... такая непредусмотрительность! состоят<ельные> люди... в пытке льдом! Тьфу!

Еще: п<ись>мо от Арт. Лютера: новое издат<ельст>во в Креффельде просит переводить... «Богомолье»! Он «радостно счастлив», он высоко ставит «Богом<олье>». И делал опыт, читая а ливр увер[48] и переводя по-нем<ецки> группам избранных: «умиление и душ<евное> умягчение, и молитв<енный> восторг!» Так он мне еще мес<яца> два писал. Теперь... я тотчас дал согласие, а гонорар — придет время — найдем пути переслать, это не может быть препятствием. Ответил ему через четв<ерть> часа по получ<ении> его п<ись>ма: 4 февр<аля>. И так — двинулось. И Вашими молитвами, — и по Воле Господней. И вот, теперь весь взят «Кул<иковым> Полем».

---

*) О гонораре или авансе пока не говорили. Это — второпланное.

Вот что О<льга> А<лександровна> пишет мне о «Тьме и просветлении»: «...Но как прав И<ван> А<лександрович>! как блестящи его выводы! как верны! Мне он много дал опоры и как бы дал ключи к уразумению себя, — не только в см<ысле> иск<усст>ва, а и в общем. Как ключевая вода — кристально ясен ум его. Какая точность. Люблю такую точность. Такую деловитость. Но она у него всегда не без тепла. И это чарует. Для Вас эта его книга — медаль. Мне — это не новость, но скольким это полезно!...»

Простите эту «строчную» бумажку, с бум<агой> у нас туго... это мне подарили америк<анский> блок<нот>. Ищу бумагу для переписки рукописей... обещали подешевле добыть. А то — 500 л. — 350 фр.! А мне нужно 3 копии.

Глаз — тот же — почесуха! Сжилась, окаянная! Но уповаю на голл<андского> гомеопата. Воист<ину> — гавнопат: 1 порошок раз в 10 дней!... Но я верю: он излечил О<льгу> А<лександровну> от кровоизл<ияния> в почке, а все отказались и грозили резать, а она валялась неделями, годами... теперь — уже б<ольше> года — прошло! Чудеса творит, наро-ду у него..! — полиция разгоняет. У-че-ный!.. хоть и гавно-пад!

А с «Л<етом> Г<осподним>» — было предопределено, вот и не поверь! Кн. Труб<ецкая> уповала... на Преп. Серафима. И что же...?! Решение последовало от комиссии, — что они там болтали?... — 15 янв<аря>, по ст. ст. — 2 — день памяти преподобного. И смотрите: и «Богомолье» место нашло, даже и немецкое! А теперь стук в голову: готовить «Кул<иково> Поле»! И... *далось В<аше> п<ись>мо!**) Нет-с, я не впустую был наведен на «Пути Неб<есные>». **Знаю**. Равно как и на «К<уликово> П<оле>» и на «Л<ето> Г<осподне>» и особ<енно> на... «Богомолье» — это было спасение мне. Я хотел **уйти**. И — со мной — отчаявшаяся Оля... я, ведь страдал психически... чуть не изжил себя... и вот, уход на 4 года из «Возр<ождения>» — Струве ободряет — «Рос<сия> и Слав<янство»> — открыты для вас», — перед этим Кн. Салтыков[49] просил что-ниб<удь> для «русск<ого> сбор-

*) *как бы **подсунулось!***

ника», я хотел дать кратко — «крестный ход»... сборн<ик> **не** состоялся, а я... услыхал за это время дивный рассказ Павла Александр<овича> Васильчикова[50], в С<ент>-Жен<евьев>, у могилки Оли... «поведанное **оттуда**» — перекрестился: «приехал родственник и сообщил... но не обнародывайте...» Он скоро умер... а я забыл было... б<ыл> занят своим горем и болезни давили. В февр<але>-марте 39 — решил дать «Кул<иково> Поле»... — работал ночами, в трепете, что пишу Преподобного. Печаталось в «Возр<ождении>», и «левые» возмущались: «как Ш<меле>в посмел вводить в литер<атуру> **чудо**...!» это же — «кощунство»! Как Вам нравится? Бесы... ну, сволочи, теперь пой-дет «К<уликово> П<оле>». У них кишки скрутятся, как прочтут Ваши слова и расшифруют, о ком я... «Следователь» — увидите, — «раскрыл»! Да, Вас, дружище!... — иносказательно. Поймут. Я не дерзнул применить шаткую и невкусную манеру Рем<изова> — называть живых лиц, здешних, — в худож<ественном> тексте. Пошлю Вам, для утверждения. Мне хоч<ется> связать навеки Вас с писат<елем> Ш<мелевым>. Мы — в одном дышле. Вы сто-лько сделали для России, для постижения ее, для формировки национ<альной> души! Вы породили плеяду — новой национ<ально>-христ<ианско>-русской интеллигенции. Это уже врезано в ист<орию> русской культуры. Я прошу позволения связать Вас в триптих — Дост<оевский>—Ключ<евский>—Ильин, — а возглавие сего триптиха — Пушкин. Увидите! как сложилось у «следователя по особо важным делам». П<ись>мо Ваше о «Кул<иковом> П<оле>» помню. Да, я сам — Фома. Тупикую... как и Среднев, как следователь. Но я *этим* **что**-то выстрадываю... м<ожет> б<ыть> важнейшее. Я открыл... перед Вами. Я эти дни — горю, мечусь... ищу... мне многого не хват<ает>, не могу найти «Свет Неве<чер>ний» Булгакова. Нашел снимок с картины Нестерова — «О. Флоренский и С. Булгаков»[51], начало — май — 18-го. Картина подспудом у бесов. Снимок потрясает. Вы, кон<ечно>, его знаете. Есть у Вас? Ответьте! Я закажу увеличить и пришлю. Вы не ответили, *получили ли «Говенье»? — Мне надо найти Джемса*[52] *«Многообразие религ<иозного> опыта»...* — буду

говорить с булгако-ведом одним, у кого хранится книга, как рукопись — «Св<ета> Невеч<ернего>». Выдеру ее! дознаю у него все возм<ожные> подробн<ости>, как Б<улгаков> переломил свой путь. Он знает лучше всех. Это — Зандер[53]. Поеду к нему. *Джемса надо!* буду искать у Озноб<ишина>[54]. Было в Тург<еневской> библ<иотеке>. Там тысячи примеров «обращения». — Все для «Путей». Нужно жизнеописание Иоанна Хризостома[55]. Нич-его нет, голы мы... а в публ<ичную> библ<иотеку> я не могу ходить, меня отвлекает и время тратится. Ско-лько еще работы! Но я в струне. Горю.

Сейчас нет сил — и уменья — коснуться В<ашего> четкого разбора о «тупике». Я вернусь к нему. Все — правда, все понял — и почти все знал. Но Вы увлекательно-образно, худож<ественно> осмыслили!.. Да, я «тупикую» вместе с В<иктором> А<лексеевичем>. Ибо я писать-то*) начал, чтобы себе уяснить — се-бя! и **иду**! движусь... и вижу — и покажу — что «вези возок» — о. Варнавы Дар<инь>ке — не только «бремя» и «крест», не только искупление за грех обоюдный, но и... «вождение...» — «возок»-то — это В<иктор> А<лексеевич>. И она его вывозит... и вы-везет! Увидите. Не обольщаюсь: знаю почти, что роман не удастся мне, но я по кр<айней> мере себе задаю опыт, и сделал некот<орый> шаг на пути к... «духовному роману». Вижу и слышу, как «Вуа Селест»[56] творят в жизни, даже у короткодушн<ых> франц<узов>. Элитные, профессора, студенты... разбираются в «Путях»... — говорят — «соверш<енно> необычное, забирающее...» Мидинетки[57] рвут книгу из рук др<уг> у друга... — из одной большой лаборатории Роша, где, купившая книгу русская служит... и дала одной... говорят: **«такого** романа мы никогда не читали...» Но **как** идет книга...? отчета нет. Отзывы идут, отличные, по слов<ам> перев<одчи>цы продано около 4 тыс. Книга **идет**... и это хорошо, что она набирает к финишу... кто знает, может быть и расторгуется, и мне капнет еще. Сверх аванса в 25 т., давно — с год — проеденного, получил пока, до отч<ета>, чек на пять т<ысяч>. Это уже — добрый знак. Значит, уже 2 с поло-

*) «Пути».

ви<ной> тыс<ячи> экз<емпляров> верных, прошло. Но по слов<ам> перев<одчи>цы на ее просьбу дать экз<мпля>р отвечено — сброшюр<ованной> ни одной, брошюруют. А было сброшюр<овано> около 5 тыс. Но 2-й том я не хочу давать — ни-чего не даст фр<анцуза>м. Хоть я и сделал его живей и жгучей, в см<ысле> внутр<еннего> интереса...

Я все чего-то... **спешу**...? Нервы — или — ожидание... чего? И потому так яро хватаюсь за неоконч<енное>. А м<ожет> б<ыть> переработал. Нервлю..? Устал. Вот сплю скверно. Это — зона... или — **не** зона?!... Спасибо М<итрополиту> Анаст<асию> за его готовность «все сделать»! Мечта моя — дать — **оттуда** которые. Все ясней вижу правду слов Ваших: книги **уже** творят молекулярно... Надо «увести **их** на богомолье», по Вашему гениальному слову! Знаете... вижу по п<исьма>м 28 г., от Бун<и>на: его захватывали очерки «Л<ета> Г<осподня>» — если он был искренен. **Знаю**: «Богомолье» — всех писат<елей> **зацепило**: есть п<ись>ма! Даже Алданов написал!... И Мережк<ов>ские — смирились и, забыв 10-летнюю вражду, — признали — «шедэвр», «какая чистота, ясность» и «как поднимает» (из п<ись>ма З. Гипп<иус>). **Теперь все** вижу... как меня оно связало со многими-многими русскими душами... и утишает, и утешает... дает Россию!... Вы — первый **все** оценили. Воспели, и взъерошился махонький Г'Адамович... окрысился в «Посл<едних> Гадостях»[58] — помните? Метко вонзили Вы перышко в вошь сию... теперь косноязычно лепечет хвалу... «Темн<ым> аллеям». А Б<уни>н, по словам Серова — доктора, стал даже в разговорах «похабничать и источать слюни вожделения». На замеч<ание> С<еро>ва — «друга» — зачем пошли на поганую «Раису Наумовну» — «Рус<ские> — ! — Новости» — «надо жрать, дорогой... как надо, наприм<ер> раз в неделю сходить в б...чок»! Ввот-с... Это может быть — «для красно-похабного словца», как у генерала: ну, потешу... Генерал сладострастно мнет «бумажку»... «сейчас пойдем-с... и... мяконькая какая!»... — Другой генерал: «да уж не хвастайте, ваше превосходительство!»... Так вряд ли у Б<унина> «варит» еще... а мо-жет быть...!

Ну, потешу... а м<ожет> б<ыть> и писал, знаете уже?

Два «из насих» на углу улицы. На другом углу — два таких же, но уже «со звездами». — «Моисей Лазарич, и цто вам и напоминает **это** з русской литературы?..» — «И ну и что, а ну?..» — «И звезда с звездою говорит»! — «А и цево вам напоминает **это** з медицины-ы?..» — ? — «Зелтуха... з сумашедшева дома!»

Не до «потешу»... Есть другое, серьезное. Помните ли Вы, дорогой И<ван> А<лександрович>, п<исьмо Ваше, от 18 марта 27 г.? Вы дали исключительно-высокую оценку моего «Сол<нца> Мерт<вых>». В заключение оценки Вы даете: «А возвращение Иваном Карамазовым «входного билета» — кажется после этого пустой, аффектированной фразой...»

«Я знаю, что **Вы не** возвращаете этого билета. И Вы еще покажете — **почему** не возвращаете. Жду этого». Ваше пророчество исполнилось. Ожидания Ваши, смею думать, я оправдал... за эти протекшие... **двадцать** лет... Теперь это достояние истории. Я озираю созданное. И дивлюсь, порой... хватило нервов! Господь помог. Теперь и мне ясно, **почему не** возвращаю... а — ищу **входа**... сердце свое показать Судие Праведному. Найду ли..? И потому мечусь и «тупикую»... Не найду — Праведный повесит фонарь у входа... и я увижу и пойду... на свет...

Я счастлив быть Вашим современником и пользоваться Вашею любовью и дружбой, как и сочувствием и участием ко мне дорогой Наталии Николаевны. Без колебаний, без сомнений скажу: много вынес заушений и «молчания» злостного, и всяческих издевательств и искажений **моего**, — от обще-враждебного нам обоим, — как и вообще по-русски мыслящим, чувствующим, по-русски, со страстностью, отдающимся труду на родном поле! — **злого** клана. «Встреча» с Вами, Ваша дружба, Ваши письма, Ваше взиранье на меня, Ваш **досмотр***)... — были мне опорой, великой помощью, — это моя покойная Оля только знает! — ободрением, указанием, что иду правильно... И вот, уже доступаю... уже вижу порог... Спасибо, родной, спасибо, друзья! Правда,

*) и *путь* (все это в Ваших трудах творческих!).

часто шел ощупью, сознавая свою неподготовленность, многие изъяны и нехватки... одно лишь богатство у меня бесспорное — родное Слово: им наградил Народ, Русский народ, от Господа его принявший. Этим богатством, этим «талантом» не злоупотреблял, не злоупотребил... страшило. Вернул с процентами. И, м<ожет> б<ыть>, скажет Господин рабу своему: «прииди ко Мне, усталый, верный раб мой... и отдохни».

Правда, устал я. Но еще не кончена работа, садится, но еще не зашло солнце... еще не кончена полоса.

Обнимаю горячо. Привет — целую руку — Наталии Николаевне. (Только я знаю, *какая* сила любящая жена! по-ни-мающая!... Этим был счастлив. И сколько она значила в моей работе!...)

Всем сердцем Ив. Шмелев.

Погода волчья, туман, дождь.

Чесуха неистовствует, но я посылаю ее к черту — и продолжаю свое... Видал в жизни всякие почесухи — «чесали», да не *при*чесали!

449

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<11.II.1947>***

11 февр.

Дорогой Иван Сергеевич!

Вчера вечером пришло Ваше письмо от 8 февр., трепетное, насыщенное, меня взволновавшее и сконфузившее. Спасибо. Эти слова из моего первого письма[59] к Вам вошли потом в мою речь о Рус<ской> Культ<уре> (Перезвоны № 22) и воспроизведены в Трех речах о России (отд<ельная> брошюра). Есть ли она у Вас? Могу прислать. Письмо помню не все. Но что цитируете — подтверждаю целиком (о Вас). Помню — не знал Вашего имени-отчества — начал так (после колебаний) «Дорогой!»[60] И правда была — ибо Вы *сразу* стали мне близки и дороги.

Но теперь о делах.

«Говенье», конечно, пришло, и на днях уедет в С<ан>-Франциско. Прелестная глава!.. Перл. — Радуюсь выходу предстоящему Ваших книг. Дай Бог, дай Бог! —

Имею для Вас еще 7×50. Тот же источник (*не* Ш<арлотта> М<аксимилиановна>). Дано на мое усмотрение; я и усматриваю. Безотчетно распоряжаюсь. Жертв с моей стороны никаких. Одна забота — нельзя переправить. Что ж — подам прошение Преподобному. Salto vitale[61]. — Пишу Философию религии — в третьей главе. С 1919 года начал ее писать. В Москве — зима лютая — дров нет — голодно, уж три раза увозили в чеку — и в трибунале судили «за подготовку вооруженного восстания». Вот и говорю Наталии Николаевне: «дров на один день! перспектив никаких! оденусь, пойду на улицу — может поймаю несколько полен»... «Нет», говорит «не ходи, куда ты пойдешь? На сегодня хватит. Ты хотел Философию религии начать — садись и пиши!» Я немного ошалел от такого спокойствия евангельского. Сел. Бумагу нарезал (в валенках, в драповом пальто и в шапке). «Философия религии» «Глава 1» «О субъективности религиозного опыта». И полилось — углубился — вдохновение пришло. Прошел час. Жили на 6 этаже. Лифт стоял. Водопровод замерз. Вдруг стук в дверь? Повелительно, окриком «кто там?!» Глухой голос: «барин! примите дрова, ради Бога, замерз, отделаться бы!» — «Откуда?» Заиндевевший мужичонка в тулупе, с кнутом. Усы сосульками. «Да из коператопа!» (*вчера* меня там *обезнадежили*). Если бы я ушел — принять было бы некому — свалил бы на двор — в 1/4 часа все растаскали бы — «Птичка Божия не знает»...[62]

С 1919 г. ношу в себе эту книгу. В 1920 г. читал как курс на истор<ико-> филол<огическом> факультете («Введение в историю религии»). С тех пор вел неск<олько> закрытых семинаров. Теперь окончательно пишу...

Получил покупкой «Темные Аллеи»[63]. Читаю вслух. Первый вечер рассказик «В Париже» — сошло. На второй «Барышня Клара» — конфуз. Не поворачивается язык эку мерзость вслух выговаривать. А мы *совсем не «prudes»*[64], видали виды! Тошнит об их. Грубо, детально, грязно, отвратно — без смысла; и с *огромными, чисто художественными* ошибками! Теперь вперед просматриваю; потом только начинаю вслух. В сущности он всю

жизнь писал (покончив с «антоновскими яблоками» и «пахнущими мелкопоместными помещиками») о *преступлениях* и *прелюбодеяниях* — сочетая часто то и другое. Теперь ему о преступлениях *рискованно* писать (советские на себя примут!); осталось второе. Лесков где-то различает «блюд» и «приблюдияние». *Этому* хорошо и то и другое. Но вижу, что я в анализе его акта *не* ошибся! Таков и есть.

Нет, сардинки на этот раз *не* от меня! А Ш<арлотта> М<аксимилиановна> только что послала Вам детский пакет (не благодарите, это ее стесняет и она послала от *моего* имени). Письмо Ваше переведу ей.

Доделывайте, дорогой, Куликово Поле. А как только захочется моих цветочков, потребуйте. Если требований не будет, буду гнать полсотни гвоздик на каждое первое число.

Четвертый день фё-ё-ён! Сердце ослабевает — спазма в голове *му-чи-тель-ная!* Совсем как Ваша зона́! Слабость — идиотуешь весь день! И только за книгой — полет.

Не постигаю Вашего интереса к Булгакову. Не дай Бог никому так «уверовать», как он. Был резонер-выдумщик с Федоро-Карамаз<овским> уклоном, *таким и остался.* О Св. Троице печатал в Вопр<осах> Фил<ософии> и Псих<ологии> 1916 такое, что я еще в Москве на полях писал «непристойные экзерсисы». *Стыдно* было читать! На исповеди женщин расспрашивал в Праге о таком, что моя родственница[65] ему ответила в негодовании: «отец Сергий, я на *такие* вопросы отвечать не буду!» В Париже в 30-х годах написал *гнусную* книгу в защиту Иуды Предателя (sic! sic! sic!). От отвращения я ее не дочитал. Все это волна *безответственной выдумки от неверия* и *религ<иозной> слепоты* — Розанов — Мережковский — В. Иванов (выкрест) — Булгаков — Бердяев. Все это *«рыба завоняла с головы»*, «большевизм» *до* большевизма — Белый, Блок и Ремизов где-то у них в ногах шныряли. «Булгаковед» — «Бердяеволог» — «Ивановогност» — «Мережковскофилолог» — «Розановомикроскопист» — «Блокогистолог»... *Бедная*, *бедная* ***моя Россия!***

И что *Вам* — это даст? Вы *уже давно* ***вошли*** туда, где из этих словоблудов никто и не бывал! Э-эх!

Ради Господа, *не* присылайте мне портрет — Флоренского-Булгакова кисти Нестерова. Видел я его у самого Михаила Васильевича и стоя перед портретом говорил ему о том *духовном гное*, который он ясновидчески увидел и передал. А у него (у Нестерова) — все лицо трепетало от *радостного ликования* — ибо я говорил *верно*. Потом он мне рассказал: «Был у меня на днях отец Флоренский[66]. *Долго* смотрел портрет. Когда он уходил, я ему говорю «Эх, отец Павел, я бы Вас еще нарисовал бы в духе Розанова паном с дудочкой». «Нет, — ответил тот *мрачно*, — довольно уж!» —

Все эти люди — неумевшие отличить *духа* от *пола*, *молитвы* от *оргазма, вдохновения* от *соблазна, созерцания* от *выдумки, отвественности* от *кокетства. По-ме-лом* их! Брандспойтом! Дезинфекция, дезинсекция, дератизация!

Что — *они* — Вам?! «Э, дяденька», сказал мне один опытный грибоискатель, «что же Вы *поганок*-то набрали?» —

Обнимаю!

11/февр. 1947

Ваш И. А. Ильин

450

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<16.II.1947>*

16. II. 1947

Дорогой Иван Сергеевич!

Дошло ли до Вас мое письмо от 11-го февруария? Тем временем я прочитал новую книгу Буниади Яноса[67]. Написал Вам по примеру Жуковского «полный отчет о луне». Но боюсь посылать. Опасаюсь. Вы не конспиративны! Вы экспансивны! Вы огласите его! Опасаюсь я. Дайте сначала чеснословные гарантии! Дайте!! Дайте!!! В чем? Вот в чем:

а) никому не покажу!
в) копии не сниму!
с) назад пришлю!

Клянитесь! Тень под землей «клянитесь»!!

Ваш Ожидатель.

Помните, что к Вам хотят цветы-цветочки![68]

451

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<18.II.1947>***

18. 2. 47

Дорогой друг, Иван Александрович,

Не написал Вам сейчас же по получении В<ашего> п<исьм>ма, от 11 февр<аля>, — потонул в переработке «К<уликова> П<оля>» — только что завершил — и на днях (сегодня же!) дерзну послать Вам, не без опаски. Ну, «суди меня, судия не-праведный»!.. — Остр<овский>. Нет, Вы — «праведный». Помню Ваши — справедливые — замечания, что не показал «уверовавших», а потоптался... Да я... сам все топтался... и не мог уловить неуловимого!.. Это же — **приятие**! — как **чудо**, как рождение и смерть. Это — **вне** — слова, это — незримо и несказуемо. Ну, попробовал... — факт-то «просветления» — жизнь удостоверяет, **есть** это. Ну, пробую поймать «на лукошко», как девочка... «Вот девочка ловит лукошком лошадку...» — приманивает овсецом. Приманиваю... жаждой самому возродиться.

Окрылила Ваша забота о писателе Иване... — тревоги о «дне сем» минуют, и я, завершив незавершенное, — 2 кн<игу> «Л<ета> Г<осподня>», 2 к<нигу> «Путей» и «К<уликово> П<оле>», отыду к 3 кн<иге> «Путей»... — ух, жу-уть... — я всегда страшусь «броситься в воду».

Прет крупа... ужас охватывает! «Несут, несут, несут!..» — пя-ать посылок!.. Еще, за работой, не разбирал, но сегодня пятую раздел, и... — она, кру-па, в коробках!... и при ней банки молока!... не знаю, что в 4-х. Ждут. Ну, и масштабчик!.. американский? русский?.. Пошлю авионное — на-ура, если читает по-франц<узски>, — «Вуа Селест». Поклонюсь Мр. Вальтеру Барейсс. Я, как что получу, — кусок в рот — «Го-споди, пошли здоровья и благоденствия добрым людям... имя-рек». Что я больше могу?!.. И одевают даже. Вот шикарный свэттер получил из Холливуда, от привержен<енной> чит<ательни>цы, и какое же — еще — письмо!.. — дарят теплым сердцем, — теплом сердца! — родные и не родные — читатели!... Это — выше Нобеля. Да, книги — **творят**. Вот она, награда. Не ждал...

Завтра пошлю Вам килов<ую> посылочку — свыше — оч<ень> дорогой фрахт, такие дикие зде<сь> правила*). Два пакета крупы. Варите кашицу, — отлично, в 10 мин.! и кашу. Кашу... — на дно кастр<юли> — крупа — спо-рая! — на двоих довольно полторы чашки, а то одну! — лист бумаги, чтобы не подгорало, и непременно масла, лучше русского, крепше, больше гарантии, что не подгорит! — можете из сливочн<ого> вытопить, уйдет сыворотка... но можно и сливочного. Хорошую ложку на бумагу. Ну, посолите в меру, сыпьте крупу, мыть не надо, чистая она! — залить кипятком, чтобы покрыла крупу на толщ<ину> пальца. И — на малом огне томите, час-полтора, — станет розовой каша и рассыпчатой, хотя крупа дробленая, но поджарена в меру, вкусная. **Не** мешайте. Кастр<юлю> прикройте, пусть томится каша. Хорошо ее с щами... если найдете кислой капусты!... — у нас русского засола замерзла, нету, а франц<узская> — уксусная... дрянь. Но и с супом отлично, с мясным, — у нас мяса нет. Но можно и с ветчинкой. Благодать, самая манность для желудка, Захарьин всегда сам ел и советовал.

Чудесно о «чуде с дровами»! Да-а... восхищен от «чуянья» Наталии Николаевны! Пи-ши-те «Философию Религии»! Ка-ак жду!.. Жду и «Ожившего сердца». Пришла от О<льги> А<лександровны> рукопись «О тьме и просветлении». Еще почитаю. Го-споди, если бы издалось!.. Ну-жно!.. Для многих — откровение. Подýмайте!.. Если бы я был богат!...

«Темные аллеи»... «Изведи из «темн<ых> аллей» душу мою!...» — и Ваши души. Неладно сие. Я не читал — и не стану. Кое-что, печат<ается> в америк<анских> журн<алах> — попадалось... — за-чем все это?!.. — и иск<усст>во само мстит за «насилие»: Б<уни>н явно «натаскивает» себя, так и ползет «выдумка», и ни-как не обосновано худ<ожествен>но, напр<имер> — «нарочитый «Речной трактир». Не-вер-но... **так не** бывает. Тот, военный, непрем<енно> **должен** был дебош устроить! — а у Б<унина> все тихо. И — неверно, что так легко «отпустил» девушку, с извозчика... — пусть чистые на-

*) за кило — 80—90, а за два — 500 (будто!).

мерения, тем бо-льше! д<олжен> б<ыл> заинтерес<оваться> ее участью!.. Все — с изъяном. Как «гость», анекдотик для собутыльников. Как верно Вы — про «Старуху» в «Розе Иерихона»! К чему — давать опис<ание> квартиры?!... много изъянов, а о «притворялись» — и говорить нечего. Поражает, дочего «детски»!

Пошлите о «Т<емных> А<ллеях>» Ваше. *Клянусь, все выполню* и верну Вам п<ись>мо (копии не оставлю)*). Замкну в себе. Ни одна душа не услышит, но сам жаждаю Вашего разбора. Ясность и меткость — классич<еские>, **латинские**! — звенит медь!.. — будто XII таблиц[69]. Закономерно-четко, как **гвоздь** — в гроб. Ваша словесная манера — исключительна. Пью старое вино, глоточками. И так — **все**. Ваши строки, кот<орые> я осмелился взять в «К<уликово> П<оле>» — это же... редчайший афоризм, такое огромное в такой предельной сжатости!.. Римская лаконика. Вас выбрали бы главным редактором Римского Закона. Но... — как прав<ильно> отметила О<льга> А<лександровна> — при этой «металличности» — ско-лько чувства!.. страстности — взятой в форму, отли-той!

Да будет Вам триумф!

Да, Вы не могли ошибиться в анализе Б<унинско>го «акта». Сама правда. До-казана.

Сардины — «зве-ри»!.. сверх-первый сорт.

А этот «фён» какую-то морду имеет! Вот плюнуть бы в нее! а зона угнездилась прочно, не пойму, что такое... принял 2 порошок голл<андского> гом<еопа>та. 1 порош<ок> в 10 дней!.. вот и жди «выгона» — 10 порошков!.. когда кончу, а стерва не останется, пойду к г<омео>-радиост<стезиологу> кн. Трубецкой. «Жрите, собаки, мой хвост!»

О Булг<акове> и К° — вполне согласен с Вами, и не тянусь к нему и К°. А мне надо нащупывать, **как** все же он продирался — так и не продрался! — натаскивал себя... но «хочу» — было, и хотя бы «полуперелом» был. Нестер<ов> мудро дал — «в низине»... а «верующих» — «наверху горы, с куполками». Правильно. Было не уве-

*) ни-кому не поведаю.

рование, а домышление веры.. и умств<енные> «прыжки над бездной». Я **знаю**... сердцем... что «вера» приходит — озарением Милостию Божией. Для «детей сердцем». Так и впорхнет, как редкостная птичка — в окошко, вдруг. Какая радость!.. — даже воробьишке рад. Господи, даруй...! И потому Джемса хочу, и «Свет Невеч<ерний>» и Житие И. Хризостома... — мне мно-го надо!... — и пусть от эт<ого> «много» — крупинка отвеется... горы готов отсеивать шлаку!... — **надо**. Вы все верно и метко дали о... ломавшихся возле **ВЕРЫ**, **БОГА**. Богатая глава — сатира о «культуре русской I четв. XX века». Эх, нет Дост<оевско>го!.. — в роман бы вдвинул эту «кучку». Да, «ядовитые поганки», что говорить... и «повапленные», ско-льких сманили-извратили. Знаю. Неохватное — лишь детским сердцем берется. У Вами взятых «имен» вынуто сердце... не было его. России умом не понять, а Бо-га... — только при свете Разума... или — при тепле детского сердца. Вспомнишь реченье Пастэра!.. — о брет<онской> старухе. Но мне **все** нужно. Терлись у церк<овных> стен и Фламарион*)[70], и... интересно, **как** Декарт..?.. Ничего не знаю, му-жик. Ско-лько у меня... не-до-чи-та-но!... Как бедный умиравший старик в больнице, дожравшийся до заворота кишок, стонал, *до* заворота: «мно-го у меня не дое-дено...» И все давали ему свои куски. — Мой расск<аз> «Как надо», еще московский. Ни-куда я еще ***не*** дошел! уверяю Вас. Тщусь...

Был у А. Н. Бенуа. Пировал в его «альбомах». Где все узреть!.. Ах, к<а>к «М<едный> Вс<адник>» дан!.. Я ему кое-что сказал о сем «Вс<аднике>». Единств<енное>, исключ<ительное>... у Пушкина, певца Петрова: **тут** П<ушкин> — явился — от рус<ского> народа и предъявил иск. И — ка-кой!.. и от **себя**. Вот, почему Он — национален. **Помимо** воли... — погрозился! Какая тяжесть у Б<енуа> в передн<их> ногах коня!.. — вот когда я увидел чудо — живописи, **что** она мо-жет!.. Непостижимо. И какой Петергоф! Пойду еще пировать, «Азбуку» хочу видеть. А «Пик<овая> Дама»!.. Упивался. Вот и

*) (ну, не у стен — он, а таинственное коллекционировал.)

рационалист, а... с-т-ворил. О, тайна творч<ест>ва!.. «Дождь» в Петергофе»!.. — дрожал, трепетал я... — и — **не** знал Бенуа!..

Был на конц<ерте> христ<ианской> молодежи... отвезли и привезли. Познак<омился> с А. Д. Алексан<дровичем>[71]. Чудесно пели... и какой ду-эт — женка Вигена и ее сестра. Дуэт из Пик<овой> Дам<ы>. И какая «Лучинушка», хором!... — **жил**. В воскр<есенье> читал у кн. Трубецкой. Поклонился за ее заботы. И — хлопоты. Ел мятные пряники. Легко б<ыло> читать. Читал — «Говенье». Из «Няни» и — «Вербу». Повеселился.

Чудесно Вы... — «э, дяденька... что же вы поганок-то набрали!..» Дивно. О, великий зоил! неподражаемый. **Что** за меткость! При-шибли. **Так** завершить «слово о богоборцах»... «поганками»!.. Покатывался... Ну, мастер. Не «фимиамы» воскуряю, а любуюсь и вкушаю. Ваши — п<ись>ма... — кладезь. Когда и кто приступят — черпнуть?!.. Не оторвутся. Чудесно дали Нестерова. Как тонко — о. П. Флоренского — «довольно **уж**!» — умри, Денис...

Что за чудо, язык наш! что за магич<еская> сила, легкость, гибкость, «умолчание»!.. Правда, читал из «Няни» — сам дивился. От-ку-да я...? Из великого **кладезя**. Господь сподобил слышать и — внять. Господь сподобил родиться русским. Что за необъятность **слова**!.. — и как же его порой похабят!.. Эти Б<унинс>кие — ненужные — «бл-ки» в «Речном трактире»! за-чем?!.. Зачем «Весна в Иудее» — Пасха! — где речь о... «сыре»!.. — не знаете? Было в «Раисе Наум<овне>» — «Р<усских> Нов<остях>» — на Пасху!!!... — за-чем?!... Б<унин> истекал кровью в страшн<ом> «геморрое», — не знаю, как теперь. Так извращать «дар»! — так жадно хвататься за рюмки и подолы...! — болезнь это, несчастье это... избави, Господи! Как мож<ет> быть прекрасна жизнь!... когда она чистая, когда принимаешь ее как — **дар**. Как **все** — дивно **дано**. И как все — истоптано, протушено. И — в какой же прорве — весь мир! так насмеяться над дарами!.. и так — убить **все**, — **себя**! говорю о челове<чест>ве. Вот почему хочу чтения глубокого, пить из кладезя... и петь слабым голосишком... пусть!.. страшусь

«Путей». Не дорос, в пеленках... где же в пеленках — гимн Ему пропеть!... — «Тебе поем, Тебе благословим...»[72] — ну, потщусь показывать, **как поют**... иные голоса, иные **лики**... — пусть хоть... малиновки. Как колоколов хочу. **Что** можно о колоколах сказать!... — целый мир!.. — и какие мастера-то были художники колокольные и звонари... — тво-ри-ли! Не видал Ростова Великого. Не слыхал Пасху, выноса Ж<ивотворящего> Кр<еста> — *там!*.. — вот пир-то звонный!... Но я все же — **слышу**... в себе. От **своего** — проецирую... на — **все**.

А напоследок потешу... «скверными анекдотами». Такими жизнь дарит... Перв<ое>: назовем «мордобитие рикошетное»*). Только что сообщили, свеженькое, вьется. В кн<ижный> маг<ази>н пришел «отец» и принес «Т<емные> Алл<еи>» — «Вы продали?» — «Мы». — «Моей дочери, 16-летней девочке! Получите». И — раз-раз-раз... по щекам «Т<емными> Алл<еями>». Запылали щеки, — и стало светло. Это — наз<ывается> «рикошетом». Не дотянешься до автора — получи «помощник». Получил. Т<а>к ск<азать> — пре-мию. «Скв<ерный> анекд<от>» — поганая правда. «Поганки». Еще, тоже «скв<ерный> анек<дот>», и такая же «поганка». Когда-то был у Кульм<ан> Нат<альи> Ив<ановны>: «какое чудесное п<ись>мо от еп. Алекс<андра>[73] из Брюсселя! восторгается «Солн<ечным> ударом»! **как** пишет!..» — «Епископ?»... — «стра-нный епископ». Точка, неудовольствие за «странный». Продолжение. Прошли года... «Странный» — «распространился» до... сов<етского> Берлина. Был на поклоне у Алексия — **не** Митрополита, а... патриарха. Понюхал, прилетел-повертел на Дарю — отъехал, куда и следовало. На церк<овном> дворе — говор<ил> мне очев<идец> — обложил что-то или кого-то по... м<атуш>ке. И вот — то-чно! — со слов присутствовавшего в алтаре! (Где — не знаю: очев<идно>, в Брюс<селе>..!) Можно сказать — «**Жертвенный**... поцелуй». Из «сам<ых> скв<ерных> анекд<отов>». Стоя перед жертвенником, — ! — **что** произносил, **что** совершал...? — ну, то, что произносят и

*) все-таки и «Т<емные> А<ллеи>» **пригодились**! — бить по морде.

совершают, «стоя перед жертвенником». И вот — еписк<опский> возглас: «...... — не знаю, как его секретаря, Думбадзе, по имени...» — «подойди ко мне, я тебя... поцелую!..» Гомос<е>кс<уалис>т, точно. **Не** античный грек, — см. «Пир» — **там** это, м<ожет> б<ыть> — даже «идеальная любовь», не могу судить. **Этим** Г'Адамович укрывал Б<уни>на в «Раисе Наум<овне>», говоря косноязычно — **не** зная, что сказать в защиту книги: «какая же **это** порнография!... у Платона **еще не то**!..» Мы знаем — **что**.. И — **как** у Платона. Т. е. студенты-филологи. Да, **там** не **так**. И там — «своеобразие», а тут — безобразие. Каковы «поганки»?!.. Теперь продавцы трепещут, не придет ли и не пустит ли рикошетом. До того, что, наприм<ер>, в «Возр<ождении>» продавец струсил, когда решительная дама накинулась: «вы это **что** мне про-дали?!...» Георг<иевский> кавалер — Джуджиев, он же ныне продавец, **отступил**... оберегая побледневшие ланиты... но тут уж не «Т<емные> А<ллеи>», а проданный — подсунутый? — календарь, отрывной: вместо «Инвал<ида>» — спустил... «советский». Пришлось деньги обратно, как и с «Т<емными> Ал<леями>» — в др<угом> кн<ижном> маг<азине>. Теперь открывается для всех полная возможность — «деньги обратно»! Про-чи-тал... и — «ты, с. с., **что** мне продал?!.. у меня сын, мальчишка... разврат сеете?.. деньги обратно!» И вот, в кн<ижных> маг<азина>х растет гора «Т<емных> А<ллей>», уже пухлых от употребления... — по ланитам также... По-шло по Парижу... Да-а... нужна все же цензура. Если ст<арый> писатель не умеет чтить **слово** и читателей. Дойди д<ело> до суда — процесс выигран и домаж д'антэрэ[74] присуждены. Ручаюсь. Виновата и критика, поставив — и да-вно! — Б<унина> **вне** критики. Вы, каж<ется>, единственный... — на то — Вы. А то — «омниум Иови лицет»[75]. Нет, **не все**. Заголяться и Юп<итеру> не дозволено. И, насколько я помню мифологию, он никогда и не заг<олял>ся. Да и «заголяться» можно по-разному: «нет, лжете, подлецы... не как вы, а по-другому!..»

На сем — пока кончу. По-те-шил, а?.. Самое свежее, час тому до-несли.

А главное — пишу Вам — и донесли «скв<ерный> анекдот». Кстати. К слову. А сейчас буду править перышком «Кул<иково> Поле». Успел «позавтракать» — в 8 ч. вечера! Бы-ва-ет. Привет, милые.

Ваш Ив. Шмелев.

Не читал газет, сегодня лишь узнал, что газеты не «выходят». Многое не выходит на свете. В Англии — уголь не выходит, налаженность жизни, каж<ется>, нигде не выходит (кроме В<аших> «щастл<ивых> швицаров»). И своего угля нет, а **везут**! О<льга> А<лександровна> замерзает в — 4°. Безумие. Замерзли каналы — в стране каналов, канаров и... ка-на-лий — по Вольтеру[76]. Там Декарт 12 пар чулок напяливал! Ка-кое тут творч<ест>во!.. У меня, благодарение Богу, — тёпло! Топят, хоть и «топят». У бедного Бенуа, в морозы, кончили: нет угля. А у нас уг<ольной> пылью — топ<ят>. Дрова везде — сырые. Февр<аль> показал себя, по Верлену-Брюсову: «Февраль, седой ворчун, и враг всего живого, Насвитывая марш зловещий похорон...» Жду солнца. Туман, туман... А до Пасхи... (по-детскому!) 53 денька осталось!.. Масленица... но где же бли-ны?!... В прошлом. Впроч<ем>, и в ресторанах, но — мне заказано. Могу лишь домашние, на хор<ошем> масле. Да моя femme de menage[77] не умеет!.. К кому-ниб<удь> напрошусь. Мож<ет>, Карташевы позовут... — там думаю говеть. В моей церкви Знамения... — не могу, «Серафимова» стала. Вот какие теперь «Серафимы»-то пошли. И мой духовник от. Василий... — очень там у него квартира удобная!... Ну, «не судите, да не...»

Отзлоязычил. Простите меня грешного!

И. Ш.

<Приписка:> Гречку пошлю завтра. Сегодня нов<ый> список «К<уликова> П<оля>». Принял во внимание В<аши> слова — письмо (года 2 тому) — о неясности *моего* отнош<ения> к «чуду»[78].

<Приписка:> Пожал<уйста>, пришлите «отчет». И — три чтения о России. Знаю, но — полезно — дать молодым — читать.

<Записка к посылке И. А. Ильину, обещанной в письме (с гречкой и нугой):>

Вкушайте бесстрашно: сам готовил **нугу**, *не* касался пальцами, из сам<ых> чистых продуктов!

Не придавайте значения неказистому виду! — по-лная гигиеничность! Авторское!

Ив. Ш-в.

«белое» — это «облатка», из аптеки. Можете отнять. Есть ложечкой.

Клянусь — абс<олютно> безвредно, **чисто**! Даже цукаты — сам варил.

452

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<27.II.1947>*

27. 2. 47. *Жду — **«обеда»**!* О-чень!

Чудесно — «закуска» — дорогой Иван Александрович, — слово свое сдержал. Но — разрешите удержать! Ни знака нет — и читать никому не буду. Но это — бриллиант сарказма... — что тут «стрела парфянская»[79]! — сейчас еще болит под ребрами, надорвался. Вы — столь же многранны, «как Л<еонардо> да Винчи», сказал как-то Ант<он> Влад<имирович>[80]. Верно: добавлю — Л<еонардо> да В<инчи> XX века. **Единственный**. Поражаюсь Вашими «россыпями». Сотрясался.

Семенович — редкая фам<илия>. Не сын ли Ив<ана> Григ<орьевича>? — классика и воспитателя 1-й кл<ассической> моск<овской> гимн<азии>? Моя крестная (троюродн<ая> сестра Елизавета Егоровна) — вышла за него замуж в 80-х гг. — дочь «дяди Егора» — из «Л<ета> Г<осподня>». Он был с огромн<ым> брюхом, ши-ро-окий... — любил хорошо поесть. Гур-ман.

«Голл<андце>в» не приведете к истине: норовисты. Там у них есть какой-то «насос», — помните «кишку» ночн<ых> бочек? Так вот этот «насос», сопя-хрипя, и накачивает в них... пе-ре-ка-чивает... — до захлебу. Нюх-то и притупило. Тут только — «молитвою и постом» — и «кол на голове теши» — бесполезно. Само отойдет, свалится... Я бросил, скучно... — **одержимость** и..., «чувством решается». Пусть решают. Всех — не поумнить.

Болен Б<уни>н. Лечат... 4 доктора! Господь с ним.

Да, «цензура» — **нужна**. К<а>к и своб<одная> печать. Но сие давно изжи-то. Предрассудки. И потому — своими средствами. И посему — рикошетный мордобой, к<а>к писал.

Не б<уду> читать. И так, говор<ят>, многих сблевало. Метельщики[81] жалуются.

Когда-то, лет 16, **читал** украдкой — «На́на». По-мню. Осталось и до сего впечатление обонятельное: вонючий (пачули?) таз с са́листой водой (в уборной голой арт<ист>ки «Наны») — с плав<ающими> очёсками светл<ых> волос... и скомканные юбки... «десу»[82] — запашок бунинский... — не то гнилая свинарня, не то... — убойня... где тишти спутаны... — я тогда, мальчишка, до утра заснуть не мог.. **тревожило**! Погано. *Нельзя* такое. Но... **он вне** критики... **всегда**. Такая его магич<еская> натура: не подойдешь, пужаются. В Москве — «**все** знакомы». В Питере — «все знакомы», начиная с В<ел>. Кн. К<онстантина> К<онстантиновича>[83]. Академия[84] — свое стойло. Журналы, сборники — все **свои** кормушки. Талант... да. Но много и — **удачи**. «Родись счастлив<ым>». «Хорошо тому жить — кому баушка ворожит». А у него была такая заботливая бабушка... братец Юлий Алексеич[85], — видали чай... куда приятней Ивана-Жирафы. Редактор «Вестн<ика> Воспит<ания>» у миллионера Ф<едо>ра Михайлова (что-то златосибирское). А у баушки все друзья, отборные: Венгеров[86] акад<емик>, Котляревский[87], — акад<емик> еще... Баушка тащила внучка «за ушки», ставила на ножки, накачивала просвещением, да рано выпустила, не донакачала, сама не очень-то гра-мотная была. Ну, мальчонка был шустрый, неглупый, о-чень неглупый, с некой остротцой... и... ндравился... особ<енно> дамам подбальз<аковского> возр<аста>. Жена Телешева Н. Дм.[88] Елена... урожд. Карзинкина (фабрики в Яросл<авле>!) — Б<унина> — обо-жа-ла, благо... говела... и — *не* согрешала. А... нечто платоническое. Но такая «баушка» в М<оскве> — цены нет! Связи-то! Критики обедают, кри-тики ужинают, кри-тики концертуют, кри-тики пируют... редакторы ручки целуют, жидки вор-

куют... — и все сияет..! И Жирафа ходит, озирая ***все*** — сверху. Приехала Жирафа с Капри — обед на 100 персон. Уезжает Жирафа — ужин на 200 перс<он>. Написала Жирафа рассказик — мировое событие. Жидки трубят, под-жидки гремят... Юбилей — на 100 дней. Речи, спичи, тосты, корабли со вкладом в 30 тыс. на золото... все газеты спец<иальные> №№... Юлий-баушка лихачей загонял — «како-го внучка на ноги поставил!...» — попробуй — тронь. Все жидки ко-рмлены, все «критики» по-ены, все женчины до-ены... дикольти... юбиляр, по обыкн<овению>, — запаздывает — «для хор<ошего> тону»... — и все в восторге.

Правда, тогда и писал почище. Но козыря все же не дал. Так и остался «Госп<один> из С<ан>-Фр<анциско>» — по Экклезиасту. Не ново, конечно, но сделано четко. Да и в ту-поры... к<а>к раз — «предзвук трубный... идет Она... Леворюция». Все тлен... а пока — попразднуем. Так вот и сложился «вне-критики». «Noli me tangere!»[89] Он не виноват: так воспитан. Под ноги не глядел. И потому так прям и строен. Все замочки под его ключиком отмыкались... ключик-то и избаловался. Ну и продолжает «отмыкать» — в уме. И все юбилеи — кончились. Ну, 80-летие грядет — какой же это юбилей?!... можно ск<азать> «кладбищенский». И вже «смердит». — «Как хороши, к<а>к свежи б<ыли> розы...» А теперь 4 доктора. Пошли ему, Господи, 5-го во исцеление.

Эх, нет Елены Алексевны Карз<инки>ной, нет Захарьина... Погрозился бы пальцем, — восставил! Но... всем надо скоро Тр<аурный> М<арш> Шопэна... И будет — полная ревизия. — Это чего у тебя? — спросит какой страж. — Книги... — Какие? — Те-мные... — Ну, ступай в **темную**. — Э-то чего? — Неупиваемая... — Гм... — Упивайся. Налейте ему... воды!... Все-эм попадет. Так что — «смирись, гордый человек...»[90] Как поется в дачном водевиле:

Время льется так, как речка.
Жизнь проходит так, как час (!)
Человек горит — как свечка:
Ветер дунул — он погас.

Но... нечто (и у кого?) останется. Мало... ох, мало. По-дёнки больше.

И стоило же жить! И стоило же — писать!.. **такое**?!..

Так — круженье... Суета сует... Егоров говор<ил> бывало батьке: «Суета... суёт». И совал в ртище булку с икрой. Дело понимал.

Au revoir, милые. Ну, прелесть «мурмурка» эта!..

Иван Помнящий.

453

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<28.II.1947>*

Дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо! *Все* пришло.

а) Каша — *оба пакета* — ели — в России были — удалась на славу — она соглашалась на большее количество масла. Но поговорка гласит:

«Кашу маслом *не* испортишь,
Но масло кашей изведешь»...

Итак, ура, спасибо!

в) Нугат — *превосходен.* «Каков кок, таков и нугат». «Благословляю вас, леса»...

с) Куликово Поле читалось по вечерам — три вечера. Три вечера видели Преподобного. Мне кажется, я бы никогда не испугался и не удивился, а блаженно обрадовался бы... Простота и убедительность повествования первоклассны.

А «ад»-таки и вправду «отверзся»...

Что Вы там про кого-то изволили намекивать, будто про «филососа» какого-то — это нас некасаемо и мы мнения не имеем; *ничего* не поняли.

Получили ли Вы на «закуску» «Буниади Янос» — «вода тлетворная и тошнодейная»?

Потом будет серьезная порка для печати.

Очень понравилось «фациальное» лечение писателя через продавателя... Вот тебе и попробуй — не сопротивляйся силою!

Если Вы вдруг начнете получать какие-нибудь в машинописи статьи по почте, то *помните*, это *переписано кем-то* из газеты *Россия* в Нью-Йорке. Кто прислал Вам —

неизвестно. Никаких гнусных догадок об авторстве. При таком положении дел имеете право: бросить в корзину или прочитать кому угодно[91].

Не надо ли Вам здешних цветочков?

Только намекните.

Душевно обнимаю. Храни Вас Господь!

28 II 1947

Ваш И.

Ваше последнее пришло 21 февр., помечено 18. Потом были крупо-нугаты.

454

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<3.III.1947>*

3. 3. 47.

Дорогой друг Иван Александрович,

Спасибо Вам, милый: я так рад, новый список «Кул<икова> Поля», расширенный душевно-духовным опытом за 8 лет, сравнительно с первоначальным, — янв<арь>-февр<аль> 1939 г., — благоприятно и благодатно принят Наталией Николаевной и Вами. Это мне — в укрепление и в утешение. Я сознаю вполне трудности этого повествования и суровую ответственность свою перед совестью и моими читателями. Совесть моя покойна: я чутко прислушивался к ней, старался — мучительно — не погрешить, не нарушить ни строгих требований художественной правды, ни смутить духа православного русского читателя, коснувшись такого высокого и **таинственного**, доступного лишь сокровенному чувству — созерцанию **священного**. Знаю, — говорю со всею искренностью, — что мои силы недостаточны, чтобы дать хотя бы приблизительно-совершенное... но я не мог не пересказать истомленным и чающим Правды, ожидающим исполнения Ее, того, что **было**, во что я поверил крепко, что — **есть**. Я исполнил, — чувствуется мне, — **некое** властное **повеление**.

— — — — — — — — — — — — — — — — — —

Я просил Вас разрешить мне привести чудесные и глубоко важные мысли Ваши о «русской духовной мощи», облеченные в предельно-совершенное выражение

родным **словом**. Вы не возражаете, но Вы и не сказали ясно, и потому я в душевном затруднении. Я часто бываю «беспонятным»... — знаю это: покойная Оля, бывало, говорила: «да что это с тобой... ты иногда, как ребенок, не понимаешь такого простого..!» Да, правда: будто какая «пробка»... — ну вот, не вникну — и не пойму... Вы написали, между прочим «...это нас некасаемо, и мы мнения не имеем; **ничего** не поняли».

Конечно, эти — неясные для меня — строки относятся к словам рассказчика-«следователя» о глубоком русском мыслителе... и рассказчик-следователь дает даже средне-образованному русскому читателю возможность понять, о ком, именно, говорит, как о третьем — во времени — член «триптиха русской духовной мощи». Он, по каким-то внутренним мотивам, не называет имени: очевидно, ему **что**-то мешает... его душевной чуткости и скромности. Я писал Вам: принятая Рем<изовы>м манера вводить имена современников в худож<ественный> рассказ — для меня и для «рассказчика», низводит повествование на уровень «хроники», газетности, «случайности», может вызвать «мелкие чувства» в читателях, упреки, раздражения: и все это тем острей и мельче, чем крупней и авторитетней именуемое **лицо.** Другое дело — **отшедшие**, — о них — «аут бенэ, аут нигил»[92]. У меня вырвалось-было, вставкой, — т. е., у «следователя», — «чтобы гусей не раздразнить»... но и эту вставку, прикинув строгую мерку, пришлось похерить. И автор повествования, из опасения вызвать у них недобрые чувства — и к нему самому, и к раскрытому явно **лицу**, согласился, что прав «рассказчик»: нельзя давать несогласным с достойной оценкой 1) **авторитета** (выведенного лица), 2) его провидчества, 3) его творчества, 4) его поражающего постижения «русской духовной сущности»... — нельзя давать, иным несогласным и даже враждебным, — легкой, хоть и призрачной, возможности отвести злобствующую и завистливую душу в укорах и зацепках-намеках — на пристрастность, на «легкость отношения», на... «кощунство»... — «Как писатель (имя-рек) осмелился приравнять к Пу-шкину?!... как дерзнул еще при жизни «канонизировать» и вводить в «какой-то три-птих»!..» и проч., и проч., и проч... **Ху-**

дожественно — **все** сказано, и вместе с сим у иных (пусть немногих!) хулиганов безответственным словцом отнята возможность задешево попировать — поторжествовать. Упрекнут про себя и покусают пальцы, сидя у себя... — по-жалуйста, домекайте, пируйте... у **себя**! Не мог допустить писатель легкомысленного неуважения к достойнейшему имени современника, ставить его мишенью для легкого прицела, — да, иконы носят и по базарам, да разные бывают «базары»... а наш «базар» очень иной раз смахивает на... н<ужни>к. Пусть нужничают с «ноли ме тангере» и проч. А я по-мню: «кум тацент — клямант»[93]! Вы **все** понимаете, — я в сем лишь — подмастерье. Искренно исповедую сие. Да и **все**, что души моей крепко касается — стараюсь посильно исповедовать.

Простите за дерзание: оно углубляет повествование, дает мне крепкий упор.

— — — — — — — — — — — —

«Дикси — эт анимам левави»[94].

Не откажите переслать мне список «К<уликова> П<оля>», у меня потребность кое-где что-то вставить. И теперь надо решить, где и как издать. Это вопрос оч<ень> важный, болезненный, для меня. И — «требующий». Внешность издания должна быть в духе повествования: чисто, красиво, благоговейно. Горькая участь наша!.. — бездомников и почти нищих... Сердце говорит: **необходимо**, оправдано **всем**. А ты спеленут, и как же грязно спеленут!..

Ваша «закуска»... я ее почти вызубрил... — какое же лекарство! и какое же «воздействие»!... И лечит, и — сечет, и... про-травляет. «Сам язвейший Ювенал Ваших «деток» пеленал»! — хоть и в «кавычки» взято, а мое стихоизвержение, выскочило. Жду **обеда**. Бывают сроки, когда «нельзя молчать». Поверьте, что личное тут и не втискивается, ни-как! Скорбно, больно... гадко. Воистину — скверно бывало и раньше, но даже и это «скверное» **лучше** было. Игривость, от полноты сил... лихость похабства, да... но не слюняво-сладострастное хихиканье а-ля-Ф<е>д<ор>-Павлыч[95]... Теперь **все** — безнаказанно, «без последствий». «Бобки»[96] вылезли — и сколько же во-ни и гноя подмогильного напускают и заражают

своим «насморком» еще не «обобчившихся»!.. У нас ничего нет, всего лишены: ни права, ни свободы... — разве что свобода-право «по «Бобку». И так во всем. Писал ли Вам «в потеху»?.. — хохлы смеются над кацапами..? — Мужик с печи, ночью: «Акулина-а-аа...!» — «Ну, чаво?..» — «Дай кваску...» — «Был квас, да Ванюха туды накатал...» — «Тьфу!.. страсть не люблю нечистоты... процади на решато!..» Вот таким «процади» и угощает нас жизнь, «мировая-европейская»... Тьфу!...

Жду «статей». О «горних»... — да, спасибо, — «вирутшайте», как слали депеши «Скитальцы» из Европы — «знаниевцам», прогуляв авансы по... всем монакам-немонакам[97]. А мы и не прогуливали, да прогуляли. **Все**. Ищи виновных, — праздное занятие. Про-гул-то — вековой давности. И как же ретиво — у иных — совершенствуется!.. Каждый день узнаешь-пьешь это «процади». Уго-ща-ют... «Демьяны». И не схватишь шапки. О, если бы — **говорить**!...

Письмо, полученное Вами 21 ф<евраля>, было послано 19, к вечеру. Нуга моя не удалась, надо было дольше варить, мажется. Вот как надо кашу варить, чтобы красная, зерно к зерну, хоть крупа **не** ядрица. Заметка: всего получил: в пяти посылках, каждая содержала: по 4—5 фунт<ов> пакетов крупы и по 4 банки сгущ<енного> молока. Съедите — еще получите. Уделяю и — **лучшим**, — душа велит. А Вам-то — душа **летит**!... Вот как надо: — и дочего же легко!..

На двоих: четверть клгр. круп<ы> залить *холодною* — ! — водою, чтобы ***едва*** покрыло; влить одну двенадцатую клгр. — можно, конечно, и поменьше, растоплен<ного> масла — лучше русского! — всыпать три восьмых чайн<ой> ложки соли, *размешать*. Вставить горшочек с крупой — можно и «боль» соответств<ующих> размеров, — в кастрюлю с кипящею водой, — *крупу прикрыть* — «боль»-то! — тарелочкой или блюдцем, — варить под крышкой не менее — ! — 3 час<ов>, подливая в кастр<юлю> кипящей воды. Каша сделается красною и каждая крупинка будет отделяться. «*Ко щам подают* такую кашу», — так и заканчивает составительница! — удареньице-то! — «ко щам!» Хороша каша, а все-таки

нет «русского духу», «букетца»-то!.. — не тот, значит, во-здУх!.. Меня эта крупа, — люблю и кашу, и кашицу, — 15 мин. варки!!... — лечит, «язву», — сл<ава> Богу, как стал есть, — ни звука!.. — главное — не ем мясных супов. А вы, милые, сварите-ка шти, с говядинкой, — хорошо, если квашеная, наша, капуста!.. — ну, воздыхание!.. Написал бы я вам, что и как — с кашей...! — да набега во рту боюсь, а по рефлективности — тут же и желуд<очный> сок проснется... Попробуйте! найдется же большая кастрюля, куда можно упрятать мисочку, ***прикрытую***! а то пару нахлещет, воды в кашу! и, помните, кастр<юлю> накрыть!.. — ру-мя-ная каша станет!.. то-о-млё-ная!.. Спасибо, дай Бог здоровья Ш<арлотте> М<аксимилиановне> и ее сынку — Вальтеру Б<арейссу>! — так и поминаю, как вкушаю. Сегодня посылаю ему п<ись>мо и «Вуа Селест».

Что же еще-то?.. Джемс мне ничего почти не дает, **не то**, и — старо. И «глупости» много. Читаете «Нов<ый> Журн<ал>»? Подпишитесь, **надо**. Для Вас могут — а мне не осилить. Дадут почитать, а б<удто> и не надо. Я и «Совр<еменные> Зап<иски>» все размотал. Сколько у меня книг расхищено!.. — за **те** годы... когда почти **уходил**. Похищено Ваше мощное — «О борьбе со злом...» — пришлите почитать! **перечитать**. Жажду «Оживш<его> сердца», и трех «слов» о России, дам другим. Как жду — «Философии религии»!.. — Ва-шей, именно. Дай, Господи, сил и вдохновенья рабу Твоему — Иоанну!.. Дожил до склона, а молиться не умею... а хочу. Будь монастырь — ушел бы. Мне надо обжитой, омоленный, **священный**, чтобы камни **жили**... чтобы **следы**... чуялись..!... Ну, так я же **уйду** в монастырь!.. — в «Путях»!.. Я воссоздам, потщусь воссоздать, чтобы камни жили, чтобы слышал и звон, и шелест крыльев... и шумы бора... и запахи трапезной, — о, «Богомолье»!.. Да... я хотел бы отдать его — Вам. Я закрою былое посвящение, — имею право: **та *книга*** была посвящена памяти... **та**. Теперь, в новом виде-издании... я хотел бы отдать его **навечно** — Вашему духу. Вы воспели его. Оно — вызвало письма ко мне почти **всех** писателей... или слов<есную> хвалу. Его **не могли не** принять. Оно само

за себя — сказало. Я не трону в нем ни «йоты». Оно — **родное**, и его можно принести родному народу, через истинно-родного. Разрешите!.. Лучшего — нет у ме́ня.

Обнимаю обоих, милые. Господь с Вами. О «зу́де» — то же. Теперь решил сам себя лечить, ясенем. 11-й мес<яц>!.. Возм<ожно>, что экзема на ревматич<еской> почве... Приним<аю> и порошки голл<андского> гом<еопа>та. Если бы свидеться!.. Нет, трудно. Ку-да уж...

Ваш «ис-следователь» Ив. Шмелев.

455

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<4.III.1947>*

<Телеграмма>

prière retourner lettre sans décacheter éluciderai faute pardonnez — Chméleff +[98]

456

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<5.III.1947>*

Загадочная телеграмма

Телеграмма-криптограмма,
Непонятная реклама,
Ты явилась, словно дама,
Без халата, в пижаме,

И дразня и улещая,
Непонятное вещая,
И касанье воспрещая —
К сокровенному в письме...

А потом — письмо явилось
И в руках моих томилось...
Любопытствуя, ярилась
Соблазненная душа...

Но, запрет постигнув строгий,
Содрогнулся я, убогий,
И обратною дорогой
Я письмо пустил, спеша

По французской по равнине,
Размышляя о причине;
И «остался след в морщине»
Изумленного лица...

Шмель! Зову тебя к ответу:
Ты причину злую эту
Объясни скорей поэту
Ради Господа Творца!!...

5 марта 1947 И.

<На листке, содержащем присланные ему Ильиным стихи, И. С. Шмелев сделал пояснение:>

3.3.47 послал злосч<астное> письмо И. А. И<льи>ну, посвящая ему «Богомолье», ***уже*** посвящ<енное> памяти Ал<ександра> I — Югосл<авского>.

4.3 — <послал> депешу — не вскрывая, вернуть п<ись>мо. Вот на эту депешу, возвращая мое п<ись>мо не распеч<атанным>, И<ван> А<лександрович> пишет эти ловкие стихи.

И. Ш.

Получив их, тотчас же отослал полученное **мое** п<ись>мо (все объяснил в канунном письме ему) и стихи — «опираясь<»> на Пушкина: (но не отпираясь).

7 марта 1947 г.

1-й

Я Вам писал — «чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в Вашей воле
Меня презреньем наказать».
Но, веря в Ваше благородство,
Я говорю себе — дурак!

2

Но, зная Вас, великодушный,
Я говорю себе — дурак,
Простят тебе твое уродство,
Простят за то, что ты — простак

3

«Кончаю! страшно перечесть...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукой Ваша честь», —
Письмо мое при сем вверяю...

Ив. Шмелев

457

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<5.III.1947>*

3. 3. 47. 10-15 в<е>ч. *Отправлено 5.3. в 5 ч. в<е>ч.*

Дорогой Иван Александрович,

Спешу объяснить **тяжелую** ошибку. Утром 4-го 3. — посылаю депешу, одновременно и это п<ись>мо — par avion (нет, обычным путем). В дневном п<ись>ме, от сего числа, опущенном в 6 ч. 40 м<и>н. веч<ера>, я *в диком потемнении* «в порыве» любви к Вам и восторге от счастья, что Господь послал мне в Вас — друга и *путеводителя* в бытии моем, творческом и — вообще — земном, я невольно, как бы в ослеплении, допустил **ошибку**, за которую Вы были бы вправе меня **окрикнуть**. Я сознал ее, но скажу **все** несколько позже. Вы, чуткий, не обвините меня, что сейчас — просто — не нахожу в себе мужества повиниться... — надо прийти в себя. Я ***не смел так*** провиниться... и вот, в каком-то потемнении, провинился... Мне горько и сокрушительно стыдно.

Я знаю: я Вам покаюсь после...

Я хотел отдать Вам **честь** — и... оскорбил невольным жестом память **достойного**, — и, теперь, понимаю, что были бы и огорчены, и оскорблены и Вы.

Простите меня **грешного**.

Дневное п<ись>мо, которое Вы мне вернете, я повторю, переписав, и выну из него только мою горькую **ошибку**. (Возвращу его Вам, *не* исправляя.)

Вспоминаю басню Крылова: «Пустынник и Медведь»... — надо бы раньше вспомнить. Жестоко попал впросак! За то и терзаю себя. Не поверите, как раздражает эта моя **зуда́**, — до... мысленной аберрации... Да ночь сегодня почти не спал, в 3 ч. ночи вставал поже-

вать, как Афан<асий> Иваныч...[99] — много думал и читал в воскрес<енье>, лег около часу... а вставать надо было в 9-м сегодня, ехать по делу. Не отдохнул, сел написать Вам — и — такой «lapsus linguae»[100]!

Простите! Письмо верну быстро.

Пожалуйста, пошлите мне «Кул<иково> Поле», надо.

Ваш — повинная голова — Иван Ослович.

5. 3. 4 ч. дня.

Добавлю *пояснением:*

Я — в светлом порыве — написал Вам: посвящаю «Богомолье», — лучшее мое, — Вам. И, уже бросив п<ись>мо в ящик на почте, почувствовал **тревогу** и смуту. «Посвящая» Вам я *был уверен* (!?), что посвятил (в 35 г.) К<оро>лю Ал<ександру> I-му (Югославии) — изданную (Его иждивением) книгу «Богом<олье>», как бы разумея *это* издание, «белградское». Проверить тотчас не мог, книги у меня ***не было***.

Так, именно, считал — поверьте! И светло — bona fide[101]!. — пожелала моя душа — **посвятить** «Богомолье» — мой *труд*, — навечно, — Вам, этот труд оценившему высоко, раскрывшему его и мне — в полноте. Но родившаяся во мне тревога требовала уяснения. Я тут же пошел к фр<анцузской> перев<одчи>це — Эмерик — она живет в 5 мин. от меня, у ней было оставлено в 1 экз<емпляре> у меня «Богомолье» — и увидал «посвящение». Я *труд* посвятил Отшедшему, *не* это издание *только*. И меня охватил ужас. Но п<ись>мо Вам было уже брошено в почт<овый> ящ<ик>. Утром (не спавши ночь) я дал депешу.

Вот **вся** *Правда*.

Простите безумца.

Я принес полную повинную. Я знаю: невольно, оскорбил бы Вас! И Вы окрикнули бы меня. Теперь я сам себя окрикнул.

Так и судите меня.

Я достаточно покарал себя. Верьте!..

Повинный кругом грешный Иван.

458

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<7.III.1947>*

Получено: 7. 3. 47. 5 ч. 40 м.
Отправлено 7. 3. 6 ч. 15 м. в<е>ч.

Опираясь на Пушкина: (но *не* отпираясь!)

Я объяснил — «чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь я знаю, в Вашей воле
Меня презреньем наказать».
Но веря в Ваше благородство,
Я говорю себе — дурак!
Простят тебе твое уродство,
Простят за то, что ты — простак.
«Кончаю! страшно перечесть...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукой ваша честь», —
Письмо мое при сем... вверяю.

Ив. Ш-в.

<В конверт вложено возвращенное И. С. Шмелеву письмо, на котором рукой писателя написано:>

Возвращаю мое злосчастное п<исьм>мо и по поводу сего — стихи оч<ень> ловкие!

7.3.47

И мною нетронутое возвращается адресату.

Ив. Шмелев

7.3.47 4 ч. 30 м. в<е>ч.

459

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<8.III.1947>*

8. III

Чуть не отправил письмо. А тут пришло Ваше «объяснительное».

Дорогой мой! Низко кланяюсь Вам за радость и честь: за *желание* посвятить мне Богомолье! Оказывается, оно посвящено уже — моему любимцу, Королю Александру. Тогда, конечно, нельзя. Но я *не вижу* беды

и причины для волнения. По-моему, не следовало лишать меня Вашего, мною уже отосланного, письма. Я не чую Вашей «вины»; я не чую никакой моей «обиды». Все страшно просто, ясно, любовно и легко.

Обнимаю Вас.

460

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<9.III.1947>*

9. 3. 47.

Ивану Великому, что на 1, ru Offenbach
— посвящает —
(см. 4 стр<а>н<ицу>)

Дополнение к «закуске» И. А. Ильина, как итог чтения рассказов — «Речной трактир» и «Гость», появившихся в американско-русских изданиях — «Приап»; а равно, понаслышке, рикошетно, от — увы! — нечитаемых «Темных Ал<лей>»:

Распаленный страстно **ею**,
Он повлек **ее** в аллею,
Ох, и в те-мную!..
И шептал: «тебя, лилею,
Растомлю и залелею,
Неуемную...»
У калинового моста,
Разглядев того прохвоста,
Дева — ? — ах-нула:
«Тьфу!.. тебе, дед, не в аллею,
А пора под мавзолею!..» —
Так и брякнула.
Опустил несыто око:
Потрясло его глубоко
То вещание:
Навострив обратно лыжи,
Приступил к труду пожиже:
«Завещание....»

На голос «Люблю я цветы полевые»...

Люблю я чулки шерстяные
На ножках девиц поджимать:
Мне грезятся «Лики» иные,
Кого приходилось **имать**...

«Глядя на ночь пурпурного заката...»

Глядя на зад молящейся девицы,
Столь искушаемый, он в церкви вспоминал
Тот дивный абрис «лиры» у певицы,
Кого не раз в объятиях держал...

«Чижик-чижик, где ты был?..»

Старчик, старчик, где ты был?
— Я не помню, позабыл...
Старчик, ты кого любил?..
— Это я не позабыл:
И козу, и стрекозу,
И старушку-егозу...*

В распрекрасный день один
Позвонился господин.
Отворила кухарчонка,
Мордорылая девчонка,
Обомлела у крыльца
И сменилася с лица:
Загорелся барин вдруг!.. —
Тут как раз стоял сундук...
Тот сундук — один свидетель,
Что содеял благодетель...
Стыдно мне, читатель-друг...
Пожалеем хоть сундук...!

---

* *Чти*: «Грамматика любви», —
Топогра-фия...
Арифметика любви, —
Гео-графия...
Мни: «Косметика» любви, —
Полно-графия.

Ну, а в общем-то, итог?..
Что ж, таков уж, видно, **ток**...
Глухари себе токуют,
Кукуши в лесу кукуют,
Филин — в ёрническом смехе,
Кобелек — в вонючем мехе,
Потрясучий, в сих утехах,
Ошалевший в сих потехах.
А «приап» — во власти Рока!
Что поделать... — **подоплёка**!..
Тут инстинкт-то вон какой:
Родовой да половой...
Избежим такого «рейда»:
Почитай о сем у Фрейда...
Помни, по-мни: «не суди...»
Оттошнись — и прочь иди.
Хорошо-с... ну, а... издатель..?
Что ж издатель!... ах, Создатель!..
Это — денежку кует,
Это — пару поддает.
Ну, при чем же тут... издатель,
Коли **есть** такой писатель!..
Не простой, а — при-Нобель!
Вот отсюда и... **кобель**.
При таком лихом рекорде
Получается «по морде», —
В недоступности **творца**,
Бьют по морде продавца...
Морда пламенем горит,
А писатель говорит:
«Красоты не постигают!..»
Не его — других стегают!..
Но грядет расплаты час:
Стеганут не в бровь, а в глаз.
Сей надеждой завершим
Наш отчет. Да не грешим!

9. 3. 47. Париж — Иван Малый, что на Буало.

В архив, — историко-литературный, —
И. А. Ильина.

<Приписка:> Дорогой Иван Александрович, Ваша «Загадочная телеграмма» — отлично, четко, метко, **ловко**.

И. Ш.

461

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<6.III.1947>*[102]

Дорогой Иван Сергеевич!

Таинственное письмо послал Вам назад, сан завуар *лю*[103]. Жду Вашей де*лю*сидации[104].

Прилагаю текст статьи *о Шмелеве*, отправляемый мною в Русского же Ребенка Н. В. Борзова для юбилейного выпуска[105]. Туда же, где *Говение*. Там же идет от меня «Вера в Россию» и «О рел<игиозной> свободе и рел<игиозных> гонениях».

Ан аттадан, мерси и одиё[106].

Тутаву

Вотр Трубадур[107].

<Статья И. А. Ильина о И. С. Шмелеве для «Дня Русского Ребенка»:>

Иван Сергеевич Шмелев

Шмелев замечательный русский художник наших дней. Он *поэт России*, изобразитель русского, исторически сложившегося душевного и духовного уклада; и то, что он живописует, есть русский человек и русский народ, — в его подъеме и в его падении, в его силе и слабости, в его умилении и в его окаянстве. Это русский художник пишет *о русском естестве*. А там, дальше, глубже, в этих узренных национальных образах раскрывается та художественно-предметная глубина, которая открыла Шмелеву доступ почти во все национальные литературы современного мира.

Это не случайно, что Шмелев родился и вырос в Москве, проникаясь от юности всеми природными, историческими и религиозными ароматами этого дивного города. Здесь русский дух начал гнездиться, роиться и накапливать свои богатства, — и нетленные, и исчезновенные, — с девятого-десятого века; в этом стародавнем

колодце русскости и притом великорусской русскости, в этом великом национальном «городище», где сосредоточивались наши коренные силы, где тысячу лет бродило и отстаивалось вино нашего духа; — в этом ключевом колодце, вокруг которого ныне как и встарь, — «и смолой и земляникой пахнет темный бор»... Вот откуда у Шмелева эта национальная почвенность, этот неразвеянный, нерастраченный, первоначально-крепкий «экстракт» русскости. Он пишет как бы из подземных пластов Москвы, как бы из ее вековых подвалов, где откапываются старинные бердыши и первобытные монеты. Он пишет из того же духа, которым всю жизнь дышал великий русский историк Иван Егорович Забелин. Они оба знают, как жил и строился первобытный русский человек. И, читая Забелина и Шмелева, чувствуешь подчас, будто время вернулось вспять, будто восстает пред очами исконная Русь, ее израненная историей, многострадальная, но истовая и верная себе, певучая и талантом неистощимая душа...

Шмелев происходит из старой замоскворецкой купеческой семьи, зажиточной, но не богатой. Предки его принадлежали в XVII веке к московским старообрядческим кругам и славились как знатоки веры и начетчики писания. Они участвовали в тогдашних раскольничьих прениях и стойко боролись за свою правую веру. Это их кровь говорит в его писаниях. Когда он пишет, он как бы слушает, как *растет трава русского бытия, как стонет и поет русская душа*. А тот, кто знает требования истинного художества, сразу оценит «простоту» этого слушания и повествования.

Художественное творчество Шмелева началось рано, еще в гимназические годы. В 1898 году он кончает Московский Университет по юридическому факультету; затем работает полтора года в качестве помощника присяжного поверенного и несколько лет служит во Владимирской губернии по финансовому ведомству. Это годы внутреннего отстоя, созревания, как бы ожидания. С 1907 года художество овладевает им окончательно. Он не примыкает ни к какому «направлению», — ни литературному, ни политическому. Он не может, не умеет,

не смеет быть «партийным». Он всю жизнь идет не за лозунгами и не за «программами»; он следует не за чужим и не за внешним, а за своим и за внутренним. Он повинуется ночным голосам *своего художественного видения*. В нем живут внутренние источники, которые поют ему и зовут его; и часто бывает так, что «дневной», сознательный Шмелев не может выразить словами этих песен и кликов. Соответственно с этим он не может писать ни по заказу, ни по произволу. Он не выбирает самоуправно «тему» или «зерно» своего повествования; и не от него зависит его творческий путь. Он может писать только тогда, когда в нем **созревает предметный замысел**, когда созревшее начинает облекаться в *образы*, когда одержащие его образы начинают требовать *словесной записи*. Иногда это происходит в виде нежданного взрыва, вторгающегося в жизнь дневного сознания и ломающего все его очередные расчеты...

Вот что он сам рассказывает о своем первом произведении, появившемся в печати.

«Лето перед восьмым классом я провел на глухой речушке, на рыбной ловле. Попал на омут у старой мельницы. Жил там глухой старик, мельница не работала. Пушкинская «Русалка» вспомнилась. Так меня восхитило запустенье, обрывы, бездонный омут, с «сомом», побитые грозою, расщепленные ветлы, глухой старик — из «князя Серебряного» мельник!... Как-то на ранней зорьке, ловя подлещиков, я тревожно почувствовал... — что-то во мне забилось, заспешило, дышать мешало. Мелькнуло **что-то**, неясное. И — прошло. Забыл... И вдруг, в самую подготовку на аттестат зрелости, среди упражнений с Гомером, Софоклом, Цезарем, Вергилием, Овидием Назоном.. — **что-то** опять явилось... Не Овидий ли натолкнул меня? Не его ли «Метаморфозы» — чудо? **Я увидал** мой омут, мельницу, разрытую плотину, глинистые обрывы, рябины, осыпанные кистями ягод, деда... **Живые**, — они пришли и **взяли**. Помню, — я отшвырнул все книги, задохнулся... и написал — за вечер! — большой рассказ»...

Это и был рассказ «У мельницы», появившийся затем в «Русском Обозрении».

В этом воспоминании, в этом первом творческом порыве — все характерно; и первое «зачатие» художественного предмета в самозабвенном уединенном созерцании; и нити, ведущие к образам Пушкина и графа А. К. Толстого; и с виду бесследное исчезновение «зерна» в тайниках вынашивающей художественной «утробы»; и его самочинное, несвоевременное, но властное всплывание с требованием немедленной записи; и эта образная обстановка первого «зачатия», вызываемая Овидием и создающая образную ткань рассказа; и символы **«бездонного омута»** и **«глухого запустения»**, из которого (и внешне! и внутренно!) возникает художественное произведение. «Живые» образы сами «пришли и взяли». Не художник их взял, а **они его**: зародились, исчезли, созрели, вернулись и взяли, у омута возникшие, из «омута» рожденные...

Так со Шмелевым было всегда. Он вообще может писать только тогда, когда «на него находит», когда им овладевают, по слову Баратынского, «неосязаемые власти»[108]. Пока «гроза» не приходит, или пока она только надвигается, он молчит: художественный предмет медленно зреет в недосягаемом для личного произвола душевном омуте, сам развертывается из первоначального «зерна», облекается в образы и т. д. Такой художник не может писательствовать изо дня в день, или профессионально «поставлять» литературу. Он может писать только тогда, когда его зовет созревшая художественная «тема», когда его «осеняет», когда приходит вдохновение или когда он чувствует в душе некую, таинственную для него, **духовную одержимость**. Тогда все горит и цветет; тогда поток прорывается и затопляет пространство души; тогда душа поет, в ней стоны, и вздохи, ликование и молитва; тогда с ней, как со дна моря, поднимается целый **остров художественного бытия.**

Именно этим объясняется то замечательное обстоятельство, что Шмелев, после своего первого, полудетского произведения, промолчал целых десять лет и не написал ни одного художественного произведения с 1895 по 1905 год, так, как если бы это совсем не он был озарен, и потрясен, и творчески осчастливлен. У на-

стоящего художника вдохновение не может гореть в душе «всегда». Оно **должно** «проходить», исчезать, хотя бы для того, чтобы опять вернуться. Нельзя пребывать слишком долго в этом творческом напряжении, в этом трепете художественного ясновидения. Восторженное чувство власти, богатства, победного звона, избыточной полноты (плэромы) в видении, слышании, чувствовании и мышлении — непременно должно прекращаться, и тогда душа, потрясенная и обожженная своим собственным воспламенением, вернее — огнем художественного предмета, — возвращается усталая в повседневность, которая кажется ей унылой и темной, и где она пребывает в кажущейся томительной пустоте и растерянном томлении. Так было ведь и у Пушкина...

И, может быть, художник сам себе представляется в это время чем-то вроде сокрушившегося Икара или разрушенного жертвенника...

Эта чисто артистическая черта стала особенно характерной для Шмелева после того, что он видел и испытал в Крыму во время революции. Предчувствие надвигающейся катастрофы давно уже зарождалось в его душе. Еще в 1913 году он пишет большую бытовую поэму «Росстани»*, образы которой вздыхают вздохами отпевания и разлуки. Русский, крестьянско-купеческий быт цветет еще во всем своем обилии и скудности, во всем своем жестокосердии и умильном мягкосердечии, но где-то за ним, глубже, чуется некая рыхлость, неупроченность и шаткость, как бы грядущая разлука, с чем? Тревожные общественно бытовые сдвиги вскрыты и в «Распаде», и в «Человек из ресторана» (1910). А в 1916 году в «Лике скрытом» предчувствуется, крепнет и получает пророческий оттенок.

В июне 1918 года Шмелев покидает центральные губернии и переселяется в Крым, где и живет в своем домике до 1922 года. Здесь коммунисты расстреливают его единственного, нежно любимого сына. Он видел своими глазами все: и борьбу белых, и отход их под во-

---

* Перепечатана в сборнике «Родное». Русская библиот<ека>. № 32. Белград, 1931.

дительством Врангеля, и вступление красных*, он видел свирепый террор коммунистов, имущественный передел**, опустошение страны и голод, от которого все слабое вымерло в течение одного года. Крым выметался «железной метлой революции». Виденное Шмелев и описал в своей, потрясающей душу, эпопее — «Солнце Мертвых», которая навсегда останется одним из самых значительных исторических памятников нашей эпохи. В 1922 году Шмелев вернулся из Крыма в Москву и по дороге как бы подвел великий итог первым пяти годам революции. Печататься он не мог. Он увидел, что в этой адской плавильне он будет обречен на многолетнее безмолвие; он понял, что **не смеет** молчать о том, что ему открылось, — и уехал за границу. За границей он создал весь ряд своих дальнейших произведений.

— — — — — — — — —

Гранью революции и ее трагического опыта творчество Шмелева делится (условно и приблизительно) на два периода, отделенные друг от друга не резким *переворотом*, а медленным, глубоким *поворотом*. Этот поворот совершался на протяжении нескольких лет и протекал органически, в жизненном страдании и умудрении.

Первый, ранний период характеризуется расцветом **образного таланта**. Этот талант изживает себя в **бытовых** описаниях, с преобладанием **эпического** тона, с некоторой склонностью к **сентиментальному лиризму** и с затаенным трепетом перед **трагедией мироздания**. Шмелев «пишет Россию», в ее шири и спокойной истовости, в ее отстоявшемся, но уже растревоженном и пошатнувшемся укладе, в ее душевной чуткости и непосредственно-философической, наивной созерцательности. В этих образах, за этими изображениями ощущается творческая душа острой и глубокой чуткости, способная уловить нежнейшие чувства человека, но не нашедшая еще *художественного предмета*, который потребовал бы **всей** этой чуткости и был бы достоин ее **предельных напряже-**

* См. рассказ «Гунны» в сборнике «Свет разума» (изд. Таир).

** Сравни рассказ «Два Ивана» в сборнике «Про одну Старуху» и особенно «Солнце Мертвых».

ний. Соответственно этому и самый предмет ранних произведений Шмелева не столь господствует над своими образами и не поднимается до такого зрелого полновластия, как это мы видим в произведениях второго периода. Страдание человека остается здесь еще в пределах **быта**, бытового горя, бытовых волнений и не вступает в ту атмосферу **бытия**, где выступает «более-чем-человеческое» или даже «сверх-человеческое» содержание, возводящее душу на уровень **мировой скорби**.

Сюда относятся: «Распад», «Гражданин Уклейкин», «Волчий Перекат», «Мэри», «Мой Марс», «Человек из Ресторана», «Росстани» и ряд других рассказов.

Второй период характеризуется расцветом **предметного созерцания**. Все прежнее искусство Шмелева не только не бледнеет, но достигает высокой и чрезвычайной зрелости; гибкость и выразительность языка, яркость образа, острота ви́дения, мастерство стиля, — все совершенствуется. Но все это теряет свою самостоятельность, подчиняясь до конца Главному, *художественному предмету*, оставаясь его верным и покорным орудием. Быт насыщается бытием. Эпическое повествование приобретает необычайную значительность и пророческий полет. Все насыщается предметным чувством, не оставляющим места для сентиментальности. Лиризм углубляется и утончается. Трагический элемент выступает на первый план и окрашивает все в свои тона. Художественное ви́дение находит великие и глубокие предметы; и **по предмету строится весь состав произведения**. В испытаниях, потрясениях и страданиях революционной эпохи мастерство Шмелева достигает своей настоящей высоты и <он> создает свои лучшие вещи.

К этому периоду относятся: «Неупиваемая Чаша», «Солнце Мертвых», «Лето Господне», «Богомолье», «Пути Небесные» и целый поток меньших рассказов, захватывающих душу своею значительностью и художественностью.

Замечательно, что все эти создания *несомы единым духом и единым созерцанием*, ибо художественный акт Шмелева созревал, углублялся и уравновешивался, но не менялся и не перестраивался, как это было у Л. Н. Толстого.

Однако творчество его настолько значительно в национальном масштабе, что его подлежит исследовать в особом литературно-критическом изыскании.

И. А. Ильин

(Из подготовленного к печати труда «О Тьме и Просветлении. Книга художественной критики»)

462

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<10.III.1947>***

10. 3. 47.

Дорогой друг Иван Александрович,

Только что В<аш> заказной пакет: благодарю за несравненные страницы о Ш<меле>ве! За честь — быть пропетым *Вами*. Душа моя покойна: Вы не погрешили, Вы умом и сердцем взяли. А я всегда смущаюсь, когда слышу или читаю о себе. Путь мой почти завершен: суди меня Бог. Один Он ведает **все** о рабе своем. Может, и приласкает, скажет: «Ну, отдохни...» О, если бы!..

Милый друг, я сугубо исправлю свое «уродство». Вы теперь получили возвращенное мно<ю> таинственное п<исьм>о. *Исправлю*. А **как**... — о сем узнаете, придет срок... — не в долг.

Обнимаю Вас. Привет, благоговейный, Наталии Николаевне.

Сегодня известие о «colis suisse». Вызов за ним — на 15. 3. Благодарю Ш<арлотту> М<аксимилиановну>!

Да, это, все, бодрит. Но сегодня же... счет в 1040 фр. — за газ (правда, за 4 мес<яца>). Хорошо, что бумажник сдержал такую сумму, но вже на исходе. Зато — на сл<едующей> неделе получу аванс в 10 т. под «Л<ето> Г<осподне>» от Edit. Reunis: *сдают в набор*.

Жду «горных»*)! Через две недели буду читать в Казач<ьем> Муз<ее> — для Церкви в Asnières (хотят — вынуждены — покупать владение, где церковь). Нужно милл<иона> полтора, — рука дающего *не* оскудеет! Собрали уже до 900 т. — гро-ша-ми! распродажей америк<анских> посылок и помощью из Швейцарии! Вот страна!... Конечно, православные — ?..

*) упали.

Мечта: где-то (м<ожет> б<ыть> в Герм<ании>) издать **изящно** «Кул<иково> Поле» — в 1/32 л. Пришлите.

В Каз<ачьем> Муз<ее> б<уду> читать «Говенье» и — из «Пут<ей> Неб<есных>».

Ваш Ив. Шмелев.

Сегодня дождь, ужас: по-чёс! Явно, на ревмат<ической> основе. Лечу себя ясенем. 11 дней примаю, — ни-чего! Но — терпение. *В два мес<яца>* — писал В<ам>? — излечился ревматизм плеча (оч<ень> мучит<ельный>) у отличного *русского* чел<ове>ка, Расловлева, — много работавшего — и к<а>к скромно! — за для России. Чистый человек. Теперь и в самую волчью непогоду — ни намека на боли! А и руки не мог поднять. Правда, ему только 56 л. Но и я уповаю. Весь лоб продрал.

Вот-вот — нырну в 3 кн<игу> «Путей»... Мне *ни-чего* не сказал Джемс: «Многообразие религ<иозного> опыта». Около-вокруг. *Чем* же тут восхищаться? а в свое время ка-ак нашумела книга! Хорошо, что хоть — оч<ень> пристойно. Тем нетерпеливей жду Вашей «Фил<ософии> Религии». Пришлите «Ожив<шее> сердце»!.. За «шутку» с «Т<емными> А<ллеями>» извините. Под руку попало. Господь с ним: бо-лезнь.

Ив. Ш.

<Приписка:> Я, каж<ется>, нашел нить — без Сальто. Через Вигена. Сообщу, т<олько> ч<то> напис<ал> ему — кто верит его обещанию.

463

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<13.III.1947>***

13 марта 1947

Дорогой друг!

Если понравится, то читайте, кому хотите. Но *на руки* не давайте никак и никому!

Клянитесь![109]

464

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<18.III.1947>***

18 марта 1947 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Только что получил письмо от Н. В. Борзова. Радуется Вашему «Говению» и пишет: «Хочу Вас порадовать — Фонд имени И. В. Кулаева сделал ассигнование И. С. Шмелеву в размере *ста долларов* через общество помощи русским писателям и ученым».

Ура! Удалось!.. *Радуюсь радостью.* Помоги Вам Господь «зону» угасить!!

Ждите офиц<иального> уведомления, а до тех пор никого не благодарите. А когда придет оф<ициальное> письмо, тогда напишите оф<ициальную> благодарность извещающему учреждению и *интимную благодарность* Николаю Викторовичу Борзову (адрес: Mr. N. V. Borsoff. 2147 Ward str. Berkely (California) U.S.A.). Это *он* колдовал-хлопотал и «варил варом». *Меня* благодарить не надо.

Закончил «Поющее сердце» — и *колеблюсь* в отослании Вам. Thomas Hobbes сказал «pactis standum est»[110], а Вы нарушаете. 1) Тьму и просветление отсылали вопреки соглашению 2) «закуску» не вернули. А у меня на этот счет все *аптекарски* взвешивается. Звезда бо от звезды разнствует...[111] И как подумаю, что Вы мое трепетное-новое-русское кому-ниб<удь> пошлете или покажете без моего согласия — так «Поющее сердце» сжимается и *не поет...* и машинкина рукопись летит обратно в ящик...

Помните, что сальто всегда к Вашим услугам. Только мигните!

Зачем это Ольге Александровне адрес Ремизова? Не дам, не пошлю. Он перешел на сторону мучителей, а *почему* и *зачем* он это сделал, это мне безразлично.

Относительно Джемса — я так и думал, что он разочарует: бездуховное коллекционирование «случаев»...

Обнимаю Вас. Долой «зону»!

Сегодня третий день давящий Фён. Многие *туземцы* не спят ночь напролет; другие лежат весь день; третьи —

со слабым сердцем — умирают в одночасье (sic! sic!). Я мучаюсь — и пишу четвертую главу «О приятии сердцем».

465

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<19.III.1947>*

19. 3. 47. Вечер, к 11-ти.

Дорогой друг Иван Александрович,

«Кулик<ово> Поле» получил, благодарю. Тут же и принялся его шпиговать. И вот почему. Получил нежданное «предостережение». О<льга> А<лександровна> — спасибо ей! — «сочла долгом» заметить: «25 окт<ября> — 7 ноября» — годовщина «Велик<ого> Окт<ября>»! — и «кооператив **не мог** б<ыть> открыт». И еще: «не был ли в то время еще НЭП — тогда выдач таких тоже не могло быть». Ка-ак Вам нравится?!.. Совсем по-женски — особенно, если мы чем оби-жены! — но — лучше сказать — «аргументик» — возможный! — ретивого не по разуму парт-безбожника из зеленцы: дескать, «тут-то я все **чудо** и опрокину!» — «у **нас** ни-как в великое празднование **не мог** бы кооператив выдавать!...» Ну, я **их** и обя-зан был «опрокинуть», да та-ак вышел сей опрокидон, что ретивый воробей-партиец-безб<ожник> только в тупом своем затылке заскребет, а матерой его та-ак-то обложит..! Да, ибо через сие... — творит Господь таинственными путями! — рассказ еще более углубился... и «Димитр<иевская> суббота» **закрыла** — субботу нечестивых! Да, «сомкнулись» **две** субботы, в 25 году. Они смыкаются, — точно — через четыре повторяющ<ихся> цикла (я знаю формулу) в 11 лет, в 6 л., в 5 л., в 6 л. И снова — 11, 6, 5, 6, 11, 6, 5, 6...... Первое «закрытие» черной субботы — 7 н<оя>бр<я> — случилось в 1925 г. — год моего «случая», — так<им> обр<азом> **до** «октября» посл<едний> раз было совпадение субботы Димитр<иевской> — и 7 н<оя>бр<я> в *1914.* И вот, это-то и ознаменовано — «явлением»!!! Поверьте, я этого **не** замышлял: для меня **это** вскрылось лишь на сих днях: закрытия не было в теч<ение> 10 лет, **до** нечестивых, и вот, в 25 году — «знамение»: **за-кры-та** черная суббота... — **благовестием**! «Из уст младенцев...» — ?

Это, конечно, пустая формальная *прицепка* — ?! «не могли выдавать» в сей «праздник»! **То** ли еще делалось и делается!.. Я всего повидал... И в Москве даже могли на час-два произвести «праздничную» выдачу, порадовать алчущих, чтобы помнили, как власть-то печется: вот вам — «все — **все** — **все»** — «гостинец», в ознаменование годовщ<ины> Вел<икого> Окт<ября>! чувствуйте!.. и в *ранний* час, **до** «всенародных шествий», и потом — «торжеств<о> массов<ых> собраний» с речами и приехавшими из Москвы ораторами, — **до** всего сего. Поду-маешь — «не могли выдавать»! Какие закон-ники!... Тут-то и ознаменовать, как это было в Алуште!... в городках да посадах власти изо-щря-ются, как бы рвение показать центру: вот мы какие! в самый вот «юбилей», с 7 до 9 утра — и приказали явиться за «гостинцем»! Так и ринулись, понятно... — и славили «годовщину»... крупой и подсолн<ечным> — самое приятное из «программы»-то, и матерые отлично понимают психологию.

Да, вот в **самый**-то день 8-ой годовщины, как объявил загодя Горсовет (в Посаде) — с 7 до 9 ч. будет произведена свер<х>сметная выдача «юбилейного пайка»... — «предлагается не опаздывать, так как массовая манифестация начнется — **ровно** — ! в 9-30 у<тра>!» А «подмасленные», потом, и месили под ледяным дождем грязь в теч<ение> часов... и предвкушали, м<ожет> б<ыть>, оладьи на подсолн<ечном> масле-то или — пшенную кашу, ма-сленую!.. Там, в **трясине**, когда угодно и **что** угодно прикажут, — и чу-вствуй!.. Но я все же написал — «благодарю» — за формальную-то заметку, — «она мне только помогла но-вое уразуметь...» и — подивиться, как я за свою работу над «К<уликовым> П<олем>» с янв<аря> 39 года и по сие время, ... был ведом... — к главной цели!.. Благодаря сему, мой «рассказ» — увеличился еще 3 страницами, — и мне довелось о-чень многое обнаружить и пополнить «чудо обновления»!.. Радостно прорабатывать!... — был в полете. **Не** я выдумал «пшено и подсолн<ечное> масло», — мне было пе-ре-да-но... — и вот эта «серенькая мелочь» как же углуби-ла!.. И это **новое** — **две** субботы... и какие же разные! А я и не думал, что 25 окт. — как раз 7 ноября

и... — «юбилейное»! — 8-ая годовщина «радения». Но ее — **закрыло**. Смотрите, как вышло-то!... **Такое** со мною не раз случалось... когда писал «Пути...» — некое — «ясновидение». Там я предвосхищал, угадывал, — **здесь** — меня — **наводили**... — и навели. Отношу сие — к **Промышлению**. Написал было я — «ядови-тое» п<ись>мецо в Голл<андию> — да пожалел — не послал... — ррраздави-ло бы!... Но насчет «возможного покушения зеленого безбожн<ика>-партийца — **опрокинуть чудо**» — все же помянул... Надо было выжить под **ними** 5 лет — и ка-ких! — чтобы **все им возможное**... — лицезреть!... А тут, — это в «посаде»-то!... — «не могли в этот день выдать в кооперативе...» Э-э... — «не могли»!... да **они**, когда им «полезно», хоть кроху в credit счета заполучить... все выдадут, все продадут и предадут!... Скажут — и хлеб в сей «юбил<ейный> день» не выдали бы?!.. **Они**... — когда им это **нужно** — не то скажут и сделают! Но **как** О<льге> А<лександровне> могло прийти в голову **так** «предостерегать»!... Явное «наитие». А я прямо — *схватил* его, это «предостережение» — «на шапку» мне! Да, **это** — о-чень наполнило рассказ... до трепета... И ни одна сов. сволочь не пикнет даже — возразить! — «матерые» сами оборвут: «не лезь, ду-рак... в морду получишь за такое «возражение»! «Нас сотнями «хвахтоф» побьют, кто поумней!» Не внушительно ли, даже для **них**, что такое «сомкнутие суббот» 25 окт<ября> и 7 ноября — **за** все эти 30 лет было лишь четыре раза: в 25 г., в 31, 36 и 42. Следующее — произойдет ли? — д<олжно> б<ыть> в 1953. Итак, с 1914—15 гг. — не считая 14-го, **по** 1952 — **могло** случиться, за 38 лет **только** четыре раза такое сомкнутие, такая «закрышка» одной субботы — черной — другой — **чистой**, помино-вен-ной!.. «Имеяй уши слышати...» и очи видети... Слава Господу!

Трепещу — посылали ли укрепляющие капли?.. Посл<едняя> получена была 3 февр<аля>. Бессонница...

Получил благодарств<енное> п<ись>мо-авион от Н. В. Борзова — за «Говенье», пришло. А за неделю до него — тоже, от него же: извещ<ение> об ассигновании рабу Божию некой подкрепы... в 50 долл. — из ассигнованных 300 — в помощь писателям. И очень сердечное

п<исьмо>!.. — растрогало меня. Такое обращение: «Дорогой наш РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ»!! Милый И<ван> А<лександрович> — это Вы все, **чу-ю**... Деньги когда еще получу... и, конечно, по оф<ициальному> к<у>рс<у> — 120 фр. фр. — 1 д<о>л<лар> — т. е. 6 т. Да **не** деньги тут дороги, а... **чувства**!...

Мр. Вальтеру Барейсс еще 7 числа послал авионную признательность, а 10 — отправил фр<анцузские> «Пути». Хоро-ший, д<олжно> б<ыть>, человек! **Как** он просьбу матери, с каким размахом оправдал!.. — он же меня не знает. Ну, за меня только Господь может обласкать их... А уж о Вас и не знаю, как и высказываться в молитвах...

Был у А<нтона> В<ладимировича>. Он с восторг<ом> говор<ил> мне, что только чт<о> получили они ст<атью> о Церкви: «совершенно исключи-тельно дано!» «Глубоко, обоснованно, как полновесно!.. чувствуется огромный дар, огромная культура автора, как глубокомысленно — зернисто!...» Я просил дать мне, но 1 экз<емпляр> и во вторник — я был в суб<боту> на выносе Животв<орящего> Кр<еста> Господня, — могут в заседании акад<емического> совета, что ли, спросить этот единств<енный> экз<емпляр>. У Вас нет, а? Жажду. Взял у него и читал уже автобиографич<еские> очерки Булгакова, посм<ертное> изд<ание>, т<олько> ч<то> вышло. Есть очень любопытные «детали» и оценки... — мне все годится, для **опыта**.

Получил запрос из Ниццы от писат<ельни>цы О. Бебутовой... — не помню ее, не читал ничего. П<ись>мо написано почти каракулями, буквы дрожат... д<олжно> б<ыть> старый больной человек. Она просит «коллегу» сообщить ей В<аш> адрес. **Ответьте**: *могу ли?* И марочку приложила. Без В<ашего> согласия не смею сообщить ей.

Почёс продолжается благополучно. Мажусь как<ой-то> дрянью, себя не царапаю. Лечусь еще «ясенью». И г-м начнешь мазаться... ведь одиннадц<ать> месяцев! Будто муравьи елозют... му-ка моя. Вот тут и работай... изводит чес.

Вполне смыкаюсь с автором о «территориях»... — **вполне**[112]. Ярко, метко, безвозразительно, без ма-

лейш<его> — «но»! На просьбу некоего о<бщест>ва — прочесть на как<ом>-то вечере — бу-дет! — о Москве, по сл<учаю> 800-л<етия> — переданную мне Б. Зайцевым, ответил — «не могу». **Избегаю** вновь возник<ающих> «обществ»... да еще под председ<ательством> давно для меня «возникших» лиц... пусть зайчики читают... если хотят. **Не хочу такого** 800-летия. **Нечего** — пока — праздновать. Найдутся и без нас празднователи. Для меня тут «прерыв давности».

Желаю прочесть Ваше, что послали Борз<ову>. **О России**. И о... Церкви. О Ш<мелеве> читал и со-мущался. Если бы В<аша> «О тьме...» — напечаталась!.. Буду благодар<ен> Мрс. Бар<ейсс> — получил отличную, всю потребимую, киндер-пищу! А все — Вы... Банкрот я пред Вами — берите меня голыми руками, и — в «долг<овое> отделение».

По-тешу: везет мужик вакадемика на лето... вакадемик в радости и осиянии. В пути — восх<од> солнца... — и скоро родной дом. Отвык вакад<емик> от природы. Восторг. — что за картина! солн-це... ка-кое!... Не вмещает душа, просит поделиться с другим. — «Ты гляди... ка-ка-я картина! а?... сол-нце-то какое. Ты смотри-и!...» Мужик, лениво: «да это у **нас здесь** — ! — барин, кажинный день... сколько угодно».

А пока, милый друг, обойму Вас, до следующего. Привет Наталии Николаевне. Ох, теперь надо, чую, «кинуться» в «Пути»... дрррожь! хол<одной> воды боюсь!

Ваш Ив. Шмелев.

466

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<20.III.1947>***

20. 3. 47. Утро. Четверг.

Дорогой Иван Александрович, только что В<аше> авионное, — добавляю к уже запечатанному вчерашнему п<ись>му.

В авион<ном> В<ашем> — важное нашел — запрос О<льги> А<лександровны> адреса Р<емизова>. Но о сем — ниже. Милый, горячо благодарю В<ас>: я **чуял**, — так и оказалось, уверен! — что Вы подвигнули «Фонд Ив. Кулаева» — к ассигновке. Не ошибся ли Н. В. Бор-

з<ов>? В ав<иа>ц<ионном> п<ись>ме, от 7. 3. он сообщ<ил> о *50* д<о>л<л>. — я поблагодарил в его лице «Ф<онд>» — письмом ав<ионным> от 13-го. Он, к<а>к я В<ам> вчера писал, прислал второе авионное, благодарит за «Говенье» и снова выражает радость за «Юбил<ейный> Сб<орник>». Для ознакомления высылает мне — гратис[113] — 14-й сб<орник>. Я его уже получил для чтения, от Зеелера, кажется. Письмо Борзова прилагаю, не откажите мне его вернуть, — оно для «архива» послужит.

Да, Вы — «варили варом» — — — и — — — **сварили**. Жаль, — если пришлют чеком, — так оно и будет, если пришлют! — потеря в 2 с полов<иной> раза, сравнит<ельно> с реальной ценностью, по-чти. Оф<ициально> дают 120, а сто-ит около 300. Ну, за **все** — Бога благодарю и Вас, друг. Я бы не выдержал без В<ашей> опоры... — и **как** бы я мог работать!?. Вот на сих днях меня «газнули»... за газ **вдруг** — счет на 1040 фр.! Спасибо, оказалось в бумажнике. Давно бы и с квартиры согнали... — ибо **негде** заработать, нет печати. Получил 10 т<ысяч> от «Эдитер Реюни» за «Л<ето> Г<осподне>» — аванс, и зажал 5000 на терм, что 15 апр<еля>. При моей аскетической диете, при посылках... — сотни-тысячи фр<анков> **текут** ужасающе... — лекарства разоряют... Ухитряюсь жить на 8 тыс. — в мес., считая, конечно, и квартиру. Но неприятно и говорить о сем... — мимо, мимо.

За **невольное** нарушение Гоббсова положения «пактис стандум эст»[114] приносил повинную: умоляла верная душа — ??! — я и **соскользнул**, уверенный, что Вы позволили бы. Теперь... еще каюсь, сугубо! Досадую... — о сем — ниже.

«Закуску» возвращу—щаю, **девственной**. Не нарушил «пакта». Нет, будьте же уверены: «Поющего Сердца» — **никто** не увидит, не услышит: **доверьте**!

О «с<альто>-мор<тале>» — уповаю. Не знаю, к<а>к теперь, а посл<еднее> пришлось за 62. Писал Вигену — он обещал «случай» — через брата, канцелярски... — он мне вот уже две нед<ели> не отвечает! А сам же вызвался. Тогда бы В<ам> без хлопот.

Как **точно** Вы о кн<иге> Дж<емса>! — «бездуховное коллекционирование «случаев».

Булгакова *сто-ит прочитать*, — во многих отношениях, поверьте. **Такие** «неожиданности» «встречаются» — «оголяется» порой. Совсем **другой**! Ну, и трепанут его за — «жиды»! И о своем «Бел<ом> Царе» — !!! Есть интересная ст<атья> о Сикст<инской> Мадонне. О — Ай-Софии... — нет, мне это — для **опыта** — дает. Непременно прочитайте. Мне Карт<ашев> дал на неск<олько> дней, — потре-бует, а то бы я прислал Вам. Это все же **пища**, особ<енно> после рвотных «Т<емных> А<ллей>» — Вам-то. Нет, в «аллеи» не заманишь... — блево-тина!... До чего правы Вы!.. Мне теперь противно вспоминать, что я «пошутил» стишонками... — тьфу!... Не люблю Булгакова, но — **теперь** — прямо, *блещет* от его «Автобиографических Заметок» **светом**! По-смертное, ведь. Сложна душа человеческая... — а тут ско-лько интимной, таимой **правды**! «Челов<еческий> документ» — ценный. Соглашайся — не соглашайся... — **слышишь**: се душа кричит.

Радуюсь светло, что работаете над большим трудом, и «фен» не одолеет Вы. Да не одолеет!.. Ох, хочу-хочу-хочу утонуть в «Путях», — ринусь, ибо уже **злюсь**... — тогда утихну. Как все погано серо, в сравнении с неуловимой — но **животворящей** мыслью, порхающей в воображении, в **образах действительности**. Милая птичка в голубом воздухе, в поднебесьи!.. Ну, **что** же, как не вонючая грязь, вся пошлятина-дэсу[115] пошляков!.. вся стряпня поганая политиканов, мнящих, что творят **новое**!.. — скверное что-то лепят... — тьфу. Прихожу в омерзение от одного «тоста» — фр<анцузского>! — на конф<еренции>! «Французик из Борды». И эта забежка с ка-рточкой... — до чего же хамски... несравненно! Если бы это был **наш** «казакин»! — изволочили бы... а **там**-то потешаются!.. да и везде. Как же можно так поганить родину!.. — и откуда они — такие с-с. — берутся? Да Метт<ерних>[116] и Талейр<ан>[117] хоть умны были... а тут...! И зачем я вчера купил «Фигаро»... не читая б<олее> 8 мес<яцев> — ? М<ожет> б<ыть> потому, что 5 недель бастовали.

Теперь о запросе О<льги> А<лександровны>. Взорвало меня! Меня она избегла, побоялась, что я

«разгадаю» — «зачем». Не посмела. И вот — обходно. Думаю, что затем... — смотрите, сам себя секу! — чтобы «выразить восхищение»... прочтя Ваше о нем. *Не имеет права!..* Я ей послал «доверительно», предупредив!.. — «никому!» клянусь!.. Я ей разгонку у-стро-ю!.. Адр<ес>-то она узнает в подсовет<ской> газетчонке, напи-шет! Она из нее и про «7 ноября», про «праздник» вычитала. По-мнит!.. Ну, я и устроил «опрокидон», — из **грязи** — ка-кой же Свет блеснул, только — непредвиденный для нее. **Каак** повернулось-то!

Я уже по тону — скрытно-раздраженному — ее открытки почувствовал... — это не «по долгу», а из... прости меня, Господи! — «*подковырки*»: «а я вот сейчас **все** и опрокину!», «не угодно ль этот фи-ник вам принять?» Чу-ю!.. Обиженная дама... — а она — «обиженная», да... после моих иных «диких» писем о «трагич<еском> тупике» в отнош<ении> приятия ими «бесовского» за «Божье»... Не могу спокойно, так мне это отвратно. Я теперь и Р<емизова> не жалею. М<ожет> б<ыть> очень невысоким **ведом** был... — есть такие намечки. Как-то он мне говаривал: — «ходят, жалеют...» «вам бы покойно жить, пенсию бы положили»... «дом отдыха»... — «и так будет натекать»... — «К. П.» — Клеопатра! — говорил ему Мак-ий[118], председатель Нов<ого> как<ого>-то О<бщест>ва *русской* культуры и литературы — меня-то через «зайчика» **звали** — прочесть о М<оскве>! Вот они, «ходители»-то... Темна душа... ннне знаю... не смею... но..! — до-пу-скаю же..! А я всегда хочу лучшее видеть... И вот, теперь, после моих писем, с «заклятием» по поводу одного «вольта» О<льги> А<лександровны> — «к бесам не иди»! — она вот — а-дресок-то... Нет, я ей — если докипит... смертоносное выскажу!... **Выскажу** — не напишу. В Голл<андии> — безнадежно. Получил от А. А.[119] — на посылку ей одной брош<юры> — такую «мятку», что — «дважды два — стеариновая свечка» — это — **разум**! — в срав<нении> с галиматьей их. И как подумаю, что **они** мне советовали... о «Л<ете> Г<осподнем>» и «Богом<олье>»...! — на позор — не разумея — толкали!.. — как подумаю — дрррожь, тошнота, ярость. Я — их — за сего — **все** порву, все переломаю... разотру. Теперь уж — и в «предостережении о

25 окт. — 7 нояб.» — усматриваю скверный запашок уже — досады, до... **зла**. Доду-маться до — возможного — возражения дурачка безбожника!.. тьфу!.. Я взбешен, я отряхаю прах... — тьфу!.. Безнадежно. Они там исходят от желанного — и все **марают**! — и могут до **всего** докатиться... в истеричности и одержимости. Вы не **все** знаете, — до какой бесовщины может доходить такая одержимость, до каких **хул**! В О<льге> А<лександровне> я встретил *лучшее* издание персонажей — некоторых! — Д<остоевско>го. При всем обаянии — **поразительнейшей** одаренности!.. — но такие вывихи... такие «спазмы»... Господи, я плачу... Ведь такая душа, сердце... будь светло направлены — огромное могли бы творить в Жизни! И как же я горел, хотел дать правильный путь... берег! Сколько — м<ожет> б<ыть> настоящих перлов рассыпал в п<исьма>х!.. — чтобы к **сему** пришло?!! О, скрежещу... И — главное — **невиновна**!.. да, да. От... болезненного самолюбия, упрямства одержащего! Не поверил бы... скажи мне все это года три-4 тому!.. Хуже глупцов. Вот оно — **горе** от.. страстного хотенья! Эта похоть «духовная» — дабы **было**, к<а>к хочу! — и привело, что поверила в **сущее** как бы!... и — вросла в него. Я к Р<емизову> не хожу, больно и... саднит. Я не праведник, но тут... са-лит!..

Зачем я посылал ей Ваше? Карайте, за волосы волочите... — дурака! Тьфу.

Не могу, расстроился. Изнемог. Да, «род сей изгоняется только молитвою и постом»[120]. **Такие — все** могут, в одержимости, предать! — и — неповинны, ибо из **сердца** действуют, но сердце **уже одержимо** бесовским. Это — болезнь. И тщетны все средства, к<а>к против «зоны» — не зоны. Мажусь... и сквозь сон чувствую, что морда в г...не. И сны — гов-ные.

Переломил себя и ездил на вынос Животв<орящего> Кр<еста> в субботу на подворье. Душу отвел. И там на «пакость» напал на ... ***схимонаха***... (Да!) — оказалось — жу-лик, советский... — представляет. В схимонаха... играет, но в схиме. А я было растаял! Бесов<ское> наваждение!.. Прямо, трагикомедия, плачь!

— Ваш Иван.

<Приписка:> Всех чертей в схимонахи нарядят, в ста-рцев! И побледнеет гений «Бесов» Д<остоевского> — Петечка Верхов<енский> — лишь первая «почка» буд<ущего> (ныне) древа зла.

467

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<21.III.1947>***

21. III. 1947

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Только что получил оба Ваши письма от 20 марта: сутки шли, оба! Спасибо. Не знаю, почему Вам Борзов написал 50. В письме ко мне стоит сто. Ничего, выясним; лиха беда — начать. А вторая — соколóм, а потом — мелкими пташками. Сальто идет завтра. Вы сами меня задержали с Вашим буерачным Вигеном; у него «не все точно», надо привыкнуть к этому: сумбур паша.

Зайца ко псу под хвост — правильно!

История с О<льгой> меня *не удивляет*. Не хотел мешать Вам — *давно уже помалкиваю*. Я знаю ее лучше. *Теперь* Вы видите ее *вернее*. От Достоевского и от великих талантов там ничего и никогда не было. А от обычного женского тщеславия — *даже* в религии — *тем более* в религии — край непочатый. И еще скажу: зачем посылали ей мою «Тьму»[121]? Что ей до этого? И что она там восприняла? Пастикú![122]

Вы приводили ее отзыв о моей книге: «деловито и не без тепла». Так мы на эту характеристику отозвались *оба* целоминутным *хохотом*.

«Не без тепла»... Вся книга *накаленная*, но накал в мысль ушел...

А «не без тепла» — по Евангелию — извергается из уст...[123]

«Деловитость»... Какая духовная беспомощность! Четыре года я проходил в Берлине в русском privatissime[124] идею *Предметности в жизни и творчестве*. Вы думаете, она хоть *раз* пришла? Все ссылалась на лабораторную службу и отдавала время на *бесконечные* флирты.

«Деловитость» — это у биржевика, у столяра, у политического шмыгалы. Нет — у меня деловитости, Слава Богу, нетути...

Вашу новую линию на Голландию — поддерживаю морально, духовно, религиозно и политически. Всячески. Перешел межу — вычеркивайся. Только начни припадать, быстро изготовишься.

Ваш И.

См. след<ующую> стр<аницу>.

Русские пословицы говорят:

«С собакой ляжешь, с блохами встанешь».

«С пчелкой пойдешь, до меду дойдешь, за жучком пойдешь — до навозу дойдешь».

А бабья страстность...

А потребность заявиться и «помочь»...

А религиозная истерика...

А выспрашивающие незнакомцы...

Уж если в Куликово Поле булавочка полетела... так пускай себе ремизится...

Уж если «дружба» со Шмелевым не помогла — то жди утех!...

А она еще «выписок» наделала из моей книги... Употребить их в дело хотела... Поздравляю с деловитостью! И с «небезтеплом». Теперь будет зло-употребление? Во славу ремизни-перебежной...

468

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<24.III.1947>***

24. 3. 47.

Дорогой Иван Александрович, дру-уг!...

Тут'ан ордр[125], — только что, 5 ч. дня. Спаси Вас Бог! Утром — В<аше> п<ись>мо. Ну, хохотал же я, — «сумбур-паша»! До чего же ме-тко!.. И-менно, давно вижу. Ну, и многогранны же Вы!.. — да, ведь, в Вас и сатирик, и юморист, и зоил, и сарказт. И с каким блеском! П<ись>ма В<аши> — помимо всего огромного насыщения яркой и точной мыслью, — залежи юмора и «язвы». Иду за молоком, — чуть не загоготал, как вспомнил лик Вигена... — «сумбур-паша»! именно: «не все точно».

Теперь хочу выправить — м<ожет> б<ыть> случайную обмолвку, с «кривизной»... В п<ись>ме О<льги>

А<лександровны> вот как стояло, точно, — я, м<ожет> б<ыть>, не **так** писал Вам, — думаю, тут ее обмолвка, неточное слововыражение того, **что** она хотела сказать. Напротив, если весь текст взять, она выражает свой восторг, только неуклюже, совсем, думается, **не видя**, что случайно выписалось... Вот это место из ее п<ись>ма 5 февр<аля> с. г.: «Как прав Иван Александрович! как блестящи его выводы! как верны! Мне он много дал опоры и как бы дал ключ к уразумению себя, — не в смысле искусства, а в общем. Как ключевая вода — кристально ясен ум его. Какая точность. Люблю такую точность, такую деловитость. Но она у него всегда не без тепла. И это чарует». В другом п<ись>ме она говорит, что хочет еще раз перечитать, просит позволить подержать книгу... Видите, здесь «деловитость» определенно означает «серьезность» — в широком понятии: и глубина, и знание, и строгий контроль, и чуткость... словом — **все**, против чего вряд ли будете возражать. «Тепло» здесь я понимаю так: «просветлено» любовью к трактуемому, чутко-нежно, заботливо, — т. е. — **сердце**. Ну, неполная точность высказываемого, т. е. того, что просилось высказаться... — это же, тем более, писалось 3-му лицу. И — при этом, она **знает**, **как** я Вас люблю и почитаю, — да и она, конечно. Нет, тут она никогда не думала **определять** «укороченно», нет, не думаю, хоть я ныне и раздражен ее «вывихами». Тут я со-вестью меряю...

Да, я и еще похохотал... а, похохотав, рразделал! Представьте, она написала мне, — да, «критикует»! — осмелела. Помните, у меня в «К<уликовом> П<оле>» — «Среднев читал газету. Оля прилегла на диване, жевала корочку». И вот — «*не могла жевать корочку*», — нэп был! Ка-ак В<ам> нравится?!.. — «Мы тогда такие булочки ели, и в Москве, и в Казани...» Ну, и задал же я ей «булочки»!

Она, видите ли (ясно!), — «жевала **корочку**» поняла — как «гло-да-ла... ко-рочки». Очевидно. Я ей и отписал: «а вам не случалось и в Голл<андии>, и до «окаянства», «в Москве-Казани» — «жевать корочку»? Ну, перед обедом, когда аппетит играет, — а тут вон — пшен<ная> похлебка варится! — или — когда «в мыслях», или «за

чтением»... не отрезали, не отламывали горбушечку или не срезали ко-рочку — пожевать, и совсем упитанной были, а?.. не случалось?.. Так вот у вас и **все**. Мель-ком, скользнув... прыг-прыг... — вот тут-то **все** и выскальзывает, и вы-прыгивает, и у-мелькает... **что**-то улавливаете, то-лько!..» Ну, да я когда до-хо-дит... раз-ря-жа-юсь. Сказывается от пред-ков. «За «аз-голубчика» ду-шу положу!..» — неистовствовали раскольники. Пожа-луйте — «нэп был»! и все. Да, плохим тянет из Голл<андии>, от всех, ан-труа[126]. **Кто**, какая стервоза их «ока-рмливает»? Цитату мне привела, строк в двадцать, из псового Ж. м. п.[127]! как одного приезжего (фигу-ру), без «благодати»! — К.[128] — в Праге провожали... *Для чего* цитата?!... Попросил — «избавьте, окармливайтесь, я — **сыт**». Да... плохо, воняет... «Был Саблер[129], обер-прокурор... Хо́дили слухи — явный вор. Теперь прогресс шагнул широ́-ко... — Блюдет святыню — псово око». Так вот и че-ствовали это «око». И почему **мне** — цитату?!.. Я ее и повернул: «нюхайте сами, я и без «цитат» отсюда **слышу**, чем воняет». «И не дерзайте еще слать!» Да это все бы неважно, да... ведь среди чужаков се-ют!.. — а неистовые — ка-ак еще! закусив удила, прозелитки-то! Микола милостивый...! Ведь трубадурят..! под-держивают «декорации»!.. Ну, я про «булочки» и.., Все забыто, песочком посыпано, не видать... **все**! Что пастыри! всегда и всюду были — больш<инст>во — плохие пастыри... недаром столько, в митрах, — на картинах у греков, — и у нас — над западными дверями, — «Страш<ный> Суд»... — столько в митрах подвигаются, обмотанные цепью, **туда**, в квартирку с отоплением и освещением. Дело — в предательстве, в продаже за сребреники... Ну, не выдержали силы, ну — ослабли, не в силах б<ыть> исповедниками (так, С<ергий>-Праж<ский>[130] — чистый!) и приять... что полагается. Во лжи, в служении сатане!.. — Что говорить... И вот, «добровольцы» помогают, воду на мельницу. Так и написал: «честней будет, если вы все ан труа[131], — **туда**! чем, живя в ограждении законом, всыте, в свободе, — **так** рукоплескать!.. ведь, народ, хватая крохи, котор<ые> завтра, благодаря также и «добровольцам», отнимут, **знает**, что отнимут... и — узнай он про «добровольцев» — прокля-нет!.. Совесть где?.. Ведь при-

дет срок — сожжет совесть!.. «Окстись, несчастная!..» — ну, я, понятно, «вы», но написал **все**. Раскален. Дошло... не могу. Я упомянул про героинь Дост<оевско>го в смысле «неистовства истерического», «одержимости»... а не про «таланты». Нет, она талантлива, и о-чень... да только вот это «мельком», «сразу»... «скользнув» — все и губит... А я **знаю**: очень одарена! потому-то и зло берет. Но, я опустил руки... — ка-ти-тесь!.. О<льга> А<лександровна> мне искренно про жизнь писала, **все**, исповедовалась... Несчастная она, вот что. Жизнь ее помотала, потравила... — **знаю**, не только от нее. Горя видела, хлебнула, — а «залежи» великие, наследье предков, **сундуки**!.. Да вот **ключей**-то... — не подберет. В живописи, — многие свидетельствуют, — бо-льшие успехи сделала... и — «все сожгла». Я разрешил — да и хотел! — дать неск<олько> пробных иллюстр<аций> к «Чаше», она ее оч<ень> любит... Она сделала «Ярмарку» — эскиз аквар<ельный> — оч<ень> хорош, но... пока не по силам, картины ярмарки — **нет**, отсутствует «композиция», т. е. нет главного, «зерна» вот этой «яр-марки»... Но **родное** дано, тепло, свет дан, Россия... монастырь... да... но... фигурки расставлены, будто в детск<ом> театре. Я осторожно и отметил **это**: нет **картины**. Итог — **все** сожгла, **все** этюды, и краски к черту полетели. (да, есть у ней — эгоцентризм-с... «я, я, я...» — сколько говорил, — нет, вы ошиб<аетесь>. Да никогда не ошибусь, **ясно**.) Ну, я и про-пел «акафист»... За 8 лет переписки привык свободно выражаться. Жалко мне ее, особенно теперь... Ну, оставлю о сем. Знаете... — уже утопла старуха в болоте, а руку выставила, пальцами стрижет — «стры-жено!... стры-жено!...» Там ее и подхватили черти... Нагляделся прошлым летом, как она горела от сов-фильм!.. Жульничество показывали, массов<ые> гимнаст<ические> упражн<ения>... — во-сторг!... «**на-ше**»! А чего восторгаться. Что девок здоровущих набрали... (так это не **они** народили!) **есть** из **чего**! парней-то? — ка-ков резервуар-то... да ведь осталось сам<ое> крепкое... по «закону отбора», после «вивисекции» и всяких «селекций»!.. А «цветастость»-то... да, говорят, тут, в П<ариже> — любая «ревю» в «мулэн-ружах» ку-да лучше!.. Все так. Покажи копчушку... — на-ше! да здравствует! и проч.

Пусть, но не **сей** Зло! не поддерживай «лжей»!.. не соблазняй других! да еще и чужих. И так здорово мимикрию пущают... а тут «чистосерды», ведь! — и — бесу молятся!.. Вот, что больно.

И об «адр<есе> Р<емизова>» — вну-шение! **Почему**?.. Указал, **где** точней справку взять. И — пять предположений, ***только*** предположений! Из них одно — «выразить восхищение»? Всякий, кон<ечно>, может, его право. Но... «**не** ссылаться на «О тьме и просветл<ении>»! — это было **доверено**! «**Без** согласия автора — **нельзя**». Да и остальных предпол<ожений> коснулся чуть: «сочувствие и ободрение по случ<аю> «смены кожи»..? и проч., словом, вон-зил!.. **Надо** же учить! **Кто** же **их** учить-то будет? Я вон А. А. брош<юру> прот. Польского послал, а мне — А. А. — пи-сьмо. Уши вянут. Ну, **что** же тут возразить на... «ощущенья»?.. Бедлам, если не хуже. Ведь мне — писал Вам? — советовали, так умильно... — «Сереже[132] блеснуло!» — блеснуло!... вон как!... — предлагали... принести к подножию ног сверхересиарха — «Л<ето> Г<осподне>» и «Б<огомолье>»!!!!! — «обязательно издадут!» Ну, я им и издал... **звук**! Они же, **де — — — ти**!.. круглые «бебеши»[133]... и — гласят во все концы! Думаю, что А. А. дрожит-то больше... а С<ергей>... — да он же «со всеми ласковый», со всеми челомкаться любит... — «ни в тех — ни в сех, а всюду — **свой**». Он складывающийся, портативный... «тишь да гладь, да Божья благодать...»

Я его совсем не знаю. Виген ветрил да Квартирант[134]... — только снаслыху. Если не выпрямлю О<льгу> А<лександровну>, не обломаю... — терпение о-бу́[135]! (по-фр<анцузски>) — плюну. Она мне — «как вы мне **все** можете говорить и так оскорблять!» А я: «прраво имею! не желаете слушать — кончим разговор, вот и все». «Вы меня называете» — «падшей»! «Прра-во имею, в вас же и доказательство, **как** и **что** пишете, говорите... даже — **что думаете** — **знаю**!» А, все бы рассказать — бумаги не хват<ит>. Ско-лько я сил положил, чтобы огра́-нить... Она за эти 8 лет о-чень выросла! Накопилось **всего**. Иные письма восхищают... да, блеском. Я не ошибусь. Да и я не из нищих... если когда объявится эта

«переписка»... — умопомрачительное «литерат<урное> событие»! Кла-ды... неисчерп<аемые> по разнообразн<ому> содержанию и — **захвату**! **Не** было еще такого, **знаю**. А эпоха-то!!!! чего-чего не пришлось коснуться!.. Недаром нем<ецкие> цензора зачитывались... а один даже написал на письме: ««*другой раз* короче»!» — и знак воскл<ицательный>! (8 страниц, а предел д<лины> — 4.) А то, раз: послала О<льга> А<лександровна> один этюдик акв<арельный> — для «Кул<икова> П<оля>» (обложку — в 43 г., каж<ется>) — !!! — в клинике лежала... и взмолилась цензору: «если не можете пропустить, ради Бога, не уничтожайте, а верните!» А цензор, — оказалось — цен-зорша! — «уничто-жить... прелесть такую!... я сама понимаю в иску<сст>ве!» И... я получил!!!! По-беда... иск<усст>ва!.. К нашей переписке цензора привыкли, — **все** доходило невредимо, и сверх комплекта 4 стран<иц>. Бывали п<исьма>а и ку-да больше!... — все пропускали, даже «аллего-рии»! Ка-ме-дия!.. С нетерпением ждали «очередн<ых> п<исе>м». Т<а>к я воображаю: «ну, что, есть с Буало?», «а есть с Схалквейка?!» Из рук рвали... — таких произведений и не бывало!.. А вот, «кончай базар». Дорогой И<ван> А<лександрович>! Налог мне прислали — на «ревеню»[136]... за авансы издательств — 2-х — в 45-м — и квартирный — 4852 фр. Так что — а то грозят 10 пур сан «мажорасиона»[137]! — попрошу, недельки через две — пожалуйста. Тогда освобожусь. В Испанию продана изд<ательство>м кн<ига> «Вуа Сел<ест>», да клиринг[138], жди не мен<ее> полгода, а пезета[139] хороша. Не итал<ьянская> лира — на той не поиграешь. А дроворуб-то старается, щепки летят! И — **все** же летит!.. к псу щепки летят! Да, воистину — «щепки». Летят. И — **все** же летит!.. к псу под хвост. О Церкви бы!.. Карт<ашев> не шлет. А я, дур<ак>, не догад<ался> у него прочесть! Умолляю!.. если у Вас есть. Подписано С<тарый> П<олитик>.

Прилагаю Вашу «закуску». Не браните. *Не* снимал. Ни-кому не читал, а та-ак... про себя. Жду — обеда. Привет Вам, милые.

Ваш Буалист.

<Приписка:> Да, писал Вам — о божеств<енном> гадании — вышло Луки, I ст. с 57, каж<ется>, по — *68*-71!» Бу-ди! Бу-ди!..

Пришло *офиц*<иальное> <сообщение:> Патр<иарх> Всел<енский> Макс<им>[140] назначил Экз<архом> Зап<адно>-Европ<ейской> Ц<еркви> — Арх<иепископа> Влад<имира>[141].

<Приписка:> Прислала мне америк<анская> чит<ательни>ца бумагу... — не укладывается!

<Приписка:> 30-го, воскр<>есенье, долж<ен> читать для Церкви в Asnières: два куска: «Говенье» и «Москва» («Л<ето> Г<осподне>»). Привезут и отвезут, днем.

24. 3. 47. 9 ч. 30 в<е>ч.

«Сумбур-Паша» — толчок. (Приписка по оконч<ании> этого п<ись>ма).

Вот, дорогой Иван Александрович, дополнение к заказ<ному> п<ись>му.

Пил чай сейчас, с *черн<ым>* хорошо пропеченным — 3-тьедневн<ым> хлебом, с маслом... — сообщите, *есть ли у В<ас> черн<ый> хлеб, есть ли охотка к нему* у В<ас> с Н<аталией> Н<иколаевной>, — вышлю колобашку[142]! — и крупы, с меня хватит! — так вот, чай... и — «сумбур-паша»!.. — *один*, как сумасшедший, хохотал... чуть «мурмурка» В. не.....! — ей-ей, раза 3—4 — приступ хохота... — ну, до чего же **верно**! Воистину! — и *как* он может организовывать молодежь в «Христ<ианское> движ<ение>» планомерно?!.. Всегда в «обрывках» — и дум, и речи. И — отличный человек! И вот, **так** вот и **всю** жизнь проживают, **есть** такие. О них не скажешь: «прожил жизнь», а — «протрепал жизнь», «проблуждал по жизни...» «проспешил жизнь» — **промотал** жизнь. Кажется, что он, вообще, и **не живет**... а спешит, урывками, **куда**-то. И всегда что-нибудь да обронит. У меня он в 3 посещ<ение> дважды терял нужные документы, п<ись>ма, карточки на керосин для группы... Как он паспорта не теряет...? денег?.. У таких и карманы всегда дырявые. Женившись, он стал чуть приодеваться, д<олжно> б<ыть> жёнка его одевает... Очень милая, как у-мное дитя. И такая же коротышка. И все мило щурит-

ся, — вот заплачет. Я подивился, как она смогла, с сестрой, публично — и отлично! — спеть дуэт из «Пиков<ой> Дамы». Бисировала дважды, другое пела...

Это раз, про «сумбур-пашу» и черн<ый> хлеб. Не забудьте ответить. И еще NB — простите! — я спрашивал, могу ли сообщить В<аш> адрес писат<ельни>це Бебутовой. Она и марку приложила... Вызволите!

В<аше> п<ись>мо, в 3 странички — и такое **зернистое**! Ха-ха-ха!.. **«буерачный»** Виген! И-менно. Весь «изрытый», ***не* ровный**, весь «в увалах». Вверх-вниз... Так вот и у О<льги> А<лександровны>, но куда сложней и — ломчей! С заскоками, «вывихами»,.. — ни признака «мерного круга» (помните, из Анакреона — «Кобылица молодая...») Ах, ка-ак дано!.. «Ноги в воздух не мечи!..» .... «Своенравно не скачи». И **никто** ее не заста-вит «смириться»... — так и промечется через жизнь. Хорошо, ежели без особого урона себе и — особ<енно> — **другим**! (Разумею частность — **больное** наше.)

О «Тьме» она с полн<ой> искренностью. Ведь у ней много «провалов», но она умеет «схватывать», она **быстра** только... и схватыв<ает> наскоро. Но что **схватит** — отложится добротно. Не сомневаюсь: она *много* почерпнула из В<ашего> блестящего, вдохновенного эвра[143]. И пишет искренно. Она правдива, и если порой себя же и опрокинет, то это объясняется пылом и нервозностью, — «настроением». Определенно, — она **незаурядна**. Но в ней, да, есть... от деми-вьерж[144] несомненная наклонность к флирту. Но это остатки полудетской «гордыньки»: «считать скальпы». Так она мне писала. Она оч<ень> искренно исповедовалась, — м<ожет> б<ыть> и не без самолюбованья. Будь я в ином плане писаний, да будь я моложе лет на 20—25 — я бы, м<ожет> б<ыть>, провел ее — такую — в романе. В ней есть несомненная, яркая **русскость** и *страшный* душевно-духовный **опыт** предков. Поколения — левитские, по отцу — по матери. Помню: в деле-следствии об **убиении** царевича Димитрия (почему теперь предпочитают Димитрии — именоваться Дмитриями?) по указу Ц<аря> В. Шуйского, в числе показывавших на допросах был не то пономарь, не то дьякон Суббота... Дед или прадед О<льги>

А<лександровны> — священствовал в Угличе... Да, опыт левитск<их> предков. Страшный груз... — сколько взято на душу всего поведанного на исповедях! Сколько шлаку! О «золоте» на исповед<ях> *не* говорят, но оно **блестит** порой... — и *оно* отложилось в «сундуках» предков... Какое бы можно было взять любопы-тное художеств<енное> **задание**!.. У О<льги> А<лександровны> — часты «проникновенные», «как бы символические» (знаменующие) **сны**. Много их в ее п<исьма>х. И писем много... к<а>к и моих. Она умеет писать. Вот почему я ухватился за «дарованье» — это бесспорно. Но — горе! — нет **выдержки**. А есть и **слова**, и глаз, — особ<енно> к свето-тени... и — **сердце**. Но... много «чувствительности»... — в ней-то и растрачивается **глубина**-подлинность. *Все* проходит вспышками, до... «припадков», условно говоря. **Проходит**, *не всекаясь* глубоко.

Скольжение. Странный характер, — удивит<ельная> мягкость и — порой — непостижимая жесткость, — такая крутая смена, — «буерачность» и души, и сердца. Ну, Господь с ней. Не хочу судить: жалею, глубоко жалею. Какой бы это был бриллиант, — если бы поддался алмаз гранению!.. Поверьте, я чисто человечно-художественно отозвался (отзывался) на ее п<исьма>, ***почуяв*** страдающую душу. Конечно, страдание тут. Жизнь — ***не*** вышла. Отсюда — «броски», «швырки» — отсюда — «кривит ножки», как стыдливые (смущающиеся) дети, когда ими любопытствуют.

Милый, Вы нарочито-преувеличенно истолковали привед<енные> ее строки: нет, она **этого**, кон<ечно>, не думала сказать. Я же — **вижу**, **слышу**.

Теперь я оч<ень> досадую, что *зло* отписал на ее «корочку», на ее — робкие — замечания... Значит — мучиться будет, плакать... Не надо было так. Это же частность. Но меня возмутило — непонимание **ядра** повествования. Ей-то каж<ется>, что все дело в **чуде**... — скорей к чуду!.. А дело-то в... — *для чего* **чудо** (чудес в Чет<ьях> Мин<еях> ск<олько> у<годно>) **ради кого**, **чего чудо**? *через* **кого чудо**? Почему Сергий Преп<одобный>, а не Серафим Саровский, не Митрофан Вор<онежский>, не Дим<итрий> Рост<овский>...?.. ***Почему***

обретен Кр<ест> — Васей, а не попом, не интеллигентом? Почему *наведен* В<ася> на *мысли* о Средневе. Почему — явление Сре-дневым? а не мужику в Посаде, не мещанину, а — интеллигенту? Этих *почему* можно поставить больше 100 — и на **все** есть (берусь ответить!) гармонично-психологично-исторично-духовный **ответ**. *Все*, что дано, — нужно-необходимо. Нельзя, — я *не* могу! — вытянуть ни одного «бревнышка» из строения, — завалится, осядет. А О<льга> А<лександровна> не поняла, зачем «абсурд», зачем затягивается расск<аз> сценкой «на лавочке»... Это же чуть ли не центр<альный> нерв! — как сцена у Лавры!... — Все нужно. И как я рад, что взял Ваши слова! как мне **важен** «триптих», Ключевский... Дост<оевский> и упоминание об укрывшихся — «где потише». Ведь все эти — и старый ученый, и «абсурд», и Ключ<евский>, и Дост<оевский>, и Пушк<ин> — даже Среднев (он и есть *среднев*) — это же **ведущий** слой... предполагаемые — доверенные — от народа, *за* народ, *ради* народа... — и *что* же! — катастрофа! **Почему** же? — ??? — Он требует ответа, этот вопрос. Косвенно ответ дан: сами (ведущий-то слой) «**иссушали** свои корни»... — проглядели миссии, не оправдали ***дела***, которому, как житель земли, *служил* и *послужил* Преподобный, — сын Неба. И вот, весь рассказ — есть «следствие», которое ведет «следователь по особо важным делам». **Себя исследующий**. Отсюда страстность (условная, конечно, скрытная), напряженность (прикрытая). Укор (и ему) — вот те мужики с кнутьями — **вникающие**, **ждущие**... — **откроется** что-то? **услышат**? (чаяния народом правды)... так нельзя жить... да где же она, жизнь?!.. — Ответ — «абсурд»! Темное слово, но что-то и мужикам — в нем слышится.

Преподобный вручает Крест — симв<ол> Спасения — страданием. Он только *не* говорит это — страдание. Намек только. Он *остается* (у Средн<ева>): к<ак> б<удто> *влить* духовную силу-помощь. И опять — вечно-неизменное: Крест *вручается одному из ведущего слоя* — пусть **среднему**. Но... в нем — **наследие** предков: его предок ***пал*** на К<уликовом> П<оле> **за** — Русь, за Свободу Духа, за — Правду Духа, за — **Свет** Духа, за — Гос-

поднее, сохранившееся, теплющееся в Правосл<авной> Вере. **Судьба** Креста неведома: сокрыт, где-то...

Принявшие тоже — **где-то...** Крест — есть. И — светит.

Не впустую «следователь» чуть ли не Иеремиаду[145] вычитывает: себя судит — «непомнящего».

Не впустую — трутся у стен Лавры **пытливые** умы-души. В разгроме ищут — *найти себя*, ***свое***. Ведь сознают, что преступление совершили, доверенное им — не выполнили... «Иов» вон даже помешался... вопит, и все у него спутано: «антэ-апуд-ад-адверзус... импосси-билэ!...[146]» Куда же девалось *все?!* Конец?.. Ошибся учитель?! «Растрачен запас нравств<енный>» — так скоро?! Погасли ламп<ады>, закрылись ворота!! И не разобрать — так *что* же — абсурд?! Абсурд... — тот, кто вопиет. Абсурд — что не выполнили назначения... вон они, жмутся к стен<ам> церковным, шлепают по грязи в манифестации 7 н<оя>б<ря> (к<а>к Среднев): я вставил еще 3 страницы, в связи с уяснением «7 ноября — 25 окт<ября>». И пополнил опис<ание> душ<евного> состояния — ликования «следователя».

Надо истолковывать чуть ли не на 20 страницах письма. Но я беру ответственность: я дам ответы на все 100 вопросов (само чудо лишь — символ, второстепенность, т. е. «явление» Святого). Важно: *почему* «явление». Очевидно, — не **кончено** — дело-то Господне, — творится, и миссия ***не*** отнимается. Продолжай! ты, ведущая часть народа, — банкроты, — да, но среди вас есть ошибшиеся и нашедшие себя. Вам и — вручается Крест. Несите, ведите, **светите**... — и лампады затеплятся, и ворота отворятся. Порукой сему — «явление». Намек, только намек — в сцене «на лавочке» далеко до **конца**! Еще не выполнено. Вот, *ради* этих, с кнутьями, ради этих, так наивно прикрывающих «абсурд» — от «портфельщика» — да он не вредный... и хлебца подают (м<ожет> б<ыть> даже и красноармейцы) ради «Васи» и его внуков, ради этой нежности-жаленья, «связанности» любовью-дружбой — на «лавочке», ради этих «кротов-ученых» — «писал о нашей Лавре» — во-имя и ради миллионов умученных — за Христа! — не знавших сего (что за Христа, за Его Правду!), но *это* именно в сердце

носивших и *за это* (в к<онце> конц<ов>) стертых и стираемых зверем, — ради всего этого... не отнимается поручение, до-ве-ря-ется. Ибо (это д<олжно> почувств<оваться> в духе, зерне, рассказа) Лик Господний **все** еще обращен к Руси Правосл<авной> — единственной в мире! Уповайте! Гении наши не могли ошибаться. Они несли Волю Божию, как **Пророки** (Пушк<ин>). Не мог же я *все истолковать*. Я лишь давал — points[147] — и план мой — дать сгущенно, в мал<ом> объеме. Иначе — один путь — роман в 5—10 частях, с «разъяснениями» во встречных диалогах — и — лицах... Я дал — в намеках — я ***всё*** дал — в «явлениях» (**двух**). Вы это вняли, знаю. А другие... кто — сколько. Дело внявших — раскрыть другим. А я готов — к ответу. Он — дается, в этих 45 стр<а>н<ицах> — в 12 главках. Я знаю, как мне б<ыло> трудно. Знаю, что я дал — **несовершенное**, если брать абсол<ютно> соверш<енной> меркой. *Так* — что-то указало дать, вот ***так***. Моей жизни не хватило бы дать — иначе.

Простите за сумбур... «Пашу́»!.. Ха-ха-ха!..

Перед тайной Господа все мы — сумбур-«паши́».

Обнимаю, друг! Обоих.

И не думал раскрываться, а все Ваш — «сумб<ур>-паша».

Ваш Ив. Шмелев.

469

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<25.III.1947>*

25. 3. 47. 12 ч. дня. Солнце. «Жаворонки» давно румяные носики тычут, быв<ало>, в булочных!...[148]

Иван Александрович, дорого-о-ой... что Вы со мной и-сде-лали?... — «Сумбу-ур — Паша-а-а..!» Кара-у-ул! Умори-ли-и-и!.. Не отстает!...

Спать ложился — вспомнил... — ка-ак «схвати-ило»... — всем черёвом хохотал, со скрипом... — «Сумбур — Паша-а-а..а!..» (до скрипа!..) — и как живой — рожица Вигена!.. и его волосы, как мечущиеся веерные язычки — веером — пушок... а глазки *сразу* во все углы-стены-потолок, будто за-были там чего, и — вдруг «в себя

глядящие»... Лёжа хохотал, а это — до боли подложечкой... «Сумбу-ур — Паша-а-а-а..».!...

Был у меня на днях *хороший* человек, Расловлев, племян<ник> моего покойного друга — кн. Ал<ексан>др<а> Никол<аевича> Волконского, — лучшего челов<ека> в Париж<ской> эмиграции — **святого**! (офиц<ер>-артил<лерист>, б<ывший> помещик, — что за **чистота**!). А Расловл<ев> — поэт, также, и стойчайший православный, 2 р<аза> дел<ал> вылазку — **туда**, с группой франц<узских> инженеров — в 30-х год<ах> — потом дал в «Nat. Belge» ряд статей. Перевел на фр<анцузский> я<зык> «Конька-Горб<унка>», — говорят — **отлично.** Читал я — **«***скачет***»** слово. Тон сохранил отлично. Застал меня за «важн<ым> делом» — Иван-Помнящий — проработкой «Кул<икова> Поля»... Мой читатель, я ему посл<еднюю> 12-ю главу (окончат<ельную>) прочел. Б<ыл> захвачен (**всего** не знает). Получ<ил> от него п<ись>мо, восторженное. М<ежду> проч<им> пишет: «Дай Бог, чтобы **это** вышло *к<а>к мож<но> скорее* и распространилось, где след<ует>, в посрамление тем, кто думает, что лампаду над ракой Преп. Сергия можно тушить и зажигать по заказу...» Его сын-офиц<ер> пал под Бельфором в дек<а>б<ре> 44. (Двое сынков осталось — внуков, — деду, к<а>к В. Сухову[149]...) — чистый человек! Приложил свои стишки (Р<асловлев>) к п<ись>му:

На Пушк<инскую> тему:

«Все куплю», — сказ<ало> Злато,
«Все возьму», — сказ<ал> Булат.
И от Злата и Булата
В свалке искры лишь летят.

Разделить их взялся третий —
Красный **Интернасьонал;**
Ненавидя всех на свете,
«Все сожгу!» — он зарычал.

Я плясать на почве зыбкой
Предсказаний не берусь,
Но мне мнится, как с улыбкой, —
«Всех **спасу**...» — промолвит Русь.

И еще:

Молот-Серп разгромили Россиюшку,
Развратили Ее комсомолом...
Чем спасется она?... Ты прочти-ка их,
Справа-влево... — и выйдет — ***Престолом!***
В этой шуточке мудрость есть странная,
В ней двоякое вижу значение:
В ней не только, к<а>к в притче евангельской,
Вдруг становится первым — последнее —
Наверху, где стоит Серп и Молот врозь,
Рознь я вижу рабоче-крестьянскую,
А внизу, где того уж раскола нет, —
Братски-слитую — Русь Христианскую!

Не без недостатков, но все же — верно. Со слезами внимал «хвостику» «К<уликова> П<оля>». Я сердцем видел...

Да... Но когда, кто поможет издать?!.. Хочу в 1/32 л<иста> — почище. И от гонор<ара> откажусь... Знаю, что книжка вернет затрату — 700—800 экз. уже окупят. Америка *взяла* бы, думаю, экз<емпляров> 300 (предполагаю 1500 экз.) по 100—120 фр. Ни гроша не пропало бы. Отклоню «обложку» О<льги> А<лександровны> — *если не покается*: не дерзну, как бы ни удачна оказалась: первый этюд, 1943 г., был оч<ень> хорош: Лавра — «Свеча пасхальная»!.. — в тумане. Пустил бы Васнецовское — «Богатыри», а концовкой — «Видение отр<оку> Варфоломею»[150]... — или — «На распутьи»[151]... (у камня: «направо поедешь...»)

Го-споди, пособи!.. Тыс<яч> 80—60 надо всего. Пустяк!.. Так хотел бы — гл<авным> обр<азом> для — оттуда!... Пусть хоть *капельку* постигнут... — **час** важен. Я что-то жду — «невдолге» (август..?) Буду изыскивать, по кусочкам добывать. К «Ed<iteurs> Réun<is>»[152] — рано: на «Л<ето> Г<осподне>» (2 ч<асти> в одн<ом> томе, до 500 стр<а>н<иц> (30 л<истов> по 32 т<ысячи> знаков) затратят до 300 т<ысяч>, а то и бол<ьше>. Тут 3 л<иста> по 32 т<ысячи> зн<аков> (или 5 листов по 20 т<ысяч>) ок<оло> 100 страничек (карман<ный> формат, к<а>к «Чехов»[153])!

Обмозгую. **Надо**! Будь у меня время (к «Путям» надо, **зовет**!) я *еще* бы насытил-проработал, но не смею

став<ить> точек над «і»! Все — **внутри**! Не могу «корочку» разжевывать. **Изда-дут**! Должны!.. Изо всего «Тришк<ина> кафт<ана>» лоскутик вырву! Помолитесь! Преподобный снизойдет. Верю. Пришлите, для «окрыления» (!) «Ожившее Сердце». *Пришлите о русск<ой> Церкви!* Умоляю!

Ваш «следов<атель> по ос<обо важным делам>».

470

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<27.III.1947>*

27 марта 1947 года

Дорогой друг!

Небольшой грипп, пишу лежа. Пункты.

1. Спасибо за Ваши два заказных письма. Сохраню их, как и другие. Это ценнейший комментарий.

2. Считаю невозможным отрывать «чудо» от «знаменования». Это было бы не религиозно и не художественно. Едино: эмп<ирический> факт, чудо и знаменование. А одержимцы сего не примут. Пора кончать. Плоскость наклонная. Жучок подходит уже к навозу. А в Вашей духовной лаборатории сего не нужно.

3. «Синеватое пенснэ, за которым чаровали меня глаза. Они казались огромными, сияньем неба». Стр. 298.

Довольно. Трезвение!

4. В скорости еще сальто.

5. Посылаю статью из газеты, по В<ашему> желанию.

6. Спасибо за черный хлеб! За мысль. За ласку!

Добываем и подъедаем. Вже.

7. Ш<арлотта> М<аксимилиановна> просит передать, что крупа добывалась *лично, духу* Вашему в снедь и чтобы Вы ее не транжирили. Другие и пшенку поедят!

8. Бебутова[154] известна мне *литературно*. Адрес ей можно послать.

9. Снаряжаю «Поющее Сердце».

10. «Закуска» приехала. Merci.

11. «Что же ты, Вигеша,
Рваная бекеша, —
Обещал, да не принес,
И бумаги все растрес...
Намолол и насумбурил
И везде набедокурил:
Если ж курица пройдет,
Армянин с ума сойдет»...

До свиданья, дорогой!

<Приложение:>

О советских территориальных успехах

От времени до времени приходится слышать вопрос: «Почему вы не радуетесь советским территориальным успехам? Ведь это — рост России! Или вы уже не чувствуете себя русскими?..»

Нет, мы по-прежнему чувствуем себя русскими. Русскими родились, русскими и умрем. Россию любим исключительною любовью, как и раньше; может быть еще острее и болезненнее. Но именно потому мы и не радуемся территориальным успехам советского государства, а следим за ними с величайшей тревогой, с самыми тяжелыми предчувствиями и предвидениями; а радующихся считаем близорукими и легкомысленными, — или же просто исполняющими «социальный заказ»...

Мы* не считаем, что Россия должна завоевать весь мир. Об этом простительно лепетать маленьким детям, но не простительно мечтать взрослым и ответственным людям. Чужие территории России не нужны, наоборот, они ей непосильны хозяйственно и политически, вредны национально, обременительны дипломатически и в высшей степени опасны стратегически. Но и русская власть не нужна и не желанна другим народам: у них своя культура, свои нравы, свое особое чувство права, своя вера и свои национальные идеалы. Важно и драгоценно, чтобы они сохраняли *свою* индивидуальность, а чтобы мы берегли и развивали *свою* самобытность. Духовно и политически недопустимо и в культурном от-

* Это «мы» пишется здесь не от лица редакции.

ношении нецелесообразно, чтобы один народ подминал под себя другие, навязывая им свои цели, свои порядки, свой язык, свою веру и свою культуру. Мы с негодованием относились к подобным планам и попыткам со стороны Германии. Но негодование наше никогда не объяснялось тем, что мы *сами* желали занять место национал-социалистов и пустить *русский* паровой каток по всей Европе и по другим материкам... Мы признаем за другими народами — *идейно и принципиально* — ту самую свободу национальной самоорганизации, которую требуем для России.

Но советские считают, что их государство должно непременно, — рано или поздно, разложением или оружием, революцией или оккупацией, — *завоевать весь мир* и превратить его в какую-то интернационально-мировую тиранию. Возражать им — нет смысла: они одержимые и не слышат чужую мысль. Но солидаризоваться с ними — безумно и безответственно, ибо все их планы, затеи и войны в этом направлении *ничего России не принесут, кроме крови, муки, унижения, разорения, всеобщей ненависти и всеобщей мести!..* Эта безумная затея не только не возвеличит и не обогатит Россию, но может повести к утрате ею ее исконных исторических и бесспорных вотчин...

Мировое общественное мнение не научилось доселе отличать *советское государство* от *России* и *интернационально-коммунистическое правительство* от *русского народа*; — не научилось, не хочет этому учиться и потому никогда не научится. Все, творимое советским правительством, вписывается в воображаемый кондуит порабощенного русского народа; и о советском революционном завоевательстве то и дело приходится читать в иностранной прессе этот несправедливый вздор, будто оно есть продолжение «дела русских царей»... Все «художества» и «качества» советской власти приписываются России; и потому вся ненависть и месть других народов накапливается против России и потому обрушится однажды на нее...

Не будем наивны и ребячливы! Завоевание вселенной никогда еще никому не удавалось и никогда никому

не удастся: — ни фараонам, ни персам, ни римлянам, ни французам, ни германцам, ни коммунистам. Великие факторы — пространства, человеческого множества, расы, национальной самобытности, стихийного свободолюбия, религиозного равновесия, разноязычия и государственно-правового разночувствия — не допустят этого универсального порабощения, даже и в том случае, если бы коммунистам удалось временно разложить и оккупировать все страны... тем страшнее была бы последующая расправа над ними... Тот, кто за это дело берется, — какую бы деморализацию он ни сеял во вселенной и какую бы революционную партизанщину ни насаждал по всем лесам и оврагам, — потерпит крушение, сосредоточит на себе всеобщую ненависть и вызовет такие мстительные меры по отношению к России, для которых знаменитый проект Густава Адольфа[155] (изолировать и задушить Россию в степях Азиатского континента...) может служить наглядным примером.

Иными словами: ныне весь мир знает о советском плане завоевать вселенную; а мы нисколько не верим в его успех; напротив, мы предсказываем ему крушение и предвидим, что расплачиваться по счетам этого крушения будет Россия... И тот, кто следит за судьбой германского империализма, может представить себе грядущую судьбу советского мирозавоевания.

Но что же может быть наивнее, как принимать начальные и кратковременные успехи этого коммунистического империализма за *прочные и окончательные успехи России*? Что может быть легкомысленнее, как воображать, что советия, отменившая давно самое имя России и превратившая русский народ в орудие и жертву всемирной революции («погибни, но взбунтуй вселенную!»), — *борется за русские национальные интересы* и *приобретает что-то для России*? Советия — не Россия! Ее цели — органически — иные! Ее экспансия имеет совсем иной смысл. Выборг, Прибалтика, Бессарабия, Проливы, Карс, Манджурия — нужны советам совсем не для того, для чего они могли бы понадобиться России. Поэтому они и приобретаются советами без всякого внимания к национальным интересам России: ибо

самый порядок советского захвата вреден русскому государству! Этот порядок вредит всякой будущей национальной русской политике и может повести только к самым печальным последствиям. И если бы русскую политику вело сейчас русское национальное правительство, то мир не содрогался бы теперь от предчувствия новой атомной войны и переговоры со всеми русскими соседями велись бы ныне в совсем других тонах и на совсем других основаниях, — мирно, дружелюбно, без всякого вмешательства в чужие дела, без всякой революционной агитации, без угроз, без насилий и увозов, в настроениях федеративных и с готовностью к органическому взаимопониманию.

Нет, советы не делают русской национальной политики, — нисколько и ни в каком отношении. Они только компрометируют Россию, везде, — от Шпицбергена до Берлина, от Кенигсберга до Албании, от Дарданелл до Персидского залива, от Индии до Порт-Артура. А нас спрашивают, почему мы не радуемся их мнимым успехам, которые на наших глазах накапливают во всем человечестве и во всех партиях мира страх перед Россией, ненависть к русскому народу и жажду расправы и мести...

Ведь нужно быть законченным слепцом, чтобы думать, будто советская оккупация сделала русское национальное дело чтимым и популярным в Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Галиции, Австрии, Германии, Чехии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Сербии и Албании; будто солдатские изнасилования женщин, аресты, казни, увозы, конфискации, советские «голосования», имущественные переделы и т. д. — приветствуются всеми этими несчастными народами, как «заря свободы» или как «истинная демократия», как «желанные дары» «великой России»... Беспримерно сражались наши солдаты в этой войне, после того, как поняли ее истинный смысл: самоотверженно, храбро, победоносно. Но раскрыли им глаза не советы с их насквозь пролганной пропагандой, а *сами германцы.* Это они пробудили русский народ и заставили его разбить врага. И вот наш исконный, наследственный, опаснейший национальный враг в самом деле разбит... И для чего? *Для того, чтобы половина Ев-*

ропы приобщилась на деле к казням и гнету высиженного в России тоталитарного коммунизма — и возненавидела русское имя без всякой вины со стороны русского народа... И этому национальному горю и стыду мы стали бы радоваться?..

Да сами-то вы, спрашивающие нас, — *кто вы*? Русские ли вы? Или может быть — денационализировавшиеся от долгого сидения за границей бродяги, не помнящие родства, крови и истории!?

Мы прожили XIX век с открытыми глазами и все время учились. Мы видели аннексию Польши и ее трагические последствия: Россия приобрела чуждую ей враждебную окраину, множество рассеянных по всей стране злорадных заговорщиков-революционеров (выходцев из этой окраины), ряд кровавых восстаний, опаснейшего соседа в лице Германии и в довершение всего — репутацию европейского насильника... Повторять ли нам эту ошибку? Окружать ли Россию со всех сторон такими окраинами? Наводнять ли ее нелояльными гражданами, заклятыми внутренними врагами? И для чего? Под предлогом «внешней безопасности»? *Но кто же собирается нападать на Россию?! На Россию? — НИКТО.*

Итак, все это — не русская национальная политика, а *советская*, это политика — якобы распущенного Третьего Интернационала. И успехам ее пусть радуются *бывшие русские*, а ныне не помнящие родства, крови и истории... Но пусть не думают и не говорят, будто они служат России!..

Старый Политик.
(Имя автора неизвестно).

<Приписка:> Переписано из газеты «Россия» Нью-Йорк. 24.III.1947.

<Другое письмо от того же числа:>

Дорогой Ивáн Сергеевич!

Специально — о Семенóвиче[156].

Ведь я кончал Моск<овскую> *первую* гимназию у Храма Спасителя. Перешел туда на Рождестве 1898 года вместе с братом (у коего занятия не шли...) из *пятой* гимназии на Поварской. Попал в класс, где преподава-

ли: Зак<он> Бож<ий> — свящ. Орлов, Рус<ский> яз<ык> — Ал. Вас. Тверской, Лат<инский> — И. Ф. Збраславский, Греч<еский> — Каз. Клем. Павликовский, Матем<атику> — Ф. С. Коробкин, Физику — Д. Д. Галанин, Историю — В. Ф. Марконет, Нем<ецкий> — П. И. Сеттингсон, Франц<узский> — А. А. Кордэ.

В 7 и 8 классах — Павликовского сменил — директор И. О. Гобза, Историка — В. О. Эйнгорн. Инспекторами был сначала Викман, потом Коробкин; надзирателем — Ник<олай> Алекс. (пожарный).

Помню еще (хотя у них и не учился): Каленова, В. А. Соколова, С. М. Бородина, И. Г. Семеновича. Вот его-то сын и был «картинщиком».

У *кого* из них *Вы* учились?

Ведь у нас должна быть *куча общих гимназических анекдотов!* А помните чугунную лестницу? А актовую залу? Церковь? Физич<еский> кабинет?

И Вы, значит, ходили мимо Николы на Старой Проще[157]? Большим Каменным[158]? А мы — в другую сторону — Сивцевым Вражком...

Один в носу чистил. А Кузька ему: «Слышь, голова! Палец сломаешь!» Что же это мы душу доселе не отвели?

А у Марконета еще *мой отец* учился...

Кто-нибудь из учеников (к следующему разу!) учебник вслух читает. Класс скучает, уроки учит или записками обменивается. А Марконет стоит — носом хоркает и записки эти из любопытства ловит и читает. Вот я раз и нашел в парте (остаток от пансионеров) — селедкину голову и хребет. А учебник читал *первый* ученик, кривой, одноглазый, Кириллов Игорь. Вот я завернул селедкины мощи в бумажку и написал: «Кириллов, посылаю тебе *Адамову голову* и *всю ее премудрость*». А Кириллов обладал умением: и учебник вслух читает, и записки к нему откупоривает, и все тем же глазом пробегает. Дошло к нему мое послание. Вскрыл. А Влад<имир> Фед<орович> сследил, да *цап!* Кириллов со смеху помирает, а Влад<имир> Фед<орович> в селедке умазался: «Что это, Вы, Ильин, какие *всегда* гадости посылаете?!»...

Ну вот — и Вам посылаю. О, моя юность!

27/III 1947. Ваш И.

471

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<28.III.1947>***

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Экстренная просьба. Пожалуйста, отзовитесь, вникните и помогите!

3-го декабря я отправил А. В. Карташеву «детский пакет». 7 дек<абря> я написал ему письмо, прося его отозваться и дать для 15 книжки Дня Русского Ребенка статью о преимуществах Православия[159].

Ответа не было.

Прождав *больше 3 месяцев*, я отправил ему 18 марта авион. В нем я повторял ту же просьбу и приложил ему на машинке написанный ордер на эту посылку, прося его отправить кого-нибудь туда (по адресу) за этой посылкой.

Ответа нет. Я опасаюсь, что его почту воруют. Очень прошу Вас, помогите. Узнайте у него, получил ли он эти письма, оба? одно? которое? а ордер на посылку? И если *получил*, почему не отвечает?

Все мои к Вам и Ваши ко мне летают беспрепятственно. С княжной — тоже. А тут — заколдованное место!

Дорогой, выручите! Если Вам почему-нибудь не удобно самому, то запечатайте это письмо в конверт и пошлите к нему, но *не* по почте, а с каким-либо доверенным лицом. Прилагаю для него и «ордер».

Душевно Ваш И.

Старый Политик шлет ему привет и просит о дискретности.

28/III 1947

<Приложение — ордер на посылку:>

Firma Gerda Krebs
in Zürich, Schweiz, Gartenstrasse 6
Paket Nr. 50127, Typ = Kinderpaket,
per Adresse:
Professor Dr. A. W. Kartachoff
Paris 19. rue de Crimée 93
geschickt von
Professor Dr. Iwan Iljin
Suisse Zollikon Zollikerstrasse 33
am 3 Dezember 1946

Prière de prendre ce coli chez:
Madame Laure Wiard
Paris. 9. Rue des Entrepreneurs 24. III.
Madame Wiard est la représentante de la raison Gerda Krebs à Paris et la directrice du dépot parisien.

472

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<29.III.1947>***

29. 3. 47

Дорогой друг Иван Александрович,

Несказанно благодарю. Автора не ведаю, скажу только: многая лета!

Я читал... 7 раз. Точно. 4: сам себе, *все* вчитав; 1 — скопировав; 1 — проверяя; 1 — другим. Исключительно: по силе, по точности, убедительности неотразимой; по **стали непробиваемой** (выше всех броней в мире!), по логике — непогрешимо-святой, по трепету-ужасу в душе; по восхищению, от даров, воистину, вдохновенных, от Духа! Го-споди, ка-кую же силу благодати излил на **человека**! И огнь опаляющий, и веянье освежающее. Свет — да светит, а посему — да творит. Нет, не уснет в связках бумаг архивных. Весь день — горенье. О, какая бездна открыта, головокружащая. И как же — **просто**! Но эта простота сотворена великою сложностью духовно-душевного богатства. Это *отсвет* непостижимого — **«да будет Свет**!» «Et la lumière fut»[160]. Там ***стало*** тоже — **просто**... Числовых знаков — всего десять; сочетаний — ∞. Столько же — движений мысли и души от сего «божественного» opus'а — во-Имя Господне. Всеобщая, многохоровая «Вечная память» — **чистым**. «Ангели поют на небеси...»[161] «Прему-дро-сть... про-о-сти!»[162] «Голландия» подвигнется. Пусть даже сверх-голландия! Какой же дар — мысль! какое сокровище — **живое слово**! Какая сила двоякая: и убьет, и воскресит. Сатана заскрежетал во аде, да лапы коротки на Божье Слово. От сего одного — бесспорность: по Образу Его — сотворены. Нет выше апологетики! **Слово, творящее** — вот, есть **сие** чудо: ибо — творит осязаемо.

Только падшие безнадежно, **мертвые** в совести, безумные и... «хотящие б<ыть> обманутыми»... и — все хватающие мельк-мельк... — не сдвинутся. Да и те должны дрогнуть и озирнуться.

Да, недаром (15.3) — после выноса Жив<отворящего> Кр<еста> — друг-профессор воскликнул: «вот ***что надо*** печатать!» — по адр<есу> одного «неуставшего» — М.[163] Разумея **его** «периодичность» переменно-именинную. Я добавлю ныне, вняв: сие — присяга, «semper-porto», «memento»[164], Крест надушный. «Помни... по-о-мни-и...» — постный, великопостный зов к... покаянию и — **восхождению.** И «дураки», и «дуры» не могут ***не*** **поумнеть**. Вдруг — «с университ<етским> образованием»! Кла-няйся же и подбери, что тянется... «Оправься».

Благодарный Ив. Шмелев.

Обнимаю, радуясь.

По-маленькому... Живописно дали — «ад<амова> голова»! и «***всегда***».

В 1 гимн<азии> пребывал с 16 авг<уста> 1886-5 г. (забыл точно) по начало ноября того же года. Спасся. Произошло диковинное: был **запуган** и подавлен *размерами*, привыкший к «уюту», простоте, низкопотолочности, теплу старых «хоромон». Чужие люди и — шумные. Я был смят. Я **все** забыл — или — не находил себя. Кажд<ый> день И. Д. Лебедев (директор, страдавший печенью) ставил мне 1 или 2 за разбор «Птички Божией». Впился в меня! И — дожимал. «Сказуемое?!..» — «Птичка... нет... Божия...» Кол. А дома — порка. Отца же не было. Запороли бы. По латыни — тот же Лебед<ев> — 4, 4, 4... — Я как бы забыл «русский», стал — римлянином, вечно «полосатым», в баню б<ыло> стыдно идти. Но вот, в смятении, мать призвала «на совет» Сережку Волокитина, 4-классника и лентяя, учившегося в 6-ой гимн<азии>, в Толмач<евском> пер<еулке> (он у меня в «Ист<ории> люб<овной>» мух казнит) (бабка его <называла> — «пакостник»!). Помню: важно пил чай с лимоном. И присоветовал — «К нам, в 6-ю, и лучше, и ближе». И навел справки. Быстро меня перевели — в

1-й же кл<асс> — в маленькие комнаты... в... уют. По душе мне было. И пошло — обратно: по-русски, у Н. И. Баталина (инспектор!), «зуды», — рыжий, высокий, костлявый и «цедит», к<а>к англичанин: по-русски — 4, 4, 4... по-лат<ински> (он же) — 2, 2, 3, 2... Скоро я вы-правился. Бывало — сколько пути (в гимназию!), пешком, в осенние дожди... Якиманка, Мал<ый> Кам<енный> М<ост>, Большой... Волхонка, Хр<ам> Хр<иста> Сп<асителя> — чугунные ворота... розовое-огромное... гул и хлад. Помню все: и чуг<унную> лестн<ицу>, и акт<овый> зал, и церковь. Что-то блистательное, но... хладное. О, к<а>к помню приемн<ый> экз<амен>! — в 1 гимн<азию>. Помню: диктовал Коробкин, худощавый, невысокий, быстрый... «В одном большом лесу... росла (или р*а?*) красивая, маленькая елка. На высоком мѣ (е?) сте сто (а) яла она (или ана?). Солнце (или сонце?) имѣ (е) ло к ней свой доступ (или дост*ы*п), возду (*ы*) ху вокруг нея (е?) было вдоволь (или в довыль?), а подлѣ (е) не*ё* (так и диктовал, чтобы искусить (!) ро (а) сло много старших подруг её (да! так и произносил!) — елей (не напишут ли ѣлѣй?) и сосен...» Видите? — до словечка помню. ***Без*** ошибки. Но на арифмет<ике> (экз<амен> приемный) Коробка меня сбивал — «теорией». Почему 1+2=3? *Докажи!* Ей-ей. Но... т<ак> к<ак> 3—4-родная сестрица-крестная Елиз<а́вета> Егоровна, бывшая Ш<меле>ва, тогда уже Семено́вич (у И<вана> Г<ригорьевича> в животе солитер жил и вышел дл<иною> в 40 аршин!) (я к ним хаживал в гости, у И<вана> Г<ригорьевича> от 1-ой жены б<ыл> сын Володя, чуть меня постарше — и многое знал) — явилась «заступой», то меня втиснули, а то конкурс был на 60 м<ест> — 400 человек!.. Без нее (Лизы) не знаю... м<ожет> б<ыть> и в гимн<азию> не попал бы... — оч<ень> я робел всегда, и только в письм<енных> работах мог «успокоиться и найтись». В 6 гимн<азии> изложения и «сочин<ения>» с 3 кл<асса> — у Баталина — на 3—4, у Цветаева — редко 4, а то все 5. Раз 5́ +++! — Помню: «Летний дождь в лесу». Ну, я́ и «подо́ждил». Любопытно, *где* мои те тетрадки. А «скочки» мы были: раз с посл<едних> учен<иков> — пере-

махнул через четв<ерть> в 1-ые. О сем — рассказ — «Как я покорил немца». Знаете? Могу прислать (половина его — стихами). Да, покорил немца с его рутиной. Кончил 6-ю — весн<ой> 94 г. (в одн<ом> кл<ассе> 2 года, в 3-м) — все «Вокр<уг> Св<ета>» читал. Универс<итет> — 1898 (с 1 степ<енью>, за *собств<енную> теорию «кражи»* у Председателя Экз<аменационной> Ком<иссии> из Питера — страшного (грозного) Таганцева — высшая отметка). До сереб<яной> мед<али> (и не думал) в гимн<азии> не хватило 1/2 ед<иницы>; Соколов перебил! А я с Олей время проводил, пи-сал... Рассказать все — не поверите.

В пансионе Верзес (две сестры стар<ые> девы — франц<уженки>) на Полянском рынке, «был всегда окружаем» не только сверстниками, а и уч<ительни>ца внимала! — за мою «болтовню-фантастику». В 6-ой гимн<азии> с 1 кл. меня прозвали: «римский оратор» — «orator romanus». Увлекся «пением слов». Помощник прис<яжного> пов<еренного>, на 7-ой казен<ной> защите в Окр<уге> перед присяжными (7-ая кража + побег из тюр<емной> больн<ицы> + отлучка с места прописки...) — **заставил** по сам<ому> банальн<ому> дельцу дважды возражать мне тов<арищу> прокурора. Слушали матерые адвокаты (**слух** покатился — и пришли из буфета и корид<ора>) — и — ахнули! — вердикт: «*нет,* ***не*** *виновен*». Юнец — выехал на... софистах! на сердце прис<яжных>, на... гашише **слова**. Да не потянула ожид<аемая> «громкая слава» (а *все* сулили!) — оч<ень> я *нетерпелив* (?) — в адвокатуре **всегда — жди**: жди клиента, жди назнач<ения> дела к слуш<анию>, жди решения, вердикта... А вот на работу в творчестве терпения о-чень хватило. Нет, только Коробкин до Вас остался. Помню, называли фам<илию> Галанина, он бывал у Сем<еновича> и — кажется? — крестная симпатизировала ему: **«умный»**. Не знаю, не помню. У Ив<ана> Григ<орьевича> — и у ней — был в 1915—16 г., хлопотал за Сережу, кончавш<его> част<ную> гимн<азию> Косицына. Оказ<алось>, нужна некот<орая> протекция (верней — совет): я тогда был уже «изв<естный> пис<атель>», авт<ор> «Челов<ека> из рестор<ана>», и дело устроилось через попеч<ителя> уч<ебного>

окр<уга>, (с франц<узским> яз<ыком> что-то не ладилось на исп<ытание> зрелости). Мальчик кончил, поступил в унив<ерситет> и — с 1 к<урса>, ожидая набора, поступ<ил> в артил<лерийскую> бригаду, с которой и б<ыл> на войне 16—17 г. — честно мужественно (отравлен газами (первыми!) на Стоходе), и — с мокр<ым> платк<ом> у рта — командовал огнем. Ранен не был, но 2 раза серьезно б<ыл> прострелен. Мы, кон<ечно>, мучились... о, вспомнишь... — и после, в добров<ольческой> А<рмии> — всего повидал мой мальчик! Бился на бронепоезде под Асхабадом, чудом спасся из красн<ого> «кольца», отступая (путь подорвали б<ольшеви>ки), сами белые сожгли бронепоезд и отступали в кольце красн<ых> дик<их> туркмен! Собирался командир застрелиться, но Сережа удержал его... — и спаслись!

1-ая гимн<азия>. Законоучитель — Ник. Копьев (у меня в «Соборовании») от Спаса-в-Наливках. Мат<ематика> — Коробк<ин>. Ла<тынь> и рус<ский> директор Лебедев... друг<их> не помню — географа, учит<еля> чистописания... Помню — большой двор, перемена большая, пожарная лестница, всегда я ютился под ней — ни един<ого> знакомого! — один, жевал розанчик, чаще всего пустой. Не давали пятачка «на завтрак». А кругом — жрали. Сы-ром как пахло! Колб<асой> с языком!... Слойками!... Много «богатеньких» было. А у нас, после отца — долги, семья — скудновато было, после «обедов» отца... Но б<ыли> сыты. *Ситный до-ма* пекли: *6* душ да прислуга. Быв<ало>, зачерствеет — ешь. Но по воскрес<еньям> к чаю — пирожки обязат<ельно>. И — сухарик и 2 булочки (по копейке) румяные, потом — пошире стало. Посты — ох — блюли! И я любил — как **подвиг**. Все церковное любил — привык. *Всегда* — всенощ<ная>, обедня, говенье — увлекат<ельный> подвиг. До «праздничности». Вот «потерял» — как-то... отвыкал, а потом «горе от ума»: критика! Обычно. У Булг<акова> в его «Автобиогр<афических> Заметках» — прочитайте, **сто-ит**! — как челов<еческий> докум<ент> — дано, **верно**, точь-в-точь, **мое**. Из гимназии — 1-ой — бывало плетешься... На мосту постоишь,

как рыбку ловят... в часовню Ник<олая> Чуд<отворца>[165] зайдешь — полегче бы пороли!... Копе-ечку... ре-дкую — положишь. Редко на «конке», наверху, за 3 коп. А с 5-го кл<асса> (взрыв страсти *к опере!*) (у меня «открыли» исключ<ительный> голос, сперва альт, потом баритон, «удив<ительно> поставл<ена> диафрагма!» —) как вечер субботы — 10 ч. — к театру Б<ольшому> — в очередь за галеркой, до 10 ч. утра, мороз не мороз. 35 коп. тогда стоила галерка (5 ярус), потом 37 коп. Бывало, у матери молишь-молишь, «пятерку» принесешь — ну, выдаст 35 к. И — пешком, конечно, всегда сии концы. Зато — весь театр во мне, я все **запахи** знаю (и театр<альный> клозет пах по-особ<ому>).

Помните — графины с водой, и сторожихи? Буфет, эти «фрукты»... (зап<ах> апельс<инов> в т<очности> помню!) — б<ыли> недосягаемы. Их «богачи» покупали. Я нужду знаю... (относит<ельно>). Знаю, как деньги зарабатывают: давал уроки, бегал с 6—7 кл<асса> — через всю М<оскву> — для театра, с — уже — Олечкой-невестой. Тогда мог, купив *вне*, угостить. И стыдно было. Да уж тогда и дома широко и обильно стало: зять был, гости... всегда печенье, конфеты, варенья, пироги, торты... И — роились хаотич<еские> образы... — но всегда — страх. Да разве я... с нашего стар<ого> двора — без книг в доме! — **могу**?... Думаю, Чехов вот *так* жил, в семье. Я всегда б<ыл> оч<ень> впечатлителен. Оч<ень> жалостлив к «малым сим» — и как не стал «социалистом», не знаю. Оч<ень> сочув<ствовал> партии Нар<одной> Воли[166]. Любил — рано — Гл. Усп<енского>[167], Златовр<атского>[168] — знакомого много находил. Ну, а потом, как вкусил... постеп<енно>, не считая> «приключ<ений>», — Мельн<икова>-Печерского, Загоскина... — Пу-шкина... медленно **брал**. Его!.. Толст<ого> (Дост<оевского> — позже!). Люб<ил> Короленко, о-чень Чехова... Но читал-то *все*. Особ<енно> Диккенса. Фр<анцузов> — мало, не вытерпливал Гюго... (требов<ал> быстр<ого> разв<ития> **сути**!) Оч<ень> меня Мопасс<ан> взял. Но ведь в переводе... — Немцы мало. Гете не привлек, **суховат<ым>** казался. *Не*

любил Г. Гейне. Шиллера — да, очень. Особ<енно> в перев<одах> Жук<овского>. Лерм<онтова> *не* очень, но «Маскар<ад>» знал наизусть, весь, у Корша не пропускал. Так что 1 гимн<азия> — лит<ературный> «эпизодик»: 2—3 мес<яца> всего. И б<ыл> счастл<ив>, что перевели в уютную, куда проще — усадьбу гр. Сологубов, чугунные ворота, во фруктах! Это — почище врат (высо-ких) 1-ой г<имназии>. Мне всегда было трудно ходить ок<оло> Хр<ама> Хр<иста> Сп<асителя>: **тяга**, как-то терялся я. А вот, любимое — смотр<еть> на дом Мал<юты> Скур<атова> напротив, где б<ывали> засед<ания> Археолог<ического> Общ<ества> (любил посещать). Эпоха Ив. Грозн<ого> — **манила**, толкнула писать «истор<ический> ром<ан>» («Как я покор<ил> немца», там есть о сем романе).

Завтра читаю днем в «Казач<ьем> Муз<ее>» в Asnières, в пользу Церкви в A<snières>. Надо спать. 1-й. Господи, ско-лько же я все-таки написал, при моей безалаберщине!... Знаете, я еще дважды прорабатывал «Кул<иково> П<оле>» и теперь переписываю. И сократил, и расширил — в глубину? Ладно. Обнимаю и благодарю. Мало: преклоняюсь. Да хран<ит> Вас обоих Господь!

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Разберете ли мои каракули? *Поздно* стучать на машинке. Взрыл в душе — прошлое. И много тяж<елого> было, а — вернуть бы!

<Приписка:> О нашем воздухе Вам многое сказала «Ист<ория> люб<овная>» (уже переведена на фр<анцузский>, а когда издадут?!.)

473

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<30.III.1947>***

30. 3. 47 8-30 в<е>ч.

Только вернулся с чтения — через 5 мин. — Зеелер,

Срочно! С масл<яничной> веткой!
Своб<одное> Слово!
«Слава Тебе, показавшему нам Свет!»[169]

Дорогой Иван Александрович,

«Русская Мысль»*!* — первая свободная русская газета — в Париже! № 1-й Пасхальный, поступит в продажу в

Св. Заутреню. 1-й тираж — 7 т.! Деньги — *русские!* Редактор — русский — В<ладимир> Феофилов<ич> Зеелер. Даю для 1 № — «Поднятие икон» — из ром<ана> (м<ожет> б<ыть> пойдет фельет<она>ми ***весь*** роман (II ч.). Сотрудники — писатели — орг<анизаторы>, Зайцев... — молю: И. А. Ильин. Карташев, Зеньковский, Нольде[170], Маклаков — (нужно!) — по нын<ешней> ориентации — ***вне*** *сомнений*, верьте. Ориент<ация> церковная — Православная, непримиримая. Поддержите! Про-шу! Дайте — о Воскрес<ении> России — ну, что хотите, размер — газетный, стр<ок> 200—250. Или — хоть *100*. Вы — *сила*, сталь, свет. Вы **знаете**, ***как*** алчут и жаждут и *чего!* Ведь мы все эти годы были без **Слова**. Сов<етчики>-подвывалы окармливали, лгали и лгут. Поддержите! Дайте un coup d'epaule[171].

Ответьте, можно ли послать Вашу книжечку в 10 абонементов для подписки. Пороху мож<ет> хватить пока на 3—4 мес. Размер в 8 страничек. Ваше *Имя* важно! О гонорарах пока нет речи. Они — бу-дут. Сейчас надо **ударить**! **И** — ударим. Стекаются «объявления», что оч<ень> важно. *Важны* — подписчики. Есть же в Шв<ей>ц<а>р<ии> русск<ие> люди?!..

Дорогой, я горю... Сейчас только привезен с чтения в Asnières. Прошло — захватно. Полон зал. Церковь собрала св<ыше> 2 милл. фр<анков>! Русские люди — творят! и чудеса. Но — все — Господь!

Молю: пришлите к 1-му № — срочно. Надо — *не* поздней полудня-вечера четверга (3.4) (сего) (6 дн<ей> *для* типографии, с запасцем. Не удается для 1-го (не успеете выслать) — пойдет во 2-м, но лучше в 1-м. Надо ***ударить***. Надо раздавить ***своденъ!*** Помогите. Бог осияет Вас. Дайте хоть... 30 стр<о>к! Но дайте!.. Вы знаете — *что*. Газета не будет «боевой»... — *нападающей*... — она будет созидающей, ранящей. Ее основа: Вера, Россия, ее дух<овная> мощь, ее ***дух***. Поверьте. Спешу опустить, бегу на почту. Свет уже в **заре**!..

Родной, отзовитесь! Чудесный!..

Ваш — обрадованный, во-имя Господа —

Ив. Шмелев.

<Приписка:> Гады — воображаю! — шипятствуя-ат! Ох, подрежем лапы! С нами Бог.

474

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<до 6.IV.1947>***[172]

Дорогой Иван Сергеевич!

Письмо Ваше прочел. Спасибо! Все взвесил. И отвечаю *категорическим отказом* в сотрудничестве.

Русское дело — *русское* и *православное* — нуждается в *чистых* именах — Карташев, Шмелев, Трубецкой, Сикорский — но не в *темных* именах Маклакова, Нольде, Зайцева и т. д. То, что эти последние наделали за последние два года *против России* и *Церкви*, и на всю эмиграцию — было *так выгодно дьяволу* и *так вредно России*, что попытка их *перебежать назад* из *перебежчиков* есть попытка *размазать их политический блуд* по нашим лицам!

Больно думать, что Шмелев подставляет им для этого и свой лик!! Увидев это, во всей *честной* эмиграции *все* подумают, что Шмелев и другие *поколебались* и *полуприняли советчину.* Как это ужасно! Какое *распространение смуты!* Да еще «Русская Мысль» — какие преемники Петра Струве, подумаешь!

О, эмоциональный вулкан! Не верь эмоциям, пред тобою симулируемым! Не зажигай свою свечу и лампаду о чертову спичку! Не давай свой лик на поругание!

Итак: *нет.* Но в порядке *информации* препровождаю Вам подписку на *1 месяц*, но на столько экземпляров, сколько выйдет из оной суммы — *все* по *моему личному адресу.* Распространять же подписку на маклаковскую газету — помилуйте, это совершенно невозможно!!

Да и что за метод привлечения «моей особы»?

В 1898 году (мне было 15 лет) одна гимназисточка-хохлушка в Москве писала моему брату (хохлацкий распев!): «Саша! Вечеринька будет 3 февраля. Пожалуйста же приходите пораньше и приводите же ваших товарищей. Таньцы начнутся в восемь часов».

Я Шмелю — друг. А не просто «товарищ». Но серьезная и зрелая редакция не дает таких поручений. Времени было *достаточно*, чтобы списаться. Однако — *прячутся за Шмелева.* И если бы я и вправду — в темную, в слепую, без редакционных программ, приглаше-

ний и обязательств — послал бы что... Ведь сам же себя потом засмею. Я не маленький.

Был гимназист Бем, весом 6 пуд<ов>. Ходил в большую перемену и, *съев свое*, приставал: «Маклаков! Угости-и-и! Зеелер! Угости-и-и!» — и все слопает.

Так нет. Помолчу!

А то у Леонида Андреева один сзади бежал и кричал: «И я, братцы, и я, и я!» Боялся опоздать...

Так нет. Опоздаю *охотно*.

И Вам советую, дорогой Вулкан Сергеевич: умерьте Вашу эрупцию[173]! Эмоции застят взор. И портят очевидность. Пришел к Вам новый Виген сумбурпашайничать — не верьте словам! Главного Вам не договаривают!

Ради Бога, будьте осторожны! С блохами встанете! Мы по нынешнему времени *не имеем права политически наивничать!* Нас немного! За нами начинается серая масса обывателя и сов<етской> полуинтеллигенции.

Макл<аков> «нужен»... *Кому!! Зачем!!*

Ни России, ни Церкви он *не* нужен. Вижу всю игру насквозь: *выправляют крен по Америке*... Садятся в новое седло. Да я им не стремянной. И *Вы* им не конюх и не доезжачий!

Вспомните Ваш анекдот: «Мамашенька! Вздуй огня!»... *Не вздувайте!* «Они рожу заговня...» Пусть и отмывают ее честно, *всенародным покаянием*, а не размывая ею по нашим *идеям*.

Слышите: *идеям!!*

Я *моих* им *не дам*. Они у меня не торопятся, долгого дыхания!

А подписочку *на 1 месяц* — пришлю.

Обнимаю и молю о сокращении эмоций!

<Приписка 2 раза на первой и последней странице:> очень жду о Карташеве.

475

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<6.IV.1947>***

6. 4. 47 7 вч. в постели.

Письмо Ваше, дорогой Иван Александрович, очень огорчило меня, — отказ-то Ваш. Да и по-

спешность моя тут повинна: очень обрадовался и был «в нервах», после публич<ного> чтения. Все случилось ***вдруг***. (Вот и заболел.) Много тормозов было... — и потому, **загодя**, не списывались с Вами — было все в неустойчивости. Узнав от Зеелера, экстр<енно> приехавшего ко мне, *я, я*... — предложил оповестить Вас и **просить** В<ашего> содействия. Я думал о моем посредничестве, что оно, во всяк<ом> случае, не может Вас обидеть: я *не случайный со стороны* человек... — и я, с чистой душой, обратился к вам, ***спешно***: хотелось мне, чтобы 1-й № был веский. Это обращение, *через меня — ввиду экстренности!* (Зеел<ер> **плакал** у меня, от радости и взволнованности) — одна из причин В<ашего> отказа. Другая: подозрительность, что газета буд<ет> «загрязнена»... *Моя* обмолвка о Макл<акове> — тут причиной. Ошибочная обмолвка... (к<а>к она проскочила?!) Макл<аков>, конечно, не буд<ет> сотрудн<ичать>. Я не дописал Вам: говорилось об его «интервью», только. О (Да М<аклаков> и хитер, «выжидатель», да и «положит<ельный>» Нольдэ) — о его недоброкачеств<енности>. Я не знаю, вспомнилось, что Зеел<ер> говорил о нем, как о знающем иностр<анные> дела. Зайцев Борис — ***ничем*** и *никак себя не замарал*. Почему Вы о нем — **так**? Если он меня *приглашал читать о Москве* от им<ени> О<бщест>ва (какого-то), где предс<едатель> Мак<овс>кий С<ергей>, — **это** я объясняю просьбой к нему М<аковско>го... — они еще с Москвы знакомы. З<айце>в — соверш<енно> **ясен** и недвусмысл<ен> в отнош<ении> к б<ольшевиз>му. Уж он-то в В<ашем> отказе совс<ем> ни при чем.

Повторю: виноват я, через мою спешку. Не успел **всего** толком написать. Простите. Живи Вы здесь — Вы острей бы чувствовали, что такое — **своя** газета! *Как* ждут ее!!! Вы хоть америк<анско>-русские получаете, а здесь — разве единицы — дорого! (В «советских» — паника! Некто — «рвет и мечет». Видите?)

А главного не написал — *не знаю*. Газету «подпирает» (этим, и только этим м<ожно> объяснить, что *дали* разрешение — *единой* из *б<олее> 200* добивавшихся (фр<анцузских> и разноплеменных!) «La Confederation

Française des travailleurs cretiens» (СЖТХ[174]) — антикомм<унистическая> *сильная организация*. Генер<альный> Секр<етарь> которой (adjoint[175]) Jean Brodier — явл<яется> «*ответств<енным>*» редактором «Русской Мысли». Оч<ень> сочувств<енно> относ<ятся> и *католики правосл<авного> обряда*. Надо знать **воздух** соврем<енной> Фр<анции> — здесь оч<ень> напряж<енное> положение. Т<ак> ч<то> «Р<усская> М<ысль>» выходит к<ак> б<удто> *под титулом* этой *Рабоче-Христ<ианской>* организации.

Вышутили Вы и мою горячку, и мою радость, и мою опрометчивость... — Ваша воля, конечно. Но «чертовой спички» я **не** вижу. Впрочем, — «по плодам их узнаете их». Никто за меня не «прятался». Вам было бы в свое время написано, от редакции, а тут — спешно, материал д<олжен> б<ыть> в типографии за неделю до выпуска газеты. К<ак> раз разрешили 29-го в субботу! И Зеелер приехал ко мне (он — фактич<еский> редактор), поделиться радостью и просить содействия. Я *сам* сказал: «Буду просить И. А. И<льи>на!» И — просил. И — получил по шапке.

И... мне — больно. Я — чист. И *все* тут — **чисто**. Оплошность, спешку свою — признал.

Я болен, не выхожу, тяжк<ий> бронхит. *Лежу один*... Написал Карт<аше>ву — ответа нет. Слышал, он (был?) болен. Будь я здоров — поехал бы сам. Как получу от него ответ — напишу. Вашего п<ись>ма *не* посылал... Возможно, что и пропадают.

Будьте здоровы. «Avion» получ<ил>. Благодарю.

Ваш Ив. Шмелев.

«Кул<иково> Поле» (оно взяло посл<едние> силы!) завершил окончат<ельно> (5-й список!). Тяжко болеть, — **один**! — И не поговею... на груди — кирпичи, ду-шит!... И так **все** горько!

476

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<11.IV.1947>*

11.IV.47. Вел<икая> и Св. Пятница.

Христос Воскресе! — дорогие Наталия Николаевна и Иван Александрович! — Пасхального Света Вам желаю.

Я болен, и поговеть не в силах, 12 дней t° — после чтения в холодн<ом> «Казач<ьем> музее» в Asnières (30 III). Бронхит свалил, и все мои планы — «выходов» и отдыха — рушились. Лежу, сердце ослабло.

Рукопись В<ашего> «Поющего Сердца» получил. Благодарю. Еще не в силах читать — держать даже кн<игу> в руках, лежа. А «почес» ниск<олько> не убывает... вот — год чер<ез> неск<олько> дней! Ис-пы-та-ние... Что ж, принимаю.

Получил бумажку, указал газете В<аш> адр<ес>.

Не в силах писать. А надо поблагодарить Ш<арлотту> М<аксимилиановну> за ее «colis suisse». Поблагодарите, пожал<уйста>, *за* меня, от меня.

Три дня лежал **один**, — сам пытался ставить себе (на спину! это т<а>к трудно!) горчичники. Дни предпраздничные, все заняты **своим**. О, трудно, порой, бывает — быть **одному**! — без **человека**.

Да еще и погорел-поволновался, после-то чтения, а тут *вдруг* — **газета**! — и тут еще горечь В<ашего> отказа... — совс<ем> неожиданного, невнятного для меня... — **все** совпало — и до-било. Теперь — «вулкан» уснул... без сна. Больше **так** не буду.

Неясно мне, почему «Стар<ый> политик»[176] — не поставил **себя**. Я не домышляю, — кто это?... Жаль, статья на редкость важная, **нужная**... Не американец ли — русский? Мне вчера передавали № газ<еты> от 1 марта («Россия»). Там что-то спутано, в одн<ом> месте.

Ничего не знаю о буд<ущей> газете, никто у меня не бывал.

Лежу — и гляжу на солнечный день за окнами... Все — один. Заболела и менажка, и плем<янни>ца, д<олжно> б<ыть> больна. Ну, к Господу взываю, — не оставить **помнящего**. Да и мои **отшедшие,** слышу, — следят за мной — и подадут укрепление. Это я *знаю**.

Только бы завершить незавершенное. Слава Богу, ***после пятого*** списка, — совс<ем> готово «Кул<иково> Поле». (Ско-лько я работал эти 6—7 мес., над **всем**!) Не

* <рядом на полях приписка, сделанная 14.IV):> Примеч<ание>: *NB* 14 IV!! Так и *случилось*.

могу лучше: что **увидел** — исправил, дал. Теперь Вы и не узнали бы рассказа: он о-чень углубился. Т<а>к мне **кажется**. М<ожет> б<ыть> и **объявится**, если будет на это Воля Божия. Воистину Воскресе! — милые.

Ваш По-мнящий.

477

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<14.IV.1947>***

14.IV.47

Дорогой Иван Александрович,

Случилось маленькое «нетуда», оч<ень> досадное: вот, возвращенное мне мое п<ись>мо Вам, от 11.IV, попавшее из-за моей растяпости — верней — **разбитости**, — в конверт, адрес<ованный> Наталии Ивановне Кульман; а, — думаю! — письмо к ней, пасхальное же, вложил я в конв<ерт> на В<аше> имя. Если так (почти уверен), то Вы мне его дошлете. А сейчас я написал Н<аталии> Ив<анов>не — извинение. И — поздравление.

Досылаю, не меняя содержания, как вышло в растрепанности душевной. Много сему причин... И одна из главных, — усталость, бо-лезнь (дня 4 было плевание кровью), — расплата за переутомление и за публ<ичное> чтение в Казач<ьем> Музее, неотаплив<авшемся> всю зиму: наглотался холоду и миазмов... читая **полной** грудью. Ну, и... получил — «в грудь»! Пусть сие зачтется мне **служением**, хоть и маленьким...

Св. День прошел и ушел — для меня — не **Светлым**: не говел, ни разу не смог б<ыть> в церкви!.. — лежал (грудь к<ак> бы под кирпичами!), **один**, без врач<ебной> помощи, и, задыхаясь, сам прикладывал на спину вслепую, куда попало! — горчичники. Задыхался, слабило сердце. Сл<ишком> много было всяк<их> волнений и туги за эти месяцы... И — горечи, всяческой. Оч<ень> мало питался, не было ни желания, ни... времени. Переработал... да.

И вот, в 11 ч. ночи, на Св. День, когда я, один, полубольной еще, лежал в темноте, чуть (как — котята) попискивая, что я — один, что не б<ыл> в церкви, что я ослаб, что и яичка у меня нет красного, ни пасочки, ни

куличика (впервые за эти 11 лет **после** Оли моей), неожид<анно> постучались: явилась Юля (пл<емянни>ца) с мужем — «разговляться». Кой-чего принесли: ну, **все** почти, в уменьш<енном> виде, но — хватило на всех. Я **затеплил** лампадку. Мы тихо пропели «Хр<истос> Воскр<есе>...», похристосовались с дорогими отшедшими (это они **послали**!) — и посидели до 2 ч. н<очи>. Они ночевали у меня. А с утра пошли визитеры (было человек 9—10)... — и день протянулся — и *ушел*. Я как-то «замотался»... полузабылся. От **Crimé**<e>[177] — нет ответа. Получ<ил> поздр<авительную> откр<ытку>. Будут сегодня (14) «на склоне дня». Но мне надо было выехать с необход<имым> визитом (и по обещанию) к 5 ч. дня, я оставил записку на двери, «буду к 8 веч<ера>». Был без 10 м. — в 8 — но следов посещения не оказалось. Не знаю, м<ожет> б<ыть> и не были «Крымчаки».

О<льга> А<лександровна> **отказалась** распространять подписку — значит — *не верит* и *Ш<меле>ву*. Но... по друг<им> мотивам, чем друг: не будет ли... прот<ив> па<триа>рха?.. Я плюнул! Ну, улита едет... и — до-едет. Порукой — «Кул<иково> Поле».

Уповаю. Уже при дверех — **чудо**.

Ваш Рим<ский> Оратор, бывший —
с 1 кл<асса> гимназии.

478

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<14.IV.1947>***

Христос Воскресе!

Дорогой друг Иван Сергеевич!

Тревожусь о Вашем бронхите и о Вашем одиночестве... Не могу помочь отсюда... Зовите доктора, докторшу, докторов, докторишек! Будьте осторожны, не давайте ему углубляться. Если понадобится пенициллин, то *не останавливайтесь ни перед какими расходами* — подобно «дирекции», которая немедленно готова сальтануть. Важно *лежать* — если не все время, то все «прочее» время. Вообще скудоумонетие не должно испытываться баррикадой к выздоровлению.

Пришло ли к Вам мое «Поющее сердце»? Оно отправлено *заказным* пакетом 1 апреля со вложением моего обращения к франц<узской> цензуре.

Жду вестей.

Прилагаю письмо к «Наталии Ивановне», которая явно улямзила Ваше письмо ко мне. Боюсь, что *ей* совсем не нужно было читать то, что Вы *для меня* писали... Но по-видимому тут в последнюю минуточку «Вам бронхитка в фтаны напыфала»... Это бывает, ох, и еще хуже... Pardon!

Обнимаю Вас.

Ваш И. А. И.

14/IV 1947

479

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<30.IV.1947>***

30. 4. 47.

Дорогой Иван Александрович, забыли Вы болящего... а я едва выбираюсь, так меня прихватило!.. Вчера, сол<нечно>-тих<ий> день... впервые за 27 дней вышел за молоком, на почту... ослаб. И все время — без врача, а град<усник> только один раз и ставил — 38,8 — утром. Терпеть не могу. Знаю по многому, что жар. Сейчас еле могу есть, — так обрыдло. Посему ослаб. Денег америк<анских> так и не донесло: очевидно на пути цапает когтями зверь-клиринг, — говор<ят>, есть такой. А я к<а>к ждал, ибо... «вже угу». Подкормите. Сл<ава> Богу, есть не хочу. А чай есть, и крупа есть. Вам, к<а>к укреплюсь, вышлю на кашу. Газету Вам высылают... как она Вам **не** нравится, знать мне не надо. Вам редко что нравится. Вы оч<ень> требовательны. А по нын<ешним> врем<енам> не требуй, а «лопай, что дают». Вы вон натоньчили этюдов (П<оющее> Сер<дце>), схваченных **одним**, — я упиваюсь, **мысля**! — и, конечно, мо-жете б<ыть> требовательны... но — мило-сер-дия! Газета — им<ею> ч<есть> доложить — **растет**. Тир<аж> уже догнал «сов<етскую> подворотню», и там здоровая брешь: это **уже** победа. В лавках — (слышал уже от двоих) — спрашивают, трогая газету: «а ШмЕ-лева — уда-

рение! — есть?»... Читатель оголодал. Надо ему служить. И я недоумеваю и скорблю, что Вы **так** гордо «отринули». Когда надо спасать кого, — а тут — ду-ши надо выпрямлять, что за бедлам царит! — и в помойную яму надо опуститься. А «Р<усская> М<ысль>» — хоть и не «от Струве» — не я-ма, и не-помойна. Надо ее лучшить, да... но не лущить. Какие благодарения приходят! и к<а>к бесы корчатся!... Хотя бы — «ради сего»: хоть перст обмокнуть и дать...

Нет, я огорчен, хоть и «вулкан». Но теперь, с болезнью, вся «лава» вышла. И... сотни тем, этюдов... Получил б<ольшое> п<ись>мо из Давоса по пов<оду> моего «Чехова», от болящего доктора-медика. Счел нужным ответить, по-русски, в обоих смыслах. Это составило — с легк<им> перебором, «Мисюсь» и «рыбий глаз» — о русск<их> женщ<ина>х — ст<атью> для «Р<усской> М<ысли>»[178].

Ваше «Поющее сердце», писал выше — **поет** душе. Прекрасно. «Мировая пыль» — чудесно, т<а>к и просится в «Р<усскую> М<ысль>» — как питательный экстр<акт>. Да все, все — витаминно, сочно, **чисто**... — какая **беда**, что нет **книги**!.. Ведь Вы создали, истинно, всем трудом В<ашим> — **школу** национа<льно>го **строя**! Вы — стро-ите, русский Сольнес[179]! Слава! да будет ему триумф!.. Чего медлят с брош<юрой> «О сов<етской> церкви»?![180] Мне говорили на днях — давно решено... об авторе мере-кают — «каж<ется>, из... Женевы». Пусть кажется.

У меня нет-нет да и явл<яются> мысли об америк<анской> газете... Но, пока... я молчу. И из скромности, и... разные соображения. (Дело о «П<оследних> Н<овостях>».)

Уставать стал. Ложусь кажд<ые> два часа — на 3—4. Старость... и к<а>к подрезал бронхит!.. 4—5 дней сряду б<ыло> кровоплевание... и боли. Самому лечиться — то же, что затылок ногой чесать. Сейч<ас> жару нет, но кашель — да.

«Чехов», каж<ется>, **весь** распродан... — изд<ательст>во не ожидало. М<ожет> б<ыть> б<удут> переиздания. Заплатят ли в равной мере?... А это мне важно,

а то с квартиры спихнут. Я едва выкарабкался, помог один чит<ате>ль. Так что я «взвешен». От газеты пока ни сантима не получил да и не хочу, пока не станет на ноги. Вчера за один день — на 5 тыс. подписки. Начинает **течь**... Я — в стороне, ни ресничкой не шевелю редакционно: ни-когда не носил сего хомута — «ярма с гремушками». Я — сви-стун.

Будьте здоровы, милые... не забывайте же «бедного почти-Йорика».

Йорик, но не ёрник.

480

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<8.V.1947>*

8. 5. 47.

Дорогой Иван Александрович,

Благодарю за «авионное». Стал — в теплые дни — хоть на минуты выходить. Зуд не убывает, вот уже 2-ой год... — казнь моя. Опустилось вчера веко. Сегодня чуть поднялось — ?!

Написал — для газеты — помимо — «Мисюсь» и «рыбий глаз» — два коротких очерка из «Замет» — «Ясновидящий»[181] и «Врешь, есть Бог!»[182]. Гонорара — пока — не получаем... Лондон заменил — брал 80 №№ — «Русско-советские Новости» — ! — «Русской Мыслью». Продержится ли газета — Бог весть. Пока печатается в кол<ичестве> 7500 экз. Подписка идет... но каждый № — только по печатанию! — стоит 60 т<ысяч>. Пока оплатили... Вы мне ни словечка — и давно — не пишете. **За что**?!.. Я о-чень одинок... лишь остаток воли удерживает от отчаяния... Извел меня недуг, — и — многое. Для чего длить эту **трудную** жизнь?!.. Я довольно влачил свое ярмо. Были и радости... да... но они несоизмеримы с выпавшим мне... Обманываешь себя — «вот, надо еще то-то...» А за-чем — **надо**? Гнетет безысходность — **там**. Ловишь «знамения»... где же Правда Твоя, Господи? покажи Ее!... сил нет — **там**! — Приехавшие с конф<еренции> — русские — говорят о го-ло-де... даже в Москве! Жить — и быть столь бессильным!.. заносить «факты», отягчая бесплодно душу... бес-помощно. **Все**

давно сказано. **Всем**, сто-лькими! Теперь какие-то астрологи обещают смерть... Ст<алина>. Некая юродивая — еще до войны — много изрекла. **Все** — по словам подмоклого еп. Матвея[183] — теперь в Лондоне, а был тогда в Польше и раскатывал на автомобилях, работая — ! — в контакте с пол<яками> и катол<иками> — **исполнилось**. И последнее — «здесь буд<ет> четыре «власти» — сов<етская>, нем<ецкая>, сов<етская>... и 4-ая, «православная с царем!» — на три четв<ерти> исполнилось. Еп. М<атвею> она сказала: — и он — циник — сам рассказывал, удивленный: «выкинь из головы! никогда не попадешь за Океан!» Не попал, а таил, пытался!.. Теперь в Лондоне. Нигде его не пристроили, отмахиваются... Так вот, и на сем строишь надежды... — до чего дошло. А на днях мне рассказал од<ин> архит<ектор> — это в «Ясновидящем» — я был захвачен. М<ожет> б<ыть> — прочтете, если появится. Там — ясно, что — *будет на коленях стоять в Успенском!..* Его **два** ясновидения — поразительно оправдались. Но — **когда** же?!.. Ему лет за 50. А м<ожет> б<ыть> мы «уже при дверех»[184]? Неисповедимы Господни планы и судьбы наши.

Не оставляйте меня в сиротстве, у меня **никого** больше нет. И я тревожусь молчанием Вашим. Разве я Вас чем удручил?.. Рассказывали мне содержание бун<инского> расск<аза> в сб<орнике> «Орион» — «Три рубля». Что-то сверх-гадкое. И — по передаче **слышу** — про-вальное! надуманное. Явно — это патологичное. Но... за-чем **такое**... пред<ается> тиснению?! Это же отравляет... юных.

Видит Бог: говорю так **вне** личного! скорблю за творящееся... и это на го-ре нашем! на **погребении**!.. и душу хоронят! А **там** — истекают кровью и слезами кровавыми... Го-споди! да где же Правда Твоя?!.. Завопишь... отчаянная безысходность.

И — туга матер<иальная> еще — ко всему. Теперь — только — *55!* Я запутываюсь, и это — отягощает. К радиостезисту идти — уже не могу: надо 300 или 250 фр<анков>. Ем крупу, сл<ава> Б<огу>. Но счета за газ, за электр<ичество> — налоги! Я за тот мес<яц> д<олжен> б<ыл> уплат<ить>, с термом — всего —

11 000 ф<ранцузских> ф<ранков>! Ко-шмар. Подвела меня одна перев<одчи>ца, Эмерик. Перебила, сбила, обещала, и я отказался от изд<ания> в одн<ом> шв<ей>ц<а>р<ском> изд<ательст>ве «Неуп<иваемой> Чаши», прежн<его> перев<одчи>ка — покойного — H. Mongault. Мог бы фр<анков> 300—400 шв<ей>-ц<а>р<ских> получить. И — не устроила в Пар<иже> договора, а клялась, лишь бы я дал ей право нового перевода! Водила 9 м<е>с<яцев> за нос. Этим-то я и подрезан. У меня еще есть у Кандр<ейи> фр<анков> 300. Написал ей, м<ожет> б<ыть> перекинет, как — писал — иногда делала одна моя чит<ательни>ца.

Америка — ни гу-гу. Д<олжно> б<ыть> — что-то «заело».

Ну, Господь с Вами. Привет Вам — обоим.

Ужасно подавленное состояние. Извел недуг.

Никто не пособит! Видно — **так надо**.

Ваш Ив. Шмелев.

Крупу завтра пошлю. Мне еще прислали 2 пакета, и старого есть — до-статочно!

<Приложение:>

И. С. Шмелев — Ш. М. Барейсс *<8.V.1947>*

8. 5. 47.

Глубокоуважаемая Шарлотта Максимилиановна,

Затянувшаяся болезнь помешала мне своевременно поблагодарить Вас за прекрасную посылку — «коли сьюис», полученную перед Св. Пасхой. Очень, очень благодарю Вас за радость — в моей такой невеселой жизни. Не утруждайте себя заботой обо мне. Вы знаете, когда подумаешь, **как** страдают в России, кусок не идет в горло... Ведь там — в лагерях! — ка-аждую минуту умирает в страданиях — 30 человек, каждый час — около — 1700—1800! в день — около 41 000. И это по минимальному расчету, я беру число заключенных — в 10 милл<ионов> — а называют и 12, и 15 мил<лионов> — при средней продолжительности жизни «лагерников» — в 3 мес<яца>. Так рассчитан паек: вытягивают жизнь каторжной работой, а на смену выбывших — матерьялу хватит. Это — страшная правда. А мир — молчит. Так мы, живущие в свободе, — счастливцы! И часто забы-

ваем о сем. Это — **грех**! Россия распята 30 лет на своей «голгофе». О, если бы мир по-нял это!.. Но он очерствел, быстро забыв грозившую ему **казнь**, от которой его — пока! — избавил русский народ, отдавший столько своей крови. И сам — не получивший облегчения — **за победу**. Он — это верно! — это знают, бывшие на конф<еренции> в Москве, — сейчас **голодает**. Только ли голодает?!..

Простите эти горькие строки.

Будьте здоровы. Глубоко признательный Вам,

Ив. Шмелев.

481

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<16.V.1947>*

Дорогой Иван Сергеевич!

Не управляюсь. Успеваю только туда написать или послать, где *неотложно-катастрофично*. Так и выходит — молчание. В апреле, узнав о Вашей простуде, писал Вам, упрашивая звать «докторш, докторишек, докторов и докторищ» и *не жалеть денег* на пенициллин и прочее. Ответа долго не было, а потом вижу: ни докторов, ни пенициллину... Самолечится-нелечится — полагаясь на естество. Руки у меня коротки — не хватают до Парижа... Сижу и только головой потряхиваю. Да сальтую от времени до времени. Первого апреля начали цвести цветочки — штук пятьдесят насчитал. А еще столько же насчитал второго мая. Да вдвое больше — двенадцатого мая. Но чувство такое, что тут нужны не столько цветы букетами, а любовный уход.

Сейчас доконались и уехали в отпряжку до июня. Так смотались, что держались оба одними пилюлями. Нельзя. Адрес: Weggis. Hôtel Rigi. Два дня бродим сонные, как осенние мухи. А про меня талантливый доктор (по счету в туземии № 17) сказал друзьям: «Я Вам головой ручаюсь, что у него здоровый организм, но нервные мучения (боли), которые он постоянно выносит, почти непредставимы». Не люблю я об этом расписывать. Терплю девятый год и пытаюсь вроде Епиходова[185] «даже улыбаться».

Вы интересовались, почему автор церковной статьи подписи не дал. Я наводил справки через знакомых и узнал следующее.

Это объясняется условиями его жизни, которых по-видимому даже ближайшие друзья его не знают. Он *не* имеет в своей стране права пребывания — его только «терпят»; ему строжайше запрещена работа в прессе; ему запрещена всякая служба и всякий свободный заработок; министерство ин<остранных> д<ел> в его стране робеет перед его врагами и виляет хвостом. Вся жизнь его состоит из *импондерабилей*[186] *нерассказуемого* характера — т. е. все висит на волосках и зависит от Божией милости. Чему же тут удивляться, если он «шепчет»? И еще: если он решительно не доверяет незнакомым ему дядям-редакторам, которые к тому же 1. его и не приглашали 2. сами лишены и самостоятельности, и характера, и умственно-нравственного авторитета?

Как русской мысли душно, тесно
От «Русско-Мысленных» статей!
Как все здесь бледно, скучно, пресно!
Какая робость у людей!

Дорогой мой! Ведь им *с-о-в-е-р-ш-е-н-н-о* нечего сказать! Ведь ни *одной* живой, дальновидной, творческой мысли в четырех номерах! *Нет Шмелева — и хоть не раскрывай.* Сброд бесхарактерных *не*мыслителей. Прежде бывало так: писатель пописывает, а читатель почитывает. А здесь поставлено все на голову: ведь это *читатели* принялись писать. Ну вот — тема «Шаляпин» — кажется, живая, неполитическая, во все стороны двери открыты. А что за мертвую банальщину Александрович наплел — совестно! Сейчас России нужна четкая, глубокая, честная *правда*; а ведь они так: «Есть кукиш — но в кармане...» «Что это у вас, милсдарь[187], в кармане?!» — «Извините пжалста, это всего зажигалка без кремня, а папирос тоже нет!...» — А эти карикатуры на эмигрантов... Кто это их рисует? Ведь им место в сов<етском> патриоте...

Нет, помолчим, помолчим... Молчи, ретивое, и жди!

Обнимаю Вас душевно и грущу о Вашем нездоровии.

16. V. 1947

Ваш Такойсякой.

482

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<16—19.V.1947>***

16. 5. 47

Дорогой Иван Александрович, получил *дуплетом*, и благодарю несказанно. Верчусь «карасем в сметане», жа-рюсь шипуче... — ибо минули прекрасные времена Аранжуэца[188], и... «горнии», как и все, сникают, вянут... реализе не очень-то фаворизе[189]... и советуют ожидать пока... Хорошо советовать, товар дешевый... а жизнь — строгая старушка, злю-щая. Но Бог поможет. Вот, получил «релев»[190] о продаже «Вуа Селест», на 31 дек<абря>! Четыре мес<яца> с полов<иной> тому, к<а>к обязаны были мне прислать и платить. Прошло на 31 дек<абря> «Фр<анцузских> Путей» — почти половина тиража, четыре тыс<ячи> с малым экз<empляро>в! Аванс в 30 т<ысяч> покрыт, и следует сверх 18 т<ысяч>. А книга, к<а>к видите, **идет**... что-то натекло еще с 31 дек<абря>. Только... еще тянут, **часть** уплатят в конце мая!... а остатнее — в июне!.. Богатое изд<ательст>во, выжимает с... **кого**?!... — с «карася в сметане»!.. Стыд!... Взята книга Испанией, — через Англ<ию>! — нет **дел** у Фр<анции> со страной фашистской, кружным путем **делают патриоты** — белоризцы[191]. И — взято Италией... Но деньги — с Исп<ании> мне 80 фунтов, — путем одоления некоего зверя-клиринга! Жди, значит... Жду. И... Америки́ тоже жду. Ждю.

«Зуда́» все та же. Чуть дает облегчение новое средство... витаминное, меньшит скребу. Значит — **жди**. Ждю.

В 10-й раз — ! — и окончательно! — продрал «Кул<иково> Поле». Издавать — жди! Ждю. А надо, **надо**... — **знаю**, вижу.

Газета не платит, и не чешется... Как-то живет, работающие получают... — типография, бум<ажный> фабр<икан>т, контора, редакция, — **все**. А писатели... — жди! Ждю. «Не стала на прочные ноги». Жди. Ждю. Когда станет на прочные, к тому дивному дню — буду без ног.

И так — **все**. Но я все же не покладаю рук, пишу... — преодолевая все «жди». «Кул<иково> Поле»! **Как** я его **перешел**!... — Вы не узнаете. Но... — **жди**..... Дало бы и

издателю, и мне, но — главное — дало бы чита-телю!.. Уповаю. А ско-лько на ветер пускают, по трактирам швыряют... в брюхо впихивают, чтобы через час — выкинуть в яму!... и в клоаку... И каких-то 40 т<ысяч> — не находится!.. Молюсь... И как же накипает оби-да!.. Да еще — в пол-ном одиночестве!..

Нет, **не** полном. Эти дни вчитывался, во 2 раз, в «Поющее сердце»... Бо-льша-я Книга!.. Насыщала дух и чувства. О самом важном. Поет в **полете**. **Всего** коснулись, глубинно-вдохновенно. Это самое **нужное**. **Че-го** Вы не коснулись! Какое вдохновенное приятие Мира, Господа!.. — и как **внутренно**, пеньем Духа-Сердца, обосновано!.. Это **пить** надо, — как душою «огражденной» от суеты... — **уй-ти** от шумов. Тогда — **черпнешь** и — ... **ЖИВАЯ**, целящая **ВОДА** — утолит рассеянное сердце. Спасибо Вам, дорогой... Надо всегда иметь, как молитву: затуманилось сознание... — открой, **войди**. Так я почувствовал.

И, думаю, это не **все** еще: у Вас — **есть** много для наполнения. Но когда русские увидят **книгу** эту?!.. Вот он, трагический тупик!... Горе наше неутолимое. Нищие... во всем, кроме Духа Бессмертного в нас, обобранные жестоким — и таинственным — уделом... Но... прочтем — «о терпении»... Как далека от современной «мути» мировой — «Божья Ткань»!

Можно ли подержать еще недельку-другую?..

Мне хочется о многом говорить... но — где?!.. Пустыня.

«Путей» Вы теперь не узнаете... — мне стыдно за то, что посылал Вам читать... — это же «сырье» было. Не узнаете **теперь** и «Кул<икова> Поля». Все «пути» испробую — издать его. **Знаю, что** даю... — и как мало надо, чтобы получили!.. Но... про-бью эту глухую стену!.. — да поможет мне Бог и — **сердце**!.. Уповаю.

Два беспризорных детеночка... — «Кул<иково> П<оле>» и «Пути»... — в беспутьи... Вот что гнетет. Что за судьба, писательская!.. — русская. О, какое безвременье, беспутье, без-путство!.. Задумался я сегодня... о судьбе **КНИГИ**. И, ведь, ско-лько людей не могут без Нее!.. А вот... Много мог бы сказать о... Книге... — и **ка-ак**!.. Сколько я видал, **сам**...! — **там**!... Так бы и вытрях-

нул — на, подумай! и устыдись!.. Книга... — это же великомученица! и это — сама Святость. Вдуматься... Сколько трагич<еского>, смешного, горького, и... чарующего **знаю**...! Ка-кие о-бразы!... Но зачем писать, когда — **некуда**!... — Господь с Вами, милые! Весь в истомной тоске.

Ив. Шмелев.

<Приписка:> Вы где-то едите люцерну? Пасетесь?... Благо. А я все буалюсь[192].

19 — 5 — 47.

Довесок к неотосл<анному> п<ись>му от 16-го. Не выходил, дожди и похолодало, а ф-дэ-менаж дня три не была, да и... колебался, **куда** посылать... Сейчас, в 10 у. — В<аше> п<ись>мо! Какое счастье п<ись>ма от В<ас>! Всегда с «икрой». Всегда — худож<ественная> радость. К<а>к мало, кто умеет — дар имеет! — писать п<ись>ма! У меня от Б<уни>на — бы-ло! — до 70 пис<ем> — не умеет! Амф<итеатров> умел. Купр<ин> — нет. Бальм<онт> — «на ходулях», и «с завываньями». А есть от иных — и не глупых! ну, **трава**, хуже — «опилки»... А тут... — блеск, **ум**, **глазок**, **яд**, **смех** во-всю! — полночревный, а то — такое «хи», что... — и перец красный, и острейшая пикуля, и — **пуля**... и прожог, и щекотанье, и — все — до... смертоносного. Вот, как «слово» может разить и — уносить!.. да, Божией Милостью. Аминь.

Многое предполагал, был близковат, ясня себе «шептанье»... но что узнал, в ка-ких усл<овиях> приход<ится> **жить такому**!.. — это уже не «лишить огня и воды», а... ду-шить! Боже мой! и это — демо...с-ратия! это — «щасливые швицары»! Фу-у... что за вонь!.. дивиться приходится, что еще можно что-то **делать** в такой асафетиде[193]!.. **Все** понял, до удушья от злых — невыдавливаемых **слез**! до — отравы ими, **осевшими** — у! — сердца. Го-споди... Братски обнимаю. Ибо — мы — «никак не хуже». Отсюда ясно, почему «Русская невнятица»[194]. Здесь и туземцы-то не могут дО-полна!.. Дяденьки страшатся. Да-с. Вон, «веселый цирюльник» — фи-гаро там, фи-гаро тут — и тот прикусывает язычок...

да, оскопляет исповедь прожившего **там** 39 лет! и давшего ряд статей... — «нельзя» **громко**-с... и потому печатал далеко **не все**. Говорю о статьях инженера-француза Борнэ[195], с ним было — «плачевное» интирю[196] в «Невнятице»... — ну, что **это**? По Декамерону «метанье бобиком в пасть львиную». Помните, как молодой отшельник отвеч<ал> на любовь оставшейся у него ночевать девицы? — «Метанье бобиком.....» Вот и «невнятица» — ме-чет... конопелькой... в эмигрантские жаждущие пасти... Взяла капельницу — «высунь язык!» — и... и... по капельке, да разбавленной, да «осмотренной», да о-дро-женной, да озиранной... да... **Все** правда. Знаю. И... — помимо всяческой нехватки — талантишек, умишка, **языка**... **страх**: прихлопнут! И до того все голодны, что... ловят с капельницы и... благодарят. Но, ведь, конструктивности-то, **творила**-то мало и в «сборничках»... «независимых» и «свободных»... правда, хоть не «кукиш». А и «капельки» души **радуют**... да, представьте! Недавно умирал воен<ный>, просил-заклинал близких — «не публикуйте — «с приск<орбием> извещ<аем>» — в **этих** помойках, пусть **не** знают, что я «кончился»... лучше, чем...!» И с как<ой> радостью семья принесла объяв<ление> в «невнятицу»! По сему ме-ряйте!.. Да, карикатуры — черррт знает!.. — без-дар-но!... вот главное: морды, одни и те же, к<а>к в упокойных «Гадостях»[197]. Знайте: — **вечное** пушк<ин>ское: «живя в нужн<и>ке обыкнешь ......ну!» И за струйку как-бы-воздушка... в н<ужни>к — благодарят. Сличите со свободой, которая В<ам> уделена! Нам — ху-же!.. **Я все** вижу. И томлюсь. Да еще... — газета крепнет, а... Всем платят: типогр<афии>, бумажн<ым>, служащим, конторе, редакторам — !! — м<ожет> и хроникеришкам... — надо же есть, но... писателям есть не надо, они — «своими соками»,... «эти соки производят другие со-ки, а эти — еще особые соки... — » — «Как мужик 2 ген<ералов> прокормил»? Да. Не платят. Раскачиваются. «При всем желании». И — м<ожет> б<ыть> даже — «при всем стыде». Я поставил — письмом — ?: «печатаете «Пути Неб<есные>»? — я их свел к главкам по 4 странички. Только не «авант роман»[198]! На все

условия иду... — и — не отвечают. Ежатся: а ну-ка платить ско-лько, если начнем платить!.. Дурачье, не учитывают, что я им миним<ум> на 20 проц<ентов> подыму тираж! **Знаю**. Я им дал 4 «вещички», — лежат! И — думаю — неплохие. И не «с ножом у горла»... Одну напечатали в № 5, «Врешь, есть Бог!» Другая — «Ясновидец», — дух мож<ет> крепить! Пишу, анонсируйте, что в след<ующем> №! Нет, молчание. Руки опускаются. Я бы мог в каждом № давать... — кипело во мне. Тьма, о чем писать, **что надо**... и вовсе не «цепляющее», а как-то формирующее дух, бодрящее... — упо-вай! Не понимаю... Уйду в «Пути»... Очев<идно> **так надо**. Зло-о... но верно: пошли писать... чита-тели! Хохотал до едких слез. И четырестишие В<аше> — !!!!! «Ну, это дело докторишек: диспепсия — не то запор..? А суть — поставили... забор — Близ «подозрительных домишек». Голодный «мигрант» и забору рад». Дальше — будто и не-куда. Ну, и... «кукиш»! «зажигалка без кремня»! Убили. И — не мокренько.

Я только поглядываю. «**Киваю**... пальцем», — к<а>к у Чех<ова> в «Свадьбе». И — пусть «чешутся»... — по-го-жу. Есть же предел... его же не прейду! Дурная «привычка» — гордыня... но... бывает так, что преступно вовсе не иметь ее, **иногда**. Я — мирный, я могу быть кротким... но я... прих<одит> срок — очухиваюсь и взрываюсь. Когда дело не только «про домо меа»[199]. А тут — про... **Дом**! и — ка-кой!... и — во-Имя...!

Я догадывался, в как<их> услов<иях> приходится Другу..! но «такой степени» — ! «сверх-превосходной» — не угадал! Го-споди... дай терпения!.. О, достижения, что же со Сло-вом-то творят!.. Вот и вдумывайся: «Над вольной мыслью... Богу неугодны...» И все же — **движется**... «вертится»... до-вертится «Сов-сводня» — шатается, однако, даже от «забора». Все мень<ш>е и меньше захаживают в «б....чок», — можно и без кавычек. Но... у **них** — «прибежище и сила»: всегда буд<ет> — м<ожет> б<ыть> и есть! — открыть кредитец. Б<уни>н, говорят, за каждый «лоскуток» — 5 т<ысяч>! Какие-то «бахраки» — за критич<ескую> воду — 5 хранков строка. Знает осел ясли госп<одина> своего. И все же — ва-лится... кре-

нится, и то хлеб! отучаются от сего «воздушка». И черту надоест лить вонючую даже воду в — пу-сто-ту. Плюнет. И — главное — все же — острастка. Все-таки... «поправочки»... — не очень-то размахаешься. И за сие — свечечку поставишь. Надо знать «как вещи есть». И за «одну луковку» — отпущение. По поре и ово-щА!*) И вдуматься... — все же правда «глас народа»: ра-ды!.. И «кукишу»! **Бдят**!.. Ну, пусть даже с «з» на «буки». Так **сие** — прямо... ре-зе-да, после — «а ведь это из *гла-вного* сортира воняет!..»

О, великое — «относительное»!.. какая — пусть едва видимая... — правда! И даже с сей «розовой водицы из бэдэ...» ко-рчит сатанят! Не они одни воняют!.. — помирись на этом хоша.

За В<аши> трогательные заботы — о, спаси Вас Бог! Я сжался — почему? приходится «держать». Только, скрИпя сердцем, дал два горних... в более благопр<иятную> секунду — срезать. Теперь — до половины усохли: да. Ждут — вот-вот взовьются. Искусственно крепят фррррр... **надо** — заокеану и за-проливу. А потому... мне и Дю Павуа[200] тя-нет... нарушая все статьи контракта. Д<олжны> б<ыли> еще в янв<аре> — уплатить 18 т<ысяч>. А теперь, несм<отря> на мои писки, — в конце мая. Сегодня не мог принять два мешка угля... отказал: нет столько. Хорошо, что ем крупу. Забыл, как<ого> вкуса ветчинка. Да мне и не надо. На масло бы осталось. А до терма я вы-вернусь. Сейчас у меня — **цветы**. Есть. Еще два. Не беспокойтесь. А что без докторов обошелся — только вИгода! Выправился, храня осторожность.

Знаете, совершенно гениальна книга «О тьме...». Вчера — вчи-тывался. Еще, еще. И — новое пополнение. Поразительно. Духновенно. «Поющее сердце» — по главке, в 3 раз — вчиты-ваюсь. По-лет! И ввысь, и вглубь. Надо уметь **пить**. Но, — содроганье! — это же бесчеловечно... **Держать** под спудом!.. Напрягитесь, впрягите Америку! Сикорского!!!! есть же там хоть один праведник с... су-мой! и с суммой.?!! Под жабры!...

*) «по барину — говядина, по дерьму — черепок».

В отч<аянные> минуты приходят отчаянные мысли... — ди-кие. Вот, влетела... К<а>к Вы думаете..? Можно ли рассчитывать, что несчастная «Россия» взялась бы печатать — задешево! — «Пути»?! Я их так препарировал, что главки по 250 стр<о>к и даже по 200, редко по 400 — две-четыре из 54-х!.. Это — верю! подняло бы тираж проц<ентов> на 30! **Все** будут покупать! кто читал «Пути». И левые, и правые, налево — направо. Проверял — собою... **отойдя**... приняв **суть** среднего... читателя. Знаю по Парижу. Газета — аховая. Хромая всячески — сужу по 3—4 №№ — случайным, попад<ается> в посылках, как «затычка-подтычка». «О Церкви»... — окропление св. водой, **крещение** в образ-подобие. Главное — между нами — очень уж неграмотно. Но и «Нов<ое> Сл<ово>»[201] — что за ужас «гра-мотности»! Сотворяют новый рус<ский> язык... — косноязычие, «стиль американ<ский>» — модерн. Дрожь берет. Состязаются с совсводней. В «могучем и великом». Ну, и... «мыслете», тоже... с промокашкой. Меня корректор — ? — вздумал поправить: напечат<али> — в 5 № — «повыскакивали», когда у меня — пра-вильно и **так** надо, для стремительности и одномоментности! — «повыскакали»! Махнул рукой — в пустоту.

Милый Иван Александрович! щупаните Рыбака[202]! Де-шево отдал бы!.. — сколько дадут. А для вразумления нечитавших 1 кн<игу> — дал бы кроки, сжато, содерж<ание> 1 ч. — в сотню строк. Всего у меня стало 190 страниц, 380 т<ысяч> тип<ографских> знак<ов> — если взять строку «о Церкви» — по 30 знаков, то всего около 13 тыс. строк. Если бы дали по 3 цента за строчку, ну, по 2 с полов<иной> — это составило бы на доллары около 320—325 д<о>л<ларов>. Это оч<ень> немного, да-ром. Но м<ожет> б<ыть> это «эмпиреи»[203]. Нужда скачет... и скачи, хромой, ноги под мышки. Простите сию <*неразб.*>. А засим — к отчалу. Сл<ава> Богу — дышите. Вдыхайте дыхание Его! Какое счастье — **чистота**.

Ваш мятежный (без мятежа) Ив. Шмелев.

483

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<21.V.1947>*

21. 5. 47. 6 ч. в<е>ч.

Дорогой Иван Александрович, вот какое дело... пожалуйста, поскорее известите...

Преступно, стыд, что лежит под спудом — и ждет, доколе?!.. — «О тьме и просветлении». Не-допустимо, непростительно. — аб-сурд! Я на сих днях снова и снова перечитал, вчи-тался... — и — оставим **меня**! — всей подоплекой вопию — надо все использовать, а книга должна родиться — для умных, чтобы по-умнели еще, для дураков, чтобы от-дурились, для средних, чтобы — научились. Все мои — практические расчеты — рынка, возможностей, «невозможностей», скупости и глупости имущих и дельцов... — все приводит к выводу, что книга **должна** и с коммерч<еской> стороны оправдать себя: 700 экз<емпляров> — без труда пройдут и окупят книгу, остаток — 250 экз<емпляров> — тьфу, поганое это слово! — ба-рыш! Это словцо никак не вяжется с **книгой** В<ашей>, не приклеивается к ней. Но... жись!.. А посему — вот мои предвидения: я сам повидаюсь с... ух! — фу-у!... тьфу-!!... — с... Гукасовым!... — ? Дорожку настелю, прикинув **все**. Ему, владельцу типографии, — а она должна крутить, хоть и хорошо крутит, — легче, чем просто-издателю, — а у него еще и книжн<ый> магаз<ин>, и — издательство! — поднять даже такую **важную** книгу, которая не для «праздно болтающих». Я ему **все** представлю... ну, **что** мы с Вами теряем, если сей скорпий и не поймет, **чем** ему можно хоть чуть прославиться!! — плевать. Но тогда я, по кр<айней> мере, не буду себя шпынять, что вот, не **все** использовал. А потому ответьте, дайте мне разрешение-отпущение: могу ли с ним говорить о В<ашем> труде?.. и — как. Ни в как<ом> случае **не** надо говорить, что Вы не желаете гонорара! ни в как<ом> случае. Напротив: для торгаша важно именно чтобы гонорарно ценили труд! Другое дело, аванс — там, а гонорар — извини-те!... — будет барыш — должен быть и гонорар.

Книга Ваша — и Вы лучше всех знаете это, — **не** однодневка: она пойдет. Советы возьмут!... хоть 20—30 экз<емпляров> — для «партии»! — а возьмут. Больше возьмут. Ведь — о **важных**, из коих 1 — кобелист, а другой «полемист», в мяконьком стиле сказал, — а — — т. е. по алфав<иту> — 3-ий, — а 2-ой — **ихний**, хоть и с оговоркой, по «несчастью», по... зло-счастью. И 50 экз<емпляров> **туда** уйдут. Америка... — опять-таки, в виду «важных» («бунинцев» — из «обетованцев») — потребит — экз<емпляров> 150—200. Швейцария... — хоть 70. Англия — 50, Голл<андия> — 10, Германия — 100. Бельгия — 150. Франция — 500—600. За **тыщу**! — при цене — 250—300 фр<анков>. Должны будут — да! — приобрести В<ашу> книгу **все** Академии, Институты, Университеты, где только изучают русский язык и нашу Литературу. Посчитайте северных «славистов», критиков, историков искусств!.. «Новый метод эстетической критики»!!!... Даже этот **бык** — скорпий Гук<асов> не может **не** понять! У каждого из **просвеченных** Вашим «лучом» творцов — много есть чтителей во всем мире, не токмо природно русских! — **одно**. Не менее важное: **Вы** — и все, кому подлежит это знать, — **знают**, **кто** Вы, и — **как** Вы. Такой «союз» — знающих и ценящих — сильный таран. Ну, я не стану размазывать, Вы все знаете. И потому: даете мне благословение идти к... Скорпию?! Даете! И я хочу завопить — «даешь Скорпия!..» Его мож<ет> расположить соображение: **своя** типография принесет про́-цент! свой склад — тоже. И — никакого риска. По-верьте... А пред сим я нащупаю почву и постараюсь «оформить» заведующего книжн<ым> делом его — Джуджиева... который, как давний практик, в курсе кн<ижного> рынка.

Узнал, трогательное... Русские люди — говорила-признавалась русская, **оттуда**, — их прятали, они ждали «воздуха»... всегда под ударом... в отчаянной тоске... И вот им принесли «Няню» и «Пути»... Вот главное: «все забыла... увидала — **свет**... упилась, **ушла**... **унесло**!.. Плакала...» Ну, я не могу **все** говорить... но мне было тепло... — мне вчера рассказывала плем<янни>ца... Но... если бы «Богомолье» прочли! Теперь,

м<ожет> б<ыть> и прочтут. У меня единств<енный> экз<емпляр> и я не могу отдавать... — ищут многие, готовы платить «ск<олько> угодно», — да, да... — и нет книги. Нет и «Л<ета> Г<осподня>». Но скоро будет. А там и «Богом<олье>»... С «Кул<иковым> П<олем>» — будто нашлись деньги. Надо наладить «издат<ельст>во», склад... Меня жжет **сие**... Ждю...

И так — **ждю**!... Ответьте!... Мне Ваше послесловие такое открыло, чего не давало «Богословие». Посему — **как** ждю! — «Философии религии»..!

Вчера читал «чудачку» Серову-доктору — из «Поющ<его> сердца» — «Мировая пыль»! Понял!.. Очень тужился, **постигая**... и признался, что да, два часа у меня были для него **не** пылью... Вас надо читать очень **вбираясь**... и — многократно. И — тогда глубокие пласты **открываются**... духовно-душевной «промывкой» — и мозги промываются...

Глубоко убежден, что «О тьме и просветлении» — заставит покипеть... — одних, открыть **глаза** — другим.

О-т-в-е-т-ь-т-е!!!!!!!!

Ваш Ив. Шмелев.

484

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<23.V.1947>*

23 мая 1947 г.

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Среди немногих утешений моей жизни — Ваше восприятие моей эстетич<еской> критики есть одно из крупнейших. Каждый раз чувствую, что жизнь прострадана и продумана все-таки, пожалуй, недаром и что лежать в корзине унижений (*п-о-ч-т-и н-е-п-р-е-р-ы-в-н-ы-х!*) не так горько....

Выход книги был бы мне радостью, но при 2 условиях:

1) Чтобы мне не оказаться в положении «Сережи», которому «мамашенька должна вздуть огня», т<ак> к<ак> он «всю рожу заговня»,

2) не по новой, а по *старой* орфографии. По новой — никак!

Конечно, мне Гукаска[204] не указка, но про него идет побаска, правда глухая и неопределэнная. А я *не* в состоянии (по неосведомленности) разрешить вопрос. Типографский проститут, сколь измазан там и тут? Старый циник, керосинный, предался ли им с повинной, или просто «трот туар»[205] в нем имеет «писсуар»?

Думали мы думали с Наталией Николаевной и решили: просим Вас сесть в такси, проехать к Антону Владимировичу[206] и просоветовать дело с ним. Если он положит на это дело свое *новозаветное* (ветхозаветного — не хочу!) *благословение*, тогда считать Ваш план одобренным и просить самого Вулкануса[207] устроить землетрясение и попробовать использовать «нефтяной фонтан». А если нет, тогда считать, что Кракатоа (он же Везувий и Попокатепетли) лучше чтобы не извергался...

Такси прилагаю. Душевно обнимаю.

А прочли ли Вы в «сердце» «О *страдании*»?

Ваш Камуфлетов.

485

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<9.VI.1947>*

9. 6. 47

Дорогой Иван Александрович,

В тяжком телесном и душевном утеснении пишу, из предельных сил: так меня **все** размыло... В связи с расстройством всякого рода, хроническая болезнь моя, юльсер[208], обострилась, и я вот уже две недели корчусь от преходящих злых болей, сжав зубы... Эти два дня — полегче, при убийственной диете. И еще ничему неподдающийся «зуд». Какая тут работа, — весь план рушился. Я уже предвидел, что «газета» меня сшибет с проторы, слишком я еще восприимчив и порывист, не смотря ни на что сдерживающее меня... — так и вышло. Что поделать. А тут еще и «москва», и «зде»... — помои, наветы, мщенье, — «вы-бить его с колеи, залить глотку!..» Я отвечал, — Вы, думаю, читали[209]. М<ожет> б<ыть> и не надо было с анонимами и лжецами считаться. Но мне так все омерзело, что не выдержал. И тихая моя работа — срывается. «Ничего, Марковна... ино еще побредем...» — немного пути осталось.

Я перечел о «страдании». О, как Вы правы, как обстоятельно-доказательны! Я внимал уже не раз испытанному мною в моей жизни... — и напился страданию, с лихвой. Да, Вы правы... — надо принимать, надо, радуясь — ?! — «везти возок», — а — для меня — **воз**! И я его тащил, ско-лько путины своей тянул его! И, поверьте, в заслугу себе не ставлю.

Согласно Вашей воле, я вчера передал А. Д. Ал<ександрови>чу — «О тьме и просветлении». Пусть упивается. Недуги и скорби, и потеря сил, и необходимость лежать — все это не позволило мне начать шаги с издательством Гук<асо>ва. Но, Бог даст, в ближ<айшее> время, начну планомерно-выдержанно. Только бы чуть набраться сил. Ваш чудесный **труд** необходимо **должен** быть издан и творить в умах и сердцах. Все обсужу с чистыми и волевыми.

Тесно и смутно всячески. Ассигнование «Кулаевского Фонда» никак не проявилось в реальности, — ни движенья, ни «ряби» на водах жития моего. М<ожет> б<ыть> и «обошли» меня из-за козней. Зна-ю я, сосчитываются со мной... — и здесь, и в Америке. Не могу, не хочу и Вас утомлять, и себя домучивать... Единственное облегчение — что видел и **вижу**, что мой читатель мне не изменит, что он **все понимает** и хочет меня согреть... П<исьм>а его о сем свидетельствуют. Я знаю, что в Ам<ерике> — Алд<анов> — мно-го приложил, — «сосчитаться». А здесь его бо-фрер[210], некий Пол<он>ский...[211] — из **их** же... Я, каж<ется>, писал Вам, что не счел возм<ожным> подписать «протест» — гадкий! — о нападении России на «героич<ескую> Финл<яндию>». Это было в февр<але> 40 г. Тогда по-иному «ра-бо-тали» про-те-станты!... дружно с «миром» поливали грязью замордованную Россию. Алд<анов> **лично** принес мне — никогда раньше у меня не бывал! — «пожал<уйста> подпишите!» Там уже были намечены «имена», карандашиком. Я не подписал. Алд<анов> был ошеломлен. И я объяснил ему, **почему** не могу подписать... «Протест» появился в «Посл<едних> Нов<остях>» — в перв<ых> числ<ах> февр<аля> 1940 г. Через два дня явился ко мне А. И. Деникин: «я пришел, И<ван> С<ергеевич>,

пожать Вам руку!» — «Почему Вы, А<нтон> И<вано-вич>, так торжественно?...» — «Вы не подписали этой гнусности». — «А разве Вы **могли** думать, что я **могу** подписать?..» Я пожал ему руку... Так вот, мне платят... «оскорбленные». И женатый на сестре Алданова неведомый Пол<онс>кий, еврейчик, — по-ра-бо-тал!.. Он с **теми**, со Ступницким[212], Михельсоном[213], и проч... — свора «Русские Новости», — филиал рю Гренелль...[214] — **Теперь** они — «с Россией»!... Они — геройствуют и «патриотичествуют». Мне ли тягаться с ними?! ско-лько они сделали для России!.. — и де-лают. Черт с ними. Состязаться не буду. Пусть **творят**. На **их** улице праздник... и они празднуют. На вошь что ж обижаться... но омерзительно, если увидишь ее на себе... — и ей пребывать **положено**... — так, очев<идно>, **надо**.

Они не ведают, сколько мне было искушений... сколь томительно спрашивал я совесть свою — **как** я обязан поступить в так<ом>-то и так<ом>-то случае. Я поступал, как **требовало** во мне — **мое**. О сем **моим** и свидетельствую. Они не понимают, что такое, когда у тебя берут единственное дорогое... и уму-чивают!.. Они не знают человеч<еского> терзаемого сердца... лжецы и клеветники!.. Я хотел было ответить на последний выпад, и Москвы, и **их**... — но во-время удержался. Вскрывать перед гнусами — таимое, священное?!... Сл<ава> Богу, удержался... а уже отвез, через силу, п<ись>мо в газету... — и (теперь) истребовал: **они** не услышат моего **крика**!.. Я ведь **все** сказал, оставил в своих книгах... и Вы знаете, что я и в книгах не коснулся ***моей*** боли, ***моей*** раны. Теперь они ворочают грязным тупым ножом в моем сердце... — выдержу, Бог поможет.

Но когда же **все** кончиться?!.. Я у предела сил. **Добредаю**...

Ваш Ив. Шмелев.

486

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<16.VI.1947>***

Милый и дорогой друг!

Ваш ответ на пакости — превосходен, полон достоинства, *совершенно убедителен*, объективен и *войдет в*

историю. Нельзя помешать собакам лаять, а клопам кусаться. Напротив: «собаки лают, значит едем». Вы не поверите, как остро я переживаю эту дьявольскую пачкотню, это старание Божественное измарать, а дьявольское вознести. «И рекут всяк зол глагол на вы...»[215]

Еще больше меня тревожит Ваше здоровье! Чем помочь?[216] Чего прислать? Как облегчить? Есть ли гречневая крупа? У нас ее здесь недостанешь. Пока могу *только* (?) молиться за Вас.

Доконали меня мерзости отвращением: вторые сутки изнемогаю от лютой мигрени (день и ночь). Мои обычные боли перехлестнулись внутрь, в голову, и я изнемогаю.

В Лозанну приехал Горный[217].

Обнимаю Вас

16/VI. 1947

Ваш И.

<Приписка:> Пожалуй, Ал<ексей> Мих<айлович>[218] получит морден преподобного дьявола, вот позорище!

487

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<24.VI.1947>*

24. 6. 47.

Дорогой Иван Александрович, друг верный и незаменимый, посланный мне Волею Вышнего, — так верую! — во укрепление мне, в одиночестве и — часто — смятении душевном. Да разве выскажешь..! В Вас, для меня, какая же духовная опора-упор. **Знаю** это непреложно. Я, ведь, о-чень одинок, — да и всегда так было, — характер, **удел** такой: должно быть и надо так.

Ваши слова дали мне равновесие, а то в смятеньи был эти недели, без воли и спокойствия, — как разбило, размяло... — лежал, в болезнях, и — поверите ли, — не мог осилить письма, — так, в **пустоте** и омертвеньи...

С В<ашего> п<ись>ма, и после панихиды по усопшей, отнятой у меня так несрочно, стал одумываться и **всходить**... Кстати, и озлившаяся «язва», — про зуд уж помалкиваю, при-вык! — полегше: м<ожет> б<ыть> и уснет. Главное, втравиться бы в оставленную работу... Поукрепили и отзвуки благодарного сердца читателей.

О, злоба людская, сверхзвериная!.. — не засыпает, не насыщается. Не стал я отвечать на новую хулу, в «Бесовых Новостях»... — дан им приказ — ату!.. — и все извратили из моего «ответа»! А хулу да-вно лили, за Океан плескали, дабы лишить меня «аквэ-игникве»[219]... Но мне противно перетряхивать **все** — **боль** мою гнусам показывать, душу обнажать. Никогда я не составлял «воззвания» к русским людям — якобы приглашая их благодарить Бога за завоеванный немцами Крым! Надо знать **всю** правду, Вам я скажу ее... В июне-июле 42 г. раза три приставали ко мне товарищи по бел<ой> армии моего Сережи, инженеры-караимы-крымчаки, гг. Пастаки[220], примкнуть к их крымской группе в обращении ее к «крымчакам», — помолиться благодарственно «за освобождение Крыма от богоборческой власти». В обращении не было сказано — **«немцами»**. Им нужно было мое имя. Я дважды отклонил, и у меня есть этому свидетель. Я в те недели ужасно страдал от вспыхнувшей язвы, и всегда в эти «приступы» болей я утрачивал спокойствие и волю... И вот, в начале июля П<астаки> снова явились, и был мой сосед, всегда меня навещающий, хороший русский человек, подстароста с рю Дарю, он все слышал и видел. И на сей раз я отклонил. Тогда... мне бросили: «но ведь **там** ваш Сережа!..» Ножом в сердце! Я **испугался**, — будто я **забыл**... слова были мне как бы укором. И я, в изнеможении! — о! какие были боли, всегда обострявшиеся, когда взвинтятся нервы! — я, потеряв все силы сопротивления, выдавил из себя: «пишите... я приду молиться...» Они включили мое имя — а самих себя **не** включили! — в ряд имен. Не думаю, чтобы это была провокация... они — порядочные люди, и свое «отсутствие» объясняли после, что «никто их не знает»! Неверно это. Я был на молебне и возглашении вечной памяти «умученным в Крыму от богоборч<еской> власти». Никакого моления «о немцах» не было, ни словом не упомянуто. За **что** я благодарил Господа?.. **За** отнятие Крыма от палачей и бесов, от мучителей, и мне тогда было все равно: отняли у бесов Кр<ым> немцы, союзники, белые ли войска... **одно** было в душе: умученные **не** в их власти, не в их злобе!.. **Не**

Крым от России отнят: священный прах вырван из окровавленных лап убийц, и теперь, м<ожет> б<ыть> можно будет поехать **туда** и отыскать священные останки! предать их земле по-христиански. Вот, **что** было. В храм меня провожал тот же добрый свидетель... — у меня и сил идти не было, но меня — **повело**. После... я мучился... поняв, **что** на меня могут возвести хулители... Так и вышло. Но какие мотивы руководили ими?.. Я, каж<ется>, догадываюсь. Месть, да. За что? За **все**, за все мое делание в эту четверть века. И, особенно, вот за что... Хулители ждали-жаждали меня испепелить. Группка в 5—6 человек, парижских, уже наметила меня жертвой во дни августа 44 г., когда т<олько> ч<то> вымело немцев. Меня защитил Нерсессиан... как влият<ельный> рус<ский> «резист»[221], вычеркнул из списка... Вовремя был из Л<иона> в Пар<иже>. Был у меня. А то бы меня смололо месяцами лагеря! Я — чист, дело бы разобрали, но до этого меня уже не было бы... я не вынес бы. Знаю. Что же, за что же эти хулители, б<ольшей> ч<астью> не русские, не правосл<авные>, а... Вы поймете. Среди этих подлецов сам<ым> злющим был — и есть! — зять Алданова Полонский, женатый на сестре Алд<ано>ва. Почему он?.. А вот, к<а>к я домекаю. Он ныне, кон<ечно>, с «победителями» и — «патриот». Участвовал ли в сем Алд<анов> — не могу точно сказать. Но вот... В нач<але> февр<аля> 40 г. Алд<анов>, никогда ко мне не заход<ивший>, неожиданно пришел, в одиннад<цать> ч<асов> вечера! — и... «И<ван> С<ергеевич>, вот, протест **наш**... вы, конечно, не откажетесь подписать...» Я прочел «протест». Это был протест писателей, и, вообще, выдающ<ихся> «имен» — протест против «нападения *России* Советской на «героическую Финляндию». Долго сказывать. Я ответил: «нет, не подпишу». Алд<анов> побледнел, выслушав меня, и ушел, будто его водой окатили. Ни слова не промолвил. Мои мотивы: «я не могу подпис<ать>... не могу... когда Россию все время полив<ают> грязью...» — Вы помните, к<а>к писа-ли о Р<оссии>, в те дни, когда Р<оссия> будто бы предала «дело свободы и правды»!.. когда холодело сердце при чтении этой всеобщей хулы...

с Советами мешали и Р<оссию>. За это время — в раже — печатали фото с кривых финск<их> ножей, которыми — и к<а>к захлебываясь писали! — вспарывали животы русских солдат, калужан, яросл<авцев>, орловц<ев>, московс<ких>, рязанск<их> парней! моих кровных!... в такие дни я **не мог** участвовать в общей вакханалии. — **Все** мешали с грязью, кровью и злобой... — это был — для мира! — выпад злобный против Родины... я не мог — **так**... В начале февр<аля> «протест» был напечатан в Посл<едних> Нов<остях> — **все**, каж<ется>, писатели, дали имена... намечался бывший в Ам<ерике> Рахманинов, Ростовцев[222]... многие, — часть **дала** имена свои. А я... я слушал голос сердца... И вот, дня через два-три после напеч<атания> протеста, ко мне пришел А. И. Ден<ики>н, в час неурочный, утром, час<ов> в 10. И — «позвольте, И<ван> С<ергеевич>, пожать вам руку!» — Я спросил: «почему Вы т<а>к торжественно?» — «А потому, что **Вас нет** под этим гнусным обращением!... И не только я от себя лично, я... от многих-многих русских честных людей... Вы не поплыли по этой **грязи**... Вы не в хоре-гвалте хулителей и поносителей России, русских людей... ведь **здесь** не различают — сознательно! — Советы и — Россию! — тут лишь бы порочить и хулить **наше**!..» Я ему сказал: «что же особенного! разве Вы могли думать, что я в **таком**, при всей моей отвратности к Советам, смог бы со-участвовать!...» — «Нет, конечно... но... могли заколебаться, как заколебались и — **дали свою** руку палачам и хулителям!.. — иные...»

Вот **за** сие и — присчитали, когда пришла пора. Пол<онс>кий — ради шурина Алд<анова>, постарался, они очень дружны. Алд<анов> **не мог** простить... — я же видел его лицо!... Ну, отозвалось. **Я** — стал **целью**... Вот чем объясн<яется> донос на Ш<меле>ва рус<ско>-амер<иканской> прессе (года 2 тому), — лей-поливай!.. И **они** поливали.. добились «бойкота», причем от меня не просили объяснений. А я не счел нужным «объяснять». Но это мое предположение: дело, вероятно, сложней: тут **все** присчитано. Пол<онс>кий рассылал по франц<узским> изд<ательства>м «коммюнике», меня позорившее. М<ожет> б<ыть> кой-чего и достиг. Уверен,

что, косвенно, помогал и Б<уни>н. Зайцев писал Алданову, Зеелер очень боролся за меня... Долго сказывать, но, — надо было! — я написал Б. И. Николаевскому, председ<ателю> «Лит<ературного> Фонда или Комит<ета> помощи писателям и ученым» в Н.-Йорке, исчерпывающее п<исьм>мо, изложив **все**, — и так, что, к<а>к я узнал, Ник<олаевск>ий был потрясен и... не ответил, знаю от Зеелера, — «**что** я могу ответить?! я подавлен». А я требовал: «тут не суд третейский, а **расправа**, «постановили что-то», не попросив у меня объяснений!» Мне не В<аши> «пайки» нужны... мне нужна **моя** и ваша **правда**!»... Не могу больше... так все гадко, грязно. Меня «полоскали». Одни — м<ожет> б<ыть> за то, что я шел всегда **своей** дорогой, а не общей... другие — отплатить, что жизнь меня еще не смолола, я **пишу**... — о, я много знаю... кто и почему острили свои клычонки... И вот, **накрыли**!... О, если бы могли что-нибудь злостное отыскать в моей жизни, в моих словах, книгах!... меня испепелили бы!... — с нашептываньем оттуда. Господь уберег. А хлебнуть — поднесли-таки... Б<унин>, конечно, па-льцем не шевельнул: «так ему и надо! — смел — да, это **так** — равняться, со **мной**! — был кандидатом на при-Ноб<ель>» — да, дважды был! — и знаю, **как** мне в Шв<еции> га-дили, как тормозили перевод «Ист<ории> Люб<овной>» — точно знаю, как его солили три года, а за это время **все** было пущено в ход, от Нобелей до архиеписк<опов>, до членов жюри... — а были голоса и **за** Ш<меле>ва. После успеха в Шв<еции> «Человека из рест<орана>», с хвалебн<ым> п<исьмо>м Кн. Гамс<уна>, после огромной ст<атьи> в лучшей газете — швед<ского> поэта-академика, — заб<ыл> фамил<ию>... — издатели стали интересоваться... — и перевод<чи>ца мне написала: «суют палки... из Парижа... издат<ельство> — кот<орое> хотело «Ист<орию> Люб<овную>», ныне задержало книгу и готовит полное собр<ание> будущего вероятного лауреата Б<унина>». Да черт с ними! Словом, — отлили... по всяким соображениям. Б<унин> — да, да! — страшился моей конкур<енции>, — это у него высказывалось. Он — после того, как понял, что мое горе — утрата сына, — **не** смололо меня, что я **жив** для творчества... — постепенно

охладевал ко мне, — а то к<а>к же б<ыл> «расположен»! сколько **пел** мне!... И — сразу... как отрезало!.. — а потом мой двукратный отказ Мил<юко>ву печататься в «П<оследних> Нов<остях>», а потом отказ Познеру — дать что-ниб<удь> для «Еврейской Трибуны», — в первый же год моего приезда в Пар<иж> в начале 23-го, **все** присчитали и не поминали имени моего в газете лет 15. Я был изгой для них. Я был — «гой». К<а>к меня щипали, пока... Сам же Мил<юков> не сказал — «Шм<елев> — **есть** Ш<меле>в». И просил меня в 37—8 году для журнала «Русские Записки» рассказ или — роман. Он б<ыл> **мой** читатель! да!!!... — узнал я.

Отяготил я дух В<аш> этими ламентациями[223]... Я мог ошибаться, слабеть. Но я позорного ничего не совершил, наск<олько> помнится мне. Много взято у меня сил этой «борьбой» и этим «одиночеством». Но... не смогли **смять**! А сколько провоцировали!...

Чем кончается..? Б<унин> — похабством, — говорят, И. Шах<овской> присл<ал> ему п<ись>мо — бичующее его похабство литерат<урное>, содерж<ания> не знаю. Знаю ответик Б<уни>на: «я **выше** этих гнусных выпадов!»... Я, благодарение Богу, **дописываю свое**. А там пусть нас судят... Я не горжусь, нечем тут гордиться... я тихо тружусь, — м<ожет> б<ыть> я и ленивый раб, но, думаю, **не** лукавый... Господи, помоги добрести...

Зуд не утихает, а еще обостряется эти дни... и **все** выбило из колеи. Отвечать — гадам?!.. Открывать им свою рану?..! Ни-когда! Все извратят и опоганят: значит, **дан** приказ — тра-ви его!.. Ну, пусть стараются. Я не читаю ихнего, да-вно. Иногда — скажут друзья или «друзья». Не новость. Верный читатель меня знает, верен мне. Это я знаю.

Знаю, **как** отзывается **мое** в людях — «оттуда». И это залог того, что я ***не*** вразрез с духом Родины. Знаю. Она при-мет... родная.

Что же с Вами? почему — опять болеете?.. Но Вы, уверен, ***не*** угрожаемы, **ничего** нет серьезно-тревожащего!.. это — на расшатанной нервной базе.

Завтра — еду в «Возр<ождение>» — добьюсь Г<укасова>. Буду брать до-водами!.. Дал бы Бог хоть малое свершить, **нашему пути** помочь!.. Будем уповать.

Я все как-то запустил с болезнями и «злобой дня». П<ись>ма лежат, нет воли ответить... — и дни плетутся, и во мне **мое** плете<т>ся вяло... — да, «потерянные дни»... — но что поделать!.. ну... «таракана проглотил»... и — мутит... Ничего... обойдется... А газета, хоть и растет, — ***подписчиков*** пошло за 1100, тираж 6 т<ысяч,> а ни копеечки не могут еще платить... — «вот, поокрепнем...» Правда это.

Спасибо, добрый друг, за согревающую заботу-ласку. Нет слов...

Не получил от Борз<ова> ни посылаемого — месяца уже 2! — 14 сб<орника> «Дня рус<ского> ребенка», ни юбил<ейного> 15-го, ни... «ассигнованных» — 24 февр<аля>! — 50 долл<аров>. Где-то «заело». — ?!! — Все возможно. И франц<узское> изд<ательст>во подвело: из причитающ<ихся> мне 18 тыс. — ещ<е> на 31 дек. 46 г.! — уплатили только — 7 т. Тянут и тянут... Но, Бог поможет, выдерусь. М<ожет> б<ыть>, «Р<усская> М<ысль>» решится печатать «Пути»... — «принципиально решили печатать». Но... — какое заблуждение! — тянут, ожидая «окрепнуть». При всей моей готовности — **на их** условия! Ведь истекает 3 мес., а я знаю — объяви они роман — могло бы подхлестнуть подписку и спрос. Что-то мне говорит... знаю по откликам читающих... Устал я... ото **всего**. Много горел и газетой... добывал для нее — по силам. Я никогда не закреплял знакомств или «дружбы» с богатыми и «полезными»... — мой круг — **не** они. Теперь порой досадую на себя... на свою непредусмотрительность. Мне всегда как-то стыдно «подбираться» к людям... — **надо** будет — пошлет Господь... Не надо, стало **быть**. Дышать легче. Ни для кого я не писал — **из** себя писал... — Вы точно знаете. И то, что Вы знаете, вот это-то и свет мне и ободрение, ибо это ***Вы*** знаете. Значит — все же — **едем**!

Одолел написать Вам, переборол «анабиоз». Воли нет — **быть**, чувствовать. Надо как-то облиться «живой водой». Уж оч<ень> разъят я.

Господь с Вами, милые. Да, старость — старость!...

После панихиды навестил М. М. Федорова, там же, на 91, rue Licourbe, P. 15. Лежит, чуть узнает, парал<и-

зованы> ноги. Ему 89 л. Лицо свежее, ни морщиночки, и взгляд ясный. Но с трудом понимает... Грустно.

Ваш Ив. Ш.

488

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<27.VI.1947>*

<Открытка с изображением картины С. Смолянова «За водой»>

Дорогой, духовно чтимый Иван Сергеевич!

Сошлись мы в любви и благодарности к Вам! Шлем привет и любим Ваши создания. А недругов презираем.

<На открытке, написанной рукой И. А. Ильина, подпись, сделанная другой рукой:>

Сергей Михайлович Руднев[224].

1947. июня 27.

<Слева на открытке подпись:> И. А. Ильин.

<Справа подпись:> Н. Ильина.

489

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<27.VI.47>*

27. 6. 47

Дорогой друг Иван Александрович,

Был у Карасин-Мазутыча[225]... — увы, невесело. «Для **больших** книг — **мал** рынок!» — изрек Бензиныч. — «Вот, Маклаков издал, напечатали мы... Америка взяла... 90! остальное... — 60!» Маклаков получил 600 долл<аров> от америк<анских> друзей, через посредство б<ывшего> п<о>сл<а> Бахметьева[226] и, каж<ется>, через проф. Карповича[227]. Они же старались *пустить* там книгу, и вот — 90! Фотогеныч изрек — на манер лисицы, у сена: «да не изволишь ли сенца? вот целый стог... я куму услужить готова!..» — «если И. А. Ильин достанет долларов, я охотно — !!! — напечатаю, и будем гнать вовсю». Я поблагодарил за щедрость.

Книга-вообще... все же плетется. Ищут «рентабельную». Большая брешь — закрыта Германия. Есть ловкачи... — Каплан[228] — ! — из «Дома Книги»... как-то всовывает повсюду, но... не было еще случая, чтобы **платил**!.. — такой специалист.

Мне франц<узское> изд<ательство> «Дю Павуа» должно еще одиннадцать тыс., д<олжно> был<о> уплатить еще в январе. На п<исьм>а не отзывается. А богатое изд<ательст>во! Ничего не понимаю. Бьюсь. «Рус<ская> М<ысль>» — **не** платит, хотя... покрывающий «щитом» г. Брюне[229], от Христ<ианской> Конфедерации, получ<ает> в мес<яц> 8 т<ысяч>. Да и другие получают по малости. Я — ни сантима. А добыл для газеты... до 20 т. Пожертвовала Л. Детердинг[230], и слали на меня из Америки, и так, подписывались. Ваши 5 франков, присланных на «такси» к Карт<ашеву>, я отдал газете, за подписку. Не серчайте. Обещаются уплатить, после «чашки чаю» для укрепления «Р<усской> М<ысли>» — чего-то ожидают, — капнет? Газета растет, и уже теперь число *подписчиков* — за 1200. Всего печат<ают> 6 т<ысяч>, но с каждой неделей увеличение — около 200 покупающих. Чтобы газета стала крепко, — важны объявления! — надо довести тираж до 10 т<ысяч> (тогда — крепко). Это возможно. «Пути Неб<есные>» — «принципиально» — решено печатать, но... чего-то ждут. Я настаиваю — «пускайте объявление, что, мол, «с ближ<айших> №№ начнется печатание нового романа Ш<меле>ва...» — чтобы дать толчок возобновляющейся 3-месяч<ной> подписке... — говорят, — начнем печатать, а вы не будете давать *кроме* того..! Не платят — и — еще разбираются. Знаю, что — уйди мы с Зайц<евым> — тираж упадет вдвое. Зейлер нравств<енно> страдает за меня — да! — но он не один. Сегодня еду в Имку: предложу: или печатать «Лето Госп<одне>» по полной старой орфографии, или расторгнуть договор. Я опрометчиво подмахнул, «по новой». Есть изд<ательст>во, готовое взять книгу — в 500 страниц! — и сейчас же вернуть Имке съеденные мною 10 т<ысяч> аванса. Нет, ни-когда не решусь — по новой! Вы — правы, **нельзя**. Да еще — «**ЛЕТО**....!!!!» И — БОГ — без «Ъ»?! Ни-когда.

«Куликово Поле...» — Бог поможет — будет напечатано, есть надежда. И, м<ожет> б<ыть> даже и... «Солнце Мертвых», с *2* дополнит<ельными>, ***новыми*** главами.

Все мои книги давно распроданы, не в пример с прочими писателями.

А я хандрю... Боли, сл<ава> Богу — «юльсер» — уснули. Но **зуд** — жжет.

Иван Александрович, не можете ли Вы пошукать в Америке — для «О тьме и скорби»?! **Должны** найтись ценящие и любящие!.. Ежели бы я да богат был!... Найдите 500 долл<аров>!.. нельзя — пустяк какой! — сто человек, по 5 дол<ларов>!.. И вот что еще... — давно хотел написать Вам.

За-чем сидите и висите на «волосках» в наисвободнейшей из республик?!! Вам — плавать надо в Америке!.. Языками владеете, как редко кто... — **что** Вы там наделаете!.. Вы собьете такой «клуб русский»!.. Вы зажжете!.. Вы — про-жже-те!.. Если бы мне было столько, ск<олько> Вам, — 60—62? — я уже давно был бы во индейцах. **Что** удерживает?! И еще уйдете от дыхания этого гнусного фё-на! Вы — оздоровеете. Вы одоллАритесь... Знаю: Вас удерживает «свитое гнездо». Но... **вещи**... **как** они вяжут и обманывают!.. Вас пугает «ломка»? Это — от «неврастении»... — надо преодолеть. Вы — мудрец. У Вас — контроль над собой. Мы, сколько бы мы ни сделали уже... все еще в долгу перед Россией. И всегда останемся должниками... **Там** Вы воссоздадите газету. А если нащупаете почву, я — на 8-м десятке, — приеду к Вам. Отдам все силы — говорить полным голосом. Здесь — ду-шат!..

Ответьте, **что** держит Вас. И Наталия Николаевна воспрянет!.. Закончим же светло путину нашу!.. М<ожет> б<ыть> Господь даст мне еще хоть 3—5 л<ет> — писать-жить. Омерзело «шептать». Ждать... — вот заткнут рот...?

Весь Ваш Иван-Изнемогающий.

490

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<7.VII.1947>***

7. VII. 47

Дорогой друг Иван Александрович,

Очень был согрет Вашей — обще-дружеской — карточкой — приветом и укреплением ду-хо-вным! Спасибо. Как раз — нужное лекарство! Подобной подавленности не припомню, — вся воля выдохлась. После

нежданного потрясения — утраты Ольги Александровны, — 11 лет! — был оглушен — и не сознавал ничего... А ныне — **раз-да-влен... чем**?!.. **Всем**. Но это неопределимо. Судите сами: нашел силы прочитать № 9 «Независ<имого> Слова» — и меня расплющило, **хотя все знал**!.. Нельзя к сему «привыкнуть». Отчаяние... Взываю: «Господи, покажи Правду Твою!..» В опустошенном духе уже нет сил — **принимать**. В душе — нет слез — выплакаться... Какая безнадежность! и — бесцельность. Это уже — **отчаяние**.

Не могу ни на чем сосредоточиться, воли нет. Не пишу, не мыслю. И вот, хочу утопиться в... «Идиоте» — почему?!..

«Зуд» — и не думает слабеть. Гнетет полное одиночество. Помирать пора... Испрашивал себя: а для *чего же* ты жил?!... — **все** утонуло в... чем?!... Страшно найти верное слово...

Не откажите, если еще видитесь, передать благодарение за ободрение С. М. Рудневу. Кажется, это известнейший хирург?... *Что* шепнуло Вам приласкать одинокого?.. Ах, добрый друг!.. Вы много сердца отдали мне, — укрепляли, воздвигали... — и я не охвачу, ***как*** светло это отозвалось, и ***чем*** отозвалось: это нельзя учесть. Но все это — **живет** — как-то — в моем труде писательском... — неуловимо, но для меня ощутительно-бесспорно. Вы для меня — *по-истине* — **провиденциальны**. Знаю.

Ведь **знаю** же, что мы обретаемся в Великой и Чудной Тайне — зачем я так «сдаю», слабну, унываю?.. Чем бы укрепиться? Знаю — Св. Словом. Но к сему (страшно сказать) нет воли... «Злоба дня сего» (о, какая грязная, какая **злая** и подлая!) — придавила, кажд<ый> день бьет, рвет... «Господи!... уныния... не даждь ми!..»[231] Бессильно взываю... не выдерусь из придавившего меня **чего**-то... Простите мне сие невеселое п<исьме>цо... Хотел бы радовать, а радование-то все израдовалось?.. Если бы захватила работа!... Жду, мучаясь **пустотой**. Нет воли — надеть баретки, шляпу, взять походн<ый> чемоданчик и на день — на два хоть в St. Remy проехать, к Юле[232] и ее мужу — поэту славному (дитя, в 50 лет, при весе пудов в 5—6!) — лежать под яблоней и слушать о

Сибири, о тун-драх. Он и из тундр сделал красоту Господню. Но — нет воли — двинуться.

Вы-то бы только не унывали!... Да Вы куда сильней меня, и страшитесь «потер<янного> дня». А у меня и страшиться-то нет сил...

Ваш Ив. Шмелев.

Обнимаю. Целую руку Наталии Николаевне, за привет-ободрение.

491

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<11.VII.1947>***

11. 7. 1947

Дорогой, милый Вы друг мой,
Иван Александрович,

Как будто выгребаюсь из-под придавившей меня подавленности и душевной... опустошенности. Могу письма писать... — и надо. М<ожет> б<ыть> и вложусь в **работу**..? Как это мне душевно необходимо! Это же мое лекарство. **Отхожу**... дай-то Господи! А то — мрак из мраков, — тьма... до того, что хоть... **уходи**... Избавит Господь. Будто **хочу** — за 3 кн<игу>. Ах, дал бы Вам, — нагрузил бы! — перечитать 2-ю — **что** я из нее соделал... — из 308 стран<иц> — 190! **Бежит** вольней, будто и не сбои́т. Кой-чего и жаль было, а — прочь! Будто и **себя** изламывал — полосовал. Но не шлю, не смея грабить Вас. Бог даст — и доведется прочесть в печати. Когда, где..? — не ведаю, но... кто знает?..

Вчера — avion от Н. В. Борзова. Трогательное п<ись>мо. Оч<ень> душевное. Обласкивает — покоит — слыхал от — кого? — о хуле на меня. И — укрепляет. Но я, **теперь** — особ<енно> после В<ашей> (общей) «карточки» — куда как спокоен, в **этом** отношении: собака брешет — ветер носит. Когда-ниб<удь> и подавится. Но эта «собака» — на весь свет брешет. Если бы только брехала!.. За брёхом чуется — бряцанье, грозящее... Смотрите, ско-лько запуганных и — **взятых**! И меня разит оптимизм (относит<ельны>й) А. В.[233]!

Здесь — та же труска, все те же больные «па»... на одн<ом> месте. Хорошего не видится.

Пишет Н<иколай> В<икторович> еще, что дотация Ф<он>да И. В. Кулаева — послана — 100 дол<ларов> — и обещается на собр<ании> Ф<он>да — 6 июля — (av<ion> от 5-го) справиться. Оказ<ывается>, XV сб<орник> все еще не вышел... Когда же? Досадно (если и придут деньги — чеком?), сколько терять! Оф<ициальный> к<ур>с — 119 с чем-то... а реально: 268—270, больше. А *было* и за 300. Если бы Н<иколай> В<икторович> — сам досылал! Но мне стеснительно и — просто невместимо было дать намек. Да еще после (в связи) так<ого> ободрит<ельного> и возносящего письма. А как подумаешь: *11 900* и — *27 000* — холодеет в затылке. Неумолима жись. Но term, сл<ава> Богу, 15 т<ысяч> — забронирован. Волокусь, Вам благодаря. Вернее — ***Вас*** благодаря. 4 раза прилетало оттуда — для «Р<усской> М<ысли>» — на меня, передавал газете — в подписку. А всего — 35 — пока — долл<аров>. Говорят знатоки: простым п<исьмо>м еще вернее. Если хоть 25% — утечки — и то выгода какая!

Моя «язва» с 22.6. (со дня панихиды по Ольге Александровне) — **пока** — окончилась, уснула, чуть иной раз поноет. Но держу режим стро-гий. Зуд — не знаю... трепыхается, волнами... но, каж<ется>, **вошло** в привычку. Только бы за работу! — зуди — за-бу-ду. 3-й гомеопат — опять невпопад.

Во вторник В<ам> буд<ет> послан пакет «каши́». Варите с маслом, — а кушайте с молочком. У меня... — хва-тит. Я доелся, передыхаю. 2 недели — пропад<ала> охота **есть**, ничего не хочу... — теперь, с дождями — лучше. Пью молоко, с бел<ым> «бушА»[234], из кондит<ерской> — взял в рот — и нет ничего! Но приятно растаяло. А это «растаяло» — с пятачок! — сто́ит 2 фр.! — на 1 *секунду*!! Если так есть, в час... 7200 фр<анков>! Безу-мие. А посему ем только с чашкой молока, на 10 фр<анков> (5 штучек). Сахар и белок и так вздуты, будто воздушный чуть мятный пряничек (ну, жульничество, но приятное, сладкое). Зато молоко **втекает** терпимо. И — целое блюдо! А на 1-ое мал<енькая> кастр<юль>ка овсянки на молоке и с маслом. Вот и обед. Ем я два раза в день. Главное — недолго готовить.

Утром — яйцо, чашку кофе с мол<оком>, кусочек сух<ого> хлеба. Хлеб ужа-сный! Сухарей — biscottes — нет! На ночь чашку молока и — 2 куска сахару. Мяса не ем, ветчину — вывел из обихода, к<а>к и супы. И вполне довольно. А когда — кисель. Сыр<ых> ягод и фр<уктов> — нельзя. Ложку варенья — вышел кисель. А манная-то еще! Toutes les possibilités[235]. И — слава Богу. До снытки[236] бы старца Серафима достигнуть! Какие есть подвижники! Вот, арх. Виталий[237]... в Ам<ерике>, созд<атель> обит<ели> преп<одобного> Иова на Карпат<ах> — спит не б<олее> 3 час. на голых досках, ест... почти нич<его> не ест! да!... — и... *весь* в непрест<анных> трудах, — «весь», — к<а>к А. В.[238] говорит, — «не разряжающийся аккумулятор». В-вот! М<ожет> б<ыть> чеснок ест, вм<есто> снытки? Жаль, **нельзя** мне, а то — по-жар! — а люблю, ох — л-люблю!... Я уверен, что эта теория калорий — не закон... Есть ***что**-то*, что покрывает все полновесные калории — **что**-то в организме: **дух питает**. Если же это-го **чего**-то совсем нет («духа»-то), то жри ты как... кто это? — да, Гаргантюа или Фальстаф с паном Заглобой и П. П. Петух[239] (все четверо) — все равно... никакой продукции. А при «духе» не надо «ни желтков, ни белков», — говаривал мой Дрозд — почтальон. Недавно открыл я «С<олнце> М<ертвых>» — лет 15—20 не открыв<ал>, каж<ется>... Боже мой, неужели я **мог так** писать?! — И — в болях!?... Страшно и — непонятно. М<ожет> б<ыть> (?!) улыбнется — переиздать: ведь с 26 года — **нет** книги. **Надо**.

Отбил (!) из договора (уже давно подпис<ан>) с «Editeurs Reunis» (YMCA-Press) — п<ункт> 6: изменили, а то хотели просить нарушить... — верну аванс! да, «Л<ето> Г<осподне>» (обе части в одн<ом> томе (до б<олее> 400 стран<иц>) буд<ет> изд<ано> по **полной** (с «Ѣ») **старой орфографии**! Я в ужас пришел, как я подписал тогда, в февр<але>?! — некуда было ткнуться. А тут я нашел выход... оказ<ывается>, напутал (?!) Тхорж<евский> и «Возр<ождение>» не 2-ю только кн<игу> «Л<ета> Г<осподня>» готово было издать, а и 1, *вместе*. Вот я и надавил. К<а>к я рад!.. А то бы Вы меня — ох, ущу-чили!...

А таперя — поулыбаетесь ла-сково... и скажете: ишь ты, ву-мный!...

Напишите о себе, здоровы ли Вы — оба? Напишите, давно не видал четкого, — редкого по красоте! — почерка, милого, **чистого**... **Такого** почерка не знаю ни у кого! И какая в нем покойная **сила**... какая **мера**!... Это почерк сознавшего себя и все в себе — и вне — мудреца. Да еще художника-мудреца — так властно-мерно-верно владеющего словом, — так **красиво**-благородно облекающим мысль, вне-воплощающим ее. Завидки... Мои крючки скачут-лают впопыхах... и часто непохожи... А то вдруг на «далекое» выходят — маракульки — старакульки... Интер<есный> у П<ушки>на был почерк. Хорош — тонкий, ясный — у Чехова. Но у Толстого — Льва... хаотический, как и у Дост<оевского> — но Дост<оевского> плохо помню... д<олжно> б<ыть> «безумно-колкий». У Бунина — оч<ень> **жирен**, **ма-жист**, самоуверенный. У Амфит<еатрова> бегло-хорош-лёгок. Интересно, двигается наука — графология? Она очень метка, — в почерке можно уловить — думается — **бывшее** в жизни, как-то отстаивающееся в почерке, как иные лицевые морщины (лба, напр<имер>?). Вы ***все*** знаете, скажите и про эту тайну. Она же м<ожет> стать явью. Любопытно видеть почерки злодеев, мирового масштаба. Не видал. А — поучительно.

Не знаете, когда выйдет юбил<ейный> XV сб<орник> «День рус<ского> реб<енка>»? Да, где-то достал Н. В. Борзов мою фотогр<афию>, — пишет — «прекрасную» (комплимантит!). Откуда она — прекрасная? У меня не было прекр<асной>. Я — или каторжный (в одн<ой> америк<анской> газете «The New York Times») (1928 г.) в связи с англ<ийским> изд<анием> «С<олнца> М<ертвых>») или «удивленный», или — «купец из ножевой линии», или (по выраж<ению> Б<уни>на) «английск<ий> оптов<ый> торговец сигарами» (натянуто, по «сахарной» фото изв<естного> париж<ского> ателье, для изд<ательства> Plon), или виолончелист, или — препарат для демостр<ации> юным студентам — лицев<ого> костяка... Но — «**прекрасная**»?... М<ожет> б<ыть> вм<есто>

Ш<меле>ва подсунули — звезду экрана в брюках?... Вот, в бекеше — я — туда-сюда... — с бегов прямо, и с выигрышем...

А пока... — обнимаю Вас, друг — и поминаю в молитвах. Обоих, милые.

Вввваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Розанов метко сказал: писатель *выслуживает* себе лик — как пенсию, пачпорт[240].

492

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<19.VII.1947>***

19 июля 1947 года

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Все Ваши письма получил. 24.VI — 27.VI — 7.VII — 11.VII. Спасибо Вам. Был утешен улучшением Вашего самочувствия — слава Богу! А то все шло мракогонное от Вас: и помочь не умею — и не помочь не могу... Прочтешь письмо и все кажется, что я Вам отвечаю, как злобная бабка в окно «*Бох падáсь!*»... А теперь разрешите по пунктам.

1. Портрет Ваш (вправду — хороший) у Н<иколая> В<икторовича>[241] — *от меня*: профильный, на открытке, смотрит от зрителя направо, «сверлило» глазное припогашено, лик истово-преподобный — видно «*Богомолье*» писал...

2. *Недавно* вышел 14-й сборник «ребенкин». Там от Вас «Родное»; а от меня «О Божией ткани» и «Потерянный день». Прочтите статью *Бориса Завалишина*[242]. 15-й «ребенкин» сборник еще не весь собран: задерживают Гречанинов и Карташев. Там пойдут мои три вещи: «Почему мы верим в Россию», о Шмелеве, и «О рел<игиозной> свободе и рел<игиозных> гонениях». Я даже не уверен, — набирается ли он. От Борзова имел длинное письмо третьего дня. Вот Вам ребенкины новости.

3. Благодарю Вас за беседу с Абрамом[243]! Хоть выяснилось, «что нет» — omnis determinatio est negatio[244].

4. Очень радуюсь старой орфографии при издании Ваших книг. А то А<нтон> В<ладимирович>[245] прислал мне «брашурку» о сов<етской> церкви[246] — по новой —

я чуть не сблевал. Один талантливый экономист в Москве говаривал: «людо*е*дство? — значит *можно!*»

5. На днях был двукратный приезд из U.S.A., русский, *доверенный курьер. Много* было всего. Но между прочим: *увез* с собой англ<ийский> перевод моей книги о России (написано по-немецки было: «О сущности и своеобразии русской культуры»). Увез для издания в Америке. В этой связи открываются разные новые конъюнктуры *там* и я занят сейчас *мобилизацией* всех моих по-русски написанных, *готовых,* но еще не вышедших книг. Отнимите, пожалуйста, у Александровича «*О тьме и просветлении*» и у Шмелева — «*Поющее сердце*» и гоните ко мне обе рукописи заказным! Я непременно должен *свободно диспонировать экземплярами* — для продвижения!!

6. Непременно пришлите мне новую редакцию *второго тома* «Путей». Очень важно — прочту все обстоятельно и отпишу Вам.

7. Пожалуйста — *ни-ка-кой* гречн<евой> крупы нам *не* посылайте! У нас и другого всякого вдоволь. Иначе придется опять принимать меры, чтобы снарядить Вам новую посылку крупы из USA.

8. У меня еще Ваших для Вас целая тутошняя катерина. Как только заскучаете, дайте знать. И из Лиссабона Вам идет еще пакет с разными «удобствами». Когда придет — дайте знать.

9. В следующем письме напишу Борзову, чтобы гнал дальнейшее для Вас — сюда «Ивану для Ивана». Ибо здесь все al pari[247]; а я уже буду кувырколлегию производить. Но прошлое — думаю — уже ушло по-нелепому.

10. Имел письмо от Зеелера. Просит «предисловие» в газету для «Путей Небесных». Вот, чудаки! По Смоленскому рынку в Москве такие молодцы бегали, с сапогом под мышкой — подошвой вверх-наружу — зазывали! Какое же отсутствие юмора нужно, чтобы вообразить, будто *ШМЕЛЕВ* нуждается в «молодцовых» выхваливаниях подошвой наружу!... Им бы, право, по безвкусию не газету редактировать, а анекдоты на серно-спичковых коробках (помните в детстве такие коробки бывали с анекдотами: «Летучий ревматизм», «У Макарья» etc.).

Или еще — помните — поэт Соллогуб (*не* «Тетерников[248]») дурачился в Туле — (это мне рассказывал Е. Н. Трубецкой) надевал чалму, загримировывался и в заезжем цирке зверей показывал (выговор кавказский):

1. А вот жилец фриканских стран,
Ему и прозвище — мандрила, —
Имеет кое-где изъян
И отвратительное рыло.

2. Природы странную игру
Собой являет кенгуру:
Ему при полной наготе
Кармашек дан на животе...

Так, что же, он думает? Шмелев — мандрила или кенгуру — прости Господи!

11. Еще он предлагает мне дать статью в Рус<скую> Мысль. *Не могу* посвящать его в то, что рассказал *Вам* и отвечаю, что так занят научными переводами для прожитка и писанием двух-трех книг сразу, что не могу услужить ничем.

12. Газета же, между нами, становится все бледней и неинтересней. Они *боятся* говорить *правду* и лепечут *полуправду*; они *не* имеют *Идеи* и потому им сказать *нечего*; они подмяты *туземными католическими союзами* — и поэтому свое политически-воробьиное «пип» говорят в пользу *туземии, синдикализма, полусоциализма* и *католицизма*.

Дорогой мой! При чем тут *я*-то? Ведь у моего мандрильства — рыло-то все-таки (*хотя и противное*), но *отчетливое*... Какие черты этой отчетливости согласятся получить от них «смазь вселенскую» (Помяловский[249]. Бурса)?!

Нет! Я останусь у них подписчиком... Они пускай пищат — значит пищики — а я под-пищик.

13. Зеелер спрашивает: чем он мог бы Вам быть полезен? Я отвечу:

«Пусть и этот Олеарий[250]
получает гонорарий»...

Вот и будет «маленькая польза» (Чехов). А то он только ходит к Вам Вас утомлять и безсантимно сентиментить...

Обнимаю и желаю! И молюсь за Вас.

Ваш Грубиян.

493

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<29.VII.1947>***

29. 7. 47

Дорогой Иван Александрович, смутно и тревожно. Благодарю за В<аше> п<ись>мо. Как обстою я? Все же, написал рассказик — «Еловые лапы», для 16 № «Р<усской> М<ысли>», день — 1 авг<уста>! — памяти преп. Серафима. Дал его, авионом, и «Прав<ославной> Руси», под Н.-Йорк<ом>, к<а>к обещал. Помучился — перед работой, — трудная. — Порт<угальская> пос<ыл>ка прибыла, это «клондайк»! Это Вы, душа Ваша. Но куда мне сто-лько?!.. Смущен. Вчера посланы В<ам> три зак<азных> пакета: два труда В<аших> и 2 ч<асти> «Путей», — стыдно натружать В<ас>. — Проф. Аз-Како, — японский? — вещает: 2, сам<ое> б<ольшее> 3 м<е>с<я>ц<а> — и — разразится!.. — есть «знамения». Так. Но... и над нами «разразится» и всех смоет. А кого и — **смелет**. Но буди, Господи, если это **надо** — для Р<оссии>. Все темно, жутко. Я тяжело **жду**... — тревога, **камень**, **туман**, к<а>к в 16 г. — предчувствие **ужаса**. Посоветуйте!.. **Я здесь**, в так<ом> «воздухе», ничего не сделаю... а надо заканчивать «Пути» — Да-а... сам<ое> неотложное: не дерзаю что-либо возразить на В<аше> решение — остаться подпи-щиком! Вы мудры, — есть у В<ас> веские причины. О просьбе Зеел<ера> — о «Путях»! — мимо. Это — **без** меня. И — наивно. — Посоветуйте: есть предложение мне — предположение! — переместиться. Написали из Троицк<ой> обители, под Йор<ком>: «скажите, влад<ыка> Виталий начнет шаги, отыщет «мецената», чтобы В<ам> творить, без вс<яких> обяз<ательств> с В<ашей> стор<оны>, — в удобствах. Не решаюсь звать В<ас> в обитель, и нет удобств, мы — в строительстве». Я нич<его> не решил, как В<ы> скажете? Но я — в смуте, и знаю: не смогу здесь, в «тряске» и надвиг<ающейся> «слепой жути», писать — **вполне** отдавшись. А мои дни на свершении. Нет, не могу у «мецената»: мне надо или родной воздух — монастырь, — или — не двинусь. Мне не надо — «удобств». Здесь... какие удобства? Мой про-

житок — миним<альный>, но я скоро лопну: кварт<ира> берет до 25 т<ысяч> в год, а скоро увелич<ится>. Я в колебании. **Что** В<ы> **знаете**? **чего** надо ждать и когда?.. Вы мудрец, Вы следите за «воздухом» в мире... — я — крот. **Что** идет? что скажете о моих «предчувствиях» Надо ли — искать «заводи»?.. Я не был бы бременем мо<насты>рю. Я сверх-оплатил бы **абри**[251]. Трудом пис<ате>ля, для журнала их. У меня — много! Журн<ал> растет. Поражен подвижничеством вл<адыки> Вит<алия>, его провИдением. Это — истинно — подвижник! М<онасты>рь обязан **все** занести в «летопись»: их «одиссея» — пример и поучение! Я не все знаю. Я восхищен. Я недавно прочел жизнеописание митр. А<настасия>. Что за сила!.. — он — **избран** Свыше. На наших глазах свершается, что буд<уще>му «умн<ейше>му» историку покаж<ется> легендой. Какие люди — апостолы! — объявились!.. Я захвачен... **Это** д<олжно> б<ыть> запечатлено. Творится вскрытие «тайны-Плана». Мы **видим**. Надо показать... по кр<айней> м<ере> — **удержать** в неблагод<арной> памяти. Для б<олее> **видящих** — после нас. Меня влечет — туда, где я нашел бы «воздух» и **волю**... и — отсвет Руси... Здешним — уже не могу дышать... Взвесьте, мудрый и светлый друг, — скажите... — **что** ожидает многих-многих из нас. Ныне, если «начнется», не уцелеют границы и «нейтральных», — все погран<ичные> столбы свалятся, и кровавая «метла» — пометет, пока... соберутся безвольные дем<окра>тии. **Все** говорит: последняя ставка! Я... — мелочь во **всем**, вот — о **себе**... но я не о «шкуре»: я **уйду** добровольно, когда увижу, что **надо**, и исхода нет... Но мне **надо** — поставить заключ<ительную> точку. Мне надо сказать — если бы! — «посл<еднее> слово». Я мог бы... ряд статей — **все** свести в — **вывод**: «какой же путь — к дост<ойному> и верному счастью — **здесь»**. Для правосл<авного> русского чел<ове>ка, народа. Это «простая речь», итог **опыта**. Мне **надо** — к<а>к мой — **себе**! — завет. Я знаю свои слабые силы — в выводах. Но я должен все же — **сердцем** — сказать. Не в «Р<усской> же М<ысли>»! — это можно бы в троицк<ой> «Пр<авославной> Р<уси>». Не

богословское... не философское... — я не **ученый**. Это — **вывод** правосл<авного> русского писателя, кот<орый> тщился стать воистину православным, но не стал... а полу-стал... Но, перед вольн<ым> или невольным концом — обязан — **все** набранное трудной жизнью — пересказать... М<ожет> б<ыть> не удастся... Но чувствую, что — **надо**. Не для умных, — для — «как дети». Таких — вся Русь. Я — один из них... только «приявший послушание», но исполнявший его не в полн<ой> мере!.. Раб ленивый, но, сл<ава> Б<огу> — каж<ется>, **не** «лукавый».

О «дне сем». Получил пригл<ашение> в амер<иканское> бюро «помощи», — очев<идно>, в связи с назнач<ением> Кул<аевского> Ф<онда>. Завтра пойду, но **не** один. Один я не хожу в места незнакомые. Но тут — верно, хотя О<бщест>во это — «еврейское», крупно-евр<ейское>! какие «имена»! — йоркский Як. Пат[252] — сам<ый> мал<ый> из них. Спасибо Вам, — Вы это!... — спасибо Н. В. Борзову. 14 сб<орника> нет у меня. Ваше — **знаю** почти наизусть. Что за ст<атья> Б. Зав<алиши>на? Вы указали проч<есть> — ? Не посылайте мне, здесь поищу.

Не думаю — это безнадежно — пытаться печат<ать> «Пути» в «России». Где-ниб<удь>, когда-ниб<удь> — напечатают... — Стала идти коррект<ура> «Лета Госп<одня>». Об ост<альном> не думаю. Церк<овная> ценз<ура> в Исп<ании> — вето на изд<ание> исп<анского> перевода «Путей» — I ч<асти>, хотя б<ыл> договор с изд<ательством> и я д<олжен> был получить гонор<ар> — около 55 фунт<ов> — через англ<ийскую> агентуру литер<атурную>. Часть идет «Дю Павуа». Теперь договор пал. Хотят заменить другим романом. Но у меня нет воли думать о сем... все заслонило — главное: чего ждать? Да... Р<ос>сии — вел<икое> испытание... чую... но и... Европе! Здесь все говор<ят> — начн<ись> война — **они** через 2 нед<ели> — в Пар<иже>!... Не удержать... и ко-му «держать»? Потом раскачаются. А что произойдет всюду — до этого «потом»?!... Помимо бережения **себя**, **нельзя** отдаваться в лапы... — во-имя **долга**. Это не «прикрытие» личной «слабости», не трусость: это — тоже служение: **продолжать**!

Не помогать **им** — в людоедовом торжестве! Отошли — и продолжаем! Вы, конечно, раздумывали о — последствиях. И В<аше> тихое место — в стороне от б<ольшой> дороги, — вероятно — захлестнется?...? При посл<еднем> «ва-банк», при хлопанье дверью чего бояться — **им**?! Правь же тризну, галя[253]!.. И — справят. Потом... — см<отрите> финал Г<итле>ра. Развязка — д<олжна> быть. И надо уцелеть — хотя бы отборной части. Но сколько... устоит?!... Вот — испытание. Темна вода. А посему — заблаговр<еменно> **отойти**. Если — можно.

— Жара... — смертоносная, изнемогаю... — И еще — тот же зуд. Сплю — не сплю... душит раскал<енный> камень. Иные уехали, дышать... а я... — навалилось работы, давит одиночество... Пока не прошу из «катюхи». Вот, получу что-то из «бюро» — евр<ейского>. Терм оплатил — 6 т<ысяч>!.. Ужас. А пи-щи у меня — сверх-довольно, только хлеба здешн<его> **не** могу! — желтый ужас. Я не живу — изживаюсь. Лучше бы не было этих 11 лет, без **нее**! — а вместе бы... Но как душа просит — тишины, **обители**! **не** «эстетика» тут... а так бы хотел, перед концом — быть в «годов<ом> круге» богослужения правосл<авного>! **Все** прочувствовать... и — **прильнуть**!... — у притвора бы... — в «оглашенных». Не даст Господь?.. Ну, смирюсь... — **видит все**, скажет — «ну, ***не*** нищий духом... приди и ты...» А я недостоин «прийти». Да, это уж последняя, м<ожет> б<ыть> больная **тяга** «на богомолье»... Но она — **есть**, — **зовет**. И вот — будь же при **конце**!... до-пей. Да что мое-то «питие»!.. сколько испито — на-ро-дом!.. Стыдно бы... так о **своем**... донывать! А — ноется.

Мудрый, умудренный, у-му-дрившийся... — **скажите** на этот сумбур-п<ись>мо.

Чего видится? Не успокоения, а вИдения, Вашего!.. Милый друг, какое выпало мне на долю счастье — В<аше> доверие и дружба! Оля моя всегда говорила: «да, И<ван> А<лександрович> — твой **друг**». Как она чувствовала, к<а>к ценила! Всегда — без **слов**... всегда — сердцем. Да, счастье. Ведь я сколь одинок! Знаю — и Вы — одиноки... — Вы только с вернейшим оруженосцем и

дружкой Н<аталией> Н<иколаевной>! Вы так — **особенны**. **Так** — Вы **сами**! Никто не может дополнять Вас. И Вы не нужд<аетесь> в этом. А я — часто нуждаюсь — в «дополнении». И Вы — давали мне **дышать**. Возд<ух> вокруг меня — б<ыл> всегда оч<ень> разреженный, если не пустой. Только — **она**: но она — сердце мне давала, порой — совет... но так это скромно и почти бессловно. Почему я не ушел **за нею**?!.. 41 год, больше!! — с 17 лет. Юная любовь, дарованная... — и как мало я **ей** давал **себя**, ду-шу: всегда в немой **работе**... Она понимала и — не требовала: «живи в своем»! «А я **все** перенесу... лишь бы ты б<ыл> покоен». А я ни-когда не был спокоен... я все рвался, в **своем** — в борьбе, — со словом — образом и — с неприятелями... Что я все — о себе?!... Простите, друг.

Почему из стат<ьи> С<тарого> П<олитика> в брош<юре> опущена одна глава?.. не знаете?... К<а>к сильно! Нерс<ессиан> — в горы. Ал<ександрови>ч — в горы... сколько разъехалось... А мне надо держать корректуру, и всякие зацепки... А ныне еще — «что ждет нас»?.. И подавлен, и взвинчен. Но знаю одно: не уйти в «Пути»... — **теперь**... Устал, оч<ень> уст<ал>. На исходе сил... И эта убивающ<ая> жара!... — преддверие «ада»... Я не ем: пью, только. — Если бы наладилось издание трудов В<аших>! Хоть бы увидеть — в книгах!.. Не думаю печ<атать> «Кул<иково> Поле»... перепеч<атывать> «Солнце Мертв<ых>»... — нет уже воли бегать, нагружаться... Нет воли жить... Как рыбка на песке, еще сыроватом: то одной жаброй прильнет, то — другой... — бьется, **ищет**... а песок все сохнет...

Когда думалось о «Троице» — явился од<ин> батюшка, оч<ень> волевой... — «едемте туда, в Ам<ерику>!» — — — — ??... «Вам **надо** закончить «Пути»...» Ни слова ему не сказ<ал>.

В томленьи писал «Елов<ые> лапы». Послал... и отменил, дал второй список. Ведь боялся приступать... и вдруг 21 и<ю>л<я>, в Каз<анскую>, в день рождения Оли, **вскочил**! Срок!! 1 авг. — день рожд<ения> Серафима Преп. И — одолел, пре-одолел... Малый расск<аз>, но как я истомился!... хотел дать «без точек», бесстраст-

но, благоговейно... душу русскую дать... — детскую, благостную... — воздух Батюшки-Серафима. И **как** же б<ыло> трудно! — умирять страсти, вдруг заполыхавшие!.. Я скрутил себя. И ночь провел над правками, и другую — над 2 списком... Ну, судите... лучше, истомленный, **не** мог. А сердце пла-кало... оплакивало **все** чистое, отнятое... оскверняемое... Да только ли **это**?.. О, опять эта «Своб<одная> Мысль...» — она оглушает, сжигает... и я горю... бессильно. Это **нужно**... — но как через **это** — варится — не **знаю**... Подвиг — д<олжно> б<ыть> ненапрасный. Но — страшное, словом даваемое... не дойдет **туда**... и ничего не меняет и здесь. Говорю о тех, в воле кот<орых> — менять судьбы... Помимо нас — сменится... А м<ожет> б<ыть> на тысячу лет — антихрист?.. М<ожет> б<ыть> нужно **все** пережечь?... чтобы из горнила вышел Праведник? Праведница?... Во мне смута... «слова, слова!!!» А что мы можем?.. Надо где-то, в свободе, собраться воедино, кричать громко и слушать чутко. **Здесь** — нет, нельзя... лишь «шептанье»... хоть и пронзающее. Тут — туго и глухо. А **там**... — не до нас, там — свои цели... — и Р<оссия> — цель для **чего**?!.. Какое испытание!..

Многое забыл, д<олжно> б<ыть>, написать... я — в разрыве... размят, разъят...

Да, потрясен Словом еп<ископа> Ник<олая> Охридского[254] — о Св. кн<язе> Влад<имире>[255]. Какая сила! Где он? — по масштабу, он Сербск<ий> Пушкин и Златоуст. Цел ли? У-бьют бесы... Господи! Какой огромный дар Бо-жий.

Обнимаю Вас, други.

Ваш — Ив. Шмелев.

494

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<3.VIII.1947>*

3. 8. 47. Воскр<есенье>, 11-30 веч.

Потребность: говорить с Вами.

Дорогой Иван Александрович... Сперва — о «дне сем». Получил — как хорошо! — выдали из евр<ейского> бюро (!) — 23 т.! Каково?!.. А я был — на

острие. Теперь — лети! Но я и перебираю перышки. Жду В<ашего> **совета**. **Жду**. Вам — видней, и Вы — мудрый. Я — нерв<ный> да еще задерганный!

Но вот что. Эти дни перечитывал (каж<ется>, в 3 раз, после б<ольшого> срока) «Идиот». **Вбирал**. Какое сумбурное построение романа! Сколько лишней (да, да!) нагрузки. Роман — гениальный и — **неудачный**. О технике — оставлю. Самое удачное — что за шедевр! — ген<ераль>ша Епанчина! Я ее **взял** всю — она влилась. Вот — истин<ная> закваска рус<ской> женщины! Пусть — сумбурно, но в сем-то и — диво! Но вот что — странно: нигде в ром<ане> — ни обмолвки о религиозности... этой семьи! Это, как, **провал**. Почему? Сознательно? Но отсюда-то и провал романа, — сгорела, ни за что... Аглая-перл! Какой конец ее!.. Насмешка... — **так** кончить! Да ведь ясней ясного — **вести** «идиота»! И — **вывести**. Все данные и худож<ественно> данные предпосылки. Аглая... Диво дивное! Что — *могла!*... Какая намечавшаяся (Д<остоевски>м) **сила**!.. Или он сознат<ель>но представил ее — **пустой** религиозно?.. Отсюда — такой гадкий крах. Так *не* пощадить ее, так «осмеять»! Осмеял же!... Ясно, что взял ее с одной из*) Ковалевских, не Софьи? — он же был влюблен! *Что* он вытворял, и к<а>к над ним на-сме-ялись! М<ожет> б<ыть> и поделом. Но где же худож<ественное> чутье Д<остоевско>го?!.. Что бы было, если бы он дал Аглае крупицу... веры (к<а>к у Лизы Калитиной[256], но та — овца, а Агл<ая> — пыл, порох... огонь!..) Как ***смят*** роман!.. Тут — **личное**, боль и — отместка?!.. Зато, при всей гениальности про-вал романа. Иск<усст>во, **правда** — воздал и отмщение. Милый, Вы не чувств<уете>, что Чехов **оттолкнулся** от Аглаи (хоть чуть!) для «Мисюсь»?.. Но он **пробежал**-скользнул — и ско-лько **дал**! Правда, — «рассказав» лишь, но — **взял** читателя (чуткого). Он — сам воздыхал о... «Мис<юсь>-Аглае»... И вот, ныне чую: я, слепо, **взял то** же: Я долж<ен> раскрыть Дарью. В ней — все данные — (мне-то видится, да еще не пока-

*) Не из Ков<алевски>х, а... семья какого-то военного генерала. Не помню, где-то я читал, мес<яца> три-4 (м. б. в «Нов<ом> Журн<але>»).

зал!). Что *может* русская жен<ская> душа, если она деятельно идет от **веры**, несет **Свет**?! Она ведь — сама Россия. Сколько надо — проникновения. Вот, почему — страшусь. Женщину-дитя... дать!... Всю — чистую, и — сильную духом!.. **Что** — **может**!!!.. Голова кружится. Вот почему страшусь — дальше идти. Смута, страх во мне: провалюсь?.. Ведь я... творю Д<ариньку> почти из — **ничего**. Нащупываю... силюсь провидеть... правда, исхожу *не* от литер<атурных> образцов, а — из своего **опыта**. Суммарного, но и — потому — сумбурного. Припомнить бы, где я читал о «романе» Ф<едора> М<ихайлови>ча, в семье одн<ого> военного? Каж<ется> в «Нов<ом> Журн<але>» Алдан<ова>.

— О Софье Ковалевской... Так у ней была еще сестра, — каж<ется> — зародыш «Аглаи»... Ах, перечесть бы!.. До-стану!... Та «Аглая» — в кот<орую> б<ыл> Д<остоевский> влюблен (она ему рукопись расск<аза> принесла, и он — врезался!), мучила Д<остоевско>го, издевалась над ним... а он... **что** он вытворял! Это после смерти 1-й жены. Вот, откуда зародился «идиот», по моему домеку!.. Это — **себя** он, раздавленного... и — **дода-вил**-таки. И — ухлопал *свою* «аглаю»... — она в революцию кинулась, с как<им>-то франц<узом>! (Аглая с пол<итическим> эмигр<антом> и плутом, тут и патер-иез<уит> припутан.) Испорчен — гениально, но испорчен роман! По длиннотам — туда-сюда (ужасно!), но, главное — переломил, *не* пощадил уже данные, — дивные души!.. Но и длинноты — как самост<оятельны>, вне романа — великолепны. Хоть часто — шарж, памфлет, карикатура. Какой страстный, ре-жу-щий ум! Какой... **зонд**! К<а>к много читал! Подумать: умер 60 л<ет>! *Что* бы натворил!... Ведь *все* — заготовка была, а «к столу»-то **обеда** так и не подал: все еще было... в **кухне**! Ему, м<ожет> б<ыть> и легко, повару-то... **знает** сыть-вкус (и как будет перевариваться), а «господа» (чит<ате>ли) — **обижены**... судьбой и — кончиной **повара**. Все его творч<ест>во — только **стряпня**, гениальная... еще не вылит «пломбир» в форму, еще только (больше) **соуса**, а... отбивные еще ждут плиты...

Простите эти кроки... Не знаю, нет справки под рукой... бедность наша проклятая! — позже ли 1859 г. на-

писал «Идиота» — каж<ется> — **после**. Тогда ясно: Д<остоевский> толкнулся в истории воспитания Наст<асьи> Фил<липповны> г-м Аф<анасием> Ив<ановиче>м Тоцким — от Толст<овского> «Семейн<ого> счастья» (уди-ви-тельная, м<ожет> б<ыть> порой — и лучшая вещь Т<олсто>го!). Там — Сем. Мих-ч[257] — друг отца — приготовил себе *жену*, Манечку, а у Дост<оевского> — Тоцкий — наложницу... (тождеств<енное> положение, исх<одная> точка: но дороги — иные.) *У Т<олсто>го* — сама натура, диво! — живая — дневная — жизнь! Надо *перечесть и перечесть! У Д<остоевско>го* — все **ночное**! Смотрите, как пути-то расходятся!... *Оттолкнулся* от «Сем<ейного> сч<астья>» Д<остоевский> и — покатился своей дорогой. В «Сем<ейном> сч<астье>» есть зернышко для буд<ущей> «А. Кар<ениной>» — для Кити, она из... Маши... Дочего чудесна наша велик<ая> словесность!.. Какой пир, как бы я хотел — вдариться оземь и обернуться — ну, так — молодцом под 50! **Что бы** я **натворил**!.. А теперь — надо спешить, довлачиться... Страшно — за 3-ю кн<игу> «Путей» браться, но пора, пора...

Что за чудо — как они **вишни** в грунт<овом> сарае — рвали! *Лучшего* — нигде не знаю, — в *этом* роде. А есть сколько людей — не читывали «С<емейного> сч<астья>»!...

Его надо — **вычитывать**. За од<ин> этот роман — становь монумент!

Обнимаю. Выпалил — И. Ш. Ночь.

<Приписка:> Нет другой бумаги, — в *дырках*! И сам — в дырках. Но уповаю. По кр<айней> мере расплатился с долгами.

<Приписка:> Вам спасибо! Вы ведь обо мне — верно! — писали Н. В. Борзову? И вот — спасаете. О, дай Бог силы и воли молиться за Вас.

495

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<2.VIII.1947>***

2 августа 1947 года

Дорогой друг!

Простите мне спешность и краткость ответа. Я *очень* замучен срочной напряженной работой, 34—38° в тени и фёном.

Спасибо за рукописи. Все 3 получил. О Вашем вопросе.

Мировая мерзость качественно нестерпима. Острое осязание этого мучительно, но его *нельзя истолковывать* в смысле *близких сроков* «лопнутия» нарыва. В Советии голод, неуправка по всем линиям, и транспорт, и нефть, и все *небоепособно*. *Русская* армия могла бы сделать небольшие диверсии (персидскую, австрийскую, греческую); но советы *знают*, что это развязало бы третью мировую, что USA располагает *страшным* атомным оружием; а сибирская *интернац<иональная>* армия (вышколенный немцами комсброд отовсюду) далеко не готова; не готова и военная промышленность, не готовы и подземные города (Кузнецкого бассейна). *Нервная война* будет продолжаться и обостряться; мировая *не* назрела. Пятилетка готовности намечена на 1950 и они с ней *не* справляются. Поэтому — не поддавайтесь тревожным слухам. И *не* связывайте свой эв<ристический> переезд в USA с ними. Переезд да не будет бегством, но спокойной мерой.

Теперь: *кто* звал Вас? Вы мне этого *не* сообщили. Это важно. Я бы на Вашем месте *принял* бы зов на след<ующих> условиях.

1. Affidavit[258] и деньги на переезд (лучше по *воздуху* — это 315 долларов Париж—Нью-Йорк) добывают *приглашатели*.

2. Поселение поблизости от монастыря.

3. Жизнь на *гонорары* и *мецении*; и на сотрудничество в монаш<еском> журнале.

4. От мецений *не* отказываться, при условии, что жить *не* у мецената и что меценские деньги будут вноситься *Виталию*.

5. Приглашатели должны быть серьезные: Епископ Серафим (быв<ший> прикарпатский архимандрит), Арх. Виталий. Если пишет Никон (Рклицкий), то относиться с *крайней* осторожностью!

6. Париж слишком много отгладывает у Вас на *нервы, квартиру, продовольствие, валюту* etc.

7. Ольга Александровна (истинная, единая) *последует за Вами*.

8. *Там не* селиться в городе, но поблизости пригородного монастыря.

9. Почитатели и друзья будут у Вас и там.

10. А *нас с Вами* Атлантич<еский> океан *не* разлучит.

Простите краткость. Еле сижу, еле пишу. Обнимаю; и шлю Ва́м пуд спокойствия и пуд дружбы.

Ваш И. А. И.

496

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<5.VIII.1947>***

5. 8. 47. К сумбурному п<ись>му от 3-го, ночью, — после получ<ения> вчера В<ашего> доброго совета о плане моем — «найти воздух» и «полный голос» — т. е. — «покой и волю»! — для завершения писат<ельского> **пути**.

Вот — **как** началось во мне, хотя и раньше мелькали мысли. 26. 7 пришло п<ись>мо от еп. Серафима, из монастыря — Жорданвилль — Троица: я писал еп. Сераф<иму>, приветствуя «возобновление «Прав<ославной> Руси». Не выражал ясно желания — «к ним», писал лишь, помню: «если бы с плеч лет 10—15 — не задумался бы — под стены В<ашей> обители!» На это п<ись>мо, полученное в монастыре как раз при посещении м<онасты>ря арх. Виталием, — между прочим, их духовный собрат протоиерей о. Иоанн Григор-Клочко*) **до** п<ись>ма ко мне еп<иско>па Серафима пришел ко мне и **вдруг**, взволнованно, воскликнул — «едемте в Ам<ерику>, в обитель!..» — на это мое п<ись>мо еп. Серафим мне писал от 22 июля — получил я 26-го, **после** посещения о. Иоанна, — вот что писал, между прочим: «Хотелось бы помочь Вам закончить В<аш> труд — «Пути Неб<есные>». Ваша задача трудная — худож<ественно> показать духовное возрождение, «Господа найти в сердце» — неверу-то... но из соврем<енных> нам писателей только Вы **один** это можете. Так бы хотелось помочь Вам в этом. Владыка Виталий, которому я читал В<аше> п<ись>мо, говорит, что Вас, по его мнению, сравнительно нетрудно бы бы-

*) сказал: сейч<ас> авион, там — плакали все, читая В<аше> п<ись>мо.

ло выписать в Америку, а если не на совсем, то на год совсем просто. Можно бы найти мецената, который бы с радостью и любовью и дорогу Вам бы оплатил, и приютил бы, предоставив В<ам> все удобства для В<ашей> лит<ературной> работы. И конечно без всяких обязательств с Вашей стороны. Подумайте об этом, и если В<ам> эта мысль по душе, то напишите, и я попрошу вл. Виталия начать ее реализацию. К нам в Обитель я и не думаю приглашать, ибо здесь еще теснее, чем в Ладомировой и так же все примитивно».

Вот — **точно**. Только. Могу ли на этом строить планы? Обдумав, — надеюсь, что могу... Вы **все** знаете, что мною движет. Я хочу **свободы** и — **покоя**, покоя для духа, для воли во мне — завершить писат<ельский> путь.

Одолжения ли прошу? Не думаю... Конечно, — **участливости** прошу, но не — *чем-то для меня пожертвовать*. Я **могу** — **отплатить**, и, прямо, **наличностью**, что в моей воле и возможностях, и — косвенно, получив благопр<иятную> обстановку для заключительной работы — для родных душе, — прости, Господи, это лишь упование мое, **не** самомнение!

Что я могу дать **за** покровительство? А вот что. Я давно мучаюсь судьбой моего литерат<урного> «наследства», завещание давно сделано, лет 5 тому, — чуть ли не в 3-й раз. Кончина Оли многое переменила в моих распоряжениях. У меня — **никого** близких... Ива своего, воспит<анного> Олей, я не забуду, но он и по духу — **не** наш: он весь в своей «математике» и — во франц<узском> «мире». А ныне, в нем странный взгляд сложился на... «советское»: от соприкосновения с какими-то «оттуда». Он видит — «оч<ень> положительное» — в сов<етской> системе!.. Безнадежно его «обращать», — себе дороже. Он в **таком** — **тупе**, как больш<инст>во «иностранцев». И я с тоской думаю: «**ему** оставить... весь труд моей жизни!»... — хотя в моем завещании я оставлял ему — «половину» будущ<их> возм<ожных> доходов от моих книг. Др<угая> половина... — сиротам и инвалидам — «жертвам больш<евиз>ма...» — но... **кому**, **кому**?... — где юридич<еское> лицо — чтобы по праву реализовать оставленное? В нашем разброде, в безгосу-

дарственности — **нет** «субъекта прав». Это меня терзало. И вот, на этих дн<ях>, после бессонной ночи... — мысль, меня захватившая! Да на что же **верней**, прочней, **правомерней** и — радостней! — оставить главное из трудов — Установлению православно-миссионерскому, просвещающему Христовым Словом? которому суждено, — вероятно! — **продолжаться** в будущей Православной России!.. Их **идея** — и моя идея: **чистое** — во-имя Господа! — слово, просветительное, **печатное** — святая забота-радость арх. Виталия, его «кредо», его — **цель** жизни, — его путь по благословению преп. Иова-Печатника! Вот, **кому**, **чему** — я обязан, я радостно обязан следовать.

Я знаю: придет время, и мои светлые книги — «Лето Господне» и «Богомолье» — найдут большого читателя... Вот **кто** мои наследники и душеприказчики... им вручу!.. — и душа моя покойна и светла: и *ее* душа — меня поддержит и внушит волю, — благословит. А Ива я не обижу, ему выделю в новом «душеприказе». Я уже отдал Обители свой «Старый Валаам», дарительной запиской в 38 г., благодаря за кров и ласку... но я должен все точно указать в духовной. Я хочу оставить Обители, Миссии... как там она значится официально, как юрид<ическое> лицо? — все, главное: «Солнце Мертвых», «Лето Гос<подне>», «Богомолье», «Стар<ый> Вал<аам>», возможно — «Пути Неб<есные>»... Пока никто не может сказать, что это может дать материально: ныне даже — при спросе читательском, ограниченном «чужбиной», это может дать **что**-то, реально: так охотно издатели **ждут** моего согласия на изд<ание> «Богомолья» и «Кул<икова> Поля». Да, отдам и «*Кул<иково> Поле*», — мое священное! — о препод. Сергие!! Видите, я не с пустыми руками — **хочу** Обители или — «при Обители»! Это дарение, конечно, стоит тех трат на меня, кот<орые> Обитель или «меценат» могут израсходовать... Но когда откроется Святая Россия... — Вы **знаете**, что мои иные книги сделаются **своими**... — я это уже вижу **здесь**, по многим-многим высказываниям и п<исьма>м! И тогда, **там**, доход от этих трудов моих будет не лишним камушком в построении «храма души русской-православ-

ной». А какое это мне радостное утешение-укрепление! — при **отходе**. Больше, лучше — **некому** мне отказать. М<ожет> б<ыть> **так** мне и назначено. И я благодарю Бога, если мне **так** назначено. Какой — естественный, какой почетный для меня — **выход**! Я чувствую, что Вы, дорогой мой друг, что чуткое сердце Наталии Николаевны — меня, м<ожет> б<ыть>, укрепят, признают, что — ныне — лучшего назначения, в моих условиях, и не найти... — я **верю** в святость и необходимость высокого и святого дела — Обители Печатника, — жизнь арх. Виталия — поразительна, провиденциальна, и его путь — наследственно православный, — нести в свой народ, и — дальше! — просвещение, во-Имя Христово. Мои книги — смею надеяться — не расходятся с этой чудесной **службой**.

Вот — не с пустыми руками, не пришельцем бесправным — тут же не самомнение! — я хотел бы ближе подойти к Обители, просить у нее опоры и крова.

Ваши советы, — я их читал А<нтону> Вл<адимировичу> — верны, разумны, целесообразны. Конечно, не *у мецената*... а на воле. Но не могу **без** мецената... — я нищ. Но мое-то желание... *быть совсем близко к Обители*... — **не** в гуле и **пустоте** америк<анского> уклада! о, нет. Но и не среди чужих. Думаю, что мое пребывание в самой Обители — было бы в некот<орых> отношениях неудобно: я не мог бы пользоваться «свободой», чтобы это не резало глаза братии — крепко дисциплинированной. Я не готов под рясу-клобук, и не собираюсь... — я не выдержу, при моем «личном», при моей греховной — ?! — «независимости»... Я не мог бы посещать все службы... — а это — соблазн. Я мог бы жить лишь — около — вне стен монаст<ыря>. Кэйф? — Нет, сохранение уклада, **моего**, мне необходимого для работы... (да и курю я еще!) — без принуждения, без смущения моего и других. Но я был бы полезен и основной цели Обители — **светить** во тьме. Это было бы и «оказательством», — м<ожет> б<ыть> даже «примером» — для русско-американцев: я хотел бы отдавать часть сил и времени — «Прав<ославной> Руси». Да, статьями... просмотром, чисто в литер<атурном> см<ысле>, — иных матерьялов,

в обсуждении редакц<ионных> вопросов... словом, — почти — «за **все**», — поскольку это не помешает моей основн<ой> работе. Это — попытка малого, конечно, служения. Я — как бы — давал бы «ан ку-дэ-ман»[259] — *линии* Обители, в глазах эмиграции. И это я сумел бы откровенно заявить, и — специально — и — статьями о моем «кредо», — как бы обращением «к православным русским людям». Я не преувеличиваю своего значения, избави Бог: я лишь чувствую, что это даст **кое-что**... — уже не раз в этом убеждался. Хотя бы моим искренним **движением**, **признанием**. Это же славный путь, светлый, — достойный... — для маловеров, как я — оставим Господнее Указание! — я не смею этого касаться: но у нас есть и земной **завет**, земное указание нашего родного авторитета, — Пушкина — **откуда** пошло наше просвещение... Арх. Виталий — **весь** в сем. Да, в этом историческом назначении, — «продолжается» и должно продолжаться, — ныне — особенно! Он-то ох как это понимает! Я не могу не восхищаться.

Волею Божией, — и так это не нарочито, **не** «предумышленно»... я тянусь под «святое»... **ищу** крова и опоры, **упора**... Это же в русском православном духе, в нашей писательской-мыслительской традиции: сколько до меня, малого, сколько признанно-Великих — заглядывало в этот «кладезь»!.. — пытливо-тревожно, уповая, порываясь... — это священная интуиция. Я **тянусь**... но как же я **не готов**! — это я не скрываю от себя. Но я **хочу** — укрепиться и — **просветиться**. Я неуч, я слабый, я — «безначальный», как моя старуха из «Про одну старуху»: да, «**безначальный**». Но я хочу — чтобы меня чутко **вели**... — это лишь во власти Господа. Как Он судит... Вот, дорогой друг... **чего** я хочу, хотел бы... Возможно ли это, поймут ли **все** в моих устремлениях?.. Думаю — да, почти **все**. Арх. Виталий — да, поймет. И митр. Анастасий поймет. О, **все** поймет.

А<нтон> Вл<адимирович> — понял и одобряет. Я прочел ему В<аши> пункты. Я думаю все больше, что это — мой **путь**. Здесь, в Пар<иже>, — многое мне **узко** и — душно. И материально, и душевно. Удержать кварт<иру> я не осилю, цены скачут, — задушат платой

и «сюплиманами»[260]. Франк, в сущности, стал — сантим! Это чудо было, что я до с<их> пор держался. И получение — от Борз<ова> — при обмене здесь — 23 тыс. — было спасением. Моих крох — **моих**! — было бы недостаточно. Но и они пригодятся, — **там**. Гонорары мои останутся, как и издания... и работа в газ<ете> «Р<усская> М<ысль>» — **что**-то я добуду. Наконец, я **теперь** — хозяин еще **всего** моего, что в моих авторск<их> правах. М<ожет> б<ыть> в Ам<ерике> я реализую что и для офильмования..? Я во Фр<анции> дважды отказался продать права на «Чашу»... — боясь, что исказят, **без** русского ансамбля. У меня есть планы — на другое... к<а>к раз — для «зрителей»... — мой «Трапезондский коньяк»... — из него я сам попробовал бы сделать «америк<анский> сценарий» — и не поступился бы ничем!...

Конечно, я не «полетел» бы!... — пусть себе летают... я поплыл бы... — хоть и страдаю — страдал! — морск<ой> бол<езнью> — но это — Бог даст, выдержу. Пусть всю гадость вытошню... — каж<ется>, сердце у меня пока в порядке... Да и дорог «полет»! — 315 д<о>лл!!!! — «с ума сойти..!» — заблююсь наверное, и вся эта затея может обратиться в похороны по 1 разряду, «дэ-люкс». Сколько было крушений — сожжений!.. Положим, и митрополиты ныне летают... но... «от хорошей жизни не полетишь».

Все сказано Вами — мудро. Я долж<ен> буду ответить еп. Серафиму — да, «прошу», — и кое-что пояснить. Но не дерзаю пока осведомлять его насчет — духовной. Это можно лишь дать намеком... и я просил бы Вас, — прошу Вас! — если Вы сочтете это полезным и содействующим моему **плану**... — просить В<ашего> участия: м<ожет> б<ыть> **как**-то — при случае, — осведомить Митр<ополита> А<настасия> — а м<ожет> б<ыть> и арх. Виталия, если знакомы с ним, — как-то **осветить** им мое намерение и мои «дезидэрата»[261].

Простите, друг... это тяжелая докука... И я оговариваюсь: если найдете полезным, если — полежит к сему Ваша душа. Решать мне надо, я не найду **здесь** воли — обратиться к незавершенному, чтобы завершить. Да и

стоит ли продолжать дерзновение? Ведь — почти сознаю, что вряд ли мне удастся — достойно показать — **возрождение**. Вижу трудности и мою... не **подготовленность**. Но — хочу пытаться... Почти решил — отдать издание и «Богомолья», и — «Куликова Поля» — вместо того, чтобы Мазут Фонтаныч[262] что-то положил в свой керосиновый мешок, — отдать издание изд<ательст>ву Обители. Эти книги в их **плане**... уповаю... И это могло бы дать им кое-что, а главное — расширить рамки их «рынка», толкать «Пр<авославную> Русь». А мне заплатили бы — сколько и Гук<асов> — 10 проц<ентов>. Имка охотно возьмет «Бог<омолье>» — все время спрашивают, а книги нет. Они знают. «Кул<иково> Поле» — быстро разойдется, **уверен**: книга недорогая и... — разжиг неверам, и — клеветникам моим среди русско-американцев. Сколько собак вешали на меня — наши «передовые». Пусть еще ожжет их!

Да, от А<нтона> В<ладимировича> узнал, что М. Вишняк разразился двумя стат<ьями> в «Нов<ом> Рус<ском> Сл<ове>», каж<ется>, в июне. Читали? Договорился до... «интервенций»! До отказа от «исконных» позиций! Следствие, — очев<идно>, — **новой** линии в миров<ом> евр<ейст>ве, и — от — для них! — оглушит<ельного> «открытия» — Го-ца[263] б<ольшеви>ки убили и 10 л<ет> прятались! Переплеснуло. Вот, оглушительная **победа** Вашего кредо!... — о борьбе со злом. К<а>к они кипели и точили яд-злобу, когда вышла Ваша книга!.. — точно всего не помню, но — «поливали...» Ныне... — пришли в Каноссу. И это — неистовый, и — частью слепой и глупый... но ярый... Марк Вишняк!... — но он знает «ясли госп<одина> своего» и ведает все «ветры». Хотел бы прочесть эти статьи. А<нтон> В<ладимирович> обещал сыскать мне и привезти.

Уповаю, что грядет перемена в душах и умишках у «передовой антелегенции» — как вольнодумные — типа гр. Паниной[264], так когда-то страшившейся моего выступления в Праге — о Пушкине! — я им всем и отмочил... — был фурор, — и... все они «встали и рукоплескали», — за отмочку! — начиная с духовенства и кончая... эс-эрами! А Панина... сияла... — они же меня —

К-ит[265] Дня рус<ской> культ<уры> и вынуждены были пригласить! Ныне — П<а>нина с теми, что обносили меня. А за мое «германофильство» — зна-ю, откуда воняет!... во-ня-ло!.. Они меня хотели лишить «огня и воды», **обошли** в поддержке... И вот, я уповаю, что бу-дет перелом и в отношении к «деланию церковному»... — да, я пойду **прямо**, **смело**... до обличений, до устыжений, до... про-жже-ний! Я вооружусь, я обосную, я — **ткну**!.. но — без обид, без **пыла**... мягко и веско, — я же **знаю**, как первая кн<ига> «Путей» — **действовала**... а «Куликово Поле» — ах-нет **их**!... — да, моим дерзанием ввести «чудо» в рус<скую> худ<ожественную> словесность. Во Имя Христово — дал бы Господь побиться!

Страстно хочу — ряд статей — «о самом главном»! Да, в «Прав<ославной> Руси». Только бы осесть, вздохнуть и — не свалиться. М<ожет> б<ыть> еще судил Господь хоть 2—3 года потрудиться. Я **слышу**, что **есть** еще во мне сила, пока не сдаю.

А за 2—3 года при разумном обиходе, мно-го можно! Подумайте: я буду вставать в 6—7, я не буду — хоть при менажке, — ходить по лавкам... думать — когда смогу оплатить газ, электр<ичество>, квартиру... заглядывать в бум<ажник> — а сколько есть? Я каждый день буду дышать воздухом! Я буду пытаться ходить в храм... жить **светом**... — а мне так мало надо, при моем режиме!.. я буду избавлен от пустяковых посетителей, от многого цепляющего... А **там** у меня тоже читатели... друзья-читатели... И Океан никак не разделит нас с Вами... — мы же не видимся, а — я всегда с Вами... и что бы было, если бы не даровано мне было узнать Вас и получить Ваше доверие, любовь, дружбу!... Это я только знаю, какая была бы **пустыня**!... — и, б<ыть> м<ожет>, душевное бессилие!.. бесплодность для многого!..

Такой — страшный пока для меня! — перелом жизни-пути моего кажется мне еще — «как во сне»... я колеблюсь, но... **знаю**, что решил... надо только сказать да — и начать шаги — «нансен», «визу»... это — визу — это «аффидавит» — м<ожет> б<ыть> мне устроят в Ам<ерике>. Главное, я покоен ныне, что **все** потщусь

возместить, что не буду обузой... что **хочу** — «оправдать себя». И, с помощью Бога, оправдаю.

Завтра пишу — предварительно и «вообще» — еп. Серафиму. Арх. Виталия никогда не видел, не писал ему... и не дерзну писать. Но с м<итрополитом> А<астасием> был давно — а ныне, с конца 30-х гг., **вне** письм<енного> общения! — в переписке, чудесны были его п<ись>ма ко мне, и насыщены... знанием, чуткостью и любовью искренней! Они сбережены. Знак, через п<ись>ма Земмеринг из Мюнхена, что и по сию пору м<итрополит> А<настасий> не забыл меня. Ей я отписал — чуть, нетвердо, о своих планах... м<ожет> б<ыть> она позондирует почву и у м<итрополита> А<настасия>. М<ожет> б<ыть>, он благословит... Вы ***не*** возразили, и это мне — великое ободрение. А<нтон> Вл<адимирович> не возражает, а о моем плане «завещания» сказал — «лучшего нельзя выбрать». Ибо он и П<авла> П<олиэвктовна> знают, что, конечно, Ив — не по праву, не по духу мог бы унаследовать — пусть половину моих авт<орских> прав! Да, лучшего не вижу... — мне сразу стало радостно: правопреемник **есть**, и достойнейший!

Вот, всю душу открыл Вам, милый... все, искренно, как — себе, сколько есть во мне искренности. И я получаю упор — для — **продолжения**. Ни тени — верьте! — самоуслаждения, низкой гордыни... во всем моем **плане**, — а лишь верный выход.

Довольно: в половине буд<ущего> января исполнится четверть века — ! — как я въехал во Фр<анцию>. Правда, я написал здесь самое главное из моего. Но не завершил. Я давно жду... «у стен Обители»... и в 37, летом, хотел строиться под монастырем, и землю с арх. Сер<афимом> присмотрели, рядом! — чудесный луг!! — сколько цветов было, начало июня... колокола — вот они... кресты... вот они... тогда было — каж<ется>, неделя о слепом... или — не помню точно... — утрами — слышишь, просыпаясь в келье — «Христос Воскресе» — пасх<альный> кр<естный> ход! — Па-сха... нам днесь пока-за-а-а-ся!..» Не сбылось... Ныне — в развалинах... ныне — «продолжается» — за Ок<еаном>.

И я... — снова на-распутьи... и — жду... Помоги, Господи, идти путем Твоим! Знаю: слабый я... духовно да и телесно — немощный... но Ты мне поможешь.

Там я имел бы досуг... **вчитывался** бы... умудрялся бы... — повторял бы себе: «Свет Христов просвещает всех...» — о, эти золотые слова на нашем Университете!.. — я вижу их... я должен оправдать их Правду — собой, последним деланием моим...

Благодарю Вас за скорый ответ: я **внял** ему. Не знаю, что такое Jordanville. Знаю: в Об<ители> «Троица» — !! — б<ольшой> плод<овый> сад, промысловый, насажд<енный> арх. В<италием>, и ферма — 15 коров: продают масло. Ближ<айшая> ферма от Обители — 8 кил<ометров>, бл<ижайшая> ст<анция> ж<елезной> д<ороги> — 20 к<илометров>. Близ проход<ит> автом<обильная> route nation<ale>[266] — стрэд[267], — и не знаю: можно ли устр<оиться> «*под* стенами».

Господь укажет — где и как: Его Воля. Господь да сохр<анит> Вас обоих!

Ваш Ив. Шмелев.

497

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<19.VIII.1947>***

19. 8. 47 За неимением **простой** —
Спас-Преображение. пишу на «*гербовой*».

Дорогой друг Иван Александрович,

Сегодня, вместо яблочка, послал Вам гречн<евую> крупу, — все плод Господень. Снедайте во здравие, оба, — такие Вы «гречневые» — родные. А у меня — еще целый ворох. Сыта «мышь».

Ми-лый... как же я не прав в отн<ошении> Дмитрия Ивановича Ознобишина! Ду-шевный!... А я неверно **вывел**, что «крепо́нек». Он — видите ли — о-чень смущающийся... очень скромный. И, видимо, не мог что-либо навязывать. Вот, узнав, что, м<ожет> б<ыть>, **полечу**... — оч<ень> смутился и едва выговорил: «видите ли... **это** — **пока**... нам, имеющ<им> капиталы за границей, уделяют лишь норму... а **там** — я вольный. Пока еду в Женеву. М<ожет> б<ыть> и вернусь. Наверное

даже... А вот... **пока**...» И навязал мне как<ие>-то чеки... U. S. Dollar Travelers cheque... — на 150 долл<аров> — по 10 и по 20 дол<ларов>. И добавил еще 10 т<ысяч> фр<анцузских> фр<анков>. Я смутился... Сказал: «к<а>к на ноги стану (?!) — тут же и пошлю Вам». — «Ни в как<ом> сл<учае>!» Ну, вот... Говор<ит>: найдите хор<ошего> финансиста, чтобы по хор<ошему> курсу...» А я ничего не понимаю. Посоветуюсь, мож<ет> чего и устроят, — по «хорошему».

Пока мое **дело** не движ<ется>. Жду — оттуда, **точных** предложений. Мотив для визы — есть, конечно. Хоть дутым «редактором» где-нибудь, — напр<имер>, в «Пра-в<ославной> Руси». Вот и могут выписать. Решил, в случ<ае> чего, — **лететь**. Так что я будто — уже на отлете. И, гл<авное>, совсем нет «нерва». Буд<ет> так, как Богу угодно.

Сегодня узнал (от ген. Озноб<ишина>, котор<ый> завтра уезжает в Жен<еву>), что амер<иканцы> и англ<ичане> *раскрывают* зоны — для Ди-Пи. Кто желает — может ехать (повезут!) в U. S. A.!!! Будто это верно. Дай Бог. Тогда центром русск<ого> рассеяния явятся С<оединенные> Ш<таты>. Туда мне и путь. Много планов. Почти горю. Вплоть до лекций перед — и — амер<икан>цами! Дерзость? Лекцию мою мне переведут и насвистят произношение. Это я сумею, и — с жаром. Могу и в Канаде, и — где Господь укажет. Дорвусь... — и — выскажусь. **Есть** — о чем. Здесь я плесневею... **шепчу**, к<а>к четко определили Вы — **свое** служение.

Мерекаю и об Аргентине. Мне на руке «написано» — «ве-лИ-кие пути в конце жизни». Т<а>к я и предчувствовал. Т<ак> ск<азать> — тренировка, перед отъездом в путь **неназываемый**... ни на как<их> картах не нанесенный.

Ген. Озн<обишин> в друж<еских> отн<ошениях> с Юр<ием> Ильич<ем> Лодыженским. Говорил, что надеется Вас повидать.

А у меня **идея**!... Создать в Пар<иже> «Русский Дом» — милл<иона> за 3—4. Все: Церковь, театр, лекц<ионный> зал... квартиры для — en passant[268], но, главное, — библ<иотека> им. А. С. Пушкина, — ибо Тург<е-

невская>, во 1-х, украдена, во 2-х, ее Президиум — сов. патриоты: Одинец[269], Кнорринг[270] и прочие «ступницкие» и «рощины-ремизовы».

Сему делу послужит газета. Но надо все обдумать. Я верю, что деньги мы соберем, — грошами. Я найду в себе огонь — жечь и взывать, до — **приказа**!

И приведу бесспорные доводы. Это **чудо** — свершится. Я, не покладая рук и сердца, буду взывать и совестить. ***Слово*** — найду.

Как вы скажете, милый? Лишь бы мне стать на ноги в Ам<ерике>, — я **все** погоню на это дело: ***все***, что есть у меня (будет). Раскопаю **там**... Чудо уже было: Архим<андрит> Мефодий в 2 1/2 мес<яца> собрал ок<оло> 3 милл<ионов> на покупку владения для Церкви в Asnières. Русск<ий> Дом д<олжен> б<ыть> создан в Пар<иже>, на *собств<енной>* земле, русск<ими> руками, — и д<олжен> б<ыть> во всем — **русский**: большой, красивый, светлый, — с колокольней, обязательно! И останется навечно, памятником страдания русского и — **светом**. Да за это — **все** можно отдать, ***все***!! И я думаю... О, если бы!...

Сегодня ген. Озноб<ишин> приехал и растрогал: «пью-пью... «Богомолье»! ды-шу... ка-ак же вливается... Она... **вся**!...»

Он раньше не читал, — только одну эту кн<игу> не читал!...

И мне стало легко, что принял от него доллары... Будто это — от **души** благодарного русского, родного...

Я издам — отныне — «Богом<олье>» — в Амер<ике>, к<а>к и «Кул<иково> П<оле>». Теперь, с правом въезда Ди-Пи — полож<ение> меняется.

Центр наш — **там**. Потому-то и **потянуло** меня... А мне **есть**, что сказать, писать. Я к<ак> б<удто> **ожил**!... **Урок *не*** выполнен. **Надо** — его — **сдать**. — Помоги, Господи!...

Удушающ<ая> жара, духота, но я не скисаю. Ездил дня на 1 1/2 на возд<ух>, к Юле. Лежал под яблоней, дышал. И ручные курочки нежно сидели возле... Сколько дум думалось!...

Да еще подарок от Ю<ли>: чудесный кожаный портфель!... — давно у ней лежал, без дела, и не дум<али> они, что у меня — нет. А у меня **никогда** не б<ыло> портфеля, только когда б<ыл> пом<ощником> прис<яжного> пов<еренного>, был, тощий, за 3 рубля. Так и прописал и прочитал жизнь — без портфеля. А вот теперь — **есть**. Ши-кар-ный! На дужках, запирающийся. Предельно-лучшей кожи!... За 6 т. теперь не купить.

Да... Что такое в «Идиоте» «боксер», Келлер выражает: «фенезер под слезами»[271]? Что — «фенезер»? Точно — ? Очев<идно>, как<ой>-то деликатес... но какой? И — не знаете ли: «Ждановская жидкость» (из Идиота же, у тела Н<астасьи> Филип<повны> Рогож<ин> поставил) — что за состав?!.. Тогда не б<ыло> формалина. Нечто хлористое? или — известковое?... Пожал<уйста>, поясните[272].

«Зуд» и жара не берет. Точит и тяжелит глаз. 16 мес<яц>!!!

К<а>к меня Аляска тянет!... Достигну Ам<ерики> — полечу. Ско-лько и че-го мог бы тогда написать в «америк<анских> письмах»!.. Попробовал бы себя на «эпистолярном». Чую, что ***знаю***, **как** писать **сие**. Но помимо писем — ско-лько бы надо вы-сказать: обременен, сродил бы «семерню». Главное — в глушь забился бы, все бы часики были в ходу-у-у!... И — без carte d'identité[273]!... — без франц<узских> «конюшен»! без «отмечаться»!!!...

А квартиры бы не бросил. И не **продал** бы... — за 100 тыс. А... платили бы ***мои*** жильцы. Было бы, **куда** вернуться.

Жду из Аргентины — на-ура! — п<исьма>ма от давнего буэн<ос>-айр<есского> испанца-читателя. С 31 года не переписывался. У него гуляет в Арг<ентине> — 100 тыс. быков да 1/2 мил. овец. Так я ему написал: одолжите, сколько в силах, — на перелет в Ам<ерику> — как сяду — тут же и верну чеком (без покрытия). 9-го посл<ал> — а он, гляди, уж и в «дальнее плав<ание>» отъехал, «в горние»?!

Ну, откажет — от меня не убудет. А если батюшка Преп. Серафим возьмет на поруки — долечу, и все будет ладно.

Ну, что Бог даст.

Многие уезжают. А Карт<ашев> с П<авлой> Пол<иэвктовной> в Menton'е! Им Григ. Ломако открыл почти даром церков<ный> домик — villa «Innominata»[274]... Почему это два облегчен<ных> греч<еских> ударения над nn? Воистину — «неназываемая». Знаю эту лачугу, — ужас! Повезли... постель, посуду, 2 кух<онные> печки! Ну, и рус<ская> косточка! — исхитряется... Пар<иж> пустой. Одни дешевые туристы, с мешками. Как вороны в жару, разинув РО'ты. Пьют отврат<ительное> пиво и гнусные цветные воды... гм...

Да, все урезаны. А подумать: удайся белая борьба — **все** было бы *другое*. Програчили «союзнички». Не было бы ни Гитлера, ни Муссолини, ни 2-й «Великой». И **какая** была бы Россия!.. Но... *все* в Божьем Плане.

Обнимаю обоих, милые.

Ваш Тон.

498

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<20.VIII.1947>***

20. 8. 47.

Сейчас, поутру, — авионное от еп. Серафима. Квота для русск<их> пока, временно, закрыта до 1 янв. 48 г. Для постоянной, иммиграц<ионной>, визы — посему, — длительные хлопоты. Легче — обычную «туристич<ескую>» визу на 1/2 года, с правом продления еще на 1/2 года. После надо **выехать** из СШ, хоть на неск<олько> дней, — обычно, в Канаду, и ждать постоянной визы. Предлагают хлопотать турист<ическую> визу и искать бол<ее> срочно «мецената». Надеются закончить мес<яца> чер<ез> 2—3. Просят — решить.

Ближайшее селение Jordanville — в 2-х милях (сколько это? — 3,5 klm?). Там можно бы найти комн<ату> со столом у... амер<иканце>в! Но это нелегко — жить у амер<иканцев> — не зная языка...

Вот и думаю... Но, м<ожет> б<ыть>, **устроится**... — уповаю. Мне нужен *родной* воздух. Без обслуживания мне трудно.

Дорогой Ив<ан> Ал<ександрович>! Не буд<ет> ли случая у Mrs. Ch. Bareiss — для ускорения визы? А я

здесь думаю добиваться через одну русскую, кот<орая> служит в Амер<иканском> Пос<ольст>ве — _24_ года! Оч<ень> уважаемая. М<ожет> б<ыть> она посодействует...? — не знаю.

Попробую. Но где пристать? Мне **нужна** Обитель, — **около**. И быть свободным. М<ожет> б<ыть> что и образуется... Посоветуйте. Я не знаю, сколько надо долл<аров> на мес<яц>. — При моей всегда оч<ень> скромной жизни. Ведь буду же что-то добывать!...

Предстоят издания и переиздания. Думаю поручить (просить) изд<ание> «Кул<икова> П<оля>» и «Богомолья» — обит<ельской> печатне. Тираж «Пр<авославной> Руси» — растет. Пошлют и в Европу. И не с пуст<ыми> руками поеду. Наскребу авось.

Еще пишет еп. Серафим:

«Если было бы спокойн<ое> время, то, конечно, лучше подождать и полгода, но добиться постоянной визы. Ну, а если вдруг...»

Вот, это «вдруг»-то..! Пусть хоть туристическую, на 1/2 года, — что легче.

Главное — *где* бы осесть... А я-то думал, что в Jordanv<ille> есть русские семьи!.. Подумайте, Вы — мудрый.

Ваш Тон.

499

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<16.IX.1947>***

16. 9. 47

Дорогой Иван Александрович,

Тревожусь: целую вечность нет от Вас отклика...

Получили ли крупу? Посл<еднее> мое письмо Вам было — 20 авг. С той поры впал в предельное **безволие**... — сил нет напис<ать> деловое даже п<ись>мо: так все и лежит, а тут еще завалили меня корректурой «Л<ета> Г<осподня>». Я в полной неврастении, все мне — **не надо**, «успеется», «скучно», «бесцельно»... Такого упадка нерв<ных> сил еще не бывало. В так<ом> сл<учае> мне, бывало, помогал спермин д-ра Пэлл и здешний доктор (ученик проф. Захарьина), старый и сведущий,

указал на это средство: «у Вас нет спермина в крови» — и оттого Ваш продолжающийся «почес», как следствие переутомления: «это невралгия кожных нервов». (Никакого рожист<ого> воспал<ения> у В<ас> не было! а был м<ожет> б<ыть> какой-нибудь choc[275]! — и переутомление.) Да, но средства нет. Написал в Берл<ин>, но каж<ется>, безнадежно: не допуск<ается> пересылка. Нет ли у Вас, в Цюрихе, или — что-нибудь соответственное? Spermine было удобно принимать — в воде неск<олько> капель! Чудесное средство. А теперь я — как высосанный... — нет воли *думать*! Часами лежу, без мысли. И надо железное усилие — заставить себя одеться, пойти за молоком. Но что я — о себе да о себе?.. *Что* с Вами?! Я — сиротею, не **слыша** Вас... Опять — *я*. *Что* с Вами? И кн. С. Труб<ецкая>, недели 3 тому, оч<ень> тревожилась, давно не им<ея> от Вас известий. Послала В<ам> открытку... Она, каж<ется>, отдыхала в Ит<алии>.

Что с Вами? Оба ли Вы здоровы? Голубчик — хоть одно словечко!...

Я — го-лоден без В<ашего> **окормления**.

Да, Вы и предст<авляете> себе... — один вид п<ись>ма — от Вас! — уже — свежее дуновение. А я, разбитый, и не поприветствовал День Ангела Наталии Николаевны... — пролежал без мыслей!

Ни-ку-да не поеду! Нет воли И все теребит, то-другое... надо отзываться... а я **хочу** — **заснуть**. Если бы не проснуться! Не «слово» это: **так** на самом деле: я так устал!

Стыдно писать — Вам! — такую дряблость... да так жизнь меня до-гло-дала! все силы выпила... М<ожет> б<ыть> еще и починюсь. 17 мес. непрест<анный> «зуд» округ прав<ого> глаза! Даже во сне — **слышу**.

Отзовитесь! Обнимаю Вас. И — из посл<едних> сил — пробую помолиться. Иван-Горюн.

Ради Бога, хоть строчку, что — здоровы: легче будет.

500

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<24.IX.1947>*

24. 9. 47

Что́, что́, что́ с Вами, у Вас? — Дорогой Иван Александрович!.. Хоть *одно* слово!.. Я в большой смуте, тре-

воге, в унынии... Не дерзаю беспокоить Mrs. Ch. Bareiss, но дерзну, если не б<удет> от В<ас> *срочного* отклика!.. Теряюсь в туче домыслов. П<ись>ма крадут?!.. Замучен **всем**... еще нашла врачиха «непорядок» в составе крови... б<ольшое> содерж<ание> белков<ых> веществ («мочевины»), протеинов (0,82 вм<есто> 0,30—35)... Диэта, уколы... Но это неважно... Главное — душа томится, а Вы — канули.

Выпало мне дать для спец<иального> № Р<усской> М<ысли> («Москва» — 800 л.) статью. Я отказывался (и **все** уклонились, — перед важностью задания: ***о Москве!***), но, слыша уколы и укоры совести, сознавая свою ответств<енно>сть перед читателем русским, не мог опустить руки — дал... и дерзнул взять чудесные строки из В<ашего> «О тьме и скорби», — конечно, оговорив в сноске — от-ку-да... Именно: «Есть древние города...» И ***как*** же это связалось с основным статьи!.. какой заключит<ельный> аккорд! Именно — *за-ключительный*. Не воспретите? не забранитесь?... О, не-эт... — да?...

№ предпол<агают> выпустить через неделю, № 25, субб<ота> 4 окт<ября>.

С трепетом, с тревогой говорю: откли-книтесь! Молю.

Все мое сердце с Вами, родные, милые.

Ваш Иван-Изнемогающий.

501

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<23.IX.1947>***

23/IX 1947

Дорогой Иван Сергеевич!

Или сам «спермин-пёл», или же его *химически адекватный* заместитель *вылетают* сегодня из Цюриха *авионом* по Вашему адресу. Мы не дома, мы на каникулах, но Ш<арлотта> М<аксимилиановна> все необходимое немедленно сделала.

Все еще не могу написать Вам как следует. В канун августа я заболел от чрезмерной и спешной двухмесячной работы и с тех пор еще не оправился. Работоспособность малая, душевная угнетенность, всевозможные нервные боли.

Очень пожалел о Вашем некрологе Деникину[276]. Храбрый и честный патриот, он

1) решительно несостоятелен был как правитель,

2) был чрезвычайно *личным* и *лично-мстительным* человеком, не останавливавшимся перед *наветом* и даже *клеветой* (его *четвертый* том[277] возмутителен по отн<ошению> к Краснову, его *пятый* том *безобразен* в отн<ошении> к Врангелю; я тогда же просил у Врангеля *разрешения* ответить Деникину *вместо* него, как человек сторонний и ответственный, тем более, что Деникин в I томе называет меня в числе пионеров белого движения; Врангель *не* позволил: «мы, белые, не смеем бороться друг с другом; судить меня с Деникиным будет Господь и будет история»; с тех пор Деникин *постоянно клеветал на Врангелевцев* и еще недавно по прибытии в USA возмутил всех нареканиями на ген. А. А. фон Лампе[278], будто тот работал с Хитлером — такая же клевета, какую возводили в Париже на Вас!!) 3) Деникин фактически *бросил* в 1919 свою разлагающуюся армию и спасся один на англ<ийском> судне.

Никаких оснований возводить его в святые — безгрешные — Александры Невские *нет*. И Ваш восторг поверг меня в глубокое удручение, о чем *не смею* Вам не сказать.

Как только почувствую себя сколько-ниб<удь> лучше, буду Вам писать.

А пока дружески обнимаю и желаю и надеюсь помощи Вам от лекарства.

Ваш И.

Спасибо за гречку! Дошла! Но она *Вам*, дорогой мой, *нужнее*.

502

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<25.IX.1947>*

25. 9. 47

Дорогой Иван Александрович, — слава Богу! Вчера послал В<ам> п<исьмо> — тревогу, предельную!!! — а сейчас, 10 ут<ра> — от Вас, хоть и **мало** *О* Вас. К главному из п<ись>ма... «Дэ мортиус аут бене, аут нигил»[279]... — Я соблюл первое; было «бенэ»... и для

сего я должен был считаться с повелительным требованием во мне: перед врагами и клеветниками — а их тьма темь! — не мог и намекать на «пятна», которые **есть**... Я исходил из того доброго, что было и есть в русском солдате... и закрыл глаза на большие недостатки. Не мог иначе, а неправды, поверьте, сознательной и приукрашающей, не **слышу** в «памятке». **Надо** было крепить **наш** дух. Я пробовал уклоняться, и не дал — «да» просившим у меня — «сказать о...» — от Бел<ой> Арм<ии> — но опять-таки совесть стала меня томить — ты **должен**! — и я заставил себя... Вы, уверен, имеете основания думать так о Д<еникине>, как пишете, и о Вр<ангеле> тоже. Я преклоняюсь перед чистотой и доблестью Врангеля! В наше жестокое и грязное время, — а когда, вообще, «время» бывало **не** жестоким и **не** грязным?! — но **ныне** все предельно — или — **без** предельно! — надо быть очень осторожным в «споре славян»... — это дело будущего, — а в **ныне** — сомкнись! — это повелевает. Грех Д<еникина> в отн<ошении> Вр<ангеля> — на его душе. «Личное» — всегда и во всем, у всех... и часто является мотором важным, часто и вредит — в русском деле оно и навредило! — но я исходил из **лучшего**-возможного, и оно было. «Победителей не судят»... — и войди Д<еникин> в Москву... — **все** было бы похерено в громе и пламени **славы**. Не было суждено... А я чуял, что мои слова могут как-то поранить Вас. Да, да... но и **это** меня не остановило. Я знаю: эта «памятка» будила доброе во многих душах... и — видит Бог! — я не корю себя...

А за «царапинки», кот<орые> могла оставить статья, — великодушно и благостно простите раба Ивана... Не толконите, если в ст<атье>[280] — 1147—1947 — усмотрите недостатки, они есть и вызваны грудой матерьяла... я отмахивался от этой статьи... но **нечто** повелевающее разрешило мои колебания. Опять «сгущено», б<ыть> м<ожет>, но так важно **отметить**.

А **все** уклонились под разными оправданиями... Я **не** смел уклониться. И не смел не привести вдохновенные строки Ваши... — простите за дерзание... но если Вам покажется, что я не смел привести из сокровищницы

Вашего духа... — уведомьте... и я, с **болью** — опущу... С бо-лью: так эти слова связаны с духом статьи!

Лечусь... Не могу **здесь** закончить «Пути», надо покоя... надо безоглядности... здесь их для меня нет. Надо отдалиться, надо уйти под церковные стены, к Обители: дальнейшее — в романе — **все** (содержанье-то!) под колоколами... нужен **воздух**... и вот, на краю стоя (сидя на санях), пускаться в плавание!... Молю Господа — укрепить... а пока все еще не решил... Чуется мне, что... **близится**... Что?! М<ожет> б<ыть> **все** спасение — м<ожет> б<ыть> и полное крушение... — ?! Страшусь... немею... **жду**... Соизволит Бог — не отмахнусь... и жду, чтобы **само** как-то опредметилось. А пока вбираю — и к<а>к медленно! — «права»-бумажки... Ведь в **пустоту** рвусь, м<ожет> б<ыть>, где никаких родных пока не вижу... Но обрету...? Много там у меня читателей... поддержат...? Каждый день убеждает: **всюду люди**... И — м<ожет> б<ыть>... — все Мож<ет> Быть!!? — найду заводь для тихой и последней моей работы. Дай, Господи!..

Раньше весны вряд ли двинусь... если буду здоров.

Напишите со всей откровенностью Ваше слово о газете: *какие недостатки*? укажите, **что** и как надо. Есть недостатки... но есть много и укрепляющего. Обилие писем в Ред<акцию> — поддерживает. И видим, как нужна даже такая куцая, такая «любительская» газета. Самое показательное: тираж «Р<усских> Нов<остей>» катастр<офически> упал. За летн<ие> месяцы «тишины», когда наш тираж упал на 100 экз. — «Русские — ?! — Нов<ости>» потеряли свыше 800!!! Одобряют, что в Р<усской> М<ысли> нет «крика», плевков и проч. Так пишут почти **все**... Газета влачится, но, начав — к<а>к теперь выяснилось, *без гроша* — !!! — вышла в 23 №№ — затратив свыше миллиона!.. Читатель **дал**. А к<а>к расплачивается — судите сами: за эти почти полгода, за 12—15 статей, я получил... 4 тыс. фр<анков>!

За лекарство о-чень благодарю Вас, передайте Ш<арлотте> М<аксимилиановне> — оч<ень> тронут ее всегдашней готовностью помочь!

Ваш труд — и ка-кой! — «О тьме и просветлении» — великий свет. Не снилось русской критике такое глубо-

кое и такое **художественное**-творческое исследование! Это же для многих-многих — откровение. Неужели будет под спудом?!.. неужели не найдется «меценатика»?.. Стыдно держать такое в укрытии. И<ван> А<лександрович>! — да **надо** же выпустить!.. что стоит хотя бы «Кул<аевскому> Фонду»!.. Ну, барыша не возьмет... да, ведь, ско-лько вложит!.. — в душу-то! ведь это же — **свет**!.. Вот, видит Бог, говорю не потому, что Ш<мелев> **дан** так отмеченно... поверьте!

Гречки еще пришлю, — хва-тит!

Присоветуйте, **чему** бы посвятить особливый № Р<усской> М<ысли>. Надо воспитывать молодежь. Ознакомьтесь с «московским» № — и скажите. Надо, чтобы газета оправдывала свое именование — «Р<усская> М<ысль>»! Я сознательно не впустил в свою статью никаких «крючков», «зацепок»... — дабы был **вес**. А сколько поводов, и сколько матерьяла!.. насилу выбрался из-под груды. О сем надо б<удет> исследование писать... И еще о смешивании России — «Москвы» с «правителями»! Весь мир сознательно мешает все в одну свалку, и когда читаешь — «Москва» то-то и то-то... — по сердцу режет. Далась им Москва! И это исстари: московитяне и московиты... Захватана «Москва»...

Отыскал гениальную... карикатуристку... мою чит<ательни>цу... в Холливуде. Если бы взялась она иллюстрировать «Конька-Горбунка»!.. — загремела бы. Будь я Ч. Диккенсом, поручил бы ей своего «Пикквика»!... Какое обилие дарований в русских людях!.. Я Вам пришлю ее ранние работы, из харб<инских> журналов, — посудите сами! — потешитесь, уверен. Только верните мне. А Ваш глазок не упустит ни-чего! какие там зверушки!... какая сила движений! — **все живет**. Какая рисовальщица!.. не знаю, какова она в акварелях. Мечтаю издать «Мэри» или «Марса» — с ее илл<юстрациями>. Если бы она дала «Кон<ька>-Гор<бунка>» — даже без текста... — вот и деньги, и слава. Америка любит юмор, и я дивлюсь, как до с<их> п<ор> ее не пустили в работу... хотя не раз обкрадывали — **не** амер<икан>цы, а — свои. Все ее «картинки» на русской выст<авке> были проданы, а деньги украли. И еще один еврей мексик<анский>

заказал две картинки, а расплатился чеком, кот<орый> нигде не принимают!...

Сейчас ей заказана картинка — м<ожет> б<ыть> и плакат рекламный, — и заплатят 150 д<о>л<л>. Работает, как рисо<вальщи>ца, в одной из студий. Страшно талантлива, и — прелестна. Беглянка из Харб<ина>, перелетела с семьей редактора «Рубежа»[281], харб<инского> журнала, в Калиф<орнию> перед войной, в 41 г., поработала и на фабр<ике>, и в семье миллионеров америк<анских>... — подружилась с Мэри Пикфорд, но... **как русская**, никак не использовала... но, главное, оч<ень> умна! сама мне написала... это — карикатуристка-то! — «с трепетом», давно хотела, и вот, «расхрабрилась»: «Лето Госп<одне>» и «Богомолье» — т<а>к и пишет — «мои настольные кн<иги>» — «каждый день читаю две-три главки»! Прислала мне свэттер и — кой-чего, от своих, конечно, грошей. Ах, милый, каждый день открывает мне новых друзей-читателей — и в Ам<ерике>! — повсюду.

В Ам<ерике> я хотел бы прочесть — своим и чужим... — обучился бы англ<ийскому> произношению, а по-франц<узски> смогу легко. Перевели бы мне, и я — поставил бы над «i» много точек! В Аляску смотался бы... повидал бы национ<альный> парк «Юсимити»[282], — ну и «сэквайи» там, автомоб<или> проезжают сквозь дупло! медведи косолапят на воле... зайцы куролесят на лужках, птицы по головам скачут... какие водопады!.. эх, поглядел бы...!

Смерти и смерти... — все подбираются... а **там**[283] и смерть забастовала. Не берет главных! В заговоре? устрашена и смерть?.. Во-как.

Напишите о себе, о планах... о работах. Писали о «движении воды»... затребовали рукописи... Скажите прямо, что... улучшились ли «Пути» в нов<ой> редакции? Знаю: много недостатков... и не удастся мне «опыт духовного романа»... хоть чуть коснуться... и надо как-то завершать... Идет коррект<ура> «Лета Г<осподня>». Выйдет книга в ноябре... 3 части: I — Праздники. II. — Праздники — Радости. III. — Дни скорби, —

посл<едние> 9 глав. Так что Ваше замечание принято к исполнению, — отделил все же.

Еп. Серафим нашел уже нечто для меня: двое твердо (!?) обещали: один — 200 д<о>л<ла>р<ов> — 100 д<о>л<ларов> — «на перелет». Обещают как-то устроить. Нне знаю... на неопределенное не поеду. Обещ<ают> даже купить готов<ый> домик в 2 комн<аты>, — «кабинку» со вс<ем> комф<ортом> — «поставите, где хотите, и живите себе бл<из> обители!» У них ферма, до 70 к<о>ров. Даю в «Пр<а>в<ославную> Русь», — конечно, gratis[284]. Журн<ал> растет!!! Он дает-таки порой оч<ень> интер<есно>! Обнимаю обоих. Привет Mrs. Ch. Bar<eiss>.

Ваш Уповающий Жан.

<Приписка:> Напишите, к<а>к работа над «Фил<ософией> Рел<игии>». И есть ли возм<ожность> — нов<ых> изданий? Выгребаюсь из подавленности, но — пока почес продолж<ается>, м<ожет> б<ыть> и уймется... 18-й месяц!

<Приписка:> Вы писали, что В<аши> голов<ные> боли кончились... теперь пишете — нерв<ные> боли! — в чем же дело? К<а>к надоело лечиться! Не ем ни мяса, ни яичка... — это плевать. Лишь бы — **писалось**!

Узнал о нов<ом> замеч<ательном> средстве от «язвы»... боли! — придется пробовать. Нем<ецкое> открытие!...

503

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<27.IX.1947>*

27. 9 47. Вечер.

Дорогой Иван Александрович,

О-чень благодарю за заботливость Вашу, — благодарю и отзывчивую Mrs. Ch. M. Bareiss: вчера получил поясняющее п<ись>мо dr. Lang'a, а сегодня лекарство, итальянской марки. Пока должен погодить, до решения д<октор>ши, прописавшей мне «чистку печени» — Chophitol'ем (12 уколов ежедень, при строгой диэте). Это нечто от артишоков... (Ни мяса (не ем мес<яцев> 5, — разве ломтик-другой в неделю ветчинки съедал) — ни

рыбки, ни яичка на время уколов). Гонит сильно... Самоч<увств>ие получше, спокойней, — будто даже и зуд — реже... — и могу думать и как-то держаться — в жизни, а то — подавленность небывалая! Курево свел к 2 пап<иросам> в день, деля на дольки. А все для того, чтобы войти в силу и закончить труды...

Очень прошу, не откажите выслать заказ<ным> «Рожд<ест>во в Москве», Вам и Н<аталии> Н<иколаевне> посвященное. Ленивец, не оставил копии, *перерабатывая* с 1-го списка! А я уже решил — именно Ваш список напечатать во-1-х — в «Прав<ославной> Руси», в Рожд<ественском> № и во-2-х в «Рус<ской> М<ысли>» (на Рожд<ество>). Имею право, т<ак> к<ак> это во многом переработанный список, в сравн<ении> с печатавшимся. *С В<ашего> позволения*, оставлю **посвящение**, «да ведают потомки православных...»

Знаю, ***как*** благостно этот рассказ действует на дух! Не раз имел подтверждение сему. Буду ставить обоим изд<ательства>м условие: никак не делить на 2 № — **целиком**, а то ***все*** пропадет. Не возражаете?

Очень такожде прошу Ваш диагноз миров<ых> событий. Чего ждать — и **когда**? «Не весте ни дня, ни часа...»[285] Оч<ень> важно: выступление 7 сент. Пия 12-го (см. «Р<усскую> М<ысль>» от 27.9). Раз ***так*** — жди **игры**! Это уже **акция**, это уже *ре*-акция! А посему — «бди». Все взвешиваю — и вижу: «давай пару, машинист!» Плачь — не плачь, а Стр<ашный> Суд — вот он. Судьбы Р<оссии> — взвешиваются. Иного **пути** и нет: до сего довели сами **держатели** Весов. ? лишь в сроке: **неизбежно**, как mors[286]. А посему — каждый сделай и **личный** вывод. Недавно слышал об одн<ом> рус<ском> докторе... — рыдал, рассказывая — **что** пережил за эти стр<ашные> годы, с 39-го жил в П<оль>ше. Рыдал, к<а>к ребенок, и трясся... озираясь... Все, все... все **готов**... (он теперь в *черной* работе), *не* ***это*** только! *не* — ***там***!... О, **они**... **они**... до конца дней нужники готов руками чистить... только не видеть «**их**»... Мистич<еский> ужас. Я его (ужас-то) **знаю**... **знал**!... М<ожет> б<ыть> — **должен**! повториться **здесь**. В «Сол<нце> М<ертвых>» я — вначале! — говорил о Европе и — оправдалось: «И ты,

Лондон гордый...» — и еще — «Не закачайся, Лютеция, корабль пышный...»[287] — писано в *23 г.* — четв<ерть> века тому! Мышь точит неспеша, но **верно**. Если Папа «заерзал»... — жди **игры**. И — «бди».

Ответствуйте. И ведайте: будет **игра** — и «щастл<ивая> стр<ана> шви<царов>в» буд<ет> смята. Ибо — **что**, как<ой> нейтралитет мог бы остан<овить> «посл<едний> и реш<ающий> бой»? Ведь ставка будет ва-банк. А посему, прочтите в № 24-м Р<усской> М<ысли> ст<атью> *эмигр<ан>та*[288]. Буд<ет> предпис<ано> оставить всюду — **пустыню**. Дьяволу все равно пропадать: чем рискует?! А посему: — «Так громче му-зы-ка... играй по-бе-эду!...» ***Все*** сжечь — *это* и есть **победа**. Все **убить**.

Будьте здоровы и вду-мчивы.

Ваш Вещий. Хоть и не Олег, а —
чуть Кассандра.

<Приписка:> А не находите ли Вы, что мышление и, в частн<ости>, журналистическое, потускнело, **забыв** «мифы класс<ические> древн<ие>»? Какие образы! Какое все «к месту»! Что посоветуете мне взять на рус<ском> яз<ыке> о «Мифологии»? Пожал<уйста>, ответьте, хочу освежиться.

<Приписка:> Как важно обогатиться — древним! Какой *опыт* заложен в **Мифологии**!..

2-ое остережение! — следом.

И еще, еще...

Что-то, милый друг И<ван> А<лександрович>, **движет** рукой моей, и она, неудержимо, выписывает: — S.O.S.!!!..... С чего-то вступило в голову — забытый «бред» Д<окто>ра М<ихайлы> В<асильича>ча — ясновидца — «часы *Гладстоуна*[289]»... *глад*-стона'а. Зри!... «До-хо-дят...» и Крэбс[290]... **свое** возьмет. А посему — S.O.S.!!!

Вспоминается мудрая крыса Онуфрий... — «И, собравши своих мышенят, убралася с ними в подполье...» И К<озьма>-Прутковское — «бди». И поздно будет щекотать себя — «Не унывай, жандарм!»'-ом. Это уже финал-истерика... Да, конечно: «лучше до к<он>ца дней **руками чистить** н<ужни>ки». Но зачем такая край-

ность, когда можно всасывающим аппаратцем?.. «Блоки» — налицо. «Блоки»... — а посему: будьте пло-хи... бо уже повсюду **блохи**... Что же я тут **могу**, когда я — **вижу**?...

Ежели уже «Пий»[291] проснулся — да еще и 12-й, — значит, как бы, знамение: бьет XII-й ч<ас>. Засим будет *Выпей* 13-й. Это и есть сам **Он**. С фрески Луки Синьорелли[292]... Сей сеньор был **заряжен**. А люб<опыт>но бы знать, **что** писал Турман — В<еликому> Инквиз<ито>ру, и что В<еликий> И<нквизитор> — Турману. И как бы сей Т<урма>н не полетел т<урмано>м[293]?... А Пий не застрекотал бы сракой[294] (перев<од> с фр<анцузского>, дов<ольно> свободный). И вже не высекают ли надгр<обный> памят<ни>к Сифилизации? Объявлен, б<ыть> м<ожет>, уже и конкурс... Ежели Andre Vichy могёт так «печатать» и «на всем честном народе» — «Во саду ли в огороде...» то..... — ! «Что там ни говори, Митревна, а кость в ***ём*** есть!...» (из дерев<енского> анекдота, неудобь-печатн<ого>). Если нет ат<омной> б<омбы>, то хоть 1/2 а<томной> б<омбы>, а есть. Ежели **так** начали саму Америку **крыть**... — знать, железа хватит. Договориться до: «Заковывать в кандалы...» (прилагая Fig<aro>[295]) — нет, это симптоматично. К<а>к ни как, ведь все же в «гостях»... — и плевать в морду «хозяевам»! Лакей — исп<олняющий> волю пославшего. Но... м<ожет> б<ыть> и перестарался... Как же **они** б<удут> ре-агировать? Ретира-дой?.. Так вот и прикиньте: ежели — пока — **так**... лают, **как** же они будут — кусать?... Нет, это не спроста: это не «гарцование» — кому терять нечего, это — «очертя голову»... — мухи чуют 1 сент<ября> («похор<оны> мухи», в деревнях), и — кусаются. Наплевал лорду — в морду. Так **что** же бу-дет, ежели хоть на-срок где-то (хоть в Евр<опе>) **победа** их будет? Натешатся вволю. М<ожет> б<ыть> это и заслуженно, и даже о-чень, но я **не** хотел бы до сего дожить. А посему... решить должен. Тревожно одному пуск<аться> в плавание. Воздыхаю: «вразуми, Господи!» И ты, Иван-Великий, укрепи. S.O.S.!...

Добра не жду. Sic. И **все** это — терпится. Да в былое-то время за такое «испускание» в ухо бы дали: ultimatum — 24 ч.! «Я ему вежливо — pardon, а он мне в

ухо!...» Нет, S.O.S. Перед ва-банком **они** желают планетарно наскандалить. Ибо — почти безнаказанно. «Мы, говорит, Турманов видали..., как они вверх-тормашками летали!» — В кандалы! Во-как!... А что **они** с Пи...ем исделают.

Почему я не карикатурист! а лишь... Пессимист.

504

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<11.X.1947>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Ваша «московская» статья *превосходна!* Украшение! Достойное украшение (глупо) составленного номера (чего там нагородили!.. всякого, кто о какой-ниб<удь> московской улице словечко уронил!). Заключительная цитата была мне радостна: выкатилось наше братство «двух Иванов»...

С 13 окт<ября> (вечером) мы будем опять жителями нашей оседлой квартиры. Обоим повезло: оба отболели гриппом в каникулярную поездку. У меня еще тянется.

Будьте добры, дорогой, и напишите опять Ваше художество! Я очень надеюсь, что лекарства Вам помогут. За тождество «сперминства» ручаются. Скоро напишу еще.

Душевно Вас обнимаю.

11/X 1947

Ваш И. А. Ильин

505

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<14.X.1947>***

14. 10. 47. Вечером.

Рад, что «о 800» по душе Вам — да и оч<ень> многим... — что не посетовали на мое дерзновение дать выдержку — чудесную! — из В<ашего> нов<ого> труда. Она так округлила-завершила — статью. И, конечно, **внята** по достоинству. А я запрашивал В<ашего> разрешения, да не получ<ил> ответа! — дерзнул-таки. **Не мог** иначе... — Не ответили, как нашли карикатуры, а мне оч<ень> нужно. Хоть «два слова». Я — я **чую** — дарованье. Думаю — поразвлеклись все же. Что поделаешь:

оч<ень> даровитое дите в лужице, пока, плещется, — девица-то из Холливуда!.. У-мная... Оч<ень> прошу — дайте на срок «Рожд<ество> в М<оскве>», надо списать и послать «Прав<ославной> Р<уси>» — на Иордан. Верну быстро. *Просил и высказаться*, как нашли нов<ый> список «П<утей> Н<ебесных>» и — будет время — вернуть мне.

Правы Вы, навалили в юб<илейный> № всяк<ого> жита... к чему Тург<енев>, Чех<ов>..? А сколько можно было д<ать> из Толст<ого>! — Ключ<евский>, — не боясь «хрестомат<ийнос>ти»: 99 проц<ентов> всяческ<их> «эмигр» — темным-темны... — надо **питать**. Не забывать, что «Д. П.» **рвутся знать** Р<оссию>. Я чуть конспектно тронул... б<ыл> устрашен горами матерьяла... — выжал донельзя, нельзя иначе: ги-зет-ное... И разворошил себя, ду-шу... мысли... И — ка-кие выводы!.. Да где печатать... да как **ныне** писать, когда все трясется?.. Да-а... — **великое** обнажается, **дается** нам как бы апокалипсически... — : мы давно в **Откровении**. И как же оправдывается чуянье **наше** о назнач<ении> России!.. Ныне — как ни-когда! Вот **оно**, **ощупай**!.. Да, «тайна» совсем открылась. Сколь знаменательно — если одни «мелочи» взять... — это явление «Д. П.»!.. Россия **пришла**... и увидит и ее увидят... Вот оно «столкновение»-то Россия—Европа... Вы чувствуете, как **Православие** — в микрокосме пусть! — **идет** и — в него всматриваются?.. Это «явление» сколь чревато! Ведь сотни храмиков, тысячи молений, — до священных стенаний — может ли все это даже... — **мимо**?!.. О, нет. Какая величайшая ответственность ныне на нас!.. на всех!! — и особ<енно>, на пастырях!.. Какое страшное и наисвятое бремя на М<итрополите> Ан<астасии>! на многих-многих!!! Ведь *продолжается правосл<авная> миссия*, отпочковываются «обители» и скиты... но уже — к Западу! И я **чую** — как выпрямляется душа русского интеллигента! Это выпрямление уже давно, но все идет ускорением, с XX века... — ныне... — мчится... Пушкинское — «мы обязаны монахам нашей историею, а следст<венно> и просвещением...»[296] — всегда верное, ныне — расширяется и углубляется: пусть сейчас — пока — входит в нед-

ра чуткой части европ<ейского> челов<ече>ства лишь «натуральное правосл<ав>ие», — но толчки уже сейчас должны давать следствия. События посл<едних> 3—4 лет бросили снопы космического **света** на весь мир, — для меня, по кр<айней> мере. И в эт<ом> **свете** вижу — провиденциальное: ныне уже не всемирная история, нет... — а космическая, апокалипсическая... — в голову кружащем, душу возносящем, глаза ослепляющем... Божием Плане. Последствия не учесть... так **все** космично-апокалипсично, провиденциально. Нет, не всуе миллионы-миллионы жертв... — кровь их — искупление за всех и за вся... **Все** будет — **оправдано** — м<ожет> б<ыть> — Новым Воскресением... — !? — мира?... — через Правосл<авную> Русь-Мученицу, через ее Голгофу? Ведь ныне как бы «сводятся», воплощаются, выправляются, верования-мысли десятка русских мыслителей, ломавших голову и душу над Вопросом — назначение России, отношение Р<оссии> к Западу, споры о культуре и цивилизации, о теократии... о... «богочеловечестве...» Встали бы... поглядели бы... — западники, славянофилы... от Чаадаева... Одоевского... Гоголь — ско-лько в «переп<иске> с друз<ьями>»! — Герцен, Аксаковы, К. Леонтьев, Данилевский, Достоевский, Страхов, Толстой... даже Михайловский... Тот же Розанов... Влад. Солов<ьев>... — сколько поднято-взрыто!.. и вот, — смотрите — **как уже видно**... — **куда** и **что**, и — почему. Сейчас надо все, все примечать, ловить... — огромное вершится. И как глухи и слепы — хотя бы микрокосмик, все забывший... — туземия здешняя! да и утр-мср[297]... Но *нам* надо внимать... Расписался я...

Да, здесь тряс, м<ожет> б<ыть> будет и потоп... Сейчас — беспутье, остановка транспорта. **Трясут**!.. Значит — **едем**... К<а>к хотел бы быть — в тиши, **вне**... собрать мысли... и **все** высказать!.. Здесь — нет места и — «времени». Нет... **сезона**... Остановилось все в Пар<иже>. Попробовали бы у-честь, ско-лько **брошено** на ветер... времени, сил, сердца, жизни... в многомил<лионном> граде! Пешком.. да при лишениях-то!... — и все из ни-че-го!.. Не захотела «группка» подождать пятницы, назначенной почти-левым правит<ельство>м...

остановила **все**! — поднятием рук, в нарушение синдикального же правила о забастовках... какие-то 5—3 проц<ента> из всех транспортников!.. — чуете, **откуда дано**?!.. и для чего!? и это **за** 5 дней до важных выборов!.. В четв<ерг> — жди остановки морской торг<овли>, а там, д<олжно> б<ыть>, и жел<езных> дор<ог>... — помните — «викжель»-то[298]?! Старый знакомый. Ложь, обман, дьявольщина. «Поджаривают» франц<узский> кюль[299]. Вот они, цветочки — пока. Но... и ягодки будут. Здесь **все** младенчески глупо... и близоруко. Знаете, уже го-тов **плод**... — стряси. Ясно. И не надо быть «онуфрием»... а «собравши своих мышенят...» — не поздно ли..?! «Кот» уже валится...... на «оратора».

Какие тут «ху-до-жест<венные> помыслы»!.. — да еще в болезнях... Вот, все примаю против «протеинов»... будет анал<из> крови... а все «зуд»... Принимаю — неделю — «спермин», мне так отзывчиво посланный... — чувствую больше спокойствия и сил. Ниск<олько> не возбуждает. Ясно, что пополняет сникшую работу эндокринных желез, столь важную!.. Благодаря эт<ому> спермину и пишу-то Вам, а то... никакой воли не было!.. а о длит<ельной> работе, настоящей, и не помыслю. Вот уже месяц не ем даже ломтика ветчинки, ни яичка... — постник, но ослабления, сл<ава> Богу, не чувствую. Иногда — будто и меньше зуда... не учту. Но к мясу уже **не** вернусь, довольно. — Большое дело делает «Пр<авославная> Русь» в Жорданвил. Дивный подвиж<ник>-миссионер — архиеп. Виталий! Напишу о нем.

Мои планы — «в воздухе» — пока ничего не выясняется. А теперь и по хлопотам — не найдешь. В воскр<есенье> поехал подышать... была лишь «частичная» остановка метро, а автобусы все ездили... и я потратил туда-обратно (30 килом.) на езду — 7 часов!... чтобы побыть на возд<ухе> — 3 с полов<иной>!.. — и чуть меня не сплющили в редко ходивш<ем> поезде метры. За эти 3—4 дня «частичной» — тогда! — забас<товки> — масса жертв! проламывали двери вагонов и вываливались на путь, — о сем не пишут, а лишь: «бюскюлад»[300]... Сколько поломано ребер, помято печеней, сдавлено грудн<ых> клеток, сердец!.. вывихов, переломов...! Что ныне творится на площадях!.. —

тысячные толпы «ожидающих» пассажиров... А с продов<ольствием> что станется!!! А приходящие поезда, на вокзалах — светопреставление! Сколько простуд, внезап<ных> смертей, потрясений, убы-тков!... утрат!!.. — не сосчитать. И все это от «горсти» — «на приказе»! И вся печать — и не только — почти все всё **знают** или — домекают!.. И уже пишут, что **там** — попробуй-ка побастуй!.. Зна-ют **все**... — и... пока... Рамадье[301] объявил, что угрозам «не уступит». А дальше..?.. Повторение пройденного. А **там** — ха-хо-чут!... и воротят, как хочут. Да какое же тут удовольствие — пре-бы-вать!.. С яростью примусь выдираться, — только — чуть наладится «до **срока**». **Вижу — все**.

И все же — самое **главное вижу**: **откровение**! на, ощупай. Вот **оно**. Это уже вел<икое> утешение: сгинешь, да... но помни: ты был удостоен **видеть**. Помни и другое: не в пустоте живешь, — в **СМЫСЛЕ** (хоть все как бы бессмыслица): **все** будет! мост на **ту** сторону — строится... — в Новый Мир нового человеч<ест>ва. Это для — **зде**. А **ТАМ** — о, несомненно! **ЕСТЬ**. Дыхание Твое слышу, Господи!.. даруй силы исполнить ВОЛЮ ТВОЮ.

Уж именно: «... в его минуты роковые...»[302] — повезло.

Вот и вспомнишь народное: «*слава Богу*, никаких событиев». Ка-ка-я **правда**! Так бы и **плюхнулся** в... 80-ые годы! Рай!!.. А... «соц<иальный> вопрос»? — В Каховке лежат — спят на солнце, **ожидающие** найма: на пятке — 1 («рупь, а то не трожь!»). А «любители» — «сле-зы лили» (см. «Сладк<ий> мужик»[303]). Теперь этот — «не трожь» — устроен. И слез не льют. Гнет был... Да что уж — азбука. В «2-х Иванах»[304] **все** дано. Как-то раскрыл... — ахнул, и — душу изранил.

Напишите, что работаете. Нет от В<ас> — лишение мне, тоска. К<арташев> вещает многое, но не примаю его «кустарной дипломатии». Ожегся, давно. Умен, но не силен в «выводах». И как он не использует большего, ему отпущенного? (м<ежду> нами!) Я его люблю, но... — где же **итог** за эти 30 лет?! А все ссылается: «задавлен лекциями!..» Сколько я его теребил, урекал, старался зажечь... толкал на то, в чем он — **свой**... — нет! Да напишите о... Православии!... — нет. **Ныне** — сколько

всего! — ка-кой о-пыт!... — и ско-льким **нужно** самое элементарное!... Руками-ногами пиши, раз ты **призван**. Вот Вы — не зарыли **талана**, — да-е-те.

Обнимаю.

Ваш Онуфрий.

<Приписка:> Читал сейчас ст<атью> Е. Н. (Еп<ископа> Нафан<аила>...) в Сборн<ике> «Воздвиж<ение> Креста». По поводу библ<ейского> кризиса Карташева... — ну, и раскатал, растоптал!... Читал я **эту** книгу[305]... — одно скажу: лучше бы... заняться **своим**... и ско-лько его! И так много других «ковыряльщиков».

<Приписка:> Пожал<уйста>, не забудьте моей просьбы, — пошлите мне «Рожд<ество> в Моск<ве>», Вам с Нат<алией> Ник<олаевной> посвященное: мне надо переписать, т<ак> к<ак> я, перерабатывая рассказ — увы, не сделал отпечатка, *для себя*. Теперь я решил напечатать этот **новый** список в амер<иканской> «Прав<ославной> Руси» — и, м<ожет> б<ыть>, в «Р<усской> М<ысли>», в рожд<ественских> №№. Я верну Вам незамедлительно. От «Пр<авославной> Р<уси>» уже получил «спасибо». Там же буд<ет> печататься новый список «Кул<икова> Поля» с Нов<ого> Года, в семи-восьми №№. «Р<усская> М<ысль>» — за все, что я бесплатно (за гроши — 4 т<ысячи> за 1/2 года!) дал газете, отнеслась ко мне небрежительно!.. Да, да. Я им дал для 800 — 20 строк еще — «На Кремль, с Б<ольшого> Кам<енного> моста»[306]... Вы цитировали их: «Что во мне бьется так..?» (мое чуянье былого, когда я сам к<ак> б<удто> стоял на стен<ах> Кремля). И редакция *не* поместила его, «за теснотой» (!), дав место *пустому* отрывку из Турген<ева>. И во 2-ой раз поместив заметку Зеел<ера> о см<ерти> Штерна[307], с портретом. Я им написал упрек, что «пропад<ает> охота продолжать»... — ***без*** ответа! Каково? Что за богачи!.. Так швыряться!

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Ответьте, дорогой, о «П<утях> Н<ебесных>» и о художнице.

506

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<30.X.1947>*

30 октября 1947 года

Дорогой Иван Сергеевич!

Письма Ваши дошли, спасибо! Не сразу послал Вам рукописи: пережидая возможную забастовку в Вашей стране. «Рождество» пошло 20 окт<ября>, «Пути» II том — 25 окт<ября>. Заказными. Очень надеюсь, что теперь все дошло...

Пишу мало, потому, что работаю много. А на то и на другое — не хватает. Я еще не оправился совсем от двух крахов — переутомления (конец августа) и гриппа (конец сентября —... и поныне). Очень большая утомляемость + фённые *мигрени* (это высшая степень скудоглавия, психически депримирующая[308]...). А между тем — продолжаю писать — презирая все — в несколько струй...

О «*Путях*» *в переработке — не сужу*. Чужая художественная лаборатория невторжима. *Ваша* — в особенности. Вижу, что́ Вы со своим детищем делаете, *чего* Вы от себя требуете — и жду окончательного. Скажу только одно: чем больше героиня *показуется* в своих чувствах, словах и делах, и чем меньше она *восхваляется*, чем меньше она *восторгает окружающих* — тем она убедительнее. Ибо *восторг* ее зрителей, рассказанный в романе, *освобождает читателя от восторга, антиципирует*[309] его оценку и испытывается им как навязываемое автором преклонение. Минеи Четьи — пантеон праведности — но *не* художественный, а педагогический пантеон — в этом их слабая сторона.

О рисовальщице. У нее есть некое чувство комического и некая даровитость в беспомощном (с точки зрения рисовательской) рисунке. Но *темы*, беспокоящие ее рисовательскую потребность, до такой степени *постылы, пошлы* и *художественно беспредметны*, что рисунки ее вызывают в душе что-то вроде духовной оскомины. Не скрою: смотрел их с чувством протеста и даже отвращения. А между тем — художник начинается не в линиях и красках — а в *теме*: скажи, какой предмет зовет тебя — а я скажу тебе, что́ из тебя *может* выйти. Помните в

Возрождении стихи Горянского? Вот был бич Божий — почитаешь — и разлюбляешь поэзию... А стихотворный дар — был. Стихотворный — да не поэтический; и не духовный; а потому и не художественный. Он стихами чесался; а этим *не* чешутся!

Завидую Вам: Вы видите и прозираете многое за этим хаосом смятенных народов, ожесточенных душ и злодейских затей. А я — захлебываюсь — от отвращения, от чувства собственного бессилия, от отчаяния.

Газета («Р<усская> М<ысль>»). Чего им не хватает? *Все-го!!* Идеи, национальных и религиозных корней, чисто-газетного замысла, чувства вкуса, чувства ранга, гражданского мужества, субстанциальной *русскости*. Словом — всего! Какая-то «паштильная паштиня»[310], в которой шевелятся несколько «паштильных ведмедёв». *Бездарны. Тайные католики.* Между прочим — им потому и Шмелев приемлем лишь в малых дозах — а то опекающий их редакцию иезуит будет недоволен. Им масонский душок приятнее русско-православного. Фальшивая компания. Люди *без окончательного* Да и *Нет.* И большевиков-то как-то больше из-за угла за пятку покусывают. Куснет — и спрячется; и опять выглядывает.

Вообще эпоха такая — после 1945. *Писатель* молчит, а читатель пишет. Но читатель «своих» не имеет; он вечный «столовщик» в чужих кухмистерских. Писатель есть *мыслитель*; а читатель — «критик» чужого, без своего. И вдруг читатель вылез и начал...

Вы видаете писания «нац-мальчиков»? Журналы «По*се*в»[311], «Слушай»[312]? Вы читали *Доктора Левицкого*[313] о «солидаризме»? Знаете — бывает: тошнит — а желудок пуст. И выходит человек (pardon!) — в *пустоблюи*.

Страшно сочувствую Вашему *полету* в страну Виталиаду[314]. И если домик строят — *берите!*

Но во что *не верю* — это в водворение хаоса в Вашей теперешней стране.

На том многоточие. И точка.

По-советски: «ну — всего! и пока!»

Обнимаю. Мучаюсь и работаю.

Ваш И.

А. В. Карташева «Ветхозаветная библ<ейская> критика» — читал и *очень оценил*. В «разнос» этой книги не верю. В компетентности «разносящих» сомневаюсь. Но сие не для письма, а для *долгой* и *научно обставленной* беседы.

507

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<11.XI.1947>***

11. XI. 47.

Дорогой Иван Александрович,

Ваше последнее п<ись>мо — совсем «фэн»ное: все и вся раскатали! — и я **умылся**. Бог даст — образуется. А с «художницей» поступили, прямо, немилостиво. В чем в чем, а в «отсутствии рисунка» — не могу принять упрека ей. «Силу рисунка» признал А. Н. Бенуа и предрек: «большой иллюстратор может выйти... хочу видеть в красках». На его ответственности, понятно... А что касается «пустоты темок»... — так, ведь спрос такой был, для журнальчика в Харбине и для полубульв<арной> газетенки, — она изнывала от сего. Да и девчонка совсем — тогда ей было лет 17.

И к газете несправедливы... «за пятку» кусает..? Да посчитайтесь с местом и временем: тут и «пятка» в цене. А что до «идеологии»... — силятся... а сил-то нет. Вот, натолкнулся я на одного литератора, — может выйти толк. Только бы про-толкнуть в газету. И умен, и с порядочным запасом мыслей, — по образованию — философ<ского> факультета. Великий Ваш ценитель! — **все** знает Ваше. А посему я соблазнился и дал ему — Ваше обо мне, из «О тьме и просв<етлении>»: Вступление к В<ашему> величественному труду, потом о Ш<меле>ве — и — послесловие. Он все вы-пил, смакуя. И — неожиданно, с чего и начался мой интерес к нему! — принес и прочитал мне статью о Вашем ӧвре. Я не мог не одобрить. Теперь вопрос: *он просит Вашего разрешения: разрешите ли попробовать предложить статью эту* газете?! (NB: ответьте!!!) Для меня это было бы к месту, тем б<олее> что скоро выйдет «Лето Господне», — о нем он просил меня — позволить написать. Разрешите? Без

Вашего «да» — **нельзя**: книга не появилась, Ваша! Но статья была бы полезна, как извещение многих Ваших читателей, — ждите, мол, и предвкушайте! Я сам буду редактировать. Поверьте: приложено будет самое тончайшее внимание — благоговейно сказать о Великом. Можно?..

Я дерзнул дать из Вас выдержку — в статье о сб<орниках> «День Рус<ского> Реб<енка>» — для «Р<усской> М<ысли>», Н. В. Борзова — послал ему! — и для «Прав<ославной> Руси»: о том, как некогда чудесные слова «Святая Русь» произносились нашей интел<лигенци>ей «с иронической и кривой усмешкой»... — «ныне уже кануло в историю...» «русский интел<лиген>т учится и научится произносить их...» Не запретите? Да уж и поздно: статья появится в 31 № газеты[315]. А слова Ваши — Ва-ши, именно — !! — **звучат**. Там же я малость куснул и за «но-вое правописание». **Не** сборник, — хоть и надо бы! — а, вообще...

«Куликово Поле» буд<ет> печататься с Нов<ого> Г<ода> в «Прав<ославной> Руси», в 7ми-8 №№, а затем выйдет отд<ельной> книжечкой, в монашеском издании. Буд<ет> продаваться и здесь, т<ак> к<ак> троицкое издат<ельст>во в коммерч<еской> связи с одним париж<ским> изд<ательство>м, и между ними происходит обмен изданиями. Полное «Лето Господне» должно появиться к декабрю, граночная правка закончена, осталась правка верстки.

Не запамятуйте известить, как по отчеству Софию Климову, коей п<ись>мо Вы переслали мне. (NB) Что-то трудное... хочу отписать ей.

Паспорт Нанс<еновский> в кармане. Если двинусь — то вплавь, ибо влет — не рекомендуют: бывает, что весь персонал — в лежку! Ну, что Бог даст. Оч<ень> выручил «Фонд Кулаева», благодаря Борзову, — а в сущности: «благодаря Вам!» — или — Вас..? — правильней-то..? Посему я ответил Б<орзо>ву — и справедливо! — статьей о сборниках. Не шпыняйте.

Просьба. (NB) Если есть крохи от «дроворубов», не откажите позвонить *в аптеку, 70 Азильштр. доктору Лангу*: дабы еще флакончик живительной влаги, «эндоспер-

мина»! Отличное действие! ожил, могу писать, стал неизмеримо спокойней, ***никакого*** возбуждения, а — эйфория! и аппетит, и — «хочу писать». Рекомендую: попробуйте! поразительное *усиление воли и воображения!* — а то я влачился. Но... «зуд» тот же!!! Лечение печени дало результаты: почти норм<альный> состав крови, «протеинов» — лишь «следы»... — 0,53 гр<амма> на литр, а было 0,82, давление 13 и 8. Яиц не ем 3 мес<яца>, а мяса почти полгода. И никак не ослаб, наоборот: **лучше**. Если пригоните, — *в простом п<ись>ме!* — «дроворуба» — облегчите, ибо надо для дороги купить дождевое пальтишко, а то я — оборванец, во всем. У Кандр<ейя> есть несколько, она мне капнет. Не знаете ли, когда Посейдон не машет своим трезубцем, не пьянствует? в каком мес<яце> — легче плыть? Оч<ень> прошу. Мистрис Бар<ейсс> наверное знает. Рвусь — прочесть неск<олько> лекций и — канадцам.

Здесь работать над романом — **не могу**: все дергает.

Будьте здоровы, оба. И<ван> А<лександрович> — попробуйте «эндосп<ермин>», по 30 кап<ель> в день, Кажд<ый> мес<яц> приним<айте> *10* дней. И моя суровая докт<ор>ша одобрила.

Ваш И. Ш.

508

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<16.XI.1947>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Спешу ответить на Ваши нотабеночки.

1) Климову зовут София Терентьевна. Ее отец, правосл<авный> священник, погиб в Варшаве при немецкой бомбардировке.

2) Эндоспермин, флак<он> 2, уже уехал к Вам.

3) Знающие люди говорят:

Октябрь-ноябрь — бурное море, качка. Декабрь — получше. Январь — опять плохо. Февраль — получше. Март — отвратительно. Это выяснили вчера у Ш<арлотты> М<аксимилиановны>, муж которой американец и опытный мореходец. *Хорошо* будет только весной и летом.

4) Остатки — сладки. Как полетят, так и прилетят. «Ходила шабала, и пришла шабала, пришла и села как квашня»[316]. 100.

5) С Вашей «художницей» я вовсе не «поступал». С удовольствием умалчивал. Вы же теребили: скажи, скажи! Ну я и подумал (по наивности), что Вам нужно *мое* суждение. А Вам, оказывается, нужно было суждение Бенуа. Падекуа[317].

6) И о газете меня больше не спрашивайте! Дружба требует взаимной терпимости. Я думал, что газета без идеи — «Новости Дня», «Московский Листок». Но тут *идея есть*: она только скрывается и показывает то рожки, то ножки. Идея — *католическая*. А «несправедливо»? Так Вы плюньте на меня, несправедливого! Чего ж его теребить.

7) О «новом литераторе» трудно судить заглазно. Не берусь. Беспокоит меня, что он написал о книге, которую *не читал*. Ведь 2/3 книги не «многая лета» Шмелеву, а о других: и *критическое нет* (по нынешнему времени особенно) не менее важно, чем *художественное да*. Что Шмелев великий талант, знают все (мне это «сам» Бунияди[318] говорил). А что Бунин отнюдь не гений, и что Ремизов сентиментальный аутист; и что Бунин духовная пустыня с беспомощным и неубедительным стилем, — люди не знают. Умолчать о двух третях книги; рассказать заранее своими словами — значит выставить от автора locus minoris resistentiae[319]...

Мюнхенские дамы рассказали Анастасию, что я написал «книгу о Шмелеве». Тот запрашивает меня; я в конфузе.

Два дня ходил, скептически покрёстывая на Вашего нового литератора. Фамилия-то у него есть?! Или аноним?

На третий решил: *предоставить все Вашей дружбе и Вашему такту, и Вашему худож<ественному> чутью.* Делайте так, как по Вашему лучше.

Варюсь в трех котлах: один с борщом, один с грязным бельем, один — с бактериями. Кажется, еще четвертый ставится. Да пять на легком огне.

Сегодня вторую ночь не спал: фённая буря сменилась снегопадом. Вот тебе и падекуа[320].

Ах, уже эти мне анонимы и псевдонимы! До чего мы дожили...

Провинциальный батюшка, отец Никанор, очень гордился газетным сотрудничеством своего первенца. «Хорошо пишет мой Олеша: бойко, хлестко, убедительно. Почитайте, почитайте! Да не узнаешь, что он, что не он, потому подпись всегда однообразная и загадочная: онаним!»

До свидания, дорогой. Не браните страдальца.

Ваш ИАИ.

16/XI. 1947

509

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<24.XI.1947>***

24. XI. 47

Иван Александрович, друг драгой!... — дрыгните в меня ногой... — ибо я — ни-ку-да! — весь раздавлен... тем «чертзнаетчто», коё творится на родине — !?... — Дэ-ка-рта???!!!!... где разыгрывается последняя «карта»... Что за точное указание **плана** в получ<енной> мною «брошюре»? — из Ж<ене>вы... печатной типографски. Получил и машинную... — «без автора», — и обе трясут и плющат душу... — пошли «гулять»... И я, по В<ашему> **примеру** — «шабалю»... Ваше п<ись>мо, обернутое в белую бум<аж>ку... — до-драбливает меня... «Как полетят — так и прилетят...» — и я не ведаю, — я ни-че-го не нашел. Или это Вы «дробите» меня, — массаж остаткам моих нервов?

Хаос в душе, **раздавлен** всячески, и не могу собрать душу для творч<еской> работы. Нет, **так** я больше не могу... я растрачиваю последние отпущ<енные> мне дни... на созерцание, как они пропадают. Это — самоубийство. **Так не** могу... не смею, не должен! Здесь все на обвале. Как можно сосредоточиться, когда **все** рассредоточивает?! И потому... в предельном отчаянии, я хватаюсь за посл<еднюю> возможность — найти заводь, где, на краю дней моих, мог бы закончить «Пути...» и — пока еще дойдет благоприятн<ый> день уезда в страну Могикан, я — к... Ж. Ж. Руссо. Хватаюсь за соломину...

молю о визе в «щасливую страну щвицаров». Хоть перебыть там... до тепла. Дадут ли в<изу> — не знаю, ген<ерал> Озноб<ишин>... выяснит... — он на срок приехал из Жен<евы> и застрял пока здесь... на днях уплывет назад, и вот — не знаю, смогу ли — с ним[321]. Вряд ли мне дад<ут> без косьон[322], хоть я и был без кос<ьон> в 38 г. Молю — посодействуйте! Я стою на соб<ственных> ногах, хватит мне перебыть до отлета... никому хомутом не буду. Это — точно. Где смогу пристать..? Думаю, в Ж<еневе>. Там и ген<ерал> Озн<обишин>, который приветствует мой план. Я же помню В<аш> «Потер<янный> день»[323]... — так вот, ныне у меня сплошь «потер<янные> дни», и это меня раздавило. Молю, м<ожет> б<ыть>, Ш<арлотта> М<аксимилиановна> не откажется, если мне здесь откажут в в<изе>, — о замолвлении «словечка» перед властями. Чего ищу? За-води... для возм<ожности> работать. Здесь — бедламо-маразм. Здесь — «викжель»[324], «керенщина», хуже!.. Здесь — вже «тепленькие»... вот — «в сачке». И не трепыхнутся. Для моей «язвы», — режим! — нельзя достать бел<ого> хлеба — сухарей! — и я жду — идут! — из Ам<ерики>! жду и из Швеции, как<ой>-ниб<удь> «кэкэ-брод», — а тут еще и молоко кончат, приказ для сам<ого> важ<ного> режима № 1, моего: каждые пять дней предоставлять но-вое медиц<инское> свидет<ельство> — чтобы получить необходимое мне молоко! Значит, уже почти не могу питаться. Де-тям не дают!.. «не хватает»!.. — **все** куда-то к бесу под хв<ост> летит. Так — все. Теперь располз<ается> забаст<овка> жел<езных> дор<ог>.... — словом, вся жись — ба-ста! Вы не представляете себе, **что** здесь. Такого правит<ельственного> бессилия... не было, каж<ется>, и в «керенщине». И все это пока репетиция... Еще не дан **приказ**... Так вот, при всем сием, как же жить-то, чтобы не терялись дни?!.. Я не нервлю, — ибо уже нервов нет, — я не устрашаю себя... — ибо уже нечего во мне стало устрашать... но я испытываю то, что испытывал — в подоплеке, в предчувствиях, — летом-осенью 17-го, перед «окт<ябрем>». На днях я был за пять сек<унд> до смерти: чуть не выпил 15 кап<ель> атропина, — уже подносил ко рту, по

ошибке накапанного вместо 15 кап<ель> белладонны, — были спазмы от «кишки», и всегда принимал бел-лад<онну>. А тут ошибся. Уголком глаза увидал ошибку... не тот пузыречек!.. Атропин я иногда пускаю — 1 каплю, — в глаз... И вот... — а это было ночью... — Бог спас.

Сегодня утром, в 11 ч., — а сейч<ас> три, — нежд<анно> явился Сережа Субб<отин> — на неск<олько> дней в Пар<иж>, а я ночь не спал, захватил меня в постели... Оч<ень> удручен, что Вы ни строчки. Привез п<ись>мо от О<льги> А<лександровны>, которая подавлена, что Вы не пишете, и не ответили ни словечка, как нашли напев на пластинки — Жук<ови>ча, и — что?!... Оч<ень> она смущена, и просит меня узнать у Вас. Выполняю ее мольбу... Не оставляйте их, — чуть заблудших, — своим укреплением и благожелательством!.. Это для них — Ваше молчание! — невознаградимая потеря, **знаю**. Будьте милостливы. Дорогой друг! я холодею при мысли: что было бы для меня, если бы я не встретил Вас — друга, не укреплялся Вами, не был обережен от злых ветров, меня крутивших!.. Я так одинок... я так — «где-то, на краю жизни...» Бог помог мне найти дорогу, Вы меня благословляли, **вели**... — разве могу забыть?!.. Вы для меня были — особенно после утраты самого близкого — Оли моей! — светом во тьме, опорой в моем хроманьи по жизни... — только я это знаю. Да Вы. Я перед Вами всегда был **открыт**... да это и основное во мне, — искание возможности — **быть** открытым... — м<ожет> б<ыть> это и порок мой?... не знаю, но я всегда страшился неискренности и «задн<их> мыслей». И потому я понимаю, к<а>к люди, Вас ценящие и влекущиеся к Вам, чувствуют себя растерянными, когда видят — вну-тренно! — что Вы отвернулись...

Что за смута во мне, какое-то судорожное онемение... — не знаю, как же я могу **так** дальше..? Я вот больше месяца не могу выдавить из себя живого образа... не могу писать... — я задерган и заплющен. А дни падают, как посл<едние> листья в ноябре... Ведь если тут обвалится, — известно, **что** будет с **нами**... Ждать обреченным бараном...? Тут — хлябь бездонная. Вот почему — рвусь... Сны — кошмары. А «зуд» — вот уже 20-й месяц... но я уже не обращаю внимания, — дозуживай!

Не могу опять не читать газет... а это отрава. Но тянет глядеть в пропасть, как она разверзается... Где-то еще живут люди и смотрят на Божье солнце. А я не **вижу света**... — тьма, и в ней — «викжель». И этот черт — скрежещет... о, эти дни ноября 20 г. в Крыму!.. когда Оля горела в домике над Алуштой, в темп<ературе> за 40, а меня уже **влекли** в Ялту, на «мясорубку»!.. На-до это пережить... а сын... **там**... **ждет** пули... и мы скованы, мы пригвождены... ждать... всюду заставы, рожи, дула... ливни — вот оно рождавшееся... «Солнце Мертвых»... — и я получил силу — забыть себя, дать — **вне своего**... — и Бог судил мне преодолеть... и **показать**... И что же, какая польза?!.. — и зачем обманывался творчеством..?... — чтобы — все — как и было? опять и опять... — и созерцать универсальный обвал... **всего**?...

Нет сил продолжать... и — кончаю п<ись>мо. Когда напишу? когда увижусь с Вами? увижусь ли..?.. Ну, дорогой Иван Александрович, пока — обнимаю Вас и благодарю. За **все**.

П<ись>мо сумбурное, — знаю, — и все же посылаю. Ну, нет сил выправить его, нет сил — и разорвать. Ибо в нем — **правда**, или так мне видится, что в нем — ***моя*** правда. Больная, да. Но таковы стали внутренние *глаза* мои...

Да хранит — и сохранит! — Вас, обоих, Господь, светлые друзья мои — дар Божий мне; недостойному — и раздавленному... — я — как «Дрозд» из С<олнца> М<ертвых>, под **хворостом**... влекусь... во-имя чего, кого?.. — Не урекайте за мою невыдержку... — из крайних сил это... —

Ваш, до посл<еднего> дыхания, Иван Шмелев.

Мотив для визы: лечение «зуда», покой, работа в услов<иях> норм<альных>... для своей хронич<еской> «язвы» — не имею питания: ни бел<ых> сухар<ей>, ни молока (с 1 декаб<ря>). На 3—4 мес<яца> у меня достанет*), могу предъявить... но наличн<ыми> в стане «щаслив<ых> швиц<аров>».

---

*) у Кандр<ейя> есть довер<енно>сть, она в курсе, с 38 года депонировал в Chur`e, с 20. IX. 38 г.

510

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<1.XII.1947>*

1. XII. 47, а, может, и мартобря-сентепреля..?!..
в 4 — 20 п<о>л<у>дн<я>.

Дорогой друХ!.. Ива-ан Лекса-нрыч!.. И что ето на белом свету делается?!.. Н-знаю... Но вот, песенка: Сто раз с миленьким косила — здоровЕньких приносила... В сто первОй гульнуть пошла — целу двойню — ! принесла. А ка-ак — и сама не ведаю. «Носила» де-сять... дён, с 22 по сие число децембрия... роды были исключ<ительно> тяжелые, но, благодаря истечению... — говаривал в гимн<азии> сапожн<ик> Егоров! — каких-то обстоятельств, равносильных **чуду** — ! — обошлось без «кесарева сечения»... — !???!!... Ваш тезка, довольно известный акушэр, пожимает плечами... вот сейчас, выстукивая... С 23 никаких родов не бывывало... и — вдруХ!... — нахожу дите у двери!.. на... всепроходной панели!.. Да-а... такое чудесное истечение обстоятельств. О-ставим. Спаси Вас Бог![325]

Пустил Вам лётное во вторник 25 нбр., взяли на полузакрытой почте и сказали — «все неизвестно». И в сем лётном-недолетном был мой эс-о-эс[326]. Спасите, погибаю!.. — нащот «щасливых швицаров», нельзя ли причислиться к оным на срочок, до теплых дней, когда Посейдон потрезвей. Но, с помощью Божией... «за два соленых огурца...» и проч. нежданно осенило... и... — я вже мог бы... ибо имею марочку с крестиком... но!.. теперь тут все — «**ноооо**.....» и уже видать дно. Когда забегают машины, тогда, может быть, и я накачаю шины... и... Д. И. Ознобишин приехал сюда и застрял. Ждет, а посему и я ждю. Хорош вид на озеро, у которого шлялся Иван Яковлич Русый[327] и даже сам **тот** — «давно Ферней умолк»[328]!.. Посмотрел бы, пописал бы...! Если Господь приведет. Чимоданы почти улажены. Словом... — по умам текет, а вот как в рот попадет?... — все зависит от истечения об<стоятельст>в.

Свалился в Пар<иж> — Сергей Суб<боти>н — и застрял. У него все в порядке, но, видите ли, «истечение»... и беспорядки. Вот он юмор-то висельни-

ка!.. Гол<л>андские оглупели — и пущай, на здоровье, до... вытрезвления. «Детская» болезнь. И меня не раздраж<ает>, не волнует. Кому сколько дано... А я так заряжен, что... Го-споди, помоги уйти в «Пути Небесные»!.. но дай силы завершить земные!.. Я — будто? — в «форме»... ведь все эти ме-сяцы был — и сейчас! — рассредоточен до зеры[329]. А Вы ведаете, как и когда я могу писать. Не-эт... «сюда я больше не ездок»... — да... но... все лакеи перепились, и никто не подает «кареты»... и когда все это... так или иначе... не знает и Солон Премудрый[330]. Вот уж именно: «пришла шабала...» — то все — шабала. Если бы только «шабала»!...

Помолитесь, милые... Если бы гимназич<еский> «немец» крикнул — «скатертью тарошка»! Но... «не пылит дорог», а все листы дрожат...

Спешу метнуть в воздух, но полетит ли, но — долетит ли...?

Ни молока мне, ни... Но Господь не забыл, и — чудо! — в самую нашу непогодь — принесли — не чудо? — посылку из Стокгольма! — и в ней — хлеб! бе-лый!!! — пакеты «кнеке-брод»[331]! От неизвестной мне — !!! Ольги... Флинк! — ?! — это ли не **ЧУДО**!?!!! И — фунт каменного масла — дивного!!! — и — пакет цейл<онского> чаю — в серебр<яной> паковке!!! А перед сим за неделю — сон мне: вижу много саек — !!! — в корзине!!!!... — и вот — «неке-бо»[332]! А я уже хныкал, от по-лного «без хлеба»!... И вот — это ли не — ЧУДО?!!! — нын<ешняя> «фульда»[333] — на «проходном дворе»???!!!!! А посему уповаю, ибо **надо** мне завершить — «Пути», всякие. Верую, Господи! — хоть я и сверх-недостоин. Но Милость ЕГО безмерна.

Дней через 10 д<олжно> выйти «Лето Господне»... — 525 страниц!... Я ахнул: что-то около... 600 фр<анков>... цена-то!... Безу-мие!... Вам — первому, Вам-нераздельным, нераздельно. Если бы — **лично**!... Коленопреломленно поднес бы!... И Вы... **увидите**... а что — не скажу. Не мыльте мне голову, она уже достаточно взмылена **всем** на моем веку. А пока — обнимаю заочно, чтобы — если бы! — обнять о-ч-н-о.

Мечу — не перечитывая.

Ваш довечно Иван-Тоник.

Прошу прощения за S.O.S. у Вас — и у Ш<арлотты> М<аксимилиановны> (помянул и ее в ***том*** п<ись>ме к Вам). Ныне — я упорядочен в праве созерцать «щасливых».

511

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<9.XII.1947>*

Дорогой Иван Сергеевич!

Толчок важный здесь подготовлен и ждет известий от Вас о том, что Вы подали прошение *там.*

На Ваши добрые и сердечные слова о Ваших голландских знакомых я к сожалению не могу дать удовлетворительного, т. е. положительного ответа. Дело здесь *совсем не в личных отношениях.* Великое межевание не мною выдумано, но *меня обязует.* С тех пор как Ваши знакомые пренебрегли им и легкомысленно попрали его, я *обязан* принять все меры к тому, чтобы они знали обо мне *как можно меньше*; о *поддерживании* этой ихней мало-осведомленности *убедительно прошу и Вас.* Система водо-непроницаемых перегородок и аскетического молчания *просто необходима, прямо обязательна.* Здесь все связующе и трагически-серьезно. Добродушно обывательствовать не смею. А *они* — должны были *раньше* думать, что делают, куда присклоняются и что из этого выйдет.

Тревожусь о Вашем здоровии и о Ваших делах. Душевно обнимаю. Храни Вас Господь.

Итак: жду визных известий.

Имеете ли Вы верное представление о *цене* здешней жизни?

Ваш Каракуля.

9. XII. 1947.

512

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<13.XII.1947>*

13. 12. 47. Был час 12-й.

Пойдет 15-го, понед<ельник>.

Дорогой Иван Александрович, — **благодарю**. Благодарю и Ш<арлотту> М<аксимилиановну>, —

чувствую и ее великую участливость. И это — благодаря Вам, дорогой душехранитель. Много за эти черные годы видел я Милости Божией, — не высказать. До **явного** откровения, — да, да.

Не пишу о жутко-текущем: знаете. И да не знает бумага **частности**. У меня все в порядке, и не могу не дивиться, как сложилось. Могу лишь благодарить за В<аше> душевное движение. Да будет! Я позвоню Вам, скоро. И скажу — «а вот, и нашла, добрые люди указали...» Все вже есть. Ваше, от 9-го, получил: вижу, что до Вас не дошло (к 9-му-то) пущенное княжной из ее палестин лётом: пропел песенку — «целу двойню принесла». Дивлюсь...

Что за жизнь — знаю. Но, говорю еще, — как бы в **чуде** творится. Не высказать.

Да, верно Вы о великом межевании. Как правы! Нет, Вы у меня бережно, **вне** всяких «голландцев», — хранимы. Да, трагич<еское> неразумение. И это в боль мне. И уже давно я не касаюсь сего. Плюнул. Надо не пером, — языком.

Уповаю. Многому подивитесь. Шуба вернулась восвояси, и я на нее любуюсь. Говорю нежно: «съем-таки».

Молюсь: «Господи, изведи из темницы душу мою»[334]. Изъми из сени смертной. О, к<а>к жажду **обители**! До нее — этап. Вот он... Д. И. Озноб<ишин> — водитель. Его осенило, а посему... — мне просвет. В здешней тьме «от сряща и беса полуденного...»[335] Самокат — великое изобретение.

Обнимаю, досягаю...

Ваш неизреченно Бурдонос.

Помяните муч<еника> Мардария.

513

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<27.XII.1947>*

27. 12 47.

Благодарю Тебя, Господи!

Слава в вышних Богу!

Я — здесь, в Женеве, с 1 ч. дня. Hôtel Mirabean, 4, r. Candolle Ch. № 10. *Пока*.

Все в пути и до сего (хлопоты) было Его Милосердие и Покров. *Хочу* работать. Вчера спал в Bourg'е — 11 ч.

Что за еда!! Мы отвыкли. Но мой estom<ac>[336] говор<ит> — très bon[337]! Хочу «П<ути> Неб<есные>».

Хочу видеть Вас, милые. Хочу В<ашего> сердца, духа, ума!

Статья[338] (это не статья, а — разгром!) *потрясла*: слышал *от всех*. Исключительна. Огромное значение, все в од<ин> голос. Р<усскую> М<ысль> усилен<но> чит<ают> ***они***, вся сволочь. Гро-ми!!! Греми! Что за сила — Слово! Знайте — я — ***никому***! Напрот<ив>, доказывал, что это нов<ый> эмигр<ант>, Ди-Пи, старой культуры, больш<ой> ученый.

Милые, к<а>к хочу видеть Вас. Целую. Низк<ий> поклон Mrs. Bar<eiss>. С Нов<ым> Годом. После непривычно сытного завтр<ака> клюю носом. Здоров.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> В дороге — все с полн<ым> вним<анием>. Шуба — дивятся.

514

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<31.XII.1947>*

31. 12. 47. 10 ч<асов> у<тра> Pension Mirabean,
4, rue de Candolle, Genèva.

Дорогой Иван Александрович,

Пока — в Pens<ion> Mir<abean>. Воскрес<енье>. Б<ыл> в церкви, — *знаменат<ельная> встреча* с одн<им> ученым русск<им> (физиком), кот<оро>го не видал с 38 г. Мог<ут> б<ыть> следствия для Yves моего, — у проф<ессора> здесь лаборатория, другая — в Paris. Познаком<ился> с настоятелем о. Леонтьев.[339], к<ото-ро>го вчера посетил: и ищу постоянного, до отъезда (?) **гнезда**. Но, пока, — о самочув<ствии>.

Спокойствие и... некоторая неловкость: так праздно и т<а>к обильно, беззаботно **быть**! Отвык от сего: будто все дни — праздник! И еще, — удивит<ельный> «случай». От Людмилы Горной-Ширяевой узнал по tél<éphone>, что С. Горный т<олько> ч<то> уехал (и приехал!) в *Мадрид*..?! Странно: моя перев<одчи>ца «Путей» на фр<анцузский> — выскочила из Par<is> в... Мадр<ид>! Тут сложней: она бежала вслед за мужем,

которого **искали** в Par<is>... агенты Тито! (он б<ыл> в правит<ельст>ве гн. Михайл<овича>[340] (расстрел<янного>). Над многими из них заносили **удар**! — в Par<is> было в дни забаст<овки> покушение (стрел<яли> из винт<овки>, ночью, в окно!) на Полянского, секрет<аря> «Р<усской> М<ысли>». Мы были «на мушке»! — точно. Мадрид... М<ожет> б<ыть> это буд<ет> другой этап на пути в С<оединенные> Ш<таты>. Дочь С. Г<орно>го буд<ет> у меня 2-го I. Объяснит **все** (по ее словам), важное. *Вижу мои* «вехи»... но пока не разумею. А Мадр<ид> — вижу! — мне, мож<ет> б<ыть>, *нужен*: для планов издательских и... получения пезет[341] (? сколько?) по заключ<енному> контракту, — при поср<едничестве> изд<ателя> Du Pavois. Ведь продажа на издание, (исп<анс>кое) «Les Voies Cel.», за что я д<олжен> б<ыл> получить сколько-то фунт<ов>, **висит**, изд<ательст>во просит заменить роман другим, т<ак> к<ак> католич<еская> цензура наложила на роман veto. Теперь есть повод устроить для Исп<ании> и Лат<инской> Америки «Сол<нце> Мертв<ых>» и еще одну-две книги. И к<а>к раз там моя перев<одчи>ца и ее муж — жених, отлично знающий до 10 языков. (Хорват!) Т<а>к<им> обр<азом> придется взять *transit*-visa чер<ез> Исп<анию> (Фр<анция> не имеет с Исп<анией> — *пока* — сношений.) А чтобы получ<ить> transit, надо иметь визы на Лат<инскую> Амер<ику>, напр<имер>. Буду добывать, посоветовавшись. В случ<ае> войны в Евр<опе>, из Исп<ании> — где м<ожет> б<ыть> зацеплюсь (!!), способней — в Обитель Св. Тр<оицы>, куда хотел бы добиться к тепл<ым> дням.

Генер<ал> Озн<обишин> очень чутк<ий> челов<ек>, с ним мне приятно, но я люблю (и хочу!) стоять на соб<ственных> ногах. Жизнь в Pens<ion'e> для меня — не по сред<ствам>, не знаю еще, сколько стоит... хотя тут — *лучше и нельзя:* **тишина**, жители — все оч<ень> положительные, **устойчивые**, — сл<овом> в нек<отором> роде — pension для умств<енных> и физич<еских> рантье — средн<его> возр<аста> — к 60!!! И — ни разу — даже эхо! — radio!!! Ни детей, ни собак. Прислуга — немая, хоз<яй>ка строгая, **точная**: весь персонал не гово-

рит, а шепчет. Посетил на дому — о. Леонтия. Навестил нас с генер<алом> — *удивит<ельно> хороший* — Юр<ий> Ил<ьич> Лод<ыженский>. Проф. Волошин, сегодня уехав<ший> в Par<is> на неделю, загорелся — создать здесь аппар<ат> для распр<остранения> «Р<усской> М<ысли>». Стыдно: Шв<ейцария> (рус<ская>) почти ничего не знает о газете! Ст<атья> «Сов<етский> *патр<иот>*» — говор<ят>, размножена на ротаторе. Я выписал 2 компл<екта> «Р<усской> М<ысли>» — и пока посылку в 20 экз<емпляров> кажд<ого> буд<ущего> №, начиная с 36-го, где начало «СССР *не* Россия». Газета растет и бьет **заразу**. Важно ее (газ<ету>) расширить, 2 раза в нед<елю> (вторн<ик> и пятн<ица>), тогда окончат<ельно> раздавим, — читать не будут. Все пар<ижские> комм<унисты>-больш<евики> читают, оправдываясь: «в «Р<усской> М<ысли>» есть то, что нельзя найти в друг<их> газетах». Газета уже окупает себя, ***без*** гонорара! За 9 мес<яцев> я получил... 5 т<ысяч> фр<анков>!! иначе — ну... 60 шв. фр<анков>!! Газ<ета> устраив<ает> «елку» — радость мал<еньким> обездоленным детям. **Надо** помочь, газета пошлет и по больницам — больным рус<ским> детям. Я дал воззв<ание>, перед сам<ым> отъездом, «Вы не откажете». Хотим собрать «детский фонд». Нужда — горе — потрясающие! У рус<ских> дет<ей> отняла судьба ***все***: *надо* **видеть**! Париж — кошмар. И все — кошмар. *Здесь* — пока — тишь, «за далью непогоды»... Смотреть даже... **страшно**. Какой-то таинств<енный> оазис («моя хата — с краю!») — нет, сие *не к добру*. Мне грустно ходить по улицам, где окна ломятся от преизбытка, где, в кондит<ерской>, не найти своб<одного> столика! **Жрут**, хотя и осмотрительно («швицары»!), усчитывая кажд<ые> 5 сантим<ов>.

Я страшусь тратиться. Я б<ыл> потрясен, узнав, что илл<юстрированная> carte-post[342] — в Pens<ion> — 30 ст.!!, т. е. 25 фр<анцузских> фр<анков>. Квартира в P<aris> остав<лена> на попеч<ение> плем<янни>цы (м<ожет> б<ыть> позволит занять **верным** людям (!), чтобы оплачив<ать> term и налоги). 15 янв<аря> предстоит уплатить 13 тыс<яч>! Но пл<емянни>ца получит с русс<кого> изд<ания> — **есть**. Итак — *м<ожет>*

б<ыть>, Мад<рид>? Что-то мне сообщит Людм<ила>? — 2-го. Да, видно, придется, пред конц<ом> жития, «пройти многие страны», как изрек для меня (по древней кн<иге>) Март<ын> Задека! В посл<еднее> время много б<ыло> мне **знамений**!!! Поразительно. Здесь, каж<ется>, собир<ается> «по мою душу» — елка, просят «поделиться», читать... и проч. Я сжимаюсь, не могу позвол<ить> разматывать себя. Увидим.

Здесь я ем втрое б<ольше>, чем в Paris, и теперь вижу, **как** я там *не* доедал! Посл<едние> 3 нед<ели> я не получал ни капли молока (по 1-му-то режиму!), а пудра мне вредна, начин<аются> боли. Не было и бел<ых> бискотов... — ничего не было, для болезни. Уезжать б<ыло> *надо* хотя бы по бытов<ым> условиям: ***все*** нудило. **Я** 1/2 года готовился, но случилось ***все*** почти **без** меня. Странно: об Исп<ании> я впервые подумал с мес<яц> тому... — и вот... — что-то выяснится. Рукопись *Ваша* «Рожд<ества> в М<оскве>» — со мною.

На гран<ице> Шв<ейцарии> франц<узская> sûreté[343] тщательно — в лупу! — даже, говорят (я сидел в машине) проверяла, мин<ут> 10, мой и генер<альский> нансен, и сверялось «со списками». Та-ак... а сколько **их** проходит с дипломат<ическими> и проч<ими> докум<ентами>! Да и помимо всяк<их> sûreté.

С Новолетием! — милые, будьте благоденственны-здоровы. Мой ремингтон[344] идет в б<ольшом> чемодане — жел<езной> дор<огой>. Жду.

Сегодня здесь б<ыл> снег, а утр<ом> палили пушки (думал, не по аэроплану ли?). Нет, годовщина изгнания французов из Женевы, в 1813 г.

Женева — кипит в покупках и подарках. Н<овый> Г<од>! Что-то принесет он? Не жду добра. Обнимаю и — все же — уповаю! «Л<ето> Г<осподне>» — выйдет, каж<ется>, в янв<аре>. Запоздали. Вам — первым. Это мой **поклон** — дружбы и безмерной признательности.

Ваш Ив. Шмелев, — «щастл<ивый> **швицар**».

А м<у>ч<е>н<ик> *Мардарий* празд<нуется> 13—26 дек<абря>, день выезда из Парижа. Разгадали?

Там стали теряться п<ись>ма. Работка «патриотов». Мы — кое-кто — получили остережения. Вот почему я начал быть — **вдумчивым**.

И. Ш.

Отзовитесь!

Вам я послал п<ись>мо отсюда, вечером 27-го, день приезда.

Стоим<ость> pensiona... 15 фр<анков>! Ужас. Но — пока — это меня не касается, и это меня смущает. Где-то сыщут мне «гнездо»? Не вемь. И сколько зде пробуду (в Шв<ейцарии>) тоже не вемь. Ну, Господь внушит. ***Есть*** что порассказать. Мно-го б<ыло> мне «указаний». И — в снах, и — воочию. И. Ш.

1948

515

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<2.I.1948>***

2. I. 48

Дорогой Иван Сергеевич!

Вы себе и представить не можете, как облегченно я вздохнул, получив Ваше первое письмецо... Слава Богу! Сегодня пришло второе.

Весь декабрь лежу: сердце не в порядке и давление крови, бессонница, слабость, умучен.

Вот Вам мои *твердые советы.*

1. Про обилие еды здесь *не* морализируйте, а благодарно чините Ваше обездоленное и запущенное питание!

2. На цены здешние *не* ужасайтесь, а примите то устроение, которое Вам таинственно пододвинет Ваш Ангел Хранитель.

3. Никаким мрачным предвидениям *не* предавайтесь: мировая война *не* на носу, советы *не могут* ее вести. Мировой конфликт будет изживаться *местными* недоворотами, трениями и стычками; и шансы на успех у комм<унистов> *не велики.* Не надо растрачивать огонь сердца на зап<адно>европ<ейские> импрессии. Надо нам думать *только* о России и *ее* судьбу строить в *волевом* порядке.

4. Отец Леонтий[1] *прекрасная* фигура. Ему можно всецело доверять.

5. От Ю. И. Лод<ыженского> многого не ждите. Мягко стелет. Но крепкий антисов<етчик>.

6. Куракин[2], Волконский[3], Прокопович[4], Кускова[5], Никольские[6] — советолюбы. С ними *как можно осторожнее*!!

7. Людмила[7] в *отца*: очень практична и все время (деликатно говоря!) «фантазирует». Мягко стелет, ласково поглядывает. Но «сочинительница» — в папу! в мадридского...

Ваша газета (развязно и нонталантно) *искалечила* и *опошлила* № 2[8]. И я, и друзья мои в Париже — читали с отвращением.

В планы автора *совсем* не входит распространение сего среди русских *швейцарцев* — это *ему вредно*, а *им ненужно*, ибо они (за редчайшими исключениями!) патриотические *трупы*.

Если познакомитесь с Верой Петровной Фроловой[9] (по мужу Burnat) — то *ей верьте*!

Обнимаю! Каждый второй день у меня доктор. Физически я в слабости, душевно — в депрессии, духовно в большом подъеме!

Нат<алия> Ник<олаевна> шлет ласковый привет.

PS.

Еще: если признаете нужным послать кому-ниб<удь> № 2, то не посылайте русскомысленную «калечь», а попросите *цельный* и *полный* текст у Юр<ия> Ил<ьича>!

NB. Мой друг ген. Алексей Александрович ф. Лампе нуждается в квартире. Немедленно пишу ему. А Вы напишите Вашей племяннице! Хорошо?

516

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<5.I.1948>*

5-I-48/23. 12. 47

Дорогой Иван Александрович, — чернила кляксят, — карандашно пишу.

Первое, с<амое> важное — Ваше недомогание. Переработали, знаю сие. И еще — и это знаю! — *внушаете*

себе: Вы — чрезмерно «прислушиваетесь» к случ<айным> неполадам в орг<аниз>ме. Сердце Ваше — нормальное, лишь неврозцы. Сл<овом>: многое в бытии В<ашем> дергает. Бессонница...? А Вы ей скажите — «а я *буду* спать!» Вы ей потачку даете, боитесь ее, лежите, — а надо ее свеж<им> воздухом выгонять. **Знаю сие**. Не читаете ли «Новостей»? — зовутся «русскими». По природе Вы — жизнерадостный, и воли достаточно: *должны уметь спать*. Вы еще — *молодой человек* (63—64 г.!!?), сосуд<истая> сист<ема> В<аша> в порядке. Вы не разматывались на жизнь в тревогах. Я познал ее до-мертва. Особ<енно>, с утратой О<льги> А<лександровны>. Мое бытие было непереносимо: на это уходило б<олее> 50% раб<очей> силы. Да и болезнь моя — 35 л<ет>! И все же, Волею Вышнего, делал, к<а>к и Вы делали: 90% остатка сил — в работу. А посл<еднее> время в Пар<иже>, без молока, на пороге «воспламенения>» язвы! Да и «зуд». И не б<ыло> бел<ых> сухарей: ешь себя! Полное неустройство быта, в связи с «тряской», как бы на вулкане. Это все — и погнало с гнезда. А что я **буду** — не вемь. На 8-м дес<ятке> — без причала. Но — в воле Божией: при-чалю где-то. Оставим себя, — Вы *должны* восстать! И — восстанете. Вот средство. На 7-м дес<ятке> в крови не хватает *важнейшего*: гланды слабо работают: в крови нет *спермина* или оч<ень> мало. Так мудро поведал мне д-р Тониев, ассист<ент> пр<офессора> Захарьина, сам нуждающ<ийся> в этом. В Пар<иже> нет, или — *не то*. Отсюда моя былая просьба о сперм<ине> Пёля. Посл<едний> «endospermine» — отличное ср<едст>во. Познал. Дает: равновесие (ник<ак> не возб<уждает>!), сон, волю, эйфорию: все гланды начинают свой rendement[10]. Уви-дите. Живительное ср<едст>во. *Безвредное*. Результаты через неск<олько> дней. Вы себя не узнаете. «*Давл<ение> крови*» — по слов<ам> Тониева — это *условность* в больш<инстве> случ<аев>, если страждущий в порядке (условн<ость>)». Измеряйте 5—7 раз на дню — и все — *разное* давление. Я не знаю, не доктор, но **верю** сему. **Откуда** у Вас это «давл<ение>»? ***От нервов***. Вы не пили, не дымили, не безобразили. Вы — **думали** и **жили** в **высоком**! И посему это

«давл<ение>» — проход<ное> явление. Endospermine все поправит. А там — к<а>к хотите. Спросите навещающ<его> В<ас> врача: они любят *навещать*. Вы умеете и молиться (а я не умею и хочу сему научиться, поч<ему> и мечу — к Обители). Молитва + endosp<ermine> = равновесие. Проживете еще лет 25—30. И ни-чего удивит<ельно>го. Да будет!

С кварт<ирой> уже все вырешено, перед отъездом, и я не смогу исп<олнить> В<аше> желание. Пл<емянни>ца с муж<ем> д<олжны> б<удут> временно приехать в P<aris> на мою кв<артиру>, т<ак> к<ак> у них в S. Remy — нет топлива, раздали кур на прикорм, 1/2 кв<артиры> — сами использ<уют>, а 1/2 — сдана с тем, что вернейший (чета) оплатит все, и налоги (оч<ень> делячи, и фр<анцузские> деньги для них — прах!). Но люди честные. Да еще и толика останется для оплаты разных шаржей и сюплеманов. Иначе я не мог бы выехать, не разрешив кв<артирного> вопроса. Оставлена доверенность, и сунуто в глотку конс<ьерж>ки (consierge)... — будь сыта! И она сыта. Это все оч<ень> в P<aris> сложно. Я и по *морал<ьным>* cooбр<ажениям> ***не*** мог бы «продать» кв<артиру>: ну, не мог бы! И, кто знает, что будет: там многое дорогое оставлено. Буд<ет> снято со стен и улож<ено> в сундук. Не впервой мне ***все*** ломать. Я над цветочками плачевно раздумывал. Но и они буд<ут> под приглядом. А иконы! а рукописи, письма! Все б<удет> под глазом. До... **бомб**?!.. Кто знает?!...

За «Р<усскую> М<ысль>» не отвечаю: я там — **никак**, а лишь безгонорар<ный> сотрудник, хоть и... помогаю газ<ете> расти. Очень. Досадно на дикие купюры. С В<ашим> словом **надо** священно обращаться: у Вас ***все*** уложено в форму — **единственную**. Но даже и в калечн<ом> виде — массов<ому> читателю — польза: да, это есть. Полный текст мной отдан для размнож<ения> в соотв<етствующие> ***верные*** руки. **Здесь** — верьте — я ник<ак> не касался. Вы правы, хоть я лишь чуть-бегло гляжу-присматриваюсь.

Да, м<ожет> б<ыть> и «*политич<еские> трупы*»! Но я никого толк<ом> не знаю и, по вс<ей> вер<оят-

ности>, постар<аюсь> не узнавать. Не до сего. С меня и Пар<ижа> довольно. А здесь еще и особая «патина»[11]. Тут — или в нищете, или — пообросли. Для 1-х — все можно, для 2-х — «этого ненужно». Но это лишь — приглядка. Не дамся. А посему торчу в pens<ion> — в ожид<ании> «гнезда». Русских семей здесь — боюсь, «богемы» страшусь. Весь напряжен — за Океан, в глушь, где могу писать и учиться молитве. М<ожет> б<ыть> разок покажусь, но *не* в Н<ью->Й<орке>, а в С<ан>-Фр<анциско> или Лос-Анж<елес> — для 1—2 выступ<лений>. Но сие — ?

Раз Вы — в дух<овном> подъеме, Вы и душевно здоровы: духов<ный> подъем, каж<ется> мне, интимно связ<ан> с душ<евной> областью. Почему депрессия? Нервы сдали. Дайте им ко-рма. Не хват<ает> и фосфору. От состояния центр<альной> нервн<ой> сист<емы> Ваша физич<еская> слабость. Воздух, покой, endosp<ermin> — и за 2—3 нед<ели> — Вы будете плясать и писать. А уж думать — Вы и так все думаете. А чего тут думать (говорю о бытов<ой> жизни!) — Господь за нас все обдумал.

Простите простака. От своего слаб<ого> разумения говорить тщусь.

6-го янв. утро.

С Праздником Р<ождества> Хр<истова>! Будьте оба во благоденствии и — благословенны!

Была у меня Людмила с мужем. Да, Вы верно взяли ее внутр<енний> лик. Она оч<ень> деятельна — молодец! Не клонит головы перед жизнью. В ее годы это — редкость. Молодежь пробивает дорогу. Такую надо *уважать*: извлекла родителей из ада и отправила в Мадрид. Чего это ей стоило! Б<олее> тысячи шв<ейцарских> фр<анков> при ее бедности. Это уже подвиг.

Я перешел здесь на режим, мясо — жареное! — мне вредно, начались нелады, и я — в аскезу! Иначе — свалюсь. Здесь — **жрут**! Шв<ейцар>ия мне *не* нужна: все **скучно**, все здесь — бесцельно: смысл жизни — какой? За мелочишками бегают, к<а>к и в Пар<иже>. Нет — *основной*, общей Идеи, или, что называется, по Чехову — «Ск<учная> ист<ория>» — нет: «**Бога Живого** человека».

Верчение в колее, самообман — утеха, — и так изо дня в день. ***Нечем* жить**! Где горенье? Даже у больш<евико>в, в их поганстве, есть — пусть чертова! — **идея**. Они заражают ею молодежь, подлецы. Мир давно потерял смысл и цель Жизни, если к<огда>-либо имел их. Отсюда во всем — обеднение. Здесь теперь не церкви строят, а торчки из кирпича. **Чем** же жить?! Эталяжами[12]? Вот и тычутся, — **ничего** нет: и посему ломятся в кино! Там хоть вспоминают утерянное: **воображение**! Ушло из мира воображение, — и посему: скука и пустыня, и очерствение. И потому — «Я» — **центр**, как у профес<сора> в «Скуч<ной> истории».

Там, в Рос<сии>, каша в головах: прислал мне од<ин> комм<ерсан>т из Норвег<ии> заказ<ное> п<ись>мо — avion, в 16 стр<а>н<иц>: «открытое п<ись>мо», письмо Ив. Ш<меле>ву, по пов<оду> ст<атьи> 1147—1947. Его зацепило. Пишет уважит<ельно> — но, зовет, идти «в ногу с народом», отвергает «чудо» и славит — «мозг». И так все дико! У «отче Сергие»[13] — **мозг**! **Мозг *все*** создал! **И** надо... **славить**... Калиту! Тут и Пушкин, и Дост<оевский>. Не помин<ает> лишь Сталина. И шлет поклон родной Москве. Я ему *не* отвечу: на «кашу» — что можно ответить? Но, чувствуется, что даже и у этого «сумбура» есть тень **идеи**, **захват**. А вот в мире — пусто, жить *нечем* стало. Пишу так, а и сам **ищу** цели. Она — в вере, она — выполн<ение> Воли Б<ожией>: в достижении божеств<енного> соверш<енст>ва! «Будьте совершенны, как От<ец> в<аш> Неб<есный>...»[14] Достижение сего — подрастание, до «образа-подобия» — кор<енная> задача! цель!! — смысл. Стать как подобие Божие — и сим обрести высоч<айшее> блаженство. Тут — постоянное горение, неустан<ный> и бодрящий труд, — радость бытия. Тогда все оправдано, и нет уже бесцельности и **скуки**. Это *проходит* у Вас в «Горящ<ем> сердце»[15]. И потому эт<от> труд близок мне. Блаженны — верующие. Они **всегда** — **живут** в жизни. И кажд<ый> день для них — Божий день. Кажд<ый> день — **дар**.

Ну, расписался. Восстаньте с одра! А я — жду «пристани». Жду твердой земли, где осяду, чтобы **завершить** путь. Нежно думаю о Вас обоих. Христос рождает-

ся — славите! «Пр<авославная> Русь» почему-то назвала «Рож<дество> в Москве» — «Рассказом торгов<ого> человека» — ! И сняла «Посвящение»[16]. Очев<идно> не хот<ят> создав<ать> прецедента. Это — **без** меня. **Волею** — еп. Серафима! Но в «Р<усской> М<ысли>» — будет. Почему убоялась «Пр<авославная> Русь» — заглавия «*Рожд<ество> в Москве*». Или слово «Москва» в сочетании с «Рожд<еством>» — каж<ется> им неуместным. Чу-да-ки! Это же — в **былом**!

Рукопись «Р<ождества> в М<оскве>», Вам посланная когда-то — со мной, и я верну ее Вам.

Милый, спасибо Вам за все, за все благое. Я **жду** испытаний в мире: **так** не мож<ет> **пройти**. И пусть сие буд<ет> ско-рей! Мир получает заслуженное. Он должен обновиться, или — сгореть. **Такой** — он, просто, **не нужен**. Пусть тогда идет к... чертям! Божие останется Божьим — **вне** его! Но Воля Б<ожья> неизменна: **путь** будет обретен.

Ваш Ив. Шмелев.

517

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<6.I.1948>*

6. I. 48.

Дорогой Иван Сергеевич!

Поздравляю Вас с Праздником Рождества Христова! Дай Бог — Вам, нам и России!! И с Новым годом!

Тревожусь о Вашем неустройстве. Написал отцу Леонтию, препоручая Вас ему. Что не читаете немедленно публично — прравильно, поддёрживаю! Вам нужны *покой* и *диета* (чтобы такое было *изобилие*, которое бы Вам *не навредило*). А остальное пока — отложите.

Я только что написал моему другу Алексею Александровичу[17] — снабдил его адресом Кутыриной, чтобы снесся о квартире: ему нужно.

Ради Бога *не торопитесь. Всякий спех* от чёрта. *Все* образуется... Попутный ветер *никогда* не бывает случаен.

А я все похварываю и пятую неделю полеживаю. Боюсь, уж не прожил ли я совсем «своего старикашку»...

В лагере Ди-Пи — Мюнхен Feldmochhog ротаторнули одну тысячу № 2, но предварительно «*ис-пра-ви-ли*»...

в бессмысленную, *партийную крайнюю* правизну. Автор чуть не заболел от бессильного гнева. И послал им*) «письмо». Доверительно! Только Вам! Прочтя, верните мне сию копию.

У нас в гимназии называли пирожки с рисом так: «пирашки сри сам». Так вот этим всем «редакторам», которые «лучше знают» — им надо сказать «срите сами ваши пирашки», а мы Вам не Гуинплены. Помните: «bucca fissa usque ad aures, genzivis denudatis, nasoque murdridato, — masca eris, et ridebis semper»[18].

Не для того огонь на нас нисходит, и дух горит Предметом, чтобы в лакейской из нас *маску* делали. Сначала хотел в Р<усскую> М<ысль> «merci» послать, но раздумал. Решил, как капитан Лебядкин[19]: «Терпеть и молчать».

До свидания. Обнимаю и жду вестей.

NB бесплатное приложение из Парижа.

518

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<7.I.1948>*

25 дек. 1947/7 янв. 1948

Дорогой друг!

Слава Богу, узнаю опять моего прежнего Шмеля!.. С Новым годом! С Рождеством Христовым! Только что получил Ваше последнее. Отвечаю кратко, лежа, только *чтобы нить между нами горела телеграфно.*

О моем нездоровии... *Всегда* так было: духовно перетратил — лежи в слабости, отлеживайся. Спермин *помню.* Меня еще в студенческом общежитии студенты-коллеги прозвали так: «И. А. сперматозоид». Вот тебе и зоид, без спермину захирел. Ну, авось, Бог даст.

Главное, когда увидимся, надо мне Вам о *Боге* сказать и о *молитве.* Люди и о Боге и о молитве понимают *неверно.* Смешивают Субстанцию с протрептикой и апотрептикой[20]; словоизвержение смешивают с «таинственным на жертвеннике душевном»: выделяют *непрерывное «осияние»* в обряд; не понимают, что *одинокое предстояние*

*) Экземпляр был разрезан автором ножницами поперек и с письмом заклеен в конверт.

есть всякому храмованию изначал. И многое другое. И главное еще: бессердечный и честолюбивый поп — бедствие и соблазн! Лицемерный же поп — язва и окаянство!

И еще: *путь* надо верно видеть, *земной*. Это *неверно*: долой инстинкт, давай дух! Надо *принять* инстинкт, *простить* инстинкт и *влюбить его в Божьи лучи!* А это дело — или индивидуальное, или долго-медленное. Не грозите здоровому инстинкту катастрофой, это неверно и незаслуженно. Это соблазн радикального интеллектуализма. Я *не пошлость* защищаю, а *максимализм отвожу*. Рассказал бы я Вам мои планы — ныне *осуществляемые*. Да письменно трудно. Обнимаю.

PS.

А что Серафим *снимет* посвящение с Московского Рождества, я сказал *сразу*, как только узнал, что Вы туда послали... Такой уж «нюх» завелся. Так и вышло.

А «Высший Монархический Совет» не прислал Вам еще циркуляра с *требованием* статей на «*такие-то*» *темы*? Для журнала «Двуглавый Орел» в Мюнхене? А мне прислал!! Там сидят: Скаржинский[21], «профессор» Свищов[22], Юрьев[23] и Чухнов[24]. Считают своевременно приступить к «обнажению» и «командованию». Отвечать им на циркуляр *не собираюсь вообще*. «Пусть называются». Это из *этой* среды премудрые издатели «проредактировали» № 2.

Писал ли я Вам о том, как отец Никанор сыном гордился, «Олешей», что «хлёстко» в газетках пописывает? «Почитайте, почитайте! Да не узнаешь, что от него! Подпись всегда загадочная и однообразная: *онаним!*» Так вот, этот онаним готовит № 3, № 4 и № 5[25].

Книга моя «Аксиомы религиозного опыта» растет. Усё! До свидания!

519

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<8.I.1948>***

8. I. 48. 2-ой день празднования Р<ождества> Хр<истова>. 11 ч. у<тра>. Четверг. Женева

Дорогой Иван Александрович,

Порадовали праздн<ичны>м приветом! Чувствую, что Вы оправляетесь, — юмор слышен и... сарказма.

Прилагаю «разнос» — лагерникам. Жестоко, — пусть и — **должно**. Но, ведь, **они**... что же с **них** спрашивать?! Не думали — неуважительно отнестись: **признали** правду и ротатнули. Без свободы, без **воздуха**, безо **всего**... — и сколько лет! Нет, **они** неответственны: истинно, сожаления лишь достойны. Всячески обобраны, оглоданы.

Оч<ень> рад, что не адреснули «Р<усской> М<ысли>»: и она, по кустарности, **хромает**. И если что «опускала», — по тесноте опускала, а — посильно **делает**, тщась. И продолжает не платить, хотя и стала окупаться: объявлений-то что! Махнул рукой, — буди, Господи, Твоя Воля!

Мне уже давно скучно и неприкаянно: нечего здесь смотреть, нечему учиться, **нечем** пополнять дух, **опыт**. Изнемогаю... Дважды изнемогал — часами! — от непривычки так много есть. Перехожу на полную аскезу. Тревожусь: все «на руках» у г<е>н<ерала> Озн<обишина>. Непривычен. Мало ли что богатый!

Вчера был, после обедни, на панихиде у настоятеля: нельзя б<ыло> уклониться: окажи внимание водителю здешнего стада Хр<истова>. Подивился: чуть ли не *100* причащавшихся! Храм внушительный, от Имп<ераторской> России. Хороши эти **следы**: ведайте, швицары и проч<ие> народы!

Буду следовать наставкам Вашим. Но когда же я уйду в работу?! А дни текут.

Я полагаю, что в случае «превентивного» (возможного) **удара** с заокеанской страны соответственная колония будет загодя осведомлена... (ибо при сем «щасливая» страна м<ожет> б<ыть> сметена со всем содержимым), а посему и Вы знать будете: дайте и мне знак. Когда **сие** будет — никто **не** знает. Перед отъездом из Пар<ижа> я вопросил Евангелие: **чего** ждать, при моем **плане**? И вот, ответилось: от Луки, гл. 21, со ст. 5 и дальше. **Что** же **это**? Я Вам писал о моем сне-пожаре и о том, к<а>к мои отшедшие своим молчанием (да, они **видели**, и я просил их дать знать пожарным!) как бы удостоверяли: «да, видим... но ты **сам** смотри и — прими меры». И вот, я принял: я — здесь. «Пожар» пока ***за*** стеной, но языки пламени уже прорываются! Так я и

видел. А отшедшим, д<олжно> б<ыть>, *не* дано — **прямо** отвечать, а лишь образно. Не мож<ет> ***не*** быть войны! Иначе — предельный, непоправимый риск гибелью и для «за-Океаном». Советы **тянут**: время работ<ает> для них. Откладывание операции — самообман и малодушие: все равно, в<ой>на **неизбежна**.

Но... «демократии (по Эйзенхауэру) никогда готовы к в<ойне> не быв<ают>». Когда еще дощупаются до А<мерики>, а Европу уже щупают. А издыхание хоть бы Ст<алина> **ничего** не изменит.

Был вчера с генер<алом> на елке у Лодыж<енски>х: растрогало меня это блюдение **преданий**! Чудесная пара (внучка и внучек) ребятенков! — какая радость для баб<ушки> с дед<ушкой>! Елка на фоне раскраш<енного> полотнища (грибы — сказочные), — к<а>к меня это **взяло**! Подарки — уйма! — из камина, целый воз Д<еда> Мороза (*без* мороза!), и я получил — репродукцию иконную из собрания Кондакова[26]. Ну, вороха еды (с плачевн<ыми> послед<ствиями> для меня, мучился-таки тошностью в ночи, да еще по возвращ<ении> с елки — поужинал в pens<ion>!)! Нет, т<а>к **нельзя**, я обязан стать, в еде, трезвенником до maxim! Безумие это — так принимать чуждые мне ныне обилия...

Помоги, Господи! Надо скорей — дальше.

Вот, жалуетесь Вы на младенцев-лагер<нико>в. А меня так прямо **изувечили** (своеволием еп. Серафима?) в «Пр<авославной> Руси». А главное: уже оповещали читателей, что буд<ет> напеч<атано> в рожд<ественском> № «Рождество в М<оскве>». И что же? — что **испугало** Мон<асты>рь?! — Взяли да и обеззаглавили рассказ! Читаю: «Расск<аз> торгов<ого> человека»! Не понимают, что лишили **паспорта**! Вся-то суть: «*Рож<дест>во в М<оскве>*»!!! Не увидали, что вся «мамона» взята в **раму**! Вступление — и заключение — **суть**! И *все оговорено*. Вы отмечали в «О тьме и просв<етлении>», что автор Ш<мелев> умеет выбрать заглавие! И что же еще: чего-то смутились (боясь вводить прецедент?), и *самовольно*, не запросив меня (а было время!), сняли посвящение! К кому апеллировать?! Ссориться не смею: еп. С<ерафим> много способствовал моему америк<анскому> плану.

Ну, я все же — попеняю. Уверен, что в «Р<усской> М<ысли>» — **все** буд<ет> соблюдено. Вот **это**... да, **обида** автору. А что безответственные младенцы, из страны изничтожения **всего**, сделали *по недомыслию* с В<ашим> **словом**... — *можно простить*. Да, — «смирись, гордый человек»[27]. Но я, каж<ется>, никогда не б<ыл> склонен к «гордыне» в своей работе: всегда лишь сомневался. Только. И посему, получив **такое**, полночи не мог успокоиться: так ра-ни-ли! **Принял**: Ты веси, Господи! а я — в дороге, и беспомощен, — всем завишу — от доброты других. Господь поможет.

Милый, попробуйте, не убояся, принимать endosperm<ine> (Dr. Lang, аптека, 70, Asyrstr. Zürich). Пузырек (3-ий) со мной, но пока не принимаю: лечение — 10 дней в месяц, по 30 к<а>п<ель> ***раз*** в день, это оч<ень> среднее, мне довольно.

Крепко благодарю *за все*. Привет и все лучшее праздничное Наталии Николаевне и Вам, добрый и верный друг. Хорошо, благо, счастье, что Вы — **есте**.

Будьте же здоровы и крепки духом!

Ваш Ив. Шмелев.

520

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<9.I.1948>***

9. I. 48.

Дорогой Иван Александрович,

Обескуражен «Р<усской> М<ыс>лью»: опущено посвящение! Взорвавшись, тотчас же дал знать Зеелеру, настаивая, чтобы *напечатали* пояснение: «случайно выпало...» и т. д.! Должны дать. Иначе — плюну. Satis[28]! Черти какие-то! Мелочность, — это все неспроста!

Вчера — слух: сдох уби<й>ца Ст<алин>! — поздно вечером. Сегодня, 10 ч. у<тра>, еще не видал газет.

Все еще без твердого причала: тяжело, привык стоять на соб<ственных> ногах. Воскрес<енье> д<олжен> читать на елке для взросл<ых>, устр<аиваемой> приходом. Что-то из «Няни», мин<ут> на 20. Был на елке у Лодыж<енских>: оч<ень> уютно и — дружно: к<а>к спаяна семья!

Р<ождество> Хр<истово> было для меня оч<ень> светоносно, началось в 9 у<тра> — цветами издалёка. Они, розы, светят мне в окне, в междурамьи. Живые, 3-ий день. Пышные. От сверхчуткого сердца чит<ательни>цы. Три посылки из Ам<ерики> на Париж! — отдал Ю<лии> А<лександровне>[29], для раздачи. Не сюда же?!..

Был на обеде у о. Леонтия, в 1-й Д<ень> Рожд<ества> Хр<истова>.

Обнимаю Вас и преклоненно приветствую Наталию Николаевну — с Н<овым> Г<одом>!

Большое дело русское творите Вы. Честь Вам! Преклоняюсь.

Оч<ень> прошу: испробуйте endospermine. Уви-дите!

Вввваш Ив. Шмелев.

521

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<10.I.1948>***

10. I. 48.

Дорогой мой друг Иван Александрович, — каж<ется>, вернусь дней через 7 в Paris. Здесь мне как-то не по душе, и боюсь «язвы», от зд<ешнего> обильн<ого> питания, хотя и стараются попасть в нужн<ый> режим. Погода — мразь, я чувствую себя на юру[30]. Скучаю по квартире, — как-ниб<удь> перебуду в P<aris> до тепл<ых> дней — авось не стрясется страшное (большевизм). Обдумайте — и скорей дайте совет.

Я привык стоять на своих ногах, и мне тяжело милое чуткое великодуш<ие> ген<ерала> Озн<обишина>. Я смотрел другой pens<ion>: после Mirabean все — грязно. Тьфу. А Mir<abean> мне не по силам: 15 фр<анков> — сутки! Эдак я совсем сяду. Хотя даже для pens<ion> Mir<abean> я обеспечен до апреля на соб<ственном> кошту[31]. Но тогда я себя раздену.

Все равно, — в Америку придется через Par<is>, — тогда плата на пароход во фр<анцузских> фр<анках>. Не могу здесь влиться в работу, и машинка еще в пути. Словом, — грозилась синица море зажечь, — сама опалила крылышки. Я знаю — чудак я, 7 пятн<иц> на нед<еле>, а что поделаешь? К<ак>-ниб<удь> довлачусь

чудаком. Мне **скучно**! скучно по своему укладу. Непривык — к одной комнате, чужой. У себя и стены помогают.

Не судите строго, — милуйте идиота. Нечего мне тут слоняться. Написал Ю<ле> не сдавать кв<артиру> (она уже сдала, **только срок пойдет** с 15 янв<аря>) — я экстр<енно> **отменил**. Здесь проторчу м<ожет> б<ыть> дней 7—10. **Мне ску-чно**! И начались «признаки» язвы. **Что я тут** — боль-ной?! Нет, — к себе! Уж так «**притерся**». На склоне дней **так** ломаться... — трудно. И — к чему?! М<ожет> б<ыть>, бесы и не одолеют. А с теплыми днями — попробую поплавать.

Вы разводите руками и говорите — «ну, и ду-рак! Лётный идиот!..» Таков есмь. Сам вижу — дурак, ребенок... Все еще «няньку» надо. Генер<ал> за няньку. Сейчас скажу ему все — пусть подивится.

Господь с Вами. Дайте совета! По-ско-рей... Мне — ску-ш-но!...

Дома — в стенку ткнусь — думаю то-се...

А здесь... — думы завяли, неприкаян.

Ваш, судорожный, дурак-Иван.

522

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<12.I.1948>***

12. I. 48

Присоветуйте, дорогой Иван Александрович, возвр<ащать>ся ли в Par<is>? Я волю утратил, боюсь расклеиться, начались «явления», грозящие воспалам<енением> «ulcère»; переел, с голодухи, теперь на режиме, но он оч<ень> однообр<азен>: картошка вар<еная> да макароны. У себя-то я сам разнообразил... А тут, в pens<ion> (15 фр<анков> сутки!) мне — не на своих ногах, смутительно... М<ожет> б<ыть>, помещусь у одн<ого> шв<ейцарского> инженера (боюсь русск<ой> «богемы»!) и б<уду> питаться у одн<ой> знаком<ой> по Пар<ижу>. Ин<ж>енер (проф<ессор>) Волошин с женой, изобретатель-ученый, у него в Шв<ейцарии> лаборатория, а квартируют неподалеку от меня. Они только что вернулись из Пар<ижа>, где у них тоже кв<арти>ра, после 10 дней пребывания, и говорят: **кош-**

мар, дороговизь (!), грязь, *всего жди*. Говорят: «Господу помолились, что здесь опять». Вот и смутили меня: ехать ли. Ведь все едино, возвращаться придется, если в Амер<ику> ехать к тепл<ым> дням. *Здесь* я не могу вложиться в работу, неустроенный. И — скучаю по своему обиходу. Ну, не могу, при всем покое, pension'а, да-вит. Уж очень тут жрут! А мне стыдно даже petit dejeuner[32] получать утром! Все не то, к чему привык. М<ожет> б<ыть>, осев, попривыкну.

Куда ни пойдешь — все эталяжи, жратва раздражает! — вызыв<ает> рефлексы: а — **там**-то! А у меня — **праздник**! Не могу. Но и в лапы бесам страшусь попасть. К<а>к присоветуете? Читал вчера (чуть не было vomissement[33], еле сдержался!) в русск<ой> колонии (до 150 чел<овек> было) — из «Няни», оч<ень> хорошо вышло: **приняли** дружно и сейчас же (15 мин. чтения) — домой. Отбыл долг.

Не ндравится мне тут — только храм хорош, забываешься. Пойду к о. Леон<тию>, возьму чего из библиотеки. А то сижу на газетах. А в город не тянет. — Меня и Paris никогда не завлекал. Не выношу отельной жизни: весь я московский, укладливый. А тут — калейдоскоп, все разные лица, — спуститься в саль-а-манже[34]. Меня давит даже чистота сервировки: предпочел бы русскую харчевню! Словом, к<а>к Вы определите: *собой* я недоволен! Отсюда — **все**. Ка-кой я «прежний Шмель»? — я — скула. И Вам — навязался. «Ах, дайте-дайте мне свободу!..»[35] Явно дурака ломаю: какая тут Испания? Глупости лезут в башку. Б<уни>н уехал в Grasse, — зело кровоточивый, — к<а>к из P<aris> пишут, — и эмфизема, задыхается. Видать и мне пора помирать: ничего уже не радует. Но хочу добрести до М<онасты>ря, помолиться надо... **родного** черпнуть. Если бы не б<ыло> в Жен<еве> храма, — полная бы пустыня! Недурно поют певчие. И о. Л<еонтий> служит умело, не затягивает. Дожд<аться> бы Вел<икого> Поста! Поздняя Пасха, по нов<ому> ст<илю> — 2 мая! **Скушно**! Видимо, **все** изжито. Быт **не** у себя — лишает меня — **меня**.

Терпеть не могу казарм, пусть роскошн<ых>, и вообще, проходн<ых> дворов. Отругайте меня!

Привет.

Ваш Ив. Шм.

Примайте endospermine. Я пока оставил.

523

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<13.I.1948>*

13. I. 48

Дорогой друг!

У нас буря и *фёнище*: чувствую себя отвратительно, лежу, но отвечаю немедленно.

Уезжать *не* советую. Надо преодолеть прострацию и высидеть в Женеве.

Мы жили когда-то в Париже на *Boulevard Raspail* и называли его «распавшимся бульваром». Это каждый из нас может стать таковым, а Вы доселе держались героически, после ухода Ольги Александровны. Однако Иван Царевич — тоже прямо *плакал* на распутии, что и Вам *советую*. От слез душа умягчается, вздыхает — отдыхает, приходит *молитва*, а от молитвы *крепость*. В Неупиваемой Чаше стои́т не раз: «и укрепился».

У Вас от *долгого голода* и *нервного перенапряжения* ослабла *волевая* функция. Это естественно и неизбежно. Надо ее *восстановить*. Это возможно у Вас только *через дух*. Советую: сесть и начать писать — *не* Пути — (это потом), а новый *неожиданный* малый рассказ, на увлекающую тему. Чтобы заструилось-загорелось. Через час Вы найдете *себя*, свою *духовную волю* и верное решение. Обстановка увидится как *не*существенная, люди — как художественные объекты, природа как Божие диво, а сам — как в руке Божией. *Она* привела Вас в Женеву — ну и *сиди*, и *терпи*, и *пой гимны*.

Не следует лишать Ознобишина смысла жизни: он *Русской Литературе* приобщился, в виде скамеечки, а Вы хотите гордость разводить. Ни к чему. Пусть платит и *гордится*. Это *Вам* кажется — уйма; а ему *не* уйма. Но за 15^{36} пансион *обязан* давать *хорошую* замену: манную кашку с вареньем, компот, и что еще можно. Пускай

Ознобишин поговорит с пансионихой: *у нас надо требовать;* а картошку пусть кладет себе за пазуху.

Вашего гадания по Евангелию — не уважаю. Соблазн! У Бога из огорода яблоки воруете. Ведь Он *скрыл* будущее? Значит, должны *сами* доходить — земным рассудком, политическим созерцанием, силою построяющею неданное *из данного*.

Я только что написал меморандум, *обратный* Вашему гаданию. Советы войны *до смерти боятся*: она их может *только погубить*. Посылаю текст: попробуйте прочесть. А весной будет комбинированная попытка *революции* — в Италии и во Франции. Я думаю: будет кровь и коммунисты *проиграют*. Зачем Вам лезть в этот клоак? Благодарите Бога и сидите тут. Пишите *свое*, хотя бы и *не* Пути, и готовьтесь к отъезду. Посылаю расписание пароходов. Посылки в Париж (почему это он у Вас называется «Paris»? Я каждый раз думаю, что Вы пари с кем-то держите...) — так посылки *подождать* раздавать; успеется. Не сгниют. А если в них подходявая пища — то *сюда* переправить. Мы с Борзовым о *Вас* лично и о *Вашей музе* радели — а Вы барскими жестами отвечаете: жертвую на кого-то очередного!

Добудьте себе новый № Мельгунова — «Россия и Эмиграция» и прочтите фельетон Васи Белибердяева.

Обнимаю. Беспокоюсь.

Меморандум *доверительный, только для Вас*. Верните мне его.

Если ехать на пароходе — то *воздухом* в Англию, в Англии на пароход.

524

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<16.I.1948>***

16. I. 48. 8 ч. 40 м. в<е>ч<ера>! Ти-ши-на..! Слышу, как ***горит*** элек<трическая> лампочка.

Дорогой Иван Александрович,

Со вчер<ашнего> дня (3 ч.) стал «на свои ноги», но... **ног** не чувствую, — а чувствую: да не спятил ли я?!.. И на кой ч<ерт> понесло меня в сию **щасливую** страну?! Состояние мое... (понятно, не капиталы!) — неопреде-

лимо, как бы нечто иррациональное. После «праздников» (?!) в Мирабе, — как бы **чистилище**. Ни **здесь**, ни — **там**, а где-то **между**! Какое-то — между-состояние. Пребываю у инженера **Германа** (!! — см. «Пик<овую> Д<аму>»!) Оскаровича (Оскальевича? Искарьевича?) Риш (Rich), 15, B-d de Georges Favon (а м<ожет> б<ыть> и Паон, не то фараон) в кв<артире> **пустой** и мрачной. А хозяин — кажется, добр<ый> человек, но со странностями: что-то все чертит (*не* от сл<ова> черт!), говорит (чуть) по-русски (бывал в Имп<ерии> Рос<сийской>), чистый швицар... лет под 60. Оч<ень> советовал знающий его о. Леонт<ий>. Спать ложится в 7 в<е>ч<ера>. Мертвая тишина... И это мне, будто, преддверие к пустынножительству... Если так на недельки две... — зачисляйте в схимонахи. Хотел **тишины** — получи. Получил. Чую, что ни единой образо-мыслишки не сродится. Надо говорить, а писать в п<ись>ме — мысли, как испуг<анные> мыши трррхххх! — Такое «состояние»... — ой, держите, спячу!... Но... должен быть **доволен**. ***Слышу*** тишину. *Так* могут слышать у-по-кой-ники. Чтобы ***все*** изобразить (**мое** и — **вне**) надо помело (не кисть) Гойи[37] и... «канатчиковских»[38], а то из колл<екции> Ломброзы!.. Для п<ись>ма — **неуловимо**. Надо — **видеть** и *осознать*, но... бессознательно.

Если я выдержу неделю, — скажите: смело можешь в 7-ое измерение! Но, повторяю, в строках — **невыразимо**. — Точка. — ***Зато*** (?!) был утешен; пришел чемодан (с машинкой и проч<ей> рухлядью) — pet<ite> vitesse[39]! — поехал его *«очищать»* в таможни (фр<анцузскую> и шв<ейцарскую>) и... это ли не **чудо**?! — (м<ожет> б<ыть> я стал преподобным?) так обернулось (!!?), что тамож<енни>к (швейц<арский> ли, франц<узский> ли?) похерил мою декларацию... ***не велел*** упоминать о машинке (хотя бы и зело user[40]) (даже испорчену!) *заставил заполнить* снова и... все! Никто ***не приказывал отпереть***! Как-то вышло как бы в безвоздушном пространстве, ***вне*** земных правил! Да еще *оч<ень> сочув<ственно>* на меня *любовался* чинарь-тамож<енник>, и я с чувств<ом> пожал его благородную руку.

Словом — сие **чистилище**... как бы для меня, — **участилище**. Ничего не понимаю... Кто за меня молился?... Все б<ыло> обделано в 1/4 часа, при всех-то сло-жностях. И будто я ни-чего не делал, а... смотрю на вализу[41] на свою в своей келии беззвучной, и **откуда**-то — мой? — мой! чемодан!.. Вон он, запелёнутый с Буало! — и *здесь* — !? — и от дед<уше>к и от баб<уше>к **ушел**! А если бы меня заставили отпереть, не знаю, как бы я его отпирал и запирал — ?!... — на это у меня нет сил. По-мню, как я укладывался в Париже... наваливался на крышку... давил... о, Господи!... *Поверил* мне... неведомый таможенник! Не **чюдо**?...

Но что мне делать... дальше? Ждать?.. Чего?!.. Здесь я не выдавлю из себя тени слова — образа, **знаю**. Чего — ждать?!.. Ку-да ехать?...

Я т<а>к обжился на своей Буало! — под бомбами!!... Или я — заболею..? 2 дня почти нич<его> не ел: *не* **хочу**. Сейч<ас> поужинал, насильно: 1/2 чаш<ки> молока и 1/2 булочки в 1 вершок. Это... с 10 1/2 ч<асов> у<тра> — и в движениях!...

Благословите — *не* спятить. Помяните в молитве!

Ваш Ж<ан>-Фавон.

NB: Не примите сии полуканатчиковские строки за мое недовольство: нет, очев<идно>, ***так*** надо.

1). Ген<ерал> Озн<обишин> выше похвал! Он лишь **понял**, что мне нравственно трудно быть *не* на своих ногах. И *не* настаивал. Он б<ыл> о-чень внимат<елен> ко мне, любовен. Но надо и честь знать: 21 сутки я смог выдержать, ибо *не* от меня зависело мое «неустройство». И вот — устроилось, к<а>к мне, очев<идно>, **полезно**. См. «чюдо таможенное» — и еще кое-что.

2). Он же привез мне в мой «затвор» тамож<енную>, *на его* имя, карту, на след<ующее> утро по м<оем> отбытии с его... милой заботы.

3). Rich — о-чень предупредителен, к<а>к только может б<ыть> сверх-внимателен русско-швицар! Даже поднес виз<итную> карт<очку>, начертав: «С Н<овым> Г<одом>, с Нов<ым> Счастьем»! И показал фотограф<ию> былой Имп<ераторской> Семьи!..

И — чаем угощал, и... ну, *весь* внимание и готовность. ***Лучшего*** я не мог бы найти. Я к<а>к чумы боюсь — *русской богемы*! Затрепали бы! (Читал 1/4 ч<аса> на вечере рус<ской> колонии «Няню». Сл<ава> Богу) — чуть не стошнило от преступ<ления> нарушения диэты. Rich предлагал даже угостить (в субботу, 17-го) «борьстчём» — по-русски. Но я давно отборщился. Vivrons-verrons[42]. Надо **принимать** — ***Дано*** — Для **чего**-то. **Мои** отшедшие — пекутся обо мне: **ясно**. И надо уповать. Очевидно, *все* — **наилучшее** для меня. *Вручаюсь*, но... по едкой земной привычке — **себя** высмеиваю. Не считайтесь с сим. Но, все же... ***что*** же мне делать **дальше**?! Или мне суждено... **спятить** — и впрям<ую>, и в *переносице*?

Вы — мудрец. Вглядитесь в сии мои «земные вещи». И — **что** Вы мните? **видите**?!...

Ждю. Молю.

И — да буд<ет> Господь Вам обоим — Светом.

Схим<онах> Иоанн*)

NB: Вы сказали о загад<ывании> на Св. Еванг<елии>: что я ворую в Госп<однем> огороде...

От предков сие, и не у меня одного (см. Булгаков, «Автоб<иографические> заметки»).

Сейчас, весь в распутице, воззвал к **моим**: **«направьте!»** — «помогите ***себя деть***!...» — и мысль — открою Ев<ангелие>. И вот, только что: Луки, гл. I, со ст. 62 *и до конца гл<авы>*. Вот, **как** отвечено. М<ожет> б<ыть> и **ворвнул** стручец из Бож<ьего> огорода... да как же хоть росинку не слизнуть?! Жа-жда, ведь! А **Он** — **все** простит. Ибо — **все** видит. Хоть бы и воришкой быть, да в Его огороде... — иного звания **недостоин**.

Не вмени, Господи. Но нет у меня силы к выводам — земной логикой из земного: краду *у Приявшего к Себе* и... разбойника. Ну, а воришку-то... хоть бы оттрепал Отечески! Приму, Господи.

---

*) как бы во чреве китов<ом> — глух<ая> тишь.

525

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<19.I.1948>***

19. I. 48. 10 ч. вч. Богоявление.

С Ангелом, милый Иван Александрович, завтра Собор И<оанна> Кр<естителя> Г<осподня>. Будьте в ангельстве Вашем светлом, широтворящем, здоровы будьте, дорогой. С дорогим Именинником, дорогая Наталия Николаевна! — святитесь и светитесь, оба.

Я изныл, и стыдно глядеть на свет Божий. За детскую свою глупость, — увы, содеянную, так непростительно-безоглядно, так... бездарно! Для чего я **тут**, как выкинутая на отмель ветошь?!.. Ни-когда, за всю жизнь, не б<ыл> я так бездомен, так одинок, т<а>к **не нужен**! Нет сил прижиться, ибо не для **чего** мне тут быть. Теперь я страшусь: ну, заболею?!... Тогда — гибель. *Некому* за мной ходить. И **никто** — да! — мне здесь, в ненужной Женеве мне не близок. Там, на Буало, стены мои были родными мне, и трогательная забота Юли (о, какая **чистая**, **родная** забота!) меня согревала. Я т<а>к привык к своему **быту**, что и лишения, и докучные хлопоты-мелочишки не отнимали у меня сил душевн<ых> и тел<есных>. Здесь... Утром я долж<ен> идти за молок<ом>, хлебом... сготовить «p<e>t<it> deje<u>n<er>». 1/4 1-го — я должен идти, — какая бы ни б<ыла> погода, здоров или недомогаю, — завтракать в милую русскую семью (м<уж> и жена), проф. Волошина, хода 20 м<инут>. К 2 1/2 я дома, и 1/2 дня пропало. Я долж<ен> лежать... а вечером, в 7—8, — напиться чаю, что ли, с молоком... Какие тут творч<еские> мысли?!... — а, главное, я *не* знаю, как, когда, куда **должен ехать**. Я как бы сам себя выкинул из жизни, из колеи, из **уклада** — в **хаос**, в **пустоту**: я весь в колебании...

Нет, мне нужна **основа**, оседлость. Все равно, я долж<ен> вернуться во Фр<анцию>, если ехать в Амер<ику>. Но я уже не верю, что я д<олжен> ехать, что я найду сил, воли — поехать в Ам<ерику>. И потому не дивитесь, если я соберусь с духом... вернуться в Париж. Чего я от себя **бегаю**? Я помогаю силиться неврастении... меня бьет сознание, что я за эти 2—3 мес<яца> не

мог **ничем** зажечься. Этот «этап» — кошмар мне, дикий сон. И я, я, я сам его создал, надо было *вручить* себя Воле Господней, а *не* самовольничать.

Простите, — с чего я Вас-то бременю, под В<ашими> окнами... **вою**?! Глупо и бесстыже.

Я потерял волю, я не имею ее настолько, чтобы сменить белье (его в обрез, правда, а получ<енный> чемод<ан> не хочу разбирать). Нет, сорвусь... и выдержу. Досадно, 80 шв<ейцарских> фр<анков> вперед за комн<ату> отдал.

Все равно, сорвусь. Ой, не бейте!

Хорошее же п<исьме>цо... ко Дню Ангела!

Бей-те же! Стóю.

Ваш Идиот.

<Приписка:> Получил от чистой сердцем и мудрой женщины из Пар<ижа>: «Здесь наверное скоро будет «тряс»! *Не возвращайтесь*!» Она очень глубоко религиозна!

Что бы там ни было, мне надо, очевидно, *не* трепыхаться, а... *выждать*.

Нынче, утр<ом>, чув<ствовал> себя *покойней*!

526

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<22.I.1948>***

22 I 1948

Спасибо за поздравление!

Дорогой друг!

Разрешите мне высказать Вам мой диагноз. Ваше состояние, которое Вы мне описываете в последних письмах, есть *не духовное* истощение и *не* «душевное заболевание», а *упадок телесного питания*. Безволие, которое Вами овладело — *голодного* происхождения; кажущаяся «неврастения» (нервов недержание) и кажущаяся «психостения» (души недержание) — *голодного* происхождения. Вы за *годы* и особенно последние *месяцы* в Париже *переголодали: голодны* нервы, центральные. Надо, необходимо наладить соответственное желудочной потенции *питание*: утром, днем (4—5) и вечером (7—9). В этом *все*. Надо впрыскивать Бенерву. Очень прошу Вас: обратитесь к доктору Henry Brantmay. 4 rue

Ele-Jung. Понед<ельник>, среда, пятница 13.30 до 16 дня телеф<он> 4-69-71. Он, узнав, что Вы русский, любовно выслушает, вникнет и скажет, *как поднять питание, блюдя язву желудка.* Это главное. Если Вам захочет наладить это дело Ваша инженерша из Парижа — примите и послушайтесь. *Голодные нервы создают депрессию и абулию*[43]. В Париж возвращаться — безумие! Весной там будет (особенно в Париже) новое восстание.

Доктора Brantmay я знаю *лично.* Евреват, но сердечен, заботлив и гонорарно отнюдь не жаден (со мной возился целый час, впрыскивал, создал план лечения — и запросил 3 франка!).

Я вижу и знаю, что *все мои последние письма до Вас* (до Вашего ума и сердца!) *не доходят*!! Вы психо-духовно спускаете их в «защечный мешок». Но я *большего не могу*; я сам лежу и приехать не в состоянии.

Если не поднимете питания — осторожно, мерно, качественно, систематически — *не выправите крена.* Если Вам нужны продов<ольственные> купоны на что-нибудь — напишите мне. Если продукты — тоже. Мы с Ш<арлоттой> М<аксимилиановной> сделаем все, что нужно. И еще: «посмотрите на полевые лилии... и на птиц небесных...»[44] — и *не считайте каждый день деньги.* Это Богу противно.

Обнимаю и болею о Вас душой.

Ваш И.

Очень прошу: верните мне немецкую статью (на машинке писанную), кот<орую> я Вам прислал. *Экстренно нужно!*

527

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<23.I.1948>*

23. I. 48. 6-30 в<е>ч<ера>. Снег!...

Сейчас — Ваш exprès[45], дорогой, чудесный друг, Иван Александрович, — и ка-ак же меня согрело-подняло! ка-ак же обласкало!.. Ми-лый, **все** у меня есть, всего хватит! — Милостию Божией. Воистину.

Я уже **воздвигаюсь**, за эти 3—4 дня до 20 пис<ем> написал!... — и все надыть. Окнижился, под церковью —

сборная библиотечка, и есть интер<есные> старые (толст<ые>) журналы! и — классики. И среди «мусора» («ключ. сч.»[46]) есть и живое. С меня хватит. Хозяин — оч<ень> добр<ый> человек, оч<ень> внимательный. Я — в полной тиши, т<ак> к<а>к никто не дергает. Рад, что неподалеку отличная церковь (всенощные люблю!). Это даже хорошо, что **хожу** завтракать (наш русский «обед»!) к Волошиным, ем с охотой, — и все подходящее (3 блюда! 2 с 1/2!) — душа отходит. Ходу — 16 м<и>н<ут> да назад. Вот и обязат<ельная> прогулка. Могу мыться, отличная ванная, ***всегда*** оч<ень> горячая вода, **чистота-а**!.. У инженера Rich **все** прилажено: для каждой вещички **свой** гвоздик, на все **своя** тряпочка, пробочка, полочка, ящичек... для каждой кастрюльки ***своя*** щеточка, для каждой щеточки **свой** крючочек... словом, — та-ка-я дисциплина, что самому пункт<уальному> немцу и не снилась! И это очень меня успокаивает. Я никак не стеснен, ничем. Слава Богу. Воля и «просветление» возвращаются, и думы устремлены в пункт света — Jordanville, что под стенами Обители Св. Троицы. О Пар<иже> *не* помышляю. Ибо **все** (ну, до мелочей!) так складывалось, будто **установлен** (Кем?!..) план, и эт<от> пл<ан> выполняется, почти помимо моей ломкой воли (своеволия). Да, именно, — **туда** мой путь, и эт<от> путь мне, будто, нужен, как бы предуказан. Такое чувство...

Милый друг! Ни в чем не испытываю нужды (с Вами свидеться — вот этого хочу и достигну, Бог даст, хотя бы перед отъездом в Ам<ерику>, — иначе и не мыслю!). Благодарю Вас за чудесное сердца движение. Благодарю, — через Вас — и Ш<арлотту> М<аксимилиановну>. Но так все сложилось и это м<ожет> б<ыть> уже лет 10 тому начало складываться, когда я — с чего-то — некий остаток **забыл** в Chur'e[47]... — как это оказалось промыслительно! Да я **знаю**: Господь подает! «Воззрите на лилии полевые...» — напоминаете Вы. **Именно**. Да, мне *нужно* важно — быть **возле** Обители... — для многого.

К доктору, В<ами> указ<анному>, — м<ожет> б<ыть>, побываю. «Язва» пока не беспокоит: м<ожет> б<ыть>, потому, что перед путем мне сделали 6 уколов,

междумуск<ульного>, новейшего, чудодейств<енного>, нем<ецкого> средства, в двойной комбинации, не успели еще сделать 6, — умчалась коловшая девочка (Ди-Пи) в Парагвай, — и вот (о, не сглазить бы!) даже сверхнарушение режима в pension'е и в дороге — ведь с неделю «безобразничал», и даже вино пил! — компания!! — и всякое жаркое жрал, и вс<якие> соуса, — и вот, были сильн<ые> **отказы** estomac, но не было писка «язвы»! — ?! Это средство поведано было одному нашему стар<ому> врачу каким-то *ученым* медиком-немцем, при оккуп<ации> — «самое последнее слово, **чудодейственное**!» — и наш доктор (75 л<ет>) излечился от язвы жел<удка> **совершенно**. Можно б<ыло> достать только в одной аптеке — лаборатории! — в Пар<иже>, на rue de Paradis. Мой (с Буало) апт<ека>рь выписал. Со мной остальные ампулы по 6 в двух коробках, причем в одной еще — 6 — обезболивающих. Соберусь — буду докалываться.

Нет, я всякое Ваше п<ись>мо держу в сердце, по неск<ольку> р<аз> читаю. **Почему** Вы говорите, что опущаю в «защечн<ый> мешок»? Такого — для **всего** Вашего, от Вас, через Вас... — нет у меня. Это — **правда**. Иначе я был бы — чурбан и «моветон». Ни для кого моя душа не открыта **так**! И Вы знаете это. Я был бы непоправимо, жестоко обделен жизнью, если бы не узнал Вас и не научался от Вас. И не укреплялся бы Вами, и Вы знаете это. Вы очень чутки ко мне, нежны и — **милостивы**. И я всегда, — как *ни* от кого, — **выслушивал** и советы, и указания, и остережения: и в моем личном бытии, и в моей писат<ельской> работе. Я **вбирал**, внимал, — и ценил. Разве я не сознаю, что я — при Господних дарах (какие бы они ни были) — **недоносок**, в см<ысле> культуры, образования, хоть и прошел учебу, и жадно читал — учился, и все еще хочу, хочу учиться, — так мало **зная**, такой еще побирушка-нищий! Где я мог, на как<ой> основе (от предков) строиться?! Я брал, — даже при моей относит<ельно> удачной хватке, — все трудом брал, без «закваски»: (о сем есть замеч<ательные> письма Чехова — Суворину, кажется). **Порода**-то моя — се-рая, пестрая, **не** — чистокровка я. В смысле отложений — в поколениях. Да, Вы **все** понимаете. И

вот, в моей «бедности», умств<енно>-духовной, мне было даровано! ско-лько же прихлебнуть из В<ашего> родника! Я это о-чень знаю. И полновесно ценю. И Вы это знаете. Но только *я*, *я* знаю, сколько я получил благодатных **толчков**... и как смелел и обогащался. Satis.

Правда, я уже уравновешиваюсь. Думаю, что Вы верно определили: всяческое оголодание гл<авным> обр<азом> — обеднение нервопитания. И я исправляю это. Уже 4 дня принимаю endospermine и cellucrine. И правильно питаюсь. Только неровен сон, приходит с упорством, помочалив часа 3, после того, как лягу (от 10 ч<асов> в<е>ч. до 1 ч. ночи). Но это пройдет. Пью молоко, почти бросил курить, — 2—3 папир<осы> в день, кусочками. Ем *охотно*, даже — радуясь. И чувствую уже **возможность** — пописать. Но тут важная задержка, — придержка: ***надо*** добиться оседлости. А она — в конечном пункте в Jordanvill'e: так врезалось в дух мой. И так всегда было: если что *предстоит* преодолеть — я не могу вложиться: как бы на юру я, в **пути**. Ведь я весь — невыдержка, нетерпение. И посему **никогда** не мог ничего заносить в «зап<исные> книжки»: их у меня не было, *никогда*. Они мне казались лишними. Внутреннее мое как бы шептало мне: «я удержу, чего заносить! — время тратить?... ты — **хватай** и всыпай в **себя**... а я все расположу, как надо...» Конечно, многое пропало... порой — жалею... А если и заносил, так такими «стено», крючками, как Вас-Василич в «Л<ете> Г<осподнем>», что и сам после не мог расшифровать. И — плюнул. Па-мять — лучшая «запис<ная> кн<ижка>». И она **все** оправдала. У меня **все** — во мне.

Итак — **спаси-бо**! за сердце Ваше. Теперь, Б<ог> даст, налажен. Пока не вижу, к<а>к снимусь, но чувство есть: м<ожет> б<ыть> прямо в Англ<ию> (получив уже здесь турист<ическую> визу в С<оединенные> Ш<таты> — у меня три affidavit, и деньги на дорогу переведут (как-то) сюда, ассигн<ованные> Кул<аевским> Ф<ондом>) — Н. В. Борзов писал мне. А там — тоже есть сколько-то, мес<яцев> на 4—5, пока. А издание-то? Бог даст — с меня хватит. Да вот Вам документ, прилагаю письмецо-avion, пересл<анное> сюда из Па-

рижа (из Амер<ики>, С.-Франц<иско>). *Пожалуйста, верните его*: это такое важное — для меня! — свидетельство Милости Б<ожией> — укрепление мне, указание, что мой план к<ак> б<удто> одобрен.

Не удивительно ли?! Какое «скрещение» путей Жизни! Напиши ***так*** беллетрист, скажут: «какая бездарная, глупая, пристегнутая, на-думка!» — А вот, Жизнь... Она умеет то-нко выписывать **свои** узоры.

Так началось. В 10-х чис<лах> декабря я получил *неожиданную* посылку (оч<ень> хорошую) от неведомой мне Марии Соловьевой... — ?! — В хлопотах с отъездом, в необходимости написать многим — и по издат<ельским> делам, т<а>к ск<азать>, «убрать хвосты», я все же — почему-то, не откладывая до Женевы, напис<ал> этой М. Сол<овьевой>: благодарен, но *почему мне* и *кто* Вы? И вот, вчера получил в пакете пересланной — Юлей — корреспонденции — **ответ**. ***Что*** это?!!! Всмотритесь. Какая и **когда** — связь... с далеким?! С нашим «двором», с Москвой, с Калужск<ой> ул<ицей>... и эта, неведомая, М. Сол<овьева> — ставшая, м<ожет> б<ыть> гражданкой С.Ш.А., из Калифорнии, — **родилась** в доме... Шмелева! Только **один** д<ом> Ш<мелева> — **наш**. Во всей Москве. И эта С<оловье>ва, на пороге великого моего **пути**... *так* пишет?.. Я ей из Пар<ижа> пис<ал>, что, м<ожет> б<ыть>, придется мне б<ыть> и в Калифорн<ии>, и тогда я *лично* поблагодарю, что у меня сейчас ни одной моей книги, и я покидаю Фр<анцию>. И вот — «помните... землячка... *прямо* к нам». ***Что*** это?!... ***Веха***. Как бы подкрепление: «твой путь — верный» (т. е. — непротивный Воле Божией). Так я и укрепился. Прав ли я? Ведь надо же **выдумать... такое**?! И **такого** немало было за эти месяцы... Я уже писал Вам, **как** складывалось: я почти не заметил *моих хлопот*. Как бы ***за*** меня... творилось.

И вот, Ваш exprès, на мои сумбурные — преходящие — ламентации или полулам<ента>ции! Вы — **укрепляете**. И я это так и принял. Я посветлел от В<ашего> — exprès... И — почему нуж<но> б<ыло> — exprès? Очевидно — **почему**-то... (Еду на одном *русавом* пере, из Парижа, и все забываю перышко купить. А дар О. А. Суб<ботиной> — стило — сломалось! Тьфу!!)

Я знаю: **там**, все мои отшедшие, — сильная, обо (по) мне, ***опека***. Я — в заботе, я не забыт. И почерпаю силу. М<ожет> б<ыть> дано буд<ет> мне — **чисто** и светло, радостно закончить мой писат<ельский> путь, пусть даже и не вполне задавшимся «опытом духовного романа». М<ожет> б<ыть> **там**, бл<из> Обители, — потребно, полезно душе моей... Пусть это буд<ет> лишь **маревом** Родины... Мне нужна **молитва**. Пусть — в притворе только, как «оглашенному».

М<ожет> б<ыть> мне доведется, если будут возм<ожности>, поехать и в Калиф<орнию>, воздать посильно, — чем и как могу, — за добро от добр<ых> людей. Там у меня, до *6* опорн<ых> пунктов, верных читателей — *есть*-таки! — слали мне разные... согревали и питали. И Вашего **меду** — не одна капля тут. Ну, дайте, обойму Вас!

Спасибо, милый. Кланяюсь Наталии Николаевне, Вашему хранителю. И уповаю — как же хочу! — видеть Вас, душу отвести, благодарю Ш<арлотту> М<аксимилиановну> — **спасибо** ей! Возвращаю В<ашу> нем<ецкую> копию.

Ив. Шмелев.

<Приписка:> Вполне растерёха я: даже адрес<ной> кн<иги> не имею! (ч<ерт> зн<ает> что!)

И — ка-ак я жизнь прожить ухитрился!

На себя смешно. А все же кое-что я написал-таки. Сл<ава> Богу.

<Приписка:> *NB*: !!! Очень прошу: адр<ес> Н. В. Борзова, личный, с *Berkeley* — затерял, а оч<ень> **надо**.

528

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<24.I.1948>***

24. I. 48. 10 ч<асов> у<тра>.

Слава Тебе, Господи! Встал — ничего себе, сыт, в тепле, — а снег-то валит!... — и никаких «grèves»[48]!.. — благодать-то какая!..

Сейчас пущу Вам, дорогой И<ван> А<лександрович>, письма.

Нет, **все** выбираю, а не — в «защечный мешок»!.. Ну, и сло-вес-ник Вы!.. «Писание» придет. Насчет Озно-

б<ишина> — право́в не имею: а благодарен, что поддержал. «На чуж<ой> каравай...» и т. д. — у него и так — и без меня, — есть «опекатели» и рвачи.

В «клоак» не полезу, — решено. За «пароходы» — спасибо: м<ожет> б<ыть> на каком-то и усядусь, придет срок. Посылки не по праву получал, а потому облегчаю себе, *делясь*. Это *не* жертва. Дал бы Бог — истинно «от себя» оторвать», мне сия *выучка* очень важна: дает **дыхание**. Не нахожу нов<ый> № Мельгунова. Есть? Ох, перебросьте, я через день верну! Хочу «Белибердяева»! Писал Ант<ону> Влад<имировичу>[49] прислать его лекцию — «Права науки и пр<авила> Веры». Только зубами пощелкал на «Die grossen Zusamm...»[50] — а прочитать силов нет, — малограмотен. Если бы смиловались — по-русски дали, — или по-фр<анцузски>! Шлю, скр*ы*пя сердцем.

Посылаю дикое п<ись>мо моряка-коммуниста. При случае верните. Отвечать *не* на что!

Верю почте, а потому — *простым*. Денег не могу не считать — такая у м<еня> дисциплина: протягивай ножки — по одежке, а то и совсем **протянешь**. А мне еще нужны «живые» ноги, ибо... предстоят немалые дороги... придет пора — «ну, волоки на дро-ги!»

Господи, как же я светел, что Вы — **есте**! Осыпаем Милостию Божией... и «Слава Тебе, показ<авшему> нам Свет!» Ныне и «Швейцария» свет. Какой снег!.. Да разве, в тепле и сыти... — не радость это?! Но как вспомнишь, **что там**, в аду?! — страшно делается, и страшишься **есть такой хлеб**!... От него глаза **колет**.

Увижусь ли с Вами? когда?... И почему Вы все — **лежите**?!... Восстаньте!.. Мне советуете то-се... а сами... какой пример?! Я старше Вас лет на *8!* Эх, скинуть бы... — я бы тогда «наломал» бы палок..! — кажется, романище бы ахнул... «Спас Черный»... Так и не сродится.

Вввваш Иона,

выблеванный таки китом[51]! Счастливец — «зайцем»! А ныне вон — проспекты, доллары... М<ожно> сказать — в какой же комфортабельности путешествовал! Не за «безбилетность»-то выплюнут был?...

И. Ш.

Восстановили-таки «посвящение»!

Ох, уж эти «штучки»!... Институточки рассеянные, подумаешь...! А одну стерву *прихлопнули*-таки! Осталась «вдова» Ступкина, самая-то бардельная... — придет срок и на нее. А «Р<усская> М<ысль>», правда, *не* блещет: нет силов. А мечтает — 2 раза в неделю бы! Уповала на генерала Озн<обишина>... да уж много на него упователей! Узнал: у него редк<ая> коллек<ция> истор<ических> автографов! и какие пи-сьма! Тщится перевезти сюда, а полу-племянник вцепился, отговаривается. Автогр<афы> Петра, Екат<ерины>, 28 фр<анцузских> королей... до 30 или 50 пис<ем> Суворова... — на американца если — на сотни тыс<яч> долл<аров>. Возьму у него список... Вчера он мне кое-что **порассказа-ал**... ка-ак его **рвут**. «Сколько ждут, вот окачурюсь!...» Да разве я могу — в такую компанию-то?!... — он — чисто — ди-тя!

Обнимаю. Нат<алия> Ник<олаевна>! Поднимите Ив<ана> Великого! Молюсь.

529

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<26.I.1948>***

26/I-48.

Дорогой друг!

Наконец-то Вы «прочкнулись» (как Иван Бебешин[52])! Слава Богу. Ведите режим-прижим, купайтесь, спите, лечитесь, ради Господа — и прочкнётесь *до писания.* Я, читая Ваши письма, даже рассмеялся (по-чешски: «пропукнути до смиху»...). Но к делу.

1) Адрес Борзова:

Mr. N. V. Borsoff. 2147 Ward Street.

Berkeley. California. U. S. A.

Пока он жив, он будет Вам помогать.

2) Журнал Мельгунова выписал себе в 5 экземплярах (тогда пришлю!). А свой куда-то забельшил[53] — вот уже 10 дней найти не могу. «Ναί μὰ κύνα»[54], как говорил Сократ; — по-русски *я* перевожу: «ко псу под хвост».

3) А видаете ли Вы Социал<истический> Вестник? Там в последнем № кое-что любопытное!... Читал — ажно вскрикивал: «ах, тетка Ваша подкурятина!» *Евреи сами о себе* — лирическая исповедь, надгробие семи

миллионам погибших — с <u>*надеждами*</u>*). Ну и ну! — как говорит мой милый отец Леонтий...

Хотите, пришлю на подержание? Только чур не подтираться — на зад присрать (Рахманинов вместо **л** говорил **р**).

4) Очень жаль, что Вы не одолели немецкую пись, которую я Вам посылал. Не могу переводить — *лопну*. И так пере-пере-пере-пере-напря-напря-напря-жен! Потому и лежу.

5) А про «Васю Белибердяева» кто-то мне писал, будто он уже второй номер выстряпал. И никак не могу догадаться, кто сей «онаним» или «пселдоним»?! Может, *Вы* догадаетесь?

6) Позвольте покаяться: *если* Вам все равно, то при всей любви моей к Вашему тончайше-эмоционально-одухотворенному почерку — мне *легче* глотать Ваши письма в машинописи.

Обнимаю.

Некто лежачий, именуемый Оно.

verte

Мы усю жизнь так прожили: «Бог даст день — Бог даст и картошку».

<Приписка:> Соловьеву возвращаю. Федора Норвежца еще не прочел — верну[55].

530

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<28.I.1948>*

28. I. 48.

Слава Богу, дорогой Иван Александрович, Вы то-же «прочкнулись». Но как же Вы **все** помните! Ск<олько> раз примечал. Го-ло-ва-а...!

Гнусно пописыв<ает> Морияк-езуит[56] о нашем. Оказыв<ается>, все **это** — никак не какой-то большевизм, а... панславизм! И это не впервой. Тут не недомыслие, а — мелкая злость. И **некому** его отодрать. Вы только могли бы. Карт<ашев>, к<а>к и Вы, чураетесь «Р<усской> М<ысли>» (конечно, малосильна!), и негде, выходит,

*) опять устроить Бунд в освобожденной России... Просчитаются!

печататься. А отодрать за уши на-до... или — по фр<анцузской> манере, по щекам отхлестать. Дайте же ему в морду! Лаз<аревск>ий[57] не дотянулся.

Жажду — и Мельг<унова>, и Соц<иалистический> В<естник>. Одолжите. Хочу «Белибердяева»!

Был Мирос<лав> Гроссен, — В<ашего> помазания, сл<ава> Богу. И сколько я встречал с В<ашим> помазанием, — и все зело путные! Звал в Берн, почитать. Разве медведёв посмотреть?.. Говорит — будет челов<ечест>во. Ну, немного. Был о. Л<еонтий> вчера. Трогательна, светла В<аша> забота обо мне, — **знаю**. Ему не могу отказать, почитаю у него в кв<артире> — для 10—15 душ... — чего-ниб<удь> найду, хоть и нелегко это ныне мне.

След<ующие> п<ись>ма — машинкой!

Чую — дух у Вас добрый, — восставайте же! «Что ты спишь, мужичок...»? Вы — **здоровы**, по тону чувствую. Оснаститесь всеми парусами — и дайте стервецу М<ориаку> — помажьте ему В<ашим> **скипидаром**! Некому больше. Да еще — умойте разговорщиков («нов<ая> эмигр<ация>»!) в Н<овом> Рус<ском> Сл<ове> — их нос-задирай: неучи, а все — мы, мы... — накачали их, дураков, — «даешь Ивропу!» Нечему нам учиться «у старых Колей»[58]! Маевский[59] — человек с дарованием, тщится... А Вы... — в 2 словах пригвоздите. Ми-лый! возьмите себе «пселдоним» — да хоть через хромоту «Р<усской> М<ысли>»...! Ведь **все** читают!... Я все еще не в полном **духе**. А лапки чешутся. А Вы — **сверху**, ка-ак плюнете! Все мыши — прррххх!...

Удручен немецк<ой> безграмотностью своей. Ми-лый, к<а>к **жду** — см<отреть> на В<ас> и — внимать! Но... как же я **беден**, всячески!... С Вами хоть час побыть — на богомолье сходить и — зарядиться.

Жду не дожд<усь> «Лета Госп<одня>», — поклониться Учителю. Благоговейно и благодарственно. Вы — в моих путях — даны-посланы про-мы-сли-тельно. Знаете, Ваши пи-сьма — великое богатство (нет, Вы ***не*** знаете!) — какое чудесное наследство... — и для скольких же!... что за россыпи!.. «Когда-нибудь монах трудолюбивый...»[60] Всех родимых **даров** — воплощение.

О-т-к-у-д-а Вы — такой?!.. И блеск, и гром, и яд, и мудрость, и — **вино**! Я-то все-о распробовал. Вот почему так хотел бы знать, как все сие **слагалось**. Будь моложе, взялся бы за роман... а Вас — вскрыл бы. То-то как В<ас> страшились все левые недоноски! и — думаю — и поныне страшатся. И рады, что Вы — с заткнутым ртом. Конечно, **там** проникаются... И в такие чреватые дни — **шептать**!.. Сердце плачет.

Жду теплых дней. М<ожет> б<ыть> они явят себя раскаленными... Если в ближ<айшие> месяцы не произойдет **удара**, — все пропадет! Недооценивают, что мож<ет> случится. Все еще уговаривают. Страшусь. В 2 недели того натворят, что... в столетие не очухаются. Ведь ударь ныне... — рухнут все силы ада! Старая история — à la Hitler.

Метните мне Соц<иалистический> В<естник>! и — М<ельгуно>ва.

Оплакиваю кажд<ый> потер<янный> день. Немного их осталось. Скорей сесть бл<из> Обители. А тут я как бы дурацки полупраздную.

Подымайтесь же!..

Сердечно-благодарно думаю о Вас. А потому — никак не одинок.

Кланяюсь Наталии Николаевне. И всегда, сопоставляю, скорблю о моем угасшем **свете**. Да будет, Господи, Воля Твоя!

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> До чего же ***надергана*** и так впустую (о таком-то!) ст<атья> Арсеньева!

531

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<29.I.1948>***

29 I 1948

Дорогой мой!

Только что получил Ваше письмо. *Всему* поверил и возгордился-возмордился: стал горд, как сто морд и одна рожа (на кого похожа, *туда же, тожа!?*).

Посылаю нимало не медля: Соц<иалистический> В<естник> за Сент<ябрь> Окт<ябрь> Ноябрь Дек<абрь>.

Не читайте *всего*, не сто́ит, но подчеркнутое красным — *очень* сто́ит. Еще посылаю «Патриаршее» послание (поучительно и паучительно, от паук). Чем скорее вернете (два дня?!), тем лучше. С часу на час жду из Парижа — другой журнал. Тогда вышлю.

Русская Мысль — конечно, малосильна... Но *совсем не в этом дело*. Я *не верю* редакторам, не верю в *подлинную русскость, не верю в их духовный хребет*, в их импондерабильно[61], но *метафизически* сущую честь, совесть, благородство; не верю и в их конспиративную корректность. Петр Берн<гардович> был *скалою личной корректности*. Он меня ценил (ораторски-политически, *не философски*, *этого* он не видел и не понимал), и хотя он меня *никогда не любил*, но вызывал во мне редакторски-политически-нравственное доверие. А эта рухлядь... чем еще кончит? где сидит? и какой им (кроме *католического!*) еще суппозиторий[62] снизу поставлен?! А где я не верю — там и яиц не кладу... Вот где гвоздь, вот где закавыка...

Обнимаю.

Ваш некто лежачий, именуемый Иоанн.

PS. Решил проверить Вашу, столь для меня драгоценную, любознательность: как возникают такие «индивиду́и».

Нам рассказывала кормилица младшего брата (прошу не шокироваться, это эпическая простота!):

«Жили были дед да баба, а детёв у них не было. Думали, думали, как быть? Вот она и придумала. Взяла котелок кухонный — то ён туды поссыть, то яна́ туды поссыть, то ён, то яна́, ну накрыли сковородкой, на загнетку и поставили. Утричком просыпаются, а там чегой-то постукиваить. Сняли сковородку — ан сидит в котелке мальчик с пальчик, сам с собой разговариваит и ручёнками разводит». Вот и все.

532

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<2.II.1948>***

2. 2. 48 12 ч<асов> у<тра>.

Дорогой Иван Александрович,

Увы, — ду-шу придавило, у-ду-ши-ло: забыл, к<а>к действует на меня глотанье сб<орнико>в Мельгунова, а

тут еще «букет» «Соц<иалистического> В<естни>ка»... — не выберусь из пучины а-д-а русского... — нет, больше не посылайте: сознание бессилия и оставленности убивает волю. Будто в мертвецкой влачусь...

А «Вася Белибердяев» своим едким юмором не столько «повеселил», а — *до*-веселил, — до мертвецкого трепака... Что же **там**-то, если даже от слов о стране пыток и бойни неустанно немеет сердце и разум гаснет?!.. В Париже, после меньшей дозы, я цел<ые> дни валялся раздавленным червяком! С ума сойти!.. А тут «пыткой детьми» — в № 1 (48 г.) «Пр<авославной> Р<уси>», совсем под гробовой крышкой. Каж<ется>, мучился куда меньше, когда писалось «Сол<нце> М<ертвых>»! Сб<орни>ки эти на меня действ<уют> гибельно... — такое от них **дыхание**, как от «Бобка», а — в музыке — к<а>к от «пляски костяков» — С<ен>-Санса...[63] Лежу, размятый, дышу **разложением**. Сомнительна мне польза сего: все 30 лет пребываем в анатом<ическом> т<еат>ре, в казематах пыток, в слушании предсмертного хрипа... Нет сил. **Все** ведь в себе носим, а если пошевелить, — гибель духу, послед<нюю> волю-надежду — гасит. Нет, не посылайте, милый. М<ожет> б<ыть> эт<от> «яд» — для сильн<ых> только: я не могу. **Та** жизнь (Мертв<ого> Дома), где нарушены **все меры**, — оскорбляет и поганит последнее **живое** в душе: *такое*, напр<имер>, в искусстве, заставит проклясть иск<усст>во, ибо это уже **предел** бездарности. Оно же заставл<яет> проклясть жизнь, как **бездарно**-предельное: до **чего** можно до-делать! Если Ив. Карам<азов> «возвращ<ает> билет» (пусть это его «поза», но это же **весь** Дост<оевс>кий!), за одну неискупл<енную> слезку умуч<енного> ребенка... — во вс<ем> нашем и во вс<ем> мировом... — за **такое** падение — нет уже ни «билета», ни-чего нет! Если так можно вытошнить из себя Бога, — да что же останется?! Не «возвр<ащение> билета», лучше бы вовсе и не родиться... Знаю, к<а>к *крикните* на меня... — пра-вы! Но я **растрачен**, **утрачен**. Знаю: на срок... но это ужасно: упасть, **так** хоть бы и на срок только, лежать и вы-ыть. Скорей **туда**, через Обитель только, — не могу же я: таким **туда**! Даже утратил (на срок?) и это — ***туда***. Ибо я уже — **никуда**.

Жил, писал, — **обманывал** себя и других?.. Но тогда надо или найти волю — раскаяться, или — прихлопнуть **все**. Нет сил ни на то, ни на это.

И. Ш.

<Приписка:> Простите, милый. Не истерика это — **вывод**.

533

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<3.II.1948>***

3. 02. 48.

Еп. Серафим Троицкий пишет, что «посвящение» расск<аза> «Рожд<ество> в М<оскве>», как и самое заглавие, упущены безвинно: он один знает стар<ое> правописание, сам все правит: так и в эт<ом> случае, все проверил, но во вр<емя> его отлучки (в Н<ью>-Й<орк>?) заглавная страница осталась в его портфеле, а метранпаж *уж по памяти* (выпуская №) дал заглавие — подзаголовок — «Расск<аз> торгов<ого> чел<ове>ка», — вот и **провал**. Думаю, что так оно и было, и нет никакого **умысла**. Мне очень досадно.

Пишет еще, что было у них в газетах: будто теперь туристич<еская> виза дается (или буд<ет> дав<ать>ся) лишь на 3 мес<яца> (вм<есто> 6) и продление на 3 мес<яца>. Советует дождаться **постоянной** визы... Я не знаю, как мне поступить. К консулу сходить?.. Мне нельзя **здесь** — ждать, у меня, здесь, не хватит средств при так<ой> дороговизне — месяца 3 еще протяну... а дальше? Да и срок швейц<арской> визы — по 27 марта. Что Вы мне присоветуете? М<ожет> б<ыть> в Пар<иж> вернуться? **Там** наша русская 25 лет в Амер<иканском> Посольстве служит, она мне обещала, что дадут турист<ическую> визу на 6 мес<яцев> через 2—3 недели! — но это было в полов<ине> ноября..! Вот я и теряюсь и корю себя: зачем я так все осложнил? зачем — в Швейц<арию>?! Дни валятся бесплодно, и я лишь докучаю другим, — а главное-то во-лю потерял. И как-то уже **все** — безразлично, сам<ого> себя стыдно. Вот он, **упадок**-то воли к жизни! **влаченье**, не житие даже. И все́ нестерпимей «зуд» — малая, — но досаждающая, — ка́зница.

В Пар<иже> я как-то еще держался, в **своих** стенах, на своих ногах. Здесь я — **взвешен**, в шатком равновесии... Доколе еще тянуть, **чего**-то ожидая? Эта неопределенность истомляет. Не могу я работать на юру. А жду и жду. Буду наводить справки. Я не знаю, открылось ли право на русскую квоту? (для постоянной визы); и сколько же мес<яцев> ждать своей очереди, — а я еще просьбы не подавал. Ограничение срока (3 мес<яца>) для туристич<еской> визы вызвано, по-видимому, страхом перед возм<ожным> просачиванием комм<унисто>в. Вводится и обязательная регистрация в С<оединенных> Шт<атах> при переменах места... — контроль! Сегодня же пишу в Пар<иж> той служащей в Ам<ериканском> Посольстве, — к<а>к она скажет, что присоветует? 40 дней бесплодно провлачился в Женеве... Не удумаю, как правильней поступить.

Мое письмо из Пар<ижа> в Мюнхен, г-же Раисе Гаврил<овне> Soemmering, перед отъездом, **пропало**. А в нем было, для вручения, п<ись>мо Владыке Митр. Анастасию. Где же пропало?! Владыка сказал Р<аисе> Гавр<илов>не — «выпишем И<вана> С<ергеевича> сюда!» — оч<ень> был рад, — по словам Зёмм<еринг>, что я вырвался в Шв<ейцарию>. Но ехать в Мюнхен... — безумие! и — незачем. Мой путь — к Обители.

Пишет мне Р<аиса> Г<авриловна> (ее Людмила служит в I. R. O.[64], в лагере: приезжал совет<ский> офиц<ер> (очев<идно> из НКВД), его автом<обиль> **сожгли**, самого чуть не выбросили из окна, а портрет «отца народов» **украсили**... селедками! (?) Подробности, говорит, уморительные. Ее сын, Коля, инженер, м<ожет> б<ыть> поступит в Дух<овную> Акад<емию> — около N.-Y.[65], хочет принять монаш<ест>во.

Из посл<еднего> № «Пр<авославной> Р<уси>» узнал, что в сл<едующем> № б<удет> напечатано «откр<ытое> п<ись>мо» еп. Иоанну Шаховскому — **жестокое**! Авт<ор> — проф. И. Андр<еев>[66] — псевдоним, быв<ший> соловчанин. Любопытно. Начнут со 2 № печатать «Кул<иково> Поле». Из Пар<ижа> мало важного, — все смутно. От Карт<ашева> давно ни строчки, я ему посл<ал> отсюда 2 п<ись>ма. М<ожет> б<ыть>

пропали. Оч<ень> жалею о пропаже вложенного п<ись>ма Вл<адыке> Анас<таси>ю! Б<ыло> написано с б<ольшим> чувством, просил его благословения на долгий путь. Где-то почтов<ая> слежка... хотя я на п<ись>ме к Р<аисе> Гавр<иловне> не проставлял отправителя. Одноврем<енно> писал и Dr. A. Luther'y... — и от него нет ответа, а там д<олжны> выходить две нем<ецкие> книги: «Богомолье» и «Пути Неб<есные>». Задавило меня скопление корресп<онден>ции: за эти 40 дней я написал не меньше 60 писем! — да еще на меня навалили посреднич<еств>о с Мадридом (умчалась туда моя перев<одчи>ца Эмерих, за мужем, к<оторо>му грозит «экип[67] Тито», спец<иально> посланный **ловить** ее мужа, кот<орый> был близок к расстрел<янному> г<е>н<ералу> Михайловичу). Ка-ак тут откажешь?

Не откажите, если признаете необременительным, навести справочку, через Ш<арлотту> М<аксимилиановну>, о современных условиях получения америк<анской> визы? ***Как*** мне поступить? Ради Бога! Теперь эта виза — для меня — как бы непроходимая преграда. Сам здесь буду пытаться выяснить. Смущаюсь докучать этим еп. Серафиму. Страшусь парижских «трясений», а то бы тотчас же вернулся! — (да и молока там нет). Как представишь все ужасы, что — **там**, — миришься со всяческими трудностями (неопределенность) *здесь*. А трудностей, в сущн<ости>, никаких, только **потеря** дней и неприкаянность. Ведь курица даже ищет привычного гнезда — снести яичко, а то — или «выльет», или — держит и... выбрасывает на ходу. А тут еще толкнуло меня читать Достоевского! А от сего у меня — **всегда** — раздавленность, великая **смута**. К<а>к жалею, что не взял своего Пушкина! Спасение, что Евангелие со мной. Но самое верное средство — забыться — работа, когда в душе ***мое*** **биение** сердца... — к<ак> б<удто> некий живой сон (если я ***не*** о нашей бездне!) Ка-ак я нашел (находил!) силы — столько больного написать?!.. — так изживать себя?!.. Вот и оказался на склоне дней — раздавленным. **Самообманом** — доживаю дни.

Конец жизни — в дороге, да еще — в смутной, — в **блуждании**! и — в болезнях. Снова ноет «язва», а «зуд» взбесился...

Господи, помоги, **внуши** — светлую, покоящую работу! Как меня возносило «Богомолье»! — воистину **отдыхал**, в радости.

Обнимаю Вас, дорогой, светлый друг!

Благословляю Вас, милые!

Ваш Иван Странник.

534

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<5.II.1948>*

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Получил письмо от гудливого Шмеля. Не понимаю я его!.. Он все вываливается из Богу-внемлющего акта. Каждый данный миг в руке Его: из Вавилона увел, в тихую пристань ввел, укрепляться велит. Да разве Вы после таких лет и с таким истощением за море доехали бы?! Перст!! Вы не имеете никаких оснований ропотливо гудеть и не доверять. *Милость* над Вами! Притулил Вас Ангел Хранитель — и *слушайте тишину,* в ней мудрость несказанная... А почему другие мучаются? *Так Бога не допрашивают!* «Покажи мне Свою пятидесятилетку-столетку, я желаю ее подвергнуть само-критике!» Иначе должен звучать наш вопрос. Исходный пункт *у Гоголя* высказан: «Поверьте, что Бог не даром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит»[68]. С этого всегда начинаю. Знаю; *не даром*: помоги, Господи! А если трудно, не управляюсь, — *еще* помоги!

Русский народ учится *самостоянию.* И научится! Мукою. Да. И *я* с ним 30 лет в муке. А почему *не в физической?* Потому что — в *духовной!* Эту духовную надо превратить в *его науку.* Ибо я есмь *орган* русского народа, его *пульс*, его *слово*, его *вопль*, его *драка*, раздаватель от его лица «русс-лановых» пощечин. Но главное: *его* национальный философ.

Настанет час силы и славы,
И Господь изречет приговор,
И лишится власти лукавой
Безбожник, предатель и вор.

А это рыхлое племя,
Изведав позор и печаль,
Закалится на вечное время
И станет как крепкая сталь.

Меня *одно* тревожит: *уроки* Божии столь глубоки и грандиозны; задыхаюсь, не выскажу никак всего; вижу сто, успеваю сказать двадцать семь. А помощников и сотрудников *нету*. Вот, № 2 *давно* надо на *все* языки и *вверх*. Но люди малы, мелки, не видят, ленятся, завистничают, а *меня на все не хватает! Слег* — так и на завалившегося еще наваливают, кто что может... А помощи *нет*. Как справлюсь? Не выгребу!!

Гудливость Шмеля — еще и еще отношу к *голодным нервам*; отсюда и желудок, и зуд. Надо Вам «*Протовит*» — *все* витамины. Надо совет *умного* врача. И не думать ни о визе, ни о Париже, ни о *монетах*. Все, что нужно, пододвинется!

Неужели Вы не чуете своей Бого-хранимости?!? Неужели Вы только «куируетесь» (от Coué[69]) на веру в Бога? Неужели «Виктор Алексеевич»[70] не преодолен?!

Слушайте *тишину! На то* Вам дан Monsieur Rich... Она Вас *приуготвляет* к дальнейшему. *Благодарите!* Аминь.

У Лафатера[71]: «внемли тихому гласу говорящего в тебе Господа!»[72] Аминь.

Обнимаю и благословляю —

Ваш Со-Иоанн.

5/II 1948

Журналишки пришлите! Нужны!

535

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<6.II.1948>***

6. 2. 48. 8 веч. Страшная тишина. И в ней — о, тоска какая!

Вечер, упимшись чаем с сухими палочками, — кои воспрещены в славном граде Париже — великом пупе мира! — только что вычитал в Фига-ре[73]. Там все целебное воспрещено, — до-шли! Дошел и с. с.[74] Маза-У-рик[75], объявивший — апогей сего супер-либр-лансёра[76]! — что Чехия должна б<ыть> благо-

дарна Ссср-е[77], что ей позволено быть бок о бок со ссср'ой... — ! Венец «ку-льтуры». Умри, Терсит[78], гаже не нагадишь.

Простите, дорогой Иван Александрович... ой, не могу в себе удержать сей «ассенизации»... делюсь... — не наплюйте. Ну, в сторону, что ли... Да ведь въявь — слава, СЛАВА России! Гляди, народы!... Одна, еще не **поняв всего**... поднялась... юная, чистая, обескровленная, покинутая всеми... кого спасла! — поднялась за свободу, за честь, за веру!... во-имя Господа поднялась... и **три** года билась, истекая, оплевываемая предавшими... — и **ушла**, унося русское имя-знамя — незапятнанным. Теперь все должны видеть — какой же подвиг, за **что** отдала жизнь, — не душу! — душа жива, незапятнана, не **продана**. И за все **это** Ее поносили... 30 л<ет> поносили, да. И — **свои**. «Зубры, реакционеры, царисты, мракобесы, «помещички»... — левое крыло так, мы помним. Все чистое хулили, издевались над Святою Русью. Ныне..? А чужие..? Не верили, все преувеличено, «шкуру спасали», остатки волокли, народ предали... к нам с<к>лониться пришли... дармоеды, «белые», страшились народного суда... дезертиры... Ны-не?... Бегут из рая — послы, министры, лидеры, все, кто убежать может... 30 лет питали-холили вселенскую гадюку, капиталы вливали, союзничали... продавали русскую кровь в Ялтах и на миров<ых> торгах... и вот, ныне?.. — Бегут и короли, и корольки, и женихи, и генералы, и... ну, если бы можно было... полмира убежало бы!... И... будут еще придумывать «капли успокоительные»... — для... гадюки. Стоном стонет мир, — не слышат. Не видят, что почти три четв<ерти> в<еличины> Китая огадючены, некуда подаваться... и вот, уповают сберечь старушку... — свет и цвет... ку-ку-ку-льту-ры!!!! Ка-плями. По-жар вовсю, а **они** — спрынцовкой.

А гадюка шипит-змеи́тся. Ведь вот же, какой же по-вод-то!... Ну, пивоваров-сыроваров проглядели, «спасли», при своей «Ону»[79] — да, — о, н-ну!... какой же звучный символ! Ну, вот Провидение посылает... Финляндию... зацепись же!.. ну-ка, гадюке в пасть каленым железом!... пока новые зубы еще не прибавились, яду не

накопили, пока шку-ру гадюка с себя стирает!... Погодят? дадут обсохнуть в нове-коже, выполоскаться, глянец навести...?

Паника растет, даже по сытым здешним ликам мне видится... гадючат гадюка выметывает... — ползут в разные стороны — гадючить... а носители высокого Знамени... — ну, ку-ку-культуры... — все еще «предупреждают...» В 45-м м<ожно> б<ыло> без «атомности» — перевязать гадюку... — но Бенеши с мазариками и прочими ланжевенами... вычитывали акафисты гадюке... а прочие приятно раскуривали трубку мира... и — выпустили весь мир — и мір! — в тру-бу! Без выстрела отдана страна в 12 мил<лионов>! и — с какой же потенц<иальной> силой, — с какой инду-стрией!... Без единого выстрела (но *так* — без выстр<ела>! — ***назначено*** Карающ<им> Промыслом!), даже без «пугача»! Как навострилась-то гадюка! (позволено! — ей) как затупились «носители» и «хранители»! (обречены!) Тут один ученый русский — оч<ень> важный был у чехов, металлуржист — редкий специалист по сплавам... — приехал «по науке», и крах накрыл его здесь. **Не** поедет, — ибо его сразу — туда, как вел<икого> знатока, — в склад всех знатоков. Жена в Ч<ехии> осталась. Он независим, совсюду ему предложения... — скован страхом. По его — гадюка приобрела такое, что стоит всего «сателлитства». Нет, — без единого вы-стрела! А те же европейцы, если не поносили «гадюк», — говорили: «но это может случ<иться> только с русскими дураками... так им и надо... они — дикари, им и привилось... а вот, у на-а-ас...!» А «у нас»-то — без выстрела «прививают»... а мазарики еще за честь считают и благодарят. Там — банковцев в шахты, у всех все изымают, все свободы сглотали, всех в рабов, ворам-предателям выдали на расправу, — вообразить, что теперь **там** выделывают, как же этих пивоглотов и салоглотов упло-тняют!... — и вся подонная слизь поднялась, гадючья слюна всех обволокла... все садисты, тюремные сидельцы, каторжане — в комитетах действуют... а мужик-салоглот ждет, когда за него возьмутся, — и уж взялись!... — а «носители» с пунктами сверяются... — можно ли и как надо осторожненько обойтись с гадюкой!... Вы-

вод?... — Изжито **все**. Правда, «бомба» еще цела, но... но и но! А профессор — плем<янник> композ<итора> Глазунова, он же и сам Глазунов, уверяет, уповая: «бу-дет! «заморские» такие капиталы вложили — уже! — в металлургию-*оборону*, что... — «даешь проценты!» С капиталами не расстанутся, а потому — «наведут порядок». Но это тоже, что... 30 л<ет> тому — «обойдется». Нет, теперь не «обойдется»... — не идеалы только утрачены: утрачен здравый разум и воля... утра-чено **время**... гадюка выросла и развела гаденышей. И потому — без выстрела. Слепые, все уроки проглядели... — ну, — «к стенке»!

Отлил желчи, простите... — раздавлен, одно слышу — «уйдем отсюда!». Борьба Белой России — было *последнее* героическое челов<ечест>ва!

<Приписка:> Будет — **чудо**. Но это уже **вне** истории. Будет — помимо истории, т. е. — **без**, помимо всех ланжевенов-мазуриков. Перед всем миром **оправдана** Россия! — в борьбе Ее и Голгофе — апофеоз.

<Приписка:> И вдруг (будто кто-то за ним стоит, а?) — на Финне-то и стоп?! и — **пойдет**?! По логике-то бы — да, но... что есть ло-гика? Словесность.

По *моей* логике другое: ***надо*** Европе — *испить*, и только *тогда* она *мож<ет> б<ыть>* (!) воскреснет. *Ее сиделка* — Св. Русь. В этом — как-то — и будет **чудо**. И — апофеоз **Правды**. «Спасения» — бомбой, — Европе — *не* хочу, *не* принимаю! — не верю в него, *так* не буд<ет> Спасения, только — испи́вши.

А посему, испив до́полна, тщусь ***туда — видеть***, если Б<ог> **соизволит**.

536

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<8.II.1948>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Пригоните мне, пожалуйста, журнальчики (4 номера) назад! Ну-ужно!

Душевно обнимаю.

Ваш Станислав Конопатский-Конопат

8/II 1948.

<Приписка:> И еще газету с воззванием «патриарха»!!!

537

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<11.II.1948>***

11-2. 48. В скиту на Favon'e.

Дорогой Иван Александрович,

Спасибо! Мельг<уновский> сб<орник>, с В<ашего> позволения, попридержал — **гуляет**.

Решил хлопотать о постоянной визе в С<оединенные> Ш<таты>, во избежание мытарств с краткоср<очной> турист<ической> визой.

Видал в стр.[80] городе... **собор**, за показ — 25 с<антимов> — за **пустоту**. Мышами пахнет сей... — «дом ее уж пуст и гол стоит...» (Т<ю>тч<ев>).

Вымылся, сл<ава> Богу! Зуд зудит, — порой, к<а>к сегодня, нестерпимо. При-выкаю.

Писать **не могу**: **ждю**, когда угнездюсь. Порой — **вспыхивает**, — а, сяду!.. Но это обманка: **знаю**.

М<ожет> б<ыть> ,буду здесь читать: надо что-ниб<удь> приработать: *исполу*, с пользой чему-то. Но это лишь в намеках.

От Гроссена, из Bern'a, пока нет известий.

В Figaro (от «фига») — жульничество (Н.К.В.Д.) о невзорвавшейся (— пока, 17 авг<уста> 47) ат<омной> бомбе. Ребенок поймет, что депистаж[81], а — печатают.

Пока влачусь — будто в санатории я, *не* в сенатории. А пора бы.

Привыкаю кормиться, и теперь мне странно: как мало я ел в П<ариже>!

П<ись>мо от Борзова: вспоминает, как 50 лет тому, обставили его в Жен<еве> — взносом на *партию... «Тург<еневской> библ<иотеки>»*! В Томске, где учительствовал, отеч<еское> внушение от Попеч<ителя> Уч<ебного> Окр<уга> (!!) А, через год, — из Жен<евы> — приговор: «к смерти, за измену партии!» (!) Постращали. Понятно, «взнос» пропили, — **партийцы**. Так-то **жарили** русских карасей. А караси — **млели**: «и я там был...» «и моя **тут** капля меду есть...»

Перечитал в 3 раз «Подростка». Роман — ни-куда! Все — фальшиво, из пушки по воробью. О че-ом?... Не ведаю.

А Мак<ар> Ив<анович>[82] — см. Леск<ова> — «Павлин» — **вариант**? Леск<ов> — на 10 л<ет> раньше. Нет, неудачный роман: расползлось тесто. Это лишь черновик — к чему-то.

Обнимаю и благословляю Вас, милые. Привыкаю — отдыхать.

Иван Пустопорожний.

Сегодня проф. Волошин *очень* хвалил «Св<ет> Разума». Помню Ваше 1-ое письмо. Говорит — «вот наша *вера*!» М<ожет> б<ыть> что-то **вертится**...

<Приписка:> «Л<ето> Г<осподне>» — будто бы выходит в феврале! Приползти бы — и — **вручить**! Мню.

538

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<13.II.1948>*

13. 2. 48

Женева, город чаек:
отбросы хватают по дворам.

Дорогой друг Иван Александрович,

Сегодня как бы юбилей: 9 недель, как женевлюсь. Оженевился. И все еще не *от*женевился. Сантимов уже не страшусь: купил даже теплые туфли и на них калоши. Затребовал из Пар<ижа> летнее пальтишко, — с Берлина 1922 года, декабрь! Оно уже обэмигрантилось, до... рваной подкладки. И моя **подкладка**, собственная, пообтрепалась. Но... не видать.

Пора лыжи навастривать. Париж опять закипает. Нет воли больше — довариваться. Дни пропадают бесплодно. К гнезду! к гнезду!!...

Кругом — грипп: и где завтракаю, и где — в затворе, — свалился хозяин. Держусь пока, приняв antigrippal, счастливо прихваченный из Парижа.

«Р<усская> М<ысль>» бессмысленно ***заплатила***-таки мне за дармовую работу: 1) опустила, некогда, посвящение Вам, — «штучки»-с: с обиды, что *Вы* не даете (думаю так!) газете; 2) меня не раз ущемляли (не включили в *800-летие Москвы* (№) двух отрывков о... Москве: «много»-де Ш<меле>ва! — (sic!). 3) Не дали отзыва о **стихах** Новг<ород>-Сев<ерско>го[83], мужа Юл<ии> Ал<ександров>ны. Говорят: зачем публиковали о вечере

в «Р<усских> Нов<остях>»! Да, это, конечно, по глупости Ю<лии> А<лександровны>, обывательское отношение. Вы правы: необходимо в **таком** — решительное, до мелочей, **неприятие**!

Послан разгон и газете, и «обывателям». Но... хороша и редакция! Дают статью о театре «Миниатюра», а там большинство с... советск<ой> **печатью** антихристовой! А главные артистки — не смущались заголяться на парадах «Сов<етского> Патр<иота>» и в Полпредстве, воспевая **похабь**: «Полюшку» и «Мы за Стал<ины>м идем...» и проч. И о таком-то действе — статью! Ну, и отписал зло-обывателям. Вы — спророчествовали, мудрый! — «где-то сядут». Конечно, по глупости... Но есть и — в отнош<ении> меня — такая «небрежность». Ну, погожу...

Дорогой промыслитель! Припадаю... Пособите дознать: даются ли пост<оянные> визы в А<мерику>, открыта ли квота, и к<а>к мне надо хлопотать. Тут мне ничего путного сказать не умеют.

Ген<еральный> Конс<ул> в Цюрихе. Не знаю, к<а>к писать ему, что приложить. У меня 3 affid<avit'a> и — только. Есть еще удостовер<ение> от русск<ого> Office (Маклак<ова>), кто аз есмь. Все. И еще — что? Надо заранее, ибо на длит<ельное> пребывание здесь — паров мож<ет> не хватить. Месяца 2—3 еще протяну... Надо дать знать еп. Серафиму, как получу визу (если дадут), чтобы перевел мне ассигновку на переезд: от Кулаев<ского> Фонда, — и все — Вашею Милостию. М<ожет> б<ыть> Mrs. Ch. M. Bareiss поможет в справках? Слыхал вчера от приехавшего (из-под Мюнхена) о. Иова (Леонтьева), офицера, ныне монаха-архим<андрита>, настоятеля Обители Иова Почаевского (под Мюнхеном) (знакомого с Ладомировского пребывания в 37 году), что даны постоян<ные> визы 6-м его инокам — уезж<ающим> в монаст<ырь> Св. Тр<оицы>. Очевидно, квота не закрыта! Дело тянулось долго, ам<ерикан>цы страшатся «Коня Трои», (иноки те — из Ди-Пи) — наконец, допустили. Я — 25 л<ет> — в эмигр<ации>, и мои книги (между проч<им> «С<олнце> Мер<твых>»), издавались в Ам<ерике>, — есть affid<avit> от Н<ью>-Йор<кского> изд<ательства> Dutton.

Много **чудесного** рассказал о. Иов: жи-ва русская душа! И — **делает** в мире! Чу-де-са, истинно. Промышление! Как бы хотелось написать о сем! Да веру имут!

Вы пишете: «**все** (для моего плана) само придвинется»..? Нет, **само** не придвинется: а — потщись! Да по опыту знаю: только с помощью добрых людей — «придвигалось». По Воле Господа. Знаю — крепко — еще, главное: Вы, Вы... всегда, во многом, были, к<ак> бы, провиденциальны. За Ваш «хвостик» хватался... и выплывал. Во многом моем (и в творческом!) бессилен был бы. Так **вижу** — опытом и сердцем. Этого не высказать. Без Вас — особ<енно> в 45—47 гг. — иссяк бы. Не постигаю, к<а>к бы и влачился. Раздумаешься — и слезы набегают. И будь Вы тут — обнял бы Вас, к<а>к спасителя моего. И Вы **знаете** это.

Господи, как хочу научиться *молитве*! Иночества недостоин, а хоть в притворе бы пошептать: «буди милостив мне, грешному, Господи!»[84]

Хотел бы **там** и дни скончать... — не дождусь России... А о. Иов уповает. Да ему — 53 г., и он силен, свеж: и 40 лет не дашь.

Милый друг, — приеду если под Троицу, буду **искать**, дабы издано было **все** Ваше. Никогда не искал богатых, для себя. А тут кротом стану рыть, — стыдить. Добьюсь, м<ожет> б<ыть>. А где у вас тута м*и*цинаты?.. И всего-то 1000 д<о>л<ларов> надо бы, для разживы. Охвати я Нобеля...! — и наломал бы я па-лок!.. А Б<унин> — сам изломался во... прах. И до бесстыдства, черт с ним! Эх, написать бы роман нравов!...

Работать — начинаю хотеть. На 2—3 года, если не заслабну от недуга, — хватит **воли**. Воспылания. В воспылании, я могу бить на скорость. Трепещу (за себя), после 3-го прочтения «Подростка». Как так мо-жно?.. Но ведь после «Подр<остка>» — «Бр<атья> Карам<азовы>»!! Очев<идно> «Подр<осток>» — какая-то подготовка... и «вьюнош» награжден (неудачно, в худ<ожественном> см<ысле>) **мыслями** самого Ф<едора> М<ихайловича>. Ну-ка, из меня ничего б<ольше> не выйдет?!...

Обнимаю и благословляю Вас, дорогие!

Ваш Пустожитель Ив. Шм.

539

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<15.II.1948>***

15/II 1948

Дорогой Иван Сергеевич!

Сегодня сотый день фёна подряд, мучения мои и слабость тягостны. Пишу коротко.

Вчера был у Б<арейсс>. Говорил с ними о Вашем деле. Конечно, полное сочувствие. Просят *документов*: *курри-кушку витащи*[85] (род<ился>, эмигр<ация>, где во время войны etc.) — что *обыкновенно* подают, 2) эффидэвиты, 3) хорошо, если бы был англ<ийский> пер<евод> Солнца Мертвых*); отдельные opera of the Mr. Chmeloff[86] у нас с Шарлоттой имеются. И сейчас начнут переговоры с Ген<еральным> Консулом. Говорят — милый и культурный человек. Конрад читал На Пеньках. И вообще — с любовью отнеслись. Доброты у них — целый Лаклеман[87].

А я все негодяйствую. Дня три назад съездил в Цюрих — обычная поездка, а я устал, как запаленная лошадь. Вот откуда этот беспардонный опус, обращенный к приставателям (*лекции* им нужны, *доклады!...*):

«Что вы это, сволочи,
Ко мне пристаете?
Пущу вас, от желочи,
По такой-то тёте!

Утомлен я вовесьрост
Даже до расслабушки...
Так идите псу под хвост
По такой-то бабушке!....»

Ради Бога: ждите, терпите и поправляйте Ваше питание. А о зуде — это не Nervus ли Sympathicus[88]?

Обнимаю. Ваш

Станислав Конопатский-Конопат.

Поговорите с врачом! М<ожет> б<ыть> здешние что придумают?

---

*) вернем!

PS. Сообщал ли я Вам фамилию здешнего директора Радио-Станции? Я выступал у него 1 1/2 года назад. Его зовут:

Директор Доктор Якоб Ёб.

Director Dr. Jakob Job.

Еврей. Игра природы.

О нем тоже есть «опус».

540

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<21.II.1948>***

Дорогой друг!

16-го написал Вам о готовности моих друзей добывать Вам визу и о присылке документов. С тех пор от Вас ни слуху, ни духу. Беспокоился, не захворали ли Вы? Но Ю<рий> И<льич>[89] пишет о Вас, — по-видимому нет. А между тем Конрад уезжает 26-го в Германию, дня на два, а 5 марта в Тессин на 10 дней.

Неужели Вы опять передумали, о непостояннейший из путешественников! О, влияние Жюль Верна, Майн-Рида, Луи Жаколио, фрегата Паллады — от этапа до этапа — et puis on ne sait rien![90]

«’Ω πόποι .....!»[91]

(см. Одиссею).

Обнимаю Вас дружески, поскольку это доступно лежачему.

Ваш Toro Pater Aeneas[92] (вернее Иоаннеас)

21/II 1948.

541

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<23—24.II.1948>***

23.II.48. 9-30 в<е>ч<ера>. И хо-лодно у меня, пар видать. Скорчимшись... и на душе зябко.

Дорогой Иван Александрович,

Как-то я весь — ду-хом! — разболтан, как залежавшееся яйцо — болт-болт... — то-шно! Да и холод угнёл, да и всякие «репейчики»-мелочишки до-угнётывают. Это присказка. А **сказки** и не видать. Дернуло меня **питушествовать**! Не гожусь. Здорово источён... **всем**!

Получил Ваше п<ись>мо от 15-го II, тотчас же затребовал с Bouleau англ<ийский> экз<empляр> «Сол<нца> Мертв<ых>» и хотел ***все*** вместе послать Вам. Но... первое: благодарно и глубоко кланяюсь добрым людям Mrs. и Mr. Bareiss, — а о Вас что же скажу?.. — Вы знаете, у меня и слова нет, милый.

Не знаю, как и что писать о «житии» (curr<iculum> v<itae>). М<ожет> б<ыть> для сего необходим *формуляр законный*, **ихний**? Да и в языках я зело слаб, — до стыда. Шлю афидавит'ы и сведения, вот: (пока?). Род<ился> в Москве, 20.9.1873. Образов<ание>: класс<ическая> гимн<азия>. Университет, юрист, по 1 разр<яду> (1898 г. окончил). Был адвокатом (пом<ощник> прис<яжного> пов<еренного>) 2—3 года. Служил по Мин<истерству> Финанс<ов>, по особ<ым> поручениям, — учил податных инспекторов применять новые финанс<овые> законы. 7 лет службы, а там, с 1906 года — свободный литератор — и по сей день. И раньше писал — печатаю с 1895 г. июль, с толст<ого> журнала прямо (июль 95 «Рус<ское> Обозр<ение>», журнал К. Леонтьева). Так что мог бы еще 2 1/2 тому отпраздновать 50-летний юбилей. За границей — с конца 1922 г. Все эти годы — 26-й пошел — прожил в Париже, — *всю войну жил* в Париже, *безвыходно*. А за мою *«верность»* Парижу, по послед<нему> закону, — получил, как абориген будто, — «carte de séjour de Résident privilégié»[93], на 10 лет (!) — выдана 20 окт<ября> 1947 г. Для заграницы имею Passeport Nansen, с правом *без* фр<анцузской> визы выезжать и въезжать во Францию. В Пар<иже> имею постоян<ную> кв<артиру> на rue Buileau, 91, 16-e arrond., где живу *с окт<ября> 1938 г. — 10-й год*. За время войны и по 26 дек<абря> 1947 г. из Парижа *никуда не выезжал*. А следоват<ельно>, перед «союзниками» *не* погрешил. Ищу свободной Америки — для **свободы** и тихой творч<еской> работы. Это — главное. О трудн<ых> бытов<ых> услов<иях> не говорю: там (во Фр<анции>) ни молока, ни **хлеба**... — и это погнало. А в Ам<ерике> у меня бо-льшой русский читатель. В Амер<ике> и Англии — изд<аются> четыре книги. Надеюсь выстоять на своих ногах, и бояться моего приезда нет оснований. Не

станет средств, просить милостыни не пойду, а помру, к<а>к Бог приведет. Что же мне еще-то сказать? Переведен на более чем 20 иностр<анных> языков. Издано моих книг свыше *50* (на иностр<анных> язык<ах>). Всего книг, русских, вышло больше *40* (с дореволюц<ии>, в России). Буду жить, ежели впустят, — тихо-мирно, «сама на лавочку, хв<ости>к под лавочку». За амер<иканце>в буду возносить молитву: «Господи, **вразуми их**! да не путают они Россию с «бесами»!» По вс<ем> данным там и **останусь**, до 2-го Пришествия. А чего тут? — Земля-то ведь, — *едина*, лишь бы **благому** послужить довелось! — ск<олько> хватит. Да и польза, какая ни есть, м<ожет> б<ыть>, будет от меня для... амер<иканской> коммерции: книжки мои буд<ут> издаваться, и гонораришко будет натекать, ну, пусть гроши. И то польза. Во «внутр<енние>» дела америк<анские> обязуюсь не вмешиваться. *Все*. Все?...

Вчера читал у о. Леонт<ия>, по случаю приезда еп. Нафан<аила>, в неб<ольшой> компании особо позванных (чел<овек> 30). Кон<ечно>, *gratis*. К<а>к откажешься?! Читал — «Масленицу», на 40 м<инут> чтения. **У-ма́сленил**. *Явно*. И слава Богу! М<ожет> б<ыть> добр<ым> словом и помянут. Все больше узнаю читателей со вс<его> света! Вот, из Парагвая сегодня... — «все почти книги В<аши> у меня!» А на дн<ях>, из Пар<ижа>, переслали (из газеты) — от трех читателей. Один — чудак — так: «ра-ди Бога, не кончайте писать о... Горкине! Это было бы **ужасно**!...» Тро-гательнейшие быв<ают> п<ись>ма. Одна пишет: «де-ти, никогда *не вид<авшие>* Р<оссии>, Вас **понимают**! — и через В<ас> узнают Россию... о, пишите для наших детей! Все завалено изд<аниями> «Детгиз»'а, это у-жас!...» Да, ужас.

Не добьюсь толку, чего тянет ИМКА с «Л<етом> Г<осподним>»?! — все сроки минули. А мне, душе моей, так это важно. Да, вчера я чуть душой отошел: **видел**, что — ***взял***! (слушателей!) И хо-хот стоял, и — **вздохи** были... Лодыж<енс>кие б<ыли> оч<ень> **взяты**. И — все, весь синклит[94]. Легко читалось, и — пол-ным гласом. Сам на с<ебя> дивился. Еп. Н<афанаил> сказ<ал> неск<олько> «путаное» сл<ово>, применит<ельно> к

«Масл<енице>». Ну, экспромтом... А после я — неск<олько> **распелся**... Сегодня расплачиваюсь — истомлением, увы! Люди *не понимают*, **чего** иногда стоит **напряжение** (внутр<еннее> также!)... — когда ***живешь*** в исполнении, публичном!... А я... *жил*. И всегда так. Посему-то и **избегаю** выступать: на дни, — а то и недели — *обречен — пластом*. И *«язва»* подает голос. Вот и теперь. Язва... но-ет! Плачу́сь.

Книгу С<олнце> М<ертвых> англ<ийскую> дошлю, к<а>к получу.

Господь с Вами, милые, забо́тушки. Пошли, Господи, Милость Твою и на гг. Bareiss, — сердцем возношу.

Ваш Иван Трепыхолов —
(да и «Подколёсин»)

А ка-ак же я **у-ста-а-ал**!...

<Приписка:> *Jak Job!* — Вот-дак **хвамилия**! Наградит же судьба! Как ни прочти — все одно! И «*Ё*» и «*Ж*».

<Приписка:> П<ись>мо от Митр<ополита> Анастасия! Зовут в Мюнхен. Не поеду.

«Возр<ождение>» *просит издавать <неразб.>* — ?! Странно.

<Продолжение письма:>

Весь болен... размят, разъят.

24. 2. — Время неизвестно, часы остановились... от холода?... д<олжно> б<ыть> полч<аса> 12 утра. Не могу опамятоваться: т<олько> ч<то> говорил... с Вами!!?[95]... Вчера писал В<ам>, по полуночи... после «развара» опосля чтения у попа, — ну, будто талый гусенок был. Заснул лишь к пол-5-ти. И вот уборщица подняла меня стуком в дверь... и орет невнятное что-то... — что т-такое?!.. А когда она визжит — ни черта не п<они>маю! Очухался, холоди-ще...! — схватил на себя, что попало, побежал в хозяйский кабинет... — ушам не верю!.. Ну, и смутился. А Вы так гро-зно, будто Иван Грозный. А когда «грозно», я весь растериваюсь... — с детства запуган, — не выкурилось еще. И говорил с Вами — неопределимо-невразумительно. Да и расстройка во мне, с ве---че--ра... чтения! Ну, это частности... о них можно лишь — лично. Вы **не поверите**, если **все** сказать. Оставлю — «под себя», как говорят в Бердичеве.

Здесь вежливость понимают наизнанку. И это В<ам> ничего не объяснит. А жалобиться противно. И будто никто не виноват-с... Ну, дайте мне слово... Нет, не могу, — свидимся — передам. Словом — «по-следняя провинция»! — от — «провинность», что ли?.. Я, перед чтением, вывалил из-под себя — Бердичев! — **вслух**, — редко это со мной! — **возмущение**... — самого ожгло!... Ну, да пусть по-мнят до... 2-го «происшествия»!... — а поп, будто, и **не понял**! Что, встрепенул Вас?... И не догадаетесь. Это надо в лицах изобразить. Ну, я отплатил... право, **полногласным** *исполнением*. Оби-дели — не желая того — ну, получите — сполна: словом, я по-вангельски, — **наградил**, **спел** «Масленицу». Это моя «лебед<иная> песнь» — в Женеве. Больше не выступлю. Не домекайте: не домекаетесь, все равно. Ибо... — ко-о-омбль[96] невежества! Но... м<ожет> б<ыть> в **сем** повинен «бесенок», спутавший весь мозух[97] у попа Левонтия. Так я ему — и всем! — и вы-сказал. Мне сты-дно все объяснять Вам: так это **небывало**. Что, заинтриговал?.. Не смею опускаться в низы, сты-дно... знаете, этот стыд наиострейший, когда... **за** других стыдно. Ну, будто это я **сам**... — «под себе»!

От сего и распластанность предельная, — сверхмассаж! как же так можно, с таким ве-жеством... да — «во Славу Господа» служить людям?!!! Да, черт подменил людей... мало, что развратил: **подменил**!... потрохами наружу вывернул. Не за себя оскорблен: за... пи-са-те-ля! за **русского** писателя!!!!.... Но... с чурбака что спрашивать?!... Используя меня, **он**, приглашавший мною угостить... — и это уже второй раз! — заверив, что пришлет за мной такси... — **забыл**!... И я, в грязном снегу, в холодюге... тащился... Угостили мною... — и я был — несмотря на сие — **щедр** сугубо! — и... отдав все и **всего** людям, — да, были все **взяты**!!! — поло-не-ны!!!... — я, весь выдохшийся... — но это уже по-сле «воспылания» — «захвата»! — выдержав испытание на предельную пятерку с тремя плюсами... — **знаю**! и **все знают**!... — я не получил даже... Го-споди! — ста-ка-на чаю!... И отвез меня **исслабленного**, домой генерал, в своем такси. А дикий поп, после моего чтения, имел

духу заявить в присутствии еп. Нафанаила, тоже зело **взятого**, — что И<ван> С<ергеевич> обещался еще *устроить вечер*... в пользу «детского дома отдыха», — будущего!... На что я публично ответил, что это... — «как позволит мне здоровье»... Нет, хватит с меня. Бес таки своего добился... Так все это меня разбило, что вчера же хотел сложиться и... до-мой!.. Страх охватил меня: **что** еще предстоит?! — **там**...?! Но... выхода мне нет: «ино еще побредем...»

Отрясти бы этот прах Европы!... все равно, — к ин-дей-цам!... лучше уж к «индейцам»! Те — бывшие могикане! — дети-дикари, а тут — орясины-дикари. Великовзрослые дикари... «с помазанием»!!!? Воистину — «смешал шайтан в голове — и сердце! — кровь с... грязью»! Тьфу!... Но... ради Бога, это вырвалось из меня, с кровью... Вам поведал. Ни-кому не сказывайте. «Дикари» сего не поймут, скажут: ка-кая мелочность!... Тут — вообразить если, распространяя на **все**, — страшная прорва, такой не<до>статок минимальной чуткости!... — как же можно с **таким**... душу-то человеческую будить, очищать, **вести**?!... Да это же большевизм, только — как-то в вывернутости вне-человеческой!... — полная **пустота**. «Жаждущему — пить дай!» — да с таким начинаньем с маху вышибут у жаждущего черепок с грязью... какая тут **живая вода**?!!!... Стошнило, и все тошнится. Не могу... нннне мммогу-у-в-у!!!!!... во-ю!... — за достоинство писателя русского во-ю-у... за попрание последнего права труженика!... И — главное-то — и злой воли тут не было, а... просто, ни-че-го не было, — **пустота**. А это хуже всякой злой воли. Вот, раздавило-то что!... додавило. Вы... Вы в клочки бы их смололи!... А я... **испугался** такой **пустоты**... — я **крикнул**, да! — но я и «покрыл» себя, я — **дал** — за все! — предельно-щедро. Я — на миг — своего — малого служения! — **забыл**... После я все «припомнил». Но, повторю, надо **все знать**. Когда я, на друг<ой> день чуть сказал о сем русской чистой женщине, Волошиной, — трогат<ельной> христианке! — она больна простудой и не была на чтении, но накануне предупреждала попа — послать за Ш<мелевым> такси, а он твердо **обещал**! — когда я сказал ей, доверительно, —

я с ними — Волошиными! — знаком лет десять! — она... ры-да-ла!... — да, **за человека** рыдала!... — и я упросил ее — «и не заикаться о сем». Мне — сты-дно! За низость — и глупость? — человеческую — сты-дно. Ведь я сам принадлежу к сему **виду** — человек! — и будто это... я! я, я! — **так** поступил!... Тьфу!... «очкнись! очкнись!... сейминут очкнись!» — да, на-до, но не могу «очкнуться»: накачали в душу смра-да. Да как же с такими ду-шами, не быть бесовщине!... Какая... Тьфу!!! — не могу отплевываться, влипло... накачали из ассенизац<ионной> большой трубы!... — наскрозь прошло, через кожу текет!... — кожу рвет густая струя... вони непотребной. Не преувеличиваю... — сам столбенею — не вой-му!... «Куда меня забросила судьба?!» — Тьфу!... отка-чивайте... Ради Бога, от-ка-чивайте!... — задохся.

Последние силы вышли из меня... весь разъят. А голос внутри: «смирись, **все** вспомни! со **всем** посравни!... — да ведь это му-ха напачкала!... а ты... — **труба**! **Труба**-то **там**, где **всему** и всем **ТРУБА**! — ямища, преисподняя, где в гное бесы кишат-ликуют. Смирись же! — и прочти — «Господи и Владыко живота моего...»[98]

Не вмените мне... — капнули горючим на ободранное мясо, с того и вой. Значит, уже **дошло**. От сего «малого» я проецирую на **все** — и теряю последнюю точку опоры. Божье хотят творить не сердцем, а кувалдой... Думал — человек, а это — чурбак. Откуда **они**, такие?!... Ни крестом, ни пестом от них... и — сей род — даже постом и молитвой не изгоняется... — к сему средству они привыкли, не действует. Чем же отличаются от «патриарших»?.. Само-уважаемостью. Сыты, и посему — плевать. Волошина плакалась (а сегодня и муж ее, профессор... заплакал!), что ни разу больных правосл<авных> в санаториях не посетили. Да и незачем: **что** могут тем принести? Румяные свои щеки?... и — Крест с Евангелием, как «орудие производства», как коновалы носят привычные — шильце с «пробойцем» — кровь пущать?.. Пусть такие не посещают. После них — выписка... на тот свет. Такие — не кровь... — ду-шу «спущают». Такого состояния в себе не упомню. Себе противен, до чего могут **всадить**, по чурбачеству свое-

му... Это хуже «злой воли». Там хоть умишко злобствующий, а тут... — страшная пустота, **ничто**. Это **ничто** — и есть дьявол, обращающий все в — **ничто**. Смерть вечная.

Мимо, мимо... Где же ты, чуткая душа простого русского человека, чистого дитяти-человека, какую знаю, какую несу, с детства найдя ее?!.. Светлый, чистый народ мой!.. — неповинный во всем мученик!... — да где же ты?!... Жив?... подай же голос, скажись... Молчание. **Знаю** — **жив**... замурован за семью замками, за семью дверями... — пошепчи мне из твоей могилы... Или — совсем умолкни: **тут** — **ничего** для тебя, пременилось **все**. Взглянешь, поймешь, и... — умрешь навеки.

Вы скажете — что за чушь! из пустяка — такой вывод? Нет, тут-то и *вся правда*. Знаете, в химии, что ли... есть такое... — великий резервуар жидкости... но вот, есть такие «претворители»... одну сотую крупинки бросьте... — и **все** претворится, и все — **другое**. Это-то «малое творило», есть ему имя ученое, но я не вспомню..! — и есть «мой случай». «Пустяк» — все показал мне, открыл... — отсюда такой — непропорциональный! — **вывод**.

Но что мне делать?... Зачем я живу, влачусь? и еще — в пути?!... А вдруг я и там — приду к тому же?!... Дальше уж и **не к чему** идти. Не знаю, не знаю... С меня содрали последнюю кожу, и я **все** чувствую... даже чужие мысли, не высказанные, уже дерут меня...

Милый друг, если нужна моя подпись под curricul<um> vitae (отстукайте по-франц<узски> 5—10 строк), и подпишитесь за меня, если нужно. А то, вот, прилагаю чистый лист с подписью. А у меня остатняя воля иссякла. Заставил-таки себя идти (кажд<ый> день хожу, в 20 мин.) завтракать. А кусок нейдет в глотку.

Уеду вот — всех избавлю от хлопот, **прощусь**. Пора в глухое место забраться, как зверь в старости — и там издохнуть. Давно **тя-нет**. Почему им постылит свет?

Ваш Отрыжкин.

542

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<25.II.1948>***

Дорогой друг!

Я сердечно прошу Вас — *простить нас всех* за пережитую Вами малолюбивую бестактность! Простите и забудьте! А я приму меры, чтобы это больше не повторялось... Не соблюли. Не долюбили. «Плантаторски» растратили и изломали.

Документы Ваши пришли. Как только Конрад приедет, я двину сие дело. Жду англ<ийского> Солнца Мертвых.

Наталия Николаевна думает, что надо было *так* сделать: *сидеть и ждать*; они бы собрались; подождали бы; надоело бы; стали бы звонить: «Иван Сергеевич, мы Вас ждем!» «Такси запаздывает, не приехало еще за мной». «Ах, батюшки, тетушки, бабушки! Таксаметр ему, жжживввваа!» И догадались бы. Надо сопротивляться, а то лягушки залягают, блохи заплюют, съедят нас мухи с комарами.

Теперь о другом.

Я понемножку начинаю выходить, но еще очень утомляюсь! Дают мне Tonospasmin, для преодоления центральных нервных спазм, полуостанавливающих всю жизнь: мигренями, спазмою Nervus Sympathicus, перенапряжением диафрагмы, повышением давления крови (артериальные спазмы) и след<овательно> переутомлением сердца. И вот я начал надеяться, что мы с Вами все-таки увидимся. Одно время терял эту «сперанцу»[99].

Прилагательное прочтите и уничтожьте. Автор его — «онаним», неизвестен.

Обнимаю Вас.

543

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<27.II.1948>***

27. II. 48. 12-30 у<тра>. Через 2 мин. по получении В<ашего> письма! Уже шел завтракать — вернулся.

Дорогой Иван Александрович, брат!!

Умол-л-ляю! *Никаких мер* не принимайте!

Я это **переплюнул**. И с-плюнул.

Прирожденная, — очевидно! — нехватка доброприличия — неизлечима! Люди — болотные, ни на какие даже хол-мики не всползали... — чего же спрашивать с них?! Я — право — **стыдлив**, но **тут** я нашелся, — и **громко сам им** (попу и присным) **публично** объяснил, *почему* на 1/2 ч. запоздал: «без вины виноват». Кто понял, а кто, м<ожет> б<ыть>, и по сию пору не понял. Наплевать. *Вы*-то, милые, тут при чем?! Вы **все** — и через-все! — соделали для раба Божия — Ивана-Странника.

Ах, как же мало талантливых (ду-хом, сердцем, у-мом) людей! Жду «гнезда», когда, в свободе, скажу (обя-зан!) о многом... **этого** в «рассказы» не вместишь, а — в свободное слово, только!

Здесь — глу-у-ха-я провинция (наша + в окраске швейцарской, можете принять последнее слово и как родит<ельный> пад<еж> (принадлежности) от существительного «швейцарская», — вместилище для ливрейного).

Я всегда шел к людям, памятуя: «не толкни, бе-режно!» Это тоже, очев<идно>, врожденное, от **прямодушия** предков. И — от, м<ожет> б<ыть> — полнодушия. У иных от — **поло**-душия, без «наш» (***не наши*** они!), — под «**поло**» разумею двояко: полый, пустой, и — пол, — попираемое, дощатое.

Но... как же такие — **предстоят**?! **Чему научат**? **как вознесут**?! Вчера, на докладе Фунуила[100] **ясно** видел: шепчут невнятицу, да еще в бородку!

Знаете, какой вывод (распространяя)? Не смейтесь: **бесы** победят! **Дано** им. Это я должен обосновать. **Обосную**. Но для сего мне надо — **гнездо**. С В<ашей> помощью (и благочестивых Mr. и Mrs. Bareiss) доплыву. Благодарю Н<аталию> Н<иколаевну> и Вас. Но — молю: — **не разите**, Зевес-Громовержец! Я Вас знаю... Пощадите **меня** (Пуст<ынник> и Медв<едь>[101]!)

Ваш, согретый, — И. Ш.

544

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<27.II.1948>*

<Открытка>

27. II. 48. — 11 ч. 30 веч.

Ива-ан Александрович, дорогой, вчитался в «Игру природы...»[102] — остро-эпиграммно, — ликовал бы

и Пушкин! И — тонко! Слов<ом>, — здорово. Ну, ка-ак же я испепелю?! Понятно — в архив! Да еще и примечание дам — тот-то и **то**-то. Это же находка, **сия игра**! Вывожу: сл<ава> Богу, вы в форме: можете **так** играть!

А и погодка-то разыгралась: вот и отходная Европе, скоро и похороны. Европа — от азиатского слова э-реб? — тьма. Она — для Востока — Закат. Вот она, *игра*-то природы! До-ка-ти-лась. (Закатилась.) И **все** — поздно. Но **так суждено**. Я носил **это** в себе с 23 года, когда писалось «С<олнце> М<ертвых>» — стр. 17—18 и стр. 69... **Все** — **заслужено**. Мы — в Откровении: история кончилась.

И. Ш.

<Приписка:> От А. В. Карт<ашева> — прогноз — война. «Погибельная». Бенеш предал-таки, классич<ески>-демократическую свою Чехию. И все это после десятилетий керенщины! Вот оно — непротивление. Ясно: крышка **всему**.

<Приписка:> Эпиграммы — на диво! Брраво.

О, Соломон! «Ты превзошел себя!»

<Приписка:> Многое дано и в «На пеньках» и в «Чуд<есном> билете».

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor D-r Iwan Iljin
33, Zollikerstr., 33
Zollikon b/Zürich.

545

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<2.III.1948>***

2. 3. 48. 9 ч. в<е>ч<ера>

Подобрался бронхит, — страшусь свалиться, а должен выходить... Всячески страхуюсь, — но... Ах, эта одинокая старость да еще беспричальность! Глаза сжимаю, мысли давлю... А кругом... — полная обреченность **неизбежному**. Вижу так. «Европа» кон-че-на. И ка-ак бесславно! И ка-ак... **закономерно**! Давно-давно выдохлись все ее «ценности». Ушла душа — смерть неизбежна всему тленному. Свобода без духа — тот же тлен. Совсем не посчитались, что принципы и максимы — достаточные для чел<овечества>ва в XIX в<еке>, требуют **обновления**: слишком ***все*** изменилось... — пришли

ма-с-с-ы... — а для них нужно — по-другому. «Не доглядели» — другие доглядели. И на чехосл<овацком> «уроке» не научатся. Явно: **сдадут все**!*)

Я, конечно, **чушь** написал, если брать только написанное. Надо бы *все* сказать исчерпывающе. Ну, доскажут события — ждать недолго.

Случайно вышло «предисловие»... без главного и без послесловия. Немеет мысль, и не нужна она, ибо **внутренний голос** говорит — мне! — явственно. Уж извините за покушение «все сказать»: ни-чего не сказал, знаю. А теперь — к текущему. И какое же ма-ленькое оно, это — текущее! А не отмахнешься. Мир рушится, а мы... — да где же мои подтяжки?!... За-бо-та, то-же...! Да ведь без подтяж<ек> оные обрушатся... А *перед* ∞[103] (алгебр<аический> термин-знак!) — что мир, что — подтяжки — =.

И потому — дерзаю о «подтяжках»...

Посылаю «The Sun of the Dead»[104]. Это — послед<ний> экз<емпляр>. Да мне теперь — **все** равно, пусть все — в прах. **Все** у меня теперь разметано, и я — домётываюсь. Но все еще — почему?! — чаряпаюсь, себя обманываю, — *куда-то* **еду**... тщусь...

Пожалуйста, проверьте предисловие переводчика: что-то там есть о евреях...? Не пахнет ли выпадом с душком антисемитизма?... Mr. Hogarth[105], помнится, много лет мне в письмах **такого** изливал... Слыхал я здесь, — в связи с задержкой виз «монахам» с Ладомировой! — что генер<альный> конс<ул>, будто бы, б<ыл> немилостив, упирался... — объясняют, — есть так<ой> слух, — что сей ген<еральный> конс<ул> из **оных**... М<ожет> б<ыть> и врут. Но если в сем что-то от истинного, то вручение ему моей книги (где нет никак<ого> антисем<итиз>ма) и выпадами в предисловии... — может только повредить. А посему — прошу: если есть **нечто** такое — или замарайте чернилами, лишь бы смысла не ранить, а так... — купюра, сдел<анная>, м<ожет> б<ыть>, ***самим*** автором предисловия; или про-

*) и «Америка» **все** сдаст (Европу-то!) и окопается, до срока. Ибо уже поздно. Да и свои делишки — вы-боры на носу! Словом — Царство Тьмы — на *1000* лет. И не пыжься. А Вы-то, чай, по-катываясь... «Дать ему... **протавита**»!

сто — вырежьте предисловие, благо на титульном листе о предисловии не упомянуто. А то и визы не даст. Едут Земмеринги в Канаду, зовут меня... Это меня радует: они ***всего*** хлебнули! — чудо сохранило. Сын-инженер — поступ<ил> в монахи.

Доброе п<ись>мо от Митр. Анастасия. Благословляет на путь. Канада мне не нужна, но одобряет, что и там читатели верные. А кто знает, м<ожет> б<ыть> мне и глаза закроют, — ведь никого родного нет у меня... — и все у меня — в **осколках**... и все дорогие душе вещички... портретики... — попадут на «marché aux puces»[106]!... Тяжело так, одинокому, остаться, — **все** потеряв. Проснешься ночью... раздумаешься... — часами **так**... И... нет, мимо, мимо... За тень надежды не зацепиться... — без-надежность...

Вот и рвусь — к Обители — как бы куда-то ***вне*** всего. Там осмотрюсь, проверюсь... и найду, *м<ожет> б<ыть>*, силы, — предать себя смиренно в руки Божьи... — Господи, упокой! Забыться в труде и молитве. Отныне — не хочу и глядеть в газеты: **все** известно. Я, внутренний — **знаю все**. И нет сил изобразить это, что знаю. Уже не нужно. Ибо все это — при всей страшности! — почти для меня нынешнего — уже — **чуждое**: я — **вне**. Это по привычке еще — ерепенюсь. Вся провальность да-вно ясна. Все эти 30 лет — яснилась. Ныне я — словно гляжу на ребятишек, глу-у-пых... щепочками и песочком запруживают канавку — и не видят, как «дворник» метлой гонит **волну**... а они-то пыхтят — стараются. Я же ***все*** и давно сказал! — что мог. Ныне — «воспоминания» иногда утИшают... и хочется еще... вытошниться... — ну, **исповедаться**. М<ожет> б<ыть> и доведется «закончить Главную Книгу» — (см. бухгалтерию). Хочется вывести saldo[107] — и поглядеть. Это, св<оего> рода, — «от эстетики». Прийти к выводу — «все безнадежно»! — это уже **крах**. Всяческий! Остается лишь крикнуть: «да ни-че-го же **нету**!» — (в saldo-то!) — и не только у меня, а, вообще... «миф, мечта, чревовещание», как у Чехова кто-то... Неужели я потщусь это «saldo»-то и изобразить в чем-то? Чтобы и все оголтелые меланхолики из зависти перевернулись в гробах!?

Что-то жестокое (а м<ожет> б<ыть> и оч<ень> глупое!) получится... Знаете, Ив. Карам<азов> в позу становится, «возвращая билет»... Поду-маешь... из-за слезки умуч<енного> ребеночка!... А что бы он *теперь* сделал?! Хотя... если только одного И-рода взять... чего он выделывал, уже полутруп... (см. Loc. Флавия[108])... все «билеты» надо было бы вернуть. А ведь, ка-ак же еще с билетами «проходим», гордо подняв головы!... прошло 2 т<ысячи> лет... ско-лько «завоеваний»... и вот, — Ирод в степени n+1 — повторился... и билеты все еще хорошо стоят! А ведь ясно, что Ирод еще повторится в степ<ени> n + ∞ — и... — Нет, тогда *все* лопнет. Да уж миллион раз лопалось, если верить специалистам (см. Эйнштейна), а Берн<ард> Шоу (собирательно) посвистывает себе!

А не написать ли мне — «Что дум<ает> Сталин, когда ему не спится?» — А знаете... м<ожет> б<ыть> уже и Ст<алина> давно нет, а все — какая-то... эманация?!.. Напишу — «Нов<ые> Записки из-под подполья».

Возьму Горкина, что ли... окуну его в XX век и... **пущу**... — «а ну-ка, изобрети!» М<ожет> б<ыть> оч<ень> поучительно. Но я же все давно сказал, в 1—2 стран<ицах> «Чудес<ного> билета», еще в 25 году. Только веру в Мих<аила> Арх<ангела> — утратил.

Простите меня грешного.

Ив. Шмелев — Самоед.

<Приписка:> А Вы, небось, пока-тываететсь! — «дать **ему «протавита»**!.. Я уже во все игрушки отыгрался. Последние занозы выдергиваю.

546

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<6.III.1948>***

6. III. 48.

Дорогой Иван Александрович,

Только что отъемшись, у себя, — моя кормилица в отлучке, к сыну, на горы, в санатории, вернется в понед<ельник>. Но все же занесла — или прислала — обед. Сыт, как... **кит**.

Зверски томит **глаз**; будто и *за* ним — муравейник, ки-пит!... Мо-чи нет, но вытерпливаю, с 21 апреля 194*6*

года!... — скоро юбилей. Словом, все шишки на Макара, — очевидно — за что же? — ка́-ра. Да *что* удручаться и других удручать во-ем!?.. **Дано**. Примай. У 7 врачевателей был (в Пар<иже>) — все семеро — кто в лес, кто по дрова, а зуде́ — трын-трава. Все серафимы-херувимы отвернулись. Последний прорицатель, др. Серов, изрек: «Там (в Шв<ейцарии>) **все** пройдет!» По-пал пальцем в небо: тут-то и замуравьило. Мой диагноз: нервный зуд, какой-то (какие-то!) нерв поврежден (был) стрептококками... ну, и **кричит**. Обвяжешь голову — молчит, чу-уть скребет. А глаз был **да-вно** ушиблен. Вот за калеку-то и взялись, подлецы (ну, как вот **зуб** ноет, и тяжелит глаз). Засну — не слышу. Тьфу, надоело, — так бы и вы-нул его, глаз-то!... При так<ом> состоянии... да без состояния, да в чужом ме-сте... в шви-ца-а-рским... а потом, гляди и в америка-анским... (см. Няньку-болтушку!) — и еще «Савка, **дерзысь**»!... (из «Суров<ых> Дней»[109]). **Дерзусь**. И еще — **пи-ши**! Пи-шу... письма. А муравьи муравьят. А ежели о-сы сменят?!...

К **злобе** дня...

Ежели «The Sun of the Dead» — мало для визы (для Ген<ерального> Конс<ула>!), то, м<ожет> б<ыть>, произведет некот<орый> толчок... п<ись>мо ко мне Ред<ьярда> Киплинга, кот<орое> я подарил Вам, для архива: у меня **все** пропало бы, при моей неухоженности. В том п<ись>ме К<иплинг> пишет об «Это было», — англ<ийское> «That which happend». Приятно пишет, — и видно, что *Ш<мелев>* ***не*** большевик. Мне Ch. J. Hogarth (переводчик) писал: «От Р. Кип<линга> это — исключение из правил: он **никогда** и англ<ийским> писателям не писал, не терпит. А Вам вон и без В<ашего> запроса (книгу послал ему Хохарт) написал **такое**: значит, **взяло** его».

Если сочтете полезным, добавьте, для Ген<ерального> Конс<ула>, как документ ободряющий: совесть Конс<ула> м<ожет> б<ыть> покойна: не вора-беса впускает в богохранимую державу Американскую.

И когда меня Господь приберет?... Ни для чего я больше не нужен, — только стенать и добрым людям надоедать. М<ожет> б<ыть>, прочтя «Кипл<инга>»,

Г<енеральный> К<онсул> «рассластится» (м<ожет> б<ыть>, помните в Идиоте — каж<ется> Келлер — «боксер»?) и... — «дам ему визу, ч<ерт> с ним! Очевидно, из писателев... а они все какие-то такие... дрянцо с пыльцой... прав<ильно> сказ<ал> ихний Дост<оевский>: «мировые... обшмыги..!» — Пусть его дошмыживает А<мери>ку». Чуть потешу... —

фахт!

В 1-ю Великую, где-то в Галиции... полк<овой> командир встречает солд<ата>-жидочка, пла-чущаго...

Что т-такое?! — «И-И Васе вскобродие... крицат все — Янкелевич — трус! А я завсим себе не трус, а... задом-наоборот. И дайте зе самое страшное... Ну-зе и все шполню!..»

Полк<овой> ком<андир> решил (для смеха!) — в разведку: узнать, занята ли непр<иятеле>м та деревня (1) и — 2 — за ней мост... проходим ли для кавал<ерии> и артилл<ерии>?

Янкел<евич> вернулся. ? — Так сьто, Васе Вискобр<одие>... деревня завсем безцеловецная... одна собатька повякала... — А мост?!. проходим?... — Для антилерии проходим... для кавалерии — проходим... но только зе для пихоты... никак не проходим!..

Что-о?...

— Ни-как..!

?...

— Ни-как... ну, зе завсем никак!.. Ну, там таково злово шобак на мосте, и сьто ой-ой-ой...! всю зопу изорвали..! — о, вай-вай... знасилу вирвался!... Извольте дозмотреть... (И показал! — «весь трясясь».)

В околоток пришлось отправить!

Но — все же — Янк<елеви>чу дали Егория 4-ой ст<епени> (знак отличия Военного Ордена). Солдаты смеялись: (***на*** ж...пу!).

Говорят: доведено до Государя. Оч<ень> смеялся и заключил: «пра-вильно! **веселая** храбрость!» (по другой версии — ***слепая*** хр<абрость>).

Будьте здоровы, дорогие.

Ваш Бауткин-Горюшкин.

547

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<7.III.1948>***

Дорогой Иван Сергеевич!

В исполнение моей просьбы Конрад был третьего дня в америк<анском> генер<альном> консульстве, здесь К<онрад> отнесся к делу с *величайшим сочувствием* и просидел там *целый час.* И вот что выяснилось.

Эффедэвиты — блестящи; а они не могут *ничего* сделать. Почему?

Дело о длительном въезде решается *по квоте.* Это обязательно. Квота определяется местом рождения. У Вас — Москва. Значит — *русский.* А русская эмигрантская квота закрыта (полна) на *полтора года.* Ни обойти, ни переступить это они не имеют права.

Значит, остается *виза гостевая* — на 3—6 месяцев. Таковую визу уполномочен и обязан выставить Вам *женевский консул* (по месту пребывания). Генер<альный> Консул в Цюрихе *не вправе* сделать это.

Остается снестись с Вашими друзьями в USA: как быть по прошествии шести месяцев — *там? Что* они могут, предвидя это, предположительно наметить, как грядущий план борьбы? Не возвращаться же в Европу?! Напр<имер>: если Вы там, скажем к примеру, через шесть месяцев *сляжете,* — то что же горизонтально эвакуироваться через Океан? Или в Мексику? Или в Канаду?

Напишите об этом Виталию и Серафиму! Посоветуйтесь с Ознобишиным!

К моему величайшему смущению *моя* компетенция здесь *кончается* — я *ничего* не могу; и придумать не в состоянии. Совещались мы здесь втроем — я с супругами Б<арейсс>. И только всего и придумали, — запросить Епископов...

Конечно — *там* могут найтись и найдутся новые помощники и поклонники с влиянием: и Белосельский[110], и Толстая[111], и еще, и еще.

Но, помнится, Вы мне писали об этом визном тупике еще из Парижа...

Горюю, но ума не приложу.

Я бы — *перекрестился* и *взял гостевую визу на длительный срок* (т. е. на 6 месяцев).

Обнимаю Вас душевно.

1948. 7. III

Ваш И. А. И.

548

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<8.III.1948>***

8-III

NB!!!!!

Экстренное прибавление:

Завтра высылается (par exprès!) (по бедности — *без* exp<rès>!)

нов<ый> журнал: («*Renvois Genèvoises*» (ПЕРЕХВАТ)).

Подписывайтесь. Посл<едняя> сенсац<ионная> radio-inform[112]!

Небывало!!

Гром<адный> успех! Подпис<ная> касса ло-мится.

Все читают нарасхват. Все движение остановлено.

5 фр<анцузских> фр<анков> за 1 №.

Первая radio-inf<orm>: (из 1 №)

echa<n>tillon[113]:

Prague[114]

7 марта. Жи-да́ налип-ло, что мух на свежее г...о в жарынь. Ки-пят!!

Ватикан 7 мрт. и т. д.

Подписывайтесь!!!

1 № на 4 страницах! Дешевка!!

Рекомендуйте друзьям!

Все секреты — открыты: шифры, **сети**...

Все тайны — **вскрыты**!

Сенсация!!

Информация!!!

Дезинформация!!!!

Все подноготные — вы (И-) явлены!!!!!

Extra: (!!!!!!!)

Сам Пий 13-й[115] оказ<ался> — аг<енто>м

Ком-Ин-Форм'а!!?

Похищение всех ведет[116]... міра.

Победа Кремля. Подкоп под Океаном.
Воскресение Ле-нина!
Подписывайтесь!
Не хватает ни бумаги, ни краски.
Спешите!!!
Конец *Міра* (не через *«и»*)
9-го подп<иска> закрывается!
Все газеты лопнули! На 13-d Favon — черно народом.
Не спят: ждут № 2-го!!! и бело от... 1 №. — Спешите!

549

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<9.III.1948>***

9. III. 12 ч. д<ня>

Кн<язь>: «О, я в отчаяньи! Но дайте ж мне совет!..
Арбен<ин>: . . . .
Два средства только есть:
Дать клятву — за игру вовеки не садиться...
Или — опять сейчас же сесть...»
(Это уж извините.)
Лерм<онтов> (Маскарад).

Дорогой И<ван> А<лександрович>!

К довершению бедствий, сломал каранд<ашную> чинилку! — а на дн<ях> заплатил... 40 с<антимов>! Тьфу! Все к одному. Увы, к<а>к мне везет-то: вчера же: Ваш (нет, не Ваш, а Г<енерального> К<онсула> U.S.A.!) — отказ дать визу, хоть я и под защитой статута Нансена, у меня *не* русский паспорт, а — *под международной гарантией* — **защиты**! Я как бы — *вне* всяк<их> «квот». Pereat iurisprudentia etc[117]..!.. вчера же: чуть не б<ыл> сбит мотоциклом; вчера же: рассыпал на лестнице 1/2 ф<унта> сах<арного> песку. Тьфу. Ве-зет.

«Муравьи» — вин-тят! Поглядываю на «браунинги» в витрине. Да скажут — для таких «квота» закрыта!

Безнадежно пишу «к монахам» («отчалив<шим> к монаху!»).

Идут посылки, но... в Paris. Приказал: «потребляйте во сл<аву> Б<ожью>!» Не сюда же слать?! — за это — пла-ти, с. с.!

Скверные чинилки в Шв<ейцарии>! 40 фр<анцузских> фр<анков>! Тьфу!

Не откажите, друг: имя (Conrad*e*? и еще? — 4 почт<ой> амер<иканской> — *два* прэном[118]). Свящ<енный> долг — поблагодарить благодетелей за участливость. Бог благословит их! Скорей бы им выиграть в Loter<ie>[119]! Пусть купят!!! с оконч<анием> на 7. Я трижды покупал — и ***не*** выиграл!

А для оттяжки — пускаюсь во все тяжки — завтра вышлю «Перехват». Не вешаться же?! Вчера узнал, что **страстным** моим читателем был... Патр. Варнава[120]! — отравили. Когда у него собирались гости, особ<енно> молодежь, он, ***обычно***, начинал литер<атурную> беседу — словами: «А знаете ли вы писат<еля> Ш<меле>ва?! Если не знаете... — у-знайте. Тогда и разговаривать будем» (сообщил его библиотекарь (библ<иотека> ок<оло> 300 000 экз<емпляров>) — вчера меня навестивший).

Мне везет на иерархов.

Вы — первый.

Решаюсь просить о короткохвостой визочке... а там, когда станут выгонять из Америки (см. актера из «Няни»), — в Канаду, к Иоасафу[121], под мантию.

Знаю, что духов<ные> лица — ***вне*** квоты (в U.S.A.). Готов по сему сл<учаю> «под клобук». *Вне* квоты и ученые, если перерыв в их «учености» не свыше 2 л<ет>. Чем же **хуже** писатель, кот<орого> читают (или чита*ли*) на б<олее> 20 языках?! Не обошел и Р. Кипл<инг>. А tutti quanti[122]... — мно-го их, ***имен***! Кн. Гамс<ун>, Том<ас> Манн, Ром<ен> Ролл<ан>, Гауптман, С. Лагерлёф и проч. Nobel'исты...

Обнимаю. Чеканю — «Перехват».

И. Ш.

Спешите!!! Ничего б<ольше> делать, как пустить жёлчь.

Veritas[123]: в молитвах поминаю: «Пошли, Господи, здравие и благоден<ствие> ррбб. Твоим — Шарлотте и Конраду — Кондратию!? — да отлетят *во благовремении* в свой U. S. A.» Чего и Вам желаю. *Помните*: **бу-дет** «битье» и — Щасливым Швицарам.

Избави, Господи! (и думаю, бочком: Подай, Господи!...) **Надо**.

Все заслужили — «на орехи».

Да минет Вас с Н<аталией> Н<иколаевной> чаша сия.

Те, впрочем, поят не чашей, а из целой лохани.

Господи, избавь рабов Твоих — Наталию и Иоанна от сетей диавольских... от беса полуденного и полуночного (последний паче страшен).

Вввввваш ИвШ.

550

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<10.III.1948>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Представьте себе — у меня *совсем иные настроения*. Да, мы предвидели многие опасности; да, нас не слушали; да, опасность сгущается.

Что же из этого вытекает?

У меня такое чувство, что мы присутствуем на *великом суде Божием*. И посему нам естественно: *благоговейно* и *в тишине* ждать *Его* решения. Мы в *Его* руке; но разве это необыкновенно, непривычно для нас? Отзовет — уйдем; оставит — будем *творить* дальше. Не жаловаться, не впадать в трепет; и не пытаться «провидеть», ибо *Его пути от нас сокрыты*. Я всю жизнь провисел на волоске, с 1914 года волосок *много* раз и *надолго* становился волосочком. Не было надежды и вероятности удержаться на нем; но милостию Его — держался и удержался. Еще в подвале чеки (март 1918) я молился: «Я *все свое* сделал; *моим* возможностям конец. Да будет Воля *Твоя*: отзовешь — я отойду к Тебе; оставишь — *буду бороться дальше до конца*. Ибо я слуга и воин Твой». Так и теперь. Мне необходимо не предвидение мраков, которым, *может быть, и не суждено наступить*; а *бесстрашие* и *спокойствие*, и зоркое глядение в собы́тия. Трепеща с утра до вечера от собственного мракови́дения — я *не напишу больше ни строчки*: а в *этом* мое *служение*.

Мою книгу о Сущности Правосознания я заканчивал в ожидании ареста: моя квартира была запечатана, в

Москве расстреливали, Деникин был у Орла, я укрывался на даче. Сидел перед окном и писал предпоследнюю главу «Правосознание и религиозность». Посмотришь в окно: если поедут, то *вон оттуда* — это минут десять — *я увижу*. Итак: есть *еще* 10 минут — пишу.

Воображая свой расстрел (а я, готовясь к нему, психически *упражнялся* в этом ежедневно по нескольку раз — года *три*), я не мог творить. Надо было *обрывать* эти упражнения, отодвигать, вновь *успокаиваться* — и тогда писать. Тогда-то я начал и ту книгу, которую завершаю теперь: «Аксиомы религиозного опыта».

Я и сейчас *солдат, Его* солдат. Мне *и сейчас необходимо спокойствие и бесстрашие, чтобы творить*. А великие храбрецы русской армии говорили мне: «боятся *все, без исключения*; но храбрый умеет обуздывать свое воображение и повелевать ему; только упусти его из-под спуда — и ты никуда не годишься». И были правы.

Вот мое настроение. Остальное добывается, умиряется и совершается молитвой.

С часу на час отправляю Вам Ваши документы.

K<онрад> зовется просто: Herr Konrad Bareiss, и никаких титлов и никаких имен.

Обнимаю Вас.

Ваш И.

10/III 1948.

PS.

Невольно оглядываешься и спрашиваешь себя: откуда эта волна паники в Европе? Ведь Чехия оккупирована и подмята уже *два* года, если не три! То, что коммунисты сейчас сделали там — есть *ошибка* и *глупость*: они *напугали всесветное масонство*. 3 года подлый и глупый Бенеш разыгрывал à la Керенский «заложника демократии» в *левых* руках; и, позируя, успокаивал масонов, а масоны ему верили. И вдруг сорвалось... Готвальд поторопился вопреки сталинскому распоряжению, ибо *боялся* выборов (о коих ему доносили, что ком<мунисты> получат не 39% голосов, а только 28%...). Стратегически это *огромная* ошибка: масонство стало решительно и окончательно готовить войну, оно испугалось, проснулось и *варит*. А вломиться из Чехии в Гер-

манию и Австрию было *без* переворота *гораздо* легче: *внезапно,* и *врасплох*, и все удобства. А что Чехия гарантий от USA *не* имела, это *все* знали.

Вопрос с Италией гораздо серьезнее: там переворот создаст casus belli[124].

551

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<11.III.1948>*

11. 3. 48. **Женева**.

Наш друг В.[125] создал аппарат «**Перехват**». Это ген<иальное> открытие дало в наши руки — **все**: наш журнал «Перехват» отныне располагает всеми рад<ио>-волнами мира, даже — **человеческими**! Мало того: аппарат «Перехват» раскрывает самые сложные шифры, перехватывает все световые волны, воспроизводит **все**, творящееся в мире, до глубин Океана, — в красках. Этим и ограничимся. Журнал «Перехват», так<им> обр<азом>, явится не только радио-телевизическим, но и — дерзнем сказать! — **апокалипсическим**!!! — ибо провидит — **будущее**!!!!! Эпиграфом берем никому еще неизвестный стих Горация, прочтенный аппаратом под землею, чудом уцелевший от всеразрушающего времени:

«ТЕМПОРИС НОСТРИ СУБСТАНЦИЯ —
СИК ПРОВЕНТУР ИН МУНДО...»[126]

— — — — — — — —

№ 1 — — — — — — — ***ПЕРЕХВАТ*** — — — — — — — —
№ 1

Сандвич<ские> острова: Сбор сандвичей в разгаре. Совторг заказал 1000 т<ысяч> семян для Туркестана.

Москва: Агроном Ломило вывел, по мысли гениал<ьного> Сталина, семена сандвичей, всех сортов, с икрой включительно. Отныне наш пищевой реверв и т. д....

Прага: Жи-да налипло-с — что в жарынь мух на падаль: ки-пят.

Москва, Коминф<орм>: Пущены на Прагу отборные из НКВД. Применить «утилизацию по-аусвицки»! **Все** использовать! Масарик выпал из окна.

Москва: Из ватик<анского> централа бежал Плююнакруа. Ждем сенс<ационных> разоблачений: птица немалая, — епи-скоп!

Ватикан: Пойман и водворен в централ убогий страж капеллы. Молчание, — ад магнам глориам Деи[127]!

Сахалин: Найдены несметные залежи натур<ального> сахара, мощность пласта 800 м<е>тр<ов>, протяжение — 500 к<и>л<о>м<етров>. Отныне... и т. д. Остров отныне называть — Сахарин.

Москва: Шифр «Ватик<ан>—Вашинг<тон>» в руках. На место болвана Плюю всажен матерой кардинал Яваш, кличка тов. Искра. Конклав обеспечен. Подсыпать еще каноника. Запасн<ые> иезуиты ликвидированы. **Бдеть**!

Нью-Йорк: Прибывший бывший кр. Михаил оказался аг<ентом> Коминформа.

Вашингтон: Читать: «от-казался... под давл<ением> Коминформа». Пр<езидент> Труман выехал на ловлю форелей. На Уалл-стр<ит> беш<еный> подъем. Мир близко.

Бикини: Коза таки сдохла. Потопл<ен> броненосец.

Москва: Все перетопите, с. с.!...

Асансуан: Пойман в лесах редк<ий> человеко-обезьян — «Дипи».

Москва: Репатриировать! нашего производства! Или... — то-то!..

Асансуан: Пропал редкостн<ый> обезьян «Ди-Пи»: прогрыз клетку.

Ватикан: В покоях Его Св<ятейшест>ва открыта сеть.....

Вашингт<он>: Эйнштейн открыл средство от Коминф<орма>, — «ком-формалин», но ставит вопрос: морально ли?..

Нью-Йорк: С 78 эт<ажа> вИбросился Эйнштейн. Причина неизв<естна>.

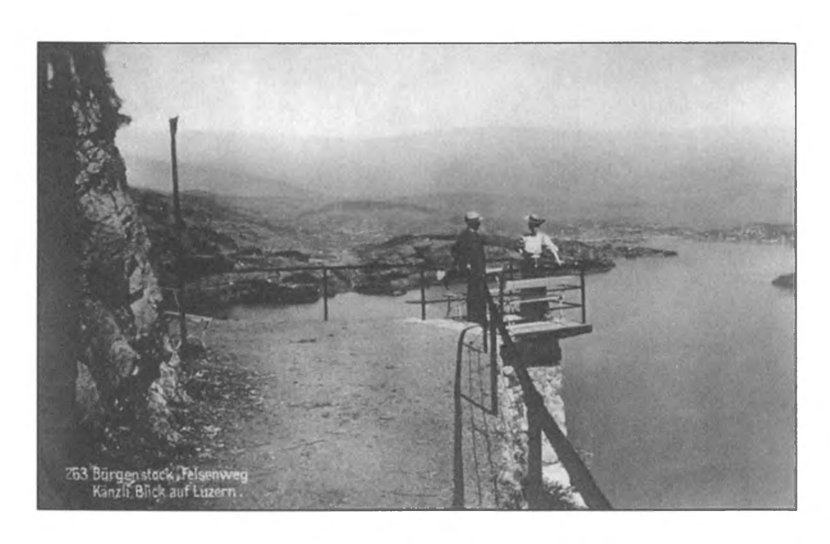
Вашингт<он>: Не Эйншт<ейн>, а Розенштейн, совагент, растратчик. Раскрыта сеть... Труман экст<ренно> возвращается. В Б<елом> Д<оме> открыта сеть. Изменить все шифры!

Москва: Раскрыт трест «Вашингт<он>—Ватик<ан>». Вот, св...! Шифры сменить!

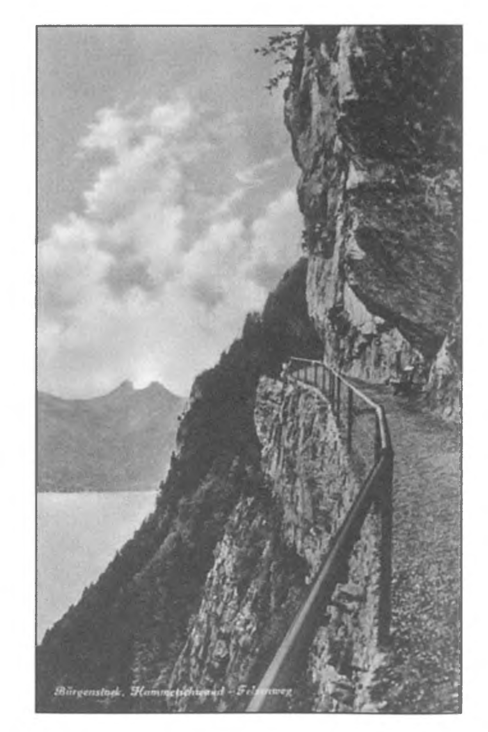
1. Ихъ было двое искони,
Покорныхъ вѣчнымъ звонамъ.
И ѣздили въ тотъ годъ они
По горнымъ небосклонамъ.

Горные стансы.
Открытки с видами
Швейцарии.
Из письма
И. А. Ильина —
И. С. Шмелеву
от 30.VIII.1931 г.

2. Ища отъ вѣка красоты
Въ безмѣрности и въ мѣрѣ,
Они достигли высоты
На семъ фюникюлерѣ.



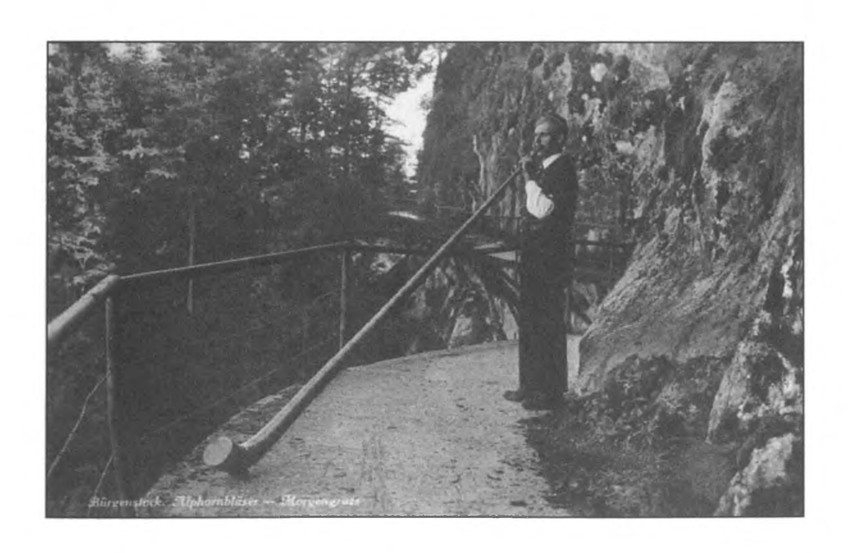
3. И вдругъ явились имъ огни
И разные наряды.
И наслаждалися они
Явленьями природы...



4. Все разсмотрѣли съ той горы,
Что дальше и что ближе:
Вдали виднѣлись двѣ горы
И пропасти поближе.

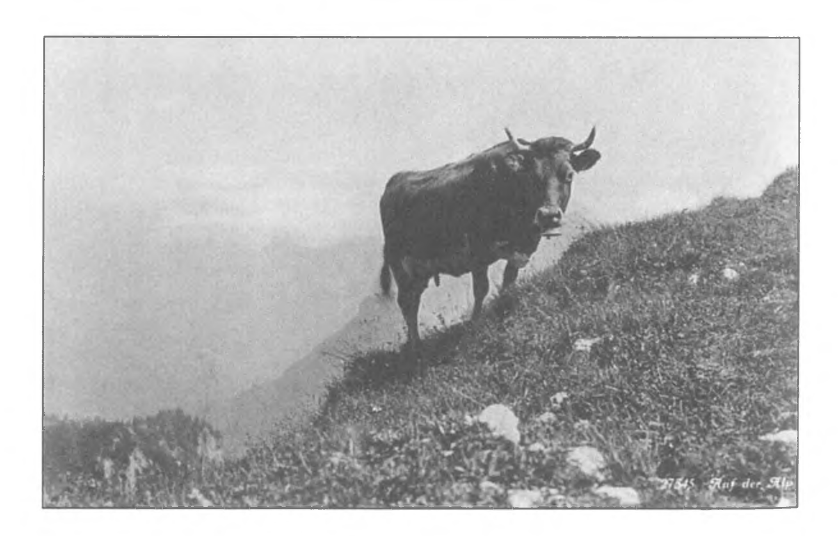
5. Весь день имъ пѣли бубенцы —
И нѣжны, и суровы...
То по лугамъ во всѣ концы
Лямлямкали коровы.

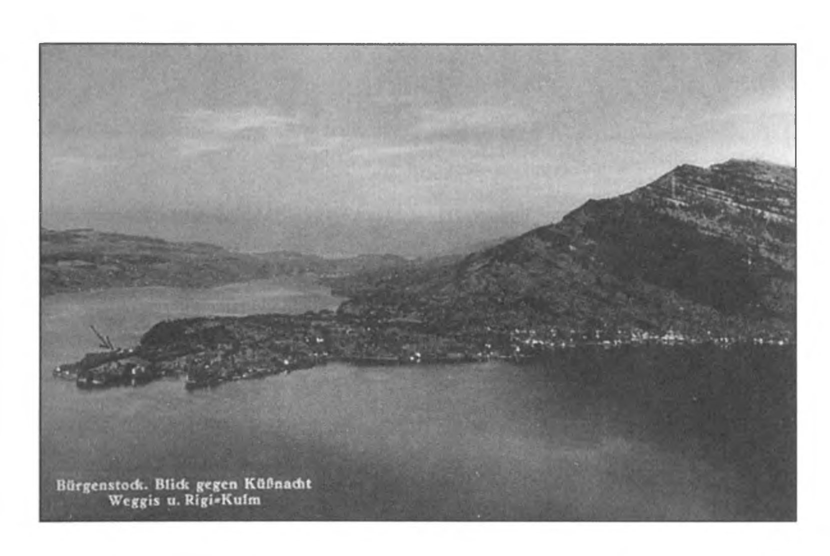
6. И славилъ самъ себя талантъ
И находилъ извѣстность:
Надъ бездной стоя, музыкантъ
Трубилъ на всю окрестность.



7. Три франка взявъ въ карманъ плаща
И деньги уплативъ имъ,
Они катались трепеща
То вверхъ, то внизъ на лифтѣ.

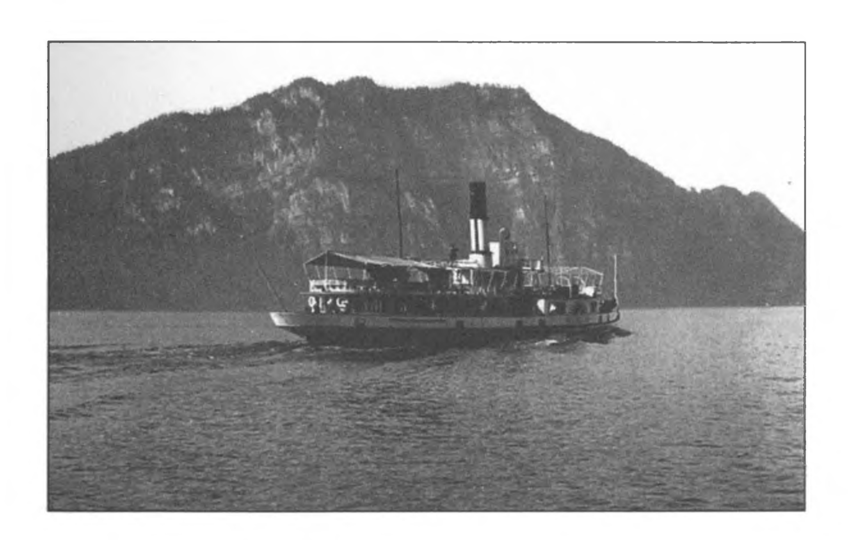
8. Являло имъ молчаніе горъ
Образчикъ совершенства,
И излучалъ коровій взоръ
Безстрастное блаженство...

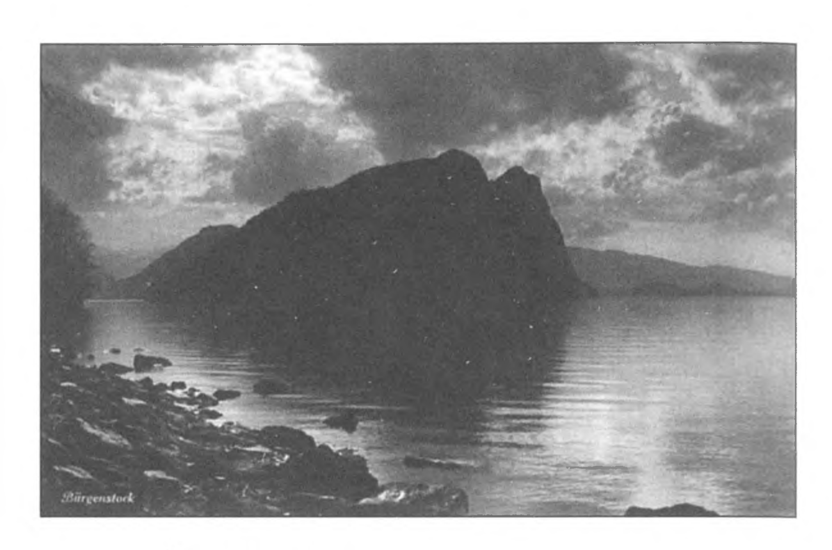




9. Всѣ тайны горъ открыла имъ
Альпiйская сивилла...
И огоньками звала своимъ
Рахманинова вилла.

10. Забравъ на пристани народъ,
Дымя трубой отъ злости,
Возилъ ихъ этотъ пароходъ
На эту виллу въ гости.





11. Но жизнь безъ родины грустна...
Все кажется вопросомъ...
И ихъ душа была мрачна
Подобно синимъ утесамъ.

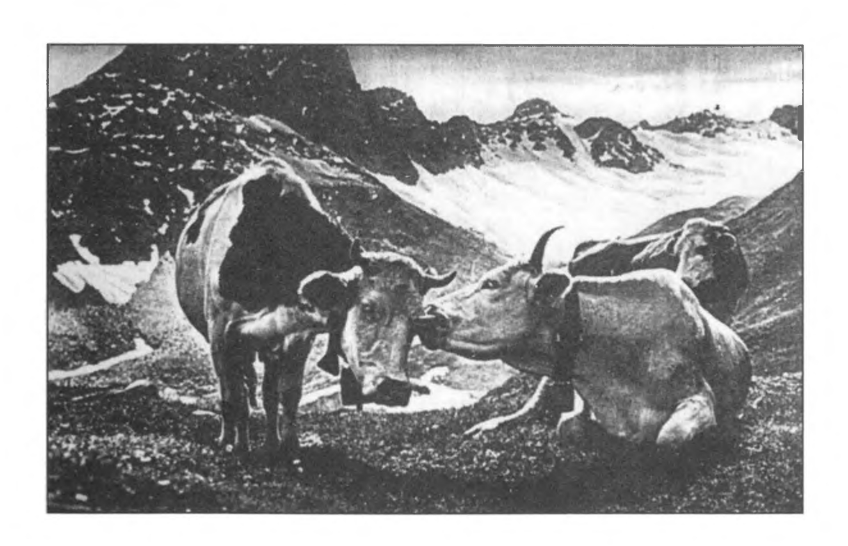
13.

Но кто любимъ и любитъ, тотъ
Пусть не томится всуе!
Онъ утѣшеніе найдетъ
И въ нѣжномъ поцѣлуѣ...

=

Конецъ.

12. Когда жъ туманные клочки
Вѣщали бурю злую,
Они играли въ дурачки
Весь день на пропалую.



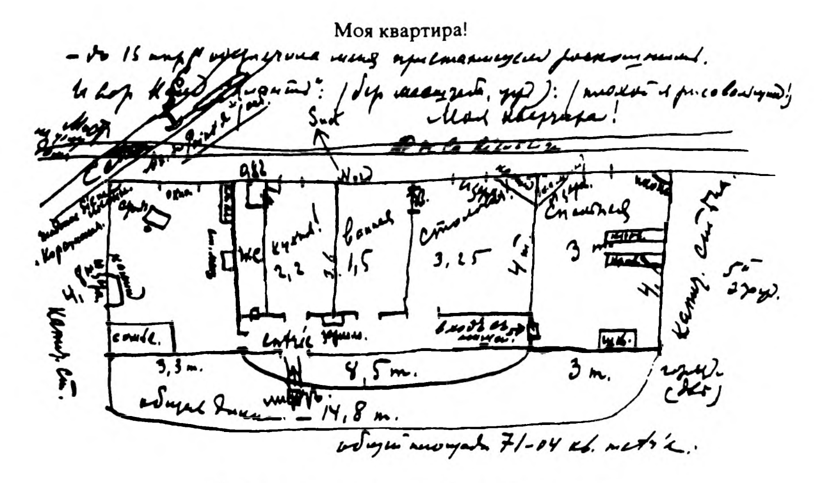
24 III - 6 IV
1934.
Булонь на С.

Христосъ Воскресе! — Дорогіе, милые.

Отстояли 12 Евангелій, легко. Великая тишина в душѣ. [illegible] Далекое — и Вѣчное [illegible] Ночь теплая. [illegible] огонька, и много-много огоньковъ по [illegible] — [illegible]. Трогательно все. [illegible]

Фрагмент письма
И. С. Шмелева – И. А. Ильину
от 15.I.1934 г.

Моя квартира!

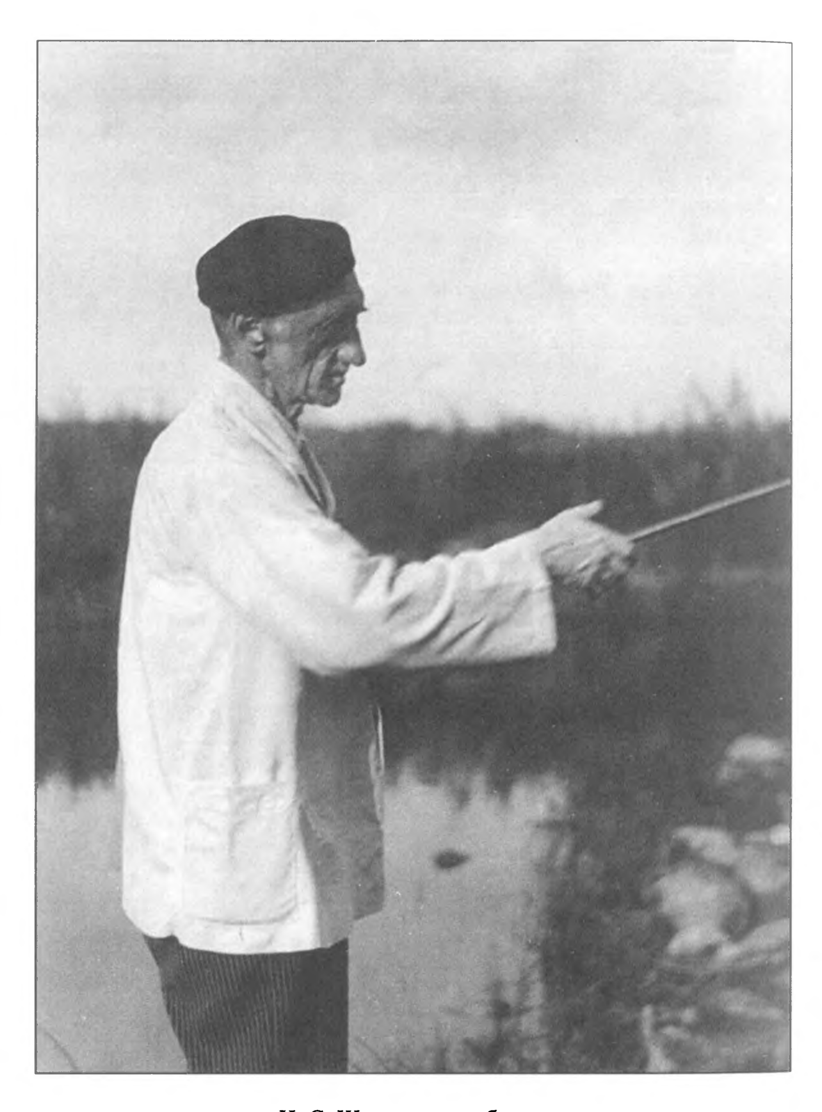


Открытка И. С. Шмелева – И. А. Ильину
от 6.VI.1934 г.

И. А. Ильин. На обороте его автограф:
«1931. Лекции в Риге»
(Архив И. А. Ильина, В 71, Е 8)

Одна из предотъездных бесед в тесном
кругу ближайших друзей и учеников
из среды членов Русского Академического
общества в Латвии на квартире у Эрны
Артуровны Констант, где Ильин провел
семинарские чтения по современной
русской литературе, из которых и выросла
впоследствии книга «О тьме и
просветлении». На обороте его надпись:
«Рига. 1935. Ноябрь. Сидят: Тина Зиле,
Беркгольц, Елена Рар (вторая жена Зиле),
я и Женя Делле. Стоят Зиле, Георгий Климов,
Майкапар, Эрна Артуровна и Рената Рудзит».
Начало ноября 1935 г.
(Архив И. А. Ильина, В 71, Е 3)

На обороте надпись Ильина:
«Рига. Вокзал. Проезд из Кокнезе на Белое
озеро. 3.IX.1935. И. А. Ильин,
Н. Н. Ильина, К. Ф. Майкапар?, К. Е. Климов,
К. Г. Климова» (Архив И. А. Ильина, В 71, Е 3)



И. С. Шмелев на рыбалке.
На обороте его автограф:
«Милым друзьям Наталии Николаевне
и Ивану Александровичу Ильиным,
в обмен на маленькую оставляю большую.
Да будет мена сия приятна! Искренне любящий,
отъезжающий Ив. Шмелев. 7.X.1936 г. Берлин.
Где-то свидимся?.. Если бы — в Москве!.. —
Что Господь даст» (Архив И. А. Ильина, В 71, Е 16)

Милымъ друзьямъ

Наталіи Николаевнѣ и Ивану Александровичу

Ильинымъ,

въ обмѣнъ на миніатюру оставляю

большую. Да будетъ мѣна сія пріятна!

Искренно любящій, отвѣчающій

Ив. Шмелевъ

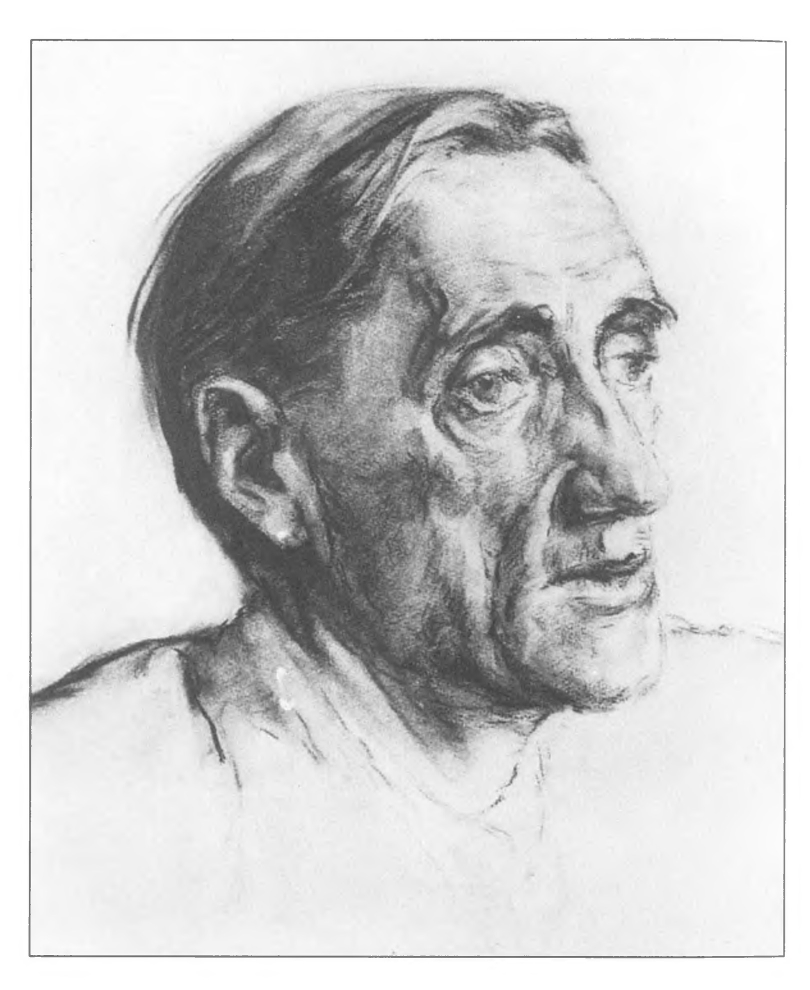
7. X. 1936 г.

Берлинъ.

Гдѣ-то свидимся?..

Если бы — въ Москвѣ!.. —

Что Господь дастъ.



И. С. Шмелев. Рисунок Е. Е. Климова. 1935(?) г.
Оригинал хранится в Псковском историческом музее

Ольга Александровна
Шмелева – жена
Ивана Сергеевича
Шмелева
(Архив И. А. Ильина,
B 71, E 9)

Шарлотта Максимилиановна
Барейсс. На обороте ее
автограф на русском языке:
«Шарлотта, 1938» (Из частной
коллекции Бен-Чавчавадзе.
Канада)

София Сергеевна Любимова, урожденная Шмелева (1868 – 1948), старшая сестра писателя (Из частного архива Ольги Ивановны Любимовой, внучатой племянницы И. С. Шмелева)

Никанор Никанорович Любимов, сын С. С. Любимовой (1897 – после 1943?) (Из частного архива О. И. Любимовой, внучатой племянницы И. С. Шмелева)

Париж: Открыта сеть... получен шифр Вашингт<он>— Ватик<ан>. Запр<ос> в Пал<ате>.

Москва: Вскрыт подкоп под Кремль. Молодчики из Б<елого> Д<ома> накрыты за установкой ат<омной> б<омбы>. Тоннель шел под океаном из Б<елого> Д<ома>. Ликвидированы. Спущены отборные НКВД, доступ в Б<елый> Д<ом> свободен!

Вашингт<он>: Из Б<елого> Д<ома> выкраден стал<ьной> шк<аф> с госуд<арственными> тайнами. От Трумана без известий.

Н.-Йорк: На Уалл-стр<ит> паника, вИбросился Айзенштейн. Падение — 70 проц<ентов>. Подтверждается слух о смерти Ст<алина> еще в 42 г.

Москва, Коминф<орм>: Ст<алин> реставрирован. Ленин розовеет. НКВД обнаружило двойную сеть... Пропал посол С<оединенных> Ш<татов>. Странное совпад<ение>.

Москва: Всех курильщиков — на Курильские острова, в шахты. Там покурят.

Москва: Генер<алисси>мус Сталин выехал сразу из 12 застав. Общее ликование. Заснято. Ярые ликовалы ликвид<ированы>.

Ватикан: Его Св<ятейшество> отбыл в неизв<естный> час в неизв<естном> направлении.

Міами: Труман собирает землянику.

Москва: Долго ли будешь?!...

Міами: эрратум[128], читать: ... «цветочки!»

Москва: — Будут и... я-годки!

Вашинг<тон>: Ищут ген<ерала> Эйзенхауэра. Снова открыта сеть... Труман возвращается с Ниагары. На Уалл-стр<ит> — сверх-паника, вИбросился Бернштейн.

Москва: Прибыл ценный груз, добавить к Труману! Всех изловим. Даешь Эйзенхауэра!..

Париж: Неизвестными увезен ген<ерал> Голль. Запр<ос> в Палате.

Москва: Из Парижа испарился изв<естный> соб<ор> «Наша дама из Парижа». На освоб<ожденной> площади весь Париж танцует под орк<естр> нац<иональной> гв<ардии>. Запрос в Палате — хе-хе!

Москва: На 1500 соед<иненных> бомбовозах сист<емы> тов. Чики доставлена «Наша дама из Парижа» и поставлена прот<ив> Василия Блаж<енного>. В пути над океаном свалился изв<естный> черт с языком, воспетый В. Гюго-дураком. НКВД предписано: «найти немедленно». Нашли, приставили.

Гельсинки: Взорван в Москве Вас<илий> Блаженный.

Москва: Попищи еще, чухна... допищишься. Прокофьев создал новый гимн «Мы хо-зя-ина ува-жим...!»

Рим: С месяц не видят Его Св<ятейшест>ва. Дикий слух...

Москва: Врешь, макарон, не слух, а.... ужо завтра узнаешь.

Голос из-под земли: О-о-о... доколе же, Го-споди?!...

Москва: Лик Гениального в небе, в свете 10 т<ысяч> прожекторов. На Кр<асной> площ<ади> патр<иарх> Ал<ексий> восклицает: «Отныне узрите.........!..»

Вашингтон: Св<ерх>секр<етно>! — Открыта сеть... угроза тайнам Атом. Лаборатории, с застоявшимся сов-аг<енто>м Яшкой Цвибак, племянником Эйнштейна! Благодарим СкотЛэнд! Путаются тут французики со своей сюртэ[129]... осюртучились!..

Н.-Йорк: Ждут пакта с Сов. Союзом. На Уалл-стр<ит> горячка. ВИбросился Рубинштейн, играв<ший> на понижение. Труман проследовал в Калиф<орнию> ловить омаров. Созывается экстр<енный> Конгр<есс>.

Москва: Его Св<ятейшест>во, на кремл<евском> балконе, под-руку с генералис<симусом> Сталиным. Овации НКВД, и прочего народа.

Москва: Всем, вс<ем>, всем: Генералисс<имус> Сталин, заметно помолодевший, поднял тост за новых друзей: маршала Сов<етского> Союза Эйзенхауэра, Пия 13, марш<алов> Сов<етского> Союза тов. Голль и тов. Трумана... Проект вечного мира!

Москва, Коминф<орм>, св<ерх>секр<етно>: Кадры НКВД утроены. Положение серьезно. Объявлена всеобщая... ликвидация. Странное сотрясение... взрыв...? Бдите!

Москва: Всем, всем, всем: Подписан Конкордат. Завтра — вселенский Пакт...

Придушенный стон: Го-о-о-споди...! да когда же...?!..

Москва: Всем в мире: На камионе-гиганте «Сталин» показаны Москве, во весь рост: Пий 13, по народ<ной> кличке — «Выпей», Труман — «жевала», Голль — «глиста» и марш<ал> Эйзенхауэр, — «ничего старик». 100-миллион<ное> ура.

Москва: Коминф<орм>, св<ерх>секр<етно>! — Второй взрыв, — к Владивостоку. Полож<ение> катастрофич<еское>. Пропали волны, 3 дня без известий. Общая.... — неразборчиво...

Москва: Всем народам: Пакт подписан. Всемирная слава гениал<ьному> Стал<ину>.

Голос из-под Калуги: Бре-шут, свол<очи>...! — все — чучела!... я и набивал. Простите, православные... пропадаю ни за что...

Калуга: Повесился чучельник Галкин, провокатор.

Москва: Все ликвидировано. Третий взрыв... На Кр<асную> Пл<ощадь> ворвался дурак с криком: «ныне отпущаеши...» Голоса — «Василий Блаженный!»

Москва: Ликвидирован: не блажи!

Голоса-вой: Ба-тюшки!... небо загорелось!... Пропади они, окаянные!...

Вашингт<он>: На Уалл-стр<ит> взрыв всех бумаг. Труман вернулся. Ген. Эйзенх<ауэр>, с балкона Б<елого> Д<ома> «все — в руках!»

Ватикан: Его Св<ятейшест>во принял ген. де Голля. Слух о Крестов<ом> походе.

Париж: Все — злостная дезинформация. Собор на месте.

Москва: Выбыл из мавз<олея> т. Сталин. Заменен. Рапорт чинов охраны: тов. Ленин сег<одня> ночью зевнул и плюнул.

Москва: Тов. Поганович открыл универс<альный> витамин «всеед». Отныне решен... и т. д...

В след<ующем> «Перехвате» потряс<ающее>, сенсационное. Намекнем: «в дер. «Недотыкомка» чинами НКВД пойман антихрист...» До след<ующего> №. Намекнем: «ночью — установлено чинами НКВД — сек-

ретно! — ударил, **сам**, б<ольшой> колокол на Ив<ане> Вел<иком>. По секр<етному> докладу министра «внутр<енней> охраны» — язык раскачивался без никого. «14» — политбюро — приказали: «взорвать!»... А что из сего вышло... — в след<ующем> № — 2 — и последнем. Да, последнем, ибо мы — **все** провидим и не скрываем от читателей. А пока... молчание.

Верно.

Goratius Secundus[130].

552

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<13.III.1948>***

Дорогой Иван Сергеевич!

И смешно — и жутко!... Дьявольский фарс: левый дьявол шутит с демократическими идиотами после ликвидации правого прохвоста... Стиль: «Это было»...

Зато С. П. Мельгунов, Рысс, Далин, Николаевский — «верруют», «оббожжают», «зовут» к «бесспорному»: к «идеалам» 1917 года. Вы думали: это *Горкин* будет «святомученик» — нет, это *Керенский, Чернов, кн. Львов, Милюков, Гучков*. Вся эта компания из лож: — *они* святомученики: (это объявлено!) Читаешь — жуть! 30 лет люди глодали свои собственные глупости, лизали свои собственные ушибы, ели свои собственные «остатки»...

Как только начинают они доказывать мерзость запустения — дельно, умно, полезно. Ну и ходили бы в «не тех». Но нет — они желают в «дакальщики» и все оказывается глупым до погибельности...

Это я о *них* писал в Возрождении: «вменяют себе в доблесть, что ничему не научились и ничего не забыли»...

Как будто русское народное правосознание за 30 лет разврата, нищеты и доносительства созрело ко всем четыреххвосткам и педерациям (pardon, *ф*едерациям).

Adieu[131].

<Приписка:> англ<ийская> книга ушла, приедет.

553

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<24.III.1948>***

24/III 1948

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

С 12 марта не имею вестей от Вас. Тревожимся:

1) *Здоровы* ли Вы?

2) В каком положении *виза*?

3) В каком положении Ваша монетная касса?

4) Не нужно ли Вам чего?

Последние дни *каждый* день утром и вечером пытаюсь дозвониться к Вам по телефону: никаких кнопок! Телефон дудит и никто не подходит.

Трудно мне ворчать на Ваше молчание: я сам по 27 линиям в эпистолярном долгу. Не успеваю! Пишу мою новую книгу с величайшим напряжением и вдохновением, урывая каждые полчаса. А фён мучает по-прежнему.

Как прекрасно Ваше «Куликово Поле»! Как обидно, что оно идет кусками и все обрывается! Как нелепо, что там (как бы в подражание? или в конкуренцию?), перепечатан *очень* подозрительный и внутренно не слаженный рассказ о «Гришке»

Отзовитесь! Душевно Вас обнимаю.

И.

554

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<25.III.1948>***

25. 3. 48. 12 ч. д.

Только ч<то> В<аше> п<ись>мо, дорогой Иван Александрович, — **осветило**! Совс<ем> я как-то захирел душевно, в унынии... Это от «безработицы». Да и все незалады. Визу турист<ическую> брать страшусь: через 3 мес<яца> скажут — выметайся! Куда мне выметаться — метаться?!.. Такое **там** правило, у оксидэнталей[132]. Страсти рассказывают... — на Ку-бу?! Во многом, знаю, я дурак, но не рискну оказаться дураком в кубе. И никакие связи не помогут, сказывали... А пока пробую продлить зд<ешнюю> визочку, генералов банк поручил-

ся за треб<ование> полторы тысячи! И это меня немит... ох, всегда мне жутко просить **за себя**. Был вчера М. Г. Гроссен, буду читать в Берне — для интимной группочки в 15 ч<е>л<о>в<ек> в субботу, 10 апр<еля>, — «Кул<иково> П<оле>», а в воскр<есенье>, 11-го, в бОльшем собрании, под покровит<ельством> рус<ско>-шве<й>ц<арского> просвет<ительского>, что ли, О<бщест>ва... Это меня чуть осветило. М<ожет> б<ыть> сколько-ниб<удь> и приработаю. И чайком попоят. М<ожет> б<ыть> и обласкают. На эт<ом> собр<ании> буду читать, — думаю! — 1. Из «Няни» и из «Богом<олья>» — «купанье охальников» — в 1 отд<елении> и 2 — «Масленица», и кусочек из «Вербы». И медведёв погляжу, пожалуй. Нередко — письма от читателей — согрев. Одолевает корресп<онден>ция, расходы времени и грошей моих. Будто и ничего здор<овье>м, да вот аппетиту нет. Устаю. Монетная касса... — и думать не смею, не хочу. На два мес<яца> еще хватит «остатков», при моем сверх-береженьи. А там — видно — в Париж! Благодарю, дорогой И<ван> А<лександрович>, ничего мне не нужно, хватает. Я ухитряюсь жить на 250 фр. в м<есяц>. 100 — обед, хороший, у Волошиных, хожу пешочком. 80 фр. — комната ту компри[133] ну ф. д. мен.[134] даю 3 фр. в мес<яц>, в поощрение. На все прочее трачу — т. е. на вечер<нюю> закусочку, почту, молоко, прачку — мелочь-то сам стираю, украдкой, — и это мне отвлечение, — 70 фр. И никак<их> лишений не испытываю. Надо Бога благодарить. «Р<усская> М<ысль>» — не платит. За год дала 5 т<ысяч>! И все просят... Ничего не пойму. Решаюсь принять героич<ескую> меру — написать Мр. Ж. Кенену[135], — как его точное начертание? — да адреса-то не знаю, ку-да писать... Он, говор<ят>, при Маршалле[136] — ведает «русским вопросом». Знаю, что он знает рус<ский> яз<ык> и может даже цитировать из Пушкина. Вот и хочу ему послать ходат<айство> о выдаче мне прочной визы. Мотив: служители культа и ученые вне квоты. Нельзя ли и писателя подвести под это исключение? Пусть меня сочтут за «эксперта» в русских делах: для

уразумения сущности русской, **духа**, постижения России... и как «спеца» по «большевизму»: ведь три четв<ерти> моей художественной работы — о большевизме, о р<усском> народе. Пусть меня впустят — для пользы дела, — ведь хоть в некот<орой> степени являюсь же я посланцем от России?.. — могу пролить свет на кое-что те-мное..? А мне бы так хотелось **реально** как-то помочь словом правды, сказать в защиту **нашу**, попытаться оберечь... и промыть мозги «оксидэнталям»! Пусть как сведущего человека примут, — а я выскажусь, как защитник, на сем закон<ном> осн<овании>. Разве сие невозможно? Ведь **там**, чувствую, для оценки **нашего** — мозги набекрень. Пусть это безнадежно, но я хочу попробовать. Тем мне легче, что Дж. Кен<ннан> — знаю — прочтет мое **русское** п<ись>мо. Если только получит его. **Как** Вы скажете?... Не откажите... ну, скажите — эх, ты, Д<он>-Ких<от>! Помудруйте, для св<ятого> дела.

Оч<ень> я рвусь узнать В<ашу> посл<еднюю> работу — о религии... об «аксиоме» — бытия Его. Тоскую без слова Вашего.

Думаю — на Вашингтон прямо! Но куда?.. М<ожет> б<ыть>, цензура перехватит?.. А, рискну авионом... и что Господь даст. Напишу — короче нельзя.

«Перехват» — отпал. Порой составляю «самоновейший Сонник».

Милюкова во сне видел — к засухе. «Р<усская> М<ысль>» — приснится — к большим гонорарам. Кускову видел — к холере. Кер<енско>го — распутица. Мельгунов приснится — перемеж<ающаяся> лихорадка. Мережк<овско>го — холодный кипяток хлебал. Увидеть «Иоанн — имя ему» — друг придет. И т. д.

И. И. Новг<ород>-Сев<ерский> — муж Юли — заболел — в 5 раз! — и отвезен в убеж<ище> св. Анны. Подлинный поэт! — да!!

Счастлив В<ашим> словом о «Кул<иковом> Поле»! Вопрос изданием... — отменю печатать книжкой в «Прав<ославной> Р<уси>» — по плану не выходит. Думаю — в Париже издать. Да, рассказ с голубями — вымышлен, **ясно**. После «чудес» Гришки — была бы у него непротолченная труба жаждущих!... а — ни-чего по-

доб<ного>. Жу-льничество, — и какое же гнусное!.. Сво-лочи пошли. И как «прикровенно» — «19 июля...» — Серафим<ов> День!.. **Все** — видать. **Чу-до** бу-дет, **все** же!... — какое и не снилось «оксидэнталям».

Обнимаю! молюсь посильно... самоучкой. Ни-куда я... и не говел.

Господь *да пребудет* с Вами обоими! Почитать бы В<аше> о религии!

Ив. Шмелев.

555

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<27.III.1948>*

<Открытка>

27.3.48. Женева

Дорогой друг, Иван Александрович,

К Вам, *за советом*, в важном деле: Вы — *умница*, а я тут могу поступить неосмотрительно, увлечься **личным**, если положусь только на себя, — не **все** учту.

Домогаясь пост<оянной> визы, хочу обратиться с п<ись>м к G. Kennan и объяснить мои побуждения. Служители культа и ученые — вне квоты. Писатель, дост<ойный> сего именования, тоже, казалось бы, мож<ет> подойти под это правило. Дав сжато свою характеристику, в 2—3 стр<о>к<ах> curr<iculum> vitae, я приведу доводы, **зачем** мне — в С<оединенные> Ш<таты>. Цель моей **там** работы, мое знание русской сущности и больш<евиз>ма, — мой опыт. Я готов пояснить, если потреб<уется>, о России, о характере рус<ского> народа (*душе* его), о его предназначении, о его отнош<ении> к бол<ьшевиз>му. G. K<ennan>, кажется, ведает «русск<им> вопросом». Главная цель — в С<оединенных> Ш<татах>, — найти условия, благопр<иятные> *для* завершения моей литер<атурной> работы — для чего мне нужен «воздух» правосл<авного> Монастыря. Сего не найду в Европе. Если Вы одобрите, — напишу G. K<ennan>. Если скаж<ете> — veto! — покорюсь. В 1-м случ<ае> — как именовать? *Г. Министр*? К<еннан> **знает** русск<ий> яз<ык>, п<ись>мо напишу по-русски. Я мог бы,

т<ак> ск<азать>, явиться *экспертом*, от им<ени> России. Ответьте! И. Ш.

<Приписка:> Если — да, укажите существенное, на что долж<ен> *напирать* в п<ись>ме.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor D-r Iwan Iljin
33, Zollikerstr., 33
Zollikon b/Zürich

556

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<28.III.1948>***

28. III. 48. Genèva Западная Пасха. Воскр<есенье>.

Вот я опять стучусь к Вам, дорогой друг, Иван Александрович! Как-то растерялся... — писать ли G. K<ennan'y>? К<а>к скажете — т<а>к и сделаю. (*как думает* Нат<алия> Никол<аевна>?) Если ск<ажете> «да», напишу. Но, тогда, к<а>к вступать? как именовать?.. «Мил<остивый> Гос<ударь>»? — «Многоув<ажаемый>...»? — не знаю. Официально, строго по существу, не ***вдаваясь***?... не «растекаясь»? Упоминать ли, что я б<олее> 50 л<ет> — писатель? ***на что*** напирать? Темна душа ам<ериканце>в для меня. Что их **берет**? Полагаю, что искренняя прямота — одинаково подкупает человека. Был бы только человеком эт<от> неведомый Ж. К<еннан>! Каж<ется>, это его дядя (?) писал о Сибири, некогда, — я юношей читал его — что? «Сибирь»? Книга обр<атила> на с<ебя> внимание рус<ской> интел<лиген>ции. О Ж. К<еннане> писала мне как-то О. А. Б<редиус>-С<убботина>. Он бывал у них в Берлине, эт<от> Ж. К<еннан>. Вместе читали, Пушк<ина> и Чехова. Из Мон<асты>ря пишет еп. Се-р<афим>: «Выбирайтесь из Евр<опы> — скоро, 2—3 мес<яца,> буд<ет> «развязка». Так ли? Тянет м<еня> в Канаду. Туда хотят Земмеринги. Там есть скиток, у преосв<ященного> Иоасафа. Канада больше по сердцу мне. Да, на распутьи я... Иван-Дурак.

Вымирает эмиграция. Берд<яев>, Мочульский[137]...

Обнимаю Вас, милые... Наставьте на ум. Хочу отдать «К<уликово> П<оле> издавать по-р<усски> в Мюнх<ене>.

Ваш Ив. Шмелев.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor D-r Iwan Iljin
33, Zollikerstr., 33
Zollikon b/Zürich

557

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<1.IV.1948>*

Дорогой Иван Сергеевич!

Что же Вы раньше не подумали о *К<еннане>*? Это *давно* надо было сделать. *Там* решают. Посылаю Вам *строго доверительно* сокращенный текст *его* доклада, присланный мне прошлою весною. Прочтите его пожалуйста и *верните мне.* Увидите, что он думал год тому назад. Из приписки красными чернилами увидите остальное, *не* подлежащее оглашению. Пишите ему заказным авионом скорее! Если бы так оказалось, что он прочел бы *из Ваших* рук № 2 (я даже не знаю, прочли ли *Вы сами* его?), а потом и подготовленный № 3 (о нерасчленении России!), то от этого могла бы быть *большая* польза *Делу.* Роль К<еннана> Вам определили *точно.*

Очень надеюсь, что бернские «соли-даристы» (у них *вообще* нет «соли» и «дарить» они ее не могут) сумеют отнестись к Вам с подобающей бережной почтительностью и не «нахамят». Они напрасно козыряют близостью ко мне; этого *нет.* Дух мне чужой; уровень скудный; жажда «фигу-рировать» большая; фигу складывают, рируют ею как умеют; критике моей *не внемлют*; самодовольство развивают паровозное; *масоны*; это школа бердяевская, лосская, питиримо-сорокинская. Но это Вы сами все учуете.

Вот уже несколько дней лежу с сухим гриппом, если бы не писал, встосковался бы. Постоянно думаю, как нам лучше организовать наше свидание. Сонник Ваш превосходен — так все вокруг и засмеялось!..

Моя философия религии двигается. Пишу семнадцатую главу. Но это *не* о Боге, а о *человеческом акте.* Это *не* теология религиозного Предмета, а скромная педагогика религиозной души. Это *белибердяевым* удавалось подслушивать, что́ говорил Бог, когда ничего не было; а я искони был беспомощный дверестучатель, не

«тео-соф» (не люблю я их!), а «тео-мóр» (от греч. мóрос — глупец).

Вся моя философия в духе *Сократа*. В 1919 году закончил Учение о Правосознании (акт). В 1925 г. «О сопротивлении злу силою» (акт). В 1934 — «Путь духовного обновления» (акт). В 1937 «Основы художества» (акт эст<етического> творчества). В 1938 «О тьме и просветлении» (акт лит<ературной> критики). В 1938 «Ich schaue ins Leben» (акт духовно-сердечной повседневности). В 1942 «Das verschollene Herz» (Поющее сердце) — акт *миросозерцания*. В 1942 «Wesen und Eigenart der russischen Kultur» (О строении русского *нац<ионального>* акта; готовится к выходу по-французски в Париже). В 1945 «Blick in die Ferne» (акт *нового* культурного творчества). Теперь кончаю Учение о *рел<игиозном>* акте. Хочу до смерти еще написать *начисто*: О монархическом акте; О воспитании характера; и об акте Очевидности.

Все в Божией руке и Божией Милости. На обороте прилагаю приблизительный список глав в Аксиомах религиозного опыта. Вы сразу разочаруетесь: никаких догматических выдумок (à la булгаков), никаких белибердяевских откровений... Словом — *о методе* (Μέθοδος — путь к цели, верная дорога, gradus ad Parnassum[138]).

«Где нам, дуракам, чай пить»...

Душевно Вас обнимаю и продолжаю тревожиться. Ради Бога, кушайте и поправляйте здоровье!

Ваш Иоанн имя ему.

Аксиомы религиозного опыта

1. О субъективности рел<игиозного> опыта
2. О духовности рел<игиозного> опыта
3. О религиозной автономии
4. О религиозной гетерономии
5. О приятии сердцем
6. Предметность рел<игиозного> опыта
7. Акт веры и его содержание
8. Непосредственность рел<игиозного> опыта
9. О религиозном Методе
10. Отверзающееся око

11. О рел<игиозном> сомнении
12. О пошлости
13. О вырождении рел<игиозного> опыта
14. О религ<иозном> очищении
15. Огни жизни
16. О рел<игиозной> цельности
17. Об искренности
18. О лжи и предательстве
19. О судьбоносности рел<игиозного> опыта
20. О молитве
21. О смирении и гордости
22. Об очевидности
23. О единении с Богом
24. Трагическая природа религиозности

Заключение.

Литерат<урные> добавления к каждой главе

Приблизит<ельный> расчет:

кажд<ая> глава = 16 печ<атных> стран<иц> *без* лит<ературных> доб<авлений>.

25 печ<атных> листов

вместе с лит<ературными> доб<авлениями> около 35 печ<атных> листов (600 страниц)

Появится через 25 лет как opus postumum[139].

558

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<1.IV.1948>***

1/IV. 1948 Христосуюсь с Вами!

Дорогой Иван Сергеевич!

Сегодня написал Вам. Пришла Ваша открыточка, пишу опять.

Я думаю, что русское слово «шантрапа́» происходит от франц<узского> «chantera pas»[140]: вероятно, какой-нибудь французский или французящий господин отбирал певчих (из крепостных?) и забракованные определялись сим словом.

Мой лекционный опыт здесь на *русском* языке был *плачевен*. О чем бы и как бы я ни читал, приходило народишку — сколько кот наплакал — воробей накакал.

На тарелку сборную клали от гривенника до полтинника. Помню, как я злился, читая, напр<имер>, о Шмелеве. Я прекратил лекции *по-русски* и все спрашивал себя: *они* вышли в шантрапу*), pardon в «непевчих» — или это *я* вышел в *непевчие*?

Люди, понимающие здесь по-русски, *разрусели*. Разделены на два прихода (алексиевский и Анастасиевский). Приходы менталитетно враждуют и «не кладут друг к другу ногу». Евреи все в алексиевском. Все это я взвешиваю уже несколько месяцев: *как* дерзну предлагать Вам лекцию от лица непевчих? За «пятнадцать» франков?

На что рассчитывают Гроссены, — не знаю: они «солидаристы», может быть, у них «соль даровая» и за каждым кустом тайно-партийный богач сидит?

Я никак не мирюсь с нашим «несвиданием-досвиданием», но (может быть, от чрезмерного переутомления!) *пока* исхода или «устроя» еще не придумал.

Идея же срамиться перед Шмелевым, эксплуатирующая его на снобирование его непевчими, мне *нестерпима!*

Душевно Вас обнимаю!

559

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<2.IV.1948>***

2. 4. 48. 4 ч<аса> дн<я>. Женева

Дорогой Иван Александрович,

Восхищен величием и стройностью Труда Вашего! Пошли Вам Господь здоровья! Если бы уединиться и все воспринять покойным и чутким сердцем! Будет ли это — и когда? Недавно, до отъезда, вдумчиво перечитывал «Путь духовного обновления», **много** мне давший. Хотел бы здесь снова перечитать «О сопрот<ивлении> злу силою» (нет тут). И — если бы! — «О правосознании»! «Основы художества» — прямо, вжевывал в себя. «О тьме и просветлении» — вливал во многих, — порази-

*) Клянусь: только мой «девичий стыд» удерживает меня от «иных» словечек! Сколько за 10 лет пережито нами *патриотич<еского>* негодования!

тельно насыщено мыслями «заключение»! Но... когда же...? В Германии могли бы издать «О тьме и просв<етлении>...» — там так много издают! Это **надо** сделать, — разрешите мне написать туда..? Написал бы Вл<а>д<ыке> А<настасию> и Земмеринг, которая чтит Вас благоговейно..? Она раззвонит — и добьется. Это **надо**, на-до.

Ниск<олько> я не разочаровался, ознакомившись с В<ашим> оглавлением «Акс<иом> рел<игиозного> оп<ыта>». Напротив: захвачен, предвкушая... Вот уж, именно, обозрев **все** Ваше — м<ожет> б<ыть> — и конечно! — и **не все**... — тут же и воскликнул — «Экзеги монументум»[141].

Да здравствуете! и да расточится гнусный фёнка!

Рад был, что Вы утвердили мое намерение написать К<еннану>. Вчера послал зак<азное> ав<ионо>м, а также, почтой, «С<олнце> М<ертвых>» — англ<ийское>. Прилагаю копию п<ись>ма[142]. Не откажите вернуть. Как Вы находите? Хотел быть кратким и сдержанным. Не выйдет — буду хлопотать — в Аргентину... — хотя зачем мне в эту «тину»? Но оттуда, сказыв<ают>, легче добиться С<оединенных> Ш<татов>. «Осн<овы> совет<ской> такт<ики>»[143] разрешите попридержать? могу ли дать Озноб<ишину>? — то-лько. Прошу прислать № 2, я читал его в Пар<иже>, но хочу освежить **все**. Да, если бы довелась «встреча» с ....[144], да, я **сам** «вдунул бы» дыхание в слушателя: он знает отлично по-русски. А я сумел бы вычеканить Ваше! Привел бы Господь малостью моею послужить! Ах, все бы силенки отдал... бился бы, стучался бы!... Подай, Господи!... Если бы..! Благословите и помолитесь, — я т<а>к беспомощен в молитве!...

Слыхал, из разн<ых> щелей, о «нестроении» в Обители... Знаю теперь, **как** и **кем** создана. Пора-зительно!... **Все** — силища русская, мужичья: валаамец неукротимый, нын<ешний> «игумен» Пантелеймон, 16 лет молотивший на ав<иационном> заводе у Сикор<ско>го!.. **Он** — и землю купил, и созидал **все**. И вот, на сей-то **камень** нашла коса «неистового» — (и грубого!) (м<ежду> нами!) — ныне еп. Серафима. Сер<афим> мне туманно писал... а **все** я узнал из друг<ого> ист<очни>ка. Но

меня сие **не** коснется. Это — к лучшему, — Сер<афим>, м<ожет> б<ыть>, получит послушание заложить нов<ую> ячейку — в Калиф<орнии> или во Флориде. Тем более жажду попасть в Обитель, что «в Могиканах». Читаю А. Моруа — «Ист<ория> Соед<иненных> Шт<атов>» — купил Озн<обишин> — стоит 450 фр. А *чего* **сто́ит...** — еще не внял.

Чтения мои — 17 — «Кул<иково> П<оле>» и 18 — для большего круга, орг<анизуют>ся Рус<ско>-швейц<арским> клубом. Программа публ<ичного> чтения: I отд<еление>: а) — «На святой дороге» — из «Богом<олья>» и «Масленица» — из «Л<ета> Г<осподня>». II — а) «Няня из М<осквы>», вступление, 6 стран<иц> и б) — «Чудесный билет», в купюрах, — для б<олее> легкого приятия, к концу.

Пришлют жел<езно>-дор<ожный> билет ал-рет[145]. Стоянка обеспечена. Чего-ниб<удь> — приработаю, что оч<ень> нужно. Сегодня Озноб<ишин> ведет меня к окулисту, показать: зуд очень. Скажет — нов<ые> очки, пожалуй... а они чуть ли не 60 фр.! — ну, ладно.

С сух<им> гриппом не рискуйте вылазить! Банки поставьте!! Обязательно!!! Какая-то «дрянь» залежалась в какой-то части — дольке легкого. Не бойтесь банков, т. е. — банок. А на банки смотрите, к<а>к на необходимое зло-благо. Вон, в Венгрии, все банки-склянки упразднили. Гляжу сег<одняшние> афишки на площ<ади>: «Тензия[146] в Берлине усиливается — с'аграв[147]». Что сие? Проба шантажа? Какой-то «инцидент англо-русский»! Далось им это — «рус-ский»!!! Ох, бли-зится... Сами ружья почнут палить. Бди-те!...

Самоновейший сонник... — продолжение:

Карташева во сне видеть — к войне, — «самое дальнее через 2—3 мес<яца>».

Бердяев приснится... — будет язык с горошком.

Евлогия увидеть — к юбилею с кулебякой.

Видеть Степуна... — к высокой воде.

Видеть сов<етский> пачпорт — заворота кишок жди.

Ассенизац<ионный> обоз видеть — в Париж ехать.

Маклаков приснится — лисью тропу увидишь.

Видеть Титова[148] во сне — придет агент Страхового О<бщест>ва.

Бунина видеть — мочеполовое свидание.

Темные аллеи видеть — к рвоте.

Продол<жение> мо-жет быть...

Господь с Вами обоими. Ох, чего-то бу-дет!...

Ив. Шмелев.

560

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<4.IV.1948>***

4. IV. 48

Дорогой Иван Сергеевич!

Письмо *туда* хорошо. Одно меня смутило: «*я знаю Ваш труд госуд<арственного> масштаба «Основы»*[149]...

Что это за труд? Напечатан? На каком языке? Где? Нельзя ли мне ознакомиться?

У меня *с ужасом* мелькнул вопрос: ведь это не та машинопись, которая приехала к Вам в *строго-доверительном* порядке? Если это она, то я *в отчаянии*. О ней **немыслимо** *было упоминать* — и я выхожу Вашим *главным вредителем*.

Успокойте, ради Бога!

Верните мне мое приложение, как я возвращаю Вам Ваше.

Обнимаю.

561

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<4.IV.1948>***

4. 4. 48.

Дорогой Иван Александрович,

Вот, из «Фигары», ст<атья> Вальтера Липмана[150]. Что Вы скажете, как ее принимать? Этот америк<анский> журналист оч<ень> влиятельный, к нему на верхах прислушиваются. И даже о-чень. Оч<ень> мне важно знать В<аш> взгляд. Я толкую так: «ограниченность» целей буд<ущей> войны значит: не раздавить Россию, а... сократить «бесов»? в частности, принудить

изменить режим? Оч<ень> недоговорено. Что же, опять полумеры? пусть догнивает Россия? Будто и скверная статья... Так во-имя чего же — война-то «с огранич<енными> целями»? Правда, никакие внушения «липманов» не помогут: все будет так, как **надо** в Плане Господнем. Моя вера: как только «начнется», — **все** посыплется, русский народ докончит-покончит с «бесами», вопреки всем планам американским, — **выметет**. Лиха беда — начало. Симптоматично: Вел<икая> Кн<ягиня> Ольга Александровна[151] всей семьей переезжает в Канаду — было вчера во мест<ных> газетах. Продали недвижимость в Дании... Очевидно, получили откуда-то предупреждение... И хорошо делают. О<льга> А<лександровна> давно в Дании, дети уже взрослые, закончили образование. Когда-то Вел<икая> Княгиня писала мне, благодарила за «радость» моих писаний...

Пожалуйста, поясните мне, как принимаете эту сомнит<ельную> статью. Липман любит «учить». Я всегда читаю его, — главное, умеет «щупать» положение. Но эта статья — коварная: как хочешь — так и понимай.

О-чень хочу свидеться с Вами! О стольком надо сказать, спросить... — главное — Вас **слушать**.

Чтение мое, к<а>к писал В<ам>, — 17 и 18. Я просил Гроссена послать Вам приглашение, — «почтить»! Знаю, что Вы не подыметесь, и не тревожу, а уведомить Вас и Наталию Николаевну — почел за долг. Парижский издатель «Имка» — до сего времени не выпускает «Лето Госп<одне>» — не могу добиться толку. Муж Ю<лии> А<лександровны> — в убеж<ище> св. Анны, свернулся, — 5 раз, за эти 15 лет. И потому от нее нет писем, и не могу я ее тревожить. А мне так дорого, чтобы Вы к Пасхе хотя бы получили мою книгу, заветнейшую! Завтра им напишу — решительно: все «брошюруют», другой месяц!

Ваш раб и друг Ив. Шмелев.

Чего-нибудь «Вашего» пришлите!

562

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<5.IV.1948>***

5. IV. 48. 3 ч. д<ня>.

Конечно, дорогой Иван Александрович, «труд госуд<арственного> масштаба» — не та «записка-доклад», что на днях читал я, хотя, кажется, того же заглавия. Я в Париже, летом, узнал от одной русской (я В<ам> **писал** о ней), оч<ень> осведомленной о работах **там** по острому вопросу, о **большом** докладе того же лица, — **видел** его... — б<олее> 100 стр<а>-н<иц>, — написанном на англ<ийском> яз<ыке>. Я этого яз<ыка> не знаю, и просил изложить мне конспектом, что особа и сделала для меня. Эт<от> труд как бы в связи с книгой Б-та[152]... — и тоже псевдонимен. Об эт<ом> труде только очень неясно, глухо, было в одной из пар<ижских> газет. Но **все** знали, кому принадлежит, — по слухам, понятно. А о малом докладе кричали все воробьи парижские. (Во всех газетах был **назван** автор, да, да! Я сам читал, и тут нет никакой тайны, а потому — к чему же тут конспирация?!!.. Так, полным именем и назван. И я о сем писал О<льге> А<лександровне> Б<редиус>-С<убботиной>, которая мне **все** рассказала о берлинск<ом> знакомстве, — ***все***. Я и о его учителе рус<ского> яз<ыка> знаю. И видел фото — К<еннана>. Суб<боти>ны говорили, что К<еннан> о-чень тогда б<ыл> похож на моего Сережу: вы-литый! — особенно глаза.) Так что Вы тут никак не можете считать себя «вредителем» мне. В том больш<ом> «труде» было, местами, смещение двух понятий, чего в малом я не усмотрел. Очевидно, события и время выправляют мозги. Расшифровка «псевдонима» м<ожет> б<ыть> была даже желательной для автора... Да и чего же автору опасаться?.. — он **свободный** человек, непромокаем.

Нет, нет, никак Вы не могли «навредить» ни мне, ни — кому-либо!

Был у меня вчера один монах, из-под Мюнхена, много рассказал.

Приехал хлопотать здесь о возможностях переезда сюда для оч<ень> почтенного лица и его сослужителей,

ввиду острой перемены погоды... — великое ненастье *на носу*. Есть здесь богачи, кои обзавелись своими возд<уш-ными> экипажами, на случай... Я думаю, что «расшифровка» не будет вменена мне и никак не повлияет на решение... а ежели повлияет, то Вы тут «не в деле». Я исходил из психологии: автору всегда приятно, когда его труд привлекает внимание. Для сего и публикуется. Правда, «б<ольшой> труд» был отстукан, а я и не спросил даму, есть ли этот тр<уд> в печатном опубликовании. Повторяю, я его даже в руки не брал, а попросил изложить главные положения. Вот и все. Не понимаю, почему Ив. Л. С<олоневич> так опасливо зашифровывается? Что тут за сверхгосуд<арственная> тайна? «Доклад» известен каждому франц<узскому> журналисту. Я сам читал в «Фиг<аро>», летом еще, «основные полож<ения> доклада», как и о книге бывш<его> фр<анцузского> п<ремьера> Б-та[153]! И никто не делал из сего **тайны**. А если моя строчка в п<ись>ме и навредит моему прошению, виновником сего явлюсь только я. Но за меня скажет моя искренность. Если мой адресат умный ч<еловек> — а это так и есть, — он не вменит мне мою «оплошность». А коль вменит, что поделаешь... — слово не воробей... А потому и — не робей!

«Тензион» в Б<ерлине> — все **шумиха**, страха ради... Хотя бесы уже видят, сколь все для них непоправимо, — могут и рискнуть на «ва-банк»: отступления б<ыть> не может: слишком уж зарвались и за-вра-лись. (И теперь всякая отсрочка — для них зарез.) Думаю т<а>к, что этим летом, после сбора урожая, наступит финал — развяза.

Пронеси, Господи!.. — деться-то **некуда**.

А пока... — из «Самоновейшего Сонника»:

И. Л-ча (С-ча) во сне видеть... — смотри Паульсона[154]: как жид «шапкой пень пужал».

«Конспирацию» во сне видел — гляди в оба!

«Имку» видеть — фигу есть.

«Турмана»[155] увидеть — голубей гонять.

Видеть Вышеславцева — к перемене погоды.

Патриарха М<осковско>го видеть — икру лопать.

Б. Зайцев приснится — розовой воды подарят.

Сов. патриота видеть — хамелеон приползет.

Сталина во сне видеть — неудобь-сказуемо.

Н. Арсеньева видеть — к зубной боли.

С. Прокоповича увидишь — поймешь, что значит: «и тебе, тьмутараканский болван».

М. Алданова видеть во сне — к умеренности и аккуратности.

Лосского увидишь — воляпюк[156] познаешь.

Яшку Цвибака[157] видеть — спеши в баню.

Кучу навоза во сне увидеть — Сватиков[158] придет.

Золото приснится — к окладному листу.

Ш<меле>ва видеть — ни туда, ни сюда.

А пока... примаю нов<ое> лек<арст>во от *«зуда»*, *окулист* дал, в глазах **ничего** не нашел, — и — странно — очки даже не велел переменить, — очев<идно>, пожалел? до-рого это.

Представьте: лекарство «Becozyine» (с витаминами) стоит 15—80! — 100 comprimes[159]. Разориться!..

Ваш Ив. Женевский.

Увы, моя кормилица уехала в Пар<иж>, а там — вернувшись — уедет в горы к больн<ому> сыну. Я предоставлен сам себе: буду к<ак>-ниб<удь> прикармливаться, — много ли мне надо?..

<Приписка:> Сейчас вот — получено **там** мое ав<ионное>-заказное! Вразуми его, Господи!

<Приписка:> О, время, время! Вы меня не узнаете: я стал похож на престарелую обезьяну. Но Вы и не узнаете меня, если увидите на сцене! Сейчас, в зеркале увидал — ужаснулся.

<Приписка:> Вы и Нат<алия> Ник<олаевна> получите извещение о моем выступлении: для почета. Вы, кон<ечно>, не будете, но я буду Вас **чувствовать** и — ободряться.

563

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<21.IV.1948>***

<Открытка>

21. IV. 48. Genèva.

Дорогой друг Иван Александрович,

Сл<ава> Б<огу>, отошел...

Все прошло отлично, был «в форме», в голосе, — ***взял***! На редкость приняли и проводили. Давно не видел

такой ласковости, ма-ло: такой горячей задушевности! Долго не отпускали, было чел<овек> 60. И «камерное» чтение — у инж<енера> Рибера прошло ***захватно***, и сам не ожидал — было у него чел<овек> 18 — интимнейше. Здо-рово тронуло «К<уликово> П<оле>». Сы-ыт. И харчи были вдоволь, и дорогу оплатили и «на чай» дали — очистилось — 91 фр<анк>! Сл<ава> Богу. Ну, понятно, к<ак> бы после сильнейшего «массажа». Не хватило бы — ни-как! — сил (!!) прямо к Вам. Что я был бы?!. — **пустой**! Нет, я оч<ень> ценю встречу с Вами и хочу быть в достойной ее **силе**. Уповаю: перед отбытием (если Б<ог> даст) — прийти к В<ам> душу показать и получить благословение. Все жду ответа (бу-дет ли?!) от Ж. К<еннана>. Я как бы — в пустоте, без корней здесь. Согрели меня в B<ern'e>... и я — да! — тоже дал тепла. Обнимаю Вас, дорогие! По-ка.

Ив. Шмелев.

Candr<eia> устроила (?) «Росстани» в Tages-Anzeiger[160]. Когда напечатают...?

<Приписка:> Про-пал гривенник! на откр<ытке> — за 20!! Только сейч<ас> заметил — маху дал, (20) *гривен<ник>* потерял[161].

Чув<ствую> себя сравнит<ельно> бодрым. Вчера — полеживал.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor D-r Iwan Iljin
33, Zollikerstr., 33
Zollikon b/Zürich

564

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<23.IV.1948>***

<Открытка>
23. IV. 48.

Дорогие!

Я — в отчаянии. Из Вашингтона ни гу-гу. О<льга> А<лександровна> тоже написала. Не смею брать-хлопот<ать> 3-мес<ячную> визу! — сил не хватит выбираться на Кубу или в Canad'у, когда выметут из С<оединенных> Ш<татов>. Что я буду?!... Видно, не судьба. Здесь продлили визу до 30 и<ю>н<я>. А там — в Париж. Раз-

мотал 4 мес<яца> дорогого времени, сжирал крохи сбереж<енного> в Шв<ейцарии> жалкого гонорара... Увы мне! Только и порадовало — Вы поближе, да светлые два денька в Берне, в чудес<ном> общении с живым читателем! Старого писателя, **верного**... — не впускают, как ненужного **чужака**..! Все планы рушатся. Тёмно в душе. Вот, вышло (на складе) «Л<ето> Г<осподне>». На днях — получу: пошлю Вам. А м<ожет> б<ыть> сам вручу. Вот — свет мне. Ну, и за сие благодарю Бога. Хочу поговеть, — и — домой.

Ну, все — Его Воля. Смиренно склоняюсь.

Страстные Дни... — да будут всем нам Светом Обновления!

Обнимаю.

Ваш Ив. Шмелев.

Чуть не бросил без адреса. На почте заметил... Во — каков!

<Адрес И. А. Ильина:>

Monsiur Professor D-r Iwan Iljin
33, Zollikerstr., 33
Zollikon b/Zürich

565

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<29.IV.1948>***

<Открытка>

Христос Воскресе! —
дорогие Наталия Николаевна и
Иван Александрович.

Будьте здоровы, дорогие. Сегодня приобщался Св. Христовых Тайн. Спокоен. Привел Господь. Сейчас иду к 12 Евангелиям Страстей Христовых. На 2-й день, если б<уду> зд<оров>, — уеду на 2—3 дня в Leysin, к добрым читателям из Парижа. Узнал, что «Л<ето> Г<осподне>» вышло, жду с нетерп<ением> вручить Вам. Хотелось бы лично. Но не знаю — когда. Миросл<ав> Генр<ихович> Гроссен что-то говорил, — устроить мое чтение в Цюр<ихе>. Но я, тогда, изнемогши, отмахнулся. А дорога дорогая, не по капиталам. В Bern'e б<ыл> оч<ень> утомлен и никак не мог бы — к Вам. Да и обр<атный>

бил<ет> пропал бы. А как хочу В<ас> видеть! Сегодня много дум было... написать бы!

Целую. Крещу.

Ваш И. Ш.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor D-r Iwan Iljin
33, Zollikerstr., 33
Zollikon b/Zürich

566

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<30.IV.1948>***

Христос Воскресе!

Дорогой Иван Сергеевич!

Сердечно поздравляем Вас со Светлым праздником и Христосуемся!

Чувствуем себя *очень* утомленными, просто выпитыми. Не могу даже писать. Слишком много сверхсильных дел сделано! Думаем на святой же куда-нибудь провалиться для *полной* распряжки, а то даже жутко делается от собственной прострации...

Душевно Ваш И.

30/IV. 1948

567

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<7.V.1948>***

7. V. 48. Genèva

Ездил, дорогие мои, в Leysin-Feyday, на 1500 m. Побыл два денька. Первые шажки весны снова видел. И — укрытую людскую скорбь — в санатор<ских> «скворешниках». Мог бы написать о сем, но... не до этого. А **все** вижу и, будто, знаю. Египет, Индия, Турция... — шлют сюда полуобреченных, но таскающих за собой хвосты-штаты, человек по 20! Их, понятно, «стригут и бреют», — а они уповают, — впрочем, иногда не б<ез> основания, — и отсыпают по 20—30 т<ысяч> фр<анков> в неделю! Воображаю, какие им вкатывают «рецепты»... — О<бщест>во или K° эскулапов — в миллионах. И, думается, заклинают-ворожат, дабы не открыли средства против «ренты».

Кладбища не видал. Здесь все укрывают, что напоминает о «pompes fun<ebres>»[162]. А природа **свое** ведет. Вывез из гор **тоску**... в ней же и пребываю. Никакого отв<ета> из Ваш<ингто>на. Д<олжно> б<ыть> и не будет. И что я бу-ду... — не предвижу. М<ожет> б<ыть> в П<ариж> ахну...

Сегодня видел себя «умершим»: ни с того, ни с сего набралось в какую-то кварт<иру> наро-ду! Попы, усопшие... — и я сознаю, что они прослышали, что И<ван> С<ергеевич> скончался... — и им как-то неловко: видят — вот он... какое-то недоразумение, — и стали смываться... Кто-то, очев<идно>, пустил слух... Проснулся в нелепом состоянии — **жив**, но... для чего же?!...

Сие продолжается.

Неприкаян я туточки... и где легкость, с какой говел, был у Св. Заутр<ени>?.. Получил «разговины» из Bern'a (две пасх<альные> пос<ылки>), с гор — куличиков, разговлялся (ибо я Стр<астную> нед<елю> попостился!) у о. Леонтия (оч<ень> радушно, после пасх<альной> вечерни в 1-й день). Встретил друзей-читателей, рус<ско>-швейц<арцев>. Был от него (о. Л<еонтия>) у Лодыж<енского>, с ним и поехал в их дом, отлично угощали, и получил пасх<альный> дар от Нины Алексеевны, отл<ичную> пасочку и св<ерх>-отл<ичный> кулич! Так что, к<а>к видите, обласкан. Был у генер<ала>, к вечеру, и... похристосовался, получив... вм<есто> яйца... — «не хотите ли, дор<огой> И<ван> С<ергеевич>?» — подает, знаете ли... эту стервозу: помесь апельс<ина> с лимоном. «Никогда не вкушаю». Только и всего. Впрочем, и я без яйца пришел. Вышло оч<ень> трога-тельно.

Теперь у меня трудное поручение: выковырять из генерала что-ниб<удь> на дом отдыха для рус<ских> слабеньких детишек, нужд<ающихся> в отдыхе и укреплении. Здешн<яя> (в Leysin) рус<ская> докт<ор>ша (без прав) разрывается, от себя (от грошевого зараб<отка>) отрывает, по 125 фр. в мес<яц> аренды домика (пока)... хоть на 4-х ребяток. И вот — про-сить!.. Не даст, чую — не даст: крепонек! Убедился. И таким грузом на мне, что я ему обязан за 19 дней pension'a!.. Не постигаю та-

ких... а ведь ему 79 л<ет>! И — ни-кого!.. А капиталы и здесь, и в Амер<ике>. У-жас!... Ну, ладно. Да не омрачитесь! Жду от изд<ательст>ва — «Л<ето> Г<осподне>». Кру-тят имк'исты. Вам, мечтал, послать «яичко»!... Не пришла еще книга. Шлю, для потехи, присланные кем-то из П<арижа> стихи. Поразвлекетесь.

Обнимаю и... пребываю.

Ваш Ив. Шмелев.

— — — ! — — —

Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Париж, не тронутый пожаром,
Германцу был отдан?!
Ведь были ж схватки авионов,
И все писали — «без уронов»,
Все знали, что запрут тевтонов,
Как нас они, — в Седан!..

Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Из нас был всякий — хват!
Хорошая нам вышла доля:
Почти что все вернулись с поля!
Когда бы не правленье Поля[163], —
Париж бы не был взят!

Мы восемь месяцев все ждали,
От скуки все в белот играли
И ждали «шевалье»...
А там, в тылу, в своей квартере,
В богатом щеголял мундере
Министр Даладье[164]...

Вот, наконец, мы вышли в поле,
Есть разгуляться где на воле! —
Заставили стрелять!?..
Душа у нас ушла вся в пятки,
И, побросав свои монатки,
Пустились мы бежать...

Набил табак я в трубку туго
И думал — угощу я друга...
Постой-ка, брат Адольф!..
Что тут хитрить, пожалуй к бою!
За Мажино, как за стеною,
Мы не рискуем головою
За родину свою.

Недолго были в перестрелке...
Сам знаешь, — это не безделки!
Сидишь в земле, как крот!..
Повсюду стали слышны речи,
Что немец побоится встречи,
Не доведет нас до картечи,
А... просто удерет!..

Но вдруг все небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось:
Мы видим... та-нков рой!..
Наш Поль Рено рожден был хватом,
Слуга жидам и враг солдатам,
В тылу орал по аппаратам,
Чтоб каждый был герой!

Он говорил, сидя с жидами:
«Французы, ведь Париж за вами!...
Умрите же под ним,
Как наши предки умирали!..»
Но умирать мы не желали
И без оглядки удирали,
Завидя пушек дым.

Ну ж бы-ыл денек! Сквозь дым летучий
Тевтоны двигались как тучи,
Стараясь нас поймать:
Моторы, с свастики значками,
И «штуки» с черными крестами... —
Все, все неслось вослед за нами,
Но не смогли догнать!..

Вам не видать таких сражений!..
Бежали мы назад, как тени
Бегут от света дня!
Булат ненужный мы бросали,
От пеших кони отставали...
И пушкам удирать мешала
Лихая солдатня!..

———

Изведал бош в тот день немало,
Что значит наш солдат удалый,
Наш «пуалю» лихой!
Земля тряслась при нашем беге,
Никто не думал о ночлеге,
Стремясь, кто пешим, кто в телеге
Попасть скорей домой.

———

Да... бы-ли люди в наше время!..
Могучее, лихое племя... —
Но всем не угодишь.
Вот если б меньше было шума,
Вранья, хвастливости да бума...
Да если б не наследье Блюма[165]... —
Не отдали б Париж!..

———

— — — С рукописи от неизвестного. — — —

568

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<8.V.1948>***

8. V. 48. 7 ч<асов> утра.

Дорогой И<ван> А<лександрович>!

Не мог спать: что-то рождается, какие-то — «Записки *не*-писателя». От **злости**! от раздражения генералом. Да! Хотя его не видал (дн<ей> 5) с сам<ого> возвр<ащения> с гор. Но говорил с ним о помощи рус<ским> больн<ым> детям. Есть святые (д<окто>рша В. Д. Носенко), все отдающие, но есть и камни! Го-споди! Ско-лько вижу. И вот — это и есть — **тема**. Записки — сына тверского пряничника (студента когда-то). *Надо.* М<ожет> б<ыть> и для «Р<усской> М<ысли>», если

буд<ет> платить. М<ожет> б<ыть> сегодня и начну: **есть**. А посему — не мог спать. Жду визы. Целую.

Ваш «Пряничник».

В ритм уже попал!

<Приписка:> Сенсация: Пропал редактор катол<ического> журнала — переш<ел> в Православ<ие>.

Кипит во мне — злость.

Ну, и фи-гу-ры!

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor D-r Iwane Iljin
33, Zollikerstr., 33
Zollikon b/Zürich

569

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<9.V.1948>***

9. V. 48. 9 ч<асов> веч<ера>. Женева.

Дорогой И<ван> А<лександрович>! Вот о чем... — «и свет во тьме светит»[166]. Не будь на свете добр<ых> людей, — смерть жизни. Яркий пример. Был в Leysin. Там подвизается святая, русская, врач б<ез> прав, 60 л<ет>; но т<ак> к<ак> она там лет 30, и т<ак> к<ак> ее можно сосать, и т<ак> к<ак> она самоотверж<енный> и знающий врач, то д<окто>ра-антрепренеры пользуются, для ухода и надзора, ее рабск<им> трудом (а сами — миллионеры!), платя ей... по 200 фр<анков> в мес<яц> в санатории. У ней теперь остались (ста-ра!) 2 или 3 мал<еньких> (дешев<ых>) санат<ория>, и заработок ее 540—600 ф<ранков> <в> мес<яц>. А жизнь в L<eysin> дороже % на 20, чем в Жен<еве> или Лоз<анне>. Работа кр<углые> сутки: всегда мог<ут> сорвать с постели. И у г-жи Веры Дм. Носенко хватает сил, сердца печься-болеть за бедняков и, гл<авное> — детей. *Видя*, к<а>к гибнут бедняки (а раджи жиреют, к<а>к и доктора), она организует, для почина, квартирку, чтобы спасти (из Фр<анции>) хоть — пока — 4-х (русск<их>) ребят (!!), нужд<ающихся> в укреплении, от гибели. Все — сама. Милл<ионе>ры нич<его> не дают. Дают бедняки, и первая — она, Nossenko. Она шмыжит в Genèv'у, организ<ует> сла-

вян<ский> (?) (*так* надо!) детск<ий> К<омите>т спасения, кот<орый> не имеет ни гроша. Хо-рош К<омите>т! Ну, ее, хоть и отмахивалась, выбр<али> «почет<ной> председ<ательни>цей К<омите>та» (!) О. Леонтий председатель. Вот и... заседают. M-r Thomas, писал я В<ам>, — принявший православие, редактор (бывший?) католич<еского> журнала, взялся содержать 1 ребенка — 150 фр<анков> в мес<яц>. Д<октор>ша взялась платить за квартирку (!?) — малюс<енькую> (в Leysen) — пока 125 фр<анков> в мес<яц>. А чер<ез> 6 мес<яцев> будут брать собственники за кв<артиру> — 250. Еще: разрываясь (еле на ногах и — почти хронич<еский> колит!), Nossenko эти дни на м<оих> глаз<ах> больная (она горячая моя чит<ательни>ца) устраивала спе-ктакль (!)... сама ставила (и писала!?) «декорации»... урывая ночной час. Что дал «спект<акль>» — не ведаю (вчера был). *Одного* дитю можно взять, уже везут из Пар<ижа>. Помогает д<октор>ше молод<ая>, горбатая, женщина (лицо — девочки!), брошенная в Будапеште мужем (?!) — коммунистом, испарившимся. Конечно, ее работа — жертва. Вот пока **все**. Я все сказ<ал> ген<ералу> Озн<обишину> (было трудно мне это поручение, но я скрепился), — ген<ерал> выслушал и... что-то невнятно выдавил... м<ожет> б<ыть> и пошлет?... фр<анков> 50—100? Ничего не знаю. Он — крепо́нек. На моих глазах, — для этикета!? — послал 500 фр<анков> в<еликому> кн<язю> Гавр<иилу> Конст<антинови>чу, гуляющему по Швейц<арии> с женой — бывш<ей> балериной[167] (уж и кня-ги-ня!.. — не дай-то Бог). На дармоедов. Они совсюду лакают, и — поживают. А дети — погибают...

Вот. Я дал себе тв<ердое> слово — уведомить Вас, — *не* просить *с* Вас! — а, если Вы признаете возможным, м<ожет> б<ыть>... Ш<арлотта> М<аксимилиановна> отзовется... Но они-то чужие... Хотя, — для **добра**! — что же?... Хоть каплю. Подумать... — на 4 души!! Но... кто знает, что выйд<ет> для Р<оссии> даже из эт<их> 4 душ?! — спасенных?! Ломоносова на гроши снаряжали... Копейкой народной русской чудеса творились. Вперед говорю: я *не* уповаю, а выполняю по гласу совести. *Все.*

Из себя бы что-ниб<удь> выжать!... М<ожет> б<ыть> удастся... чего-ниб<удь> придумаю.

Обнимаю. Вы-шло «Л<ето> Г<осподне>». Как получу, — по-лучите!..

Ваш Ив. Шмелев.

<u>*NB*</u> Эти две послед<ние> ночи сплю по 3 ч<аса> — просыпаясь, как зарянка, — или голодная мышь — в 5 ч<асов> у<тра>. И, лежу, выпуча глаза, как драная коза: все ду-мы, мысли, видения... речи... морды... — откуда-то из будущ<его> (?) труда?... Одурел. Хочу — и не могу **сесть**: жгё-тся! И — толкает. Не «поползновение» ли?!... И все — ка-ша... — стр<ашно> смотреть. В-смотреться. Чушь... Хочу по-лной свободы — в сказе! Беспланно. Да так оно и д<олжно> б<ыть>. Ибо — все — **хаос**. Итоги? А «герой»... — не то учит<ель> рус<ской> слов<есности> (в провинц<иальной> гимн<азии>), не то юрист... не то... черт его зн<ает> — что — кто?!

И — почему-то! — сын (да и сам раньше) пряничника тверского (знаете крут<ые> мятн<ые> овечки, лошадки, рыбки, петухи, человечки... вязкие, бе-лые...). «На-те постную овечку...» (Горк<ин> из Постн<ого> Рынка). У него в М<оскве> трое дядей — один — юрист — «книжный» д<ядя>, другой «по портвейну» (пьет), 3-й «бумажный» (игр<ает> на бирже). У 1-го б<ольшое> книж<ное> собр<ание> (ка-медия!) — предел «безразличия» *ко всему*, высш<ая> ст<епень> эгоизма! (Вижу «встречу» плем<янника> с дяд<ей> (в кв<артире> пахн<ет> жар<еными> рябчик<ами>). Приехал из Тв<ери> в универ<ситет> — калоши хлюпают. Дядя, в кр<есле>, после рябчиков, ***весь*** в своем — в книгах. Все комн<аты> — книги... О, **как** я вижу и чую, — и как<ие> слова!... Такая *свалка*, что... не знаешь, с как<ого> конца взяться. Будто привели тебя на «поля орошения» — и всюду — **золото**! Теч<ение> событий — *мое время*, до... сих дней. «Почему <u>***все***</u> — так?» (т. е. в мире) — вот гл<авный> томящ<ий> героя вопрос. М<ожет> б<ыть> он даже и фи-зи-ку (атом<ную> б<омбу>!) проходил, года 2 на математич<еском>. Это — нужно. Отсветы Сеченова (рефл<ексы> гол<овного>

мозга). Как рушится вера (дикая!) в... прогресс. И к чему «выходит»... Скрытый — ? «да как же **жить**-то?!!»... Тут и личное спасение (искание), и — во имя тайны назначения **человека**... Но все д<олжно> б<ыть> сыграно музыкально. Хватит ли моего слабого «оркестра»? Это работа пока, — до «якоря»: основное — «Пути»... Мне каж<ется>, я мог бы в 1/2 года кончить с этим ворвавш<имся> наваждением, а там — «Пути» — в пути. Тут тот же ? — о см<ысле> бытия. А я... го-лый, самоделья ма-ло... А знаете, у Чехова Ник<олай> Степ<анович> (проф<ессор> в «Ск<учной> ист<ории>») совсем к<ак> бы **пустышка**!.. Почему?!.. Главное — **безволие** и *рабство духа* при самомн<ении> libre-penseur'a[168] предельного? Это — порок и́ современности: слизняки мыслящие! Никогда *не* «горé»! Помоги, Господи!... Ох, сорвусь...

Ваш Ни то — ни се.

570

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<9.V.1948>*

9/V. 1948

Дорогой Иван Сергеевич!

Благословясь, начинаем скачку...

Вчера утром говорил по телефону в Берн с Мирославом[169]. Он будет у меня завтра в понед<ельник> здесь. После этого со священником Чубовым. У них будет совещание с Мирославом. Намечается *одно чтение Шмелева в Цюрихе*, приблизительно *через месяц*, с *подготовкой*, повестками и мобилизацией всех частей. Намечено жилище (частное, там, где всегда епископы останавливаются — у Дины Михайловны Рустергольц). Все обдумывается, взвешивается и организуется. А *пока* мы с Нат<алией> Ник<олаевной> — уезжаем на отдых: ибо «будэфóрс»[170] достигнут. Вот и: «скажу-ка, Дядя» — надеюсь, что «не даром».

Благослови Венец Лета Благости Твоея, Господи!

Письмо от Антона[171]. Тревожится о Вас. Думает, что в Ам<ерике> лучше.

Очень интересно Вы описали *«Лязань Косопузую»...* Нет: «*Лязань* Толстобрюхую».

Со *среды* адрес: Weggis am Vierw. See, Hôtel Rigi.

Обнимаю.

Ваш верный Такой-то.

571

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<14.V.1948>***

14. V. 48. Женева.

Итак, дорогой наш Иван Александрович, — с Вашей легкой руки!.. — благодарю! Это чтение дает мне возможность (но я бы — и через невозможность!) свидеться с Вами и проститься... милые друзья, добрые... Ибо — решится путь в Ам<ерику>. Ясно. Итак — последнее (а кто знает точно?!) выступление-gala[172], — как бы и го-ля, — в Европе. И надо постараться. Бог поможет. Спасибо за В<аши> заботы. С этим **светом**, от Вас, и **поплыву**... (нет, я, как нянька, не полечу, «по земле еще похожу...»).

Вчера получил (оч<ень> вежливое!) — «you are cordially invited...»[173] — от америк<анского> Vice Consul[174]. Сегодня был и заполнил «формуляр». Сказал, к<а>к и в п<ись>ме в Wash<ington>[175], что мне нужна виза «не менее, как на год», — и пояснил амер<икан>цу — почему. Он сказал, что известит меня письмом. Думаю, что это по предписанию из Wasch<ington'а>... — как же иначе-то?..

У меня как бы лихоманка — зудит к работе, — и глаз зудит зудой... — а, 3-ий год пошел с 21 апр<еля> 46. Пла-ны... Не только — «Записки *не*писателя»... — они в тумане!... — а и сценарий для Холлив<уда> на мой рассказ — «Трапезондский коньяк», со мног<ими> добавлениями. На днях эту штучку сработаю и — пошлю. Тут же, — к<а>к раз п<ись>мо из Пар<ижа>! — одна дотошная особа (но с даров<анием> и чутьем!) шлет мне сценарий на «Чашу». Итак — держись, Холливуд! К<а>к для «Трап<езондского> коньяка», т<а>к и для «Чаши» — необходимы *бо-ольшие* исполнители (они всегда необходимы!). В Холливуде — узнал по «Рус<ской> М<ысли>» —

мой знакомец и читатель, ловкач-Ермольев, ныне где-то directeur[176] продукции (! — от сл<ова> про-дуть?!). Так вот: если не дурак, что вп<олне> возм<ожно>, ибо *его* фильм «Мих. Строгов», по ром<ану> Ж.-Верна, предельная и бездарная чушь, имевшая бешеный успех у болванов всего света! Меня тошнило, к<а>к и покойную О<льгу> А<лександровну>, когда мы вынуждены были смотреть, по почетн<ому> приглаш<ению> Ерм<олье>ва. Одни пуш<ечные> залпы и — черт в ступе. Нагромождено глупостей..! Будто для полоумных. И — успех, миллио-ны! Это и дало Ерм<ольеву> **славу**. Правда, для успеха, нельзя давать **тонко** и глубоко, экран не выносит нюансов, а они-то и позволяют проникаться (духовно-созерцая). Ему нужна — мелодрама, и — с хор<ошим> (благополуч<ным>) концом. Мой «Трапез<ондский> коньяк» м<ожет> дать го-ры ю-мо-ра!... — и неожиданностей (трюки!). И даже — для midenet'ок[177] — слезы сладкой. Буд<ет> введен... америк<анский> корресп<ондент> большой Н<ью->Й<оркской> газеты. История — «навырез». Если попадет в точку... «деньжи давай!» И потому надо сработать, не поступаясь главным. Сумею ли?.. Когда-то я Ерм<олье>ву, по его просьбе, в Пар<иже>, в роковой 36 год, весной, сработал сценарий — «из кавк<азской> жизни»..! — хвалили в его синклите, но 1) фильм на *6* т<ысяч> метров! 2 — не менее 10 000 000 фр. — тогда это было безумие. Он меня надул (заказ был!) и заплатил 3 т. — вместо 10 т., — не было расписки, — а если бы фильм пошел, я получал бы %%, что главное. «Тр<апезондский> к<оньяк>» — если одобрят, — я не уступлю дешевле 10 т<ысяч> долл<аров> — за сценарий только. Цены знаю. Вот и пригодится Америка... — надеюсь, что меня выпишут в С<ан>-Франц<иско>, для выступления о Пушкине... (писал мне Борзов), а это «слово» у меня есть, читал — с б<ольшим> успехом! — в Праге, в 37 г. Тогда и побываю в Холл<ивуде>, а пока пошлю авионное. Там у меня много читателей, посылки слали, м<ежду> пр<очим> Зоя Владим<ировна> Карабанова, — очень ей нравилась «Н<еупиваемая> Ч<аша>». Но она не годится для «Чаши»... ей, думаю, к 40 г<одам>. От «Трап<езондско-

го> коньяка» зрители (ду-маю!) обмирали бы, хохоча... — и нежились. А-а, ка-кие сцены! и — с «весел<ым> Мефистофелем», — плутом-греком, творившим «Тр<апезондский> коньяк»! Вот, где артист-то д<олжен> б<ыть> гигантом! Тема? Грек **открыл** средство — делать всех счастливыми (себя — первое!). Его коньяк уводит к захватыв<ающим> видениям. Это — обман. Т<а>к люди себя обманыв<ают>. Так и тут, с моим героем — офицером Грачом... Но... *жизнь* (она мудра и **законна**!) перевела этот обман-дурман в — чудесную действительность: **подарила**. Идеалист-мечтатель, через обман-мираж, нашел нежданно «персид<скую> миниатюру», ту, что хранится в тысячелетиях! И как же нашел!.. — это «извечно-женское», предел устремлений всех Д.-Жуанов и Фаустов! В этом-то и — гвоздь. Роль его — все время в дурмане от Трап<езондского> коньяка, — оч<ень> трудная. Роль «перла найденного» — невесты, — сверх-трудная. Но каков же д<олжен> б<ыть> его вестовой Канальчук!... — кот<орый> все и выполнил!.. (сама непредумышленность!) Вряд ли Вы помните эт<от> расск<аз>, как офицер приказал вестовому... привезти *немедл<енно>* невесту, будет жениться! И нев<еста> б<ыла> найдена в глухом анатол<ийском> селеньи. Но это **нельзя** рассказать: надо — *дать*. У меня да-вно «вертелся» этот «Тр<апезондский> к<оньяк>». **Нашел** его случайно, — это **было**.

Ну, благослови, Владыко! Еще и еще — благодарю! Потщусь оправдать В<аше> доверие, быть в ударе! И — хоть сколько-то заработать. А то дрожу за кажд<ый> грош, не пок<упаю> газет и хожу пешком. Правда, и то и др<угое> польза. Тщусь жить на... 200 фр<анков> в мес<яц>. Разоряет почта. Шлют рукописи, признанья... — и вот, надо отвечать, традиция рус<ских> писателей. Если бы знал читатель ***все***! Был рад, найдя «петли» для помочей, а то — плати фр<анков> 15—20. И лекарства, вот что вышибает из бюджета. Уповаю: Холл<ивуд> м<ожет> б<ыть> выручит. Жду кн<игу> «Л<ето> Г<осподне>» — ка-ак жду, чтобы тотчас же послать В<ам> на отдых.

К<а>к я обрадовался, что Вы, наконец, «восстали» от ложа-одра и — отдыхаете. Конечно, Вы «недаром» и валялись, и добились до «будэфорса»... Нет, конечно, — «недаром»! Только бы свидеться. И зарядиться от Вас, — о, мно-гим!.. **Дано**! Верую.

Дивлюсь, что же творится! Какая же страшная **ошибка**, чтобы не сказать — глупость и слепота! Да в этом «протягивании руки». Цыпля-та!..? Что *они* делают!!!... Это же — **влили силу** в удава! Он их «разыграл»-таки, напужал! Повторение — не менее дикое! — **всего** в 1939 г<оду>! Там довели, *сами*, до великой крови... Здесь — доведут до Сверхужаса!.. Безумцы. «Мыслящие»... слизняки[178]. Конечно, на 90 % — предвыборная по-ли-тика! Ну, и за-палят. Вот, «белокровие»-то к чему ведет. Эти демократы! Рок: исходят из блага (мораль!), а входят в ад. И — вводят свои несчастные народы. Нет, кончится стр<ашным> крахом. С огнем игра. И — главное — замешалась **выгода**! На сем ***все*** вертится, вся их по-ли-тика. Войны при так<их> усл<овиях> не может *не* быть. Через год, чер<ез> два... Советы не способны **теперь**... но!.. Господи, опрокинь же **все**! А посему я и в Цюр<ихе> заключу чтение «Чуд<есным> билетом» (с умелыми купюрами, **ударно**). «Безумие и ужас» (Андр<еев>)[179].

Правда, время теперь работает на два фронта: «союзники» тоже не готовы. Разве случится чудо?!.. Оно не исключено. Рус<ский> народ выдержит. И — *крестом* (как-то!) обратит в прах дьявола. Своим внутренним — невидимым — **крестом**. Ибо *дано* России *быть* сестрой милосердия у одра тяжко больного мира. Верю! вот ве-рю!!! И это не от гордыни: это — свехлогика. Это — **вывод** из всей мировой истории, из ее высок<ого> Смысла, *не* из искажений, в коих нам представляют ее вумные историографы. И тогда — вся ложь на Россию и на Божью Правду — исчезнет, яко исчезает дым пред лицом огня. Пора, давно пора. Бог Правду видит, да не скоро сказывает. Но **сказывает** *всегда*. Это — закон самосохранения жи-зни! Это — закон **естества** космоса. Как *нельзя* (а это доказано!) уничтожить мир ато-

мич<еской> освоб<ожденной> энергии элементов, ибо в них вложено *автоматическое самобережение*, и распад *само-останавливается*, «свертывается», как кровь при ранении... — так и тут: ложью весь свет пройдешь, а назад не воротишься: за-ка-зано! за-кон!!.. И потому: освобождение России *непреложно*. М<ожет> б<ыть> — для кого — и чудом... Но это «чудо» — сама «божественная естественность». Обнимаю Вас, милые. Пейте воздух, вбирайте силы!

Ваш Ив. Шмелев.

По-тешу на отдыхе! вне абонемента!

Французик, в Москве, былой, в рестор<ане>.

Заказывает сандвич. «Неминёшко и-кра, неминёшко люк... неминёшко... яйцо... неминёшко...»

Голос, пьяный, вязкий, густой... чуть злой... от столика, где купцы засели: «Положи ему... говна с брусникой!»

Фр<анцузи>к:

— Non, non!.. брусник нэ надо... Пажальста бр<усник> нэ надо!...

Все.

Денщик: «Ваше благор<одие>, пожалуйте рупь-целковый... к куме надо побывать, амененница».

— Смотри, только осторожней... понял? — Т<а>к точно, понял, в<аше> благ<ородие>.

Наутро, у денщика морда сияющая.

— Ну, проведал куму? — Т<а>к точно, в<аше> бл<агородие> — Ну, а как... кума твоя здоровая... а? — Да уж такая здоровая... насилу рупь-целковый отнял!..

Оф<ицер> дает виз<итные> карточки денщику, поздравительные. «Помни, будешь разносить — загибай! — Т<а>к точно». Спрашивает после: «Ну, разнес?... загибал?.. — Т<а>к точно, в<аше> бл<агородие>. И разнес, и загибал... а где и по шее давал, в<аше> бл<агородие>...»

Все.

572

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<21.V.1948>***

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Только что пришла Ваша драгоценная книга[180] с дружеским и столь лестным посвящением... Кланяемся и благодарим!

Успел порадоваться на ее выход и разрезать. Но она цельна и внутренно едина, как хорал — это сразу выговаривает ее структура. Прекрасно и духовно верно мотто[181] из Пушкина! Печать хорошая и вся она сразу насыщенная, простая, певучая, родная и уютная! Exegi monument...[182]

Напишите мне, пожалуйста, можно ли для Вашей лекции в Цюрихе и, следовательно, для нашего свидания располагать *всем* июнем — т. е. отнести дело на 10—20 или на 20—30 июня? Лекция предполагается *одна* с заботливой просьбой не утомлять себя. Даме, с коей буду говорить о Вашем жилище, скажу «дня три». Но нужно знать *срок* диспонибельный[183]: можно ли быть уверенным, что Вы пробудете в Швейцарии весь июнь? Дело в том, что *я* в отъезде сейчас и мой содействователь (прот<оиерей> Чубов, Ваш обожатель) до 8 июня тоже на отдыхе. А «Мирославы», как и следовало ожидать, вдруг отошли от дела. У этих «солидаристов» всегда так: они солидарны в своей партии, друг с другом, а *нац<иональное> Дело* им безразлично.

Еще раз благодарю и обнимаю. *Что USA?!?*

Наталия Николаевна очень тронута, благодарит и сердечно приветствует.

Ваш И.
21/V 1948.

573

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<21.V.1948>***

21. V. 48.

Дорогой друг Иван Александрович,

Цыплят по осени считают... получил в морду! — вот — не ожидал-то!.. Да ка-ак еще!.. — и без вины виноват...

Сегодня п<ись>мо от вице-консула, но уже «хладное». «J'ai le regret de vous informer, qu'après avoir examiné avec attention la demande de visa de visiteur vous avez faire à le Consulat en date du 14 mai je suis obligé de conclure que vous n'êtes pas qualifié pour obtenir un visa de visiteur temporaire»[184]. (Я просил: турист<ическую> визу на срок «не менее 1 года». Но вице-конс<ул> не указыв<ает>, что это «не менее» явилось причиной отказа. Очев<идно>, **что-то** другое... но — **что**?!.. **кто**?!!!...)

При сем вице-консул мне советует, не откладывая, возбудить ходатайство в Цюр<ихе> о постоянной иммиграц<ионной> визе... и пишет, что написал Консулат Цюр<ихскому> Генер<альному> Консулу послать мне список, какие документы я должен представить для сего. Пишет еще: «Ну-з-вон экри афэн дэ рансенье Мр. Кеннана о сюже де вотр ка»[185]. Я в первое посещение ему говорил, что писал Ж. К<еннану>.

Получив сегодня так<ой> отказ, я сегодня же был в Консулате, но... вице-консул *отказался меня принять*... Так мне заявила одна из многих барышень Консулата. Мои доводы — мне необх<одимо> объяснить, узнать, ***кто*** же хлопотал обо мне (я в Жен<евский> Консулат не писал о визе...!) и почему, по *каким причинам* мне отказано *даже в турист<ической> визе*, хотя я имею аффидавиты, хотя моя жизнь в Ам<ерике> обеспечена, не буду бременем для страны, что я — питаю самые добрые чувства к этой стране... что я, наконец, там издавался... там у меня большой русский читатель... меня ждут и готовы мне дать и кров, и пищу... что мне, наконец, **нужно** найти место в мире, чтобы завершить свою литер<атурную> работу!... Ну, что тут ба-рышня!... Она бессильна. Но... это я видел! — она б<ыла> смущена. Действительно, дико... «Отказался принять», после того, как в первом п<ись>ме писал: ... Sir: With reference to your prospective application for a tourist visa for entry into the United States, you are cordially invited to call at your convenience to discuss the matter with the undersigned. (и т. д., часы присутствия и подпись: Very truly yours Warren S. Moore, Jr., American Vice Consul.)[186]

Знаете, какое у меня чувство? **Кто**-то ставит мне рогатки... га-дит!.. Не пойму, **кто** дал толчок? почему

меня «приглашали так любезно», чтобы сегодня даже отказаться выслушать?! Это и есть — «в морду». Ни **за что**. Впервые в жизни... Но я смиренно принял: значит, есть тут какая-то ло-ги-ка!... Ну, ладно... — смиряюсь, Господи.

Но... все же, продолжаю. Написал в Париж, Наталии Александр<овне> Ильиной, которая служит в ам<ериканском> посольстве — 25 лет, на отл<ичном> счету. Она мне, посмотрев мои «аффид<авиты>», сказала в ноябре: «через 2 нед<ели> получите турист<ическую> визу». Но тогда виза гостевая давалась на 6 мес<яцев>. А вот, «в морду». Написал ей, прося ее содействия. Надо будет — приеду. Спрашиваю, какие нужны документы. Что же мне делать, милый И<ван> А<лександрович>?!.. Мудрец, присоветуйте. Чем я хуже как<ого>-ниб<удь> торговца, посредничка... про-хвоста, наконец, — ?! — они беспрепятственно получают визы. Дьячок как<ой>-ниб<удь> — едет, дьякон едет... писатель, кот<орого> на б<олее чем> 20 яз<ыков> переводят... — «не имеет прав»?! — не «калифие» — обтенир[187]... и проч. Ничего не понимаю. «Скверный анекдот». **Кто**-то тут гадит. Но — **кто**?!!... А я-то, было, разлетелся, заликовал?!...

Но... хуже всего, что меня **это режет**!.. Ведь я «зажегся»!.. я уже начал нов<ый> роман... — и как же **потекло**!... — го-рю! Но теперь я — «под пеплом». Уже сгорел. Аминь.

Вот те и «друг С<оединенных> Ш<татов>!» О<льга> А<лександровна> мне пишет: «знаю, по писаниям... Ж. К<еннана> — **гад**!» в отнош<ении> России. Н-не думаю, что так... но...! Он мне, кстати, на мое **прямое** п<ись>мо до с<его> вр<емени> и не ответил. Не ответил, очевидно, и О<льге> А<лександровне>. А я-то думал... вот, приеду, добьюсь его... и — «все объясню»! Я имею право — и **должен**! — выступать **за** Россию! предостеречь! выпрямить **им** мозги!... И я сделал бы это... только бы до-рваться. Не тут-то было: **кому**-то это **не** ндравится... хотя я ни-кому ни слова!..

Если Вы что-нибудь тут понимаете... — объясните и посоветуйте. Я буду «ломиться»... пока не ударюсь лбом в стену, которую нельзя обойти... Помоги мне, Госпо-

ди!... Ах, как я загорелся работой!... Да, да... «Записки неписателя». Как потекло!... и я через 3—4 мес<яца> дал бы *новую вещь*!... о, ка-кой свободы! ка-ак дышалось!... Подвел бы **итог**!... ибо — **нашел**, или — «почти нашел», — «почему — **все** — **так**?!» Черт — да! — тут мне палку в колесо. Нет, черт... я тебя сломлю!.. Я тебя Крестом возьму!... — я **все** изведал, и ничто мне теперь не страшно. Я тебе, черт, такие «пряники» покажу!... Как у меня голова **работала**!... — что я — **вижу**!... Написал «Р<усской> М<ысли>» — берете роман, новый? — будет. Если б<удут> платить. Не можете... — **не** будет моего романа, не стану писать... ибо... **без овса**... — обезножу.

Пока кончу. Вот Вам — «благодарю — не ожидал...» В Париж вертать? на «молочную пыль»? на глиняный хлеб?!... У меня паров — только на 2 мес<яца>, ну — на 3, — есть перспективы... Или — не судьба увидеть «Нов<ый> Свет»? Не смотри — **тьма**? — Господи, укажи мне путь, в онь же пойду[188]...!...

Обнимаю и — о, к<а>к мне грустно. «Бей, но... выслушай!» Нет. Вот она, канцелярия!.. А я-то, дурачок, ду-мал!.. Не «думай», а рработай по черн<ому> рынку, как жид, тогда...! — да.

<Приписка:> Что же мне — Труману писать, что ли?!..

<Приписка:> Что за история: не просил Consulat, был приглашен и получил отказ... «в морду».

574

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<22.V.1948>***

Дорогой мой! Отвечаю мгновенно.

Вник. Негодую. Советую.

1) Оставьте швейцарскую USA консулатуру *совсем* в покое. Ведите дело через Вашу знакомую в Париже.

2) Немедленно пишите *Анастасию*. Ссылаясь на свои *труды* и *заслуги*, проситесь в *православные псаломщики*. Чтобы Анаст<асий> распорядился — Леонтию — принять Вас в таковые (прочтете 2 раза шестопсалмие в рясочке), а Виталию поручил бы подать *там* заявление о псаломщике Иване Шмелеве и принять Вас в штат (фактически — заштатно).

3) В качестве псаломщика Вы не подлежите квоте и просите длительную визу *через Париж. Оставьте* здешних.

Пишу это *совсем* не в шутку, а *серьезно*. Ведь не в еврейские канторы[189] Вы идете, а в родную православную церковь.

Взвесьте это. Посоветуйтесь с Юрием Ильичем[190] (но *больше ни с кем*) и не рассказывайте этого другим. А Анастасию (он Вас *высочайше чтит*) напишите все из растерзанного сердца. На *меня не* ссылайтесь.

Обнимаю.

И.

22/V 1948.

575

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<24.V.1948>***

24. V. 48.

Дорогой Иван Александрович,

Радостно было мне посвятить Наталии Николаевне и Вам, мое заветное — «Лето Господне». **Кому** же, как не Вам?!... — Вы крепили — и продолжаете! — кровную связь русских людей, выкинутых тяжелым жребием на пустынные берега всех континентов мира, с Родиной, с ее духом, ее душой, ее... земным укладом, — ее предназначеньем. Я старался делать то же. И в этом пути получал Ваше укрепление. Знаю, что я, — пусть неполно, в меру сил моих, — выполнял мое назначение русского писателя. Ну, довольно о сем.

К злобе дня...

Дело не так уж безнадежно, с визой. Судите сами, по этому п<ись>му. Консулат шел мне навстречу, не ради меня, а по толчку из Ваш<ингтона>... И надо подождать, как будет реагировать К<еннан>, если у него есть хоть немножко «совести». А там — увижу... Нет, я не пойду «в псаломщики»: я не хочу искушать неправдой нашего Архипастыря, — да и себя. Я понимаю Ваше побуждение — найти для меня выход. Такой же совет я получил от Земмеринг... — и отклонил. Я своего добьюсь, если будет на сие Воля Господня. А то — возвращусь восвояси.

П<ись>мо мне не откажите возвратить, для архива.

Теперь другое. Я уже написал I-ю гл<аву> «Записки неписателя». Бу-дет новый роман, если «Р<усская> М<ысль>» согласится его печатать, — пусть 2 раза в месяц! — но **платно**. Иначе — я брошу эту работу. А жаль, — она зажгла меня.

Второе. В мае буд<ущего> года — 150 л<ет> дня рождения Пушкина. Я хотел бы предложить Вам, а *через Вас* — и Владыке А<настасию> — издать изящно, карм<анным> форматом, томик, — короткая строка! — три «Слова» о Пушкине: М<итрополита> Ан<астасия>, Ваше и — мое. Думаю, что издание ответит чаяниям русских людей и быстро разойдется. Кто издаст? Я хотел бы предложить... — но глупые побоятся «риска»... — «Р<усской> М<ысли>» — таким начинанием положить первый камень «Русскому Издательству». Маркой взяли бы — Микеш<инский> П<ушки>н на фоне Страстн<ого> м<онасты>ря, в веночке лавра и терна. Следом пошло бы — «Кул<иково> Поле» и «Богомолье»: самые верные книги для успешного начинания... Как Вы скажете?.. **До** В<ашего> ответа, *скорого*, не буду писать в Париж.

Этим началом и газета влила бы живую кровь в свое тощее тело, и создала бы новое «эхо» в русском мире. Не отмахивайтесь: лучшего издат<ельст>ва не найти: слишком все своекорыстны. Помогите! Связать «о Пушкине» — Пастыря Православного, Мыслителя-ученого-художника — Вас, и писателя русского. Это — символ Особ<енный>, — для — **ныне**. Особ<енный> — для русских — **оттуда**!... Эти три «слова» — исчерпали бы (пока!), — при всей неисчерпаемости! (свет и тепло) — Великого Солнца нашего! Лучшего, — себя устраняю, — не представляю. Если не знаете моего «слова», я Вам его пришлю, — единств<енный> экземпляр, машинный. Не понимаю, почему я раньше не издал?! А ско-лько людей русск<их> просили о сем... — помню «Прагу». Я — **сердцем** подошел, и не раскаиваюсь: я тогда, в 37 г., **взял** полный зал, от сам<ых> правых до — лев<ых> эс-эров.

Ну, Господь с Вами. Благодарю за «выход», но... не смею. Нет у меня денег на дорогу, а то бы... уехал в Аргентину... написал бы о. К. Изразцову[191]: деньги, что

собраны для Америки, — Борзов и проч., — обусловлены только Америкой — С<оединенными> Ш<татами>. Жить здесь мне не под силу. На генерала не уповаю. Он вон — для русского дома «отдыха», для бедн<ых> русских мучеников-детей... на что чистые люди отдают последнее, — есть Святые — СвятыЯ! — послал, после моей просьбы... — всего 100 фр<анков> шв<ейцарских>! А лодырям, слоняющимся... к<а>к вел<икий> кн<язь> Гавр<иил> Конст<антинович>... — подал — 500 фр<анков>! Ссылается, что у него «гроши», — Америка пока «морозит» его капитал, высылая ему по 600 долл<аров> в месяц: 2500 шв<ейцарских> фр<анков>! По-ду-майте!... Нет, восстанавливаю свои стишки-шарж: «От Озн<обиши>на в ознобе, С осины смокв не соберешь, В наиповапленнейшем гробе цветов жасминных не найдешь...» — я Вам когда-то послал.

Озн<обишин> — обычный тип **скупца**, когда это не дает ему «эха»: он служит **себе**, только.

Но ему будет заплачено — как и иным — в нов<ом> романе, если буду писать. Я **все** тут вы-ложу, не называя... я хочу выплюнуть из себя последнюю пыль-грязь, которыми давно **сыт**. И... себя не пощажу. Поговорю о «пряниках»... — пусть разжевывают.

Ка-ак я зажегся-было... но неудача с визой и предчувствование «отказа» «Р<усской> М<ысли>» платить — **теснит дух**. А я бы, каж<ется>, в 3—4 мес<яца> окончил роман... — не знаю... ну, во вс<яком> сл<учае> — сам<ое> б<ольшее> — годик. А «П<ути> Н<ебесные>» отложил бы до «якоря». Орала синица — «зажгу море»! — морду себе спалила, только. Но... погодим ответа из Ваш<ингто>на. Или — душа ам<ериканская> коротка? Да.

Ваш Иван-Помнящий.

576

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<24.V.1948>***

24. V. 48. Если не ошибаюсь (календаря-то нет), день ***наш***: св. Кирилла и Мефодия, — гра-моту дали нам!

Милый друг Иван Александрович,

Благослови, Владыко! Посылаю Вам первый «пряник». Верните, когда удосужитесь. Без сего трудно, све-

ряться, в дальнейшем, надо. Но если умники из «Р<усской> М<ысли>» не пойдут мне навстречу... не станут печатать... с платой, пусть «символич<еской>» — 3 т<ысячи> за главу-фельетон, — отставлю или — совсем брошу. **Вижу**: **мог** бы **все** сказать, копнуть из нашей *духовной сущности*! (**пряники**!) И тем сам<ым> — наметить **путь**, единственный — **строить** жизнь. **Вижу** — основу. Ско-лько у м<еня> «Запаса»! Из всего опыта жизни. За 70 с л<ишком> лет.

Кружится голова. Возм<ожно>, что здесь я попытаюсь сказать кое-что о наш<ей> «интелл<иген>ции», — к кот<орой> и мы принадлежим. + + и — — —... М<ожет> б<ыть> тут круто выйдет и шаржем. Но — **главное** — на-род. *Две* революции. — Помоги, Бог!

Это было бы и «посл<едним> словом». Надо же ***все*** сказать, до-сказать.

Ваш Ив. Шмелев.

Запросите Вл<адыку> А<настасия>! — о «слове».

Не отвергайте плана об изд<ании> «Р<усской> М<ыслью>».

Умники, по вс<ей> вер<оятности>, — убоятся.

Тогда... — адр<есуюсь> к «Возр<ождению>»: с руками оторвут, но... будут торговаться.

Этим решиться и *?* — где я б<уду> издавать «Кул<иково> П<оле>» (*не* в Обители Св. Тр<оицы>!) и — «Богомолье». А книги — **верные**.

Три слова о П<ушкине> — б<удут> **расхватаны**.

И. Ш.

577

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<25.V.1948>*

<Открытка>

12.V/ 25.V 48. 7 ч. у<тра>.

Забыл, дорогой И<ван> А<лександрович>, забыл! Ночь не спал, выпил кофейку... голова развинтилась — думы, мысли... А к утру — в Fig<aro> 22-го — вчера читал: Н<овые> жертвы! В Потсд<аме> сов<етского> оф<ицера> вызв<али> в М<оскву> — убил дв<оих> детей, жену и — себя. ***Кто*** «убийца»?! Так это

вы-ступило..! А ско-лько не попад<ает> в поле Fig<aro>! И опять покойно. Бесы бесами — с них нечего..! а вот — **кто**, с кого — *есть* спрос?!.. Ох, наполняюсь... Т<а>к в<от> в ч<ем> дело.

Забыл: когда *Вам* удобно, чтение-то. Июнь, ясно, пробуду. Не-куда! Нов<ая> м<ысль>: не в Св<ятую> ли Землю?!... Давно хотел. Христа — увидеть. Если состоит<ся> чтение, — спасибо, — денька 2 буду, а то — развинчусь. Ну, пожив<ем> — увид<им>. О Пушк<ине> — ответьте. Гл<авное> — да! а там определим. Усп<ех> обеспеч<ен>. Нет ли у Карт<ашева>?!... Тогда — квартет. Думаю — тыс<ячи> 3 надо! а то и 4. Герм<ания> возьм<ет>, дум<аю>, не мен<ее> 1 т<ысячи>. Амер<ика>, — Пр<авославная> Р<усь>, Борзов, — экз<емпляров> 500. **Фр**<анция> — не менее 1500. Цена легкая. А пи-ща-то!... А — **дух**-то!.. 1 т<ысячу> — про запас считайте. А нам — по 100 экз<емпляров> ав<торски>х. Обнимаю. Пи-шу, но надо высп<аться>. К<а>к гусенок талый.

Весь Ваш Ив. Помнящий.

<Приписка:> К<а>к роман **светится**!.. «Ванька, дерзысь!...» — «Дерзусь!» «Няню» надо издать еще... Скучают б<ез> нее... **знаю**.

<Приписка:> Читал вчера 1 гл<аву> 3-м — **бе-рет**.

<Адрес И. А. Ильина:>

Herrn Professor D-r Iwane Iljin,
Hôtel Rigi,
Weggis am Vierwald. See

578

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<26—29.V.1948>***

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

1) Все получил[192]. Вот: когда мы сами пекли «заварной» *сладкий черный* хлеб — пустишь кипяток в муку и смотришь: «пошла-а-а!» и уже ноздрей обоняешь и корочку, и мякиш... Уф!

Вот так Ваша первая глава. Пошли Московско-Тверские пространства — завязались, загомозились образы — коридоры во все стороны...

Только одно: не давайте сердцу увлекаться «Да»-ем и «Нет»-ом, т. е. *обличением-восхвалением...* Повредит! Не надо шаржу! А там: «Пресненская, качай!»

2) Прицелился на между 20—30 июня. И начнем варить *в Цюрихе.*

3) О Пушкине. Вы не во всем в курсе дел. Вл<адыка> А<настасий> *только что* выпустил своего Пушкина *вторым изданием*; Цуриков объявил себя пушкиноведом и превознес: самое-де глубокое, что о Пушкине сказано. И мы оба под давлением двух авторитетов *тотчас передумали* по целому ряду пунктов: ибо, напр<имер>, оказывается, что *жена* поэта была *очень верующая* и *церковно-православная* и потому *очень к нему подходила* (Вл<адыка> А<настасий>). Все и перевернулось у нас в душе.

Ну что ж поделаешь: не оспаривать же Первоиерарха и Пушкиноведа.

Итак, здесь *нет* перспективы, Вами намеченной; *отпадает.*

4) Вашего Пушкина я, представьте, совсем никогда не читал и *с радостью прочел бы.*

5) Издат<ельство> «Рус<ская> Мысль»... Да неужели Вы думаете, что Зеелер, Лазаревский, Водов[193], Зайцев, Тхоржевский сами еще не «подняли свои ножки» на нашего Гения и не «сходили»? А, сходив, *уступят Вам и мне приоритет?* Вот благочестивая надежда! Вот сладостная мечта! Я, признаться, совсем других ожиданий... Люди варят *для себя*, а не для других. «Курочка бычка родила»... «Поросеночек яичко снес»... Бывают и «зеленые зайцы»...

Однако в том случае, если Вы имеете *неизвестные* мне *серьезные* основания предполагать, что сии человечки способны «внезапу» издать «двухиванного» Пушкина — то *запросите* их, но с условием, что в письме *прямо* будет сказано, что запрос идет *без моего ведома*. Ибо, Вы поймете, проститнуться человечкам и получить в ответ (как я однажды слышал на Цветном бульваре) «проходи, проходи, безносая!» Или как проф. Савальскому[194] полногрудая дама на Friedrich-strasse сказала (за его душемутительную плюгавость) «Geh weck, du Affe!»[195] — я таких ответов не хотел бы. Вы как будто упоминаете *еще*

какое-то издательство. Но пишете сокращенно и я иногда минуты по три над словом сижу, дешифрируя. Напр<имер>, «усп. обеспеч., нет ли у карт.?» Я и разобрал: «успение обеспечится, нет ли у картофеля»; а потом: «успеем обеспечить, нет ли у картограммы?» и наконец только понял: «успеете обеспечить, нет ли у картишек?»[196] Так и тут:

«адр. к Возн.: с руками оторвут, но будут торговаться».

Долго разбирал. Наконец понял: «адреналин к Вознесенскому». Я согласен Вознесенскому и пепсин, и дигидроэрготамин и всякое слабительное послать. Но — кто он, рукоотрыватель?

Им. снисх. к м. тупоум. и разъяс. заг., р. Б.! А то не зн., на что согл. и на что не согл. и сид. растер. как недоум. болв.

Оч. жаль, что Вы не жел. в псал., а то я бы приех. посл. шестопс., нав. оч. умил., но нас. и псал. не буд.[197]

До свидания, дорогой!

579

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<30.V.1948>*

Дорогой Иван Сергеевич!

Читаю каждый день по главочке из Лета Господня — и восхищаюсь! Вы создали такое, чего *не было еще* в русской литературе. Мы с Нат<алией> Ник<олаевной> обсуждали это подробно. Это не холодная воображаемость Тургенева; не горячая воображенность Толстого; не «лирическая» анатомия наблюденностей у Чехова; не одержимое извержение замученных отчаяний у Достоевского; не глубокозримые камеи дивного Пушкина и столь же дивного Лермонтова. Это *зримость блаженствующего сердца, поющего благодарную песнь и нежно улыбающегося сквозь слезы.* К этому приближался *мигами* С. Т. Аксаков. Этой атмосферой умел дышать чудесный Лесков; *изредка пытался так* улыбнуться Чехов (которого Вы в нем<ецком> предисловии *напрасно* «брали под ручку для совместной прогулки» — он в основном совсем другая линия — Мопассан, Тургенев etc.). Но — и все.

В III томе моих фил<ософских> опытов (Blick in die Ferne) есть опыт «О благодарности». Люди делятся на благодарных (Богу, за все) и неблагодарных (сыны Завистника-Ненавистника). Есмь закон, кот<орый> гласит: мироздание, будущее, «наследие земли» — принадлежит *благодарным*.

Так вот: это есть *художество благодарного*, созданное *для благодарных*.

Радуюсь и благодарю за посвящение.

Посылаю Вам речь о Пушкине. Сообщаю свою критику.

Верные, глубокие сваи; прекрасные колонны; но поднесено в виде черновой импровизации. Я бы на Вашем месте — отделал бы.

Потрясающая цитата из Жозефа де Мэстра[198].

Оспариваю нападение на Петра Великого. Это у Вас филогенетический выпад старообрядца. «Операция», совершенная Петром, была необходима, иначе Россия перестала бы существовать. Надо увереннее, глубже и «орлинее» вглядываться в *судьбы России*. И *нельзя смешивать Православие* с *попами*. Вам еще предстоит разочароваться и ужаснуться от сих последних.

Но о сем последнем подробнее *при свидании*. Я накопил сущую боль и горечь от увиденного; и удостоверенного; и *непоправимого*.

Обнимаю Вас и благодарю еще за счастливые часы.

Ваш Иоанн (имя ему).

30/V 1948

580

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<31.V.1948>***

<Открытка>

31. V. 48.

Дорогой Иван Александрович, — смущенно принял Вашу и Нат<алии> Ник<олаевны> высокую оценку «Л<ета> Г<осподня>». «Не мне, не мне, а Имени Тв<оему>, Господи!»[199] Его Милостью совершалось.

Вполне открыт<ым> сердцем принял и Ваше суждение о «Завет<ной> встрече» (Пушк<ин>). Да, импровизация! Так взмыло. *Произвольно* — но искренно —

осимволизировал. Но не могу, — бессилен! — исправлять. Считался с гореньем духа — и с аудиторией. Она, — б<олее> тысячи **разных**, — бурно отозвалась, аплод<исмента>ми и... вставаньем. Знаю: *да*, погрешил... но **тогда** (в 37 г.), **так** жил П<ушкины>м! Ваше чеканное и верное, глубокое и вдохновенное Слово — вот исправление моего невольного греха. Да, импровизация, «впопыхах». Чем оправдаюсь, еще?! Такая же — почти — «ошибка» Дост<оевско>го (о, *не* смею равняться! (8 VI 1880)! — раскалил, **оглушил**, унес, воз-нес! и — быстро пришли в себя... и подивились: «что за наважденье!...»

К<а>к Вы меня согрели! Не смею всего принять, но **знаю**, что как-то **послужил** родному народу **моим** «пеньем»... **его** великим **словом**. Вы укрепили меня глубоко-вдохновенным **раскрытием** моей песни («О тьме и просв<етлении>»). *Ныне* Вы согрели лаской. Да, **благодарение**... — за все родное, дарованное Творцом. Теперь — **вижу**. О — «попах»... да все знаю, но... хочу В<ас> слышать.

Ваш Ив. Странник.

Читаю «Дост<оевск>ий» Мочульского[200]. До-бротная работа. Лучшее из его писаний.

<Приписка:> Внезапно умер в Лозанне бар<он> Нольде[201].

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor D-r Iwane Iljin
Weggis am Virwald. See
Hôtel Rigi.

581

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<11.VI.1948>***

11/VI. 1948

Дорогой Иван Сергеевич!

Мы все еще в Веггисе: Наталия Николаевна впала в состояние большого нервного переутомления и я ее все время выхаживал. Слава Богу, поправляется, но медленно.

Тем временем дело Вашего чтения двигается. Прошу Вашего согласия, разрешения и решения.

На 26-е июня (суббота) я раздобыл аудиторию, хорошего тона, в «частной квартире» (на самом деле это «храм» суфистов), бесплатно. Разрешите это «зафикси-

ровать»? Начало разрешите пометить в восемь часов вечера. Если есть на это Ваше августейшее согласие, то очень прошу поскорее прислать мне *программу чтения*. Програ́мма *не должна быть для Вас* утомительной (люди *не сто́ют* Вашего утомления!!). Остальное по *Вашему усмотрению*.

Как только получу Вашу программу, составлю повестку и пошлю ее (согласно сговору) Отцу Давиду Чубову в Цюрих, она будет утверждена, размножена и разослана по 300 адресам. Тем временем будет подготовлено покойное и любовно-уходливое пристанище.

Тревожусь о Вас и о Вашем американизме. Ради Бога известите. Weggis Hôtel Rigi.

Неужели придет счастливый день, что мы посмотрим друг другу в глаза и наговоримся?!

Ваш И.

582

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<12.VI.1948>***

12. VI. 48. 11-ый ч<ас> вечера

Благодарю Вас, добрый друг Иван Александрович, за хлопоты обо мне. Конечно, на весь Ваш план согласен, с признательностью. На Ваше усмотрение — условия: вх<одные> цены или — добровольно. Лишь бы дорогу окупить, а заработать **не** чаю. 17-го, здесь, сам вызвался дать «сеанс» чтения, в помощь — в Leysin — «нагорной здравницы» для неимущ<их> детей, кот<орым> грозит туберкулез. Есть святые, кот<орые> **подняли** это дело, и уже везут пятерых, из Фр<анции> и Герм<ании>. Уповаю разогреть сердца, а посему — вход свободный. Буду предварит<ельно> говорить, после о. Леонтия «два слова». Программа — 3 рассказа, с 2 перерывами, в кот<орые> будут собирать лепту. Жду акварелей-программ, куда, если купят, сам впишу «на память». Заказано и 12 шт<ук> моих фотогр<афий>, — если купят, дам автограф. ***Все*** — на «здравницу». Программу выбрал «нескучную»: 1) *из «Богомолья»* («На святой дороге») — вразумляющее купанье «грешников»; 2) *из «Л<ета> Г<осподня>»* — «Крещенье», — «соревнование

православных с «хитр<ым> немцем»; и 3 — из «Няни», два места, — а, м<ожет> б<ыть>, и «Смешное дело», про обезьянку (тут буд<ет> трудно читать, от хохоту) — **знаю**. *Ту же программу*, но в 3-м чтении — из «Няни», — оставляю и на цюрих<ское> чтение. Каждый рассказ берет 20—24 м<инуты>, два перерыва. Это — неутомительно ни для публики, ни для меня.

Значит, состав чтения:
(так и в оповещениях благоволите оставить — содержание-то, для «толчка»).

I. Из книги «Богомолье»:

«На святой дороге» — вразумляющее купанье «грешников».

перемена — 5 м<инут> или 10 (к<а>к решите).

II. Из книги «Лето Господне»:

«Крещенье» — соревнование православных с «хитрым немцем».

перемена 5 м<инут> (или 10).

III. Из ром<ана> «Няня из Москвы».

М<ожет> б<ыть> лучше — «вход бесплатный». А в перемену положат по добр<ой> воле, — поскольку ***заслужу*** чтением: я верю *в мерило* ***сердцем***. К<а>к Вы полагаете?

Благодарю Вас. Благодарю через Вас и о. Давида Чубова.

Дал бы Бог свидеться и — окормиться-укрепиться в общении с Вами.

Оч<ень> прошу выслать В<аше> слово о Пушкине. Я писал в Париж, да не смогли найти на полках: очев<идно>, на прочтении у кого-то, а запись выд<анных> книг запрятана в полках. Пожал<уйста>, пришлите. По вс<ей> вер<оятности>, издаст «Возрождение»: от «Р<усской> М<ысли>», к<а>к от **пустоты**, — ни отзвука: соображают. До сих пор Зеелер, вызвавшийся написать (!) о «Л<ете> Г<осподнем>» — не мог справиться с... трудностью! Из «Возр<ождения>» пишут: книга «Л<ето> Г<осподне>» «**хорошо** идет». Да я и чувствовал, ибо уже нет в кн<ижных> объявлениях о ней. Не приходится «навязываться». Изд<ательст>во «Возр<ождение>» в принципе готово издавать и даже — переиздавать, —

торопят, чтобы выпустить к осени: «Няню» (3-ье изд<а-ние>), «Сол<нце> Мер<твых>» (2) (наконец-то!) и — «Пути» (2-ое и 1-ое). Послал условия — нетрудные.

С визой... — ? По отв<ету> Ж. К<еннана> — О<льге> Ал<ександров>не — будто бы «скоро получит (Ш<меле>в) окончат<ельный> и положит<ельный> ответ». Она *вторично* написала ему. Не получу — тогда в Аргентину. Или — Канада. Мне надо скорей стать на якоре: завершить все. Оч<ень> хочу писать «Зап<иски> неписателя» — рас-кат бо-о-льшой! многое — **вижу**, **слышу**. Зуд у глаза — порой нестерпимый. Влачусь все же.

Будьте здоровы, милые! Да поможет Господь Наталии Николаевне укрепиться. И Вам, милый. Только что получ<ил> «День Ребенка». Сейчас, ложась, б<уду> читать.

Сердечно Ваш Ив. Шмелев.

583

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<21.VI.1948>***

<Открытка>

21. VI. 48.

Дорогой друг, Иван Александрович,

Чтение мое в помощь Детской Здравнице в Leysin[202], — слава Богу, — прошло **знатно**. Был по-лон зал, свыше 120—150 слушат<елей>. У-спех. Всяческий. Принесло заморённым детишкам 640 s. fr. Это, гов<орят>, рекорд. Не ожидал...

Но... плачу́сь за сие, — здорово устал, к<а>к всегда (подр<еберные> боли!), оправляюсь. Будет ли мое чтение 26-го? И *когда* мне пуститься в путь?

В голове пу-сто, мутно... — все это **итоги**... и ничего в волнах не видно. Хотя надо бы славить Господа за Милость Его ко мне, грешному. «Л<ето> Г<осподне>», ка-жется... уже исчерпано..? еще *до* **статьи** в «Р<усской> М<ысли>». А статья сия, к<а>к Вы видите — ! — point d'accl<amation>...[203]. — только. Но для «публики» — сие даже к<а>к р<аз> впору.

Иногда набегаешь в мыслях: «за-чем влачишься?.. Лучше бы.....!» То-шно созерцать, в бессилии, — что же творится?!...

О-ох..... Привет.

Ваш Иван-Странник.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. Iwane Iljin
33, Zollikerstr., 33
Zollikon b/Zürich

<Адрес И. С. Шмелева:>
prière de s. f.
Exp. J. Chmeleff, c/o A. Risch,
15, 13-d G. Favon, Genève.

584

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<22.VI.1948>***

22. VI. 48

Дорогой!

У нас *все* готово: аудитория, жилище; приглашения (284) разосланы. «Вход свободный. Добровольный взнос на покрытие расходов 2 фр<анка>».

И все подробности.

Поезд для Вас хороший:

11 из Женевы 3.26 в Цюрихе

Ждем Вас в пятницу. *Встречу*.

Очень прошу Вас: запишите на записочку все главные темы нашего разговора. Я сделаю тоже. В поезде *покушайте*. Расходы *наши*.

Обнимаю.

У меня все еще хворает и слаба Наталия Николаевна.

<Приложение:>

Приглашение

Кружок друзей И. С. Шмелева сим приглашает Вас и Вашу семью на ЗАКРЫТОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЧТЕНИЕ, имеющее быть в г. Цюрихе в субботу, 26-го сего июня, в зале, любезно предоставленном руководителями Суфианского движения /Мютен-Кэ, 22, Партер Миттэ/.

Сам ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ШМЕЛЕВ будет читать из своих произведений по следующей программе:

1. Из книги «Богомолье»: «НА СВЯТОЙ ДОРОГЕ» /вразумляющее купание грешников/.

Краткий перерыв.

2. Из книги — «Лето Господне»: «КРЕЩЕНИЕ» /соревнование православных с немцем/.

Краткий перерыв.

3. Из романа — «НЯНЯ ИЗ МОСКВЫ»

Вход свободный.

Добровольный сбор на покрытие расходов /2 фр./

Начало в 8 часов вечера. Окончание около 10 час. вечера.

С почитанием Кружок.

585

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<23.VI.1948>***

23. VI. 48.

Дорогой Иван Александрович,

Получил В<аш> par express. Благодарю.

Собирая последние силы, потщусь выехать в пятницу, 25-го, в 11 ч. у<тра>, к<а>к Вы указываете. Еду, понятно, 3-м кл<ассом>, aller-ret<our>.

Слава Богу, свидимся и — простимся.

А поем в дороге от своего харча, ибо ресторанное часто *неподходяще* для меня, держусь своего режима-прижима. От всего сердца, — увы, слабеющего! — благодарю Вас за все Ваши заботы обо мне, друг!

Привет Вам, милые. Эти дни лежал — платился.

Ваш, «на-выдыхе», Ив. Ш-в.

<Адрес И. А. Ильина:>

Herrn Professor Dr. Iwane Iljin
33, Zollikerstr., 33
Zollikon b/Zürich

586

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<29.VI.1948>*

29. 6. 48 На почте.

Много-много, дорогой друг Иван Александрович, вынес я доброго и светлого от пребывания в Цюрихе! И — главное, — благодаря Вам! Напишу **все**.

Сейчас отослал 275 фр<анков> — жертвенное, на Здравницу. А в Женеве меня ждало приятное — и для м<еня>, и для читателей: YMCA — нежданно! — **«пересмотрела»** (?) дело с «Богом<ольем>». Откладывали на какой-то Совет по осени, и вдруг — «шлем контракт, шлите книжку»!! Итак — «Богом<олье>» идет уже теперь в набор! Отослал единств<енный> экз<емпляр> (генерал, сегодня меня навестивший, согласился дать для набора, с услов<ием>, что и этот верну, и новый подарю). Буду встречать свою милую хозяйку в субб<оту> (едет в Биарр<иц>) 2 ч<аса> до поезда, позавтракаем. А В<ам> *будет*... на востр<ые> зубы!

Благоговейно **склоняюсь пред** Н<аталией> Н<иколаевной>. Вас обнимаю. Вы — у-ди-ви-тель-ный!

Ив. Шмелев.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. Iwane Iljin
33, Zollikerstr., 33
«Leteia»
Zollikon b/Zürich

587

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<1.VII.1948>*

1. VII. 48. А вот уж и июль! А «воз» и ныне... где?!

Милый Вы мой Иван Александрович,

Еще, и еще, и еще — бла-го-да-рю! благодарю, драгоценный друг, за ваши заботы, — за отлично устроенный «вечер худож<ественного> чтения» моего — в Цюр<ихе>. Был всячески **насыщен**. А общение с Вами... — это уже такая «заедка»-деликатес, что нельзя забыть. Но ка-кой же Вы — удивительный артист! Я *вижу* и слышу и посейчас этого — епишку ныне! — гнуса-попа из немцев, — Лядэ[204], что ли? — подыхающего от чахотки... и

вдруг — дико-ликующего **беса**!.. Да-ли образ. И ка-ак!.. Вы, будто, и **не** примечаете... — великая потеря для театра! Да-с. Я смотрел на Ваше лицо... — да-с! Ребро за ребро заходило. А — пусть такое короткое — посещение мое (27 VI) оставило крепкий след. Что за «художеств<енный> воздух»! Да в **таком** — **само** запишется, замыслится... Когда-то, в Москве, и у меня было **нечто**... — «покоющий и уносящий... уют», близкий душе моей, с отлич<ными> портретами Великих, Нестер<овскими> и Васнец<овски>ми Святыми... и какой же — и как обрамленный Нестор! И огромный лавровый венок, в алой с золотом ленте, поднесли мне на премьере моего дурацкого выкидыша — «На паях»[205], 22 янв. 15-го года, в Москов<ском> Драмат<ическом> Театре! И по сие время — отплевываюсь. Когда «вселялся» в мой *кабинет*, — да, да! — всегда пьяный повар, ночью игравший на гармоньи, — изрек, взирая на сей венок: «ето вы што... загодя **себе**?..» Узрел на ленте — **имя**! И... когда я убежал в Крым, **все** покинув, — **все**, **все**! — до икон! — надо было, сын уже уехал, с вел<иким> риском, к формир<овавшейся> **где-то** бел<ой> армии... — повар ободрал, за годы моего отсутствия, все «лавры» — на варево и жарево. «**Sic** transit **gloria**...»

Вы обитаете в... красоте и **чистоте**. Вы оба — сами — oevre'ы[206], неповторимые. Осо-бли-вые. Один другого дополняющие. Да, чувствую... Вы, милый, — всегда — и до сей поры — **получали заряд**. Тайна сия велика есть[207]... — но это бесспорно, для меня. Наталию Николаевну (с некой драгоценной... фрески??!...) не повторить. **Вся** она — не только в ее... не найду определения! — глазах, она — во всей, невесомой внешности... тончайшее ***изваяние***. Так. А Вы... — Протей[208], что ли?.. — у Вас — множество «Преображений». Умница великий, Вы — не только артист, но и... а-х-тёр! — и на многие амплуа. Но и... все еще — простите! — капризничающее... **дитё**. Да, взрывающееся. А вот меня, с моими «капризами»... — а был, был!... — **укатали** «крутые горки». Я давно смирился. И спокойно взираю на людские «слабости», порой, м<ожет> б<ыть>, и обидные...

Приехав «к себе» (?), нашел п<ись>мо от изд<ательства> YMCA, — предлаг<ают> контракт на переизд<ание> «Богомолья». А лишь недели 3 тому, на мой «срочный» запрос, отвечали: «план изданий переполнен...» — что будет в начале 49-го?... И — вдруг! — **предлагают**: а мы пересмотрели и нашли, что можно издать еще 1 книгу... и есть тот же «елисаветинский шрифт»... Чудо-то, думаю, в «хлебном»: «Л<ето> Г<осподне>», каж<ется>, уже **на исходе**! Конечно, я отв<етил> — да. И уже вчера подпис<ал> договор с «Возр<ождением>» — на 4 книги: три переиздания («Сол<нце> М<ертвых>», «Няня из М<осквы>», 1-ая ч<асть> «Пут<ей> Неб<есных>») и 1 новое изд<ание> — 2 ч<асти> «Пути Н<ебесные>». Теперь будет *«игра»* с «Кул<иковым> Пол<ем>», — **ко-му отдать**? Оно разлетится в 2 недели (не менее 2 т<ысяч> экз<емпляров>). Я знаю: **огромный** у меня **читатель**. А ныне — **знаю**! — я пошел «по рукам», у Ди-Пи. **Откры-ли**! Так и пишут. Эх, когда же вся-то Она[209] будет читать про **себя**?!.. Хотя бы — «Богомолье». Придет время?.. М<ожет> б<ыть> — да.

Сие — большое удовлетворение для меня. Еще бы! Ныне не переиздают «писателев». И почти не издают белибердистики. Зелюк[210] вон кричит: «теперь хоть раз — Бунина предложат... нет, бу-дя... французов издав<ать> буду!» Ка-ких?!.. Из мусорницы, д<олжно> б<ыть>. Мало, что ли, фр<анцузских> издательств? Нарезался на «аллеях» да на веселухе Тэффи. Читатель рыло воротит, — поумнел, что ли?..

Повторю — уже посылавшееся Вам, отлично помню... — не могло же пропасть! Забыто — стало-ть слабо. Ну, повторю, раз Вы желаете[211]...

Заглавия не помню. «Тем<ные> алл<еи>»...?

Распаленный страстно **ею**,
Он повлек **ее** в аллею...
Ух, и в тё-о-мную!..
И хрипел*: «Тебя, лилею... (кха-кха-а...)
Растомлю-у... и залеле-э-ю...
Не-у-ём-ну-ю!..!» (мба-мба...)

* <над буквой «и» сверху написано:> (а).

Под фонариком, у моста,
Разглядев того прохвоста,
        Дева ах-нула!..
«Тьфу, тебе, дед, не в аллею,
А пора под мавзолею!..» —
        Так и брякнула.
Опустил несыто око, —
Потрясло его глубоко
        То вещание.
Навострив обратно лыжи,
Приступил к труду пожиже:
        «За... ве.... ща-а.... ни.... е...»
    (тут Вы покашляйте, на исход души!)
        ах-ха.. бам-бам.

Гость

В распрекрасный день один
Позвонился господин...
Отворила кухарчонка,
Мордорылая девчонка;
Обомлела у крыльца —
И сменилася с лица.
Распалился барин вдруг..!
Тут как раз стоял сундук...
Тот сундук — один, свидетель:
Что содеял благодетель...
Так-то вот, читатель-друг,
Опоганен и сундук.
Крикнешь: «где-э?.. в какой халтуре?!»
В русской, друг, Литературе.
«Быть не может! кто? кобель?!..»
Не кобель, а... принобель.
        (ввести в «Даля»!)

о — о — о — о — о — о — о

Конечно, несчастье **это**: и я ничуть не злорадствую, а так, вскипаю в сердце, и выплеснулось вскипом. Я — жалею. Большое дарованье — **ку-да вышло**!... Я любил его **новое**, вникал... — давно было. Ждал — боль-шо-го! Не сотворилось. Вместо большого, такой... чирий! Ко-

пившееся нечистое вышло... гно-ем, — **мимо** нашей целомудренной Словесности. Не закажешь мухе поставить «точку» и на Св. Воздухе. Но как же страшно: до мухи-пятнухи умалиться!

Обнимаю Вас, милый. Сердечный привет обоим Вам, друзья.

Ваш Ив. Шмелев.

М<ожет> б<ыть>, Вам покажется, что, говоря о «большом» читателе и о переизданиях и изданиях, — к «Л<ету> Г<осподню>» еще 5 книг и есть в запасе еще «намеки» — «Кул<иково> Поле»... и еще, — я любуюсь собой? Нет, не верно это. Я **светло** радуюсь: за себя, — не впустую жил; и за **читателя**: знаю же, что и ему в радость. Это — ныне. А что бу-дет... какая судьба и суд?... — время скажет, нам не узнать.

Благодарю Господа за сподобление — маленьким служкой быть во имя Его. Я же знаю: в великую кадильницу на Божественной **Литургии** Поднебесной чутошные зернышки ладанцу подсыпал... только. Но это — высокая награда. У Него и в притворе подметать — честь **великая**. Не отстрани, Господи!

Ив. Ш.

588

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<4.VII.1948>***

И. С. Шмелеву в Женеву

Дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за дружеское письмо с хорошими, радостными вестями о Вашем печатании... Наконец-то плотина рухнула! Слава Богу! Теперь звоните во всю Ивановскую!! — Очень рад, что мог послужить Вам здесь, и счастлив, что все сошло удачно!

Но свиданием нашим я совсем не удовлетворен. Ведь общение наше в сущности не состоялось. О Главном совсем не говорили, — ни о Боге, ни о вере, ни о Вашем творчестве, ни о моем; и даже не посоветовались, что же делать, если начнется оккупация Европы большевиками... Как будто прошли друг мимо друга. Если бы я так побеседовал с Субботиными, или с Лол-

лисм[212], или с Мельгуновым, то было бы понятно и естественно; но напр<имер> с А. В. Карташевым, или с В. П. Рябушинским, — это была бы прямая неудача... А ведь это было — — с ВАМИ!! Недаром я просил Вас записать важные темы, с которых надо было бы начать. Я имел сказать Вам существенное о Путях Небесных, о строении духовного акта у Дарии Ивановны и у Виктора Алексеевича, о Чехове, о русской поэзии и еще о многом... Да и сам я начинаюсь там, где моя лаборатория и где в ней мой «алтарь», коему я трепетно предстою. Прочее же во мне есть лишь моя более или менее неудачная «оболочка», и притом всегда страдающая, которая за последние годы слишком много страдает и требует поэтому некоторого снисхождения...

Кстати о моей «капризности»...

В 1921—1922 году, убранный в Москве большевиками с юридического факультета, я вел в философском Институте два курса: «О философском методе» и о «Гегеле», — для кончающих студентов филологов-философов. Их было человек 65. Аудитория была (ради тепла) небольшая и люди сидели друг на друге. Я вел оба курса *без записок, — вдохновенным созерцанием*. Обычным актом: цельным, с участием сердца, воли, ви́дения и мысли. И вот, студенты мои никак не могли понять, что *моего стула нельзя задевать* — что я испытываю каждый толчок или прикосновение, как электрический разряд в нервной системе, как резкий толчок *по духу*, или как посторонний вскрик во время исполняемого ноктюрна. Я реагировал на это болезненно, а они вероятно думали, что это — раздражительность голодного профессора или же просто «каприз». Наконец я разъяснил им, что при этом происходит, что это процесс большой и интенсивной концентрации, не терпящей прерывающих толчков и разрядов.

Покойный П. Н. Врангель говаривал мне: «Порыв не терпит перерыва!», и был совершенно прав. А вдохновение есть именно длящийся и притом духовно утонченный порыв.

И вот, — виню самого себя. Ибо много раз запрещал себе неуместное вдохновение во время бесед: люди не видят его, не замечают и относят мою острую реакцию на

«перерыв в порыве» к моей невоспитанности, к самомнению, к претенциозности, или как Вы деликатно выразились, — к моей «капризности». А я все опять забываю свой самозапрет. Забываю, что снисхождение к этой моей особенности имеют, кроме Наталии Николаевны, только друзья, *хорошо* меня знающие. А ведь с Вами мы виделись всего третий раз в жизни; и лекционные мои переживания, меня самого нередко потрясающие гораздо больше, чем публику, тоже не могут Вам дать осязания моей несчастной личности, ибо Вы никогда не слышали меня, публично говорящего. А потому рассчитывать на Ваше снисхождение я не имел никакого права и основания...

Может быть потому и лучше, что мы не углублялись с Вами в священные Предметы, а то Вы восприняли бы меня как «совершенно невыносимого капризника»... —

Очень тревожит меня Ваше безвизное состояние! Думаю, что надо молиться молитвою Сократа: «пошли мне то, что для меня благо, если бы я и не просил об этом! и не посылай мне того, что для меня дурно, хотя бы я и просил о том». Или по-нашему: «да будет воля Твоя!».

Обнимаю Вас душевно и очень жду «Записок Неписателя»!

Ваш «антрепренер» и ценитель

И. А. Ильин.

Цолликон 4 июля 1948

<Приписка, сделанная И. А. Ильиным по возвращении его писем (после смерти И. С. Шмелева):>

(После бесплодного, с его стороны неудержимо разговорчивого свидания в Цюрихе, когда он два часа пел дифирамбы святости впервые увиденной им Дины Михайловны Рустергольц и прерывал меня на каждом третьем слове, чем и вызвал мое «капризное» умолкание...)

589

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<12.VII.1948>***

<Открытка>

12. VII. 48.

Дорогой Иван Александрович, загружен всячески, главное — с визой канитель продолжается:

2-й отказ! Но я подаю в 3-ий раз, — недаром был в сутягах! А не выйдет — в Париж: добу-ду — и... «allez enfants»[213]..!

Должен обстоятельно отозваться на послед<нее> п<ись>мо В<аше>: оно **зернисто**, и надо кой-что уяснить. Не я один тут «в причине»... — я ***слушал*** Вас. И всегда так после годов... — теряешься. Да и Вы занемогли. Но я все же ***много*** послушал. И перед чтением, и после — раскиданность. А больше остаться — не мог, не вправе, всегда мне трудно, хоть был у ист<инно> доброй души, в уходе, в уюте. Скверно сплю, ду-мы... Визы не дают, т<ак> к<ак> у v<ice> cons<ul'a> сомнения, что я сей — tourist — визой хочу обойти закрыт<ую> квоту и **остаться** в С<оединенных> Ш<татах>. Подите вот! Докажи ему, что я... «bona fide» прошу **временную**! что я «***не*** останусь» в С<оединенных> Ш<татах>. Абсурд — доказать «***не***»! Ну, я написал, в 3-й р<аз> — к<а>к римский юрист. Но... четко-вежливо. И послал копии «affidavit'ов» (2). Процесс *д<олжен> б<ыть>* выигран, но... ныне... «**мухоедство**». Сами знаете! Оправлюсь — напишу.

Весь Ваш — Ив. Странник.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. Iwan Iljin
33, Zollikerstr., 33
Zollikon b/Zürich.

590

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<14—15.VII.1948>***

<Открытка>

14—15. VII. 2 ч. ночи

Милые!.. — потянулся, под рукой нашел «Л<ето> Г<осподне>» и начал читать... «Чистый Понедельник»... — и... затомилось-зажгло в груди...

Не стыдно мне написать Вам... — почувствовал **родное**... — о, ка-кое!.. Да как же не любить-то его, Россию! ***Что*** за люди!... И слезы, и смех — ну, — ну, **проникся** как-то... Этот **вихрь**... «море по колено...» — ма-сляна... И — Вас<иль>-Вас<илич>... и вся эта картина.., и — сердце!... И все и жалкое, и — о, какое же

великое!... душой! **силой**!.. Сам, через **свое**, еще больше, кажется, полюбил!

Простите за это ночное признание!

Ив. Шмелев.

<Приписка:> Хотел разорвать... и — нет, пошлю! ***Вам***, ведь!...

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Prof. Dr. Iwane Iljin
33, Zollikerstr.
Zollikon b/Zürich

591

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<16.VII.1948>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Получил Ваши две открыточки, спасибо. Представьте, у нас происходит подобное же: «Когда в селах стемнеет, смолкнут (крики) селян» — мы извлекаем «Лето Господне» и читается вслух одна главочка (подряд). «Внимает все тогда любимцу и певцу России». И увлажненное око — благодарность. Тихое созерцание, не пресеченное самоволием ума, совершает свой ход и предоставляет всей душе «радоваться». Кланяемся еще и еще благодарим. Читать же самого себя — оком читателя — по прошествии времен — «дозволено», естественно и плодотворно — и «радоватися» совершо́нному — утеха писательского сердца.

По-видимому, шпаньолы[214] продолжают Вам вредить. В какой-то нью-йоркской советской «подтирке» — изобразили (как мне пишут), что это, мол, тот самый «довольно известный писатель, который служил молебен, когда пришли немцы в Крым»[215]. Прочтя это сообщение, я понял, зачем здешняя «жаба» справлялась обо мне, не ли я «то-то и сё-то». Прочтя это о Шмелеве, я пришел в такую ярость, что *телеграфно* отказался от одного здешнего выступления: стар я экзаменоваться у этих господ на репутацию «приемлемого» в жабьем направлении мыслителя-писателя. «А судит меня Господь»; а не жабьи дети, пипы суринамские, квакалы вислобрюхие.

Еще одно. Кто такое написал о Вашей лекции здесь — ерунду в «русской мысли»?! Вы видели? Что касается «всей колонии» — это ничего, пускай врет. *На самом деле:* 284 *семейных* приглашения и 75 «прихожан». Этим объясняется моя нерешительность с устроением лекции: почти сплошь денационализированная «chantera pas». Но о сборе!? Как это 40 франков? Что же, я остальные улямзил?! Ведь тут были люди, которые *одиночно*, от себя — клали больше, чем 40... Если это мирославка гроссен написал, то он... никогда не буду говорить при нем «про хвост», а только «о хвост». Но кто же это? Нельзя ли сие *поправить?*

А как Ваши контракты?

А как визно-безвизные планы?

Все, все в воле Божией... Но и самим надо решать и делать.

Нат<алия> Ник<олаевна> шлет привет.

Сердечно Ваш Сяко-такойто

16/ июль 1948

592

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<23.VII.1948>***

23. VII. 48.

Дорогой Иван Александрович,

Придавлен новым — 3-м! — отказом во врем<енной> визе ***без объяснений*** (да, да! ибо ничем нельзя опрокинуть мои доводы). Но не сдаюсь. Весь в ворохе хлопот, не выберусь из этого «хвороста», как мой Дрозд в «С<олнце> М<ертвых>». **Истекаю**... Но и **делаю**. А посему, до досконального ответа на В<аши> запросы... (В<аше> большое п<ись>мо о пребыв<ании> моем в Zu'e[216].) Срочно прошу: *если есть у Вас,* пришлите на срок — «Дух и слово Пушкина», — Акад<емика> П. Струве и 2) согласны ли на включение сего слова в предпол<агаемый> сборник? М<ожет> б<ыть>, «Р<усская> М<ысль>» оси-лит, хоть **сие** издание?! И — главное — уделите Ваше чудное, вдохновенное слово о Пушкине! Оно у меня есть, в Пар<иже>, но так запрятано, что не могу указать плем<янни>це — где, чтобы

выслала. Да у ней еще муж (отлич<ный> поэт!) ***тяжко*** заболел. Боже мой! Я чую себя в силе — **пи-сать**, но все меня завалило!.. — и я в отчаянии. А тут — столько надо! И о Св. Влад<имире>, и еще — «Угодники Соловецкие» (чудесное проявление) и — слово *говорить* — о Препод. Серафиме — 2 авг<уста>. Да и еще... Да как же я к «Пут<ям> Неб<есным>»-то приступлю?! ко-гда?! А — к «Запискам *не*писателя»?.. Да и «Р<усская> М<ысль>» не в силах платить, а потому и печатать, «Записки», а я давался, — «берите меня в кабалу!..» **Начну** печатать — и **обязан** буду продолжать.

Пока! обоим В<ам>, милые, мое сердце!.. — ох, истомившееся.

Ваш Ив. Шмелев.

Знаю, что *доносы* мне все портят, но я их **опрокину**! Я потребую!...

О сем напишу, — только вот передохну, если не издохну.

593

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<25.VII.1948>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Посылаю Вам мою речь о Пушкине. Статья Струве «Дух и слово Пушкина» у меня *есть*. Но мой экземпляр на полях *исписан моими возражениями*, стирать которые я *не хочу*, а давать с ними в незнакомые руки — *невозможно!* К тому же из 78 страниц этого опуса — 68 трактуют употребление слов «тихий» и «ясный» в русской литературе вообще, начиная от православного Богослужения и Котошихина и до Писемского и Достоевского (просто выписываются цитаты с краткими и *всегда философически неточными* примечаниями). Статья эта — оттиск из Белградского Пушкинского Сборника. Это называется: «Материалы по историческому толковому Словарю языка Пушкина». Струве — как только входил в философию и эстетику, становился отменно неточен, смутен, вял, претенциозен, скучен и беспомощен, чего сам, однако, не замечал.

Если Вам нужен еще кто-нибудь, тогда уж лучше возьмите Спекторского[217]: «Заветы Пушкина» (Праж-

ский Пушк<инский> сборник — 1929). Этот оттиск у меня тоже есть.

Очень огорчаюсь и тревожусь Вашим визным состоянием! *Не советую* продолжать хлопоты в Женеве! Спишитесь с Софией Евгеньевной[218] — надо начать в Париже. Она о Вас тревожится и уже сумела преодолеть эти оговоры в Имке.

Душевно Ваш И.

<Приписка:> Статья Струве это не только inachevé[219] — но недоношенное, несказанное, смутное, именуемое «нечто». Главное: любопытное в чужих цитатах — *скучное* в меру сырости материала.

1948/VII. 25

594

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<31.VII.1948>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Все тревожимся о Вашей визе...

На всякий случай, чтобы не вышло недоразумения: если бы Вам пришла в голову мысль пригласить в (неосуществляющийся) Пушкинский сборник Вышеславцева, то я немедленно *отступлю*; — «скверный характер» или «каприз», как прикажете...

Я и то каюсь, что в Анастасиевский юбилейный сборник послал статью... Не надо было. Боюсь: по выходе сборника станет неуютно. Бывало, как сядешь в Москве в Чеку, привезут в подвал — наблюдать *очень* интересно, а *общность* клопов и вшей с этими людьми *огорчает*. С тех пор мой характер не улучшился. *Издали* согласен сочувствовать всем «мытарям», «магдалинам», «эфиальтам»[220] и т. д. А водиться с ними — душа не радуется... Грешен: 1) «гордость» 2) «самомнение» 3) «чистюльство» 4) «моральное доктринерство» 5) «капризность» 6) «сплендид[221] изолешен'ство» 7) «трепетно-лань'ство» etc, etc, etc. Все, что кому угодно.

Но — всю жизнь прожил иначе и уж на старости поздно меняться.

Ну — «всего! и — пока!»

31/VII 1948 Ваш «Свое-клоп-ник»

595

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<5.VIII.1948>*

5. VIII. 48.

Дорогой Иван Александрович,

Очень я подавлен всякими неудачами. Не хочу, не смею нагружать Вас ими.

Будьте покойны: и не думал о Выш<еславце>ве! А на мое п<ись>мо о Струве (его ст<атье>) А<лексей> Петр<ович>[222] из Пар<ижа> не отзывается. Где и когда буд<ет> изд<авать>ся сборничек со «Словами» о Пушкине — еще не знаю.

Который уже раз прочитал В<аше> чудесное слово о Пушкине, — «Пророческое призвание Пушкина», — и снова очарован и н-а-п-о-л-н-е-н! **Лучшего — не** знаю. О, какая драгоценность — и содержанием-глубиной, и формой! Да, **это** — достойно Пушкина! Кланяюсь вдохновенно.

Видите, как меня подают, на задворках, читателям! Небрежность, безответственность... или — **что** же?!.. И это, ведь, **начало** какой-то большой работы... сам еще не знаю, но... **слышу** в себе. И как это бьет «по пальцам»! Ну, отписал З<еелер>у... — безнадежно.

Написал «Угодники Соловецкие»... — и послал (раньше получения № «Р<усской> М<ысли>» с началом «Записок неписателя»: они изменили мое заглавие, «***не***» дали *отдельно*! Не поняли! Грамотеи *на* внешнее (и то не всегда). Уверен, что и «зерна» не учуяли). Дам — в новом варианте, более внятном для иностранцев, переводчице, для, м<ожет> б<ыть> «N. Z. Z.»[223]. Да сомневаюсь, примут ли. Разные есть причины сего сомнения: об ***иконе*** речь. А для шв<ейцарце>в, — уверен, это было бы оч<ень> **любопытно**.

Жду две недели ответа из Парижа на п<ись>мо-просьбу о **визе**... Все не ладится. Д<олжно> б<ыть>, придется возвращаться. 8-й месяц сижу на порожке. Но... эти месяцы прошли недаром, — хотя бы для того, чтобы я наскочил на «Угодн<иков> Солов<ецких>» — так я чувствую. Но не одно это: я ***видел*** Вас, Наталию Ни-

колаевну, многих-многих верных читателей. Я **слушал** Вас. И — **освежался**. М<ожет> б<ыть> даже — в чем-то — и... **подрос**..?

Хочу писать... но **все** мешает. Ну, вдумайтесь, присоветуйте! Очень уж я беспомощно топчусь. «Богомолье» издается YMCA'ой. 2-ая ч<асть> «Пут<ей> Неб<есных>» сдана в набор «Возр<ождением>». Там б<ыли> переизданы: «Сол<нце> Мертв<ых>», «Няня» и 1-ая ч<асть> «Путей». А авансов *пока* не получал. Когда-то... при bon à tirer[224] (у «Возр<ождения>»). От ИМКИ д<олжен> получить, частичку, а др<угую> частичку — на оплату париж<ской> кв<артиры>! Видите, к<а>к живется. Добился до посл<едних> кальсон, кои вчера выстирал, а ходил ***без***... — и смеялся! Все сие — пу-стя-ки! — Еще есть в кармане... к<ак>-ниб<удь> до-жи-ву.

Обнимаю и благословляю.

Бесштанный Иван Пустынножитель.

596

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<17.VIII.1948>***

17. 8. 48.

Дорогой Иван Александрович,

Вот, — след<ующая> глава **пряников**. Написано еще — вчерне — почти две, и вижу **пучину**, поглощающую: так много **есть** — сказать. Что-то Вы скажете..?! Все больше уясняется, но вряд ли хватит времени. Это — эпическая хроника. **Наше неисчерпаемо**. И — не вода: **вино**. И — какое! «Дай сил, Господи!»

Эти дни неотрывно в работе и гореньи. Но урвал время и послал б<ольшое> п<ись>мо (6 машинн<ых> стр<а>н<иц>) А. Толстой[225], — прошу — пусть хоть третейск<им> разбирательством — вырешать **все**: мне отвратительны клеветнич<еские> плевки! Дал — все, в дополн<ение> к «Необход<имому> ответу» в «Р<усской> М<ысли>» (№ 7, 31 мая 47). Указал свидетелей, в Пар<иже> и в Америке.

Каков скандал-то! Бесы всыпались. Знаю ***все***: случайно, донесли с телеф<онного> разговора между А. Толст<ой>

и некой Шауфус, ее помощницы и друга, на дн<ях> приехавшей с ее фермы в Женеву: А. Т<олстая> заявила: «амер<икан>цы засыпают посылками и чеками! все отлично». Б<ольшеви>ки ***сами*** сочинили п<ись>мо к ним от Казёнкиной, подделали и ее подпись. П<ись>мо — в деле. Каз<ёнки>на якобы **молила** их спасти ее из лап белобандитов!! А бесы, до захвата даже Каз<ёнкиной> на ферме, — дали знать амер<иканским> газетам! — победу свою. Теперь их взяли с поличным. И все их дипломаты буд<ут> выметены.

Пишу — и потому болею — и язвой, и почесухой. Изнемогаю.

Скоро прочтете мое новое — «Угодники Соловецкие».

Обнимаю, ущемленный болями и бессонницей. Напишите Ваше средство, что давали мне из круглой коробочки, — против изжоги. Привет Наталии Ник<олаев>не.

Ваш Ив. Странник.

Умники из «Р<усской> М<ысли>» думали, что нельзя — «неписателя»! — я их умыл.

<Приложение:>

Ив. Шмелев

ЗАПИСКИ НЕПИСАТЕЛЯ

II

Кажется, начал верно, уясняя себе, — а, может быть, и не себе только? — «откуда есмь пошел»; то есть, с моих **«истоков»**. И это вовсе не потому, что привык к учебному канону, — вступление-изложение-заключение, — что я преподавал историю, набил руку, как педагог-словесник, раскрывать «основную мысль» произведения для моих мальчиков. Что мне нужно? Мне нужно доискаться в моей жизни «итога», в сущности — той же «основной идеи». Потому-то и пошел «от предков». И вдруг мелькнуло, будто уж и нащупал самое главное, будто уж **знаю все**: почему жизнь уперлась в тупик... верней — подошла к провалу и вот-вот и провалится. Не личная моя жизнь, а — она-то уж провалилась, знаю... — а жизнь всеобщая, предмет «философии Истории». Почему-то теперь мне кажется, что я это давно предвидел, за годы еще до нашего разгрома. Собственно, не предвидел, а предощу-

щал мигами, иногда даже на уроках вдруг вдохновенно **открывалось**, как, должно быть, бывает у поэтов и, несомненно, у пророков. Написалось — и вот, смущен, что возвожу себя в такой ранг. Но правды-то от себя нечего скрывать **было** и — **есть**. И потому тороплюсь занести в «Глав-ную», как бухгалтер: в «Главной»-то, ведь, — **итоги**. Лично мне это, пожалуй, лишнее: списываюсь «на амортизацию». А это я потому, что мой-то **урок** еще не кончен, пять минут еще до звонка... и урок-то уж последний, перед роспуском на большие каникулы... Отсюда вот и мои «записки», для моих милых мальчиков: пусть почитают на досуге, для подготовки, если потребуется, к переэкзаменовкам.

Какое, однако, самомнение!.. и нисколько не самомнение, а как бы по властному инстинкту: «веленью Божию послушный». Но что мне до того, «как обо мне подумают»? — перед всеобщим провалом-то, когда уж не до..?

Итак, вперед!

Вся основа моя — от предков, от наших «пряников». И как же бла̀гостно и глубоко дедовское напутствие «помни, Серьга̀, исконное наше: «радость-сладость»!». И еще крепко запомнилось, его же: «придут черные уныния, гибнуть будешь... — за край Ризы Господней цапайся, — и вызволит!» «За край Ризы Господней...» — где это я прочел?.. **Здесь** прочел, у проникновенного нашего мудреца, *И.*[226] Как это благостно!..

Дед, Иван Васильевич, сколько его помню, всегда был радостный, праздничный, как с виду, так и душой. После я разобрался, почему — всегда праздничный: будто **все** познал и, так сказать, «стяжал Благодать». Не дерзну сравнивать с несравнимым нашим Святым[227], который **радовался** всегда, во всем. Наша семья его очень почитала, еще задолго до его прославления. Прадед Василий Иванович удостоился его видеть и принять от него благословение и укрепляющее напутствие: «ступай, радость моя, как ступал доселе, Господь с тобой».

И мама, и мой отец, «всегда где-то витающий», говорила с улыбкой мама, казались мне тоже праздничными. А почему я похмурился и уже давно похмурился..? Чуткие мои мальчики меня прозвали, с первых же моих

уроков, а совсем еще зеленца, — «сумрачный добряк». А девушки... — я и в женской гимназии учил, — совсем по-пушкински «сумрачно-бледный», — «рыцаря» только не хватало. Не потому ли похмурился, что и тогда уже ощущал-предчувствовал «неблагополучие» и потому «опустил забрало»? Сестра Катюша, тремя годами меньше меня, часто любовно говорила: «мой грустный братик».

Ах, Катюша, Катюша... где-то ты?.. С последнего твоего письма на оберточном лоскутке, в августе 30-го года, с этим ужасным рылом в «шлеме» на пакете, все о тебе закрылось... жива ты, а?.. Непостижима твоя судьба, вся — **тайна**. Начинала блистать, все ждали... и... ?! Го-споди... это последнее от тебя письмо... с пятнышками твоих слезинок... **все** мне сказавшее..! Эти желтые пятнышки растворили давивший камень, и я благодатно плакал забытыми слезами. Теперь не плачу. Ни слова о себе, одно только — «дай силы, Господи!..» Кое-что осветили слухи, кем-то написанные строки, уже **отсюда,** случайные: «... там, в городе В... после увоза святителя на муки... слабенькая, больная сердцем, в сторожке при соборе, босая... собирает корочки и одежонку для совсем нищих... хоронит бездомных и безродных...» И радостно мне, и горько.

Разве я мог подумать **тогда**?!.. Ты не услышишь и не смутишься от моих слов, — «гениальная моя Катюша!» Всем гениальная... о, сердце!..

Как творила ты в музыке, исполняя Моцарта, Бетховена, особенно С. Баха... и нашего нежного Чайковского! ты могла все и всех, самых великих и различных музыкально небесного Олимпа! Как ты по-своему раскрыла, на фисгармонии Бортнянского, данного мне тобою, тобой только! Ты не знаешь, как ты меня **вернула**!..

Разве могу забыть первое выступление ее, когда она кончала консерваторию «на виртуозку»! Гордились ею и изящно-изысканный Т... и требовательно-властный С.., восхищался совсем еще молодой тогда Р..., ныне прославленный. Даже тот, похрамывающий, придирчиво-строгий к «гениальным», присяжный критик все-музыки, К... обронил как-то недоуменное: «гм... вот вам и «без корней»..! — намекал, вероятно, на «без традиций», на «пряничное» наше?..

В ту пору и в детстве Катюша была вся еще — душа нараспашку, вся **наша**, всем открывалась радостно-доверчиво. Дед называл ее — «стеклянная ты моя, без крышечки». Всегда перед Рождеством просила она у деда, не очень благоволившего к московскому ее «болтанью» и «бряцанью» — «пряничков», для подруг и «наших музыкантов-жучителей»[228], и дед посылал с нарочным отборный короб «тверских». Она раздаривала пригоршнями, и все, строгие «боги» даже, жевали и жевали. Она и не думала, конечно, что все влюблены в нее, до суровых старцев-гонителей: все лелеяли нежно «пряничную», ждали от нее, **своего** апофеоза, —«праздника св. Музыки», как обронил случайно один из строгих.

И как же ты, Катюша, всех потрясла и оглушила!.. Не разочаровала, а как бы отупила, **вдруг**, **все**, **сломав**. Чудесно музыкальное дитя, ты уже начинала творить сама. Больше 30 лет прошло, а я все **вижу**, будто это вчера: как после выпускного по композиции, и после, в тонном салоне меценатки М.[229], куда входили лишь избранные, человек пятнадцать, — ты настояла, чтобы был приглашен и я, — ты покорила всех, повергла в восторженное изумленье. Полушутя, играючи, стремительно отзвучала «Последняя песня», **твоя**... предельное аллегро, «звучащего света бег». Я не забуду шепот — «безумный ритм... непостижимая техника...». Я видел лица. Я видел, как побледнела ты, в нежном всегда румянце, свеженькая и чистая, как первый снежок на зорьке... как поднялась, изнемогшая, от дивного рояля... видел тебя, светоносную, в концертном платье, заказанном по приказу деда, — «уж раз **такое**, — **надо**!» — у элегантнейшей из портних Москвы, не в черном шелке, а в белоснежном плисэ-муслине, с закрытыми плечами и руками... — о, моя скромница! — видел тебя на зеркальном щите поднятого крыла рояля... шла ты, с закрытыми глазами, как в сновидении, к стоявшей под пальмой, в нише, отличной фисгармонии... Ты чудесно владела ею. Как светло обвела всех... а я шептал-молился, как маленький: «Господи, помоги Катюшке!..» Я знал, что ты исполнишь сейчас **свое**, но я не думал — **что**. Вышло так неожиданно, для всех неожиданно, что

ты исполнишь **это**. Ты едва молвила, не своим звучным голосом, сочным, грудным контральто, восхищавшим артистов и певцов, а угасающим шепотом, **отходящим**... — «Херувимская...» — и почувствовал трепет твой, от теплившегося в тебе горенья-**света**. Не твой это был шепот, а... — теперь-то могу определить: трепет небесных крыл. Студент, я понял тогда впервые, через тебя, Катюша, что высочайшее из искусств — **Молитва**. Ты сотворила чудо, на глазах всех: ты всех соединила и **вовлекла**. О, это последнее, возносящее... — «всякое ныне... житейское... отложим попечение...»[230] Это было **твое**, чуть мне знакомое... ты наигрывала на нашей фисгармоньи, в весенних сумерках, уже больному деду, и он заплакал. А он никогда не плакал. Но тут ты дала полней и совершенней. Ты вся светилась, ты стала... **неземная**..? — чувствовал я, и все. Минуты упавшего молчанья, онеменья. Я видел твое лицо, нездешнее. Не лицо — лик, душу твою бессмертную. И ужаснулся, какой я темный, и все, кто здесь. Нестерпимы были покашливанья, — в волненьи? — шелест шелка, духи, статуйка рядом, — «силен» ли, «фавн» ли, — и чья-то морда, трясшая бородой, в финале. Последнее выступление, последний кивок «житейскому»... О нем судили, дивились, домекали...

Потом... нет, не надо о **том**, после. Тот обморок..! Не вынесла земная оболочка. Катюша хотела встать, в мертвенно-молчаливом зале... — рукоплесканий не смело быть! — и пала вперед, на клавиатуру... Этот рванувшийся звук, этот тревожный срыв-взрёв!... Она сейчас же пришла в себя: я отвез ее в ее комнатку на Садовой...

О чем ты плакала, Катюша, когда я вез тебя в автомобиле меценатки?.. Я объяснял нервной разбитостью, «разрядом»: чуть ли не по шестнадцати часов работать!.. Я ошибался... но, конечно, и это значило. Теперь я почти знаю, **что** вызвало твое решенье: **это** давно готовилось, как и **все**.

Через месяц после того сеанса присутствовавший на нем медик последнего курса, сын одного профессора, тоже музыкант, неожиданно бросил университет, семью, Москву... Об этом после.

Вижу, что заношу беспланно, но так надо: надо все взрыть в себе, встряхнуть, как встряхивают стеклышки в калейдоскопной трубке — все вдруг застынет и даст рисунок.

Катюша — «все сломала». Почему? О сем — дальше. Но для себя отмечу: между **твоим** и «бегством» того студента... связи, как будто, не было. А может быть, и..? Догадки только. Нет, лучше по череду.

— — — — — — — — — — —

О прадеде я вписал не все; но рассказ о деде пояснит многое в **нашем**.

Дед Иван тоже был красавец, — высокий, крепкий, статный, темный шатен, с волнистой и пышной бородой, всегда заботливо ухоженной, чуть впроседь. Душили английскими духами, фирмы Блёссон, «из Лондона». «Лондон» у него значил — «товар по деньгам». Одевался всегда очень опрятно, даже дома: «не надо распускаться». Даже элегантно одевался, но всегда и легко, и просто: поддевка ли, сюртук ли, — все его как-то дополняло, «облекало» и все самое первосортное. Шил на него «наш портняга», бывший мастер лучшей московской марки, на покое. Отец, тоже умевший одеваться, ездил «осюртучиваться» в Москву. Одеваться изрядно-просто — наша семейная черта, неизвестно откуда влипшая. В обиходе дед был сугубо скромный, в еде — особенно, и строго наблюдал посты. Посты у нас были стойким и радостным законом... Я всегда весело ждал поста, особенно — Великого. Так осталось и за границей, хотя я в молодости и «пошатнулся», лет на десять. А посты почему-то соблюдал. Мы постились также и во все среды и пятницы. Если, мальчишкой, я срывался, меня начинало мутить, до тошноты, я бежал к маме и признавался с рёвом. Она меня не укоряла, давала святой воды, крестила и тихо целовала в лобик. И я сразу становился радостным.

После прадеда дед был почетным старостой нашей соборной церкви. Не опускал ни одной службы, хоть бы и прихворнул. В церковь он никогда не ездил, а до нее было версты полторы с окраины, где был наш поместительный и удивительно уютный дом, бывший барский, и

пряничная фабрика со службами. Говорил: «к Богу не подъезжают, а притекают». Меня он очень любил и всегда брал с собой. Катюшу любил не меньше, нежнее как-то, — это я чувствовал и не ревновал, — Катюшу все любили: за ее веселость и открытость, за необычную, не по годам, «разумность», — я бы сказал: «вглядыванье в себя и во все»; за ее откровенное лицо, за полное самоотвержение: она податливо, без колебанья, всем отдавала все, чего ни попроси, будто в веселую игру играла. В отличку от семьи, волосы у ней были светлые, пепельные и мягкие-мягкие, как ленок, лоб чуть вперед, открытый, **ясный**, — лучезарный. Я любовался ею, когда помазывали ее елеем: мне казалось, что на нее нисходит «благодать», и батюшке особенно приятно ставить крестик «на такой красивый лобик». Глаза у ней были тоже лучезарные: то — блеклой незабудки, то синие-синие, как молодой василек. Все наши были брюнетистые, — мама только «каштаночка», — глаза прямые, ясные: у деда— в мечтательном туманце, «неотразимые» — все говорили, а он шутил: «некому только отражать». У отца — темно-серые, «витающие где-то». У Катюши в глазах-миндалинах, необыкновенно чистых и добрых-добрых, теплился «тихий свет», — «ангельский зрак», по деду. Когда пели за всенощной — «Свете тихий», я вспоминал Катюшины глаза, — вспоминаю и поныне. Рот у нее был благодушно-мягкий, свежий и сочный, — «сладкий»; «дай-ка арбузика», — шутил дед. Я любил ей ерошить губки и называл их — «мюмочки», — такие они податливые и нежные. Ростом была в отца, высоконькая, но статная, соразмерная, хоть и юница. Как и мама, — совсем тверянка, но величаво-покойной поступи еще не нашла: «ма-а-лявка еще», по деду.

Дед был широким «милостынщиком»: шутили, что разорит семью. У него были широкие карманы, и в них парусиновые мешочки с медью. Подавал, когда шел из церкви. Вся дорога уставлялась с обеих сторон нищими, кто хотел; мальчишкам дед никогда не подавал, а девочкам, особенно — смиренным, всегда сугубо. Подавал на обе стороны, будто и не глядел, а все видел. Я тоже по-

давал из «нищего полтинника», в грошиках и полушках. Как-то дед подал, не досмотрев, нашему городскому голове-шутнику, протянувшему к нему лапу, все засмеялись, а дед нахмурился и сказал наставительно-сурово: «Этим не шути, Прохор... статься может!» Так и сбылось, через много лет, на моих глазах.

Август, 1948.

Ив. Шмелев

<Приписка:> *К возврату, s. v. p.*[231]*!*

Скоро — о лошадях будет, руки чешутся.

Пла-ва-ю! в сем океане!...

597

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<17.VIII.1948>***

<Открытка>

17. 8. 48

Дорогой друг!

Отказано *и* в Париже. Причем из п<ись>ма хлопотавшей, в 5 строк, посторонний не поймет, о чем речь. Ясно, что она, служащая, избегает сказать ясно, и говорит, как пифия, «у которой из расселины исходили одуряющие пары», к<а>к говаривал на ур<оке> истории Егоров. Теперь мне ясно, что бесы приняли все меры, чтобы помешать мне в хожд<ении> по свету... А и не думал говорить о них в Ам<ерике>: они сами **все** о себе сказали! Думаю — в посл<едний> раз написать Ж. К<еннану> — чем рискую?! — хоть воспитанный америк<анец> мне и не ответил. Но, предпринимая **другие** хлопоты, в иную державу, думаю все же и еще шаг сделать: пишу одному попу... авось..? Он некогда получил от одн<ой> высокой особы в Ам<ерике> «ободр<яющие> слова». И так — **испиваю**...

Благослови, Владыко! Сия персона — сенатор Dulles[232] — кот<орый> будет у них М<инистром> И<ностранных> Д<ел> — срок придет!

Ваш, верующий: толцыте и отверз [233].

И. Ш.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. Iwane Iljin
33, Zollikerstr., 33
Zollikon b/Zürich

598

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<22.VIII.1948>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Посылаю бумажку для желудочного порошка.

Не велите казнить, велите слово молвить.

«Granted»

«Неписатель» имеет полное право накручивать «хавос и хавос». Но! Чем *меньше* человек обещает, тем больше ценится дар. Человек, если скажет: «Господа, вот я вам сейчас расскажу анекдот — со смеху умрете!» — увидит, что уморительнейший анекдот, великолепно рассказанный, вызвал одни «собачьи усмешки» у слушателей. Фокусник *не* должен предсказывать своего фокуса: он должен *показать* его. Пророк не нуждается в предисловиях, обещающих «великое». Художественность любит *неожиданность сервировки.* Чем меньше предупреждений о «грядущем» — тем лучше. У Неписателя — уже второй раз «повышенное самосознание», которое читатель воспринимает как притязательность. Имеешь «карат» — клади на стол. Имеешь «гобелен» — разворачивай его «между прочим» без добавлений и обещаний. Словесное «великодержавие» мешает и расхолаживает[234].

Dixi et animam blevavi. Amicus Ioannus, sed magis amica honestas[235].

Обнимаю.

Ваш верный барон фон Фён.

22/VIII 1948

<К письму приложен присланный И. С. Шмелевым машинописный отрывок (2 глава) из «Записок неписателя», с рукописными пометками автора>

599

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<24.VIII.1948>***

24. 8. 48.

Дорогой Иван Александрович,

Все то «урекающее», что Вы вменяете мне — в «Зап<исках> непис<ателя>» — мне было и раньше ведомо, и никак меня это не смущает. Такой прием «забеганья» не раз применялся мною, чтобы **держать**

внимание читателя, особенно — когда печатается дозами, в газете. Есть такое и в «Няне» — «перекидка»-то плановая, — есть и — резче — в «На пеньках». При издании книгой — выглаживается. И еще, подчеркну: «канон» построения рассказа — закон относительный, **никем** не утвержденный. Таковую свободу — отступлений — позволял себе Пушкин, не страшась *наездов «критики»* (его «отступления» в «Евг<ении> Он<егине>»): по плодам выносится вердикт. И почему Вы решаете, что «Записки неписателя» — чисто художественное произведение? Я сознательно поставил — **«неписателя»**. Я хочу дать себе, наконец, полную свободу... — пусть принимают «записки», — именно, **как** «пометы для себя». «Точек над «і» немало в «Кап<итанской> дочке» — о росс<ийском> **бунте**, напр<имер> — целая сентенция и **вывод**. Мое главное в «зап<исках>» вовсе не «провал жизни», а — наше **бытие**: я пробую дать «русскую **целостную** семью» (а **«провал»** — только для заманки). Она явится тем экраном, на котором д<олжна> б<ыть> проявлена **нецельность** русской жизни, ее дырья, ее **ямища**! И не только — **ее**, а в б<олее> раздвинутом масштабе. Отступлений будет оч<ень> много, и я не страшусь, что сознательно выпираю **тему**. Меня никак не смутят и «собачьи улыбки»: я — **не** «анекдотист». Вы, конечно, вольны **все** думать, как я волен — написать **все**. Я ставлю — хочу ***по***-ставить вопрос, почему в русской литературе, — и, вообще, в литературе, — писатели склонны давать **отрицательное**, когда жизнь обильна положительным? Не потому ли, что привлекает «борьба страстей»? Я недаром выбрал автором «записок» — **учителя**: его «записки» — продолжение его «урока». Ткань «романа-бытия» — сложная, как **жизнь**, и должна включать в себя, наряду с выпирающим, и массу «мелочей», которые должны составить мозаично — **главную** картину, ибо в «мелочах»-то и заключены «символы» — вехи! Я никак не боюсь **учить**. *И никакие попечители уч<ебного> округа меня не смутят*, — даже и самый строгий из «капнистов». Одно я **знаю**: теория словесности с ее «каноном» родилась только потому, что дали ей жизнь сами строители сего храма: новые строители дадут и

новые законы зодчества. Вы вот ***посмеялись*** моей стройке — **не** по-стройке... — а я, занеся в себя «смех» этот, учитываю его, *мнемонически вбираю в себя и принимаю его кум грано салис*[236]. Это очень небесполезно, как удержка. И — благодарю. Но — говорю: себя слушай, и мотай себе на ус. Наматываю.

Просьба к Вам, дорогой друг... Если есть у Вас, не откажите ссудить на короткий срок — книги Ключевского. Если почему-либо не можете, не откажите, от меня, сказать по тел<ефону> о. Давиду Чубову мою горячую просьбу — раздобыть для меня из рус<ской> библ<иотеки>, я оплачу расходы по пересылке. О-чень нужно!

Я, каж<ется>, писал Вам, что послал б<ольшое> п<ись>мо А. Л. Толстой, на Толст<овский> Фонд, прося рассудить трет<ейским> разбирательством, или иным подход<ящим> средством, **мое** горькое дело, — клевету на меня. Написал **прямо**, без обиняков, все. Вот, ответ А<лександры> Л<ьвовны>: пожалуйста, ни-кому не сказывайте, кроме Наталии Николаевны:

«Авг. 17, 1948. ***Конфиденциально***.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Сергеевич,

Сегодня утром получила Ваше письмо. Вы понимаете, что со всеми разворачивающимися сейчас событиями я просто не в состоянии дать Вашему письму и всему этому делу то внимание, которое оно заслуживает. Придется подождать, пока события несколько улягутся.

Одно хотелось Вам сказать: я большая поклонница Ваших произведений, читала все, что только было в печати. Во всем этом вопросе можно только удивляться одному, почему русская «общественность» не предает анафеме всех тех, которые еще в самом недалеком прошлом прославляли великого вождя Сталина.

Надеюсь, что через две недели смогу подумать о том, что следует предпринять, а пока крепко жму Вашу руку и прошу Вас сообщить больше подробностей о том, как Вы живете, как справляетесь материально.

С искренним и глубоким к Вам уважением,

Александра Толстая».

Точно знаю, по телефону, — говорили не мне, а доверенному лицу Тол<стовского> Фонда: «Все отлично и спокойно. От всего никак не страдает Фонд, напрот<ив>: «нас засыпают посылками и чеками».

Не дерзаю больше нагружать Вас «продолжением»[237], — щадя и В<аше> терпение, и время.

Душевно Ваш Ив. Шмелев.

Подумаете — обиделся? Нет, верьте: благодарю за «ponestas»[238].

<Приписка:> «Почес» мой — все хуже. Дознайте, оч<ень> прошу, *как* может действовать прикладыванье арники — ее, напр<имер>, употребляют здесь при массаже поясницы, когда «прострел»-люмбаго! Мо-чи нет! Можно ли — для «почеса»?

600

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<25.VIII.1948>*

Дорогой Иван Сергеевич!

Получил и спешу ответить. К сожалению, на ближайшие месяцы opera Kliutchevsky[239] — и мне, и Наталии Николаевне нужны *справочно-настольно*. Чубов сейчас в Женеве. Если Вы его не захватите там, то напишите ему *лично* (Erzpriester[240] D. Tschubow. Fliederstrasse 21. Zürich. 6). Ему будет *лестно* и он *расстарается*.

Очень огорчает меня Ваш «почёс»; но заглазно спрашивать об арнике — не берусь: можно *так* навредить, что потом от огорчения зачахнешь.

Нет, я «Вашей стройке» *нисколько не посмеялся...*

Ваш ИАИ.

1948/ VIII. 25.

601

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<7.IX.1948>*

<Открытка>

7/25. 9. 48

Поздравляю Вас, дорогая Наталия Николаевна, со Днем В<ашего> Ангела!

Желаю Вам укрепления здоровья и благосветия душевного, ото всего моего сердца. Обнимаю Вас, дорогие

други, обоих, накрепко. А я — в недомоганиях и унылости, но это уже хро-ни-ческое. Дивлюсь бессилию «Запада» и на-силию «Востока», мировой глупости и наглости. И все же... **движется** к... **концу**. ? — к ка-кому?! Такое у меня разрешение — ? — **близко**. Бу-ди! Бу-ди!..

Ваш верный Ив. Шм.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor D-r Iwane Iljin
33, Zollikerstr., 33
Zollikon b/Zürich

602

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<13.IX.1948>***

<Открытка>

13. 9. 48. На почте

Дорогой Иван Александрович,

Поделюсь удачей: сейчас получил гонорар (400!!) за «Росстани» от газ<еты> «Tages-Anzeiger», в перев<оде> R. Candr<eia> (почти на 2 мес<яца> жизни!). Редактор доволен, сказал: «Знаю, что для массов<ого> читателя многое *не дойдет*, и все же напечатаю!» Думаю, что в бл<ижайшее> время начнут выпускать. Тираж газеты, слыхал, оч<ень> большой, — много объявлений. Этот **приток** меня выручил, дал дышать. Законч<ил> коррект<уру> 2 ч<асти> «Путей Н<ебесных>». Пришла т<олько> ч<то> корр<екту>ра «Богомолья». И так — в ноябре-окт<ябре> — еще 2 книги. Сегодня послал avion M-r Dulles, в адр<ес> M-r Dewey. Что-то Бог даст?..

Мно-го восторж<енных> выражений от рус<ско>-ам<ериканских> читателей — *«до слез»* — о «Л<ете> Г<осподнем>». Привет.

Ив. Шмелев.

<Приписка:> Почес измучил. Невралгия кожн<ых> нервов. В дождь — хуже! Кто поможет?

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor D-r Iwane Iljin
33, Zollikerstr., 33.
Zollikon b/Zürich.

603

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<20.IX.1948>*

20. IX. 48.

Дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за память и за ласковое слово к Нат<алиином> дню. Именинница была тронута и благодарит.

Утешительно слышать, что русская литература живет и растет на *Вашем* проспекте. Один бриллиант призван здесь искупить лавину грубых и подлых камней... «И кандреи́н на что-нибудь полезен»[241], — сказал Косьма Прутков. Ой, боюсь, что она там не перевела, а «переп..д.ла». «Перп..д.ла нам Шмелева на язык чужих столбов». Чтобы не расстраивать Вас — и читать не буду ее «вздохов»...

Две просьбы:

1) Не знаете ли Вы адреса Нат<алии> Ив<ановны> Кульман? Верно ли называю ее «имотчество»?

2) Не знаете ли Вы судьбу Сургучева[242]? Осоветился ли он? Где он? Есть *дело* до него.

Боюсь, что Дуи и Дёльс[243] окажутся не на высоте. Ой, ой, окажутся!

Адрес наш: Fermo in Posta. Locarno-Orselina. Ticino.

Обнимаю.

604

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<21.IX.1948>*

21. IX. 1948.

Истинно радуюсь (сидя на юру, радуюсь!), дорогие Наталия Николаевна, Иван Александрович... — вбирайте Красоту Господню и **волю** — вовсю! Ныне это редкостный дар на общем бездарии и всеобщей **беспутности** и — неопределимости... **Глухие** и слепые — не видят и не слышат, ***что*** творится. А им послана такая четкая **веха**!.. Ка-кой прообраз — это-«палестинское»!.. И все из одного и того же **гнезда**, из-под **звезды̀**. Не мыслю сравнивать, но ка-ак сопоставимо! Священная Земля, та же декорация, пятница, канун субботы, **тот** же час... — пусть ма-ленький, но все же вестник **мира**...

высокий представитель Кр<асного> Кр<еста> (и — мира!) и «во-Имя»... — и по-длое убийство... Искупление общего, вселенского **греха**... — и так же был **предан**... — слепотой и подлостью властвующих... злодеям предан... И — уже ***все*** забыто! И все еще топчутся, все еще игра с дьяволом — партнером полноправным. Живые мертвецы.

Чтобы не забыть В<аши> запросы... —

M-me N. Koulman (Нат<алья> Иван<овна>), 7 rue Boucicant, Paris, 15-e.

Илья Дмитр<иевич> Сургучов *ни в как<ой> мере* ***не*** советился! Точно. Где-то гнездует под Пар<ижем> — бельмо на глазу всяких сов. патриотов. Адр<еса> его не знаю, вот досада! Его, ухищрениями доносов, держали (да-вно!) мес<яцев> 4—5 в тюрьме Фрэн (это время он вспоминал, как «хорошее»...) французы его судили за какие-то «выпады» против Фр<ан>ции... но даже и они, «резистанты»[244], поняли, что тут вонь от доносчиков, и, для «очистки **совести**» (?), присудили к 6 мес<яцам> и *тут же*, на суде, освободили: «иди и впредь не греши»[245]. И он отошел **куда**-то... Не могу даже сказать, **кто** бы мог указать его адр<ес>. М<ожет> б<ыть> в «Р<усской> М<ысли>» знают? *Пошлите открытку, м<ожет> б<ыть> и укажут.*

Мои хлопоты — ди́-ки, знаю. Вот она, «соломинка»-то! Цапаюсь, как влипшая в «мед» муха. И — облизываюсь. И все сие — «**инерция**», бессознательное: **надо** же хоть тень «возвыш<ающего> обмана»[246] ловить: для разгулки времени. Тот же **отдых** — само-оттяжка. А — вдруг...? Сидит дурак у бассейна, с удочкой, и мнит — осетра пымать! А время-то ан и про-хо-дит... да еще навалилась гора корректур... Сдал кор<ректу>ру «Пут<ей> Неб<есных>» (2 ч.) (после «Лета-то Г<осподня>»!), ныне пригнали верстку, в 255 стр<а>н<иц>. Сдал корр<екту>ру «Богомолья», жду верстки. Вчера привалил пакет с 1-ой третью корр<екту>ры «Сол<нца> М<ертвых>», и вот-вот пригонят корр<екту>ру (2 изд<ание>) 1-й ч<асти> «Пут<ей> Неб<есных>». А там «Няня из М<осквы>» (3-ье изд<ание>). А там — «Кул<иково> П<оле>» (YMCA взяла-таки!). Значит, помимо «Л<ета> Г<осподня>», еще *6* книг. От-ку-да сие?! Са-мо.

Получаю трогат<ельные> уверения в любви за «Лето»... Надо бы ликовать... но нет и тени радости. Правда: измотал недуг: то снова «язва», и **всегда** — 29 мес<яцев>! — зуд, ухудшающийся. Ну, за-чем мне **ви-за**?! А **туда** и без визы можно. И порой взываешь: **скорей** бы!.. Ну, чего я резеду поливаю, когда ***все*** округ моего садика... **полыхает**?.. И кому все сие (мое) на потребу?.. Разве что за лимонадец сойдет в **духоте**-то — жарыни удушающей?.. За великое недоразумение почитаю... «Атлантидное действо»... — а кто-то пищит: «лимонаду бы...?» Трубят трубы **архангелов**, дым-пламень, а дурак ходит — «а я с **лимонадцем**-апельсинадцем!.. эх, расторгуюсь напоследях!..»

Осень вот-вот, а — **где** я? а квартера съедает париж<ские> гонорары (!)... Это великая благодать «candreïne»[247], — на 2 мес<яца> почти — торговлишки лимонадной. Обмызгался всячески, «поливая резеду». И смех, и грех, как у Горбунова[248], помните его «Комету»?.. — не для печати, а «застольную». Общий переполох, давка на Кр<асной> Пл<ощади>... и вдруг, недоуменный, полный страха и «*сомнения*» возглас бабы: «Ма-а-тушки-и... да никак меня... ... ...?!!..» — в давке-то!?.. До сего все и до-жи-ли... («звездоносцы»-то «**своим**» займаются, в сумятице-то).

Ну, локарньте, орселиньте, *т*ичиньте..![249]

Досадно: выпала (в печати) моя «соль» из «Угодн<иков> Солов<ецких>»: старик-рыбак говорит швейцарцу:

«Сольцы-то?.. и у самих ни порошинки. Хозяева всю поели... ух, и кру-то соле-ные, бе-да!.. Слезой досаливаем». Крепко помнил швейцарец тот разговор соленый. А куда меня *отнесет* — не ведаю. Ведаю лишь: **отнесут**, как придет срок. До-садно: слышу еще **напор** в себе, да вот, упо-ра-то нет... скользит подо мной, вся напорность в скольжение уходит.

Ваш «Недотепа».

NB Единств<енная> радость: в детской здравнице в Leysin, 1-ая группка детишек (девочек), отдохнув и окрепнув, 5 душ, отъехала, на смену едут мальчишки. Итоги, приб<авка> в весе: 3 1/2 клг., 6 клг., 4 клг. 300 gr., 3 klg., и — 6 klg.!! ***Не*** узнать, — что делает-то воздух и

питанье! — и — уход! *Есть* святые! И — ***какие***!!!.. Го-споди, как же достойно мог бы жить **мир**!.. Вот ***тогда бы*** — какие источники забили!.. — Рай на земле! И ка-ак же это **достижимо**! Имей **волю**, **захоти**!..

Малая капля, да... но ведь **капля**-то и творила! Вот *это-то* — бессознательно — (вера-то эта!) и давало мне **всегда упор**!.. И чистое сердце и святая рука моей Оли..! И как же я одинок вот уже 13-й год!... Ныне я чаще всего — уныл и отчаян... О, какое великое — «малые дела»!... Они — чудодейственное бродило.

<Приписка:> С отчаянья, после 3 недель отсутствия аппетита, купил вчера, за 7 фр., куренка и сварил в лапше, сам 3 дня буду есть. *Для отдохновения — микстура сия.* А не продолжить ли «Перехват»?!.. Уж больно все **перехвачено**..!

<Приписка:> Франк-то (тот!) к<а>к валится: никак 120 за 1! Вот и гонорарствуй.

<Приписка:> (Кто-то в «Рус<ской> Жиз<ни>»[250] (С<ан>-Фран<циско>) написал в защиту Шмеля: «бросьте травить!» — и поакафиствовал... — прислали № от 7 авг<уста> из Paris. А мне — плевать, ей-ей, почесали пятку.)

605

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<7.XI.1948>***

7. XI. 48.

Дорогой Иван Александрович,

Все эти недели лежу, ослабел. Полное отчаяние. Че-го жду?.. и — ку-да?.. Б<олее> месяца нет никак<о-го> аппетита. Зуд — ужасный. Гомеопатич<еские> крупки из Голл<андии> — без всякого улучшения, **ху-же**! И всегда окт<ябрь>-ноябрь — сам<ые> черные дни для меня, по воспом<инаниям>. Ныне — тьма. Бессонница измотала. Изнемог. Растерялся. Отчаяние. Потому не мог ни строки Вам, давно. И Вы забыли меня, удрученного. Матер<иальная> стор<она> — терпимо. Хотя бы найти силы — терпеть, до-терпеть. Не оставьте, хотя

бы доброй мыслью! — грешного и слабого. Все — черно́. По 18 ч. в сутки в постели. И язва, и зуд, и — упадок духа. Приветы!

Ваш Ив. Шмелев.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor D-r Iwane Iljin
33, Zollikerstr.
Zollikon b/Zürich.

606

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<14.XI.1948>***

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Очень огорчен и удручен Вашим письмом. Сочувствую от всего сердца, ибо сам нахожусь в аналогичном состоянии, хотя недуги и иные.

Давление крови: 215 вверху, 130 внизу; пульс 90; глубокая, ноябрьская и нервная прострация; отвращение к современности, превышающее всякие силы. Потому и молчу... Но я, благодаря Господа, не один: со мной мой ангел-хранитель. А о Вашем одиночестве думаю с ужасом...

Если бы я мог помочь Вам чем-нибудь...

Из этих состояний я понимаю многое:

Напр<имер> 1) почему наши древние предки так ликовали во время зимнего солнцеворота

2) почему наши мужики «саввятся, и варварятся, и последний грош прониколивают» (2 дек<абря,> 4 дек<абря,> 6 дек<абря>).[251]

3) почему в ноябре так много бывает самоубийств

4) почему сплин есть нац<иональная> болезнь англичан etc.

Душевно обнимаю.

14/XI. 1948 Ваш Такой-Сякой

607

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<17.XII.1948>***

17. XII. 1948. Женева.

Дорогой Иван Александрович,

Больше месяца нет от Вас вестей, — что с Вами? Я не писал от полного бессилия: был **на краю**. Только те-

перь узнал: «если бы не приняли мер... дней 7—10, И<ван> С<ергеевич> не встал бы: он, незаметно для себя, слабел от истощения и так, не сознавая, и сошел бы на нет». Так заявила докторша M-lle Florin, оч<ень> знающая. Меня спасла М<ария> Тарас<овна> Волошина, жена одного ученого, — они живут у того же M-r Risch. Она, без ведома моего, вызвала д<октор>шу, и та назначила уколы — двойные, — прот<ив> язвы (отсутствия охоты есть в продолж<ение> 2 мес<яцев>!) и — питательные, — «pernalmon» — голл<андское> средство! — 2 с. 1.[252] сод<е>р-ж<ат> субстанцию 1 кг теляч<ьей> печенки. (Д<октор>-ша сказала, что, по счастью, организм отлично **принял** лечение.) Теперь я выправляюсь, и уже написал IV главу «Запис<ок> непис<ателя>». Я лежал 2 мес<яца> пластом, не мог ходить, полное головокр<ужение>, истощение[253]. И неохота есть, и берег свои нищенские фр<анки>. Так что мой «бунт» — последнее содрогание, потеря себя, последнее отчаяние. Жить уже не было сил, но огненные мысли плясали в бессонницу, доканывали меня. Как я ослаб!.. Едва держу перо. Но теперь охота есть вернулась. И — писать. Сердце едва прослушивалось. Кожа присыхала к костям. Теперь я пополняюсь. Надо закончить работу. И в так<ом> истощении я как-то еще мог прокоррект<ировать> свыше 2 т<ысяч> страниц гранок! На дн<ях> выходит «Богомолье» (2-ое изд<ание>) и II ч. «Путей», а за ней 2-ое изд<ание> I-ой. Послал и Борзову кое-что... И — ничего не помню, как я **жил**, **был** в эти 2 1/2 мес<яца>. К тепл<ым> дн<ям> возвращаюсь в Par<is>, — нет сил для зд<ешней> жизни, — в сохран<енную> квартиру. Все париж<ские> гонорары по изданиям ела квартира. Безумие.

Как же Вы? В<аше> здоровье? Напишите. Посл<ал> Борзову — пришлите посылку бедному поэту, психич<ескому> больному Ив. Новг<ород>-Север<скому>, взамен его 9 стихотв<орений> для «Д<ня> Р<усского> Р<ебенка>». Вот одно из них:

О звездах не забудь: они напоминают
Про звездный мир, про звездный светлый путь,
Что звездный ты. Они тебе внимают.
О звездах не забудь, — и ты не будешь сир...

Пишу 5-ю гл<аву> «Записок» и вижу, сколько же есть сказать! Потрясен откров<енны>м п<исьмо>м Карт<ашева> на мой «бунт»: 12 страниц. Ми-мо догматов! Или — ересь, или я ничего не понимаю. Лиризм религиозный, поэтика... Жуткое и прекр<асное> п<ись>мо! Привет.

Ваш Ив. Шмелев.

608

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<22.XII.1948>***

1948 22/XII

Дорогой Иван Сергеевич!

Очень Вы меня огорчили и встревожили Вашим письмом! Каждый из нас *сам* себе *главный врач*, а прочие «доктора» — только консультанты. А Вы об этом забыли... И напомнить было, по-видимому, некому...

Ну, теперь все же слава Богу! *Нет* Вам «отставки», значит, надо *еще писать.*

Гадко мне думать о людях в связи с Вашей USA визой... Но — Провидению виднее, кого куда «пускать» и «не пускать»...

Я провел два трудных месяца. Много лежал. Но лежа — писал.

Душевно Вас обнимаю. Нат<алия> Ник<олаевна> шлет привет.

Ваш ИАИ.

609

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<31.XII.1948>***

Дорогой Иван Сергеевич!

С новым годом! Шлем Вам самые теплые пожелания — и прежде всего забыть все боли и недомогания, а потому из всей Вашей юношеской свежести подарить нам еще несколько шедёвров.

Какие Ваши планы пребывательного характера? Где, куда, когда, докуда? Как проходит у Вас отопительное время? Когда выходят Ваши opera, quae supersunt[254]?

Из Вашей последней муки и опасности надо, кажется, сделать вывод, что «не отзывает», велит *еще* жить и творить. Значит надо *слушаться!*

Душевно Вас обнимаю.

Нат<алия> Ник<олаевна> шлет приветы.

Ваш И.

1948/XII. 31

1949

610

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<1.I.1949>***

1—1—49.

Ах, дорогие, добрые друзья, Наталия Николаевна, Иван Александрович,

Это «ах» — не впустую сказано: воистину — «ах» и — почти — «ох». Я вовремя не поздравил Вас, ибо — старовер, и «Н<овый> Г<од>» считаю еще только наступающим. Ну, исправлю, В<ашему> примеру следуя.

С Новым Годом, с 49-м, — 7 × 7, — пифагорейские загадочные числа. Да, все загадочно в грядущем. Будьте здоровы и неизменно дружественны к рабу Божию Ивану.

Подал ходатайство о продлении моего сежура[1] еще на 3 мес<яца>, до тепл<ых> дней. Квартира цела, Бог даст — и выеду, перед Пасхой. Швейцария хороша, но не по капиталам. Все же, при всех недугах, до отчаяния, кое-что получил — из **опыта**. Достаточно тепла в комнате-келье. Шедэвры?.. — и не помышляю. Все еще слаб, не в форме. О-ди-нок. Ибо добрая душа, кормившая меня, — Мар<ия> Тарас<овна> Волошина, жена одного рус<ского> физика, уехала — дней 8 тому — на юг Фр<анции> искать по средствам санаторий для больн<ого> чахоткой сына (39 л<ет>), талантливейшего по «звуку» для синема. Сам себе повар. — Книги мои «Богомолье», I и II чч. «Путей Неб<есных>», «Сол<нце> Мертв<ых>» (2 изд<ание>) и «Няня» (3 изд<ание>) — д<олжны> выйти (первые две) в сам<ые> бл<ижайшие> дни. «Р<усская> М<ысль>» — заявившая, что отныне

буд<ет> платить за кажд<ую> статью, вот уже с месяц солит IV гл<аву> «Запис<ок> непис<ателя>»: запросил — почему? При таком «по стол<овой> ложке», — пропадает воля продолжать. Кстати, думаю над стат<ьей> о Дост<оевско>м. Какие тут — «шедэвры»! — у-стал.

«Зап<иски> неписателя» разворачивались было, многое вижу, да бьют по пальцам. Они — «большого дыхания», а посему и медл<енно> разворачиваются... Но в IV гл<аве> все же дал нечто, еще не изображенное в нашей словесности: Неделю Православия — анафематствование и воспоминание об убийстве Ал<ександра> II — **надо**. Надо мне обнаружить наш, народный, «нравственный запас» (см. у Ключ<евско>го). И все — для основы, с которой сорвали бесы Россию... Моя задача — показать **прекрасную** русскую семью и — округ ее — **народ**. Гл<авная> задача: ощутимо показать, **как** все сорвалось. И — в мире. Показать — духом и зрением ***педагога***... Для меня становится ясным, как рус<ская> литература — невольно искажала *правду о России* и русск<ом> человеке. Не Обломове, а — волевом. Жертвой такого невольного искажения явился Гоголь и — за ним, десятилетия недодуманностей и — лжи. Не крепили, а подкашивали. Разгром России не несчастн<ая> случайность, а — трагическое недоразумение. Теперь **все** видно.

Вычитал в Figaro — гороскоп на 49-й г.: падение больш<евиз>ма, новая Россия!? Уже не верится...

Недуги мои — «зуд» — по-прежнему. Нестерпимо. 32-ой месяц! И — язва, несм<отря> на уколы (29-й) larostidin'ом. Я — весь — в недугах. Горячо поблагодарил Карт<аше>ва за его исключительно **откров<енное>** п<ись>мо — о вере: шедэвр для ист<инно> рус<ской> лит<ературы> — ответ на мой «**бунт**». Но эт<от> «бунт» — не столько следствие моих недугов, а скорей, — перевоплощения в атеиста, для 3-й ч<асти> «Путей». Я на срок сделался как бы — безбожником. Теперь прошло. Карт<ашев> помог, открыв свою душу. Редкость!

Ско-лько отсюда народу — уплыло, улетело! В С<оединенные> Шт<аты>, в Ю. Ам<ерику>. А я, бескрылый, только помахивал обрезанными крыльями. М<ожет> б<ыть> — и к добру. Мало у меня сил — и

жить, и писать. Каж<ется>, дал достаточно?.. Себя съедал. А теперь — догладываю. И дивлюсь: как же я смог прожить здесь — целый год?! Правда, во мног<их> отн<ошениях> — «впроголодь». Но много тро-гательного видел — от людей. Это-то и давало силы. Вообще, жизнь меня щадила, хоть и драла 2-ую шкуру. Лежу больше, полубессильный. А у ско-льких — совсем трагично! Хоть бы эта М. Т. Волошина! — святая. Докторша Maria Florin, русско-швейц<арская> — не только не берет гонорара (а мне это смутительно!), но еще и не раз фрукты присылала, а я их почти не ем. Чи-та-тель-ни-ца!... Мно-го получал признаний. Значит: **что**-то все же давал людям? Неба не подкоптил.

Отговею здесь — и в Париж. Но говенье-то, да и вся **вера** моя — не эстетического ли порядка? Не удается стать ребенком. А вот, в «Богом<олья>» да и в «Л<ете> Г<осподнем>» — **стал** же! А все не оставл<яют> в покое... все **требуют**! Вот, сейчас, п<исьм>о от ч<елове>ка делового и сухого даже: «Вы — единственный среди нас, котор<ый> понимает рус<скую> душу в ее фундаменте. Вы должны творить много, много для наш<его> молод<ого> поколения!» «Ваше здоровье — не для Вас только нужно: оно нужно всему русск<ому> многострад<альному> народу...» И больно, и горестно читать: я же **все** свое отдал, я никогда не **жил**... для себя. И нет — отдыха. И все во мне — тревожно, будто я все же не оправдался...

Господь с Вами.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Для Рожд<ественско>го № дал газете — «... Звездою учахуся...»[2] — из 1 ч<асти> «Пут<ей> Неб<есных>». Многие не читали еще*).

<Приписка:> *С наступ*<ающим> *Рожд*<*еством*> *Христовым!*

---

*) А на «новое», после 4-й гл<авы> «Запис<ок> неп<исателя>», нет сил.

611

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<16.I.1949>***

3/16—I—1949.

Дорогой друг Иван Александрович,

7-го — 20 с/янв. — Собор Предтечи Господня, и я светло приветствую Вас — День В<ашего> Ангела. Будьте здоровы, могучи, благоденственны!

Дорогую Наталию Николаевну поздравляю с Именинником. Желаю Вам обоим — светлых упований осуществления!

Я уже гляжу к Парижу. Трудно возвращаться, но — «капиталы не дозволяют» **так** продолжать. Да и **беспутье**... давит. В половине марта должен вывалиться отсюда, увы!

М<ожет> б<ыть> и удастся заехать к Вам — проститься, — не знаю.

Второе: **озабочен**, как бы найти швейц<арского> (нем<ецкого>) издателя для «Л<ета> Г<осподня>». Русск<ий> народ, Россия поливается грязью... — все грязнейшее, подлое — на Нее! Это работа бол<ьшевико>в. Они протаскивают во все газеты мира. На днях, в **сам<ой>** распр<остраненной> газете в Голландии, б<ыла> статья — заголовок дан огромн<ыми> буквами: «рус<ский> народ все такой же, как<им> был за 1000-летие!... — ни-ка-кой, ничтожество и позор человечества!...» ***Что-о*** **напечатано**!... — ужас и омерзение. Цель понятна: пустят по России ложь — вот-де ка-ак американцы и прочие тебя позорят, клеймят, дабы **сожрать**, тебя страшатся, тебя ненавидят и готовы сожрать, ты, говорят, никогда не побеждал, тебя всегда **били**... а мы тебя **защищаем**!... держись за нас!.. мы ведем тебя к славе и счастью!... Только мы!... и т. д.

Вот я и думаю: я дал душу нашей России, как сумел, в «Л<ете> Г<осподнем>» и др<угих> работах. Если бы найти издателя, — издать в Швейцарии, на нем<ецком> яз<ыке>! «Богомолье» — м<ожет> б<ыть>..? — издадут в Германии. Пишут мне из Цюриха: один швейц<арский> учитель, знающий хорошо рус<ский> яз<ык> — **не** *может расстаться* с «Л<етом> Г<осподним>», — это «неисчерпаемый клад»! — но он читал только

1-ое изд<ание>, где лишь 16 главок. Я напишу ему. М<ожет> б<ыть> у Вас сыщется случай — заинтересовать издателя..? В ноги поклонюсь. Это не только **моя** книга, заветная: она и — **Ваша**!

Послал Mrs и Mr С. Bareiss приветствие с Р<ождеством> Хр<истовым> и Нов<ым> Г<одом> — и... не получил отзвука. Немножко оторопел. Что это?... Впрочем, м<ожет> б<ыть>, это — по-американски? Вот, Ж. Кеннан, кот<оро>му я посл<ал> п<ись>мо и «С<олнце> М<ертвых>» — англ<ийское>, — не пошевельнулся хотя бы отписаться. Как и г. Дульс (но это все прошлое). М<ожет> б<ыть> чем-ниб<удь> я погрешил перед г. г. Барейсс...? Ну, Бог с ними.

Обнимаю, многим удрученный...

Ваш Ив. Шмелев.

Эх, поговорить бы с Вами... — напоследок. Беспокоит молчание Карт<аше>ва. Что Вы о нем знаете?..

612

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<21.I.1949>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Благодарю Вас за память именинную!

Деловое

1) Не считали ли Вы правильным большое «Лето Господне» разделить в переводном издании на 2 или 3 части, чтобы облегчить дело?

2) Очень важно быть уверенным, что это будет *перевод*, а не калечь! Кто взялся? Кто столь дерзновенен? Ведь этот текст *разливно-петь* должен! Иначе будет избиение младенцев Иродом! Неужели Кандрюшка-суконно-бездарная взялась?! Неужели Вы ей разрешили это детоубийство?!

3) Доверять это издание слабосильному и нечтимому издательству не советую. Все сильные издательства — или *масонские*, или *католические*. Первые меня отводят, и моя рекомендация для них — компрометантна; к тому же они сейчас приплясывают и прищелкивают (вслед за экуменой) перед советчиками.

Остаются *католические*. Позовите Юрия Ильича[3]: скажите ему, чтобы он *от себя* послал запрос (на франц<узском> языке!) в кат<олическое> издательство *Benziger* und C°. Dr. Gustav Keckeis. Weinplatz 10. Zürich.

Адрес выписываю отдельно.

У Лодыженского *прекрасные* отношения с католиками; у *меня холодно-враждебные*. Где я наврежу — он поможет. Быть может, он придумает *другие* катол<ические> издательства? Тем лучше! Во всяком случае — с этого надо начать.

Но неужели же Кандрюшка будет коверкать Ваше поющее, трепетное кружево?! Страшно и подумать. Но если *так*, то к масонским издательствам *у нее* ход!

Душевно Вас обнимаю.

С 5 янв<аря> сижу в гриппе.

Ваш Аспид Василисков.

1949/I.21.

613

И. С. Шмелев — И. А. Ильину *<8.III.1949>*

<Открытка>

8. III. 49.

Дорогой Иван Александрович, 15-го веч<е-ром> возвращаюсь в Paris. С трудом дотянул эти 14 с 1/2 мес<яцев>. Посл<е>дний месяц снова болел, теперь — лучше. Отговею здесь. Сл<ава> Богу, париж<ская> квартира цела. Жизнь в P<aris> дешевеет. 7 мес<яцев> болел, Шв<ейцарии> не видал, оч<ень> хочу отдыха! Солнца. **И** — работать.

Благодарю Вас за заботы обо мне. Т<а>к и не наговорился с Вами, **мало** послушал Вас. Надо ускорить в P<aris> дела издательские. Хоть бы 1 мес<яц> **отдыха**! Все дни провалялся в комнате, — *без* солнца! Это удручало. Но Шв<ейцария> не прошла впустую, — дала все же много: узнал людей, кое-что сделал, — хотя бы для детск<ой> здравницы (около 1200 фр<анков>). О<тец> Леонтий — один из ***лучших***, — *на месте* он, *к<а>к пример*! Жаль расстав<аться> с храмом, хоть и редко я посещал его: обмолёный храм. Видел много доброго от

людей (5—6 челов<ек>), но, в общем, здесь *нет русских*, сплоченности: все устроены, б<олее> или м<енее> — и живут **собой**.

Обнимаю Вас, милые. Господь с Вами!

Ваш неизменно Ив. Шмелев.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. Iwane Iljin
33, Zollikerstr., 33
Zollikon b/Zürich

614

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<9.III.1949>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Только что пришло письмо авионное от Н. В. Борзова, печатающего XVI выпуск «Литературного Робёнка». Он пишет, что *Вам назначен перевод в долларах*. Не пойму только: сотню назначили, или больше. Думается, что Вам следует послать ему авиончик, *давая директиву*, *куда* слать, *до* какого времени, и куда, *от* какого времени. Чтобы не вышла «перепетуя путаница».

Он запрашивает, *где* Вы; а Вы сошлитесь прямо на мое уведомление. По-видимому, перевод будет сделан *не ранее* апреля-мая. Я только что написал это, как принесли Вашу открыточку от 8.III. Вижу из нее, что Вам надо написать Борзову, *не откладывая*.

Вы не пишете ничего о швейц<арском> издании Лета Господня! Помог ли Вам Лодыженский у католиков? Он это *может* сделать *легко*! У меня же дело обстоит так, что я хочу перейти к *немецким* издательствам. Германия вообще крепнет и здоровеет, ее книжный рынок расцветает. Стали она производит уже больше, чем Франция. Валюта ее медленно оправляется. Люди стали работать. Если в Швейцарии у Вас не вышло, подумайте о Германии!

Выходу в свет «Лета Господня» я придаю *очень* большое общерусское значение. Начинается волна отвращения к России, которую от великого ума смешивают с Сырами[4]. А Ваше слово в «Лете» — может и призвано показать *другое*! Недавно немецкий католич<еский> журнал, расхвалив книгу о Гегеле, закончил

так: «Если мы укажем еще на изумительную культуру языка в книге, то пусть это укрепит еще впечатление, что в книге (автора имярека) мы имеем блестящее создание русской духовности, которое велит нам, несмотря на все происходящее, все-таки *надеяться*».

Подумайте, какой эффект произведет Ваша поэма?

Мы с Вами не то что «не поговорили», а просто не виделись. Но дело не в *слухе*, а в *духе*. А он дышит и веет вопреки всему и на расстоянии. Пишу это Вам, несмотря на то, что я еще никогда не чувствовал с такой остротой, до какой степени Вам до меня нет никакого дела!

Во всяком случае ответьте, пожалуйста, поскорее: кто переводит Лето и договорились ли Вы с каким-ниб<удь> издательством?

Оба шлем Вам дружеские приветы.

Ваш Сережа Никарагуанский.

9. III. 1949.

615

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<20.III.1949>***

20. 3. 1949. Опять то же: 91, rue Boileau, Paris, 16-e

Дорогой Иван Александрович,

Едва осилил довлачиться до пристанища, и вот, с 16-го — лежу пластом. Если бы не заботы доброй души в Женеве (Мар<ии> Тарас<овны> Волошиной), самоотверженно (сама в муках, безнадежно больной сын (42 л<ет>) в санатории в Пиренеях, а она задержалась в Жен<еве>, т<ак> к<ак> просрочила свой Нансен и ждет из Пар<ижа> новый) ходившей за мной, меня питавшей, и собравшей в дорогу, и провожавшей, — я не мог бы уехать, — до того изнеможен. Лежу... И все здесь немило, и квартира представилась жалкой, грязной, омертвевшей... Женева — как потерянный рай, хоть я в эт<ом> «раю» — или работал, в тоске, в тревогах, или — болел (б<олее> 4 мес<яцев>!). А жизнь тащит, — **тя-нись**.

Но сейчас я еще не в силе (так ослаб!) во вс<ей> полноте писать Вам. В послед<нем> В<ашем> п<ись>ме

мне было горько читать высказанное Вами, обидное, мнительное, меня пронзившее, будто бы Вы для меня — «наплевать», к<ак> б<удто> **пустое** место. Сейчас у меня нет под рукой В<ашего> письма, я его, в сборах, запрятал в рукописи, а пакеты не в силах пока разобрать — но п<ись>мо я помню. И не могу не отозваться, откладывать. Уверен, что Вы сами не верите, что написали. За **что**?! Откуда такое?!... Нет, этого я никак не заслуживаю. Нет. И мне больно. Пощадите, я так истомлен **всем**. И — ни одного темного пятнышка нет во мне, в моих истинно сердечных влеченьях к Вам, — в любви, почитании, в дружестве, в радости, что суждено мне было найти в Вас образец многого чудного, что хотел бы найти в себе... Господь да умирит дух Ваш! Ныне В<еликий> Пост, и я прошу — простите мне мои невольные прегрешенья, какие были, какие Вы **видите**. Я не могу себя укорить ни в лицемерии, ни в криводушии — в отн<ошении> к Вам.

Это — главное.

Борзову я писал еще до В<ашего> п<ись>ма, на его 2—3 авиона, лежавшие б<ез> ответа из-за моей болезни. Написал, к<ак> раз перед получ<ением> от В<ас> п<ись>ма. Да, это был бы частичн<ый> выход: я как в тумане: что будет, как буду?... Все так неверно. С вел<икими> трудностями осилил я эти 14 1/2 мес<яцев> женев<ской> жизни, — и изнемог. Я **не** отдыхал: болел и — работал. Даже в полусознании, проверял корректуры 5 книг (бол<ее> 2500 стран<иц> гранок, помимо верстки!), написал кое-что (7 очерков-глав) — и вел переписку (большую) (и делов<ую>, и друж<ескую>, и «америк<анскую>»), и сдел<ал> 6 публ<ичных> выступлений. Я **<истощил>** себя. Всячески. Теперь — пожинаю... И вот — полное изнеможение, истощ*а*ние... Пропала всякая (последняя) воля — жить, **быть**. Страшное одиночество. В Женеве дано было мне встречать чудесно-добр<ых> людей (и не только в Жен<еве>) — и теперь — нет их близко. Нет, **не** впустую вышло, что пожил в Шв<ейцарии>. **Вижу**.

Критик сказал яркую для меня **правду**: да, Ваш труд русского мыслителя и творца, свыше одаренного и бла-

гословленного (паренье вдохновенья, ума, духа, **гения** (сие = вдохновенности!)) — ярчайшее выражение и бесспорное свидетельство велич<айшей> высоты русского духа (культуры!), духа всемирного, и потому нельзя отчаиваться, «терять надежду». Не только по содержанию, но и по форме (**язык**!) — точнейшей, гармоничной, бесспорной. Я не в силах **все** сказать: я — сверхистощился.

О моем... о переводе «Л<ета> Г<осподня>» — теряюсь в сумерках и несбыточности мечты... Ну, Ю. И. Лод<ыженский>... ну — что может он? Он дал адр<ес> кого-то в Бельгии...

Я должен вернуть хоть малость сил... и тогда буду искать... Думаю, что «Л<ето> Г<осподне>» мож<ет> получить некот<орое> внимание в Герм<ании>, как и у англичан: не у кальвинистов. И не в Америке. И — не во Фр<анции>, с некот<орыми> оговорками. С «Богом<ольем>» м<ожет> б<ыть> наладится в Мюнх<ене>... не знаю. Лютер медлит, молчит. Думаю, что «Л<ето> Г<осподне>», как и «Богом<олье>», могло бы в некотор<ой> мере содействовать более верному пониманию России, ее души, Православного русского народа. Я *знаю* это. Я *знаю* и Вас, в трудах, — и потому позволил себе связать мою, главную из работ, с именем и духом Вашими. Это — твердо, уверенно и светло — поставленная «точка». Этим — для меня — я многое выразил, — м<ожет> б<ыть> для себя, если Вы не согласны. Иначе мое «Л<ето> Г<осподне>» осталось бы незавершенным. «Cum tacent — clamant»[5]. Этим «**припоем**» я спаял как бы — родную сущность с выразителями ее в родном, чудотворящем **Слове**. Громко сказал всем, кто имеет **слух**...

Я сделал свое, сделал **со-ве-стно**. И Ваша воля — признать или не признавать это.

Дорогой, я — оч<ень> устал. Валюсь. До — большей силы, до — выздоровления... М<ожет> б<ыть> тогда скажу полней? О, поверьте... я **пишу** сверх сил.

Обнимаю Вас, милые.

Ив. Шмелев.

616

И. С. Шмелев — И. А. Ильину <27.III.1949>

27. 3. 49. Париж, 91, rue Boileau, Paris, 16-е

Дорогой Иван Александрович, 16.3 прибыл, изнеможенный, и лежал, пластом. Прихожу в себя. Теперь я, 2-ой день, один у себя, — слава Богу! Муж плем<янни>цы покойной О<льги> А<лександровны> — сумасшедший, буянил, и вечером, на 26-ое, я б<ыл> вынужден бежать и *ночевать вне дома.* Вчера они выкатились, сл<ава> Богу, в деревню, к себе, — наступили весен<ние> дни. Да, испытал!.. Это вот «душ» после тихой Женевы. Но всего не скажешь... А винить некого. Пл<емянни>ца О<льги> А<лександровны> сберегла квартиру, — и эта кв<арти>ра дорого обошлась мне. А оставить, сумасш<едше>го, одного, — не могла, он и жил с ней в квартире... а я едва жив, она заботилась обо мне, и должна б<ыла> отлучаться... — вот и представьте себе, что я д<олжен> б<ыл> испытать! А я верил пл<емянни>це, что он **почти** здравый! Нет, тяжело писать о сем... Отъехали — и сл<ава> Богу. Пока...? Посл<едние> ночи (3) я не мог спать. И вот, мой «уход» заставил их уехать. А сумасш<едший> писал мне в Жен<еву> — мес<яца> 3—4 тому: «я реквизирую квартиру — для себя!» Ну, тьфу!.. не могу вспоминать... Трагедия, в сумасш<едшем> доме.

Приехал только благодаря заботам ***святой*** души... (я писал Вам). Как буду теперь — не знаю... Нет, не напрасно я пожил в Шв<ейцарии> — теперь мне это ясно. Да, увидал подвижницу!.. У ней сын единств<енный>, — ему 43 года — безнадежен, в санат<ории> туберк<улезном>, в Нижн<их> Пиренеях, а она удержана в Жен<еве>, — просрочен «Нансен», ждет из Пар<ижа> возобновления... а сын приговорен (каж<ется>, она знает). И муж — проф<ессор> — фантаст, **тронутый**, как-то вертится, в Paris у него нечто среднее между лабораторией и ателье, все в хаосе... — и что с ними станется, — один Господь знает. Но и о сем трудно думать-писать. Приехал я в Paris, а в кармане было 31—50 фр<анцузских> фр<анков>! — м<ожно> ск<азать> «с 30 фр. в

кармане на весь Париж», как мой Бураев («Въезд в Париж»). И сразу по голове обухом: такси и носильщики — 700 фр.! Чуть подкрепился, взяв аванс в YMCA'а под «Богом<олье>»... Оно (2-ое изд<ание>) на днях выходит. Вышли оба тома «Путей Неб<есных>» (25 марта) — 1-й втор<ого> изд<ания>, 2-й — новинка. Цена за оба — 1000 фр. Отдельно не продают. Надеюсь скоро выслать Вам 2-ой томик. Еще не мог поехать — взять. 1-й переизд<ан> без всяк<их> изменений (в изд<ательстве> «Возр<ождение>»).

Возмущен, что «Р<усская> М<ысль>» печатала «Роковой День» (9 янв<аря> 1905 г.) и на днях — стихи М. Волошина[6] — 1920 г. — не лучше «12» Блока[7]. Был у меня Зеелер, и я *распек* редакцию. Он слушал, опустив голову. По-зор! Эти стихи — вывих неврастеника — (время-то какое было! 1920 год!!...). Это — понятно! Тогда многие растравляли свою рану... — «погибла Р<оссия>... — так пусть же **все** сгорит!» Но печатать **теперь**... **такое**... — преступленье! И это допустила газета, назыв<ающаяся> «национ<альный> орган»! Это же подпев всем, кто льет грязь и клевещет на самое дорогое **наше**!... ***Что*** творят!... Что дум<ают> новые, оттуда?!.. «Так нам и трубили... **те**, а вот, оказыв<ается>, и «Р<усская> М<ысль>»... — **то же**..!» У-ж-а-с. М<ожет> б<ыть> и от сего я не спал *три* ночи...

Но и это оставлю.,. нет сил.

Да, надо добиться изд<ания> «Л<ета> Г<осподня>» и «Богом<олья>» — на англ<ийском> и нем<ецком> яз<ыках>! Думаю: англичане могут *это принять*. Это м<ожет> б<ыть> по душе им придется, они любят **уклад**, бытовое... да еще в таком преломлении... — церк<овно>-бытов<ой>, крепкий — ! — **уклад**. Думаю — немцы тоже. Но у меня нет ни издат<еля>, ни перев<одчика> на англ<ийский>. Я никогда не стучался, все шло **само**. А теперь — **надо**. Но я не знаю «дверей». Попробую напис<ать> в Berkeley, Гл<ебу> Петр<овичу> Струве[8]. Да, да, да, — ныне необходимо, вижу — хоть эти мои «поэмы» — дать *чужим*. В связи с сим начинаю (неумело!) толкать дело с «Богом<ольем>». Арт. Лют<ер> хотел переводить «Богом<олье>», был у него и

издатель, — года 2 1/2 тому писал А. Л<ютер> мне. А теперь что-то молчит, не переводит, знаю. Тогда Милочка Земмеринг снеслась с Лют<ером>, **решилась** перев<одить> сама. Лют<ер> позволил (он получил у меня право переводить). Милочка послала ему «пробу». Он нашел, что перевод «суховат» («надо — писал он ей — давать *«баварские словечки»*). Что это значит?.. — и разрешил: «продолжайте». (Очев<идно>, под его редакцией?). И вот, я прошу Вас, дорогой И<ван> А<лександрович>, не откажите сказать В<аше> мнение, дать В<ашу> оценку-суд перевода (Мил<очки> Земмер<инг>). Если скажете — да, она пришлет Вам неск<олько> страничек... — я *Вам* верю. Другие (напр<имер>, недавно погибший Гагарин[9]) говорят: «А. Л<ютер> — переводит сухо, не передаст «Богомолья»... Я знаю: я его про-пел... и оно для меня, — **песнь**... Только ***так*** и можно было коснуться **души** нашего народа, вскрыть ее... и — увидеть потаенное, и в нем — **свет** духа народа, его песнь Богу. Увидеть... и — **услышать**. Вы так чутко **все** в «Богом<олье>» постигли, **услыхали**... **все**. И — высказали **все**. Ваше суждение о качественности перевода — за-кон!

Нет, Лодыж<енский> **ничего** не может... Вы его... — помните? — к<а>к мне очертили?.. — «мягко стелется». Думаю, что весь он — «для себя» (pro domo sua[10]) Только. **Суховат**... как и... с-ку-по-ва-т. Практик в жизни... pro domo sua. А та-ак... ми-лый человек. Вспом<нилось> почему-то: «Лиса, курятинки накушавшись досыта... и добрый ворошок припр<ятавши> взапас...»[11] и т. д. «Сеном» — угостит охотно... Но когда на что-ниб<удь> собирают (**не на** «pro domo sua») — его к<ак> раз и не оказывается. Так мне **видится**... «На те, убоже, что нам негоже...» Без-на-дежно. К кому стучаться? Вы поверите: не гонорары мне нужны..! — нужна помощь — отмывать, отбивать **грязь**. **Я знаю**, мои эти две книги — могут сему послужить. Но и другое знаю: **зло** будет всячески совать палки... мешать... да, **зло**, как противобожная сущность. Но надо молить Господа — **помоги**! И нельзя ни медлить, ни опускать руки. Кто мне поможет?.. Не

мне, а... чистому делу моему, во-Имя?!.. Если скажут — «ничего не заплатим», — пусть т<а>к и будет. Заплатят — скажу — спасибо. Если бы удалось!

Много гнусности узнал, приехав (Зеел<ер> рассказывал, б<удучи> у меня). Ско-лько поганства!.. (дрязги), не хочу и говорить, — стошнит. Б<уни>н одной ногой в гробу, а пакостит, кусается от злости, как муха осенняя... Нет, не могу, тошно. Да и едва опамятоваюсь после болезни, изнеможения и всего прочего... Если бы тишины! Отдохнуть бы... Я так устал... во-здуху хочу, **дышать**... И вот, все еще не заслужил **отдыха**. Когда Дост<оевский>, в Герм<ании>, не мог платить за комн<ату> в отеле и за обед, хоз<яин>-нем<ец> велел горничной сказать Д<остоевско>му: «скажи ему, что он **не** заслужил обеда» — и послал пустой чай («без машинки», — пишет Дост<оевский>).

Господь с Вами, милые. Не могу забыть, — какая у Вас чуд<ная> кв<арти>ра! Взглянули бы на мою..! Мне душно. А я т<а>к люблю чистоту, красоту... Сколько вы-несено!...

Ваш И. Ш.

У меня, каж<ется>, как у моей «няни» — «ни одной-то жилки здоровой не осталось». Все, до послед<ней> **жилки**... **изжил**. Как задыхающ<аяся> рыбка, **чистой воды** ищу... Чувствую: надобен от-дых! И вот, приходит в голову, — вон из Пар<ижа>, ткнуться в **лоно**... говорят, есть общины такие... монастырики... женские... и церковка, и уход (сестры), и недорого. Знаете, истосковались родные (гл<авным> обр<азом> женские) души, и вот, бывшие интеллигентки... побитые и помятые жестокой жизнью, жмутся к стенам церковным, ищут света и чистоты, **бегут**... алчут-жаждут духовного покоя... «в соседство Бога скрыться...» Мне сказывали, что проф. Вас<илий> Бор<исович> Ельяшевич[12] отдал свое именьице — дар! — такой общине. Там принимают — «на отдых». Буду дознавать. Верст 80 от Парижа, каж<ется>. В Шв<ейцарии> я не отдыхал — сплошь в работе и болезнях. Да Вы знаете.

Вы не читаете «Р<усскую> М<ысль>» — на днях буд<ет> напеч<атана> 6-ая гл<ава> «Зап<исок> Не-

пис<ателя>». Как-то я исхитрился: во время болезни написал 4—6 главки... (убийство А<лександра> II, Неделя Православия (чин анафематствования) и 6-ая — «Семейн<ое> событие» — даны разговины в Св. Ночь... и — **воскресение** из мертвых<)>. И подивился, что **написал**, полуживой... Словом, сим и доистощился. Зеел<ер> был — сказал: два вечера сряду читал-перечитывал... **«волну-ет»**. М<ожет> б<ыть>.

Да, вот что еще... М<ожет> б<ыть> помните посвящ<енный> Вам рассказ — «Свет вечный»? Там старик *Упор* и сыновья. Его расстр<еляли> с сыном... за веру его и — **волю**? (рассказ землемера). Так вот что... В посл<еднем>, получ<енном> мной, № «Прав<ославная> Русь» напечатан рассказ (?) адвоката — «Необыкновенное». Там суд... старика (как бы **моего**) судят и его двоих сыновей... Так вот, меня поразило... это к<ак> б<удто> *вариант* «Св<ета> вечного». Одно вызывает некот<орое> сомнение: допустили бы (суд) оставить старика сидеть **спиной** к судьям?... Прочтите — и скажите В<аше> суждение. Но я, как живого, вижу и слышу... моего «Упора»... *Знаю*: ***есть*** (и поныне) такие... **есть**..! *Внутренним* ухом-нюхом **слышу**... А знаете ли... (мне на дн<ях> гов<орила> С. Е. Трубец<кая>) те, кому старец принес крест-то...? — ***нет их***. А тот Крест видела и лобызала ее родственница... Антонина Мих<айловна> Осоргина (сестра Мих<аила> Мих<айлови>ча Ос<орги>на, регента Серг<иева> Подворья) и вот, я **слышал** (у могилки О<льги> А<лександровны>) от покойного ныне Павла Александр<овича> Васильчикова «зерно» расск<аза> («Кул<иково> Поле»), а княжна Тр<убецкая> от своей двоюр<одной> сестры! Их (у меня Оля и бар<ин> Среднев — невер) **взяли**... (когда — неизв<естно>). Она (*моя* Оля) умерла в ссылке, отец (верующий!) — пропал. Очевидно — оба варианта — из одн<ого> источника, но по-разному были восприняты... и переданы. Я слышал в конце 38 года... Первый у меня «Список» — краткий б<ыл> напечатан янв<арь>-ф<евраль> 1939 г. Я его расширил и поуглубил, — очевидно, Ваше п<ись>мо о напеч<атанном>

списке меня **взяло**, и я дал новый б<олее> широкий «рассказ следователя». Ждет новой книги.

Ну, устал.

Ваш Ив. Шмелев.

617

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<28.III.1949>***

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Да, конечно, напишите Земмеринг, чтобы прислала несколько страничек Богомолья: посмотрю и скажу. *Петь* надо, нежно, но *претворенно*, чтобы не *автор* пел, а *образы*, а за образами — сам *Предмет*. Лютерова ересь — не певучая: она делает другое — «перепрет она Шмелева на язык чужих колбас»... Артур[13] переводил мне Гегеля (в 1924 году); перепер Введение и 2 главы. Затеял передать мой сдержанный подъем, а вышла прусская казарма — каблуки сжал, а белки выкатил. Пришлось похерить.

Юрочку[14] Вы очень хорошо посадили на кнопочку. Рейнеке Патрикеевич[15]. Но я надеялся, что он на ***Вас*** отзовется. Шармантная улыбка. Одним плечиком вперед. Нежный взгляд. Тихая сапа. Тайно образующе. И вдруг «не угодно ли вам финик этот принять?» Верует, да не в то. Борется, да не так. Любит — «родственников» (вместе с Булановым — в «Лесу»[16]). Любит рыбку удить: уедет на лодочке, закинет две удочки, изда*ли-и* видно: на одном конце червяк, на другом конце деляк; наудит — и уха-а-а-а! Покойный Гучёк[17] говорил мне: «самоснабжееение, самоснабжееение!»

Слава тебе Господи, что Вас обесплемянило! Вот ужас!! Уж какие там «пушкинские традиции» — *бремя Божие*! Хаос второзданный!

Храни Вас Господь.

Ваш И. Изуверов

28.III.1949.

Если есть такие «обители», то я *очень* сочувствовал бы весеннему обитанию: травка одна чего стоит! Листики начнут вылупливаться! «Пупечки» (по Карамзину!)

По земле ходить — нога радуется... Все к одному: Господь отпустил замирание, простил угрюмство земное — ликуй ныне!

Е. Е. Климов прислал мне дивные картины: Великая голубеет и Псковский Собор глядит; а еще: вдали Изборск грезится, впереди часовенка — снопы — нежное все — да-а-а-аль!

А люди неблагодарные скотины.

Зашел ко мне приятель недавно. Заговорили о Викторе Андреевиче[18], ну, я, понятно начал «о пользе стекла», что не надо его «чтить ниже минералов»...[19] А он вдруг и отмочил: стал в эдакую Шопеновскую позу (а Шопен мастер был, тончайший, передразнивать, уморить мог!), да и говорит: «он сэбэ укравченко, а потом удравченко, а потом продавченко»... Ну, знаете, я не выдержал и намылил ему голову! Что за безобразный антисемитизм!!

А он переждал, да и высыпал мне новую эмигрантскую азбуку:

«Греши, но кайся напоследок!
Гукасов может так и эдак».

———

«Ругаться пьяному не диво...
Речь Солоневича блудлива...»

———

«Прелестны Грузии долины...
Полезны были нам грузины».

———

«Сегодня мы варили раков...
Спасет Россию Байдалаков[20]».

Простите! больше не запомнил. Вот ведь бывают болтуны!...

618

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву *<23.IV.1949>*

Христос Воскресе!

Дорогой Иван Сергеевич!

Поздравляю Вас со Светлым Праздником и желаю Вам 1. здоровья 2. еще здоровья 3. славы 4. доходов.

29 марта ответил на Ваше письмецо о мюнх<енском> переводе и присылке его мне на примерный посмотр: написал — «ждю». С тех пор — «ни слова, о друг мой!» А из Мюнхена — «ни́ вздоха». Отзовитесь! Напишите — живется ли? парижится ли? квартирится ли? С *ужасом* читал о похождениях «домашнего поэта» и о бегстве действительного Поэта из собственного жилища...

По-видимому, буду читать в Женеве в месяце мае. Чего — еще не решено; когда — тоже еще не известно. Но церковно-духовное начальство требует, значит — надо.

Наталия Николаевна и я Христосуемся с Вами и шлем Вам дружеские приветы.

Храни Вас Господь!

Ваш Idem Ibidem

1949/ IV.23

619

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<17.V.1949>***

<Открытка>

17. 5. 1949.

Христос Воскресе!

Милые... — еще на Страстной так простудился, все дни провалялся, — 7 раз банки ставили. Ослабел. Едва выхожу, никому ни строчки не мог послать в пасх<альный> привет. Посылаю Вам за красное яичко, — книжки, не заказным, оч<ень> оплата высока. У Вас I т<ом> «П<утей> Неб<есных>» — есть: шлю II-ой и «Богомолье». Примите ласково. Б<удьте> здоровы.

Ваш неизм<енно> Ив. Шмелев.

<Приписка:> Кушайте на здоровье, выпейте за мое! Бросил (20-й день) курить! после 50 лет баловства.

<Адрес И. А. Ильина:>

Madame — Monsieur N. N. et Iwan Iljin,
professeur-docteur,
33, Zollikerstr., 33
Zollikon-Dorf b/Zürich
Suisse.

620

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<24.VI.1949>***

<Открытка>

24. 6. 49.

Дорогой Иван Александрович,

21.5. я послал Вам II ч. «Пут<ей> Неб<есных>». Не знаю, получили ли. Другие получали, посылал также незаказным, оч<ень> дорого<,> почт<овый> тар<иф>.

Вчера была кн. С. Труб<ецкая> — знаю, Вы болели. А я Вам писал раз — и не пол<учил> ответа. Болел и я; курить бросил с 27.4. — оч<ень> трудно переношу лишение (54 года курил!).

Во втор<ник> 28.6 еду утренним (7—25) в Женеву: 30.6 в 8-30 в<е>ч. — мое слово о Пушкине. Долгом почел отозваться на приглашение — своих (!?) еще придется приложить (а их нет)*); т<ак> к<ак> оплатят дорогу и — 3 дня прожития. Только. Bern отклонил, сил не хватит.

Привет Н<аталии> Ник<олаевне> и Вам, дорогой.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> Чув<ствую> себя совс<ем> разбитым, не могу писать: д<олжно> б<ыть> причина, что бросил курить.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. Iwan Iljin
33, Zollikerstr., 33
Zollikon b/Zürich
Suisse.

<Адрес И. С. Шмелева:> J. Chmeleff
91, rue Boileau, Paris, 16-e.

621

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<27.VI.1949>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Вот, — дивлюсь, дивуюсь! Я получил «Пути Небесные II» во время отъезда, 21 мая и 23-го отозвался, поздравляя и автора, и издателя. Ибо всякое такое появление есть ныне победа над стихиями, над хаосом,

*) О сем — ни-ни, не говорите чего о. Леонтию. К<ак->н<ибудь> сложусь, ну, дня 4 всего пробуду.

над злобою и пошлостью людскою. Куда-нибудь моя открыточка у Вас завалилась... Дай Бог Вам и дальше таких побед. Очень жалею, что Женева далеко и я не могу приехать на Вашу речь о Пушкине... Еще у Канта учились: пространство и время как эмпирические созерцания и как формальное созерцание. Все вздор: пространство есть «каламитет»[21], а время — бремя. Остальное — немецкие выдумки.

Чувствую себя неважно и очень желаю Вам обратного.

Обнимаю! Не переутомляйтесь в этой самой Женевьеве.

Ваш И.

27/VI. 1949.

622

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<28.VII.1949>***

28. 7. 49.

Дорогой Иван Александрович,

Очень рад В<ашему> согласию писать в «Возр<ождении>» (ред. Мельгунова-непреклонного). Как и Карт<ашева>. Я — даю нечто.

После вторичн<ой> поездки в Женеву, на 10 дней, для Слова о Пушкине (30.VI.) завален всем застоявшимся, не выгребусь. И болею, к<а>к всегда — жара, бессонница и проч. Высылаю В<ам> 2 изд<ание> «Богомолья» и прихожу с поклоном. 3 мес<яца> истекло, к<а>к вышла книга, и нигде о ней ни звука, — идет куда слабей «Л<ета> Г<осподня>». Мало о ней знают, рожденной в глухом Белграде. Если снизойдете к просьбе моей, не откажите дать — пусть сам<ый> мал<енький> — отзыв в «Возр<ождение>»: Вашего указания (что бы там ни сказали (а у В<ас> есть, что сказать), даст толчок для книги — к нов<ому> читателю) на книгу будет вполне, чтобы привлечь читателя, а след<овательно>, и покупателя. Завишу от кажд<ого> прод<анного> экз<емпляра>. Что говорить, живу оч<ень> скорбно, до изнеможения. Себя не невольте, помня:

всегда Ваш, неизменно, Ив. Шмелев.

Привет Наталии Николаевне и Вам, друг. Как я загружен и — без отдыха! На мои — не разъездишься. О<льга> А<лександровна> хотела меня выписать в Голл<андию>, на сент<ябрь>.

<Адрес И. А. Ильина:>

M-r le Professeur D-r Iwane Ijjine
33, Zollikerstr., 33
Zollikon b/Zürich
Suisse.

<Адрес И. С. Шмелева:> J. Chmeleff
91, rue Boileau, Paris, 16-e.

623

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<4.VIII.1949>***

4/авг. 1949.

Дорогой Иван Сергеевич!

Немедленно после Вашего письма я запросил Мельгунова о Богомолье и получил его согласие. Так что надеюсь до 15 августа отправить — в *первый* номер. Думаю написать кратко, но выразительно.

Последнее время пересматривал Куприна по изданиям Нивы и Моск<овского> Книгоиздательства. Прямо — заболеешь! В русской литературе XIX века писатели состояли нередко прямыми «сыщиками зла», но сыщиками (простите, Бога для!) — смакователями, аки «псы, возвращающиеся на блевотины своя»[22]. *Не* Пушкин, не С. Т. Аксаков, не Толстой, не Лесков. Но Гоголь сам *изнемог* от этого, даже до смерти. Достоевский *мечтал* прекратить это. Тургенев, скудный в духовном видении, старался не впадать в это. Но Салтыков! Но любезные народники! И особенно народники «последнего призыва» — Бунин, Горький, Куприн. Начитаешься — и *свет не мил*, на людей не глядел бы, России стыдился бы...

Как по-Вашему — Куприн пил и *потому <u>так</u>* видел, или *<u>так</u>* видел и *потому* пил?

Вышла в прошлом году по-немецки книга Александра Шельтинга[23] «Россия и Европа». Пишу на эту

подлость *три* рецензии. Давно ли Вы читали Чаадаева? Перечитайте, пожалуйста, этого декадента, сноба и кощунника!

Окончил «Аксиомы рел<игиозного> опыта», 26 глав, около 700 печ<атных> стр<аниц>. Рвусь дальше.

Ваш И.

624

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<6.VIII.1949>***

6. 8. 49.

Дорогой Иван Александрович, оч<ень> благодарю за Вашу отзывч<ивость> на м<ою> просьбишку («Богомолье»). Радость несказанная, и — горжусь. ***Так*** глубоко *брать* автора, к<а>к дел<аете> это Вы, *никто не может*. Истина. И я счастлив, что так Вами одарен, и давно. Ах, какая «захватывающая» **лопата** Ваша! Какой золотой дар! клад!! И как горестно, что Вы редко выступаете, к<а>к вдохнов<енный> и мудрый критик, сам великий мастер! Это бесспорно признают все, сколько ни приход<ится> говорить. Насыщаете, всегда. Положит<ель>но или отрицательно **берете** книгу. Как же мне не славиться и не вздыхать затаенно-бережно. Вы 2 слова сказали, но у Вас это уже **отметина**. С тоской жду, когда же издадите «О тьме и просветлении». Да, вот... Не откажите разрешить в одн<ой> статье о Дост<оевско>м, — заказали написать небол<ьшую> статеечку — к нем<ецкому> изд<анию> «Идиота», — поместить из «Заключения» (о Зле воплотившемся) к В<ашей> книге «О тьме и просв<етлении>» — кусок в полстраницы Вашей (без указ<ания> на имена соврем<енные>): это *так важно*, всю статью осветит! Я замотался со ст<атьей>, работал (в голове, читал) почти 1/2 г<ода>, но до того ослабел от недомоганий (3 недели уже, после «вылазки» в Женеву), что не таскаю ног. **Лежу**. 12 ночей *полная бессонница*. Не смыкаю глаз. Пропал аппет<ит>, и — constipation[24] ужасный. Я — в полн<ом> бессилии. Знаю, надо лечиться и отдыхать на воздухе... но — мне не по силам. И — один, совс<ем> один, не могу взять f<emme> de men<age>, — так, хватаясь за стены, от слабости, хожу

за молоком, лекарством... мой «стол» — исключ<ительно> молочный, не могу есть фрукты, знаю свою ulcère. Полное бессилие, безволие. Докт. Сер<ов> был сег<одня> — ахнул. Давл<ение>, после Шв<ейцарии> — 16, теперь — 13. Сердце совс<ем> осело. Д<октор> гов<орит> — ешьте больше! Да, реши эту задачу-головоломку! Конец приближается, **слышу**, милый. Да, по смыслов<ому> взятое (в гол<ову> пришло) «Богомолье» стало «отходной» — **вижу**. Не для меня, пока. Много мне писали, много слышал... Но вот, важные, определяющие свидетельства. За нес<колько> дн<ей> до кончины, Митроп<олит> Антоний (Храпов<ицкий>) велел келейнику-архимандриту (подтвержд<ено> из неск<ольких> источников): «Читай мне, брат, «Богомолье»... И тот ему неск<олько> дней читал, хотя М<итрополит> Ант<оний> чуть не наизусть знал книгу. Оно конечно: был ректор<ом> Моск<овской> Акад<емии> — свет воспоминаний. Он мне не раз писал...

2). Мне говорили многие в Праге, на Ольш<евском> кл<а>дб<ище>, у могилы Вас. Ив. Нем<ировича>-Данченко: видели часто посл<едние> дни его перед кончиной: сидел глуб<око> в кр<есле> и читал «Богом<олье>».

3). Вдова Бальмонта, через нед<елю> после его смерти, была у меня и сказала: «Вам буд<ет> радостно от Константина... За 4 дня до конца (после истомления) он сказал мне: «Елена, почитай мне «Богом<олье>» Ш<меле>ва». Он не мог уже слушать **постороннее**, его влекло — поту-стор<оннее>, **вечное** и **родное**. И я ему всегда читала...» Как же не радость! Трое, родного состава, но немалого калибра выбрали *на отход* — мою светлую поэму о родном! Сколько писем у меня, залит<ых> слезами!... Я считаю, что это помимо ***меня***, нужно и для истории родной литературы. Это — мне supra-prix-Nobel[25]. То же и с «Л<етом> Госп<одним>». Ими я, м<ожет> б<ыть>, искупил грехи творчества. Я знаю: это меня покоит.

Теперь, разбитый, раздавленный, недугующий, отбиваюсь от Аввакума Мельг<уно>ва. Он пригласил меня, но кобенится печатать мое о Чехове, *нигде по-русски не появлявшееся*, только в нем<ецком> предисловии (после-

словии) к избр<анным> расск<азам> Чехова, цюр<ихского> издат<ельства>. Он говорит: против Чехова — не возражаю, но для первого выступления надо рассказец или «из воспомин<аний>» (очев<идно>, в духе «Л<ета> Г<осподня>»). Дескать, надо компенсировать издателя: за отсев многих сотрудников. Что за довод?! Да изд<ате>ль компенсирован каким букетом! А тут — шмонничают. А в ст<атье> я говорю о духовн<ой> сущности русск<ого> народа и пытаюсь показать, что Ч<ехо>в главное из своих лучших произведений связал с этой сущностью. Нем<ецкая> критика отмечала: нам тут Ч<ехов> показан в нов<ом> освещении. Книга оч<ень> хорошо б<ыла> принята читат<елем> и критикой. Поймите, я не в силах теперь, до оправки, дать — выжать хотя бы страничку!.. Если можете, поддержите меня! — «Аввакум», знаете его — у-п-рям («упорист, как бычья кожа») («Л<ето> Г<осподне>»). А там я дам и рассказ, твердо обещаю. Приятно, дорого мне показаться в одн<ой> кн<иге> с Вами! — я, положит<ельно>, в отчаянии. Это не лень, а полная невозможность. И статья еще о Дост<оевском>... А надо хоть на 10 дн<ей> отдохнуть, вырваться... да куда уж! Сумасшедший пока не является, измотав меня. Да еще боль и горечь: заболела О. А. Субб<отина>, дн<ей> 10 как. Распухла и болит прав<ая> рука (оперир<овали> л<ет> 6 тому). Ждут решения ее хир<ур>га, который на днях вернулся из отпуска.

Поздравляю Вас (и нас!) с оконч<анием> — «Аксиомы религ<иозного> опыта». Ура! Поразительны Вы. Дай Вам Господь «глубокого дыхания». Какое счастье! и — горе — негде печатать. С В<ашими> сужд<ениями> о книгах Б<унина>, Горьк<ого> (я его *не могу* читать, болтуна!), Куприна — решительно согласен. Ценная эта страничка п<ись>ма, — но у меня все В<аши> сокровища хранятся. Как все метко! О, Салтыков!... Куп<рин> писал так потому, что ина ему не б<ыло> дадено. Он — просто, оч<ень> талан<тливый> рассказчик. Все меньше влечет Тург<енев>. Но у него есть шедевры. **Изящный**, т<ак> ск<азать>, писатель. Устал. Обнимаю. Приветы. Как я ослабел!

Ваш Ив. Шмелев.

625

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<9.VIII.1949>***

<Открытка>

9. 8. 49.

Дорогой Ив<ан> Алекс<андрови>ч,

Не на все ответил. Чаадаев — ну, его! От него черти отплевываются. Вот «красный» корешок, еще до Котошихина[26]. Не знаю книги «Р<оссия> и Евр<опа>» Шельтинга. Жарьте окаянного! Только Вы и совладаете с этой нечистью! Ждю. Где буд<ет>? А к Чаад<аеву> давно отвращ<ение> питаю, к<а>к к Федот<овы>м[27] и прочей св<олочи>.

Как верно о «сыщ<иках> зла»! От Салт<ыкова>[28] гимназистом в раж приходил (словцо едкое!). Студентом — отплевывался, клянусь. Что они зла принесли, лжи, а в Европу *все* доносилось. И вот — итоги. Я хотел обо всем сказать в «Зап<исках> неписᐸателя>» — не совлад<ал> с недугом, слабостью, временем. Не поместит Аввак<ум> о Чех<ове> — для меня удар. Там мно-го — нужного, я дополняю нахворт[29]. Надо В<аше> разрешение: могу, говоря о русск<ой> дух<овной> сущн<ости>, сослаться на В<ашу> нем<ецкую> книжку? К<а>к ее заглавие и издатель? Она на склад сдана, когда уезж<ал> в Шв<ейцарию> в 47 г., и пока не могу уплатить полежалое. Я сделаю сноску в ст<атье> о Чех<ове>.

Ваш Ив. Шмелев.

<Приписка:> От О<льги> А<лександровны>[30] — ни звука.

От Yves'a[31] — скверно: чуть не разъехались, дав пару отличных девчушек!

Не сплю 15-й д<ень>, по часу в забытьи. Все развалилось. Конец приближается. А надо писать, и перо падает. Душат п<ись>ма Ди-Пи и проч<его> огромн<ого количества> читател<ей>. Жадный.[32]

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor D-r Iwane Iljin
33, Zollikerstr.
Zollikon b/Zürich

<Адрес И. С. Шмелева:> J. Chmeleff
91, rue Boileau, Paris, 16-e.

626

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<14.VIII.1949>***

14/VIII. 1949

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Получил Ваши открыточки, но, увы, разобрать мог *не все*. Недописыванием слов отменяются склонения и спряжения... Дублированием строк создается то, что у нас в детстве называлось «свадьба» (воро́н), а у Вас называлось «каша». Бились, бились, так не все и разобрали.

Милый, цитируйте что хотите из моего; мне только лестно. Тревожусь о Вашем здоровье. Прохвоста-чаадаевца расчесал трижды: дважды для «тут», третий для Аввакума (который в Библии по-нем<ецки> называется *Habakuk*!)[33].

У Вас образуется Иоанн Шаховской (епископ Бруклинский). Рецепт, по которому он составлен:

беспринципного честолюбия	0,75
иезуитской лживости	0,20
святовидимости	0,5.

Знаю наизусть его манеры и скрывающиеся за ними *интриги*. Если по пути — то «соборянин»[34], а то и масон; а то Феофилец[35], а то и Алексеевец[36]. Не приведи — Господи!

Ваш Idem Ibidem.

627

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<7.IX.1949>***

7. 9. 49.

Дорогие Наталия Николаевна и Иван Александрович,

Поздравляю дорогую и верную читательницу и ободрительницу со Днем Ангела, а строгого «разбирателя» моего — с драгоценной именинницей. Быть Вам обоим здоровыми и во благоденствии! Будь я с Вами, испек бы Вам пирог, — очень умею! «Возр<ождению>» дал *не* Чехова, а рассказ[37], где пробую **помянуть** нашу славу.

Выпитый б<ольшой> статьей о Дост<оевско>м — с помощью Господа одолел рассказ (15 стран<иц> машинн<ых> в 1/2 дня!) — кажется, ничего себя. Будете

читать — м<ожет> б<ыть> побываете в России. Как это удалось — не знаю, я на волоске от беспамятства, не сплю 2 недели, — по 2—3 ч<аса> только. Изнеможен, и надо ехать отдыхать... но — куда?! и — на **что**?!... М<ожет> б<ыть> выкручусь, возьму за книги в изд<ательст>ве — вперед. А то не выгребусь. Голова развинтилась, и все — в упадке.

О «*Л<ете> Г<осподнем>*», — в связи со ст<атьей>[38] о нем Зейлера, — отличное п<ись>мо от неизвестной: вот что делают критич<еские> заметки! Запоздало пришло, но — во укрепление.

Не забывайте! Я совсем больной. М<ожет> б<ыть> это **последний** рассказ...

Глубоко верный Вам Ив. Шмелев.

<Адрес И. А. Ильина:> M-me et M-r Iwan Iljin
Professeur, Dr.
Hôtel Rigi Weggis
Suisse.

<Адрес И. С. Шмелева:> J. Chmeleff
91, rue Boileau, Paris, 16-e.

628

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<15.IX.1949>***

<Открытка>

Дорогой друг! Спасибо Вам за память о Наталии и за чудесную «Няню». Тревожусь о Вашем здоровии... Вчера получил от С. П.[39] — мой отклик[40] о Богомолье отложен до *следующей* книги Возр<ождения>, где должен пойти еще другой чей-то отклик о «Няне». Какие-то соображения, мне не ясные... Мы сейчас в Weggis. Hôtel Rigi. Через несколько дней уедем на 3 недели в Италию, куда я почту *не* перевожу по веским соображениям. Последняя точка накопления почты: «Lugano-Ferrovia. Ferno in posta». Обнимаю Вас. Н<аталия> Н<иколаевна> шлет дружеский привет. Берегитесь Романа Гуля[41].

Ваш ИАИ.

15/IX.1949.

<Адрес И. С. Шмелева:> Monsieur Iwane Chmeloff
rue Boileau. 91.
Paris, 16
France.

629

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<29.XI.1949>***

<Открытка, продиктованная И. С. Шмелевым:>
29. XI

Дорогие друзья мои,

Бессилен писать Вам о себе в кружившем меня вихре — ждал суда Божьего. 26-го меня оперировали, иначе — нед<ели> через две смерть от голода. Выход (пилор[42]) закрылся, как следствие закрывшейся язвы. Операция прошла благополучно, очень ослаб, вешу 39 klgr. Что будет дальше, не знаю, на Господа вся надежда. Весь вне мыслей. Нахожусь в частн<ой> клин<ике> хорошего хирурга. Теперь моя жизнь зависит от самой грошовой помощи, которую мне окажут люди и мои читатели.

Господи, помоги!

Обнимаю.

За И. С. Шмелева М. Волошина.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Iw. Iljin prof.
33, Zollikerstr.
Zollikon bei Zürich

630

И. А. Ильин — А. В. Карташеву ***<2.XII.1949>***

Дорогой Антон Владимирович!

Принял меры по всем линиям для того, чтобы устроить помощь Ивану Сергеевичу. Вот что сделано — *всего на 33 Ваших тысяч*. Но, простите — аккумулятивный центр *у Вас*.

Вчера я добыл *50 наших*. Вечером вчера же обеспечил банк<овский> перевод *30 наших*. Сегодня говорил с *Екатериной Сергеевной Фишер*: она немедленно присылает *250* наших (из Парижа Вам переведут почтою) и затем

сама предложила «потом» переводить Ивану Сергеевичу еще и ежемесячную квоту. Значит, эти суммы поступят к Вам в ближайшие же *дни по разным каналам.*

Остальное — дело Божие (т. е. исцеление и благословение).

Е. С. Фишер очень просит сообщить ей, т. е. *мне для нее* — адрес лечебницы, где лежит Иван Сергеевич. Сие для *особого вида помощи «натурою».*

Прилагаю записочку от меня для Ивана Сергеевича. Душевно Вас обнимаю.

Ваш И. А. И.

2/XII. 1949.

631

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<2.XII.1949>***

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Ваше письмецо получил и немедленно приступил к действию. Екатерина Сергеевна Фишер отозвалась в числе других — особенно сердечно. Она, помимо начальной квоты (250), хочет непременно переводить Вам в дальнейшем *месячную квоту.* Пока все (*330*) идет на Антона Владимировича.

Кроме того, к Вам наведается друг Екатерины Сергеевны и Ваша ценительница госпожа Муффель с поручениями от Е<катерины> С<ергеевны>; как только это не будет Вам утомительно.

Дорогой мой, все мы в Божией руке и за *все* повинны Ему благодарностью.

Да хранит Вас Господь!

Ваш И. А. И.

2/XII 1949.

632

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<15.XII.1949>***

<Открытка>

2-15 XII — 1949.

Светлый, Господом мне данный друг и попечитель Иван Александрович, едва держу перо, все еще лежу.

Эти молниеносные дни 22—26-й день опер<ации> прошли явно под знаком Милости Божией. Было — чудо, о чем засвид<етельствовал> сам хирург. Без подготовки оперировал, ибо грозила гибель: 2 сл.[43] от мочевины в крови! И что же? Докт<ор> в восторге — «лучшая из желанных операций». У меня ни капли страха, будто нет ничего, Господь **все** тревож<ное> закрыл. Вместо ожид<аемого> воспал<ения> почек — через 5—6 ч<асов> после опер<ации> обильное колич<ество> — до 2 литр<ов> жидкости, *ни следа* мочевины, а t° — не поднимается выше 37°. Хир<ург> ск<азал>: «Vous vous comportez comme un jeune homme!» «Вы — notre malade gentil»[44] Поразило мое полное спокойствие: я заснул за 4 ч<аса> до опер<ации>. Б<ыло> вливание крови. «Operat<ion> — très reussi»[45] — оч<ень> тяжелая, а я, под местн<ой> анестезией думал о Боге, о выпрямлении жизни, о... хорошего бы бульону! Ни тени мысли о смерти, будто ничего нет, и — интересно, что дальше. 1-й мой вопрос: «докт<ор>, Вы довольны мной?» — «Parfaitiment[46]. Вы теперь станете голодным».

Милый, как благодарить Вас за все, что сделали для меня. Вы — спасали меня. До сл<едующего> п<исьма>.

Целую В<ас> обоих.

Ваш Ив. Шмелев.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. Iwane Iljin
33, Zollikerstr.,
Zollikon b/Zürich
Suisse.

<Адрес И. С. Шмелева:> J. Chmeleff
91, rue Boileau, Paris, 16-e.

633

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<16.XII.1949>***

<Открытка>

16. XII. 1949.

Дорогой Ив<ан> А<лександрович>, если бы я исписал сотню листов, то все равно не был бы в силе достойно поблагодарить Вас. Вы мой попечитель и спаситель. Я потерял свыше 20 kl. Я слаб, не могу еще и

20 шаг<ов> пройти. И — хочу писать. Но мне запрещено. «1/2 года *полного* отдыха, при обильном и высококачеств<енном> питании!» — «Вы съели 1/2 себя». «Зато — увидите — *что* Вы сделаете, вполне оправившись, приобретая по 1 kl. в неделю!» «Ибо Вы — по всей совокупности теперь — **молодой** «организм». «Благодарите Бога за сердце». «Надо было дней 5 укрепл<ять> Вас, но нельзя б<ыло> и часа ждать, иначе гибель». Все явилось под знаком ***чуда***. Все признают. Др. Antvine, пославший на операцию, был радостен, как юноша! — Браво! Он мой франц<узский> читатель. Все шло как по маслу. Если ***все*** писать — поразитесь. Значит — **надо** было мне уцелеть, во имя дела Господня. И Вы соучаствовали в этом. Нет сил, кончаю.

Обнимаю, до слез, обоих. И. Ш.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. Iwane Iljin
33, Zollikerstr.
Zollikon b/Zürich
Suisse.

<Адрес И. С. Шмелева:> M-r J. Chmeleff
91, rue Boileau, Paris, 16-e.

634

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<22.XII.1949>***

22—XII—49.

Дорогой Иван Александрович,

Из В<ашей> записки А. В. Карташеву узнал, что надо писать Ек<атери>не Серг<еевне> Фишер через Ваше посредство. Вот почему я и отправил ав<ионное> п<ись>мо к ней на В<аш> адрес.

Я все еще оч<ень> слаб, лежу. Силы восстанавливаются по капельке, но я ем с охотой и достаточно. Сегодня — 27-й день по операции. Написать 2—3 п<ись>ма — труд непосильный, но работать хочу... Чтение утомляет: я за болезнь — весь exténué[47], едва держу перо. Встанешь на 10 ш<агов> — ноги начин<ают> дрожать, и я ложусь. И все же — пополняюсь-обрастаю.

В клинике, когда меня привезли, оставляли мне лишь 2—3 дня жизни. И — случилось **чудо**. О сем надо лично, п<исьмо>м не выразишь.

Бог дал еще дней... закончить «Пути». Все случилось почти молниеносно: все поражены **чудом**, начиная с сам<ого> хирурга, назвавшего удавшуюся операцию — **идеалом**.

Устал. До слез благодарю Вас за все заботы Ваши. **Без** них — погиб бы. Операция при всех льготах стоила св<ыше> 50 тыс<яч>! Ужас. Обнимаю и плачу, благодарю Бога за Его Милость: Вас послал. Да сохранит Господь Вас обоих. «Кул<иково> Поле» выпустит YMCA. Господи, укрепи!

Ваш Ив. Шмелев.

1950

635

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<1.I.1950>***

1/I 1950

Дорогой Иван Сергеевич!

С новым годом, с новым здоровьем, с новым творчеством! Дай Боже!!

Кажется, она укладывается и уезжает... Кто «она»? — Аграфена... Какая еще «Аграфена?..» Да та самая, которая у Вас по временам гостит. А-графена: по-русски «Не-пись». Как приедет — конец писанию. Писать можно; а писать — нет. Я бывало ее насильно прогонял — да потом убедился, что *этого не следует делать*. Насильно выставляемая, она всегда навредит, наколдует, нашепчет — и *опять вернется*. Вот у меня гостила, паршивая, *весь декабрь*. Читать могу, а писать... аграфена. Вот, кажется — уедет. Первому Вам и пишу.

Пошлите Екатерине Сергеевне Фишер — Пути Небесные, с *надписью*. Она тронута Вашим письмом и очень мечтает иметь книгу (собирается, кажется, платить цену ее). Очень надеюсь, что наши заботы о Вас увенчаются успехом. Адрес Е<катерины> С<ергеевны>:

Suisse. Zollikon (Kant. Zürich).
Zolliker str., 30.

Это на моей улице, наискось.

Обнимаю Вас. Берегите себя и поправляйтесь. Если нужна какая-нибудь харчелогия (масло? хафер-авуан[1]? или что?) напишите.

Ваш И. А. И.

Н<аталия> Н<иколаевна> шлет привет.

<Приписка:> *Борзов* добывает Вам монету. А у меня ждут отправки еще 50 тутошних.

636

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<3.I.1950>***

Дорогой Иван Сергеевич!

Слава Богу — и это удалось. Сегодня пришло письмо от Николая Викторовича[2]: Вам ассигновано 500 долларов, на следующих условиях. Вы не будете беспокоиться выработкою условий платежа, будете подчиняться *всем* указаниям и требованиям врачей, не думать об умственном труде и не волноваться денежным вопросом.

Слава Богу. Поправляйтесь! Питайтесь! И копите вдохновение...

Ваш И. А. И.

Мельгунов, по-видимому, так и не поместит моего о Вашем. Что поделаешь? У всякого болвана своя идиосинкразия[3]...

С новым годом!

3.I.1950

637

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<4.I.1950>***

22—12—1949/4. I. 1950.

Париж, 40-й день по операции (26 XI).

Поздравляю Вас, милые-дорогие, Наталия Николаевна и Иван Александрович, с наступающим Празднованием Рождества Христова, и да воссияет в сердцах наших Свет Разума, и да не угасает! Великий — и священный! — **опыт** душевного осязания Господа

(объяснить этого невозможно) принесла мне грозившая смертью, мучительная болезнь моя (39 лет периодич<еских> страданий — и всегда в работе!), *нежданно* для меня, — ибо как бы молниеносно! — убитая ножом хирурга, не остановившегося перед риском. Надо было не менее недели укреплять меня для операции, но ждать было уже невозможно из-за мочевины в крови, и меня укрепляли лишь 36 ч<асов>. Медиц<инский> персонал клиники ждал моей кончины дня через 2—3, я был **приговорен**. А вышло так, что хирург, в восторге от удачи («достиг ***идеала***, впервые за 35 лет практики!»), благодарил меня... не пойму — за **что**?! Не знал он, **кто** был у него за ассистента! А я — знаю, твердо. Ни капли страха, даже сознания, что это вот и есть — операция. Господь закрыл от меня все тревоги, и я, уже под ножом (все сознавая), ибо операция б<ыла> под местн<ой> анестезией, думал, как я вернусь домой и буду писать, что смогу теперь все есть, что силы вернутся. Во вр<емя> опер<ации> ноги мои б<ыли> горячие! И первым вопросом моим было, когда я услыхал — «finit»[4]: «докт<ор>, вы довольны мною?» — «Partaitement! Vous, vous comportez comme un jeune homme!» После добавил: «теперь все В<аши> органы — **молодые**! ни признака склероза!» Словом, — чудо Господне. А смерть б<ыла> верная, если бы не операция, — дней через 5—6.

Я все еще оч<ень> слаб. Только два дня, как встаю на 1—2 ч<аса>. Слабы ноги, едва таскаю. Но уже прибывает вес, чувствую. Докт<ор> сказал: 5—6 мес<яцев> — не работать, даже *не* думать! *полный отдых*! Легко сказать. Но теперь, когда дана мне Кул<аевским> Ф<ондо>м *ссуда*, (к<а>к я просил) в 500 долл<аров> (когда получу — не знаю), мне хватит, покрыв непокрытые расходы, мес<яцев> на 5 бережливой жизни. Судите сами: 6<000>—7000 — f<emme> de ménage, за кв<артиру> в среднем — 7—8 тыс<яч> (в мес<яц>), лекарства — 4—5 т<ысяч>. Все бешено дорого. Вчера Ассамблея назначила плату в госпиталях — 2650 в день, а с операц<ией> свыше 3 т<ысяч>! Мне опер<ация> стоила —

точно — 64 тыс<ячи>. Все благодаря Вам, милый, добился-то Кул<аевско>го Фонда! Сколько Вы сделали для меня! Молюсь и плачу. Здоровья пошли Вам, Господи! обоим, и благоденствия.

Вот уж и устал, никнет голова... Все еще не верится, что жив, что есть — на что жить. Книги посланы Е. С. Фишер. Завтра пошлю письмо. Обнимаю Вас. Я предложил Борзову покрыть ссуду авторским гонораром за две книги, если Ф<ишер> соглас<ится> издать: «Кам<енный> век» и др<угие> расск<азы> и нов<ое> изд<ание> «Челов<ека> из рест<орана>» (40-летие романа), пополненное введением: «история романа» (было бы интер<есно> чит<ателя>м, уверен, и Вам в их числе — особенно!). Ведь этот ром<ан> сыграл *огромную* роль в моей жизни (м<ежду> проч<им>, от смерти, верной, спас!)

Пока этот вопрос Правл<ение> Ф<он>да отложило решать. Но эти долл<ары> *б<удут> мною возвращены* полностью. Ни для кого не смею б<ыть> бременем. Читатели мои, меня поддержавшие, — молю Бога! — м<ожет> б<ыть> будут как-то удовлетворены.

С Нов<ым>, грядущим, Годом! Нет сил, кончаю. Верьте: Господа я почувствовал! *Его Волю.* Если бы Вы ***все*** знали! Но этого (почти **чувства**) нельзя пересказать. *Смерти **нет***, ибо я познал, что нет во мне ***страха*** смерти! И такое состояние началось 23 XI, вечером, когда архим<андрит> Мефодий из Аньера молебствовал у меня, исповедал и причастил Св. Тайн. Он — молитвенник — был светел и радостен. Велико Милосердие Господа ко мне, истинно недостойному. 21 дек<абря> привозили ко мне Владычицу-Курскую-Коренную.

Как бы хотел встретиться с Вами и рассказать **все**! О, какой же **опыт**! Тщусь стать истинно православным. Близится Вел<икий> Пост. Молиться хочу...

Ваш, до конца, Ив. Шмелев.

Писать хочу — и боюсь, слаб. Надо б<ыть> ***чистым*** для 3 и 4 кн<иг> «Пут<ей> Неб<есных>». Господа **петь** хочу!!!

638

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<20.I.1950>***

<Открытка>

7/20. I. 1950. Собор Иоанна Предтечи и Крестителя Господня.

Дорогой Иван Александрович,

со Днем В<ашего> Ангела поздравляю Вас, с именинником — дорогую Наталию Николаевну! Да дарует Вам обоим Господь здоровья и радостно-творческой работы! Медленно возвращаются ко мне силы, о, к<а>к медленно! Вижу, к<а>к правы врачи, запретившие мне мес<яцев> на 5—6 всякое напряжение — даже — **думать** запрещено. Вес увеличивается (потеря была кил<ограммов> 25!), могу сидеть без болей, а то — кости болели, без тканей-то.

А писать хочу — и боюсь. Порой — головокр<ужение> от слабости. Ведь на волосок б<ыл> от **конца**! — теперь **знаю**.

Хирург боялся, что операция запоздала, кровь была отравлена: 2 gr. урины на 1 l. крови! Сердце могло остановиться кажд<ую> минуту, на подготовку к опер<ации> дали лишь 30 час<ов> вм<есто> 10 суток! И случилось **чудо**: только через 16 ч<асов> после опер<ации> хирург сказал пл<емянни>це, зайдя ко мне ночью и узнав о работе почек: «il est sauvé!»[5] Огромный душевн<ый> опыт приобрел я, и, главное — твердую веру, что «*нет смерти*»! Я б<ыл> радостен во вр<емя> операции (наркоз местный), **все** слышал и думал, как буду заканчивать «П<ути> Н<ебесные>», что **теперь** все буду есть...

Полная вера в Милосердие. К<а>к хочу в Церковь!.. Мне даны «дни» — подрасти духовно и б<ыть> достойным работы оч<ень> трудной, знаю. Обнимаю. Я **устроен**. Жду тепл<ых> дней.

Ваш Ив. Шмелев.

Спасибо за Вашу помощь! Сколько Вы сделали для меня! Нет сил все сказать Вам.

<Адрес И. А. Ильина:> Herrn Professor Dr. Ivan Iljin
33, Zollikerstr., 33
Zollikon b/Zürich
Suisse.
<Адрес И. С. Шмелева:> J. Chmeleff
91, rue Boileau, Paris, 16-e.

639

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<31.I.1950>***

18/31. I. 1950. *Париж.*

Дорогой мой дружочек Иван Александрович, — обнимаю! Славный вы друг и **человек**. Все больше и больше чувствую Вас и этим подымаю в себе волю жить и работать. Да, работать, ибо надо, надо спешить — принести Господу благодарение за Его Милость ко мне, — Жизни Подателю. О, как надо ценить сей Дар — отпущенные дни. Ибо был уже на краю, и воскрешен, воздвигнут из сени смертной. Дорожить надо каждым мигом, уметь в каждом миге находить дар бесценный.

Я крепну, набираю весу и тщусь найти себя снова в силе и крепости для воспевания Его.

Пахнет уже весной, «как февраль ни злися». Март — да не захмурится!

Милый Иван Александрович, как я радостно сознаю — снова жив! И надо оказаться достойным Его Милости, не сдать в качестве работы. Дивлюсь, как я мог написать «Приволье», в 5-ой тетр<ади> «Возрожд<ения>»! Сколько получил ободрения от читателей, — и из Америки. А писал (в 2 дня), совсем выдохшийся, после 1 1/2 мес<яца> труда над статьей о Дост<оевском> — для изд<ания> «Идиота», в цюрих<ском> изд<ательст>ве Manesse-ферляг. (Получил высокую похвалу-оценку от директ<ора> изд<ательст>ва д-ра Мейера, и — прибавку к гонорару.) Чудо Господне.

В это время меня ежедневно *рвало*, т<ак> к<ак> желуд<ок> б<ыл> уже — бушэ[6]! т. е. я был у могилы и кажд<ый> день терял вес, дойдя, в одежде, до 39 кило! Сколько во мне теперь — не знаю, еще не выхожу, но — тело есть.

«Картинку» получил — и благодарю. 500 долл<аров> (чек-ссуду) боюсь менять (как и чем верну? но я верну, конечно, к<а>к только помещу новые две книги и аван<сны>м гонораром покрою долг). Нужды *пока* не испытываю, живу оч<ень> скромно. Благодарение Е. С. Фишер! Она мне оч<ень> душевно написала и обещала помогать мес<яцев> 5—6. Святой человек. Это моя землячка-московка!

Мельг<унов> писал, что не он причина непомещения В<ашего> отзыва о «Богомолье». Вы написали, что издано «Возрождением»... Но какой же это мотив непомещения В<ашего> отзыва?!

Просьба у меня...

О. А. Bred<ius>-Субботиной — сделали *тройную* операцию (вырезали *три* опухоли). Я не знаю, **что** это. Неужели последствия былой болезни (1-ая операция, лет 5—6 тому!). Не дай-то Бог! Тогда ей вырезали грудь (правую). А теперь, под полным (новым) наркозом, ее становили на голову (вывалив внутренности), чтобы ничего не укрылось от глаз хирурга, и т<аким> обр<азом> было найдено еще две опухоли: одна приросла к слеп<ой> кишке, и ей заодно удалили аппендикс. Теперь она, — едва согласилась, — в санатории... с трудом ползет к укреплению, но потеряла — пишет — память и волю к жизни. Родной, умоляю Вас: приласкайте ее письмецом, — Вы же ей отец посаженый. Для нее Ваша ласковость будет толчком к оздоровлению. Милый, окажите внимание к просьбе моей, окрылите! Все забудьте от недовольства ею (и Вам будет награда!).

Тяжело больному, пособите словом ободрения. Все мы в Руце Божией, все может случиться с нами по Его Воле. Емкая у Вас душа, и Вы меня понимаете. Да благословит Вас Господь! — и да будет Вам радость за утешение в «лютом телесе озлоблении»[7]. Надо пожалеть, надо. И в душе Вашей будет светлей. Но да будет на сие Воля Господня, и Ваша воля.

Я пишу Вам по указанию голоса совести. ***Что*** такое наши земные недоразумения!? К<а>к я это *ныне* понимаю!!!

Очередная моя цель — написать «Историю одн<ого> романа», — для возможного перевода на англ<ийский> яз<ык> «Чел<овека> из рест<орана>», в 50-м г<оду> — сорокалетие! М<ожет> б<ыть> переиздадут и оригинал. Не напиши я «Человека» — меня не было бы на свете еще в дек<абре> 1920 г<ода>, не было бы и **всего**, здесь написанного, (св<ыше> 3/4 всего моего). «Челов<ек>» не только *спас* меня от *верной смерти* (в Ялте, в чека), но открыл мне чудо сердца челов<еческо>го, когда, в Феодосии, бывший ресторан<ан-ный> лакей подал мне укрух[8] хлеба... «Для вас хлеб всегда будет!» — сказ<ал> благодарный лакей, **человек**. А я и не говор<ил> ему о себе, он запросил, узнав мою фамилию, когда раньше выдавал 1/8 ф<унта> соломы-хлеба: «Вы не писатель Шмéлев?» Это б<ыл> ***высший*** гонорар писателю: хлеб уже не выпекали, и вот, он, увидя меня перед закрытой дверью столовки (бывш<ей> I-классной гостиницы «Россия» — в Феодосии)... Да, это был **человек** из «**Росс<ии>**». Как же не написать о сем? При нашем всеобщем **опустении** (духовном) **такое** отмечать необходимо.

Как чудесно, что, м<ожет> б<ыть>, состоится объединение 2-х юрисдикций! Писал мне А. В. Карт<аше>в. *Вы* будете. Дорогой, дайте себе слово не разъезжаться, пока не достигнете. Это — событ<ие> историческое. Употребите *все* Ваше влияние. Другого подобного случая не будет: два архипастыря с большим сердцем, мудрые. Вы и А. В. К<арташев> — два наших **светлых мыслителя**, достойнейших сынов России! Да будет объединение. Е. С. Фишер, слышал, явится, св<оего> рода, скрепой, помогая своими средствами организовать «встречу». Победите гордыню, — не место ей тут! И будет русский народ чтить имя В<аше> с благоговением.

Обнимаю Вас. Привет Наталии Николаевне. Как бы хотел много Вам сказать, и первое — «**нет** смерти!»

Ваш Ив. Шмелев.

640

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<4.III.1950>***

4. III. 1950.

Дорогой Иван Александрович, я тревожусь, *что́* с Вами и Нат<алией> Никол<аевной>? — давно-давно не получал от Вас письмеца. Слышал, что Вы страдали на Святках от «фена», не могли выступить на рожд<ественском> вечере... — писал мне о. Давид. Я оч<ень> медленно оправляюсь, все еще не выхожу, боюсь простуды-гриппа, — погода крепкая, ветреная, сырая; теперь, посл<едние> дни, тихо, но оч<ень> холодно. Писать — нет пока собранности душевной: я все еще не могу уравновеситься, — после **чудесного**, случившегося так вдруг, избавления от верной смерти и от 39-л<етнего> недуга. Это «вдруг», так, по Воле Божией, в 5—6 дней перевернувшее многое во мне — телесное и душевное, — повергло меня в изумленье, потрясло какой-то восторженностью до внутр<енней> дрожи, так всего **перекроило** и перетряхнуло, и вне, и внутри, что не могу «отстояться», весь я в состоянии «новой жизни», только намечающейся — и еще несознаваемой. Такое, приблиз<ительно>, бывает после трудных экзаменов, после высокого душевн<ого> волнения... И потому я с трудом возвращаюсь в себя, к себе... и чего-то жду... Так близко ***прошел*** Господь, что я **нем** и **глух** — для многого земного, обычного, и не знаю, как за себя взяться. Оглушен... душевно, духовно. Едва набираю силы напис<ать> п<ись>мо, а за 5—6 мес<яцев> обострившейся болезни почты накопилось много. Я понабрал весу, но возбуждения-воли не могу собрать, пока... больше лежу. Очевидно, поправка моя не завершилась, я *не готов*. Какая-то «ленивая слабость». 3 мес<яца> прошло от операции, а я еще не нашел силы пойти в церковь...

Был рад познакомиться с Е. С. Фишер: она была добра — навестила меня. Господь да благословит ее: она оградила меня от нужды, а то был я совс<ем> беспомощный. Я до с<их> п<ор> не тронул чека-*ссуды* (к<а>к я просил) Кул<аевского> Фонда: страшусь, **как** я

смогу расплатиться: впервые в жизни моей я задолжал! Если разменяю чек — всеми силами потщусь скорей расплатиться, авт<орски>м гонор<аром> с 2-х книг, одна из которых сдается в набор («Кул<иково> Поле», в YMCA).

Дорогой друг, хочу убедить Вас: Боже храни, отнюдь нельзя связывать себя с «Возрожд<ением>»!

Ек<атерина> Серг<еевна Фишер> говорила, что была в «Возр<ождении>». Гук<асов> вже на юге, а его управл<яю>щий — M-r Charles Laurent — это же его «мавр», в глаза ему глядит, и верный страж хоз<яйски>х интересов. Я б<ыл> ошеломлен: за издание В<ашей> книги[9], Вами оплачиваемое, — требовать 55%! Это — жив<ой> грабеж! безумие! Они мог<ут> поставить произв<ольные> цены за бумагу и типографию! Этим обдерут, да еще и... — проверьте-ка! Нет, это недопустимо. Их цель — вогнать стоим<ость> книги произвольно, взять лихву (м<ожет> б<ыть> даже и при-печатать, — своя типография-то!) — словом, ограбить. Я дал себе слово — никогда ничего не давать им для издания: не дают отчетов (4 книги!) — не уплачивают следуемое, ограничив право автора ничтожн<ым> авансиком! Подите, судитесь с ними. Надо **все** тщат<ельно> взвесить. Я говорил Ек<атерине> Серг<еевне>: лучшего изд<ательст>ва, чем YMCA, — не найти: и аппар<ат> распростр<анения> куда шире и четче, огромные связи, и — безусл<овная> порядочность. Теперь там все другие — ни Берд<яева>, ни Вышесл<авцева>. Там г. Лаури, и все ведет умный русский человек, *деловой* и, уверен, честно-деловой. И Ваша книга — помнится, «Бесспорная очевидность (аксиомы?) веры» (д<олжно> б<ыть>, путаю) совс<ем> в духе этого, ныне более широкого изд<ательст>ва. Чистая «марка». Точность расплаты, уважение к пунктам контракта, аванс в разм<ере> 1/3 общ<его> гонор<ара>, 10% авт<орского> гон<орара>. Я готов обо всем обсудить с заведующим Бор<исом> Мих<айловичем> Крутиковым, от мнения кот<орого> *все* зависит: его *оч<ень> ценит* ИМКА! Он — давний, верный. И условия с той же типогр<афией> «Возр<ождения>» (de

Navarre) несомненно б<олее> выгодны, чем те, что мож<ет> поставить Гук<асов> для частного заказчика, м<ожет> б<ыть> %% на 10—15! YMCA д<олжна> б<ыть> складчиком, все д<олжно> б<ыть> обсуждено. Можно выбрать верного человека, котор<ый> возьмет на себя хлопоты по наблюд<ению> за изданием В<ашей> книги, но ***лучше*** — все поручить ИМК'е. Проще и, думаю, экономней. Идти издаваться в «Возр<ождение>» — лезть черту в лапы! Ни-как.

Если Вы согласны, я *все* исследую, обо всем договорюсь. Книга д<олжна> принести В<ам> гонорар и вернуть затрач<енный> капитал. Нечего и говорить, что она в изд<ательст>ве никак не залежится. 1) Вопрос, поставл<енный> и разрешаемый Вами — наиважнейший, 2) это **Ваша** книга, 3) YMCA имеет отличн<ый> аппарат распространения, 4) Все условия буд<ут> соблюдены, конечно, стар<ая> орфогр<афия> б<удет> выговорена. Напишите мне, обсудя с Ек<атериной> Серг<еевной>. Она мне *очень* по душе, очень открыто-сердечна, приятна. Без нее, без ее помощи, мне было бы оч<ень> тяжко. И она умела эту помощь облечь такой простотой, такой естественностью, что мне было легко принять эту помощь. Дорогой, милый Ив<ан> Александрович, я все, что в силах, буду делать, чтобы В<аша> книга была хорошо подана и по справедливой расценке за издание. Только — Ваше согласие! Помните: В<аша> книга **нужна** русск<ому> человеку, надо дать ей жизнь и ход.

Родной мой, ско-лько Вы сделали для меня! И как достойно!.. Вы — **верю** глубоко! — самим Господом **посланы** были моей жизни — промыслительно. Как это **явно** для меня ныне! Душа переполнена нежной признательностью к Вам, самой нежной и светлой любовью. Я много прожил за эти посл<едние> 4 мес<яца>. Я **видел чудо**: и в этом чуде от Господа — Вы участник, соучастник, по Его Воле! Ибо Вы достойнейший Его служитель. Если бы получ<ил> силу **все** описать!.. Но я не б<уду> писать: не могу. Я могу лишь другу, верному самому, **все** — рассказать. Ско-лько я приобрел за эти 3—4 мес<яца> — опыта духовного! Нет смерти! — самое глав-

ное. Мое положение, выливающееся как бы случайно в ром<ан> «П<ути> Н<ебесные>», оказалось (для меня, по кр<айней> м<ере>) наиреальнейшим: каждому дан от Господа «план жизни». И если человек вглядывается в чертеж этого плана, следует ему, — его жизнь — плодотворна и благоденственна. Иначе — страдания великие. То же и у кажд<ого> народа, у нашей Земли, и у всей Вселенной... — все «в плане», все **задано** — «выполняй, а Я помогу тебе». Господь в вечном творчестве, так и челов<ек> (к<а>к и природа) всегда в творчестве (даже в неподвижности своей), но важно, чтобы это тв<орчест>во соответствовало хотя бы тени «плана». Это д<олжно> б<ыть> показано (образно) в дальн<ейшем> развитии романа.

Обнимаю Вас, целую нежно руку Нат<алии> Ник<олаевне>. Дай Вам обоим Господь света, тихости душевной, упований сбывающихся. Буду говеть —

простите меня, грешного раба Божья Ивана!

641

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<25.III.1950>***

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Слава Господу за то, что Вы поправляетесь. А что *смерти нет* — это неточная формула *достоверного обстояния*. Неточная потому, что для тела — для телесной особи — она (слава Богу!!) *есть*. Изложить, почему *Слава Богу*!! — здесь сейчас не могу, но в книге «Поющее сердце» это изложено (и что слава Богу *она есть*, и что слава Богу *ее нет*). Но Вы обратили внимание из всей книги только на одну «Пыль».

Спасибо Вам за заботу и сочувствие. Позвольте изобразить точно, как было дело с изданием моей книги.

Печатание моих произведений — есть дело *очень* трудное и *очень* сложное. Почему? Тому следуют пункты.

1) В *церковных* издательствах (Мюнхен, Жорданвиль) сидят *сами писатели* и нуждаются в книгах *полемических* (напр. книги Михаила Польского, Кирилла Зайцева и т. п.). Один Нафанаил чреват потоком...

2) К Гукасову я с самого начала *вовсе* не хотел обращаться, зная хорошо 1) его самого, 2) ту пощечину, ко-

торую он получил в Наших Задачах (№ 50 «Искажение русской истории» — опровержение гнусной статьи Нольде, помещенной Тхоржевским и Гукасовым в Возрождении № 1); Гукасов при встрече с издателем Наших Задач — вызывающе спросил: «Вы что, ссориться с нами хотите?!» — чем и расписался в получении оной пощечины).

Уговорили меня Мосье и Мадам Фишер. Аргументы мои о *безнадежности* — не приняли. Попытка кончилась — *сначала* лицемерною готовностью Гукасова *печатать* книгу по заказу (они *якобы* не поняли, что Е. С. Фишер жертвует им *только половину* необходимой суммы...), а потом наглым письмом Гукасова, что он не может *жертвовать* больше, чем *уже жертвует* на издательское дело.

3) Такого же унижения я жду и от YMCA. На сей раз меня уговаривают: Владыка Анастасий, И. С. Шмелев и Вл. П. Рябушинский. А. В. Карташев прислал мне сведения о лекторско-издательском комитете. Анастасий поставил Mr. Lawry (дат<ельный> пад<еж>) прямо вопрос — о *печатании моих трудов*. Тот отозвался полным согласием и даже удивлением, почему я к ним не обращаюсь. Ант<он> Влад<имирович> сообщил мне, что «оком» Lawry является *советский сторонник* Елита-Вильчковский[10]. Влад<имир> Пав<лович> Рябушинский сказал мне, что Крутиков требует текст книги для прочтения, что следующее редакционное собрание будет у них *не ранее начала июля* и что назвать «лектора» для моей книги Крутиков не пожелал. Причесывать книгу для вкусов Елита-Вильчковского я *не буду*. Представить *готовую книгу* я сейчас *не могу*, ибо *текст книги* готов, но литературные добавления (хвост «примечаний» в конце книги — огромно-сложная работа!) *не* готовы. Все это означает: любезная улыбка (по-английски «смайлинг сру») и готовые подвохи.

И тем не менее я готов пойти навстречу Анастасию и попытаться. Но предложить Имке я хочу *не* Аксиомы рел<игиозного> опыта, а книгу «О тьме и просветлении»*), Вами читанную и одобренную. Лектором ее бу-

*) Бунин—Ремизов—Шмелев.

дет конечно Борис Зайцев и я решил просить Вас, мой друг, о посредничестве. Если Вы хороши с Зайцевым, и если бы Вы могли с ним переговорить предварительно, и если бы он был склонен сказать «да», тогда я немедленно отправил бы текст Крутикову. И книга — явилась бы пробою и увидела бы свет.

На сем душевно Вас обнимаю и жду ответа.

25/III 1950. Ваш ИАИ

NB — verte!

На книгу «О тьме и просветлении. Книга литературной критики. И. А. Бунин. — А. М. Ремизов. — И. С. Шмелев» — *никакого* денежного пособия (ни половинного, ни десятинного!) нет и не будет.

642

И. С. Шмелев — И. А. Ильину ***<6.IV.1950>***

6. IV. 50

Христос Воскресе!

Приветствую Вас и Наталию Николаевну. И да пребудет с Вами Господь. А главное, будьте здоровы и бодры. Я **влачусь**. Вот, уже б<олее> месяца — *никакого* аппетита, я заметно сдаю в весе. Все время рот сухой, — ужасно! — еда противна. Нет воли ни на что. Это — не выздоровление, а медленное отмирание. К докторам уже не прибегаю: и нет их, русских, знающих, и — канитель. Очевидно, надо делать всякие анализы. О, к<а>к все это надоело! Спать могу лишь с прием<ом> снотворного. Печень не болит, но, я думаю, она тут очень при чем... Каж<ется>, мало выделяет желчи — чем помочь — не знаю: окраска — кремовая. М<ожет> б<ыть> опять, к<а>к и 2 года тому (не говорю уже о врем<ени> операции — 2 gr. на 1 l. крови) — повыш<енный> % urine[11]. Словом, инвалид.

Простите, что замедл<ил> ответом, во-ли нет написать: днями лежу. Скверно, что шаткая погода, а у меня рыхл<ый> бронхит, и я больше 1/2 г<ода> не выхожу!

А теперь к делу. Зайцев мне пишет, что он, в контр<ольной> комиссии, читает лишь «беллетристику», а критику читают Вейдле или Ел<ита>-Вильчковский. Но их мнения — лишь характера как бы «совеща-

тельного», как была при Правит<ельстве> Булыгинская Дума. Все решает Mr. Lawry. Большое значение придает он отзыву Крутикова, Бориса Михайловича, но уже в деловом плане. «Так<им> обр<азом> книгу И. А. Ильина читать буду не я». Мое мнение, дорогой Ив<ан> Ал<ександрович>: посылайте Крутикову. Сейчас книжный голод, много книг требует Ю. Амер<ика>, особ<енно> Венесуэла, — и издат<ельст>ва, имеющ<ие> кн<ижный> запас, делают отл<ичные> дела. Я полагаю, что В<аша> книга «О тьме и просветлении» заинтересует. К тому же Mr. L<awry> расположен. Не глуп же он!

Вы напрасно обо мне, что я только «пыль» читал: я *все* читал, и о «смерти»... А писал я в ином см<ысле>: смерти *для Духа* челов<еческого> нет. Вполне с В<ами> согласен, Вы дали — **сполна**, о «смерти». Дали ярко и убедительно.

Устал. А надо дописать рассказ[12] к Пасхе, 1-ю полов<ину> сдал, для пятн<ицы> 7 марта. Но как это трудно!

Обнимаю.

Ваш верный Ив. Шмелев.

Мне ныне и весна — не весна!

643

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву ***<23.V.1950>***

Дорогой Иван Сергеевич!

С 8/V мы улизнули на отдых. Очень уж велико было мое переутомление. С начала мая ничего не знаю о Вас. До тех пор Madame Fischer передавала мне на прочтение Ваши письма к ней. Все ли у Вас в порядке? Поступает ли обещанная монета? Как Вы себя чувствуете? Пришла ли к Вам потребность писать? Вот было бы хорошо и радостно! Только что прочел в XVII Ребенке[13] «Глас в нощи». Трепетно и художественно-убедительно!

Отзовитесь, хоть открыточкой!

Suisse. Weggis. Hôtel Rigi.

Душевно Вас обнимаю.

Ваш ИАИ.

23/V/1950.

Приложение

Переписка И. А. Ильина с Ю. А. Кутыриной

1

Кутырина Ю. А. — И. А. Ильину *<20.I.1946>*[1]

20 янв. 1946 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович,

Прежде всего позвольте Вам сказать, кто я, а потом изложить причину моего к Вам обращения.

Я — родная племянница незабвенной драгоценной Тети Олечки — покойной Ольги Александровны Шмелевой и пишу Вам во имя любви моей к ней — ушедшей и к моему любимому Дяде Ваничке. Из родственников у Дяди Вани за границей осталась только моя семья, к сожалению, мне лично не пришлось Вас встретить, но, вероятно, Вы видели моего сынишку Ивушку, которого так родительски любили и пеклись о нем, Тетя Оля и Дядя Ваня. Пишу же я Вам, глубокоуважаемый Иван Александрович, по вопросу, по которому я предварительно посоветовалась с нашими общими друзьями Антон<ом> Владимир<овичем> Карташевым и его женой — крестной матерью моего сына. Дело в том, что я как-то высказала мое желание Вам написать по этому вопросу самому Дяде Ване, но он категорически запретил мне и даже сказал, что я буду его врагом, если выполню это мое намерение. Поэтому-то я и поговорила предварительно с Ант<оном> Влад<имировичем> и Павлой Полуэвктовной — и получила полное их одобрение и даже Ант<он> Влад<имирович> предложил взять на себя это письмо, если бы я его не написала сама. Дело идет о Дяде Ваничке, а именно об условиях его жизни. Несмотря на все возможное, что устраивали для него, все это недостаточно для того, чтобы он мог вполне отдаться своей работе; в данное время он перерабатывает второй том «Путей Небесных» — совершенно его

захвативший, а третий том уже вынашивается и жжет его огнем желание скорее вылиться. А между тем ему приходится отрываться от работы и заботиться о раздобывании пищи (стоит даже в очередях), готовить себе, питаться 3-ы вовремя и кое-как и т. д. ... Он много и серьезно болел эту зиму и главным образом из-за неправильного питания, иногда плохого и даже никакого (в работе просто забывал о еде). Причина всему этому кроется главным образом в его неопределенном и не обеспеченном материальном положении. Я настояла на том, чтобы к нему приходила «femme de ménage». Он взял ее на 2 часа в день и только 4 раза в неделю, боясь не одолеть расходов. И так это во всем, и в пище, и в одежде, и в бельишке, и в отоплении... цены на все безумные. Когда же с ним об этом говоришь, он отвечает — мне ничего не нужно, у многих других нет того, что я получаю от моих добрейших друзей. Однако я вижу, и это мнение и Карташевых и Доктора Серова — друга Д<яди> Вани, что немыслимо его оставлять далее в этих условиях. Вот почему я решилась изложить Вам возможно не полно, но истинное положение вещей в жизни Дяди Вани. Я только очень прошу не выдавать ему мое к Вам обращение; пишу же Вам обо всем, ибо знаю Вашу исключительную о нем заботу и Вашу действенную любовь к нему.

Я знаю, что Вы предлагали ему помощь, идущую из Америки, от которой он отказался. Я не могу ни о чем Вас просить, но знаю, что у Дяди Вани есть надежда на издательство в Америке, о котором Вы ему писали. У нас же нет никакого источника для создания необходимых для его возраста (он сильно постарел за этот год, стал рассеян в обращении с газом, электричеством и т. д., все это меня ужасно страшит) и здоровья условий — и чтобы он смог закончить его громадное последнее задание «Пути Небесные». Простите за мою смелость писать Вам так откровенно, глубокоуважаемый Иван Александрович, но это мой долг по отношению к горячо любимому Дяде Ване — русскому писателю.

С искренним и душевным и глубоким уважением и благодарностью за Дядю Ваню

Юл. Кутырина.

Адрес мой: Madame Gentilhomme 332 Avenue Gay Coubertin S-t Remy les Chevreuses (S. et O.)

P. S. В случае если бы Вы мне написали, прошу писать на мою французскую фамилию — M-me Gentilhomme. (Юлия Александровна.)

2

И. А. Ильин — Ю. А. Кутыриной

<конец января 1946>[2]

Многоуважаемая Юлия Александровна!

Я Вам очень благодарен за Ваше письмо. Вы прекрасно поступили, что не послушались запретов, идущих от «самого». От него почти невозможно добиться толка.

Я очень сердился, когда он посланному к нему от *U.S.A. посольства* ответил отрицательно[3]. Такие комбинации налаживаются с *невероятным трудом*, в виде *особого «счастья»* — и *не повторяются!* То, что тогда предлагалось, была *не* постоянная помощь, а единоразное снабжение *всем необходимым* — дали бы из больших запасов всего, и продовольствия, и топлива, и белья, и одежды. Теперь эта комбинация уже <невозможна> и говорить о ней поздно. Надо искать новых путей и возможностей, а это *трудно* и *долго*; и удастся ли? И если он опять будет отбрыкивать — что тогда? О, несвоевременная сверхдобродетель!

Вы понимаете, что мы, группа его ценителей и почитателей, *отсюда* — не можем организовать ему планомерную и гигиеничную жизнь *там*. Со дня кончины Ольги Александровны я *всегда с ужасом* думаю о нем, как о покинутом и *беспризорном*; и всегда изумляюсь, как он держится и живет. Но к делу.

Покажите, пожалуйста, это письмо Антону Владимировичу и Павле Полуэктовне. Обсудите, пожалуйста, все вместе план кампании — о еже оздоровити и обеспечити житие раба Божия Иоанна Путенебесного — переведите это на язык *туземной* франц<узской> *монеты* и известите меня. Я очень мало могу и ничего не обещаю. Но иногда Господь делает невозможное возможным и надежда не грех.

С истинным уважением

И. А. Ильин.

<Приписка:> Знаю я этих парижских «фаммов»!.. «Femme de ménage»!? Надо русскую, любовную, чтобы покупала провизию, готовила и сама с ним обедала. Ежедневно. И ужин заготовляла.

3

Кутырина Ю. — И. А. Ильину ***<20.II.1946>***

20-II-46.

M-me Gentilhomme
332 Avenue Coubertin S-t Remy les Chevreuses (S. et O.)

Глубокоуважаемый Иван Александрович,

очень благодарю Вас за письмо и Вашу необычайную отзывчивость, я была все это время больна и потому так долго не отвечала. Вчера была у Дяди Вани, он как раз получил Ваше письмо «par avion» и делился со мной радостью, что Вы получили его рукопись и собираетесь ее читать Вашей больной, надеюсь, что здоровье лучше теперь у Вашей жены, грипп одолел всех и здесь этой зимой. Д<ядя> В<аня> говорил мне, что Вы спрашивали его, не нужно ли ему что-либо и он ответил — у меня все есть, как всегда. У Ан<тона> Влад<имировича> и П<авлы> П<олуэвктовны> тоже была (очень рады были Вашей посылке). Ант<он> Влад<имирович> говорит, что по его мнению *<неразб.>* для одиночки, чтобы не голодать, надо считать 6—8 тысяч, не считая *<неразб.>* случайных сумм и получек, которые всегда возможны при свободном труде.

О Дяде Ване скажу так, если Господь даст мне силы и здоровья, я конечно никогда не оставлю его, но у меня на руках больной муж, да и сама я как-то не верю в свою долговечность и это меня более всего страшит, *<неразб.>* хотя у Д<яди> Ванички и есть друзья, но все же думаю, что без меня его одиночество обострится, пока я жива, он знает, что я всегда буду около него, если ему плохо и за материальной стороной я слежу, чтобы он не находился в нужде, но, повторяю, всего этого недостаточно, вот почему я и Карташевы решили вместе Вам обо всем написать и так беспокоить Вас, дорогой и глубокоуважаемый Иван Александрович.

Найти русскую — любовную подходящую очень трудно, сейчас Д<ядя> В<аня> опять только 2 раза в неделю имеет одну русскую старушку — ищем, но трудно. Простите за письмо мое, пишу наспех <*неразб.*>. Вас оповестить обо всем. Дай Господь Вам здоровья и сил, с искренней и глубокой благодарностью

Юл. Кутырина.

4

И. А. Ильин — Ю. А. Кутыриной ***<9.IX.1950>***

Копия

Многоуважаемая Юлия Александровна!

Я получил своевременно Ваше любезное письмо[4] и хочу поблагодарить Вас за него. К сожалению, долгая и мучительная болезнь помешала мне сделать это раньше. Читая Ваше письмо, я пережил последние дни и часы моего дорогого друга. Он ушел, — по-человечески рассматривая, — неожиданно и преждевременно. Но Господь лучше нас ведает наши дни и часы.... Утешаюсь только тем, что со времени нашего с ним знакомства (25 лет) я делал для него все, что было в моих силах. Но теперь надо еще кое-что доделать, чего он «оттуда» ждет от меня и требует. Я разумею — опубликование моей книги о его творчестве и затем приведение в порядок моей с ним переписки. Верность же мы должны блюсти и посмертно...

Надо знать, что переписка таких людей, как Иван Сергеевич, есть достояние *общенациональное* и *архивное*. Поэтому я еще при жизни его не раз говорил ему о том, что *храню все его письма,* даже немногословные открыточки, и передам их посмертно в верный архив, на что и он не раз выражал свою волю. Он всегда сообщал мне в ответ, что и он аккуратно бережет все мои письма... Но дело еще вот в чем.

Переписка есть дело *двустороннее* и поэтому ее историко-литературная ценность выигрывает *вдвое* и *втрое,* если письма аккуратно подобраны с ответами другой стороны. От этого *все* в письмах получает свое правильное и настоящее освещение, всякая фраза, шутка, всякое замечание, всякая похвала, всякое философское

размышление, — все находит свой истинный смысл; по-новому освещается весь обмен мнений, все споры и возражения. А мы с ним нередко обменивались мнениями о его «критиках», которые часто вовсе не понимали его, огорчали его авторское чувство, и ныне в лице Г. Адамовича (в «Новом русском слове», Нью-Йорк) окончательно перешли в издевательское наступление на творения Ивана Сергеевича. Все это *увеличивает намного* нашу, друзей его, *ответственность*!...

И вот, мой долг перед ним и его памятью заставляет меня просить Вас, Юлия Александровна, как его наследницу, о следующем. Я должен получить от Вас *мои письма к нему,* чтобы *подобрать их в очередь с его письмами ко мне,* хранящимися у меня, и таким образом развернуть все это эпистолярное общение в живую и осмысленную переписку и подготовить все к печати в будущем. Нет ничего безответственнее и легкомысленнее, как когда друзья покойного не заботятся своевременно о таких документах. И я, пока я еще жив, должен сделать в этом направлении все возможное...

Вам же мои письма к нему — не нужны. Они важны и ценны *только в связи с его письмами ко мне.* Печатать мои письма сами по себе неинтересно, да и никто не имеет права на это без моего согласия. А я морально обязан перед его памятью — упорядочить эту переписку, *чего кроме меня никто не может сделать.* Теперешняя же моя болезнь, которая пришла неожиданно и могла кончиться неблагополучно, заставляет меня *торопиться с литературными обязанностями.* Поэтому я очень прошу Вас: пришлите мне мои письма к Ивану Сергеевичу и я немедленно засяду за эту работу, об окончании которой я Вас своевременно извещу.

Екатерина Сергеевна Фишер, которая совершенно в курсе дел, собирается быть после 15 октября в Париже; она думает увидеться с Вами и я дам ей доверенность на получение всех моих писем. Конечно, очень важно, чтобы письма были к тому времени все отобраны; я все время записывал мои письма к Ивану Сергеевичу в отдельную тетрадочку, о чем он знал, и эта аккуратная любовность с моей стороны была ему трогательна.

И еще одно. Мне *очень* хотелось бы иметь на память о покойном друге — *мои собственные произведения*, имеющиеся в его библиотеке. Каждая отметка, поставленная им, будет мне интересна и ценна... Если они предназначены Вами к продаже, то я с удовольствием *куплю* их и заплачу Вам или другим наследникам по условленной с Вами цене.

Думается, что Вы поймете мои желания и не захотите огорчить меня и пренебречь интересами Ивана Сергеевича отказом в моей просьбе.

Крепко жму Вашу руку, разделяю душевно Вашу скорбь и шлю Вам привет.

Проф. И. А. Ильин.

9 октября 1950

5

И. А. Ильин — Ю. А. Кутыриной ***<28.I.1951>***

Многоуважаемая Юлия Александровна!

Получил Ваше письмо[5], благодарю Вас. Разбор моих писем к Ивану Сергеевичу дал такие результаты.

От 1927 года — 2 письма.

(Это *не* старейшие, не самые ранние; и мое *первое* письмо к нему, начинающееся со слова «Дорогой!» — ибо я *еще* не знал его имени-отчества — *отсутствует*).

От 1928 года — 1 письмо.

1929 года — 1 письмо.

От 1930, 1933, 1934, 1941, 1942, 1943 и 1944 года — *совсем нет писем*.

От 1931 г. — 4 письма.

От 1932 г. — 1 письмо.

Эти годы *на самом деле* изобиловали письмами в оба конца и притом литературно *живыми* и интересными.

А потом идут по годам: 1935 — 6 писем; 1936 — 8 писем; 1937 — 5; 1938 — 5; 1939 — 10; 1940 — 4. Перерыв в 4 года.

1945 — 8 писем; 1946 — 21 письмо; 1947 — 31 письмо; 1948 — 29 писем; 1949 — 11; 1950 — 3 письма.

Всего 150. Но это *далеко не все*. Я очень порадовался, что Вы нашли еще.

Есть *две* возможности:

или 1) Он много уничтожил

или 2) Еще где-нибудь хранятся на чердаке.

Может быть, дойдет дело в разборе — и до них?

Поздравляю Вас с новым годом и желаю Вам всего лучшего.

Болезнь моя длится и утомляет меня.

С лучшим приветом

И. А. Ильин.

28/I. 1951.

6

И. А. Ильин — Ю. А. Кутыриной *<5.IV.1951>*

Многоуважаемая Юлия Александровна!

Спешу уведомить Вас, что Е. С. Фишер будет в Париже 4 дня, начиная со вторника утром (17 апр.). Она остановится в Av. Hoche в Hôtel Royal Monceau.

Может быть, Вы будете так добры и найдете возможным снестись с ней для передачи ей остающихся моих писем к покойному другу Ивану Сергеевичу.

Буду чрезвычайно благодарен Вам за это одолжение. Это письмо может послужить для Вас полномочием.

Крепко жму Вашу руку и вместе с Вами грущу об усопшем.

Ваш И. А. Ильин.

15/IV/1951.

<Адрес Ю. А. Кутыриной:> Madame Julie Koutyrine
91. rue Boileau
Paris, 16
France

7

И. А. Ильин — Ю. А. Кутыриной *<12.IX.1952>*

Многоуважаемая Юлия Александровна!

Вернувшись *месяц тому назад* из клиники, где я тяжко проболел в течение почти года (инфаркт сердца и язва желудка), я только теперь мог разобрать мои письма к другу — и вот, нашел в том числе письма от госпожи

Кандрейи. Не желая вступать в сношения с этой неприятной дамой, посылаю Вам их назад для распоряжения.

Трудно рассказать, что я перенес за этот год и как я и сейчас дома, полубольной, мучаюсь астмой. Но, слава Богу, с февраля я могу писать и работать, что и делаю. А в Париже друзья мои издают мой большой труд «Аксиомы религиозного опыта» (вне всяких церковных делений и распрей, вне политики). Все на милость Божию.

Шлю Вам привет и крепко жму руку. Вот несколько листочков, м<ожет> б<ыть>, кто-нибудь заинтересуется.

Ваш И. А. И.

1952/IX/12

8

И. А. Ильин — Ю. А. Кутыриной ***<18.VII.1953>***

Многоуважаемая Юлия Александровна!

Уведомляю. После 15 месяцев ожидания я послал «чеховскому» издательству сообщение, что я считаю наши переговоры *прерванными* и *законченными* и прошу вернуть мне рукописи мои по адресу моего доверенного в Нью-Йорке. А между тем 6 июля они выслали мне *сами* обе рукописи в самой грубой форме, без уведомления. Я получил их заказным 17.VII. Таким образом сношения мои с этим паршивым гнездом закончились отрицательно. Крепко жму руку.

И. А. Ильин.

<Адрес Ю. А. Кутыриной:> Madame Julie Koutyrine
12 rue Gabrielli d'Estréet
Vanve (Seine)
France

9

И. А. Ильин — Ю. А. Кутыриной ***<22.VII.1953>***

Многоуважаемая Юлия Александровна!

К сожалению, в Вашей статье памяти Ивана Сергеевича («Россия» 4 июля 1953) Вы сообщили публично *неверное сведение* обо мне, которое *может мне очень повредить*. В действительности моя книга «О тьме и про-

светлении (Бунин. Ремизов. Шмелев)» — *никогда*, и *нигде*, *ни по-немецки*, *ни на каком другом языке напечатана не была*. И откуда у Вас это известие?

А между тем такое сообщение дает достаточный повод издательству, с которым теперь ведутся переговоры об издании этой книги *по-русски*, — отказаться от издания этой книги *по-русски* — отказаться от издания. Чтобы предотвратить это, мне приходится, несмотря на мою занятость и утомленность, начать целый <*неразб.*> и печатный поход для опровержения этого сведения. В «Россию» я уже послал «Письмо в Редакцию».

Все это весьма хлопотно, утомительно, досадно и неприятно — а, главное, может повредить интересам как Ивана Сергеевича, так и моим.

Пожалуйста, не повторяйте этого неверного сведения!

С совершенным уважением

И. А. Ильин.

22/VII/1953

10

И. А. Ильин — Ю. А. Кутыриной <*7.XII.1953*>

Многоуважаемая Юлия Александровна!

Открою Вам «секрет».

В канун февраля 1953 года мой добрый приятель (певец) А. Д. Александрович написал мне, что к ним в Париж приехал племянник Ник. Ром. Вреден, директор «чеховского» издательства, который очень интересуется изданием моих книг. Зная их направление, я долго колебался, но после настойчивого заявления Вредена, что решает дело *он*, он *сам*, и он *один*, и что он просит меня прислать им «О тьме и просветлении. Бунин. Ремизов. Шмелев» и «Поющее сердце» — я послал. В марте было все у них. С тех пор 8 месяцев — никаких известий. Ваше извещение об их отношении к книге Шмелева разъяснило кое-что. Я думаю, что повторится история с *ИМКой*, когда у Владыки Анастасия был их глава Лаури, *просил* моих книг, *удивлялся*, что я им ничего не даю... А когда я, уговариваемый Владыкою, послал, то через *10* дней был ответ (об Аксиомах) — все занято, не принимаем (как на трамвае бывало «слазьте! нет мястов!»).

Это такой способ действия: спровоцировать, «он де набивался»... — а «мы» отказали.

Наверное будет и тут так. Они оклеветали Ивана Сергеевича («хитлеровец») и теперь ездят на этой клевете.

Крепко жму Вашу руку. Долой издательскую монополию!

Ваш И. А. И.

7/XII/1953.

11

И. А. Ильин — Ю. А. Кутыриной *<27.VIII.1954>*

Многоуважаемая Юлия Александровна!

По просьбе В. А. Маевского (Америка) я написал и сегодня отправил ему большую статью «Художество Шмелева» для задуманного ими сборника в память И<вана> С<ергеевича>. Он пригласил еще Митрополита Анастасия, Карташева, Гребенщикова, Зеелера, Борзова, Николаева, Бориса Зайцева (который уклонился), болтуна Вышеславцева и напишет сам.

Я требую от него, чтобы сборник печатался по *старому* правописанию, которого всю жизнь придерживался Иван Сергеевич...

Надеюсь, что из этого выйдет что-нибудь порядочное. «Чеховское» издательство вернуло мне мои рукописи, которые само же и выпросило у меня. Темные люди!

Оно откажет и Вам...

Крепко жму руку.

И. А. Ильин

1954/VIII/27.

Невинные сказки

1. Вонючая гора[1]

Вдруг на скрещении больших дорог земля пупом встала. Полезла и полезла кверху. Расселись камни, трещины поползли; деревья набок повалились, а звери побежали куда глаза глядят. И вылезла вонючая гора. За-ра-за по-шла-а, не опомниться... Самым последним запахло. И на всю вселенную шибать стало; — планетарно. Вылезла гора и утвердилась вроде государства; во все стороны ощетинилась, снизу шипит, а наверху клокочет. Ближние соседи носы зажали; а с тремя англичанками даже дурно сделалось, — грогом отпаивали.

Утвердилась гора и стала свои запахи по всем ветрам распускать; полетели гнойные пылинки, начали оседать; а где осядут, там сейчас тоже вонючая горка делается. И ничем не удержишь, потому — ветер сила вольная и беспрестанная.

Сначала все соседи перепугались: и «невидано!», и «откуда это?», и «почему же так противно пахнет?», и «против всяких санитарных правил!» Решили — срыть гору в два счета и трещины заровнять; деревья опять прямиком поставить, а звериных беженцев на место водворить. Послали с десяток саперов, что после войны без дела слонялись, дали им по лопате, да прибавили сколько-то пар тяжелых буцов и пуд обмотков: — «раздавайте местным обувателям[2], пусть помогают гору срывать»... Да не вышло. Только приступили, копнули два раза — а гора пучиться начала; опять и ползет и пыхтит, распространяется, жижу пустила, плюется, трех обувателей совсем засосала с обмотками, а саперов с ног до головы перепачкала. Начали саперы гнить; и заживо разлагаться; и пустились наутек, только заразу с собой унесли.

А гора опять свое: сверху клокочет, снизу пыхтит, ветер гной разносит. Беда да и только: дороги перегорожены, ни пройти, ни проехать, ни товары провезти; и подойти противно, и дома сидеть неспокойно. Гноинки

летят и всюду свои домашние горки делаются. Решили было подальше отойти; да не выдержали.

Начали путешественники: это, говорят, новая замечательная альпа поделалась и мы должны непременно на нее взобраться и вид посмотреть; может быть, нам от этого новые идеалы откроются. И начали лазить. Один полны карманы гною назад притащит, другой по самую шею провалится, весь упачкается да так и расхаживает; были и такие, что после вонючей горы всю жизнь только шептались и подмигивали во все стороны; и такие, что всамделе новые идеалы проповедовать стали, — надо де «все отринуть» и «измараться» и через «всеобщую грязь и вонь настанет обновление жизни».

А были среди соседей большие нелады: кто у кого клок земли урвал; один про другого клевету распустил; этот с того лишнее взыскал; а тот этому свою вотчину не уступил, сам владеть захотел. Ну и обида. И всяк всякому навредить старается и от летучего гною все злобою разжигаться стали. И надумали соседи друг друга вонючей горой стращать. Я, говорит, с нею в дружбе состою; вот я ей пошепчу в вонючую маковку, она на тебя свою жижу пустит. А другой говорит: ты еще только шептать будешь, а уж мои два слесаря давно у ней в жерле работают, вонищу на тебя вырабатывают. И начали соседи послов на вонючую гору слать и ее на свою сторону склонять. А гора все свое — пыхтит, клокочет и нехороший дух шлет; и чем дальше, тем больше горок всюду становится. И уж такой планетарный дух пошел, что все стали ватой носы забивать; даже цены на хлопок поднялись и в Америке от этого новые богачи поделались.

И разделились все соседи окончательно на два лагеря: одни сюда — ратуйте[3], добрые люди! а сами на вонючую гору рассчитывают. А другие туда — мы и сами с усами — и тоже горою грозят. И началось всеобщее побоище: бросились все друг на друга и только на гору поглядывают: «Помогай, милая вонища!», «Выручай горушка-матушка!», «Гнои их на смерть, родная!». Замешались все до неистовства: и палят, и ползут, и ковыряют, и над землей взвиваются, и под землей исхитряются. Все повзбесились, всем гной в голову вступил. Все вонючую гору зовут, от нее спасенья ждут; все на нее молятся.

И как взмолились все вонючей горе, так она — только и ждала этого часа — вдруг сверху донизу треснула. Во все стороны щели поделались, из щелей пламя брызнуло, из пламени тыща тыщ чертей во все стороны на метлах понеслись: песни несусветные рычат, гноем вонючим поливают, серу зажигательную сыпят. Пришел час сатаны: закрутил черный ураган — смрадом земля застонала.

А гора опустела и стала заваливаться.

И как стала она заваливаться, показались из нее три головы, а к головам поднялись три правые руки, персты втрое сложены, на лоб и на грудь и на плечи ложатся. Поднялись из горы три обувателя в обмотках истлевших и сказали громким голосом: «Оборони, Господи, Рассею нашу силою духа Твоего!» И только сказали — прокатился гром Господень и полил на землю невиданный дождь кровавый; и залил он гору вонючую и сравнял ее с землею. Пал дождь Господень на всю вселенную; и где капля его попадала на черта, черт паром обращался; а где — на человека загнившего, там он трезвел, опоминался и молитву читал.

И очистилась вселенная от гною и смрада молитвою трех обувателей.

2. Пылесос[4]

(*Монастырская легенда из эпохи большевизма*)

В глухую осеннюю полночь, когда весь городок спит тяжелым сном без сновидений, и даже петухи забыли свой урочный час, на большой площади у самого собора появился серый человек с ношею. Он беззвучно сложил ее у бассейна и повернулся лицом к собору. Пристально и молча смотрел он на темную громаду храма, на его три, странные, ни на что не похожие башни, на его черные молчаливые окна. Смотрел и потряхивал головою. Сегодня ночью город переходил в его власть.

Потом он приступил к работе. Он извлек невиданную машину: из бездонного мешка торчал длинный хобот с пятиугольным красным немигающим глазом на конце. Грозно направил он красный глаз на собор и трижды угрожающе тряхнул им, потом очертил круг на

земле и зашептал невнятные заклятия: «гласом бездны... Аваддона[5]... властью низа... попущеньем... и веленьем... вызываю... силы духа... извлекаю... орифламмой[6]... замыкаю... пентаграммой[7]... Соломона[8]... властны мы... властны мы... наша риза... царство ярости и тьмы...»

Шепот умолк. Тихо завыло в бездонном мешке, и тихими глухими стонами огласился весь спящий город. Бесчисленные светлые нити заскользили отовсюду, быстрым покорным током вылетая из домов и исчезая в воющем мешке.

Через час ни серого человека, ни его пылесоса — как не бывало. Взошла заря над городом, и розовым светом загорелась средняя башня собора.

С раннего утра в городе начался полный развал. Жители пробуждались, словно пьяные или одержимые. Они высыпали из домов раздетые, расхлестанные, неумытые, похотливые и буйные. Никто не шел на работу. Никто не думал о делах, о службе, о детях. Все хотели *всего* и открыто высказывали свои желания. Мужчины приставали открыто к женщинам и к мужчинам; женщины бесстыдно бросались на мужчин и на женщин. Все на ходу жевали что-то, схваченное где попало, выплевывали остатки и громко икали. Все перекорялись, то и дело впадали в ярость, поносили друг друга и громко кощунствовали. Громили дома и волокли все что нравилось. Вспыхивали дикие драки. К полудню по улицам взвивались целые вихри разврата; люди бегали друг за другом собачьими свадьбами. Высшие слои смешались с подонками. Отцы города смешались с чернью. Солдаты буйствовали целыми отрядами. К вечеру всюду валялись раненые и убитые. А когда стемнело, там и сям вспыхнули пожары, которых никто не тушил... Ночью завязались кровавые побоища.

Старый каноник, пришедший сюда на третий день к полудню из другого города, видел еще остатки сумасшедших жителей, беснующихся на стогнах, улицах и в домах. Не веря глазам своим, творя молитвы и заклятия, он укрылся в старой крепостной канаве и пролежал под кустами до позднего вечера.

Когда третья ночь спустилась над городом и шум затих, он робко вылез из канавы и тихо обошел улицы. Город был полон трупов, и ветер разносил пламя и смрад.

Тогда он вернулся к себе в монастырь и записал виденное в свою летопись.

Оттуда повесть дошла и до нас.

3. Жертвенная овца[9]

Жила-была овца, добрая-предобрая. Сидела она у мужика, Ивана Шалого, в сарае. И послал ей Бог пару ягнят, — теплых, ласковых, гладеньких. Забота с ними! то облизни, то покорми, то угрей; отоспятся и сейчас лизать надо; только оближешь, опять сосать тычутся. И хлопотливо, и сладко. Так и жила — за детей трепетала.

А Шалый и был шалый: добра не берег, скота не стерег, все проматывал и пустые выдумки выдумывал. «Я», говорит, «человек с планом: вот начну шубу выворачивать и опять вворачивать, пока три шубы сразу не сделается, тогда — на ярманку, продавать»... Уж соседи над ним смеялись: твои, дескать, планы одни обманы да изъяны; а тот хорохорится: «я вам в обиду не дамся; у меня, может быть, за овином сто пулеметов закопано»... Ну — Шалый.

И давно уж у него постройки в ветхость пришли, щели поделались, крыша струхлявилась, и ветер в сарае сквозняком ходил. А при нонешних порядках ничего этого скрыть нельзя. И проведал об этом соседний волк. Матерой был волчище, зубастый и с норовом. Сколько раз и мужики его били, и собаки загрызали, отлежится, раны шерстью зарастит, ляскнет зубами и на добычу пойдет.

Проведал он про сарайные щели у Шалого, пришел, просунул голову и крутым усом повел: как, мол, тут без меня обходятся?

Увидела его добрая овца, и затряслось у нее сердце. Как быть? Шалого не позовешь, — он в это время новый план проводил: хотел котят на шубы разводить и глиняную посуду в черепки бил, чтобы будущим котятам из чего хлебать было. В овечью лигу тоже не обратиться, и долго, и далеко, да и сама-то лига страхом держится: трепещут овечки и со страху друг друга стригут... Подумала жертвенная овца и решилась на дружеские переговоры.

«Чем, — говорит, — могу служить вашему высоко-волчительству?»

А волк молчит; оглядывает и носом тянет; аннексию и контрибуцию прикидывает.

«Ваше, — говорит, — высоко-волчительство, вашей головке, — говорит, — эдак неудобно. Не угодно ли вам будет обсудить сообща наши общие интересы?»

Поднял волк левый ус, — вроде улыбки вышло. «Это, глупая бяха, со мной разговариваешь? Низшая порода!..»

Вздохнула овца с облегчением: согласился, мол, на переговоры, слава Богу!

«Вот, — говорит, — ваша улыбчивая светлость, — это я, вдова, у хозяина в животишках числюсь; а это — извольте — мои детки сиротки очаровательные; а сами мы с-под Нежина, из Фальц-Фейновских[10] отар наши прародители...»

Щелкнул волк зубами и говорит: «И сама гладкая; и детишки занятные! Низшая порода. С те-бя начну»...

Заплакала овца и говорит: «Ваше зубастое превосходительство, вижу я, к чему дело идет, и никак не могу упротивиться. Хозяин с будущими котятами возится, а овечья лига от робости умирает. Заключимте с вами общественный договор. Не ешьте меня всю. Скушайте только утробу мою; она у меня сладкая и млекоточивая. Жертвую ее вам, для спасения семейства моего. Примите эту жертву мою: а меня остальную и ягняточек моих отпустите на свободу! Мы вам впредь будем всегда верноподданы и по субботам будем у всенощной свечки за вас ставить».

Поднял волк сразу оба уса — не то засмеялся, не то пригрозил.

«Я, — говорит, — вообще без согласия ем. И утробу можно. И мозжечок хорошо. А насчет ягняток видно будет».

И всунулся волк до самых лопаток, затрещала плетеная стена. Заблеяла жертвенная овца с ягнятами. Закричала голосом человечьим-нечеловечьим.

Сбежались соседи. Прогнали волка в лес и спасли жертвенную овцу...

4. Парнишка и черт[11]

Жил на свете русский парнишка, очень бойкий и разговорчивый. Говорили про него, будто он мимоходом несколько книжек прочел, а у какого-то заезжего полу-

профессора даже две лекции прослушал «обо всем сразу»; ну и вдохновился.

И решил он однажды, что он призван к власти. Захотел стать диктатором, да и все. «Что ж, — говорит, — небось не боги горшки-то обжигают; а я даже какое-то призвание чувствую».

И начал он готовиться к диктатуре. Утром побреется, станет перед зеркалом и с полчаса свою мордашку рассматривает. То мрачность на себя напустит, ну прямо Казбек в тучах. То милостивое внимание изобразит, — сразу видно, что царь Камбиз[12] послов принимает. А то мечтательность сделает, — Козьма Прутков из гроба восстал. Расшаркается и придворный жест сделает: «Ваше Высочество»... Или: «Ваше Величество»... «Что скажете, Ваше превосходительство?»...

Или начнет декламировать:

Когда в толпе ты встретишь человека,
На коем фрак, —
Цилиндр и фрак, —
Чей лоб не больше чебурека,
Но грозен шаг,
Как у статуи командора;
Кто силой пламеннаго взора
Решил вести,
И всех спасти, —
Знай! Это я!
Трепещет ли душа твоя
В порывах бури и дождя
Узнав грядущего вождя?...
Готов ли ты с сердечным жаром
Идти по мировым пожарам
За мной?
Ответь на сей вопрос
Скорее, юный стоерос!

Словом — всесторонне к диктатуре готовился.

Но вот беда: где устроиться? Куда ни взглянешь — всюду затруднение: или свой диктатор уже сидит, или мелкие людишки надрываются, как бы крупный в диктаторы не выскочил... Как быть?...

Купил парнишка подержанную географию на французском языке и начал ее изучать. Вот, говорит, хорошая страна — Парагэй, да уж очень далеко до нее; пускай туда едет это дурачье, белые офицеры, туда им и

дорога. А вот еще занятная страна — Патагони; да там, пожалуй, уже устроились Пат с Паташоном. И решил он остановиться на Сибэри.

А в то время этою самою Сибэри черт овладел. Всех разорил, все запретил, половину народа казнил и голодом переморил. И всех обывателей заставил через день друг друга пороть. Церкви Божии снес, стариков на колбасы ассигновал, а малолетних велел принудительно спаривать с обезьянами. И всюду огромные заводы поставил, которые день и ночь хороший воздух на зловоние перерабатывали: такое уж замечательное достижение. А подданным своим велел «черторыликами» или «куманистами» называться.

Заманчивая страна... Но как ею завладеть?

Думал, думал парнишка, ничего не мог изобрести. А тут ему как раз в досужем притоне выдающий советник попался: так, один полусоветский полуполковник из беглых дьяконов. Тот и говорит ему: «Вижу я, дорогой полутоварищ, ваше расположение; и все ваши мысли, поскольку они конечно у вас имеются, мне совершенно известны. Посоветую я вам. Есть у меня тут один приятель, мудрый волшебник из туземцев. Все он знает и все он может. Побеседуйте с ним в простодушии. Он наверное вам поможет. А я сегодня же за вас три словечка ему замолвлю».

Сказано, сделано.

А был тот мудрый волшебник, по слухам, из сословия каменщиков. Жил он одиноко, на пустыре, в загадочном домике без окон, без дверей; в трубу влетал и вылетал. И про тот загадочный домик по всей округе неважные слухи ходили.

Принял он глупого парнишку через трубу. Выслушал его расположение и сказал: «Помочь могу. Но ты мне сначала три капли крови своей дай и душу заложи. Тогда увидим». А парнишка уж готов. Сделал «Казбека в тучах» и говорит басом: «бе-ри! за-кла-ды-ваю!» И сговорились они с волшебником: парнишку устроить диктатором в Сибэри, а тот за это обязуется волшебнику пожизненным беспрекословным повиновением.

И сказал ему волшебник: «Теперь я тебе приятель. Узнай же от меня всю Правду, расскажу тебе все Извес-

тия и самые Последние Новости. Черт не черт, а старый мечтатель и мой кум. Он всегда для блага человечества работает, но его никто не понимает и не ценит. А теперь он очень устал от своих трудов в Сибэри и мы уже три года подыскиваем на его место желателя. Вот ты и будешь. Готовься! Собери оголтелых сотни две, чтобы они у тебя были в полном повиновении; ну галдеть будут конечно за две тысячи. Назови их черторыликами и внуши им, что черт не черт, а усталый мечтатель, что осуждать и преследовать его не за что и что он сам собирается в дом отдыха. А об остальном я уж позабочусь. Только помни — слушаться во всем до конца. А пока вот возьми это на предварительное обзаведение»...

Обрадовался парнишка. Купил себе фрак и цилиндр, завел автомобиль и начал издавать газету «Мордость» и в ней свои генеральные плоскости проводить. Начали к нему ребятишки из тех, кто поглупее, в черторылики записываться, а он стал их по бочагам распределять и устав для них сочинил: 1. Если ты верный стоерос и настоящий черторылик, то повинуйся и молчи; 2. только от согласия и по команде рычи; 3. а там увидишь.

Переняли новые черторылики у кого-то манеру дикую ломацию хором производить, без нот, а с приплясом и присвистом. Занятно выходило. Соберутся человек тридцать и начнут:

«Черт не черт, а усталый мечта-атель.
Вождь наш вождь — на его место жела-атель!
Забери
Сибэри!
Не стесняйся, живо при!
Так сказал прия-а-атель!»...

Стал народ собираться, слушать. Стали новые ребятишки записываться, и новые бочаги[13] возникать. И из каждой бочаги своя дикая ломация[14] понеслась.

А парнишка тем временем не спал, не дремал: все салоны обегал (куда только его пускали) и повсюду речи говорил.

«Вы, — говорил, — примите во внимание: вы с нами или против нас? Говорите прямо: признаете ли вы мои генеральные плоскости? Если признаете, то записывайтесь ко мне в черторылики и подчиняйтесь. Если не

признаете, то дайте немедленно подписку в неизбежном самоубийстве. А впоследствии мы вам гражданскую войну объявим. Возражений не принимаем. Несогласие считаем за кровную обиду. Исхода вам нет никакого. А если вы посмеете к нам в Сибэри приехать, то все равно придется вам неудачную операцию пупень-дицита сделать; и у нас для этого целый кадр черторыликов неудачной медицине обучается»...

Услышал обо всем об этом черт — и забоялся. Ну, говорит, беда! Идет на меня новый Балда! Стал этот Балда в позицию, объявил мне оппозицию... И газета его Мордость, посшибет с меня и спесь, и гордость... Закнок-аут-ит[15] он меня и поминай как звали. И сам Каганович не поможет...

Созвал черт своих сородичей и говорит: «Так и так, дорогие куманисты. Парнишка на нас войной идет. Что нам делать? Ведь еще немножко и он своей дикой ломацией нас совсем сломает! Надо идти на уступки»...

Посоветовались куманисты и решили: объявить уступки по всей линии, а самого парнишку неизбежно куаптировать... И приказали: двух свежих стариков до завтрашнего дня на колбасы не отдавать; взаимную порку на два дня отменить; родителям приказать, чтобы они своих детей каждый вечер по счету запихивали под кровать; а малолетним на целую неделю свободу дать, чтобы сами себе обезьян для спаривания выбирали. И пустили этот «шлюх» в газеты. Только пустили, как во всех странах умиление обнаружилось: черт-то, говорят, одумался; в бесподобные — преподобные выходит: свободный прижим вводит... В посрамление всем писимистам — пораженцам и всей белогвардейской сволочи...

Узнал парнишка — обрадовался. Сейчас же сел и новую генеральную плоскость состряпал: Всем, всем, всем, перевсем. 1. Наша берет. 2. Черт не черт, а симпатичный реформатор. 3. Требую передачи всей полноты. 4. Верным моим черторыликам приказываю усилить порыв до нарыва, углубить нарыв до надрыва, наступать без перерыва...

И велел во всех бочагах сорок дней и сорок ночей непрерывно дикую ломацию производить, — на устрашение.

Только закончили — вдруг радиотелеграмма: «Просим дорогого парнишку и всех его любезных черторыликов прибыть немедленно в Сибэри для принятия всей полноты». И подписано: «Усталый Мечтатель».

И сейчас же в газете «Мордость» новая плоскость:

1. Наша взяла.
2. Выхожу неизбежно в бонапарты.
3. Всем моим черторыликам — жен и детей не закладывать, а немедленно приобрести комиссарс<к>ие значки и с шиком готовиться к отлету.

Обрадовались черторылики, во всех бочагах пьянка пошла, песни, пляска, драки, все в комиссарских значках шикуют. И новый гимн составили:

«Удивись, двадцатый век,
Сколь всесилен чебурек!
Тучи сдвинул наш Казбек,
— Черт не черт, а человек!»

И в один прекрасный день взвились все бочаги во главе с парнишкою на бомбовозах и улетели на восток.

С тех пор о них ни слуху, ни духу. Волшебник исчез бесследно с лица земли. А черт и доселе правит в Сибэри по-прежнему.

5. В дураки[16]

На одной ярмарке восточный человек объявился. Поставил будку с прилавком и вывеску повесил: «Здесь обигрывают дураки карту».

С раннего утра перед будкою народ толпиться начал.

«Что за человек такой? — Кого обыгрывает?»...

«А чего народ скопляется?»

«А кабы нечего было, так и не скоплялся бы»...

«А-а, сидит какой-то нехристь в будке, карты раскладает»...

«А пробали с ним хлястаться-то?»

«Нет, не пробали... Чаво хлястаться? Знамо обжулит»...

«А може и не обжулит? Не пробал, так и не говори»...

«Да кабы жулик был, он прямо так не сказал бы. Жулик — он шулерт. Он норовит потихонькю. А этот...»

«Да чего там долго разговаривать... Подходи што ли! Кто кого»...

В будке сидел восточный человек неизвестной нации. Лоб в полвершка. Волосы щеткою, глазки маленькие, свиные. Морда бритая, усы книзу. Быстро раскладывал карты и приговаривал:

«Подходы, дюша мой. Клады заклад. Здаю и абигрываю; абигрываю и здаю. Тэбэ козири, сэбэ козири. Сэбэ козири, тэбэ нет козирей. Хочишь козири? Вот тэбэ козири. Не хочешь, сэбэ возму. Абиграю тэбья фканец. Ты антирэс свой панымаешь? Не панымаешь! Я тэбэ абисню. Ты без мэнэ кто таков? Ишак иврапэйский. А я бэз тэбэ — Ибрагим сам сасам. Подходы, клады заклад. Тры рубли. Здаю и абигриваю, абигрываю и здаю».

Народ все еще нерешительно толпился.

«Уж и образина! Харя-то»... — слышалось из задних рядов.

«Ой, не ходи, Семка! Обыграет он тебя»...

«Даешь», — протиснулся вперед крепко пьяный Семка в немецкой кепке. «Сколько тебе закладу? Трешню? Бяри пятерку! Знай наших, кальтурных-сознательных сасал-дирьмократов! Здавай, черт, добрасовестней»...

Ибрагим быстро и ловко сдал в дураки.

«Ой, щасье твое, — стонал он. — Ой, козири все твои!»...

«Берет моя-а!» — самодовольно рычал Семка.

И вдруг Ибрагим захлестал его высшими козырями.

«Праиграл, дюша мой! — заявил он спокойно. — Хады к боку».

«Постой, — возмущался Семка. — Ты что? Обыграл мине? Я сознательный пролетеят, сасал-дирьмократ. Как ты могишь?»

«Здаю и абигриваю, дюша мой. Абигриваю и здаю. Хочишь козирей, клады еще заклад; не хочишь, хады к боку».

Сзади напирали: «А вы, товарищ, не задерживайте. Проходите скорей. Небось всякому тоже обыграться хочется»... И Семку дружно оттерли.

И уже совали заклады: кто трешню, кто пятерку; а один купец в американском цилиндре высоко поднял зажатый в кулаке четвертной билет...

«Ах, мамаша!» — рассказывал где-то в задних рядах рабочий в итальянской черной рубашке, подошедшей толстой купчихе в аглицком пальто.

«Какие куши отхватывают! Семка тут один, сасалдирьмократ сознательный, двести тысяч за подряд выиграл. Дом купил, пивной завод поставил, торговлю колбасную открыл, теперь каталку самдруг подыскивает, нявесту развлекает»...

«Батюшки светы, — ахала полнотелая купчиха, — какие дела делаются! Что же это я как опоздала!? Да кто же там играет?»

«Ах, мамаша! Человек восточный, карты сдает, Ибрагим Кавказыч. Сам лысай, борода по пояс седая, ачки бальшущие, степеннай-престепеннай. Играйте, говорит, со мною, други милые. Всех обалдадетельствую, всем капиталы поправлю. Обыгрывайте меня усе дураки в карту. Вот и играем, капиталы поправляем».

Я проснулся от громкого шипения. Автомобиль! Где я? Что такое?

Я сижу на лавочке в Женеве как раз напротив Лиги Наций. А автомобиль, напугавший меня, привез самого Литвинова[17].

И все это был сон. Никто в дураки не играет, все благополучно.

И приснится же эдакое... На всю Европу!... Даже вспомнить противно.

6. Гений[18]

В некотором царстве, в совершенно неизвестном государстве сделался знаменитый писатель. Все-то он знал и обо всем-то он писал; и о чем ни напишет, все было замечательно. Ахали дамы, восхищались гимназисты, а религиозные мальчики прямо табунами за ним бегали. Каждые два месяца он выпускал новую книгу и развивал новое мордосозерцание. А интереснее всего было, когда он лекции читал или в прениях выступал: в это время он такие штучки лицом и руками проделывал, что народ прямо сходился глазеть на него.

А фамилия его была Белибердяев[19].

Больше всего Белибердяев писал про религию. И никто не умел открывать такие горизонты, как он, —

орлиные и пророческие. «Что Бог делал, когда он ничего не делал?» Ну, понятно, все в затруднении; никто не знает. А Белибердяев и про это подробности сообщит. Или: «Что случится, если так приключится, что время назад пойдет и средние века на нас приползут?»[20] И опять — все растеряются, а он же-де-мо[21] развивает. Или еще: «Как быть, если окажется, что зло в Бога передвинулось, а добро в диавола?...» Страх и соблазнение...

Словом, гениальный был писатель.

Ну, конечно, как у всякого гения, и у него завистники и враги были. Одни говорили, что он плохо пишет, все больше на одном месте топчется и слова перевертывает. Другие говорили, что он ничего путем не знает и все только путает. Третьи — что он масон... Но у кого же нет завистников и зложелателей?

Вскоре начали его сочинения на все языки переводить, а один неарийский издатель обещал даже выпустить полное собрание его сочинений на швейцарском[22] языке. Тут Белибердяев зашумел уже на всю вселенную и стал гений размеров планетарных. По правде сказать — ни переводчики, ни читатели ничего в его сочинениях не понимали. Не понимали, а восхищались. И не то, чтобы трудно было или глубокомысленно: нет. Но — мутно. А в мутной воде всякий и вылавливал ту рыбу, какую хотел: каждому казалось, что он сам давно уже это хотел сказать. Себе-то самому «гения» не очень скажешь; а через другого — можно: «ах, это гениально, мне это давно уже казалось»... И слава Белибердяева стала расти не по дням, а по часам.

И тут стали его отовсюду чествовать и на щит поднимать.

Напишет он, что в Боге четвертая ипостась[23] открылась и пятая намечается, — и сейчас вселенское общество объединенных еретиков шлет ему бархатную шапочку с раввина Гиллеля[24], а в Оксфорд и в Женеву зовут еретические лекции читать.

Или напишет он, что жену иметь хорошо, а детей от нее[25] — Боже упаси! — сейчас же ему почетный диплом от нео-мальтузианцев шлют, а от больших резиновых трестов — благодарственный адрес...

Или еще — придумает он, что человеку лучше всего три пола[26] сразу иметь, и сейчас же ему в акушерском институте кафедру анатомии предлагают.

А однажды он объявил, что государство диаволом выдумано и что полиции грешно преследовать жуликов[27]; и тотчас анархисты выбрали его своим почетным идеологом, а гангстеры из Америки прислали ему премию в 1000 долларов. Ну деньги он конечно не принял, а пожертвовал их на возвращенцев.

Когда же он объявил, что коммунизм есть проявление любви и свободы[28] и что революция творит дело Божие, — из Москвы прислали ему звание заслуженного соревнователя и приглашение вернуться в Совдепию: мы, дескать, думали, что вы контрреволюционер и нас только издали языком дразните, а теперь мы видим, что вы препо-лезный гражданин; приезжайте, мы вам устроим жалованье и паек, все равно как Мариэтте Шагинян[29]; а язык в случае чего нашему доктору покажете, он вам из кремлевской аптеки касторки выпишет, не смущайтесь. Ну, в Москву он тоже, конечно, не поехал: дело любви и свободы издали виднее, детали не заслоняют.

И придумал он издавать новый, полезный журнал на всех языках, чтобы всех во всем колебать. Назвал он журнал «Распутье»[30], по-немецки «Das Nabelnest[31]», по-французски «Ventrebleu[32]», по-английски «The Ventriloquist[33]». Хороший был журнал! Издавался он на полукартоне, печатался полузолотом, поля имел полуаршинные. Выходил он сначала ежемесячно, потом еженедельно и, наконец, ежедневно. С раннего утра перед типографией народ толпился, очередь устраивали, на рукавах и на ладонях номера писали; и даже полиции приходилось вмешиваться и уговаривать.

Замечательный был журнал. О чем бы в нем ни писалось, все выходило наоборот. Добро смахивало на зло; а зло на добро. Где все хорошие люди стесняются или прямо стыдятся, там выходило, что и стыдиться нечего. А где люди привыкли честь понимать и почет воздавать, там выходил сплошной позор. Иуда Предатель вышел в русские национальные святые[34], Сергий Радонежский — в толстовцы[35], Распутин — в мудрецы и праведники[36].

Государство строить — грех, народ свой защищать — позор, армию обучать — дело сатаны. Белое выходило черным, черное — белым, красное — прекрасным, прекрасное — опасным. Душа — наизнанку, мозги — навыворот, все мысли и чувства — в извращении. Распупье да и только.

Долго ли, коротко ли — стал журнал повсюду распространяться и все больше писателей и полуписателей стало в распупщики перебегать. Оно и понятно: во всем мире эта самая «криза», безработица, не знаешь как и пообедать; а тут — только напиши, что, напр<имер>, коммунизм из священного писания вытекает; или что Герострат потому и сжег храм Дианы Эфесской, что был замечательным поэтом, семьянином и боголюбцем; или что Фридриха Великого надо за убийцу и садиста почитать, — и сейчас тебя в Распупьи напечатают и новенькими долларами гонорар выплатят.

Тут общественное мнение взволновалось. Всем захотелось наверное узнать, откуда у Белибердяева деньги и на чьи средства издается замечательный журнал. Одни говорили — большевики помогают, для смуты; другие — на масонов указывали: «они-де знают, что делают»; третьи — иезуитов подозревали: «они-де всему на свете тайные враги». Спорили, спорили и решили основать «казну разоблачения». Пять тысяч безработных взносы делали, от обеда отказывались, на кроватях дрогли. Через год собрали деньги и решили отправить делегацию, — из одного полковника, одного поручика и одного вьюноши, — к знаменитому Бурчееву[37], всемирному знатоку и обличителю.

Принял их Бурчеев не сразу: очень занят был, — он как раз в это время от своего приближенного гепеука доклад принимал, кто именно из Совета Послов[38] в Гепеу не служит. Оказалось, что никто. Наконец выслушал их Бурчеев и сказал: «Сотрудничество ваше излишне. Што?! я еще со времен Азефа про всех все знаю, кто, когда, куда, откуда, зачем и каким способом. Но оглашать эту тайну сейчас несвоевременно; пока что душа моя ею беременна. Што?!?. Но через два года пять месяцев и три дня я ее сам во всех газетах пропечатаю. А между прочим из вас-то самих никто в петербургском охранном отделении не служил? Што?!?»...

Делегаты сами не помнили, как выкатились от него: косматый, немытый, глазами подмигивает, голосом вскрикивает...

Ушли и стали совещаться, как быть? Решили жертвенно продолжать поиски до конца и для этого разделиться: полковнику для разведки поступить на службу в торгпредство, поручику с той же целью вступить в масонскую ложу, а вьюноше пробраться в иезуитский орден. Постановили держать крепкую связь, встречаться раз в четыре года 29 февраля в потайном месте и обмениваться информацией.

А Бурчеев тем временем выбрал темную осеннюю ночь и забрался через окно к Белибердяеву в спальню. Подкрался к постели и начал сонного гения пассами обрабатывать. Тот, недолго думая, впал в транс.

«Заклинаю тебя силою великаго Азефа, — шептал Бурчеев, разводя повсеместно руками, — открой мне всю правду! Почему у всех дела — фи!, а у тебя — нансовые? Кто помогает тебе? Откуда сила твоя?»...

Белибердяев глухо всхлипывал в трансе.

«Заклинаю тебя именем Пандоры и Горгоны! — настаивал Бурчеев. — Именем Лилит[39], твоей жены первозданной! Открой мне правду!»

Этого гений не выдержал: начались корчи.

«Именем Мидаса и его ослиных ушей! Именем Вельзевула, князя бесовского!!»... — неистовствовал Бурчеев.

Белибердяев начал сдаваться.

«Открою» — пролепетал он.

«Всю правду?»

«Всю правду»...

«Кто помогает тебе? Кто?» — впился Бурчеев.

«Мировая смута», — прохрипел Белибердяев, впадая в каталепсию. И прохрипел правду.

7. Как Обалдуй Россию спасал[40]

Скушно было Обалдую: ни тебе развлечения какого, ни тебе судовольствия. Сидел он в каком-то заштатном европейском городке и от скуки куриные яйца золою перетирал — так, безо всякой надобности. Родителей у

него не было, а родился он прямо от янкменов. От них же и образование получил — на заочных курсах. И разбогател он этими заочными познаниями до избытка. А судовольствия все-таки нет и нет.

И придумал Обалдуй ото нечего делать Россию спасать, заочной отсебятиной; у него ее возов десять скопилось удобрения, а тут, мол, и пригодится. Надо только большевиков сбросить за то, что они янкменам[41] ходу не дают, а остальное само утрясется. А так как русский народ сам ничего для этого не делает, то надо всю Россию в опеку отдать и по соседям расписать. Кому клин, кому стан, кому весь сарафан.

На эмигрантов надеяться нельзя. Они всего боятся. А бояться нечего!

Одни говорят, что Россия распадется. Ну да, распадется! Чего же тут страшного? Пускай себе распадается: мы ее и по частям в янкменское христианство обратим.

Другие боятся, что Россия вовсе погибает... Ну да, погибает! Тут тоже бояться нечего... Погибает, потому что до нее слово истины янкменской не доходит...

Третьи опасаются, что другие державы всю Россию под себя заберут.

Ну, вот, что за дело — заберут,
И кому какое дело — заберут...

Мало, что ли, соседние державы друг у друга разные куски отхватывали и под себя забирали. Я у тебя отобрал, ты у меня отобрал, мы у вас отобрали, вы у нас отобрали, они, они у нас отобрали. Это дело не страшное, соседское и полюбовное; даже — христианское. Что за разделение такое? Что за нации?! К чему это? Надо жить по-братски, по-вселенски. Долой перегородки и заборы! Даешь международные соборы! Как все отберут, — тут самое вселенское дело и начнется. Съедемся на миролюбивый собор, начнем рассуждать по братскому дружелюбию, и тут-то я, Обалдуй, выступлю, всех примирю и все улажу...

А эти разные опасения эмигрантские — это все предрассудки старого поколения: думают по-старому, рассуждают от печки, нет у них нашего бесконечного горизонта, нашей веры в торжество янкменской правды!

Обсудил он это все и тотчас приступил к делу.

Прежде всего телеграфировал в Янкмению: «держитесь! начинаю! готовьте ваши кадры!»

Потом заложил два серебряных портсигара и золотые часы и полетел в Японию. Вонзился прямо к самому:

«Так и так, — говорит, — киро-кива, куту-токи. Мы одумались и решили распадаться. Каемся во всех наших правдах и неправдах. Отметаем всякое насилие; оплакиваем грехи прошлого и настоящего. Беззаконно завладели мы вашей исконной вотчиной и дединой. Примите от нас все, на основании Владимира Соловьева[42] и Восточного вопроса. Отдаем вам доброхотно все пространства на восток от Иркутска и Байкала по реке Лене. Не обессудьте! Куку-токи и потоки, поля наши широки».

Повел японский повелитель левой бровью и поднял правый мизинец: кончил аудиенцию. А секретари записали: «прилетал Обалдуй, соглашался до Иркутска»... А вам, говорят, какую же за это единоличную компенсацию? «Ничего мне не надо, — сказал Обалдуй. — Я действую по Владимиру Соловьеву, во славу янкменской нравственности; и никаких контрибуций мне не нужно. А впрочем, одолжите временно на безвоздушный билет, мне в Турцию пора».

Прилетел в Турцию и ввалился без доклада к «самому». А сам сидит на ковре, ноги разжал, феску сбросил, цилиндром обмахивается, — в знак великих реформ. Обалдуй к нему.

«Аллаверды, — говорит, — Господь с тобою! Привет от янкменов. Беззаконовахом и неправдовахом. Дайте поскорее свежего пепла из трубки, главу посыпать. Так. Merci. Решили мы жить по-новому и разорваться по всем швам. Берите. Все берите. Крым — ваш. И Кавказ — тоже ваш. И еще: Хиву берите, и Бухару, и Туркестан, и Фергану, и Памир, и Семиречье. И где еще ваши магометы сидят, тоже берите; а я согласен: спорить и прекословить не буду. И все обиды прошлого — простите нам по-христиански на пороге новой жизни. Начинается новая эра — Обалдуя Великого»...

Взволновался «сам», даже ноги опять поджал и фес нахлобучил. «А вы, — говорит, — к нам в Ангору от ка-

ких кошек присланы? И где ваш мандат? И кто за вами на ковре сидит?»

«Я, — говорит Обалдуй, — представляю всю объединенную эмиграцию и иммиграцию, все национальные меньшинства и большинства, и прочая, и прочая, и прочая. А мандат мой, извиняюсь, в Лиге Наций на столе забыл. Можете справиться у Венизелоса. А впрочем, мне дальше пора! Фес вам с чадрою, привет ангорским кошкам! Всего! и пока!...»

«Постойте, — говорит сам, — напишем протокол, отменим Лозаннский договор, выкурим трубку обновления»... Куда там, от Обалдуя и след простыл.

Прилетел в Румынию. А там уже все знают из Японии и Турции; и тоже подарков ждут. Все премьер-министры собрались и кахетинское откупорили. Он к ним: «Здравствуйте, — говорит. — Плоэшти Букурешти! Начинается эпоха Обалдуя Первого, Великого. Открываются новые горизонты: свет с востока. Знаю я все наши исторические неправды и насилия. Всегда вы владели великой Украйной и напрасно мы ее у вас отобрали. Примите дары благие и богатые. Киев ваш, и Чернигов ваш, и до Харькова, и от Харькова до Луганска, и от Луганска до Таганрога. И Одессу возьмите, во укрепление Православия. Весь народ на Украйне только вас и ждет, и на румынском языке даже сны видит. Плоэшти — Букурешти!»

Взволновались румыны. С несколькими премьер-министрами даже дурно сделалось. Сбежались офицеры со своими старушками, качать хотели, пудру рассыпали. А Обалдуй уж в аэроплане летит и ручкой сверху делает.

Прилетел в Польшу. «Примите, — говорит, — наше навечное покаяние. Плохо мы с вами обходились, падем до нужек. Мы были пся крев, когда вас бесчестно из Кремля попросили. Но теперь будет все другое. Я, Обалдуй Великий, всем запретил мец слабосци до своего краю. Польша восстанавливается от Вильны до Твери, с Москвою, и от Москвы вниз по матушке по Волге до самого конца. Возьмите! Все ваше, владейте до века. Еще Польска не згинела»... Тут сейчас же и договор написали: Польша восстанавливается в пределах 1611 года, и за этими пределами... тоже восстанавливается.

Всех ближних соседей облетел Обалдуй. Со всеми договорился, всех наделил. И всюду подписывался: «Обалдуй Великий, полномочный янкмен».

Вернулся к себе домой: «ну, — думает, — передохну малость». Ан не тут-то было. Оказывается, что кроме ближних соседей есть еще и дальние: общей границы с Россией не имеют, но от подарков отнюдь не отказываются. И завалили они Обалдуя протестующими нотами, да еще какими, — с диезами, бемолями и бекарами! А у него от всей России остались только три деревушки на северном Урале, где русские люди случайно вымереть не успели... Как тут быть?

Прикинул Обалдуй: «что ж, — говорит, — я человек великий: глазомер, быстрота, натиск; пришел, увидел, победил; с ним или на нем; не найдешь паренька, выйдешь и за пенька». И разослал телеграммы: Франции: — «удовлетворит ли вас швейцарская территория?»... Англии — «кланяюсь вам Данией и Норвегией»... Италии: «предлагаю Абиссинию и Египет»... Германии; «возьмите коридор и кухню, Эльзас и Лотарингию»... Соединенным Штатам: «предоставляю вам Индостан и Индокитай»...

Все устроил и всех наделил. А в Я<н>кмению отправил телеграмму: «ваше дело в шляпе, точка, готовьте миссионеров для России числом 666[43], точка, заказывайте миллион фартуков с молотом, но без серпа, точка».

И осталось ему только кнопку нажать, чтобы все ближние соседи на оккупацию двинулись, а дальние соседи за чужое добро принялись...

Вдруг под окном автомобиль остановился. Вышли из него какие-то медицинские люди, взяли Обалдуя под обе руки и отвезли его в нервную санаторию.

Там он и посейчас сидит: обритый, худой, в фартуке с молотом, но без серпа. Весь день из бумаги новую карту России вырезает. А как вырежет, так весь день ходит и торжествующе посмеивается. И все стены подписями исчертил: «Обалдуй Великий, полномочный янкмен».

8. Неуместная шишка[44]

Давно, давно, лет 95 тому назад родился в семье русского помещика Гадюкина[45] младенец мужского пола.

Помещик был просвещенный: в Бога не верил, царя не чтил, Вольтера уважал как отца родного, а в библиотеке на задней полочке прятал Радищева. Храбрый был помещик... Но все-таки, опасаясь попа и капитана исправника, младенца окрестил и назвал Петрушкою[46].

Способный был мальчишка и больше всего отличался любострастием и рассудительностью. Бывало, сидит семилетний пузырь и Бентама[47] про утилитаризм читает, а правым глазом подглядывает, как голоногая горничная, подоткнувшись, полы моет. Так и научился на всю жизнь приятное с полезным соединять. Годам к десяти мамаша Гадюкина[48] захотела его в кадеты отдать; но папаша Гадюкин воспротивился. «Пустяки, в *кадеты* он и сам выйдет, велика мудрость; а вот в министры бы его пристроить, — он для этого прямо создан»...

И еще одна замечательная способность у Петрушки объявилась: говорит *не то*, а лицо делает, будто бы это и есть *то самое*. Сначала папаша Гадюкин это заметил, а потом и мамаша разглядела. Надо, напр<имер>, сказать: «Здравствуйте, тетенька!» А Петруша сделает лицо, как у министра иностранных дел, и тянет детским баском: «до свиданья, дяденька»... Надо сказать: «хлеб да соль»; а Петруша закинет голову назад, нижнюю губу оттопырит да и подарит: «канун вам да ладан»... Посовещались папаша с мамашей и решили, что это *проблески гениальности* и что мальчик обещает быть по крайней мере профессором русской культуры. А тут заезжий черепослов помял голову Петруше и определил: «у него голова замечательная, за левым ухом огромаднейший бугор сладострастия, а за правым ухом неуместная шишка: успех у женщин будет необычайный, но только у антипатичных; а неуместная шишка очень поможет ему на глупых людей действие оказывать; это и лучше. А умрет, говорит, 93 лет во Франции». И больше от него ничего не добились.

Много хлопот было с Петрушей в гимназии. Про Еву выучит, а про Адама забудет. Про Царицу Савскую начнет говорить — так весь и трепещет; а к кому она приходила — не знает. Все слова на женский род переделывал; переделывает и облизывается. И всегда с важной физиогномией неподходящее говорил. То батюшке начнет доказывать, что православие давно пора утилитаризмом

заменить; то на экзамене выскажется «против России вообще»; то директору скажет «дозвольте выйти в Капитолий». И не то, чтобы шалил, а важно, с упорством, с апломбом. Уж папаша Гадюкин директору про «гениальную шишку за правым ухом» объяснял; гимназический врач обследовал: говорят, никакой особенной шишки не нашел, Петруша все *несет неуместное*. Товарищи, кто поумнее, отвернулись от него; а глупые — те прямо его за пророка почитали.

Годам к восемнадцати еще новая черта у Петруши нашлась: оказалось, что он до крайности обидчив, а когда обидится, то непременно клевету пускать начинает. В университетских кружках его скоро раскусили: «это, говорили, опять Гадюкинский клеветон выехал»; а самого его называли «Петруша клеветонщик». Шутники уверяли даже, что он с собою карманную прыскалку носит с едкой кислотой: как на кого обидится, так сейчас сзади на обидчика попрыскает и незаметно одежду ему и испортит. А обида у него копилась постоянная. Потому что все свежие люди объясняли себе его неуместные слова — прирожденною глупостью.

В студентах Петруша засиделся. И романы мешали, и неуместная шишка вредила; да и в ссылку его раза два направляли за «против России вообще». А он и с жандармами держался авторитетно: то начнет их к Радищеву склонять, то приведет для вящего доказательства что-нибудь из Вольтера, то предложит вступить в республиканскую партию «для планомерного перехода к федеративному строю». Жандармы и те ушам не верили.

Однако годам к 45 Петруша написал толстый фолиант[49] и начал выходить в приват-доценты. Книга вся была неуместная и скучища в ней царила — непотребная. Но апломб был такой, и объем был такой, и слог был такой, и клеветона все так избегали, — что книгу признали не прочтя. По правде сказать — только одни мухи ее и читали, больше многоточия в ней призводили летом; да и те мухи, которые, бывало, начитаются, делались сами какие-то неуместные, шало носились по комнате и скоро околевали.

А тут скоро пришла пора первую революцию делать. Пошли манифесты, стали всюду партийные нарывы

делаться; кто куда... Умные к умным пошли; кто позлее за бомбы взялся; великий Менделеев бобылем остался; а глупые все за Гадюкиным полезли — ученый! умный! рассудительный! авторитет! кислота едкая! клеветоны пишет! А главное — в ссылках был! Тогда ведь ссылка вроде стажа считалась: был в ссылке? был! значит — *все* постиг! Святая личность! Умнейшая голова! и может «действительные тайные» советы подавать по революционным делам... А как на самом деле петрушина неуместная шишка по-русски называется, этого глупые люди и через тысячу лет не поймут.

В первую Думу Петруша не попал: так больше в кулуарах вертелся и из кулуаров «действительно тайно» подуськивал. Зато в Выборге очутился первым и выборгское воззвание сочинил собственнолично[50]. Впоследствии оно было изложено в стихах и распевалось всеми большевистскими бандитами. Вот его окончательная редакция, точно передающая петрушин оригинал:

«Бога нет! Царя не надо!
Мы урядника убьем!
Податей платить не будем!
И в солдаты не пойдем!»

Нашкодил Петруша в Выборге, а в тюрьму не сел[51]. Сели другие, менее пронырливые. А Петруша прошел во вторую Думу и развернулся вовсю.

И уж чего-чего он не делал! И с бомбометчиками шептался... И русские государственные займы подрывал — по всей загранице ездил и всех неарийских банкиров уговаривал: «не давай, ложи взад!»... И газету безбожную издавал... И на царя с царицей клеветал...[52] А как война началась и все на оборону работать стали, так он специальную мастерскую завел: — фартуки шил и всем желающим раздавал[53], а сам новую песенку насвистывал:

Собирайтесь, рожи,
В новенькие ложи,
Распускайте больше лжи —
Скоро будет у межи...

Словом, трудно определить — чего тут было больше: глупости или измены.

И вдруг разразилась «великая бескровная».

Тут уж папаша Гадюкин, старичок, увидел своего неуместного сына в министрах, пробормотал что-то из Радищева (другие говорят — из Вольтера) и отдал душу нечистому.

Вышел Петруша в министры. Для него даже особое ведомство устроили: министерство «странных» дел для неуместных слов при несвоевременном правительстве. Увидал Петруша, что русская армия разваливается. «Ну, — говорит, — теперь самое время пришло». И телеграфировал англичанам: «требуем аннексии всех каналов и проливов — Суэцкого, Панамского, Гибралтарского, Коринфского, Дарданелльского, Падекале, Ламанш, Зунд, Категат и Скагеррак»... Все державы испугались до смерти; велели Петрушу убрать за неуместную шутку, а у Троцкого в Америке началось бурное возрастание текущего счета «от неизвестных друзей»[54]; и совдепы перешли в наступление. И опять нельзя было определить, за что Петруша слетел: за измену или за глупость...

В гражданской войне Петруша не участвовал: все старался вовремя эвакуироваться и все ему не удавалось. А как заметил он, что германская армия разлагается, так послал в Берлин телеграмму: «предлагаю сепаратный мир, согласен объявить войну антанте, требую аннексии всех проливов — Скагеррака, Категата, Зунда, Ламанша, Падекале, Дарданелл, Босфора, Коринфа, Гибралтара, Панамы, Суэца. Петруша Гадюкин<»>. Ответ пришел насмешливый: «вы — реальный политик; виза дана»... И вдруг всем стало ясно, что вся «политика» Гадюкина — сплошная глупость... А Петрушу после этого в некоторые страны и пускать не хотели: «у него-де неуместная шишка все время выскакивает»...

Однако он как-то за кулисами выкарабкался и во исполнение черепословного пророчества устроился в Париже. И опять начал «действительно тайно советовать» всем кому не надо. Узнал, напр<имер>, про водворение белых кадров в Галлиполи и подал всем министрам законопроект в стихах:

Бога нет, царя не надо!
Но пришло с востока стадо,
Стадо злобных янычар,
Золотопогонных бар.

Сладить можно с этой злобой
Лишь голодною утробой!
И бороться с этим ядом
Надо холодом и гладом.

Пусть и Врангель во весь рост
Испытает строгий пост,
А Кутепов, не беда,
Пусть зачахнет навсегда.

О, министры, эти стансы
Сэкономят вам финансы,
И не дать ли их поэту
На масонскую газету.

На подлиннике этого законопроекта имеется приписка от «многочисленных православных прихожан всех приходов мира»:

«Пост полезен не только монаху, но и воину. Посему просим во славу православной церкви не посылать в Галлиполи никакого продовольствия». Игорь Гугнидов[55]. Николай Кабакар[56]. Александр Шушеришер[57]. Иуда Блудомович[58], Марк Клубничник[59]. Сто православных поляков. Двести православных литовцев. Комуч. Помуч. На смерть замуч. Всего 3.257.843 подписи.

И как только этот законопроект огласился в печати, так все увидели, что политика Гадюкина — есть не только глупость, но и сплошная измена.

Но окончательно в этом убедились лишь позднее, когда много лет спустя Петруша Гадюкин дожил в порывах любострастия и пустословия до столь преклонного возраста, что перестал мышей топтать (а топтал их за него Саша Шушеришер), и уже не умел папы от мамы отличать (а отличал их вместо него Юдя Блудомович). И так они хорошо «топтали» и «отличали», что научили Гадюкина — не отличать совласть от русского национального правительства. И вывернул Петруша все наизнанку, осталась от всех его талантов одна неуместная шишка и понес он такое, что Вольтер в гробу каждый день за него краснеть начал, а Радищев на том свете с горя повесился и записку оставил:

Родив Гадюкина Петрушу
И вдруг поняв, что он во рву,
Я долга чести не нарушу
И нитку жизни оборву...

В 1943 году Петруша Гадюкин отошел в вечность. Смерть застала его за письменным столом, когда он как раз кончил передовицу: «О гнусной реакционности нового русского национального правительства, вот уже седьмой год угнетающего русскую демократию и не дающего въездной визы бр. бр. бр. Гадюкину, Шушеришеру и Блудомовичу. Посвящается светлой памяти национального героя Сталина-Джугашвили, сумевшего в свое время сочетать приятное с полезным!»

Неутешно злились сироты Саша и Юдя, усадив своего «пэра» «в лашез» и провожая его на Перлашез; дружно несли они за его катафалком пятиконечную звезду рогами кверху. В последний раз выскочила неуместная шишка. В последний раз глупость и измена сыграли в чехарду.

Но пророчество черепослова исполнилось до конца.

9. Медведица[60]

Стояла она огромная и грозная в спальне Зимнего Дворца. Двести лет тому назад принял ее на рогатину сам Великий Петр у Ладожского озера в кексгольмских лесах. Вышел он на нее один на один, проткнул ее под самое сердце и укротил навсегда. Лежала она с тех пор у ног его шкурою. Служила, распростертая, и Елисавете Петровне, и Екатерине Алексеевне: тепло хранила. А Государь Николай Павлович призвал самого искусного набойщика и велел ему воздвигнуть ее вдыбь, как вышла она из леса на своего укротителя...

Стояла она с тех пор, невступно трехаршинная, в Зимнем Дворце, от главного входа в спальню — налево в углу, лапы вверх, пасть грозою, шерсть щетиною, против сердца малая плешь, где великая рогатина прошла. И много она на своем веку видела и слышала. Видела похороны того, кто ее вдыбь поднял. Слышала страшный взрыв в столовой дворца. Видела царя мученика, умирающего в крови. Видела сына его, и внука его, и правнука. Слышала, как народ на коленях за царя молился, в час объявления страшной войны...

Все видела и слышала.

Но ТАКОГО еще не видала...

Ходил по дворцу какой-то бледный франт, челюсть вперед, усы кверху; распоряжался, опись производил...

Потом другой прибежал, крикун дерганый, с телохранителями; приказы отдавал, приемы делал, бумаги подписывал, на постели под балдахином ночевать оставался...

Потом юнкера ввалились, стрельба пошла, стекла дрожали... Бегали темные стрюцкие по дворцу, называли себя министрами, зубами от страха стучали...

А там черный народ ввалился, солдатня, шпана матросская. Курили, плевали, гадили. Кто что мог, в карманы прятал.

Дивились на нее. Шерсть подпаливали, поднимать пробовали, окурки в зубы вставляли... Видела она все это и слышала. И молчала.

Видела она потом, как прибежал толстый, круглоносый, в черной куртке; похлопал ее по животу, велел ее к себе перевезти.

Перевезли ее на Гороховую[61], поставили ее к толстому[62] в самый кабинет, для устрашения белогвардейцев.

Слышала она здесь допросы с пристрастием, с картавым визгом, с пистолетной стрельбою. Видела заседания и попойки. Слышала мерный стук и глухие выстрелы. И Великих Князей при ней приговаривали[63]; и Голощекин[64] свой доклад при ней делал; и самого толстого, на смерть раненного[65], у ее ног сложили.

Видела она и героев, и робких; и трусов, и предателей; и злодейство безмерное, и Архипастыря[66] на допросе.

Все видела и слышала. И грозно молчала.

Понравилась она потом плюгавому парикмахеру[67], с козлиной бородкой у злобного рта. И велел он перевезти ее к себе в Кремль, в Москву.

Стояла она здесь в его кабинете, видела его приезды и отъезды, слышала, как он крови требовал, как по красной армии приказы отдавал, как на болезнь Ильича радовался. Видела потом, как он, бешено ругаясь, вещи укладывал, как увезли его черные кожаные товарищи в изгнание...

Слышала она, как из-за нее тупомордый Клим[68] с хитрым грузином[69] ссорился. И перенесли ее после этого в покои к грузину.

Стоял он перед ней часами, в куртке полувоенного покроя и в стоптанных туфлях; стоял и из злобных щелок своих думы на нее надумывал. Все вычитала она из этих щелок: и растленные помыслы о России; и кровавые, жадные замыслы его о других странах. О том, как русского мужика подорвать и в бараний рог согнуть; как из русских рабочих последние соки выжать; как красноармейца одурачить; как бывшего русского барина до конца раздавить; как истребить православного священника; а над тайной полицией сверхтайную сверхполицию учредить; и как всех непослушных коммунистов на колени поставить и в подвалах прикончить.

И долгими зимними ночами, когда измученный город спал и только на Лубянке светились окна и громыхали машины; когда тишина царила в залах Большого Кремлевского Дворца и дремали часовые внутренней охраны, — вяло расхаживал по кабинету, шлепая обтопками, самозваный грузин; и подолгу останавливался перед медведицей, шептал ей свои безумные планы и в забвении, машинально трогал пальцем ту малую плешь на ее сердце, где однажды прошла великая рогатина.

Таинственно молчала кремлевская тишина. И сдерживала свой задохнувшийся рык все видевшая и слышавшая кексгольмская медведица...

В одно морозное и солнечное утро, когда православные люди про себя Рождество Христово справляли, а товарищи к буднему дню готовились, — медведицы не оказалось на ее месте. Всю дворцовую охрану, всю уголовную полицию, весь особый отдел поставил на ноги испуганный грузин. Требовал, и грозил, и сулил, и допросы снимал; а сам трясся от страха. Не могла она пропасть! И унести ее не могли; и некому, и незачем, и невозможно... И провалиться не могла... И чудес на свете не бывает...

В испуге бегал дворцовый комендант по коридорам, растерянно за двери заглядывал, и под диванами щеткой шарил, и за голову хватался, расстрел чуял, заговора опасался...

А вечером у грузина сидел советский профессор по нервным делам и прописывал покой, диету и бром.

Потом вышел строжайший приказ: не упоминать о медведице совсем, никогда. И все замолчали. Только

охранные солдаты шептались по ночам в бывшей кордегардии, да в народе ходили темные слухи об ушедшей из Кремля медведице.

С тех пор ее никто не видал, а многие в общей суматохе и думать о ней позабыли, до смерти напуганные новыми показательными процессам против старых соратников, обреченных на расстрел...

Но в ночь накануне Ивана Купала скоропостижно умер у себя в кабинете сам комиссар Наркомвнудела. Умер он при неясных обстоятельствах. За несколько минут перед его смертью все служащие Отдела на Лубянке услышали грозный рев, раздавшийся от главного подъезда. Так реветь не мог человек, даже из последних, предсмертных сил. Сбежавшаяся стража не нашла никого, и никто из ближайших постовых не мог объяснить, что случилось. А через несколько минут после этого секретарь нашел своего начальника мертвым: он сидел в кресле, припав к столу размозжённой головой. Удар, нанесенный сверху, снес ему половину черепа, и брызги его мозга разлетелись по всему кабинету.

Самое придирчивое, самое свирепое расследование не раскрыло ничего: заговора не нашли; убийцу не открыли. Смерть осталась загадочной; и официальное объяснение говорило о разрыве сердца. И все было опять покрыто предписанным молчанием.

Ровно через десять дней в таких же условиях был убит председатель Совнаркома. При полном дневном свете, в 12 часов пополудни, служащие и посетители услышали яростный рев, шедший снизу со стороны главного входа. Люди бросились в панике бежать куда глаза глядят: одни к лестнице, другие по коридорам; залезали под столы, запирались в уборных... Когда первый приступ страха прошел, выяснилось, что председатель Совнаркома найден в своем кабинете с раздавленным черепом и ободранной спиной. Он лежал ничком в луже крови, а от убийцы не осталось никаких следов.

Тревожные слухи поползли по городу. Говорили о заговоре, то раскрытом, то нераскрытом, о неуловимой

мафии, о том, что это дело самого Наркомвнудела. Коммунисты арестовывались сотнями, оппозиция трепетала. Во всех главных учреждениях укрепляли наружные двери, проводили и проверяли электрическую сигнализацию, сменяли личный состав охраны. В Кремле шли тревожные совещания, принимались судорожные решения; весь состав Гепеу нервничал и суетился. Сопоставляли оба случая, искали общих причин, строили догадки и теории. Грозили друг другу и боялись; и чем больше боялись, тем больше старались друг друга запугать.

Напрасно пытались новым показательным процессом, на котором целых двенадцать бывших наркомов и послов клялись, что они по наущению контрразведки одной иностранной державы и на ее деньги переодевались в медвежьи костюмы, бегали по городу и совершали террористические акты... Напрасно они старались в доказательство этого по-медвежьи перереветь друг друга на суде... Паника не улеглась и после их расстрела. —

Паника достигла своего высшего напряжения, когда ровно через десять дней председатель ВЦИК был найден в лесу в своем автомобиле совершенно без головы. Автомобиль застрял на повороте из советского санатория, где он навещал свою нервнобольную дочь. В нескольких шагах от автомобиля нашли остатки его черепа, сплюснутого в лепешку, а шофер исчез бесследно.

На третий день шофера нашли блуждающим по лесу в самом жалком виде, с диким взором и без языка. После непрерывного семичасового допроса его расстреляли по обвинению в заговоре и убийстве; но в партийных кругах передавали шепотом, будто на допросе он несколько раз написал слово «медведь»...

Прошло еще десять дней, и все с уверенностью ждали нового события. Высчитывали, проверяли, соображали и боялись говорить от страха. Охрана всюду была удвоена и утроена. Пропуска в Кремль выдавались за пятью подписями и проверялись в девяти последовательных инстанциях. Тюрьмы ломились от арестованных. Части особого назначения держались наготове.

В партии шептали, что очередь за ненавистным грузином.

Бледный, с угасшими глазами и трясущейся челюстью сидел он у себя перед системою телефонных аппаратов, электрических звонков и сигналов. Все меры, даже самые нелепые и ненужные, были приняты и двадцать раз проверены. Всякая опасность была исключена.

А он считал себя обреченным.

Весь день он ждал своего конца. Не знал, откуда он придет; и готовился. Пытался притвориться спокойным; и ежеминутно обтирал холодный пот со лба. Доказывал себе отсутствие опасности и знал холодным сосанием под ложечкой, знал наверное, что сегодня — конец. Ждал, острым нетерпением ждал известия о смерти кого-нибудь другого и жадно хватался по звонку за телефонную трубку.

Сколько раз он подходил сегодня к тому месту, где стояла исчезнувшая медведица, видел ее в воображении, видел ее малую плешь в области сердца, протягивал руку к этой плеши, трогал ее и шептал успокоительно: «чучэло, чучэло! просто чучэло» — и вдруг обливался с ног до головы холодным потом. Пробовал прочесть историческую справку об этом чучеле, составленную для него двумя профессорами коммунистической академии, и не понимал ничего.

Было девять часов вечера, когда одиночество стало ему невмоготу. Он позвонил и приказал вызвать членов Политбюро.

И вдруг откуда-то снизу, из глубины кремлевских этажей и коридоров, подобно удару грома, от которого звенят стекла и содрогается самый воздух вокруг человека, донесся грозный, вздымающийся и раскатывающийся рык наступившей расплаты...

Волна смертного трепета поднялась в нем из глубины живота и залила его сознание.

Через минуту стража нашла его с проломленным черепом.

Наутро столица кипела в уличном мятеже, а через несколько дней восстание передалось во все концы России.

10. Борьба за родину[70]
(*патриотические беседы*)

Действующие лица:
Николай Рудольфович[71] Тейфельсдрек[72] 42 л.
Эдмунд Феликсович Пепржинский[73] 43 года
барон Ганнибал Амандович Онехозен[74] 62 года
Григорий Григорьевич Отрыгайло 30 лет
Фирс Фирсович Угрюм-Бугреев 73 года
Марк Иосифович Извивандер 23 года
Константин[75] Иванович Добровольский[76] 27 лет
Несколько бледных юношей, крикливых, угреватых, с беглым взглядом, не старше 19 лет[77].

Беседа первая: *Тейфельсдрек и Извивандер.*

Тейфельсдрек. Вы неверно понимаете дело. Нам совсем не нужны эти избирательные правила. Для вида можно, конечно, и их проголосовать; но это сущие пустяки. Надо во что бы то ни стало провести как можно больше своих. Где можно — действуйте по правилам; а где нельзя — к черту правила. Париж нам не указка, и чтобы наши в аргументах не стеснялись. Особенно в *наших* организациях; а те, идиоты, пускай соблюдают свои правила и по всем правилам остаются в меньшинстве.

Извивандер. Я передам это, Николай Рудольфович. Но меня беспокоит одно обстоятельство: — мое положение трудноватое; ведь меня до сих пор студенты и профессора считают своим; а я теперь все теряю...

Тейфельсдрек. Ну, это мы уладим. Во-первых, вы уже приобрели благосклонность Варвары Феликсовны; значит, вы не только теряете. А во-вторых, я переговорю еще с Онехозеном: у него есть связь с организацией лорда Нордклифа, там вам устроят стипендию. До свиданья.

Беседа вторая: *Тейфельсдрек и Угрюм-Бугреев.*

Угрюм-Бугреев (*шамкая*). Позвольте, Николай Рудольфович... А что же вы сделаете, если никто не захочет платить? Ведь имущество не опишешь по нонешнему времени. Я помню в бытность мою губернатором в 1880 году...

Тейфельсдрек. Этим, Ваше Превосходительство, не огорчайтесь. Это мы с Эдмундом Феликсовичем обдумали. Будут разосланы повестки, с предложением вносить столько-то и с требованием к такому-то сроку дать обя-

зательство. Не ответивший будет считаться отказавшимся. А затем полный список отказавшихся будет опубликован под заглавием «враги России, подозрительные по масонству». А впоследствии в России ни один из них никогда не будет утвержден ни в одной должности... Пепржинский особенно настаивает на этом. Но можно будет пригрозить и большим...

Угрюм-Бугреев (*успокаиваясь*). Ну то-то, то-то. А членам-то органа какой оклад будет?

Тейфельсдрек. Вашему превосходительству мы устроим повышенный оклад, как и всем бывшим министрам... И кроме того — подъемные и суточные... И на секретарей.

Угрюм-Бугреев. Ну, храни Вас Бог. Хлопочите, хлопочите. Ведь вот какой — маленький, да удаленький. Куда же Вы? Ну до свиданья, до свиданья.

Беседа третья: *Угрюм-Бугреев и барон Онехозен.*

Угрюм-Бугреев (*в ярости*). Нет уж, барон, как вам угодно, а уж мы эту сволочь скрутим и к правой стенке поставим. Как! Не желают объединяться?! Не хотят признать, что мы были во всем правы? Либералишки паршивые! Бунтовщики! Да ведь это они, они Россию погубили, жидо-масоны проклятые! Нет, знаете, мое терпение лопнуло. Я еще в 1903 году сказал: патронов жалеете... (*закашлялся*).

Онехозен. Разрешите, Ваше Превосходительство! Вы напрасно меня перекричиваете и не даете мне сказать о моем мнении. Я во крайне многом голосую с вами в одно. Но нам следовало бы предложить им сделать коалиция...

Угрюм-Бугреев (*отдышался*). Ну уж нет, довольно, батюшка мой, соглашательства. Необходим кулак и мускул. Парламент давно пора к чертовой матери. Нам нужен плацпарад, а не говорильня...

Онехозен. Но ведь с плацпарад идут в войну. А ведь вы знаете, что для интервенция у нас нет дипломатия и финансы. Вы вводите в этим заблуждение молодежь...

Угрюм-Бугреев. Э, барон, что это вы миндальничаете... Какое нам за дело до молодежи. Она и без нас все время заблуждается. Тут предстоит факт, а не идея. Мы создадим объединение; понимаете, объ-еди-нение... А вы — про молодежь. А кто не желает — и не надо. Скатертью дорожка — пожалуйте в ложи...

Беседа четвертая: *Тейфельсдрек и Пепржинский.*

Тейфельсдрек. Ты об Извивандере? Он — наш. Об этом позаботится твоя сестра Валя. Ну и стипендию устроим. А вот Добровольский... За ним пять или шесть организаций. Надо его обработать. Не придумаешь ли?

Пепржинский. Попробую. Во-первых, я недавно выручил из беды Бобермана; а Добровольский у него весь в долгу. А потом — если бы у Добровольского вдруг исчезла казна воинского союза; ведь он, что называется, «рыцарь», пополнять надо — опять к Боберману полезет. Тут уж и завяжем. Я поговорю об этом с Отрыгайлою.

Тейфельсдрек. Вот еще наш барон какую-то все чистюльку изображает. Придется его пугануть.

Пепржинский. Ты им всем скажи, что в России будем разговаривать только с теми, у кого будет письменная заручка. А заручку будем здесь же отбирать при первом же непослушании. А Варей ты доволен?

Тейфельсдрек. Ничего, старается. Ведь она знает, что иначе ты ее не пожалеешь. У нее еще два поручения; одно, помнишь, с векселем. Духи купила, шелковые чулки; и, кажется, во вкус вошла.

Пепржинский. Созови еще нашу молодежь и дай им инструкцию. Чтобы слушались. Надо с ними крепче говорить: пепши вепша, да и все. Ну я пошел.

Беседа пятая: *Тейфельсдрек и Добровольский.*

Тейфельсдрек. Вы что же это, г. Добровольский, против нас голосуете? В масоны приписались?

Добровольский. Что это значит? В какие масоны?

Тейфельсдрек. Да вы не удивляйтесь! У нас ведь все списки имеются... Всего наилучшего!

Добровольский (*один*). Что он, рехнулся? Или интригует? А ведь что-то в нем есть еврейское...

Беседа шестая: *Отрыгайло и Пепржинский.*

Пепржинский. Григорий Григорьевич! Вы по-прежнему вхожи в помещение общевоинского союза?

Отрыгайло (*мрачно*). Вхож.

Пепржинский. А помните, вы мне рассказывали о ключах апостола Петра?

Отрыгайло. Было.

Пепржинский. Вы бы могли?
Отрыгайло. Мог бы. А что?
Пепржинский. Добровольский артачится. Выберите время.
Отрыгайло. А потом?
Пепржинский. Ко мне. А уж там доделаем.
Отрыгайло. Надо приспособиться. Через неделю.
Пепржинский. Но уж никак не позже. И молчком.
Отрыгайло. Через неделю. Молчком.
Пепржинский. Не забудьте. Это важно. Довидзенье.

Беседа седьмая: *Тейфельсдрек и Онехозен.*

Тейфельсдрек. Вы напрасно, барон, говорите о коалиции. Большинство у нас; все сосчитано.

Онехозен. Коалиция есть дело принципиальное. Это некрасиво прямо майоризовать: что-нибудь могут подумать.

Тейфельсдрек. Вы изволите быть членом нашей организации. Вы подписали своевременно договор тайного братства (делает один за другим два тайных знака). Вы обязаны блюсти дисциплину.

Онехозен (*делает ответный знак*). Я готов повиноваться, но...

Тейфельсдрек. Помните договор: первое ослушание ведет за собою исключение и предъявление тайных денежных обязательств; второе ослушание приговор к самоустранению.

Онехозен (*бледный*). Однако братство имеет цель — поощрять успех справедливостей...

Тейфельсдрек. Вы вступаете в первое ослушание?

Онехозен (*помолчав*). Я повинуюсь.

Тейфельсдрек. Совет братства поручает вам списаться с организацией лорда Нордклифа и устроить студенту Марку Извивандеру стипендию. Вы принимаете и это распоряжение?

Остехозен. Я повинуюсь.

Беседа восьмая: *Тейфельсдрек. Юноши.*

Тейфельсдрек. Я подвожу итоги, господа. Вы передадите во все наши организации — требование полного повиновения и обещание поездки в Париж с полной оплатой, содержанием и выдачей суточных на особые личные расходы.

Юноши (*наперебой*). Вот это здорово! Николаю Рудольфовичу — ура!

Тейфельсдрек. Во все же белые организации вы передадите, что немедленно по образовании органа будут

сформированы дружины, снабжены, оплачены и начнется негласная интервенция. Летчики полетят из Риги; пешие получат паспорта и билеты; подрывники будут провезены через Румынию. Если будут настойчиво расспрашивать, то скажите им, что соглашение с их любимыми генералами состоялось.

Юноши (*наперебой*). Николай Рудольфович! Вся беда в Добровольском! Они ему верят как Богу... а он гнет против нас. Вот с Извивандером легче стало.

Тейфельсдрек. Станет легче и с Добровольским. Но помните — повиновение абсолютное. По собственной инициативе позволяется только кричать из толпы против ихних ораторов.

Юноши. Да уж это — сделаем. Увидите.

Тейфельсдрек. Заседание закрыто. Пройдите здесь, через заднюю дверь. Поодиночке.

Беседа девятая: *Добровольский и Извивандер.*

Добровольский (*медленно*). Вы уже все знаете? Да, касса заперта, а денег нет. И не придумаю, что делать.

Извивандер. Как это неожиданно. Но ведь вы не думаете же пополнять? Откуда же? Ведь у Вас мать и семья?

Добровольский (*так же*). Не знаю.

Извивандер. Что же, к Боберману?

Добровольский. Не даст.

Извивандер. Но, кажется, Пепржинский с ним хорош; может быть, через него?

Добровольский (*изумленный*). Пепржинский?

Извивандер. Он наверное рад будет вам помочь. Хотите, я поговорю?

Добровольский. С Пепржинским?! Нет, не надо. До свиданья (*уходит*).

Беседа десятая: *Добровольский и Онехозен.*

Онехозен. Господин капитан, я слышал о ваша беда и прибыл вам сказать мое сочувствие.

Добровольский. Благодарю вас. Но... у меня нет выхода. Организация выразила мне полное доверие. Но я, я сам должен пополнить сумму...

Онехозен[78].

КОММЕНТАРИИ

1947

[1] Имеется в виду роман Шмелева «Пути Небесные».

[2] Имеется в виду рукопись книги-исследования Ильина «О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин—Ремизов—Шмелев», которая тогда еще не была издана.

[3] Упоминается Виген Нерсесян.

[4] Речь идет об О. А. Бредиус-Субботиной (1902 — 1959).

[5] Из тропаря Рождеству Христову.

[6] Подразумевается машинистка Шмелева.

[7] *Минос* — сын Зевса (в древнегреческой мифологии), после смерти ставший одним из судей душ умерших в подземном царстве.

[8] Имеется в виду переводчица произведений Шмелева Руфь Кандрея.

[9] *succursale «Colis Suisse»* (*фр.*) — отделение «Швейцарская посылка».

[10] colis (*фр.*) — посылка.

[11] Упоминается Шарлотта Барейсс.

[12] См. «Пути Небесные», ч. II, гл. XXII «Поклон».

[13] Подразумевается известный в 1882—1932 гг. московский театр, созданный театральным предпринимателем Ф. А. Коршем.

[14] *feci quod potui — faciant meliora potentes* (*лат.*) — все, что мог, совершил — пусть другие сделают лучше.

[15] *O, sancta simplicitas!* (*лат.*) — О, святая простота! (См. наст. Собр. соч., т. 4, стр. 567).

[16] *Ходобай* — один из авторов учебника по латинской грамматике для гимназий.

[17] Зарифмованные латинские предлоги и приставки.

[18] Фраза из записки городничего к жене.

[19] О Крутикове и Андерсоне см. предыдущий том переписки, коммент. 217 и 218 (1946 г.).

[20] *Долгоруков* Петр Дмитриевич (1866 — 1945) — князь, помещик, участник земских съездов 1904—1905 гг., один из организаторов и член ЦК партии кадетов, товарищ председателя I Государственной Думы, брат-близнец председателя ЦК кадетов и депутата II Государственной Думы Павла Дмитриевича Долгорукова.

[21] Имеется в виду Субботин Сергей Александрович (? — 1992) — брат Ольги Александровны Бредиус-Субботиной.

[22] *Курульное кресло* — складное, выложенное слоновой костью курульное кресло для консулов, преторов, курульных эдилов. Само слово curulis (*лат.*) означает относящийся к колеснице, колесничий.

[23] См.: Островский А. Н. Доходное место. Дейст. II. Явл. IV. Слова Юсова.

[24] Подразумевается Сталин.

[25] Имеется в виду главный герой повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича».

[26] Об обращении Савла в Апостола Павла см.: Деян. 7, 58; 8, 1; 9, 1—30.

[27] Имеется в виду история обращения легального марксиста Сергея Николаевича Булгакова в священника о. Сергия. Шмелев несомненно имеет в виду изданные тогда «Автобиографические заметки» протоиерея Сергия Булгакова и особенно главы «Мое безбожие» и «Мое рукополо-

жение». См. современное издание: Прот. Сергий Булгаков. Дневники. — Орел, 1998.

28 Смерть четырехлетнего Ивашечки (1905 — 1909), среднего сына, Сергей Булгаков воспринял не только как личное горе, но и как религиозное откровение.

29 Булгаков С. Н. Свет Невечерний. — М., 1917.

30 Видимо, имеется в виду 21-я гл. Евангелия от Иоанна.

31 Подразумевается А. В. Карташев.

32 *Цветаев* Федор Владимирович (1849 — 1901) — учитель словесности 6-й Московской гимназии (Б. Толмачевский пер.).

33 Имеется в виду главный труд жизни Ильина «Аксиомы религиозного опыта».

34 *Короленко* Владимир Галактионович (1853 — 1921) — русский писатель и публицист. Упоминаемое его автобиографическое произведение вышло посмертно в 1922 г.

35 Речь идет о семи «Пасхальных письмах» Владимира Соловьева 1897 г., впервые опубликованных в газете «Русь». В 1900 г. они вошли в приложение к «Трем разговорам».

36 mâché (*фр.*) — макулатура.

37 *Фома Кемпийский* (ок. 1380 — 1471) — немецко-нидерландский религиозный мыслитель. Издание книги «Фома Кемпийский», о которой идет речь, комментатору неизвестно.

38 Имеется в виду пятиярусная колокольня (высота 88 м) Троице-Сергиевой Лавры.

39 Апок. 10, 6.

40 *moitié* (*фр.*) — половина.

41 Имеется в виду денежная помощь И. С. Шмелеву, пришедшая от И. А. Ильина.

42 *Гостомысл* — легендарный предводитель новгородских словен (ильменских славян), первый князь или посадник (1-я пол. IX в.).

43 *ab ovo* (*лат.*) — «с яйца», с самого начала.

44 Указанная выдержка отсутствует.

45 *Salve, me amice* (*лат.*) — Здравствуй, мой друг!

46 А. С. Пушкин «Борис Годунов» (1825).

47 См. письмо И. А. Ильина И. С. Шмелеву от 18.III.1927.

48 À livre ouvert (*лат.*) — без подготовки.

49 *Салтыков* Александр Александрович (1873 — 1940) — граф, поэт, историограф. Работал в «Возрождении». Принадлежал к группе сотрудников, следовавших государственным, имперским и религиозным идеям К. Н. Леонтьева, отправной точкой которых было понятие Отечества. К другой группе, концентрировавшей внимание в основном на понятии Родина и, таким образом, следовавшей традиции Ф. М. Достоевского, принадлежал И. А. Ильин и, как видно из этого письма, Шмелев.

50 *Васильчиков* Павел Александрович — не установлен.

51 Картина Михаила Васильевича Нестерова «Философы» (о. Павел Флоренский и о. Сергей Булгаков) была написана в 1917 г.

52 *Джемс* Уильям (1842 — 1910) — американский философ и психолог, один из основоположников прагматизма.

[53] *Зандер* Лев Александрович (1893 — 1964) — философ, публицист, ведущий исследователь творчества С. Н. Булгакова.

[54] Имеется в виду *Ознобишин* Дмитрий Иванович.

[55] Упоминается Иоанн Златоуст.

[56] «Voies Célestes» (*фр.*) — «Пути Небесные».

[57] Midinette (*фр.*) — мастерица, служащая.

[58] Подразумеваются «Последние Новости».

[59] На самом деле письмо от 18.III.1927 г. — третье письмо И. А. Ильина к И. С. Шмелеву.

[60] Ильин имеет в виду свое первое письмо к Шмелеву от 19.I.1927.

[61] Речь идет о денежной помощи И. С. Шмелеву.

[62] «Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда...» — из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» (1824).

[63] Упоминается книга И. А. Бунина.

[64] *prudes* (*фр.*) — недотроги.

[65] Имеется в виду Нина Ивановна Ильина — жена Василия Сергеевича Ильина, двоюродного брата И. А. Ильина. Проживала в Праге и была духовной дочерью о. Сергия.

[66] *Флоренский* Павел Александрович (1882 — 1937) — великий русский религиозный философ, богослов, ученый с энциклопедической широтой интересов: математик, физик, искусствовед, филолог, историк и инженер. Дважды репрессирован и расстрелян в Соловецком лагере особого назначения в 1937 г.

[67] Имеется в виду И. А. Бунин.

[68] Речь идет о денежной помощи.

[69] duodecim tabulae (*лат.*) — двенадцать таблиц. Имеются в виду Законы двенадцати таблиц, принятые в Древнем Риме в 451—450 гг. до нашей эры.

[70] *Фламмарион* Камиль (1842 — 1925) — французский астроном. Исследовал Марс, Луну, двойные звезды. Автор известных научно-популярных книг.

[71] Имеется в виду *Александрович* Александр Дмитриевич.

[72] Начальные слова молитвы «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш», которую поет хор в главный момент литургии.

[73] *Александр* (Немоловский) (1875 — 1960) — архиепископ Брюссельский и Бельгийский Константинопольской Патриархии. С 1945 г. вернулся под юрисдикцию Московской Патриархии.

[74] dommage intérets (*фр.*) — возмещение убытков.

[75] omnium Jovi licet (*лат.*) — Юпитеру все дозволено.

[76] Подразумевается Голландия.

[77] *femme de ménage* (*фр.*) — приходящая домашняя работница.

[78] По-видимому, речь идет о письме Ильина от 16.III.1939.

[79] Парфяне — жители Передней Азии (250 до н. э. — 224 н. э.). При защите своих земель наголову разбили римское войско — притворившись побежденными, они отступали, но вдруг, неожиданно обернувшись на полном скаку, осыпали своих врагов дождем стрел, которые и стали называться *парфянскими стрелами.*

[80] Упоминается Карташев.

[81] *метельщик* (*устар.*) — дворник.

82 dessous (*фр.*) — десу, нижнее женское белье.

83 Романов Константин Константинович (1858 — 1915) — великий князь, поэт, подписывал свои стихи инициалами К. Р.

84 В 1909 г. И. А. Бунину было присвоено звание почетного академика Императорской Академии наук.

85 Бунин Юлий Алексеевич (1857 — 1921) — литератор, публицист, старший брат И. А. Бунина. В студенческие годы увлекался народническими кружками, за что сидел в тюрьме и отбывал ссылку.

86 *Венгеров* Семен Афанасьевич (1855 — 1920) — историк русской литературы, библиограф.

87 *Котляревский* Нестор Александрович (1863 — 1925) — русский литературовед, академик Петербургской Академии наук с 1909 г.

88 *Телешов* Николай Дмитриевич (1867 — 1957) — русский писатель.

89 *Noli me tangere* (*лат.*) — не тронь меня. Перифраз Евангельского текста «Не прикасайся ко Мне» (Ин. 20, 17).

90 Из Пушкинской речи Достоевского.

91 Российский Фонд Культуры передал составителю настоящего Собрания сочинений первую страницу брошюры И. А. Ильина о советской церкви со следующей надписью И. С. Шмелева, которую он, видимо, сделал, передавая издание кому-то из своих знакомых (возможно, А. А. из Голландии. См. письмо И. С. Шмелева от 20.III.1947):

«К возвращению. Но не спешному: на-до вчитаться, — я читал 7 раз! (и переписал) — да. Это совер<шенная> и неодолимая **сталь**. Не **внимут** лишь «желающ<ие> быть обманутыми» и — «мерт<вые> духом».

Автора не знаю. Прислано из Амер<ики>.

Это — послед<няя> моя попытка. Больше я ни слова».

92 aut bene, aut nihil (*лат.*) — или хорошо, или ничего.

93 cum tacent, clamant (*лат.*) — букв.: в молчании вопиет; молчит, но кричит. Известное выражение Цицерона о «вопиющем молчании в Римском Сенате». Здесь: «Молчание — красноречиво».

94 dixi et animam levavi (*лат.*) — сказал и облегчил тем душу.

95 Карамазов.

96 Имеется в виду рассказ Ф. М. Достоевского «Бобок».

97 Имеются в виду богатые курорты Европы, в том числе Монако.

98 *prière retourner lettre...* (*фр.*) — «Прошу переслать письмо нераспечатанным; простите за явный промах. Шмелев».

99 Подразумевается персонаж «Старосветских помещиков» Н. В. Гоголя.

100 *lapsus linguae* (*лат.*) — ошибка в речи, обмолвка.

101 *bona fide* (*лат.*) — по доброй вере, искренно, без всякого умысла.

102 На этом письме, приложенном к нижеследующей статье И. А. Ильина, есть дата, поставленная Ильиным по получении своих писем И. С. Шмелеву: 22 марта 1947 г. Однако, судя по следующему письму И. С. Шмелева, оно написано вскоре после стихов «Загадочная телеграмма», но так как было отправлено заказным пакетом, пришло позже, чем обычное.

103 sans s'avoir lu (*фр.*) — не прочитав.

104 Игра французских слов: lu — прочитано + decider — решать. Одним словом, *«делюсидация»* — решение после прочтения.

105 См.: День русского ребенка. — Сан-Франциско, 1948. — Вып. XV.

[106] En attendant, merci et adieu (*фр.*) — в ожидании ответа, спасибо и до свидания.

[107] Tout à vous. Votre Troubadour (*фр.*) — Весь Ваш. Ваш Трубадур.

[108] Е. А. Баратынский «Толпе тревожный день приветен...» (<1839>).

[109] Видимо, была прислана одна из обещанных в письме от 28.II.47 г. машинописных статей Ильина. Возможно, это была статья «О советских территориальных успехах», на которую Шмелев откликается в своем ближайшем письме, хотя 24.III.1947 г. эта же статья была прислана еще раз.

[110] *pactis standum est* (*лат.*) — договоры следует соблюдать.

[111] 1 Кор. 15, 41.

[112] Видимо, имеется в виду статья Ильина «О советских территориальных успехах».

[113] gratis (*лат.*) — даром, бесплатно.

[114] См. коммент. 110 к этому разделу.

[115] См. коммент. 82 к этому разделу.

[116] *Меттерних* Клеменс (1773 — 1859) — князь, министр иностранных дел и фактический глава австрийского правительства 1809—1821 гг., канцлер в 1821—1848 гг.

[117] *Талейран* Шарль Морис (1754 — 1838) — французский дипломат, министр иностранных дел.

[118] Подразумевается С. Маковский.

[119] Возможно, речь идет о матери или муже О. А. Бредиус-Субботиной.

[120] Мф. 17, 21.

[121] Имеется в виду «О тьме и просветлении».

[122] Пустяки.

[123] См. Апок. 3, 16.

[124] *privatissime* (*лат.*) — частным образом.

[125] Tout en ordre (*фр.*) — все в порядке.

[126] Неточное французское выражение; правильно à trois (*фр.*) — втроем.

[127] Имеется в виду «Журнал Московской патриархии».

[128] Возможно, речь идет об известном богослове и профессоре Свято-Сергиевского института в Париже, архимандрите Киприане (Керне) (1899 — 1960).

[129] *Саблер* Владимир Карлович (1847 — 1930) — обер-прокурор Святейшего Синода (1911 — 1915).

[130] Митрополит Сергий Пражский (Королев). См. коммент. 37 к 1937 г.

[131] См. коммент. 126.

[132] Сергей Александрович — брат О. А. Бредиус-Субботиной.

[133] *бебеша* (от *фр.* bébé — грудной ребенок) — употребляемый в русской эмиграции термин для определения малых детей. (*Комментарий А. Е. Климова*).

[134] Имеется в виду А. А. Квартиров.

[135] *au bout* (*фр.*) — букв.: у края.

[136] *revenu* (*фр.*) — доход, прибыль.

[137] 10 pour cent majoration (*фр.*) — 10 процентов надбавки (налогов).

[138] Здесь, вероятно, *клиринг* — разрешение (на публикацию).

[139] *Песета* — ипанская денежная единица.

[140] *Максим* (1894 — ?) — патриарх Константинопольский с 1946 по 1948 г.

[141] *Владимир* (Тихоницкий Вячеслав Михайлович) (1873 — 1959) — архиепископ Белостоцкий и викарий Гродненский. В 1930 г. управлял русскими церквами в Западной Европе. В 1946 г. перешел в Константинопольскую Патриархию.

[142] *Колобашка* — небольшой круглый хлебец.

[143] здесь — шедевра.

[144] demi (*фр.*) — половина, vierge (*фр.*) — девственница.

[145] Имеется в виду «Плач Иеремии».

[146] Зарифмованные латинские предлоги; impossible (*фр.*) — невозможно.

[147] *point* (*фр.*) — ориентир.

[148] В день памяти 40 мучеников севастийских во время Великого поста на Руси было принято печь из постного теста «жаворонков», которые до революции продавались и в булочных.

[149] Один из героев рассказа «Куликово Поле».

[150] Картина М. В. Нестерова (1889—1890).

[151] Картина В. М. Васнецова.

[152] Издательство.

[153] См. письмо И. С. Шмелева от 11.VII.1946 г.

[154] *Бебутова* — не установлена.

[155] *Густав IV Адольф* (1778 — 1837) — король Швеции в 1792—1809 гг. Вел войну с Россией (1808—1809), которую проиграл.

[156] См. письмо И. С. Шмелева от 28.II.1947 г.

[157] Видимо, упоминается церковь св. Николая Чудотворца на Берсеневской набережной. В 1930 г. этот храм был закрыт. В 1932 г. была снесена его колокольня. Богослужения возобновлены в 1992 г.

Проща — прощение, отпущение грехов.

[158] Имеется в виду Большой Каменный Мост в Москве.

[159] В XV выпуске «Дня Русского Ребенка» вышла статья А. В. Карташева под названием «Духовная школа в России».

[160] *Et la lumière fut* (*фр.*) — да будет свет.

[161] Воскресная стихира шестого гласа; с нее начинается торжественная служба в Светлое Христово Воскресение.

[162] Собственно слово про́сти означает «вставши, стоя прямо». Возглашение перед чтением Евангелия «премудрость, прости» призывает к сосредоточенности, внимательности во время чтения.

[163] Не установлен.

[164] *semper-porto* (*лат.*) — всегда носимый; *memento* (*лат.*) — помни.

[165] Имеется в виду часовня Николая Чудотворца, находившаяся у Большого Каменного моста. Разрушена в 1936—1938 гг.

[166] *«Народная воля»* — наиболее крупная и значительная революционная народническая организация, возникшая в Петербурге в 1879 г. Во главе ее исполнительного комитета стояли А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, С. Л. Перовская и др.

[167] *Успенский* Глеб Иванович (1843 — 1902) — русский писатель. Его творчество проникнуто демократическими, революционно-народническими идеями.

[168] *Златовратский* Николай Николаевич (1845 — 1911) — русский прозаик.

[169] Возглас священника на утрени, после которого поется Великое Славословие.

[170] *Нольде* Борис Эммануилович (1876 — 1948) — юрист. С 1919 г. в эмиграции.

[171] *Donner un coup d'epaule* (*фр.*) — помочь кому-либо.

[172] На письме поставлена рукою Ильина более поздняя дата — 9.V.47. Очевидно, это ошибка, так как оно явно является ответом на предыдущее письмо Шмелева с предложением о сотрудничестве в «Русской Мысли».

[173] *эрупция* — взрывной процесс.

[174] *La Confédération Française des travailleurs chrétiens* (*фр.*) — Конфедерация французских рабочих-христиан.

[175] *adjoint* (*фр.*) — присоединенный.

[176] Один из псевдонимов И. А. Ильина.

[177] *Crimée* (*фр.*) — Крым. Здесь имеются в виду люди из Крыма.

[178] Статья «Мисюсь и рыбий глаз» была опубликована в «Русской Мысли» 19 июля 1947 г.

[179] *Сольнес* (*норв.* Solness) — герой драмы Г. Ибсена «Строитель Сольнес» (1892), профессиональный строитель. Сольнес — один из самых сложных и противоречивых образов Ибсена: мечтающий о сверхчеловеческом подвиге, он сам себе самый жестокий, безжалостный прокурор.

[180] Брошюра Ильина, подписанная «Старый политик».

[181] См.: Русская Мысль. — № 5. — 1947.

[182] См.: Русская Мысль. — № 7. — 1947.

[183] *Матвей* (Семашко) (? — 1955) — епископ с 1937 г (из вдовых протоиереев). В 1939 г. был викарием архиепископа Феодосия Виленского и Моздокского. Относился к Анастасиевой ориентации. В 1941—1944 гг. проживал в Риге, подчинялся митрополиту Прибалтик Сергию (Воскресенскому). После занятия советскими войсками Риги ушел на Запад, проживал и умер в Англии.

[184] Мф. 24, 33.

[185] См. коммент. 21 к 1928 г.

[186] impondérables (*фр.*) — здесь: тонкости.

[187] Искаженное «милостивый государь».

[188] Видимо, имеется в виду испанский город Aranjuez — бывшая королевская резиденция.

[189] favoriser (*фр.*) — покровительствовать, благоприятствовать, содействовать.

[190] relevé (*фр.*) — выписка, ведомость, перечень.

[191] *белоризец* — носящий белую ризу; принадлежащий к белому духовенству.

[192] И. С. Шмелев жил на улице Буало.

[193] *Асафетида* — дурно пахнущее вещество.

[194] Подразумевается «Русская Мысль».

[195] Не установлен.

[196] Шутливое: интервью.

[197] Речь идет о газете «Последние Новости».

[198] avant roman (*фр.*) — начало романа.

[199] pro domo mea (*лат.*) — за мой дом; в защиту моих интересов.

[200] Французское издательство.

[201] Имеется в виду газета «Новое русское слово», издающаяся в Нью-Йорке с 1910 г. и по сей день.

[202] Упоминается главный редактор газеты «Россия» Рыбаков.

[203] От греч. empyros — объятый пламенем. По представлениям древних греков — наиболее высокая часть неба, наполненная чистым огнем и светом, местопребывание богов. В перен. — высь, высота; *витать в эмпиреях* — мечтать, фантазировать.

[204] Гукасов.

[205] trottoir (*фр.*) — тротуар.

[206] Карташеву.

[207] Подразумевается И. С. Шмелев.

[208] ulcère — язва.

[209] Имеется в виду: Необходимый ответ. Письмо в редакцию// Русская Мысль. — 1947. — № 7. — 31 мая. Статья была написана в связи с тем, что 25 мая советское радио объявило Шмелева писателем, «работавшим с немцами» во время оккупации.

В своем ответе Шмелев писал о том, что в газете «Парижский Вестник», выходившей в то время, действительно были опубликованы четыре его рассказа и одна литературная статья. Но он всегда понимал долг писателя так: «Если есть малейшая возможность защитить честь родины, оберечь ее честное имя от издевательств, — надо такой возможностью воспользоваться». Шмелев справедливо писал о том, что «против России, за Ее врагов» нет ни одного слова в его творчестве.

Несмотря на злобные наветы недоброжелателей, в октябре 1947 г. Шмелев получил карточку-удостоверение привилегированного жителя Франции за то, что во время войны никуда из Парижа не выезжал. Тем самым была подтверждена его безупречная репутация.

[210] beau frère (*фр.*) — шурин, или деверь, или зять.

[211] *Полонский* Яков Борисович — публицист, автор «Русских записок», «Современных записок» и др.

[212] *Ступницкий* Арсений Федорович (1893 — 1951) — журналист, участник Белого движения, сотрудник милюковской газеты «Последние Новости», после войны редактировал газету «Русские новости».

[213] *Михельсон* Александр Михайлович — член русской торговой палаты в Париже (до 1917 г.), лектор Франко-русского института, сотрудник газеты «Последние Новости».

[214] На улице Гренелль в Париже находилось советское посольство.

[215] Мф. 5, 11.

[216] В эти годы Ильин особенно много занимался организацией помощи нуждающимся русским эмигрантам. Сохранилось его письмо неизвестным адресатам от 6 июля 1947 г.:

«Meine lieben Freunde!

Ich habe das Glück und die Freude, Euch zu benachrichtigen, dass unsere Hilfskollekte, an der Ihr die Güte hatten, Euch so freundlich zu beteiligen, durchgeführt und gelungen ist. Viele, viele Menschen werden dadurch gerettet werden können, haben nun die Aussicht, ein neues Heim zu erhalten und ein freies, arbeitsarmes Leben zu beginnen.

Ich darf Euch im Namen der Helfenden und besonders derjenigen, denen geholfen wird, einen aufrichtigen und herzlichen Dank aussprechen.

Gott stehe uns bei!

In wahrer Hochachtung Euer ergebener

I. Iljin.

6 juli 1947»

Мои дорогие друзья!

Рад, счастлив уведомить вас, что наша коллективная помощь, в которой и вы так искренне участвовали, наконец удалась.

Множество людей будет спасено благодаря ей, получит отныне надежду заиметь новый дом и начать новую трудовую жизнь.

От имени всех, кто помогает, и особенно от имени тех, кому помогают, выражаю самую искреннюю, самую сердечную благодарность.

Храни нас всех Бог!

С уважением преданный вам И. Ильин.

6 июля 1947 г.

(*Перевод З. Г. Антипенко*).

217 Упоминается писатель Сергей Оцуп-Горный.

218 Имеется в виду А. М. Ремизов, который может получить орден у Сталина.

219 aqua ignique (*лат.*) — огненная вода, водка.

220 Не установлены.

221 участник движения Сопротивления.

222 *Ростовцев* Михаил Иванович (1870 — 1952) — профессор, историк античности. Принимал участие в создании в США Толстовского фонда, оказывавшего помощь русским эмигрантам.

223 *Ламентация* (от *лат.* lamentatio) — жалоба, сетование.

224 *Руднев* Сергей Михайлович — известный врач.

225 Имеется в виду Гукасов А. О., нефтепромышленник.

226 *Бахметьев* Борис Александрович (1880 — 1951) — профессор, инженер, председатель комиссии, посланной правительством в Вашингтон для военных закупок (1916), русский посол в США при Временном правительстве (до 1922 г.), принимал участие в создании там Толстовского фонда. Преподавал в Калифорнийском университете.

227 *Карпович* Михаил Михайлович (1888 — 1959) — историк, публицист. Окончил Московский университет, с 1917 по 1922 г. был советником русского посольства в Вашингтоне. Преподавал в Гарварде (1927—1957). Был главным редактором (1949—1959) «Нового журнала», издававшегося в Нью-Йорке с 1942 г.

228 *Каплан* К. П. — известный масон, состоявший в ложе «Астрея», после 1945 г. в ложе «Лотос».

229 Не установлен.

230 Не установлена.

231 Великопостная молитва преп. Ефрема Сирина.

232 Имеется в виду Ю. А. Кутырина.

233 Видимо, подразумевается А. В. Карташев.

234 *bouchée* (*фр.*) — мелкое печенье.

235 *Toutes les possibilités* (*фр.*) — все возможности.

236 *Сныть* — съедобная трава, которой питался преп. Серафим Саровский.

237 *Виталий* (Максименко) (1873 — 1960) — архиепископ Детройтский Русской Зарубежной Церкви, основатель Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, сподвижник митрополита Антония.

238 А. В. Карташев.

239 Литературные герои-обжоры.

240 Источник не найден.

241 Упоминается Н. В. Борзов.

242 Имеется в виду статья «Несколько слов о Национальном Единстве, о Творчестве и о Русском Ребенке».

243 Имеется в виду А. О. Гукасов.

244 omnis determinatio est negatio (*лат.*) — Всякое определение есть отрицание.

245 Карташев.

246 Речь идет о брошюре Ильина «О Церкви в СССР», подписанной «С. П.», с предисловием А. В. Карташева, вышедшей в Париже в 1947 г. В заглавии брошюры стоит строчная буква «о».

247 *al pari* (*итал.*) — наравне.

248 Упоминается Федор Сологуб.

249 *Помяловский* Николай Герасимович (1835 — 1863) — русский писатель. Речь идет о его «Очерках бурсы» (1862—1863).

250 *Олеарий* А. (1603 — 1671) — немецкий путешественник. Бывал в России, автор «Описания путешествия в Московию».

251 abri (*фр.*) — кров, пристанище.

252 Не установлен.

253 *галя* (*устар.*) — галка, ворона.

254 *Николай* (Велимирович) (1881 — 1956) епископ Охридский и Житцкий Сербской Православной Церкви. Получил богословское образование в Киеве, сохранил на всю жизнь глубокое благодарное чувство к России и проповедовал это чувство среди своего народа.

255 Речь идет о замечательном слове «Святой Владимир «Красное Солнышко», произнесенном выдающимся иерархом Сербской Православной Церкви епископом Николаем Охридским в 1938 г. по поводу 950-летия крещения Руси. Приводим выдержки из этого слова, опубликованные в журнале «Русское возрождение» — № 4 — 1978. — С. 174—176.

«Праздник св. Владимира может быть назван религиозным, национальным, государственным и культурным праздником, т. к. св. Владимир возвел четырехугольный фундамент, на котором построена девятисотлетняя палата русской религии, русской нации, русской державы и русской культуры. Он — духовный родоначальник русского народа».

«Князь Владимир первый, вместе с русским народом, возлюбил Царство Небесное и избрал его с народом. Эта мистерия избрания того, что в очах сего мира представляется, для данного момента, худшим, эта мистерия открывается в русской истории не один только раз». Здесь же проповедник упоминает о жертве царя Николая II и всей России, когда ими был принят вызов неприятеля и началась война 1914 г. ради защиты Сербии.

«Вел. кн. Владимир был сыном своего отца, прозванного «дикий барс», и он должен был решиться на совсем новый путь для Руси, до тех пор неизвестный и непроторенный».

«Тот, кто не воздерживался ни от каких земных наслаждений и достиг пределов всякой распущенности, телесного разврата, безудержной кровожадности, грабительства, грубой мести, — должен был умереть старой душой и начать жить новой, по словам Христа: «кто потеряет душу свою, спасет ее»».

«Решиться на смерть духовную, полагаю, тяжелее, чем на смерть телесную, ибо смерть духовная, на которую решился развратный киевский князь, не была лишь временной смертью, которая совершается однажды, но смертью повседневной и многократной, по словам ап. Павла: «каждый день умираю, братие»».

Епископ Николай не без основания сравнивает вел. кн. Владимира с Савлом, призванным Христом к благовествованию, несмотря на то что Савл был прежде гонителем христиан.

«Из всех чудес, совершаемых в мире через веру в Христа, самое полезное чудо — это превращение грешника в праведника. Отмеченный этим чудом стоит св. Владимир на вратах христианской Руси и как бы громко возвещает каждому русскому: «Я был ночью, но превратился в день! Чем был ты и во что ты превратился?»».

«Владимир Красное Солнышко»! Так прозвал народ русский своего духовного родоначальника. Грубая чувственно-телесная масса превратилась в «Красное Солнышко»».

«За девять столетий на Руси явилось множество святых мужей и жен... между которыми были также сыновья Владимира Борис и Глеб».

«Но все они — должники св. Владимира. И всем им много легче было стать святыми, чем Владимиру, великому князю и богачу. Он должен был пройти сквозь игольные уши, чтобы войти в Царство Небесное, он, не имевший предшественников среди святых своего народа».

256 Героиня романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» (1859).

257 Имя этого героя указано ошибочно. Имеется в виду «Сергей Михайлович».

258 *affidavit* (*англ.*) — афидавит, письменное обязательство о приеме въезжающего в страну.

259 un coup de main (*фр.*) — смелый шаг.

260 supplément (*фр.*) — приплата, доплата.

261 desiderata (*лат.*) — пожелания.

262 Имеется в виду А. О. Гукасов.

263 *Гоц* Абрам Рафаилович (1882 — 1940) — эсер, член боевой организации. В 1917 г. председатель ВЦИК, после Октябрьской революции стал членом «Комитета спасения родины и революции», организатором антисоветского мятежа. В 1922 г. осужден, но был амнистирован и работал в хозяйственном секторе.

264 *Панина* Софья Владимировна — публицист, автор «Нового журнала».

265 Возможно, описка, а имеется в виду слово «Комитет».

266 *route nationale* (*фр.*) — национальная дорога.

267 strada (*ит.*) — широкая улица, автострада.

268 *en passant* (*фр.*) — проезжих.

[269] *Одинец* Дмитрий Михайлович — публицист, автор «Современных записок».

[270] *Кнорринг* Николай Николаевич (1880 — 1967) — историк, критик, публицист, автор «Голоса минувшего на чужой стороне. Журнала истории и истории литературы». В 1955 г. вернулся в Россию.

[271] У Достоевского — «фенезерф под слезами». Пародия на названия блюд французской кухни (от фр. *fines herbes* — ароматические травы, служащие приправами).

[272] Этот абзац отчеркнут и на полях приписано: «Поясните, пожал<уйста>!»

[273] *carte d'identité* (*фр.*) — удостоверение личности.

[274] *villa «Innominata»* — вилла «Без названия».

[275] *choc* (*фр.*) — шок.

[276] Имеется в виду статья «Памяти Непреклонного»// Русская Мысль. — 1947. — № 18. — 16 авг.

[277] Речь идет о мемуарах А. И. Деникина.

[278] *Лампе* Алексей Александрович фон (1885 — 1967) — генерал-майор Генштаба, в Добровольческой армии с конца 1918 г. В 1920 г. выполнял поручения ген. П. Н. Врангеля в Константинополе. С 1923 г. в Берлине, возглавлял 2-е отделение РОВСа. Друг и соратник Ильина.

[279] De mortus aut bene, aut nihil (*лат.*) — О мертвых следует говорить хорошее или ничего не говорить.

[280] Имеется в виду статья «800 лет Москвы».

[281] «Рубеж» — журнал, выпускавшийся в Харбине издательством «Заря» с 1927 по 1945 г. С 1929 по 1943 г. редактором журнала был М. С. Рокотов (Бибинов).

[282] *Юсимите* (Yosemite) — национальный парк в Калифорнии.

[283] Подразумевается: в России.

[284] *gratis* (*лат.*) — бесплатно.

[285] Мф. 25, 13.

[286] *mors* (*лат.*) — смерть.

[287] «Солнце Мертвых», гл. «Чудесное ожерелье».

[288] Анонимная подпись «Эмигрант».

[289] *Гладстоун* Уильям (1809 — 1898) — премьер-министр Великобритании, занимавший этот пост четыре раза.

[290] *Крэбс* — герой романа Шмелева «Солнце Мертвых», укравший часы Гладстоуна у доктора Михайлы Василича. См.: гл. «Мементо мори».

[291] *Пий* XII (настоящее имя Евгенио Мария Гиусеппе Джованни Пацелли) (1876 — 1958) — римский папа с 1939 по 1958 г.

[292] Имеется в виду фреска в соборе г. Орвието (1499—1505) «Страшный Суд». На ней есть изображение антихриста, притворяющегося Христом.

[293] *турман* — порода голубей.

[294] craquer (*фр.*) — стрекотать, трещать, скрипеть, хрустеть. Игра слов: подразумевается сорока.

[295] Ведущая французская столичная газета.

[296] См.: П у ш к и н А. С. Полн. собр. соч. — Т. 8. — С. 92—93.

[297] outre-mer (*фр.*) — за морем.

[298] *Викжель* — Всероссийский исполком железнодорожного профсоюза (авг. 1917 — янв. 1918), в котором преобладали меньшевики и эсеры. Занимал антибольшевистскую позицию, саботируя работу железных дорог.

[299] cul (*фр.*) — зад, задница.

[300] bousculade (*фр.*) — кутерьма, беспорядочная смесь.

[301] *Рамадье* Поль (1888 — 1961) — премьер-министр Франции в 1947 г., один из руководителей французской социалистической партии. В мае 1947 г. удалил из правительства министров-коммунистов.

[302] Из стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон» (1830).

[303] Рассказ И. С. Шмелева, 1919 г.

[304] Рассказ И. С. Шмелева, 1924 г.

[305] Имеется в виду книга «Ветхозаветная библейская критика» (Париж, 1947).

[306] Имеется в виду отрывок из главы «Постный рынок» книги «Лето Господне» (часть I. «Праздники»). Ильин цитирует его в своей статье «Православная Русь». «Лето Господне. Праздники» И. С. Шмелева.

[307] Не установлен.

[308] *депримирующая* (от фр. *déprimant*) — подавляющая.

[309] От *лат.* anticipatio — предвосхищение.

[310] Неясно, о чем идет речь.

[311] Ильин был поборником старой орфографии и его раздражало название журнала, написанное через «е» вместо «ять». (*Примечание А. Е. Климова*).

[312] Неясно, какой журнал имеется в виду.

[313] *Левицкий* Димитрий Александрович (1907 — ?) — учился в Риге, деятель НТС, член КОНР (Конгресс Освобождения Народов России), один из подписавших Пражский Манифест.

[314] Подразумеваются США.

[315] Статья вышла в 32-м номере «Православной Руси».

[316] *шабала* — пустомеля, болтун, шатун. См.: О с т р о в с к и й А. Н. На всякого мудреца довольно простоты (действие 3, явление 4, слова Манефы).

[317] Pas de quoi (*фр.*) — не за что.

[318] Имеется в виду И. А. Бунин.

[319] *locus minoris resistentiae* (*лат.*) — место наименьшего сопротивления.

[320] См. коммент. 317.

[321] В то время Д. И. Ознобишин нашел Шмелева очень ослабевшим от недоедания, переутомления и болезней.

[322] caution (*фр.*) — залог.

[323] Упоминается 28-я глава «Поющего сердца».

[324] См. коммент. 294.

[325] Речь идет о получении Шмелевым денежной помощи от Ильина.

[326] То есть SOS.

[327] См. коммент. 17 к 1939 г.

[328] *сам тот* — Вольтер, который жил в Швейцарии, в Фернее; цитата из стихотворения А. С. Пушкина «К вельможе» (1930).

[329] Здесь: «до нуля».

[330] Солон (между 640 и 635 — ок. 559 до н. э.) — афинский архонт (594), известный реформатор и законодатель.

[331] Knäckebrot (*нем.*) — большая сухая лепешка из ржаной муки грубого помола.

[332] Точное значение этого слова неясно.

[333] Возможно, подразумевается *Фульда* — река в центральной Германии, берущая свое начало в горах, упоминаемая здесь как символ изобилия в тяжелые времена.

[334] Пс. 141, 8.

[335] Пс. 90, 6.

[336] *estomac* (*фр.*) — желудок.

[337] *très bon* (*фр.*) — очень хорошо.

[338] Речь, по-видимому, идет о брошюре Ильина «Советский Союз — не Россия».

[339] По-видимому, описка, а имеется в виду о. Леонтий (Барташевич).

[340] *Михайлович* Дража (1893 — 1946) — сербский генерал (1942), возглавлял армию четников, сопротивлявшихся немцам. В 1942—1945 — военный министр югославского эмигрантского правительства. Казнен властями Тито.

[341] Имеется в виду получение гонорара в песетах.

[342] Почтовая карточка.

[343] *sûreté* (*фр.*) — полиция.

[344] Пишущая машинка.

1948

[1] *Леонтий* (Барташевич) (1914 — 1956) — епископ Женевский с 1950 г.

[2] *Куракин* Андрей Михайлович — князь, участник совещания в Женеве в 1938 г., на котором Ильин представил свой проект Конституции Российской Империи.

[3] Речь идет о Волконском Сергее Михайловиче (1860 — 1937) — театральном деятеле и критике.

[4] *Прокопович* Сергей Николаевич (1871 — 1955) — экономист, статистик, общественный и политический деятель, публицист.

[5] *Кускова* Екатерина Дмитриевна (1869 — 1958) — общественный и политический деятель, публицист, мемуарист, жена С. Н. Прокоповича.

[6] Имеются в виду Никольский Борис Александрович — соратник Ильина по правому делу, сотрудник Лиги Наций, и его жена Никольская Наталия Ивановна, проживавшие в Женеве.

[7] Горная-Ширяева.

[8] Здесь и ниже № 2 — бюллетень № 2 под названием «Программа зарубежного объединения», позже вошедший в знаменитый двухтомник И. А. Ильина «Наши задачи. Статьи 1948—1954 гг.».

[9] Не установлена.

[10] *rendement* (*фр.*) — выработка.

[11] patine (*фр.*) — патина, налет, образующийся с течением времени на предметах из бронзы.

[12] ètalage (*фр.*) — выставка, выставление напоказ.

[13] Речь идет о Московском патриархе Сергии (Страгородском).

[14] Мф. 5, 48.

[15] Имеется в виду «Поющее сердце».

[16] Этот рассказ был посвящен — «Наталии Николаевне и Ивану Александровичу Ильиным».

[17] Подразумевается А. А. фон Лампе.

[18] *«bucca fissa usque ad aures, genzivis denudatis, nasoque murdridato, — masca eris, et ridebis semper»* (*лат.*) — рот, разодранный до ушей, десна обнажены, нос изуродован — ты станешь маской и будешь вечно смеяться. (См. Г ю г о В. Человек, который смеется. Кн. 5. Гл. 1.)

[19] Герой романа Ф. М. Достоевского «Бесы».

[20] Термины Аристотелевой философии: προτρεπτικός (*греч.*) — увещевательный, убеждающий (логос, софия); ἀποτρεπτικός (*греч.*) — разубеждающий (идею логоса).

[21] *Скаржинский* Петр Васильевич — председатель Высшего Монархического Совета с 1940 г.

[22] *Свищов* Иван Сергеевич (1875 — 1973) — генерал-майор Генштаба, профессор Политехнического института, с 1918 г. в резерве Добровольческой армии. После гражданской войны жил и преподавал в Югославии. Во время второй мировой войны переехал в Германию, а затем в США.

[23] Не установлен.

[24] *Чухнов* Николай Николаевич — журналист.

[25] Имеются в виду соответствующие бюллетени из «Наших Задач».

[26] *Кондаков* Никодим Павлович (1844 — 1925) — историк искусства. Участвовал в создании экспозиций икон в Третьяковской галерее (1905) и Русском музее. Его именем назван институт в Праге по изучению русской и византийской древности. Здесь же были организованы выставки икон. (*Комментарий А. Е. Климова*).

[27] Из Пушкинской речи Ф. М. Достоевского.

[28] *Satis* (*лат.*) — довольно.

[29] Кутыриной.

[30] *на юру* (*старорус.*) — на сквозном ветру.

[31] *кошт* (*старорус.*) — иждивение, содержание.

[32] *petit dejeuner* (*фр.*) — легкий завтрак.

[33] *vomissement* (*фр.*) — рвота.

[34] sale à manger (*фр.*) — столовая.

[35] Из оперы А. П. Бородина «Князь Игорь» (ария Князя Игоря).

[36] франков.

[37] *Гойя* Франциско Хосе де (1746 — 1828) — испанский живописец, гравер. Здесь подразумеваются «Капричосы» Гойи.

[38] Речь идет о пациентах известной психиатрической больницы (в прошлом имени П. П. Кащенко), расположенной рядом с платформой Канатчиково в Москве.

[39] *petite vitesse* (*фр.*) — малой скоростью.

[40] Правильно: *usé* (*фр.*) — бывшей в употреблении.

[41] *valise* (*фр.*) — чемодан.

[42] *Vivrons-verrons* (*фр.*) — поживем — увидим.

[43] ἀβουλία (*греч.*) — нерешительность; *мед.* патологическая слабость воли, безволие.

[44] Мф. 6, 26, 28; Лк. 12, 27.

[45] *exprès* (*фр.*) — нарочный.

[46] Неясно, о чем идет речь.

[47] Имеется в виду банк в кантоне Chure.

[48] *grèves* (*фр.*) — забастовки.

[49] Карташеву.

[50] *Die grossen Zusamm*... (*нем.*) — По-видимому, имеется в виду «большое собрание соч.».

[51] Ион. 2, 11.

[52] Имеется в виду герой рассказа Шмелева «Орел» (1926). Значение слова *прочкнуться* (от *очкнуться*) близко к *проклюнуться, попасть в точку.*

[53] *забельшить* — нехотя запрятать, прибрать, не помня куда.

[54] *Ναί μὰ τὸν κύνα!* (*греч.*) — Поистине, клянусь собакой! (Обычная клятва Сократа — по-видимому, чтобы не упоминать имен богов).

[55] Имеются в виду письма читателей Шмелева, присланные им Ильину для ознакомления.

[56] *Мориак* Франсуа (1885 — 1970) — французский писатель, лауреат Нобелевской премии 1952 г.

[57] *Лазаревский* Владимир Александрович (1871 — 1936) — прозаик и журналист, основатель центристской газеты «Русская мысль», которая стала выходить в Париже с 1947 г.

[58] Неясно, о чем идет речь.

[59] *Маевский* Владимир Альбинович — автор многочисленных статей в журнале «Возрождение».

[60] См.: П у ш к и н А. С. Борис Годунов. Сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре».

[61] impondérable (*фр.*) — неуловимый.

[62] *суппозиторий* (*лат.* suppositorius — подставной) — *мед.* «свечка», форма лекарства в виде маленьких конусов, служит для введения в прямую кишку.

[63] *Сен-Санс* Камиль (1835 — 1921) — французский композитор, пианист, органист, дирижер. Подразумевается его произведение «Пляска смерти» (1874).

[64] International Refugee Organization (*англ.*) — Международная организация для помощи беженцам, образованная в 1946 г. и прекратившая свое существование в январе 1952 г.

[65] Нью-Йорка.

[66] *Андриевский* Иван Михайлович (псевдоним Андреев) (1879 — 1954) — философ, богослов, религиозный и общественный деятель, профессор нравственного богословия в Св. Троицкой семинарии в Джорданвилле. В Советской России был репрессирован за свою религиозную деятельность. Во время войны уехал на Запад.

[67] équippe (*фр.*) — команда.

[68] См.: Г о г о л ь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями// Собр. соч.: В 7 т. — Т. 6. — М., 1967. — С. 211.

[69] Куэ Эмиль (1857 — 1926) — французский фармацевт, применявший с 1920 г. метод психотерапии, заключавшийся в частом повторении формулы: «С каждым днем мое душевное и телесное здоровье становится все лучше и лучше во всех отношениях».

[70] Главный герой «Путей Небесных».

[71] *Лафатер* Иоганн Каспар (1741 — 1801) — швейцарский религиозный писатель, философ, с 1768 г. и до смерти — пастор в своем родном городе Цюрихе.

[72] «Horch, auf die leise Stimme des in dir sprechenden Gottes». По указанию Ильина цитата взята из главы «Worte des Herzens» («Слова сердец») произведения Лафатера.

[73] Газета «Figaro».

[74] Видимо: «сукин сын».

[75] По-видимому, речь идет о *Масарике* Томаше (1850 — 1937) — президенте Чехословакии в 1918—1935 гг., который придерживался либерально-демократических взглядов.

[76] super libre lanceur (*фр.*) — сверх свободное метание.

[77] Подразумевается СССР.

[78] *Терсит* — в греческой мифологии незнатный воин, участвующий в Троянской войне на стороне ахейцев, враг Ахилла и Одиссея. В «Илиаде» изображен безобразным, горбатым, хромоногим, косым, лысым, болтливым. По одной из версий мифа убит Ахиллом за насмешки над ним и надругательство над телом павшей в поединке царицы амазонок Пенфесилеи.

[79] ONU (Organisation des Nations Unies) (*фр.*) — Организация Объединенных Наций.

[80] То есть: «старом городе».

[81] dépistage (*фр.*) — сбивание с толку.

[82] Персонаж романа «Подросток».

[83] *Новгород-Северский* Иван Иванович (1893 — 1969) — поэт, прозаик, муж Ю. А. Кутыриной, племянницы жены И. С. Шмелева.

[84] Молитва мытаря.

[85] curriculum vitae (*лат.*) — жизнеописание.

[86] *opera of the Mr. Chmeloff* (*англ.*) — произведения мистера Шмелева.

[87] Возможно, имеется в виду озеро Lac Leman, расположенное на границе Франции и Швейцарии.

[88] *Nervus Sympathicus* (*лат.*) — симпатический нерв.

[89] Лодыженский.

[90] *et puis on ne sait rien!* (*фр.*) — и больше этого ничего не известно.

[91] *"Ω πόποι!* (*греч.*) — ах! (возглас изумления, скорби или негодования).

[92] *Toro Pater Aemeas* (*лат.*) — ложе родителя Энея. Часть фразы из «Энеиды» Вергилия (книга 2, строка 2). Полная фраза: «Inde toro pater Aeneas sic orsus ab alto» — «Начал родитель Эней, приподнявшись на ложе высоком» (перевод С. Ошерова). Эней считался праотцом римского народа. (*Комментарий А. Е. Климова*).

[93] *carte de séjour de Résident privilégié* (*фр.*) — карточка-удостоверение привилегированного жителя.

[94] Синклит (*греч.* σύγκλητος) — в Древней Греции — собрание высших сановников, государственный совет, сенат; употребляется и в ироническом смысле — собрание, сборище.

[95] Иван Александрович звонил Шмелеву, тревожась, здоров ли он и почему долго не пишет.

[96] comble (*фр.*) — апогей.

[97] Мозжуха — можжевельник. Здесь: «борода».

[98] Молитва св. Ефрема Сирина.

[99] speranza (*um.*) — надежда.

[100] Подразумевается еп. Нафанаил.

[101] Имеется в виду басня И. А. Крылова «Пустынник и Медведь».

[102] См. письмо 539.

[103] Математическое обозначение бесконечности.

[104] *«The Sun of the Dead»* (*англ.*) — «Солнце Мертвых».

[105] *Hogarth* Charles — переводчик на английский язык произведений И. С. Шмелева «Солнце Мертвых», «Это было».

[106] *marchée aux puces* (*фр.*) — блошиный рынок, барахолка.

[107] *saldo* (*лат.*) — балланс.

[108] *Флавий* Иосиф (37/38 — 100) — еврейский историк.

[109] Имеется в виду сборник «Суровые Дни», составленный из очерков-зарисовок, отражающих отношение народа к войне, публиковавшихся в 1914—1916 гг. в журнале «Северные записки» и позже вошедших в 7-й том Собрания сочинений И. С. Шмелева (1916 г.): «На крыльях», «На пункте», «Лошадиная сила», «Развяза», «Ожидание», «Под избой», «Знамения», «Оборот жизни», «За семью печатями», «Максимова сила», «Мирон и Даша», «Лихой кровельщик», «Правда дяди Семена», «На большой дороге», «У плакучих берез».

[110] *Белосельский-Белозерский* Сергей Сергеевич (1895 — 1978) — князь, представитель «Российского Антикоммунистического Центра», в который входили 62 политические, общественные, церковные организации, в том числе североамериканский отдел РОВСа и газета «Россия».

[111] *Толстая* Александра Львовна (1884 — 1979) — мемуарист, публицист, общественный деятель; младшая дочь (двенадцатый ребенок) Л. Н. Толстого. С 1929 г. в эмиграции, входила в «Российский Политический Комитет».

[112] *radio-inform* (*англ.*) — радио-информация.

[113] *echantillon* (*фр.*) — образец.

[114] Прага.

[115] *Пий XIII* — мистификация Шмелева. Такого папы Римского не было.

[116] vedette (*фр.*) — видный актер или актриса, звезда.

[117] *Pereat iurispruduntia etc* (*лат.*) — Да сгинет правосудие и т. д.

[118] Предположительно имеется в виду «плэном» — авиапочтой.

[119] *Loterie* (*фр.*) — лотерея.

[120] *Варнава* — патриарх Сербский.

[121] *Иоасаф* — епископ Русской Зарубежной Церкви.

[122] *tutti quanti* (*лат.*) — и всякие другие, поголовно все.

[123] *Veritas* (*лат.*) — правда, истина.

[124] *casus belli* (*лат.*) — повод к войне; формальный повод к объявлению войны (обычно не имеющий ничего общего с действительными причинами войны).

[125] Видимо, открытие приписывается инженеру Волошину.

[126] Суть нашего времени — так происходит в мире.

[127] ад магнам глориам Деи — к вящей славе Божией.

[128] erratum (*лат.*) — заблуждение, промах, погрешность, ошибка.

[129] sûreté (*фр.*) — полиция.

[130] *Goratius Secundus* (*лат.*) — Гораций Второй.

[131] Adieu (*фр.*) — до свидания.

[132] occidental (*фр.*) — западный человек.

[133] tout compris (*фр.*) — включая все.

[134] См. коммент. 77 (1947 г.).

[135] *Кеннан* Джордж Фрост (1904) — американский дипломат, публицист, один из ведущих американских «советологов». В 1952 г. был назначен послом США в СССР. В настоящее время проживает в Принстоне, штат Нью-Джерси.

[136] *Маршалл* Джордж Кэтлетт (1880 — 1959) — государственный секретарь США в 1947—1949 гг.

[137] *Мочульский* Константин Васильевич (1892 — 1948) — литературовед и литературный критик. В 1919 г. эмигрировал в Болгарию. С 1922 г. — в Париже, преподавал в Сорбонне. В период оккупации преследовался нацистами. Автор книг о творчестве А. Ахматовой, Н. Гоголя, Ф. Достоевского и др.

[138] *gradus ad Parnassum* (*лат.*) — дорога к Парнассу.

[139] *opus postumum* (*лат.*) — посмертный труд.

[140] chantera pas (*фр.*) — не будет петь.

[141] Exegi monumentum (*лат.*) — «Я памятник воздвиг» (начало 30-й оды III книги Горация).

[142] В нашей коллекции указанное письмо отсутствует.

[143] Об этой работе ничего не известно.

[144] Так в тексте. Видимо, имеется в виду Д. Кеннан.

[145] allez-retour (*фр.*) — туда и обратно, в обе стороны.

[146] tension (*фр.*) — напряжение.

[147] s'aggrave (*фр.*) — усугубляется, обостряется.

[148] Подразумевается Титов Алексей Андреевич.

[149] Речь идет о письме Шмелева Кеннану, в котором Иван Сергеевич упомянул неопубликованный труд Кеннана.

[150] *Липман* Вальтер (1889 — 1974) — американский журналист, специализировавшийся на вопросах американской внешней политики, особенно в отношении СССР.

[151] Романова Ольга Александровна (1882 — 1960) — младшая сестра императора Николая II.

[152] премьера Барта.

[153] премьера Барта.

[154] *Паульсон* Иосиф Иванович (1825 — 1895) — русский педагог, методист начального обучения.

[155] Подразумевается Трумэн.

[156] *волапюк* — искусственный международный язык, изобретенный в 1880 г. Иоганном Шлейером; распространения не получил.

[157] *Цвибак* Яков Моисеевич (псевдоним Седых Андрей) (1902—1994) — журналист, писатель, литературный критик. В эмиграции с 1919 г. Главный редактор «Нового Русского Слова».

[158] *Сватиков* С. Г. — историк, коллекционер, член правления Тургеневской библиотеки, комиссар Временного правительства в Париже.

[159] *comprimes* (*фр.*) — таблетки.

[160] *Tages-Anzeiger* (*нем.*) — газета «Ежедневный вестник».

[161] Речь идет о том, что Шмелев по ошибке наклеил на открытку марку дороже, чем нужно.

[162] *pompes funebres* (*фр.*) — похоронное бюро.

[163] Рено Поль — не установлен.

[164] *Даладье* Эдуард (1884 — 1970) — лидер французской партии радикалов, премьер-министр Франции в 1938—1940 гг., подписал Мюнхенское соглашение 1938 г.

[165] *Блюм* Леон (1872 — 1950) — лидер и теоретик Французской социалистической партии. В 1936—1938 гг. глава правительства Народного фронта. Проводил курс на «умиротворение» нацистских агрессоров. После оккупации Франции немецкими войсками (1940) был арестован и интернирован в Германии.

[166] Ин. 1, 5.

[167] Великий князь Гавриил (1887 — 1955) и его жена — Нестеровская Антонина Рафаиловна (1890 — 1950), были обручены тайно в 1912 г.

[168] *libre-penseur* (*фр.*) — свободомыслящий, вольнодумец.

[169] Гроссен.

[170] bout des forces (*фр.*) — предел сил.

[171] Карташева.

[172] *выступление-gala* (*фр.*) — парадное, торжественное выступление.

[173] *you are cordially invited...* (*англ.*) — сердечно приглашем вас.

[174] *Vice Consul* (*англ.*) — вице-консул.

[175] *Washington* (*англ.*) — Вашингтон.

[176] *directeur* (*фр.*) — директор.

[177] *midinette* (*фр.*) — мастерица, работница.

[178] Реминисценция на знаменитое выражение Б. Паскаля: «человек — мыслящий тростник».

[179] Цитата из Леонида Андреева.

[180] Речь идет о книге И. С. Шмелева «Лето Господне», имеющей следующее посвящение: «Наталии Николаевне и Ивану Александровичу ИЛЬИНЫМ посвящаю. Автор.».

[181] motto (*ит.*) — девиз, лозунг. Имеется в виду эпиграф к «Лету Господню»:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

А. С. Пушкин (1830).

[182] См. коммент. 146 к этому разделу.

[183] disponibilité (*фр.*) — незанятость.

[184] *J'ai le regret...* (*фр.*) — К сожалению, уведомляю Вас, что после внимательного рассмотрения прошения о туристической визе, которую Вы заявили в Консульстве 14 мая, я обязан заключить, что Вы не подлежите к получению визы для посетителей.

[185] Nous avons escrit à fin de renseigner Mr. Kennan au sujet de votre cas (*фр.*) — Мы написали по поводу справки г. Кеннана по Вашему вопросу.

[186] *Sir: With reference...* (*англ.*) — Сэр: Касаясь Вашего предстоящего прошения о получении туристической визы для въезда в Соединенные Штаты, Вы приглашены зайти в удобное для Вас время, чтобы обсудить этот вопрос с подписавшимся. Искренне Ваш Уоррен С. Мур-младший, американский Вице-Консул.

[187] obtenir (*фр.*) — добиваться, достигать, получить.

[188] Срв.: Пс. 142, 8. (скажи мне, Господи, путь, в оньже пойду).

[189] *Кантор* (*лат.* cantor — певец, певчий) — церковный певчий, солист, ведущий хор в протестантских церквах и синагогах.

[190] Лодыженским.

[191] Не установлен.

[192] Это письмо является ответом на второе письмо Шмелева от 24.V.1948, которое сопровождало высланный им Ильину текст 1-й главы «Записок неписателя», и открытку от 25.V.1948.

[193] *Водов* Сергей Акимович (1898 — 1968) — парижский журналист. С 1954 г. и до смерти был главным редактором газеты «Русская мысль», основанной в 1947 г. В. А. Лазаревским.

[194] *Савальский* Василий Александрович — неокантианец, доцент юридического факультета Московского университета, впоследствии профессор Варшавского университета.

[195] Правильно: *Gehe weg, du Affe!* (*нем.*) — пошел прочь, уродина (*букв.* обезьяна).

[196] Исходная фраза из письма Шмелева: «Успех обеспечен, нет ли у Карташева?»

[197] Вариант расшифровки: «Имейте снисхождение к моему тупоумию и разъясните загадку, ради Бога! А то не знаю, на что соглашаться и на что не соглашаться, и сидишь растерянный как недоумевающий болван.

Очень жаль, что Вы не желаете в псаломщики, а то я бы приехал послушать шестопсалмие, наверное очень умилительно, но настоятеля и псаломщика не будет».

[198] *Местр* Жозеф Мари де (1753 — 1821) — французский политический деятель и философ.

[199] Пс. 113, 9.

[200] М о ч у л ь с к и й К. Достоевский. Жизнь и творчество. — Париж: YMCA-Press, 1947.

[201] См. коммент. 169 к 1947 г.

[202] В своем завещании И. С. Шмелев оставил этой здравнице 490 фр. Эта сумма положила начало фонду Ивана Шмелева (См.: Русская Мысль. Париж, 1950. Авг. № 267.)

[203] *point d'acclamation* (*фр.*) — восклицательный знак.

[204] Серафим (Лядэ) (? — 1950) — митрополит Берлинский. По происхождению немец, принадлежал Русской Зарубежной церкви. В 1946 г. митрополит Антоний вынудил его выйти из архиерейского Синода, Митрополит Серафим скончался от травм, нанесенных ему неизвестными лицами при невыясненных обстоятельствах.

[205] Подразумевается пьеса Шмелева «На паях», постановка которой в театре имела успех.

[206] *œvre* (*фр.*) — опус, произведение.

[207] Еф. 5, 32.

[208] *Протей* — в греческой мифологии морское божество, сын Посейдона. Протей был способен превращаться в разных зверей (льва, пантеру, змею, быка, кабана, птицу и обезьяну), потом в огонь, воду и дерево. В философии стал аллегорией материи, оформляемой Эйдотеей (*букв.* «богиней формы»).

[209] Подразумевается «Россия».

[210] Издатель Бунина. См. коммент. 245 к 1946 г.

[211] Соответствующее письмо Ильина, где он выражает такое желание, в нашей подборке писем отсутствует, возможно, такое желание было высказано им при личной встрече со Шмелевым.

[212] Львов.

[213] *allez enfants* (*фр.*) — вперед, ребята!

[214] По-видимому, те из русских эмигрантов (кирилловцы), которые проживали в Испании.

[215] Позже (в июне 1948 г.) Шмелеву было прислано анонимное письмо с вырезкой из нью-йоркской газеты «Новое русское слово», в которой говорилось: «Проживающий в Швейцарии писатель Ив. Шмелев до сих пор **тщетно** хлопотал о предоставлении ему американской иммиграционной визы. Шмелев хотел приехать в С. Штаты по приглашению церковных кругов, близких митрополиту Анастасию, и поселиться в Джорданвилльском монастыре.

Во время германской оккупации во Франции Шмелев сотрудничал в жеребковском «Парижском Вестнике» и отслужил в соборе на рю Дарю благодарственный молебен по случаю занятия немцами Крыма». (См.: Маевский В. Памяти Ивана Сергеевича Шмелева. — Мюнхен, 1956. 127 с.)

В печати в защиту писателя немедленно выступили Г. П. Струве, К. В. Деникина, В. А. Маевский и др. Шмелев был искусственно втянут в эту нелепую и несправедливую дискуссию.

[216] Имеется в виду его пребывание в оккуппированной Франции.

[217] *Спекторский* Евгений Васильевич (1875 — 1951) — философ, юрист. Участвовал в Белом движении, с 1920 г. в эмиграции, профессор Белградского университета. С 1947 г. в США, участвовал в создании Свято-Владимирской Духовной академии, профессором которой являлся до своей смерти.

[218] Подразумевается С. Е. Трубецкая.

[219] *inachevé* (*фр.*) — незаконченное, недосказанное.

[220] Ἐφιάλτης — имя предателя, открывшего Ксерксу тайный проход к Фермопилам,что ускорило гибель отряда Леонида Спартанского.

[221] splendide (*фр.*) — блестящий, великолепный, пышный.

[222] сын П. Б. Струве.

[223] «Neue Zürcher Zeitung» — ежедневная газета, издаваемая в Цюрихе и считающаяся одной из ведущих газет мира. (К сожалению, в предыдущих двух томах настоящей переписки в названии этой газеты была допущена ошибка: написано Züricher вместо правильного Zürcher).

[224] *bon à tirer* (*фр.*) — при хороших тиражах.

[225] Толстая Александра Львовна в 1939 г. создала Толстовский фонд, занимавшийся активной поддержкой русских эмигрантов. В своем письме Шмелев просил помощи в расследовании клеветнических обвинений в свой адрес (см. выше коммент. 215). В защиту писателя выступили К. В. Деникина, В. А. Маевский, А. В. Карташев, Н. В. Борзов.

А. Л. Толстая принимала участие в судьбе Шмелева в 1949 г., когда присылала ему небольшие суммы денег, временами спасая от полной нищеты. Позже Шмелев предлагал Толстовскому фонду купить у него

все авторские права за сумму в 75—100 долларов в месяц, которая выплачивалась бы ему до смерти, но фонд не имел возможности сделать это.

226 Имеется в виду И. А. Ильин.

227 Имеется в виду преп. Серафим Саровский.

228 Так в тексте.

229 Подразумевается Надежда Филаретовна фон Мекк (1831 — 1894) — меценатка, покровительствовала П. И. Чайковскому.

230 Херувимская песнь.

231 s'il vous plaît (*фр.*) — пожалуйста.

232 *Даллес* Джон Фостер (1888 — 1959) — государственный секретарь США в 1953—1959 гг.

233 Толцыте и отверзется вам (Мф. 7, 7).

234 В бумагах Ильина имеется машинописный текст отрывка этого письма (в другой редакции), который Ильин сделал, видимо, для себя:

«*И. С. Шмелеву* по получении второй главы «Записок Неписателя»:

«Неписатель» имеет полное право накручивать «хавос и хавос». Но!

Чем *меньше* человек обещает, тем больше ценится дар. Человек, если скажет: «Господа, вот я вам сейчас расскажу анекдот, — со смеху умрете!» — увидит, что уморительнейший анекдот, великолепно рассказанный, вызвал одни «собачьи усмешки» у слушателей. Фокусник *не* должен предсказывать своего фокуса: он должен *показать* его. Пророк не нуждается в предисловиях, обещающих Великое. Художественность любит *неожиданность сервировки*. Чем меньше предупреждений о «грядущем» — тем лучше. У Неписателя — уже второй раз «повышенное самосознание», которое читатель воспринимет как притязательность. Имеешь «карат» — клади на стол. Имеешь «гобелен» — разворачивай его «между прочим» без добавлений и обещаний. Словесное «великодержавие» мешает и расхолаживает.

<Приписка:> 1948 конец».

235 *Dixi et animam blevavi. Amicus Ioannus, sed magis amica honestas* (*лат.*) — Сказал и душу облегчил. Друг Иоанн, но бóльшая подруга честность. Перифраз Аристотелевской фразы «Платон мне друг, но истина дороже».

236 cum grano salis (*лат.*) — *букв.* «с крупицей соли», то есть «с оговоркой».

237 Имееются в виду «Записки неписателя».

238 *ponestas* (лат.) — внушение.

239 Имеются в виду запрошенные Шмелевым книги Ключевского.

240 *Erzpriester* (*нем.*) — протоиерей.

241 Имеется в виду выражение К. Пруткова: «И терпентин на что-нибудь полезен!»

242 Сургучев Илья Дмитриевич (1881 — 1956) — русский писатель (прозаик, драматург, очеркист). Пьесы Сургучева ставились в Александринском театре и МХАТе. После 1917 г., находясь с войсками Врангеля в Крыму, издавал собственную газету. В 1920 г. вместе с ними эмигрировал в Константинополь. С 1921 г. жил в Праге, в 1924 г. переехал в Париж. Сотрудничал с журналом «Возрождение», «Грани» и др. Основные произведения: «Эмигрантские рассказы», «Реки Вавилонские», «Ротонда», «Черная тетрадь».

[243] Имеются в виду Dewey (Дуи) и Dulles (Даллес).

Дуи Томас (1902 — 1971) — кандидат от Республиканской партии на выборах президента США в 1948 г.

[244] Участники движения Сопротивления.

[245] Ин. 8, 11.

[246] Срв.: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман...» (А. С. Пушкин «Герой», 1830).

[247] кандрейин — производное от фамилии переводчицы Р. Кандрейя. В оригинале над i — две точки.

[248] *Горбунов-Посадов* Иван Иванович (1864 — 1940) — русский педагог, писатель, издатель.

[249] Имеется в виду место пребывания Ильиных. См. их адрес в предыдущей открытке.

[250] Видимо, имеется в виду статья В. А. Маевского.

[251] Имеются в виду дни Св. Саввы, Св. Варвары и Св. Николая.

[252] *c. l.* (centilitre) (*фр.*) — сантилитр.

[253] Так подействовала на писателя травля, устроенная вокруг его имени в Америке.

[254] *opera, quae supersunt* (*лат.*) — произведения, которые сохранились.

1949

[1] séjour (*фр.*) — пребывание.

[2] Название — из Тропаря на Рождество Христово. Видимо, имеется в виду глава IX. «Прозрение».

[3] Имеется в виду Лодыженский.

[4] Имеется в виду: «СССР».

[5] См. коммент. 93 к 1947 г.

[6] *Волошин* Максимилиан Александрович (1877 — 1932) — русский поэт Серебряного века.

[7] *Блок* Александр Александрович (1880 — 1921) — русский поэт Серебряного века. Речь идет о его поэме «Двенадцать» (1918).

[8] *Струве* Глеб Петрович (1898 — 1985) — сын П. Б. Струве и его помощник по изданию журнала «Русская Мысль» и газеты «Возрождение». С 1946 г. в США, стал профессором кафедры славянских языков и литератур Калифорнийского университета в Беркли. Заметим, что его ученица Сорокина Ольга Николаевна получила от него научную тему о жизни и творчестве И. С. Шмелева, с которой блестяще справилась.

[9] См. коммент. 270 к 1946 г.

[10] *pro domo sua* (*лат.*) — «за свой дом», в защиту себя и своих дел.

[11] Из басни И. А. Крылова «Волк и лисица».

[12] *Ельяшевич* Василий Борисович — юрист, публицист, автор «Современных записок» и «Нового журнала», в котором (№ 22 за 1949 г.) вышла его работа «История права поземельной собственности в России».

[13] Имеется в виду А. Лютер.

[14] Имеется в виду Ю. И. Лодыженский.

[15] Подразумевается «Рейнике-Лис» — немецкий аналог героини русских народных сказок «Лисы Патрикеевны».

[16] Имеется в виду персонаж пьесы А. Н. Островского «Лес».

[17] Имеется в виду А. О. Гукасов.

[18] Речь идет о Кравченко Викторе Андреевиче (1905 — 1966) — советском инженере, попросившем в 1943 г. политического убежища в США и написавшем книгу «Я выбрал свободу» (1947). В 1949 г. в Париже состоялся процесс, инициированный французской Коммунистической партией, против «клеветы» Кравченко на советский режим, который выиграл В. А. Кравченко.

[19] Речь идет о произведении М. В. Ломоносова «Письмо о пользе Стекла» (1752).

[20] *Байдалаков* Виктор Михайлович (? — 1967) — донской казачий офицер, председатель Русского Союза Национальной Молодежи, один из руководителей Национально-Трудового Союза Нового Поколения.

[21] Kalamität (*нем.*) — бедствие, беда.

[22] Притч. 26, 11; 2 Пет. 2, 22.

[23] *Шельтинг* Александр фон (1894 — 1963) — ученый-социолог. Родился в Одессе. Работал В США, профессор Колумбийского университета. В 1948—1950 гг. сотрудник ЮНЕСКО, с 1954 г. профессор социологии в Цюрихе. Автор книги «Россия и Европа в русском историческом мышлении», вышедшей в 1948 г.

[24] *constipation* (*фр.*) — запор.

[25] *supra-prix-Nobel* (*фр.*) — *иронич.*: сверх-Нобелевская премия.

[26] *Котошихин* Григорий Карпович (ок. 1630 — 1667) — подьячий Посольского приказа. Участник переговоров со Швецией в 1658—1661. В 1664 бежал в Литву, затем в Швецию. По заказу шведского правительства составил сочинения о России.

[27] *Федотов* Георгий Петрович.

[28] Имеется в виду Салтыков-Щедрин.

[29] *Nachwort* (*нем.*) — послесловие.

[30] Имеется в виду О. А. Бредиус-Субботина.

[31] *От Yves'а* (*фр.*) — от Ива.

[32] Видимо, помимо трудностей, связанных с тем, чтобы написать ответы на письма, Шмелев имеет в виду материальные трудности, связанные с необходимостью приобретения конвертов и марок для своих писем.

[33] Имеется в виду А. Шельтинг. Под Аввакумом подразумевается С. П. Мельгунов.

[34] То есть приверженец Русской Православной церкви за границей.

[35] То есть приверженец Феофила (Пашковского), митрополит Американской Православной церкви (так называемой Митрополии).

[36] То есть приверженец Московской Патриархии.

[37] Имеется в виду рассказ «Приволье»// Возрождение. — 1949. — № 5. — Сент.-окт.

[38] З е е л е р В. Ф. Богомолье// Русская Мысль. — 1949. — № 168. — 2 сент.

[39] Имеется в виду С. П. Мельгунов.

[40] Этот отзыв Ильина не был опубликован.

[41] *Гуль* Роман Борисович (1896 — 1986) — прозаик, мемуарист, сценарист, издатель.

[42] *пилор* — привратник желудка.

[43] *сл.* — сантилитр.

[44] *Vous vous comportez comme un jeune homme! Вы — notre malade gentil* (*фр.*) — Вы ведете себя как молодой человек! Вы наш милый больной.
[45] *Operation — très reussi* (*фр.*) — операция очень успешна.
[46] *Parfaitiment* (*фр.*) — совершенно.
[47] *exténué* (*фр.*) — изможденный, изнуренный.

1950

[1] Hafer-avoine (*нем.-фр.*) — овсяная крупа.
[2] Имеется в виду Н. В. Борзов.
[3] *Идиосинкразия* (*греч.* ἴδιος — своеобразный + σηνκρᾶσις — смешение) — повышенная чуствительность к определенным веществам или воздействиям, проявляющаяся сыпью на коже, общим недомоганием.
[4] *finit* (*фр.*) — закончено.
[5] *il est sauvé!* (*фр.*) — он спасен!
[6] bouché (*фр.*) — заткнутый.
[7] Канон молебный ко Пресвятой Богородице (Песнь 3, стих 7).
[8] *укрух* (*церк.-слав.*) — ломоть.
[9] Речь, по-видимому, идет о возможном издании книги Ильина «Аксиомы религиозного опыта» в YMCA-Press.
[10] Не установлен.
[11] *urine* (*лат.*) — мочевина.
[12] Имеется в виду рассказ «Приятная прогулка».
[13] Имеется в виду журнал «День Русского Ребенка».

Приложение

Переписка И. А. Ильина с Ю. А. Кутыриной

[1] Автографы писем Ю. А. Кутыриной хранятся в мичиганском Архиве И. А. Ильина.
[2] Автографы публикуемых в приложении писем И. А. Ильина содержатся в семейном архиве Ю. А. Кутыриной. Копии писем любезно предоставлены для публикации в настоящем Собрании сочинений Фондом Культуры (президент Н. С. Михалков), которому мы выражаем признательность.
[3] См. письмо И. С. Шмелева от 9.IV.1945 г.
[4] Упоминаемое письмо Ю. А. Кутыриной в Архиве И. А. Ильина отсутствует.
[5] Упоминаемое письмо Ю. А. Кутыриной в Архиве И. А. Ильина отсутствует.

Невинные сказки

Десять политических, или невинных сказок были написаны И. А. Ильиным в 30-е годы под псевдонимом «Петр Стрешнев» и четыре из них он попытался опубликовать: три в парижской газете «Возрождение» — «Вонючая гора» (2 ноября 1935), «Пылесос», «Жертвенная овца»; одну в

газете «Русский голос» — «В дураки» (№ 243, 1 декабря 1935). Рукописи всех 10 сказок хранятся в Архиве И. А. Ильина в Мичигане. Здесь публикуются впервые по рукописным вариантам. В эту серию сказок входит и «Праведный народ. Древнее сказание», опубликованное в т. 6, кн. 2 настоящего Собрания сочинений.

Все эти сказки включены в приложение, так как часть из них И. А. Ильин посылал Шмелеву, а о других упоминал в своих письмах к нему.

1 «Вонючая гора» — историческое (одновременно и на злобу дня) и апокалиптическое описание большевистской и коммунистической России. Автограф. В рукописи Ильина сделанная им надпись: «напечатано».

2 Первоначально стояло слово «обывателям», но поверх «ы» Ильин написал букву «у».

3 ратовать (от *нем.* retten) — спасать, защищать, подавать помощь в беде. *Ратуйте, кто в Бога верует!* — Употребляется часто в южных районах России и всегда на Украине.

4 Автограф. В рукописи приписка Ильина: «напечатано».

5 *Аваддон — евр.* 'abaddon — погибель. Еврейское имя ангела, получившего ключ от кладезя бездны; фигура, близкая к ангелу смерти. В христианстве Аваддон, по-гречески именуемый Аполион — «губитель» (буквальный перевод, а также намек на имя Аполлона), ведет против человечества в конце человечества карающую рать чудовищной «саранчи»; царь этой силы (Апок. 9, 11).

6 *Орифламма* (*фр.* oriflamme от *лат.* aurum — золото + flamma — пламя) — в средние века — штандарт французских королей. Большой флаг, спускающийся с веревки, протянутой поперек улицы между домами.

7 *Пентаграмма* (*гр.* πέντε — пять + γράμμα — начертание, буква, рисунок, образ, знак) — пятиконечная звезда. В древности — символ совершенства; в средние века — магический знак. «Пентаграмма, известный у гностиков под именем «пламенеющей звезды», есть символ всемогущества и самодержавства Разума. Это звезда магов; это символ воплощения «слова». Смотря по тому, куда обращаются лучи этой звезды, этот магический абсолют в кабале означает добро или зло, Люцифера или Веспера, звезду утреннюю или вечернюю. Пентаграмма двумя лучами вверх изображает сатану, а одним лучом вверх — Спасителя... (Н и л у с С. Близъ есть, при дверехъ. Сергиев Посад, 1917. С. 257).

Лев Троцкий ввел пентаграмму как кокарду бойцов Красной Армии в 1918 г., и первоначально она была направлена двумя лучами вверх. В последние столетия пентаграмма стала фактически символом разрушения вне зависимости от того, считали это носители ее или нет.

8 Имеется ввиду «Печать Соломона» — шестиконечная звезда, так как при заклинаниях пентаграмма должна быть надеваема заклинателем на себя вместе с шестиконечной звездой Соломона. (См.: Н и л у с С. Близъ есть, при дверехъ. С. 257).

9 Автограф. На рукописи пометка Ильина: «первая редакция».

10 *Фальц-Фейн* Ф. Э. — крупный меценат, в 1898 г. основал заповедник в Херсонской губернии Аскания-Нова.

11 Машинопись. Рукою Ильина в начале и в конце текста написано: «Петр Стрешнев».

[12] *Камбиз* (Камбуджа) — персидский царек. Его сын — персидский царь Кир, с которого началось процветание Персии.

[13] *Бочаг* — глубокая лужа, колдобина, ямина, залитая водой.

[14] *ломация* — «гнутая линия», от *гнуть свою линию.*

[15] *Закнок-аут-ит* (за-knock-out-ит, *искаж. англ.*) — здесь: убьет, нокаутoрует; knock-out — нокаут.

[16] Машинопись. Рукою Ильина сделана пометка: «Напечатано».

[17] *Литвинов* (настоящая фамилия Валлах Макс) Максим Максимович (1876 — 1951) — в те годы министр иностранных дел СССР.

[18] Машинопись. На ней рукою Ильина сделана пометка: «II ред. Реставрация по пам<яти>».

[19] В машинописном тексте первоначально здесь и далее было напечатано слово «Мордунов», но везде зачеркнуто Ильиным и от руки надписано: «Белибердяев».

[20] Намек на книгу Николая Бердяева «Новое средневековье».

[21] Же-де-мо (*фр.* jeu de mots) — игра слов, каламбур.

[22] Первоначальное слово было: «далайламском».

[23] Имеется в виду учение о Софии Премудрости Божией.

[24] *Гиллель* — великий законоучитель эпохи царя Ирода, член последнего дуумвирата, основатель фарисейской школы.

[25] Среди русской интеллигениции бытовало мнение (см., например, Н. Н. Мандельштам «Воспоминания»), что в такой жестокий век, как XX, иметь детей грешно, так как детям уготованы страшные страдания.

[26] Речь идет об учении Беме, которого придерживался Бердяев, об «андрогине» — муже-деве, существе, в котором воссоединяются мужской и женский пол, утерянной первоначальной природы человека. (См.: Бердяев Н. «Смысл творчества», гл. VIII, а также его статью «Из этюдов о Якове Беме. Этюд II. Учение о Софии и андрогине»// Путь. № 21. 1930).

[27] Взгляды Н. Бердяева на государство изложены, например, в его статье «Царство Божие и царство кесаря»// Путь. № 1. 1925.

[28] Свои взгляды на коммунизм Н. А. Бердяев изложил в статье «Правда и ложь коммунизма» (Путь. № 30. 1931). Позже, в 1937 г., Н. Бердяев издаст свою книгу «Истоки и смысл русского коммунизма».

[29] Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888 — 1982) — советская писательница, автор тетралогии о В. И. Ленине.

[30] Парижский журнал «Путь» (1925 — 1940) — орган русской религиозной мысли, издававшийся Религиозно-философской академией, организованной Н. А. Бердяевым.

[31] *Das Nabelnest* (*нем.*) — пуповина.

[32] *Ventrebleu!* (*фр.*) — черт возьми!

[33] *The Ventriloquist* (*анг.*) — чревовещатель.

[34] Речь идет о статье прот. С. Булгакова «Иуда Искариот Апостол-Предатель», напечатанной в журнале «Путь», № 26 и № 27, 1931.

[35] Речь идет о статье Г. Федотова «Трагедия древнерусской святости» (Путь. № 27. 1931).

[36] Статьи о Распутине в журнале «Путь» комментатору найти не удалось.

[37] Речь идет о Бурцеве Владимире Львовиче (1862 — 1942) — публицисте, разоблачившем провокаторов Е. Ф. Азефа, Р. В. Малиновского и др.

[38] Совет Послов был создан в 1921 г. на «Совещании послов» бывшего Временного правительства при участии бывшего посла в США Б. А. Бахметьева, в ведении которого были наиболее крупные средства. Финансовый Совет этой организации ведал значительными средствами русского политического зарубежья.

[39] *Лилит* (от евр. lyl — ночь) — согласно одному преданию была первой женой Адама: Бог, сотворив Адама, сделал ему из глины жену и назвал ее Лилит. У Адама с Лилит сразу же возник спор. Лилит утверждала, что они равны, так как оба сделаны из глины; не сумев убедить Адама она улетела. В каббалистической книге «Разиэл» (XIII в.), в которой воспроизводится этот сюжет, вместо Лилит выступает Первая Ева, которая обратилась в прах еще до сотворения Евы.

[40] Машинопись. Рукою Ильина в начале и в конце написано: «Петр Стрешнев».

[41] То есть представителям ИМКИ — YMCA.

[42] Соловьев Владимир Сергеевич (1853 — 1900) — русский религиозный философ, поэт, публицист.

[43] *666* — число зверя, антихриста (Апок. 13, 18).

[44] Автограф.

[45] Речь идет о Николае Милюкове — городском архитекторе, инспекторе художественных училищ, профессоре Московской школы ваяния и зодчества.

[46] Речь идет о сыне Милюкова — Павле Николаевиче (1859 — 1943) — историке, политическом деятеле, приват-доценте Московского университета, одном из основателей и лидеров кадетской партии, депутате III и IV Государственной Думы.

[47] *Бентам* Иеремия (1748 — 1832) — английский философ, социолог, юрист. Родоначальник философии утилитаризма.

[48] Мать Милюкова была из дворян рода Султановых, владела имением в Ярославской губернии.

[49] Очерки по истории русской культуры. — М., 1896—1903.

[50] Выборгское воззвание было составлено на совещании депутатов I Государственной Думы после разгона ее правительством, 9 июля 1906 г. в г. Выборге.

[51] Суд приговорил всех выборжцев (кроме двух) к 3 месяцам тюремного заключения.

[52] Речь идет о знаменитой клеветнической речи П. Н. Милюкова.

[53] Сведений о масонстве П. Н. Милюкова не имеется.

[54] Известно, что у Троцкого в апреле 1917 г. канадские власти отобрали в Галифаксе 10 000 американских долларов, при его доходах 12 долларов в неделю и «еще каких-то гонорарах за лекции». Ясно, что известного в мире революционера спонсировали финансовые магнаты. См. об этом книгу Энтони Саттона «Уолл-стрит и большевицкая революция» (М., 1998).

[55] Речь идет о Демидове Игоре Платоновиче (1873 — 1946) — члене ЦК партии конституционных демократов.

[56] Речь идет о Вакаре Николае Петровиче (1894 — 1970) — члене ЦК партии конституционных демократов.

[57] Речь идет о Кизеветтере Александре Александровиче (1866 — 1933) — историке, политическом деятеле, члене ЦК партии конституционных демократов.

[58] Речь идет Петрункевиче Иване Ильиче (1843 — 1928) — кадете, редакторе газеты «Речь», или об Адамовиче Георгии Викторовиче (1892 — 1972) — поэте и литературном критике.

[59] Речь идет о Вишняке М. В.

[60] Машинопись. На ней пометка Ильина: «*единств. редакция*».

[61] На Гороховой размещалась Петроградская ЧК.

[62] По всей видимости, речь идет об Урицком Моисее Соломоновиче (1873 — 1918) — в то время председателе Петроградской ЧК.

[63] К расстрелу были приговорены великие князья Сергей Александрович, Иоанн Константинович, Константин Александрович (мл.), Игорь Александрович и великая княгиня Елизавета Федоровна, которые были убиты большевиками 18 июля 1918 г. в г. Алапаевске.

[64] *Голощекин* Шая Ицкович (Исай Исаевич, «Филипп») (1876 — 1941) — комиссар Уралоблсовета, руководивший в июле 1918 г. расстрелом царской семьи в доме Ипатьева и объявивший всенародно о «расстреле» государя.

[65] Речь идет о смертельно раненном Урицком.

[66] По-видимому, речь идет о допросе Митрополита Вениамина.

[67] По-видимому, речь идет о Троцком.

[68] Ворошилов Климент Ефремович (1881 — 1969) — один из военачальников Красной Армии.

[69] Со Сталиным.

[70] Автограф. Первоначально называлась «Они спасают Россию», но это заглавие Ильин зачеркнул и надписал «Борьба за родину».

[71] Первоначально было «Дмитриевич».

[72] Может быть, Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874 — 1934) — зам. председателя ВЧК.

[73] Дзержинский Феликс Эдмундович (1877 — 1926) — председатель ВЧК. Очевидно, что события происходят в 1920 г.

[74] Первоначально было «Зуппеншванц».

[75] Первоначально было «Ксенофонт».

[76] Первоначально было «Перебейнос».

[77] Из действующих лиц был вычеркнут «Петр Петрович Перебещик. 19 лет».

[78] На этом рукопись прерывается.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

* В письме И. С. Шмелева имя художника указано ошибочно.

---

* На стр. 515 отчество Василия Витальевича Шульгина указано ошибочно.

СОДЕРЖАНИЕ

И.А.ИЛЬИН